

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2021. № 472. Ноябрь

• ФИЛОСОФИЯ

• СОЦИОЛОГИЯ

И ПОЛИТОЛОГИЯ

• ИСТОРИЯ

• ПЕДАГОГИКА

• ПРАВО

• PHILOSOPHY

• SOCIOLOGY

AND POLITICAL SCIENCE

• HISTORY

• PEDAGOGICS

• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2021. № 472. November

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол.
наук, проф.; Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р
ист. наук, проф.; Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц.;
А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потекаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р
юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слижов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор
Издательства ТГУ; С.П. Сушенко, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татянин,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук,
проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р
пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chair-
man); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Pro-
fessor (Vice Chairman); N. Glushchenko, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics and Math-
ematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of Philosophy, Pro-
fessor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate Professor; S. Vo-
robeyov, PhD in Biology, Senior Researcher; A. Glazunov, Dr. of
Engineering, Professor; A. Gortsev, Dr. of Engineering, Professor;
S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina, Dr. of Phi-
lology, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology; V. Zinoviev, Dr.
of History, Professor; D. Katunin, PhD in Philology, Associate
Professor; A. Korotaev, PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy, Professor; V. Parnachev,
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; O. Petrin, Head of Tomsk
State University Publishing House; T. Portnova, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical
Literature Publishing House; A. Potekaev, Dr. of Physics and Mathemat-
ics, Professor; L. Prokumentov, Dr. of Law, Professor; Z. Sakharova,
PhD in Economics, Associate Professor; Yu. Slizhov, PhD in Chemistry,
Associate Professor; V. Sumarokova, Director of TSU Publishing
House; S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; P. Tarasenko,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; G. Tatianin,
PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; V. Utkin, Dr.
of Law, Professor; O. Chaikovskaya, Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; E. Chernyak, Dr. of History, Professor; V. Shilko, Dr.
of Education, Professor; E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –

Н.А. Глушенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Editor-in-Chief

Vasily P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prokumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Аванесов С.С. Технологическая угроза и риск бытия	5
Бердаус С.В. Умеренный фундаментализм в феноменологии Гуссерля	17
Головашина О.В. Объективное время: в чем преимущества реалистического подхода к исследованию социальной темпоральности?	24
Излученко Т.В., Гегилев Д.Н. Сепаратизм как разновидность экстремизма: социально-философский анализ	30
Царёв Р.Ю. Теоретические аспекты концепции исторического познания Фернана Броделя	38
Черникова И.В., Черникова Д.В. Идентичность университета в условиях «текущей современности»	50

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Гольбрайх В.Б. Медиапотребление членов виртуальных экологических протестных сообществ (на примере конфликта вокруг мусорного полигона в Архангельской области)	56
Деточенко Л.С., Агапова Е.А. Влияние угроз коронавирусной инфекции и ответных мер борьбы с ней на инвалидов: тематический обзор научных публикаций	64
Савойский А.Г. Системное развитие экономической дипломатии (на примере отношений между РФ и США)	74

ИСТОРИЯ

Глушченко О.А. Организация розничной торговли в Томской области в 1992–1995 гг.	80
Груздинская В.С., Корзун В.П. «Наука не имеет Отечества: этот лозунг и верен и нет» (отклики иностранных ученых на 220-летний юбилей Академии наук СССР)	85
Есипова В.А. Аркадий, архиепископ Беловодский: к вопросу о начальном этапе биографии	95
Иерусалимский Ю.Ю., Попов Г.Г. Противостояние Русского государства с государствами Чингизидов: макросоциологический и исторический аспекты	104
Крестьянников Е.А. К «истории человеческих жертвоприношений»: П.В. Вологодский и томский погром 1905 г.	115
Лыдин Н.Н. Основные направления современной англоязычной историографии датского периода истории Тридцатилетней войны	128
Любичанковский С.В., Алешина С.А. Проблемы реформирования «инородческого образования» как поле деятельности уездного земства Оренбургской губернии (1913–1917 гг.)	133
Метель О.В. Академическая наука в эвакуации: Институт истории АН СССР в 1941–1943 гг.	139
Рычков А.В. «Партия наша – это наука»: к вопросу о причинах и последствиях партийного вмешательства в сельскохозяйственную науку в Советском Союзе	147
Столетова А.С. Теневые стороны организации советской торговли в оценках массового сознания 1960–1980-х гг. (интерпретация писем в центральные органы власти и средства массовой информации)	153

CONTENTS

PHILOSOPHY

Avanesov S.S. Technological Threat and Risk of Being	5
Berdaus S.V. Moderate Foundationalism in Husserl's Phenomenology	17
Golovashina O.V. Objective Time: What Are the Advantages of a Realistic Approach to the Study of Social Temporality?	24
Izluchenko T.V., Gergilev D.N. Separatism as a Kind of Extremism: A Socio-Philosophical Analysis	30
Tsarev R.Yu. Theoretical Aspects of the Concept of Historical Cognition by Fernand Braudel	38
Chernikova I.V., Chernikova D.V. The Identity of the University in the Context of "Liquid Modernity"	50

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Golbraikh V.B. News Consumption by Members of Virtual Environmental Protest Communities (On the Example of the Conflict Over a Landfill in Arkhangelsk Oblast)	56
Detochenko L.S., Agapova E.A. Impact of Coronavirus Infection Threats and Response Measures to Combat It on Disabled People as a Socially Vulnerable Category: A Thematic Literature Review	64
Savoysky A.G. Systematic Development of Economic Diplomacy (On the Example of Relations Between the Russian Federation and the USA)	74

HISTORY

Glushchenko O.A. Organization of Retail in Tomsk Oblast in 1992–1995	80
Gruzdinskaya V.S., Korzun V.P. "Science Has No Fatherland: This Slogan Is Both True and Not" (Foreign Scientists' Responses on the 220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences)	85
Esipova V.A. Arkady, Archbishop of Belovodye: On the Initial Stage of His Biography	95
Ierusalimskiy Yu.Yu., Popov G.G. The Confrontation Between the Russian State and the Chingizid States: Macrosociological and Historical Aspects	104
Krestiannikov E.A. In the "History of Human Sacrifice": Pyotr Vologodsky and the Tomsk Pogrom of 1905	115
Lydin N.N. Main Scientific Fields of Modern English-Language Historiography of the Thirty Years' War History	128
Lyubichankovskiy S.V., Aleshina S.A. Problems of Reforming "Foreign Education" as a Field of Activities of the Uyezd Zemstvo of Orenburg Province (1913–1917)	133
Metel O.V. The Academic Science in Evacuation: The Institute of History of the Academy of Sciences of the Soviet Union in 1941–1943	139
Rychkov A.V. "Our Party Is Science": On the Causes and Consequences of the Party's Interference in Agricultural Science in the Soviet Union	147
Stoletova A.S. Shadow Aspects of the Organization of Soviet Trade in the Assessments of Collective Consciousness in the 1960s–1980s: Interpretation of Letters to the Central Authorities and the Media	153

ПЕДАГОГИКА

Головко Н.В., Шейко Д.В. Обзор лингводидактических исследований метафоры методами когнитивной и прикладной лингвистики	164
Колесников А.А. Жанровое разнообразие социальной сети «Инстаграм» как лингводидактический ориентир	178
Мозгова Д.А., Замятина О.М., Семенова Н.А., Куровская Л.В. Диагностика профессиональных дефицитов и компетенций педагогов общего образования: кластерный анализ	189

ПРАВО

Борков В.Н., Булатов Б.Б. Уголовно-правовая охрана свободы личности подозреваемого, обвиняемого и осужденного	197
Брагер Д.К., Ахмедшин Р.Л. Отдельные проблемы практики предъявления лица для опознания: криминалистический и уголовно-процессуальный аспекты	204
Ведерников Н.Т., Юань В.Л., Алексеева Т.А. Биографический анализ личности участников уголовного судопроизводства: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты	210
Воронин О.В. Отдельные вопросы организации пенитенциарного надзора отечественной прокуратуры	215
Галковская Н.Г. Анализ оснований для рассмотрения административных дел в порядке упрощенного (письменного) производства (гл. 33 КАС РФ)	221
Григорьева Т.А., Казакова С.П., Кружалова А.В., Фомичева Р.В., Щербакова Л.Г. Электронное правосудие в гражданском процессе в условиях пандемии: сравнительно-правовой анализ	235
Ефремова И.А., Смушкин А.Б., Донченко А.Г., Матушкин П.А. Киберпространство как новая среда преступности	248
Имекова М.П. Гражданско-правовое регулирование оборота биологических материалов и генетических данных	257
Петров А.А. К вопросу о суперпрецедентах Верховного Суда Соединенных Штатов Америки	262
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	270

PEDAGOGICS

Golovko N.V., Sheiko D.V. Literature Review: Metaphor Research in Language Learning via Methods of Cognitive and Applied Linguistics	164
Kolesnikov A.A. Genre Diversity of the Instagram Social Network in a Linguodidactic Perspective	178
Mozgova D.A., Zamyatina O.M., Semenova N.A., Kurovskaya L.V. Diagnostics of Professional Deficits and Competencies of General Education Teachers: Cluster Analysis	189

LAW

Borkov V.N., Bulatov B.B. Criminal Law Protection of the Personal Freedom of the Suspect, the Accused, and the Convicted	197
Brager D.K., Akhmedshin R.L. Particular Problems of the Practice of Presenting a Person for Identification: Forensic and Criminal Procedural Aspects	204
Vedernikov N.T., Yuan V.L., Alekseeva T.A. Biographical Analysis of Personalities of Participants in Criminal Proceedings: Criminal Procedural and Forensic Aspects	210
Voronin O.V. Selected Issues of Organizing the Domestic Prosecutor's Office Penitentiary Supervision	215
Galkovskaya N.G. Analysis of the Grounds for Considering Administrative Cases via Simplified (Written) Proceedings (Chapter 33 of the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation)	221
Grigorieva T.A., Kazakova S.P., Kruzhhalova A.V., Fomicheva R.V., Scherbakova L.G. Pandemic-Driven E-Justice in a Civil Process: Comparative Legal Analysis	235
Efremova I.A., Smuskin A.B., Donchenko A.G., Matushkin P.A. Cyberspace as a New Crime Environment	248
Imekova M.P. Biological Materials and Genetic Data Circulation: Civil Law Regulation	257
Petrov A.A. On Super Precedents of the US Supreme Court	262
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	270

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.42

С.С. Аванесов

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ УГРОЗА И РИСК БЫТИЯ

*Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 21-18-00103
«Человек и новый технологический уклад. Антропологический форсайт».*

Ставится проблема влияния технологического прогресса на способ существования человека. Контекст исследования задается критическим анализом концепта риска. Показано, что риск является ключевым фактором человеческого бытия, поскольку человек действует свободно и ответственно. Снижение уровня риска (безопасность) напрямую коррелирует с редукцией существования к сумме исчислимых данных. Именно такой тренд ведет к «господству техники над человеком» и к отказу от свободы / ответственности в пользу «умных» технологий.

Ключевые слова: смарт-технологии; техника; риск; существование; философская антропология

Пока мы не вникнем мыслью в то, что есть, мы никогда не сможем принадлежать тому, что будет.

Мартин Хайдеггер. Поворот

Введение в тему

Философия как рефлексивная сфера культуры традиционно служит цели самоопределения человека в его сути и обстоятельствах. Это область осмысления экзистенциальных вызовов и формулировки ответов на них. Перманентное удержание в фокусе внимания всего того, что происходит с человеком (человечеством), помогает артикулировать возникающие проблемы, обнаруживать их предпосылки и намечать пути их решения. Именно на почве философии должен быть выработан ответ и на новейший цивилизационный вызов: технологический прорыв, который совершается под знаменем служения интересам человечества, но, по мнению многих, угрожает самому существованию человека¹. Серьезнейшей философской проблемой сегодня становится традиционная для философии «проблема самоопределения человека», поставленная, тем не менее, совершенно по-новому – сквозь призму взаимоотношения человека с им же самим созданной техносферой [2. С. 72]. Новизна ситуации заключается в том, что именно на нынешнем этапе научно-технического прогресса техника (механизм) окончательно «достраивается» в технологию (программу), а ведущей характеристикой последней утверждается ее качество, обозначаемое специфическим маркером «smart». Техника/технология как будто перестает быть просто инструментом и начинает конкурировать с человеком на поле его собственных способностей. В результате мы можем констатировать определенную смысловую амбивалентность: с одной стороны, «на смарт-технологии возлагают большие задачи, полагая, что с их помощью можно кардинально что-то улучшить в жизни общества»; с другой стороны, «люди не доверяют смарт-технологиям, поскольку их “умность” связана с отношением к такому качеству человека, как “ум”» [3. С. 39]. Иначе говоря, аксиологическое отношение к «умным технологиям» колеблется в диапазоне от спасительного средства

решения всех проблем до покушения на человека с его собственно человеческими прерогативами.

Философско-антропологический анализ процесса индустриального развития в своих радикальных версиях приводит к интерпретации технологических достижений как форм деструкции человека. Специфика смарт-технологий, к примеру, усматривается в том, что они «глубоко интегрируются в индивидуальные, социальные, культурные пространства человека, меняя характер его восприятия мира, коммуникации с ним, а также ценностные приоритеты» [3. С. 33]. Поскольку же такого рода проникновения связываются с самим образом жизни человека, постольку тема последствий технологического прогресса приобретает особую «экзистенциальную остроту» [4. С. 5]. Так называемые умные технологии², внедряясь в повседневность и начиная определять ее, «сдвигают привычную рамку идентичности человека, меняют антропологическую норму» [2. С. 75]. Трансформации, связанные с развитием и внедрением смарт-технологий, настолько существенны, что они «кардинально влияют на характер сознания, познания и поведения», а также на институты образования, здравоохранения и безопасности [3. С. 33]. Степень такого влияния оценивается по-разному, вплоть до утверждения тенденции ухода человека с исторической сцены.

Названный «тренд ухода» формулируется исходя из того, что внедрение «умных гаджетов» провоцирует развитие общей пассивности человека, который «все чаще предпочитает уйти из активной позиции непосредственного участника жизни, передав базовые работы и функции умной машине», устройству, программе, алгоритму и «искусственному интеллекту», что в целом можно назвать «феноменом жизненного аутсорсинга». Это равносильно «выводу человека из позиции субъекта и активного агента в позицию пользователя и потребителя» [2. С. 70–71]. Оценка достоверности и обоснованности такого прогноза требует, прежде всего, утвердить современные технологии в

статусе предмета философского осмысления. При этом задача такого осмысления требует делать акцент на философско-антропологических и аксиологических подходах, что позволит, в первую очередь, интерпретировать параметр *smart* в качестве *гетерогенного* для самой технологии (ср.: [3. С. 42]), т.е. имеющего не столько техническое, сколько социокультурное происхождение. Поскольку же целевая установка развития смарт-технологий связана «не просто с человеком, а с фактически достигнутыми способами его замены во многих сферах и ситуациях», постольку именно ценностные аспекты этого развития и аксиологические основания его концептуального анализа крайне важны [3. С. 40] и, более того, необходимы для выработки релевантного отношения человека к современному технологическому прогрессу.

Таким образом, проблема «умных» технологий в своей актуальности и сугубой значимости в плане влияния на само существование человека должна формулироваться и решаться в контексте философско-антропологического (аксиологического) знания. Это *основа*, фундамент любой гуманитарной экспертизы, в чем бы конкретно она ни заключалась и какой бы стороне проблемы она ни была посвящена. Задача же такой экспертизы может быть определена как «формирование общих ценностных (культурных) и социальных оснований, гармонизирующих взаимодействие технологической и нетехнологической составляющих для облегчения решения стоящих перед человеком и обществом проблем» [3. С. 41–42]. Выяснение того, насколько смарт-технологии противоречат человеческому существованию как таковому и насколько, следовательно, они *опасны*, а также с чем конкретно связаны основные *риски* технологического прогресса, – очевидные вопросы, стоящие сегодня перед философией, и прежде всего – перед философией человека.

Как возникает тема риска

Развитие технологий, приводящее к «замещению» и / или «вытеснению» человека, по-новому высвечивает *общую* проблему техники как *антропологической угрозы*. Речь идет не о том, что техническое устройство как таковое физически угрожает человеку (хотя, конечно, огромное количество людей уже погибло и пострадало от тех или иных механизмов). Более того, прогресс техники обнаруживается как раз в том, что технические устройства становятся не только все более сложными, но и все более безопасными для человека. Нет, речь идет об угрозе *экзистенциального* порядка, т.е. об опасности, ожидающей человека (человечество как разумную форму жизни) на пути осуществления самой его способности *быть собой*. Проблема ставится в том ключе, что техника/технология способна полностью вытеснить человека из истории мира. «Исследуя антропологические тренды, – пишет, к примеру, С.С. Хоружий, – мы обнаруживаем, что ведущие, наиболее активные из них радикальны и рискованны, несут в себе высокую степень неопределенности и опасности, а то и прямо направляются к исчезновению Человека. Это характерная и существенная черта современной ситуации» [5. С. 135].

Мы должны спросить, так ли это, а если так, то насколько велика угроза?

Прежде всего, вести речь о технике/технологии в категориях угрозы и особенно риска следует более осмотрительно. На первый взгляд, бесспорным кажется тезис С.С. Хоружего о том, что риск «становится ведущей, ключевой чертой существования современного общества, и это одно из самых кардинальных отличий нашего времени от “досовременности”» [5. С. 136]. Однако тот же Хоружий утверждает: «Где есть свобода человека – там есть и его риск! Где есть ответственность человека, там есть и его риск!» [5. С. 137]. Иначе говоря, пока человек существует как свободное и, следовательно, ответственное существо, до тех пор риск неизменно является отличительной особенностью его существования. Свобода и есть риск, связанный с неопределенностью результатов поступка и одновременно готовностью нести персональное возмездие за эти неопределенные результаты [6. Р. 157]. Но тогда ясно, что именно снижение уровня свободы/ответственности, т.е. *тренд на деперсонализацию*, снижает и уровень риска. А это и есть *главный* мотив «современной» цивилизации. Таким образом, сегодня уровень риска не нарастает, а понижается; и именно в понижении, а не в повышении уровня риска и заключается ведущий тренд «современности». Вот этот-то тренд и представляет угрозу полноте человеческого бытия.

Современное общество в своей ведущей тенденции планомерно превращается из «общества риска» (ср.: [7. С. 80]) в общество безопасности. Самому понятию общества риска уже более чем полвека, и оно давно перестало отвечать господствующему характеру эпохи. И если в 1960-х гг. Ульрих Бек справедливо применял этот концепт для фиксации сути происходящего в его время (экологические катастрофы, ядерная гонка, тотальное идеологическое противостояние) [5. С. 137], то теперь господствующий вектор – на нейтрализацию любых рисков, в том числе и перечисленных опасностей. Условно говоря, поверх угрожающих факторов складывается глобальная система их нейтрализации [8. Р. 260]. От азартной игры на «горячих» площадках человечество учится переходить к анализу, прогнозу и предупреждению негативных последствий таких игр. Современное постиндустриальное общество (как в свое время общество с плановой экономикой) ориентируется на «модель управления с высоким избеганием неопределенности», т.е. с установкой на минимизацию риска; в такой парадигме задача и субъекта, и общества состоит в том, чтобы выбрать решение, при реализации которого риск неудачи был бы сведен к минимуму [9. С. 37–38]. Общество не стало безопасным, угрозы никуда не исчезли (и список их продолжает расширяться), однако обозначился и аксиологически укрепился общий идеологический и прагматический акцент на всемерную элиминацию опасного.

Но, может быть, риск надо связывать не с опасностью самого существования, а с тенденцией нарастания его динамики и, следовательно, все большей ориентацией человеческого сознания на будущее? Ведь будущее, которое «всегда открыто и неопределенно»

[7. С. 80], невозможно детально предсказать, а значит, чем больше мы ориентируемся в своей мысли и деятельности на это неизвестное будущее, тем выше риск непредсказуемых эффектов, в том числе негативных. «Риск относится к будущему, он характеризует наши будущие действия, перспективы и возможности; а современное сознание, в сравнении с “досовременным”, чрезвычайно усиливает свою ориентацию на будущее, обращенность и направленность к будущему» [5. С. 137]. Действительно, на уровне массовой риторики, связанной с перспективами развития общества, будущее занимает все большее место; но соответствует ли эта риторика реальному положению дел? С одной стороны, сегодня человек располагает не будущим, а лишь его образом; последний же неизбежно конструируется в соответствии с преобладающими тенденциями современности, невольно «подгоняется» под ныне господствующие тренды и моды. С другой стороны, разве в эпоху так называемой досовременности человеческое сознание не было футурологическим? Разве религиозное (к примеру, средневековое) сознание не живет целиком и полностью будущим, не устремлено исключительно в будущее? Безусловно, в этом смысле «досовременное» сознание гораздо более связано с риском, чем так называемое современное. И поэтому нынешнее, пребывающее в современности, секуляризованное сознание значительно меньше связано с риском, чем, скажем, традиционное религиозное.

Как видим, ни наличие глобальных угроз, связанных с научно-техническим прогрессом, ни популярная футурологическая риторика, формирующая прагматический дискурс в сфере технологических практик, не могут выступать в качестве аргументов в пользу тезиса о нарастании риска как ведущем тренде современности. Очевидно, что общая ситуация развивается как раз в сторону *снижения* рисков. Все более последовательно и открыто утверждается стратегическая ставка на предсказуемость. Расцвет бюрократии и превалирование бюрократических сценариев деятельности наиболее ярко выражают названный цивилизационный тренд. Целенаправленное снижение уровня рисков, между тем, наиболее эффективно и быстро обеспечивается не столько за счет повышения степени технологической безопасности, сколько за счет сужения веера возможностей. Чем уже набор возможных путей развития ситуации, тем легче обеспечить безопасность этого развития (особенно если заранее выбраны априорно наименее угрожающие варианты). Отсюда возникает и укрепляется технологически обоснованная необходимость редукции человеческих возможностей к ограниченному набору потенциалов. Действительно, ограничение поля действий ведет к снижению рисков. Но при этом человек (человечество) в перспективе развития данного тренда как будто рискует потерять себя, перестать быть собой. В чем конкретно состоит эта опасность?

Развитие технологий как систем, «облегчающих жизнь», в целом мотивировано установкой на *снижение степени риска*. Но именно человеческое бытие отличается неопределенностью, вариативностью, открытостью. Следовательно, развитие технологий мотивировано, в конечном счете, стремлением к отказу

от специфики собственно человеческого бытия. Опасность, таким образом, заключается не в технологиях как таковых, а в фундаментальной онтологической установке, лежащей в их основе. Элиминация неопределенности, вариативности, риска, стремление к заранее рассчитанной безопасности противоречат отличительной сути собственно человеческого бытия. И наконец, формулируя конечную цель (τέλος) развития техники/технологии как комплекса систем, обеспечивающих «облегчение жизни»³, мы должны признать, что та финальная точка, в которую формально направлен вектор «прогресса», – это человек, который ничем не рискует, который максимально обеспечен в плане безопасности и, следовательно, это *всегда равное себе существо без перспективы*. Цель развития технологий, как видим, – человек, редуцированный к наличному.

Человек есть свободно рискующее существо, чье существование – всегда неопределенность, вариативность, а следовательно, его собственная возможность. К числу этих возможностей относится и перспектива собственной редукции, как, впрочем, и перспектива ее преодоления. Человек должен уметь пройти этап такого упрощения существования, если уж он случился, если уж эта возможность реализовалась. Именно *должен*, но не обязательно пройдет. Риск *элиминации риска* сохраняет неопределенность человеческого будущего и необязательность наступления посттехнологического уклада, в котором человек попытался бы вернуть себе тот онтологический статус, который он совершенно свободно утратил в погоне за призраком безопасности.

Итак, (1) в современном мире риск не нарастает, а снижается; (2) человеческое существование становится все менее рискованным, а следовательно, все более редуцированным, ущербным; (3) редуцирование человеческого бытия и есть подлинная суть технического / технологического прогресса.

Как проясняется понятие риска

Человеческое бытие, согласно персоналистическому пониманию человека, – всегда риск; точно так же и те формы, в которых реализуется личное существование, неизбежно связаны с риском. Вопросы, требующие прояснения в свете современной антропологии личности, состоят в следующем: что мы имеем в виду, когда говорим о риске и рискованности в сфере развития технологий? Чем мы здесь рискуем и в какой степени?

Риск, по определению Хоружего, – это «потенциальная возможность осуществления некоторой опасности, возможность некоторого дурного события или нежелательного положения вещей» [5. С. 136]. Однако это, скорее, описание не риска, а угрожающей неопределенности: риск связан с *действием* и вариативностью его результатов, которые могут оказаться негативными и даже разрушительными для действующего, *имеющего в виду* такую перспективу. А вот неопределенность, заключающую в себе возможную угрозу, как раз и можно было бы определить как «вероятность наступления нежелательного исхода в раз-

витии ситуации» [9. С. 31] безотносительно к решениям и действиям человека. Аффект страха перед грозящей опасностью квалифицируется Спинозой в этом же ключе: «Страх есть непостоянная печаль, происходящая из идеи будущей или прошедшей вещи, относительно которой мы до некоторой степени сомневаемся» [10. С. 193]. Описывая последствия развития технологий в категориях опасности и угрозы, мы тем самым оказываемся на позиции детерминизма и развиваем дискурс фатальности, заранее склоняясь к тому, чтобы в конечном счете признать и эти последствия, и сам ход дела чем-то *неизбежным*, чем-то *случившимся* с человеком помимо его воли. Переводя разговор в контекст, задаваемый понятием риска, мы получаем возможность занять *активную* позицию по отношению к проблеме – позицию субъекта, принимающего решения.

Концепт риска уместен только в *антропологическом* дискурсе, в то время как понятие опасности, связанной с неопределенностью развития событий, вполне может применяться и в чисто натуралистическом рассуждении (см.: [7. С. 81–82]). Специфической формой поведения человека является «вменяемое, сознательно программируемое действие (или бездействие)», предполагающее «выработку некоего предварительного плана развития событий и участия в них» [11. С. 336]. Риск – это не просто столкновение с угрожающими обстоятельствами жизни, но ясный признак сознательного, личного *выбора* [9. С. 38]. Рискующий человек не претерпевает происходящее с ним, но является и участником, и причиной всего этого происходящего. Риск связан с принятием решения и поэтому всегда имеет отношение к так или иначе поступающему субъекту, который не только осуществляет выбор цели и способа действия, но и оценивает вероятность возможных следствий своего решения и связанные с ними потери, «хотя возможный результат в точности ему не известен» [7. С. 85]. Принимая решение, человек осуществляет выбор будущего, «фактически определяя свою судьбу»; он, по словам Г.Л. Тульчинского, «не подчиняется неизбежности обстоятельств, а вырабатывает сознательное решение, т.е. отчетливо представляет себе цели своих действий, их ожидаемый результат и возможные последствия» [11. С. 19]. Таким образом, если мы ведем речь об угрожающей человеку неопределенности развития событий, то мы еще не имеем его в виду в качестве свободного и ответственного существа. И лишь оперируя концептом риска как «измеримой неопределенности» [9. С. 32] и тем самым вписывая вопрос о возможных угрозах в контекст *принятия решений о самом себе*, мы оказываемся на почве антропологии.

Необходимо уточнить, что неопределенность как таковая предполагает вовсе не одну только опасность, поскольку она подразумевает как неблагоприятный, так и благоприятный исход дела [7. С. 85]. Точно так же и риск имеет отношение не только к вероятности *негативных* последствий, хотя в речи и мышлении его чаще всего связывают именно с возможной неудачей или потерей; для полноты и точности понимания риска необходимо учитывать и то, что он, помимо прочего, есть «деятельность, совершаемая в надежде на

успех» [9. С. 32]. У того же Спинозы мы обнаруживаем констатацию этой глубинной и неизбежной связи между надеждой на лучшее и страхом перед худшим. «Надежда, – пишет Спиноза, – есть непостоянная радость, происходящая из идеи вещи будущей или прошедшей, относительно исхода которой мы до некоторой степени сомневаемся» [10. С. 192]. Страх и надежду связывает то, что они возможны только в *ситуации неопределенности*. Более того, в свете такой непредсказуемости будущего они выступают как две стороны *одной и той же* аффективной позиции: «Из этих определений следует, что нет надежды без страха и страха без надежды». Пока человек надеется, он «боится, что вещь не случится»; и, наоборот, он до тех пор находится в страхе, пока он «имеет надежду» на то, что угроза не осуществится [10. С. 193]. Если же в чувстве страха исчезает момент надежды, страх превращается в отчаяние, парализующее всякую деятельность. А вот если из надежды удалить страх, основанный на сомнении в благоприятном исходе дела, она превращается в *безопасность*, т.е. в «радость, происходящую из идеи будущей или прошедшей вещи, относительно которой устранена причина сомнения» [10. С. 193]. Как видим, уже Спинозе ясно, что для достижения безопасности требуется элиминация неопределенности. Диспозиция надежды/страха, лишившись момента неопределенности, трансформируется в диспозицию уверенной безопасности, то есть *полного отсутствия риска*. И если отчаяние влечет остановку всякой активности, то безопасность – имитацию деятельности.

Человек в своей экзистенциальной специфике есть деятельное, действующее, а следовательно, и рискованное существо. Собственно человеческим типом активности является *поступок* как «произвольное действие», предпринятое «на основе нашего свободного решения, свободного волеизъявления» [11. С. 18]. Одним из ключевых признаков свободного акта представляется как раз неопределенность (или нестрогая определенность) результатов этого акта. Обычно неопределенность понимается как «недостаточность сведений», как «полное или частичное отсутствие информации». Неявной предпосылкой (пресуппозицией) такого понимания неопределенности является уверенность в том, что в случае наличия у человека полноты информации о реальности можно было бы ею управлять, и только наше незнание о *законах* мироздания мешает нам это сделать. Кроме ни на чем не основанной уверенности в *конечности* числа таких законов недостатком названной установки является отказ от предположения о наличии «объективной неопределенности», проистекающий, в свою очередь, из предпосылки *универсального детерминизма* [7. С. 81]. Поскольку же «объективная неопределенность и случайность» является одной из базовых характеристики сущего [7. С. 82], постольку человек никогда не может располагать точным знанием о последствиях своих актов, и, следовательно, любое человеческое действие совершается в контексте неопределенности, т.е. является *рискованным*.

Как видим, действие человека, основанное на его сознательном решении, всегда *объективно* сопряжено с риском – в силу неустранимого признака неопреде-

ленности самой реальности, в которой действует человек. Однако важно не упускать из виду и неопределенность самого действующего. Принятие решения производится *субъектом*, который «не только осуществляет выбор, но и оценивает вероятности возможных событий и связанные с ними потери», а значит, ситуация риска складывается из двух взаимосвязанных аспектов: объективного, отражающего «неопределенность в среде деятельности субъекта», и субъективного, характеризующего «степень готовности субъекта принимать решения с учетом вида и динамики этой неопределенности» [9. С. 37]. Иначе говоря, способ принятия решения в ситуации объективной неопределенности в каждом конкретном случае зависит от состояния, расположения и мотивации субъекта, принимающего это решение. Если это действительно решение, связанное с существованием, а не тривиальная алгоритмическая операция, то от субъекта требуется формулировка цели и определение способа действия, направленного на ее достижение, а также прояснение альтернатив, ресурсов, критериев и эффектов поступка. Является ли эта процедура чисто рациональной? Определенно, нет. «Поведение людей определяется их ценностями, потребностями, мировоззрением, волей, установками и другими факторами» [7. С. 83–84], а значит, и «задача оценки субъектом возможных потерь в ситуации риска весьма не проста, поскольку детерминирована культурой, ценностными предпочтениями личности и даже политическим контекстом» [9. С. 37]. Поскольку всякий субъект определяется в своей идентичности той системой ценностей, которую он разделяет, постольку «его поведение в условиях риска определяется именно этой системой, а не одинаковыми для всех логико-методологическими стандартами» [7. С. 88]. Принятие решения – это *волевой* акт, опирающийся на «знания, интересы, мировоззрение человека» [9. С. 38]. Иначе говоря, приходится признать, что ситуацию риска (т.е. человеческой активности в условиях неопределенности) невозможно регулировать с помощью чисто рациональных методов, поскольку личное решение – это не просто мыслительный процесс, но экзистенциальное действие идентичного субъекта.

В свете такого понимания риска как ключевой характеристики *человеческого* способа действия можно утверждать, что, с одной стороны, «нельзя рационально принимать то или иное решение, пока риск не оценен» [9. С. 36], пока рационально не учтены альтернативы, угрозы и последствия этого решения⁴, но, с другой стороны, сильнейшее влияние на принятие решения (и, следовательно, степень риска) оказывают вне-рациональные факторы, имеющие для субъекта не меньшую степень значимости. Поэтому-то выглядит весьма привлекательной и эвристически сильной позиция, согласно которой в сфере интерпретации поступка «трактовка логики как науки о получении истинных следствий из истинных посылок должна уступить место более широкой концепции, связанной с введением для практических рассуждений специальных аналогов истинности (и, соответственно, ложности) как соответствия, например, идеалам добра, целям субъекта» [11. С. 340], а также базовым ценностям мировоззрения.

Итак, поскольку рискованное действие всегда совершается в *ситуации неопределенности* (рациональной неисчислимости вероятностей), а решение о действии в этой ситуации принимается *субъектом* на основе собственного аналитически-прогностического ресурса (важнейшей составляющей которого являются ценностно-мировоззренческие установки и соответствующий им личный опыт), постольку риск, связанный с последствиями личной активности, никогда не может быть полностью определен, исчислен и спрогнозирован. Рациональный расчет как форма элиминации неопределенности (достижения безопасности) *невозможен* именно в силу того, что принимаемое человеком решение, лежащее в основе его активности, никогда не может быть чисто рациональным. Следовательно, представление о возможности достижения безопасности путем рационального учета негативных последствий человеческой активности может сложиться лишь на почве непонимания реальных процессов, составляющих личное существование. Лишь в искаженном, фантастическом, редуцированном, нечеловеческом мире достигим эффект преодоления риска, поскольку именно в таком мире возможен *конечный анализ рационально организованного действия в тотально детерминированной среде*.

Риск и опасность. Мартин Хайдеггер

Тема риска, как уже ясно, – вполне философская тема. К примеру, для Хайдеггера, по мнению С.С. Хоружего, характерно рассмотрение проблемы риска «в ее онтологической постановке» [5. С. 140], хотя, по признанию самого Хоружего, в философии Хайдеггера «не представлено отдельной самостоятельной концепции риска», и ее приходится реконструировать [5. С. 139]. Научил ли нас чему-нибудь Мартин Хайдеггер в этой области? Посмотрим. Тема риска (точнее, грозящей человеку опасности) возникает у Хайдеггера в связи с изучением феномена *техники* и наиболее последовательно изложена в работе «Вопрос о технике» (*Die Frage nach der Technik*). Это доклад Хайдеггера 18 ноября 1953 г. в Мюнхене, представляющий собой развернутую редакцию доклада «Постав», прочитанного им в 1949 г. в Бремене. Техника здесь характеризуется и оценивается через ключевой концепт *Gestell* (в переводе В.В. Библихина, «постав»), указывающий на технику как на то, что имеется в распоряжении [5. С. 140]. С помощью названного концепта Хайдеггер стремится показать специфическое отличие техники Нового времени от техники в ее изначальном значении: ныне это уже не *τέχνη* и не *ποίησις*, т.е. не художественное произведение, не творческий вывод неявного в явное, а *полная редукция реальности к наличному*. Такая концептуальная рамка позволяет поставить вопрос о влиянии технического прогресса не просто на состояние или самочувствие человека, а на сам способ его существования. При этом техника понимается Хайдеггером не в узком «инструментальном» смысле, а с точки зрения человеческого существования в целом – как одна из форм проявления собственно человеческого способа быть.

Исходная диспозиция Хайдеггера такова. Термин «техника» восходит к древнегреческому τέχνη, что является обозначением «не только ремесленного мастерства, но также высокого искусства и изящных художеств» [12. С. 225]. Результат (или продукт) такого искусства – произведение, das Her-vor-bringen (Хайдеггер буквально понимает это как *выведение из скрытости в открытость*, выявление). Раньше, говорит философ, не только техника в современном значении слова носила название τέχνη. «Когда-то словом τέχνη называлось и то раскрытие потаенного, которое выводит истину к сиянию явленности (jenes Entbergen, das die Wahrheit in den Glanz des Scheinenden hervorbringt)» [12. С. 237]. Вот это-то «про-из-ведение истины в красоту (das Hervorbringen des Wahren in das Schöne)» и именовалось словом τέχνη; кроме того, этим словом обозначался «и ποίησις изящных искусств (die ποίησις der schönen Künste)» [12. С. 237]. Поэтому, говорит Хайдеггер, техника – это «вид раскрытия потаенности» [12. С. 225], точнее, просто «способ раскрытия», eine Weise des Entbergens. Но если это только *один* из многих видов «раскрытия», то суть этого частного вида (способа) может быть прояснена только при ответе на вопрос, в чем состоит суть «раскрытия» (das Entbergen) в целом, в общем. А «раскрытие» в целом есть кратчайший способ определения фундаментальной специфики человеческого бытия. Иначе говоря, понять роль техники в нашей жизни мы можем только в контексте понимания самого способа бытия человека. Таким образом, вопрос о следствиях технического прогресса может и должен быть сформулирован в онтологическом – следовательно, антропологическом – ключе.

Если мы понимаем технику (технологию) как частный случай общего способа представленности сущего в человеческом существовании, то мы можем выявить эффекты и следствия ее влияния на человека лишь из анализа ее сути. Пл Хайдеггеру, «сущность» техники не обнаруживается в ней как таковой; эта «сущность» (das Wesen) не есть «что-то техническое» [12. С. 221]. Подлинное содержание вопроса о технике проясняется лишь тогда, когда мы рассматриваем технику в контексте бытия, точнее, специально *человеческого* бытия. Последнее же всегда организовано в нормативном смысле (см.: [13. С. 11–25]), т.е. ценностным образом ориентировано. Потеря онтологической (бытийно-антропо-логической) перспективы делает невозможным понимание сути техники и, более того, делает человека зависимым от нее, подчиняет ей. «В самом злом плену у техники, – утверждает Хайдеггер, – мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней что-то нейтральное; такое представление, в наши дни особенно распространенное, делает нас совершенно слепыми к ее существу» [12. С. 221]. Итак, суть техники открывается в перспективе ее *нормативно-онтологического* рассмотрения.

Сама по себе техника, на первый взгляд, – это «средство для достижения целей» [12. С. 222]; таково *инструментальное* отношение к технике. Названное отношение, тем не менее, содержит в себе определенную нормативную установку: оно выражает стремление «поставить человека в должное отношение к тех-

нике», что значит «надлежащим образом управлять техникой как средством» [12. С. 222]. Но верно ли инструментальное понимание техники и, следовательно, достижима ли цель, которая ставится из ее чисто инструментального понимания? Не с этой ли ошибкой связана угроза такого положения дел, когда «техника все больше грозит вырваться из-под власти человека» [12. С. 222], когда она угрожает ему?

Понимание техники в инструментальном ключе является безусловно верным, но не несет в себе полноты постижения, т.е. не является *истинным*, не раскрывает феномен техники в его «существо». Просто верное – это еще не истинное; верное определение техники как инструментального феномена «еще не раскрывает нам ее сущности». Чтобы добраться до сути техники, «мы должны, пробиваясь сквозь верное, искать истинного»; лишь найденная истина «впервые позволяет нам вступить в свободное отношение к тому, что задевает нас самым своим существом» [12. С. 222]. Другими словами, сама инструментальность техники, будучи эмпирически бесспорной, нуждается в онтологическом прояснении, как все эмпирическое. Пока мы не выясним истину техники, все ее определения, являясь относительно верными, «останутся темными и необоснованными» [12. С. 223], а взаимные отношения техники и человека не получат адекватного истолкования. Как можно прояснить инструментальное отношение к технике? Инструмент есть *средство достижения цели* и, следовательно, он относится к сфере причин и следствий. Причина, если идти от античного смысла αἰτία, есть способ выведения (произведения) вещи из потаенного в непотаенное, из небытия в бытие [12. С. 222–224]. Реальность же как «открытость потаенного» есть ἀλήθεια, истина. «Итак, техника не простое средство. Техника – вид раскрытия потаенности (eine Weise des Entbergens). Если мы будем иметь это в виду, то в существо техники нам откроется совсем другая область. Это – область выведения из потаенности, осуществления истины» [12. С. 225]. Так представление об инструментальном характере техники приводит, при прояснении этого представления, к пониманию ее сути.

В чем же, согласно Хайдеггеру, состоит эта «сущность» *современной* техники? «Существо современной техники являет себя в том, что мы называем *поставом*» [12. С. 231]. Что имеется в виду под поставом? «Назовем теперь тот захватывающий вызов, который сосредоточивает человека на поставлении всего, что выходит из потаенности, в качестве состоящего-в-наличии, – *no-ставом* (das Ge-stell)» [12. С. 229]. Постав есть такая парадигма (или модель) осуществления сущего, которая, реализуясь в человеческой практике, «заставляет человека выводить действительное⁵ из его потаенности (das Wirkliche zu entbergen)» способом поставления его как состоящего-в-наличии. По-ставом называется тот способ раскрытия потаенности (die Weise des Entbergens), который правит существом современной техники, сам не являясь ничем техническим» [12. С. 229]. Другими словами, современная техника оказывается способом *обналичивания* неявного, тем самым получая не узкотехническое (инструментальное), а онтологическое зна-

чение. «В по-ставе осуществляется непотаенность (im Ge-stell ereignet sich die Unverborgenheit), в виду которой функционирование современной техники раскрывает действительность как состоящую в наличии (als Bestand)» [12. С. 230], как подлежащую учету и утилитарному распоряжению.

Техника (технология), понимаемая и используемая таким образом, репрезентирует и организует (моделирует, транслирует) специфическое «устройство» человеческой реальности, редуцируя последнюю до тонкого слоя сущего, находящегося в наличии и подлежащего использованию. Постав есть фундаментальная онтологическая установка, выражающая, в конечном счете, «современный естественнонаучный взгляд на природу как на некоторую систему сил и действий, измеримых количественным, числовым образом»; в этом состоит коренное отличие нынешней «техники» от античной *téchne* как «эстетического и гармонического раскрытия-представления того, что изводится из потаенности» [5. С. 141]. Современная техника «опирается на точные науки Нового времени», и хотя она тоже представляет собой «раскрытие потаенного», как и *téchne*, но «то раскрытие, каким захвачена современная техника, разворачивается не про-из-ведением в смысле *ποίησις*», а продуцирует совершенно нового вида «открытость», которая составляет все произведенное «быть в распоряжении» [12. С. 226–227], наличествовать.

Само по себе создание и применение орудий и инструментов (что обычно понимается под сферой техники в целом) вовсе не обязательно проникнуто такой обличивающей установкой; последняя «складывается лишь в Новое время, и притом только после того, как возникает точное, математическое естествознание» [5. С. 141]. По словам Хайдеггера, «поставляющая установка человека (das bestellende Verhalten des Menschen) проявляет себя сначала в возникновении точного естествознания Нового времени. Естественнонаучный способ представления *исследует* природу как поддающуюся расчету систему сил. <...> Физическая теория природы Нового времени приготовила путь, прежде всего, не технике, а существу современной техники. <...> Физика Нового времени – это еще не познанный в своих истоках ранний вестник постава» [12. С. 230]. В свою очередь, подход к природе как к *исчислимой сумме сил* подготавливает переход к *информационной* модели науки и практики. Теперь, говорит Хайдеггер, «вся причинность сплющивается до добываемой сложными путями информации об одновременности или взаимоследовании устанавливаемых состояний», что влечет за собой неизбежный «процесс возрастания условности» [12. С. 231], в перспективе – процесс *виртуализации* бытия. Это означает не только радикальное смещение ценностного и событийного фокуса человеческой жизни [1. С. 71], но и постепенный переход всей активности в «виртуальную топiku», которая, таким образом, формирует «тренд Ухода, самоустранения Человека» [5. С. 373], его элиминации из реальности.

Так постепенно проясняется «антропологический аспект техники» [5. С. 142], связанный и с миссией человека в мире, и с грозящей человеку опасностью.

Через анализ современной техники в ее сути открывается такое отношение человека к реальности, которое может быть охарактеризовано как «судьба, посылающая человека в историческое бытие» [12. С. 232]. И это не есть нечто новое для человека, нечто сугубо современное, поскольку он *всегда* «властно захвачен судьбой раскрытия потаенности (der Entbergung)», т.е. миссией реализации сущего; и техника – лишь один из возможных путей раскрытия, которыми возникает и удерживается в мире «непотаенность того, что есть (die Unverborgenheit dessen, was ist)». При этом судьба человека – «никогда не принудительный рок», ибо человек только и делается свободным, т.е. самим собой в своем собственном предназначении, когда он «прислушивается к миссии, посылающей его в историческое бытие» [12. С. 232], когда он, следовательно, определяет себя из своей собственной сути.

Вот здесь и начинает обозначаться опасность, связанная с техникой. Опасна ли для нас, например, машина? Нет, сама по себе машина не опасна, поскольку «с точки зрения состояния-в-наличии она как раз совершенно несамостоятельна; ибо она держится только тем, что поставлена на предоставление поставляемого ею» [12. С. 227], т.е. предназначена *человеком* к исполнению предписанной ей функции. И лишь ошибочное поведение человека по отношению к машине является причиной ее вредоносности для человека. Настоящую же опасность можно заметить в другом. «Угроза человеку идет даже не от возможного губительного действия машин и технических аппаратов. Подлинная угроза (Bedrohung) уже подступила к человеку в самом его существе. Господство по-става грозит той опасностью, что человек окажется уже не в состоянии вернуться к более исходному раскрытию потаенного и услышать голос более ранней истины» [12. С. 234]. Речь о том, что человек оказывается готовым редуцировать бытие сущего (а значит, и собственное существование) к *чистой наличности*, подлежащей окончательному исчислению и распоряжению⁶, все остальные измерения бытия оставляя без внимания и без актуализации. И господствующее отношение современного человека к технике/технологии – яркое свидетельство этой готовности к онтологической редукции.

В итоге Мартин Хайдеггер так определяет *главную угрозу*: «Существо техники покоится в поставе (Das Wesen der Technik beruht im Ge-stell). Его власть отвечает судьбе исторического бытия (Sein Walten gehört in das Geschick = Его правление принадлежит судьбе). Последняя всегда посылает человека на тот или иной путь раскрытия потаенности (Weg des Entbergens = путь раскрытия), поэтому человек постоянно ходит по краю той возможности – а значит, приближается к тому, – что будет исследовать и разрабатывать только вещи, раскрытые по образу постава, все измеряя его мерой. Тем самым закроется другая возможность – что человек все раньше, глубже и изначальнонее будет вникать в существо непотаенного и его непотаенности (des Unverborgenen und seine Unverborgenheit), принимая эту требующуюся для ее раскрытия принадлежность к ней как свое собственное существо (sein Wesen)» [12. С. 232]. Иначе говоря, редуцируя произ-

ведение сущего к его обналичиванию, человек теряет свои *онтологические* возможности. Как следствие, и весь мир теряет свою глубину: «Существо современной техники ставит человека на путь такого раскрытия потаенности, благодаря которому действительность повсюду, более или менее явно, делается состоящей-в-наличии» [12. С. 231] и больше никакой. Человек как *мера всех вещей*, редуцируя свою онтологическую миссию к поставу, начинает угрожать полноте бытия: «Существо техники грозит раскрытию потаенного, грозит той возможностью, что всякое раскрытие сведется к поставляющему производству (*im Bestellen*) и все предстанет в голой раскрытости состоящего-в-наличии (*in der Unverborgenheit des Bestandes*)» [12. С. 237]. Антропологическая редукция ведет к онтологической деградации сущего.

Вот чему мы должны «ужасаться» – возможности того, что «повсюду утвердится неистовая техническая гонка, пока однажды <...> существо техники не укоренится на месте события истины» [12. С. 238]. Суть *Gestell* такова, что «бытие в нем отстраняет свою истину в забвение настолько, что делает свое существо неприступным» [15. С. 255–256]. Ориентируясь на технику как на способ отношения к миру, человек теряет связь с бытием и, следовательно, перестает быть человеком. Поэтому *Gestell* «есть опасность как таковая», заключающаяся в том, что «бытие в забвении его существа отворачивается от этого существа и тем самым оборачивается против истины своего существа» [15. С. 255], против полноты и нормы собственной реализации. При этом постав подвергает опасности (*gefährdet*) и человека, и все то, что может быть лишь благодаря исполнению человеком своей миссии. *Gestell* «посылает человека на путь раскрытия потаенности способом поставления (*in das Entbergen von der Art des Bestellens*)», а где господствует *Bestellen*, там «изгоняется всякая другая возможность раскрытия потаенности (*der Entbergung*)», прежде всего *ποίησις*. Раскрытие сущего как *произведение* редуцируется теперь к функциям «управления, организации и обеспечения всего состоящего в наличии», что не дает обнаружиться «даже своей собственной основной черте, а именно этому раскрытию как таковому» [12. С. 233]. Так, с господством поставы как *единственного* способа исполнения человеческой миссии «приходит крайняя опасность (*im höchsten Sinne Gefahr*)»: поскольку постав есть «миссия, сосредоточивающая на добывающе-производящем раскрытии сокрытого» (*in die herausfordernde Entbergung*), постольку его *добыча* – «все что угодно, только не осуществление» [12. С. 234–236], не действительность в ее полноте и норме. Является ли это обвинением или приговором человеку в век техники? Обвинением, конечно, является, но окончательным приговором – нет.

Вдумываясь в сказанное Хайдеггером, мы можем сформулировать *антропологический* аспект характера современной техники/технологии, отталкиваясь от того тезиса, что техническое отношение к реальности реализуется как принцип *предоставленности в распоряжение*. Дело состоит в том, что *Gestell* приходит на заранее подготовленную почву. Техника начинает определять образ бытия лишь тогда, когда человек

уже сделал себя исчислимым и подверженным инструментальным (организационным) манипуляциям. «Это поставляющее раскрытие всего, – отмечает Хайдеггер, – может осуществляться только в той мере, в какой человек со своей стороны заранее сам уже вовлечен в извлечение природных энергий. Если человек вовлечен в это, поставлен на это, то не принадлежит ли и человек – еще первоначальнее, чем природа, – к состоящему-в-наличии? <...> Применяя технику, человек первичнее ее участвует в поставляющем производстве как способе раскрытия потаенности» [12. С. 228]. Именно человек – причина искажения бытийной полноты. Техника вступает в действие лишь тогда, когда сам человек уже стал «техническим», редуцированным к одномерной фактичности, к наличному. Следовательно, чтобы спастись от угрожающей ему деградации, «человек, каким он стал с Нового времени, должен сперва, опомнившись, снова ощутить широту своего сущностного пространства» [15. С. 254], вернуться к норме бытия.

Возможность такого возвращения лежит в основании осторожного оптимизма Хайдеггера в отношении перспектив современного человека. Техника как *Gestell* есть *форма* исконной (*ursprünglich*) миссии человека, содержание которой – раскрытие (*das Entbergen*) сущего. Миссия человека есть его метафизическая судьба – не принуждающий рок как «неизбежность неотвратимого хода вещей» [12. С. 232], но собственно человеческое *призвание*. Здесь и коренится начало свободы человека по отношению к технике.

Опасность и надежда. Мартин Хайдеггер

В самом обнаружении поставы с его угрозой антропологической редукции можно видеть, согласно Хайдеггеру, и предпосылки, и начала сопротивления этой угрозе. Надежда на самосохранение человека перед лицом техники / технологии утверждается по четырем возможным трекам.

(1) Безусловно, «постав в своем существе – опасность»; но самое опасное в этой опасности состоит в том, что она как таковая не выглядит (не дает опознать себя) «*в качестве* опасности». Благодаря такой «скрытости опасности, заслоняемой эффективностью поставы», современная человеческая ситуация «снова и снова выступает в таком свете, как если бы техника была инструментом в человеческих руках». В реальности, однако, как мы понимаем, «человеческое существо падает теперь прямо в руки существу техники» [15. С. 253]. Значит, само опознание и осознание опасности есть уже *начало* ее преодоления. «Опасность сама, давая о себе знать *в качестве* опасности, есть спасительное. Та опасность, о которой мы говорим, есть спасительное, несет спасительное из своего потаенно обратимого существа» [15. С. 255], из самой открываемой нами *извращенности* собственной формы раскрытия сущего.

(2) Сам *вопрос* о технике ставится и решается именно для того, чтобы «подготовить возможность свободного отношения к ней» [12. С. 221]. А свободным это отношение может быть только в том случае, если в этом отношении для нас сохраняется открытым

наше вот-бытие. Именно стремление *продумать* технику в ее сути ведет нас к лучшему пониманию самих себя в нашей *онтологической* перспективе. «Чем ближе мы подходим к опасности, тем ярче начинают светиться пути к спасительному (*die Wege ins Rettende*), тем более вопрошающими мы становимся. Ибо вопрошание есть благочестие мысли» [12. С. 238]. Только посредством такого благочестия мы способны «охватить техническое в его границах» [12. С. 221], а не подчиниться ему. Согласно Хайдеггеру, «по-настоящему открыв себя существу техники, мы неожиданно обнаруживаем, что захвачены освободительной ответственностью» [12. С. 232] – такой ответственностью за технику, которая позволяет нам принять на себя *вину* за нее. Хайдеггер не зря обращает внимание на то, что изначально (в греческом мышлении) понятие причины выражалось через представление о виновности с оттенком задолженности за эту вину (*das Verschulden*). Если именно мы, а не кто-то другой или что-то другое *виновны* в сложившейся ситуации, то и ключи к ее исправлению или коррекции тоже в наших руках: вина (*aitia*) означает ответственность, из ответственности вырастает долг, а ответственность и долг – отличительные признаки *свободы*. Лишь *вменяемый* поступок может быть свободным: «Поступок не только произволен, он – вменяем, является осознанным действием, за которое (вместе с его результатами) ответственна личность» [11. С. 19]. То, причина чего – мы сами, зависит, следовательно, от нас, и поэтому мы свободны по отношению к нему. «Мы всматриваемся в опасность и замечаем рост спасительного» [12. С. 237]; этот рост идет от нас самих, *виновных* в техническом прогрессе, *заинтересованных* в нем и берущих на себя *ответственность* за него.

(3) Постав есть только *вид* раскрытия; он, как и другие возможные виды, принадлежит к раскрытию вообще, исходной и наиболее адекватной формой которого является *произведение*, *ποίησις*. Спасительным для человека оказывается выяснение частного характера поставы (технического обналичивания сущего) в сравнении с фундаментальным характером *Entbergung* и с принадлежностью человека к этому его исконному «раскрывающему» призванию. «Как раз в поставе, который грозит втянуть человека в поставляющее производство как в якобы единственный способ раскрытия потаенного (*einzigste Weise der Entbergung*) и тем толкает человека на риск (*Gefahr*) отказа от своей свободной сущности (*seines freien Wesens*), – утверждает Хайдеггер, – как раз в этой крайней опасности (*äußersten Gefahr*) дает о себе знать интимнейшая, нерушимая принадлежность человека к осуществлению истины (*in das Gewährnde zum Vorschein* = к выводу на первый план) – при условии, что мы со своей стороны начнем обращать внимание на существо техники» [12. С. 226]. *Gestell* – всего лишь «один из способов раскрытия потаенности (*des Entbergens*)⁷, а именно производственно-поставляющий способ (*nämlich das herausfordernde*). Столь же судьбоносный способ – раскрытие потаенного в произведении (*das hervorbringende Entbergen*)» [12. С. 235]. Судьба, предназначение человека – вывод сущего из потаенности как реализация потенциального бытия; но сам

этот вывод делится на два вида: «на раскрытие потаенного путями произведения и производства (*hervorbringende und herausfordernde Entbergen*)» [12. С. 235]. При этом произведение первично: «производяще-добывающее раскрытие исторически происходит от раскрытости произведения», и потому оно всегда – ущерб, деградация, нечто аксиологически низшее в сравнении с раскрытием как производением. Когда *Gestell* выходит на первые роли в организации существования, он «роковым образом заслоняет собою *ποίησις*» [12. С. 235], наиболее адекватную форму «раскрытия».

Однако неверное (ненормативное) использование позитивной способности не отрицает саму эту способность и, по большому счету, не вредит ей. Человек не может стать никаким другим существом, кроме того, кто он есть по призванию и статусу: *быть станцией реализации бытия сущего как возможности быть каким-либо определенным образом*. Пока же мы смотрим на технику как на «инструмент и орудие» (*als Instrument*), мы ограничиваем себя исключительно желанием «владеть ею» [12. С. 236] и тем самым подчиняем себя ей в *этой* ее утилитарной функции. Такая аксиологически фундированная позиция принуждает нас видеть высшую ценность в пользе и тем самым наносить ущерб собственному существованию, редуцируя его к эффективности достижения утилитарных целей в пространстве наличного. Но эта ошибка не отрицает, а подтверждает статус человека как *аксиологически* действующего существа. Отсюда вывод: «Получение не тех результатов, на которые люди рассчитывают <...> не является следствием самих технологий. <...> Результаты, которые получают в качестве следствия такого их использования, есть проявление неготовности, прежде всего, самих людей, в первую очередь неготовности аксиологической, потому что неспособность придать ценностное измерение любой вещи, технологии, живому существу влечет соответствующее отношение» [2. С. 40], провальное с точки зрения полноты человеческого существования.

И вот здесь важен тот ценностный *акцент*, который и определяет наше нормативно-онтологическое отношение к инструментальному характеру техники. Если инструментальность (уровень качества решения задач) для нас выступает главным (крайним) критерием техники, то мы ставим себя в позицию подчинения ей, начинаем работать на техническую / технологическую эффективность как высшую цель. Но технология сама по себе не может быть целью, а тем более «предельным смыслом» [2. С. 70]. И если мы удерживаем общий аксиологический контекст, в котором инструментальность остается на уровне *средства* (т.е. всегда имеет цели вне себя), то мы сохраняем свою свободу в отношении техники. Согласно Хайдеггеру, «стоит только задаться вопросом о том, в чем существо инструментальности как вида каузальности, и мы увидим: это существо – в миссии раскрытия потаенного» [12. С. 237]. Выше целей, особенно утилитарных, всегда стоит смысл, миссия, ценность, согласно которым и полагается та или иная конкретная цель. «Так, существо техники таит в себе <...> возможные

ростки спасительного» [12. С. 236], когда это существо открывается нам в свете нашего призвания как *нормы бытия*.

(4) Наконец, главнейший антропологический промах обнаруживается в том, что техника как бы «дает человеку вступить в нечто такое, что сам по себе он не может ни изобрести, ни тем более устроить; ибо такой вещи, как человек, являющийся человеком только благодаря самому себе, не существует» [12. С. 236]. Человек, следовательно, на самом деле не может делегировать технике / технологии то, чем он сам не распоряжается, т.е. полностью передать ей самого себя. Неисчислимость, неопределенность человека является для него спасительной. Техническое устройство (или программа) никогда не сможет заменить собой человека, потому что *для самого себя человек никогда не находится в наличии*.

Все эти формы спасительности – прояснение сути дела, понимание свободы/ответственности как собственной вины, нормативный характер *Dasein*, осознание иллюзии распоряжения собой – выводят к теме риска существования. Не будь риска, случился бы приход опасности, осуществление угрозы; именно тогда технический постав сделался бы *единственным* способом раскрытия сущего, сама единственность которого и является прямой формой отрицания истины бытия. Следствием же актуального господства принципа *Gestell* выступает «бездумное упорядочение мира», и поэтому-то сегодня «вся бездумная охота на будущее, вычисление его образа путем проекции полусмысленного настоящего на туманное завтра, пока еще движется в рамках технически-исчисляющего представления» [15. С. 258]. Редукция миссии человека к поставу, к обналичиванию всего представляет собой «крайнюю опасность» (*die höchste Gefahr*) и величайшую угрозу. Если все сущее сводится к «состоящему в наличии» (*Bestand*), то и сам человек редуцируется к тому же. Человек начинает думать, что он знает и исчисляет себя точно так же, как он знает и исчисляет сущее, одинаковым образом понимая и все, и самого себя. Между тем, «на самом деле с самим собой, т.е. со своим существом, человек сегодня как раз нигде уже не встречается» [12. С. 233]. Существование *нельзя* исчислить. Однако это не причина для побега в виртуальную безопасность, но основание принятия риска как характеристики онтологической миссии. Пока человек исполняет свое призвание, риск неизбежен. Более того, наличие риска есть первый признак осуществления *собственно человеческого* способа быть.

И все же само понятие риска сообщает нам о лишь *возможной* опасности, т.е. о таком ущербе, который нам угрожает вследствие нашей деятельности, но может и не случиться. Принятие риска одновременно означает нашу готовность противостоять будущим угрозам, а не только принять вероятные потери. И как само понятие риска связано по смыслу с характеристикой нашей *активности*, так и формы «работы» с риском расположены в этой же *практической* сфере. Просто человек должен понять, что ему надо противостоять не неопределенности будущего, наступающего вследствие его действий, а угрозе потери самого

себя, т.е. не риску, а тотальному обналичиванию. Бытие человека *неизбежно* связано с риском; оно таково по своей сути, по своему устройству. «Миссия раскрытия потаенности как таковая во всех своих видах, а потому с необходимостью, есть *риск* (*Gefähr*)» [12. С. 233]. Главная угроза при этом состоит не в том, что человек рискует, а в том, «что человек проглядит непотаенное и перетолкует его» [12. С. 233], т.е. как бы промахнется не мимо цели, а мимо истины (сути) того, что на самом деле раскрывается в этом раскрытии. Именно то «раскрытие, в ходе которого природа предстает как рассчитываемая система сил и воздействий, позволит делать правильные утверждения, но как раз из-за этих успехов упрочится опасность того, что посреди правильного ускользнет истинное» [12. С. 233]. В этом и состоит главная угроза человеку. Мы видим, как Мартин Хайдеггер настойчиво обращает внимание именно на указанную опасность и при этом старается удерживать речь о *Bedrohung* (угрозе) в поле *антропологии*, избегая перспективы скатиться в дискурс фатализма: он постоянно говорит об *опасности* как о том, в чем «виновен» сам человек, и о *судьбе* не как о непреодолимом принуждающем факторе, а как о глубинном экзистенциальном *призвании* человека.

Означает ли это, что освобождение человека от власти техники как *Gestell* должно означать уничтожение техники? Никоем образом: «Если произойдет перемена в бытии, что теперь означает – в существе постава, это никоем образом не приведет к демонтажу техники, чья суть покоится в поставе. Она не будет ни нарушена, ни тем более разрушена» [15. С. 253]. Таким образом, проблема техники – это проблема человека, а решение этой проблемы связано не с трансформацией техники, а с трансформацией человеческого самосознания, с приведением его к норме бытия. И нам предстоит не борьба против техники, а сражение за человека.

Заключение

Мы видим, что угроза человеку со стороны техники/технологии состоит не в том, что технический прогресс повышает степень риска для жизни, но как раз в том, что техника элиминирует этот риск, редуцируя существование до уровня стремления к безопасности. Последняя же может быть обеспечена только редукцией человека к информационной модели, т.е. (независимо от степени сложности этой модели) к исчислимому и измеримому комплексу данных, подлежащих регистрации, учету, хранению, трансляции и воспроизведению. Другими словами, эффективность технологии прямо связана с предварительным рациональным упрощением человека, с его «обналичиванием». Однако эта угроза существованию, будучи осознанной, может стать объектом сопротивления, противодействия со стороны человека, способного в своих установках апеллировать не только к эффективности, но и, прежде всего прочего, к смыслу. Требуется всего лишь не допустить трансформации страха в отчаяние, а надежды – в безопасность. До тех пор пока страх перед возможными угрозами заключает в себе неопределен-

ность и, следовательно, имеет своей оборотной стороной надежду, человек располагает возможностью изменить положение дел.

Тема риска, как правило, возникает при констатации непредсказуемости, «нерассчитываемости» последствий применения технических инноваций. Ясно, что такая непредсказуемость с развитием новых технологий только возрастает. Но при этом очевидно и то, что изменяются сами понятия *исчислимого* и *неисчислимого* в отношении будущих событий: первое перестает означать точно и целесообразно рассчитанное управление будущим, а второе уже не означает полную невозможность такого расчета и управления. И хотя, с одной стороны, с развитием технологий «целесообразность» «контекстуализируется» и неопределенность увеличивается, с другой, по справедливому утверждению У. Бека, «убывающая “рассчитываемость” сопровождается растущей “возможностью оценки” побочных последствий; более того, одно обуславливает другое» [4. С. 264–265]. Таким образом, возрастающая неопределенность («нерассчитываемость») будущего сопровождается и в известной степени компенсируется растущей возможностью оценки результатов. Учет этой двойной тенденции позволяет (хотя бы на психологическом уровне) преодолеть «фатализм последствий», присущий научно-технической цивилизации [4. С. 265], и признать очевидную необходимость аксиологической экспертизы в точности не предсказуемых эффектов технологических инноваций.

Все, что происходит, происходит с человеком. Поэтому «в динамике глобальной реальности определяющую роль играет антропологический уровень»; и поэтому же наше понимание роли *человеческого* измерения реальности должно «отражаться на том, какие риски мы видим в современности и как мы интер-

претируем их» [5. С. 138]. С обозначенной философской позиции ясно, что так называемые умные технологии призваны «в идеале уравнивать технологию с человеком, по крайней мере в конечном результате» [3. С. 36], но эта перспектива реализуется лишь при условии редукции человека к аналитически исчислимому устройству. Перспектива же элиминации человека основана только на предположении о том, что мы можем радикально уменьшить список ресурсов, способностей и функций, присущих человеку; только в этом случае мы получаем уверенность в реализации перспективы *полной* замены человека программой.

Человек, соглашающийся с редукцией существования ради своей безопасности, в итоге «выбирает тренд ухода», т.е. «отказывается от бытия» [2. С. 73–77]. Значит, человеку сегодня угрожает не истребление другим «видом» (машинами, роботами, программами), а собственный *отказ* от существования в качестве человека, что означает внутреннее согласие «на собственную замену технологиями» [3. С. 36]. В этой связи главная задача современной культуры должна быть связана «с необходимостью выработки концептуальной антропологической альтернативы, противостоящей тренду ухода человека», а решение этой задачи возможно лишь «при отказе от тренда ухода человека в пользу возвращения человеку его собственного бытия» [2. С. 77]. Правда, задачу серьезно осложняет то, что указанная возможность бытийной аннигиляции входит в собственное понятие человека как такового. Во всяком случае, лишь удержание темы современных технологий в поле аксиологически ориентированной философской антропологии поможет нам и осознать глубину проблемы, и постараться отыскать варианты ее решения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хотя «вторжение техники в пространство человеческой реальности» является, безусловно, «результатом практической деятельности самого человека», оно воспринималось мыслителями конца XIX и первой половины XX в. как «вторжение чего-то *внешнего, бытийно чуждого, т.е. нечеловеческого*», в экзистенциальное пространство [1. С. 32].

² Надо заметить, что английское слово «smart» означает не столько «умный», сколько «сообразительный», «ловкий», «быстрый», «аккуратный», «свежий», «модный», «престижный». Иначе говоря, «в контексте английского языка обозначение технологий в качестве “smart” не обязательно значит в эквиваленте русского языка “умные”». Таким образом, именование современных технологий «умными» – это «не самый подходящий способ как перевода, так и выражения соответствующего смысла» [3. С. 36–39]. Более того, здесь проявляется чисто лингвистическая причина переживания смарт-технологий (как и «искусственного интеллекта») в качестве опасности, связанной с «заменой» человека.

³ Согласно современным томским исследователям, «любые технологии, технику, орудия труда человек разрабатывал с целью “облегчения” собственной трудовой активности в частности и жизнедеятельности в целом. <...> В идеале человек вообще хотел бы создать такую технику и технологии, которые полностью помогли бы ему заменить себя в процессе трудовой деятельности» [3. С. 36]. Ср.: «С точки зрения предельных смыслов любая техника должна как-то улучшать жизнь» [2. С. 70].

⁴ Ср.: «Рассудительность – это характеристика действующего субъекта, выражающая его способность сознательно и логично планировать свои действия» [11. С. 337].

⁵ То, что у Хайдеггера значит просто «раскрывать, открывать» (entbergen), В.В. Библихин передает усложненным оборотом «выводить из потаенности» (ср.: [14. С. 21]).

⁶ Ср.: «Для инженеров и разработчиков здесь нет проблемы. Именно потому, что они рассматривают человека как функциональное устройство, систему с набором функций, выполнение которых можно передать умному техническому устройству. В этом смысле в пределе человек заменим» [2. С. 73].

⁷ У В.В. Библихина здесь добавлено: «на который посылает судьба исторического бытия» – слова, отсутствующие в оригинале.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мышкин О.С. Человек и техника: в поисках нового способа сосуществования // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2015. № 3. С. 31–42.
2. Смирнов С.А. Антропологическая платформа для национальной технологической инициативы (приглашение к дискуссии) // Философская антропология. 2018. Т. 4, № 2. С. 69–80.
3. Ардашкин И.Б., Суровцев В.А. Смарт-технологии как понятие и феномен: к вопросу о критериях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 32–44.
4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

5. Хоружий С.С. Социум и синергия: колонизация интерфейса. Казань, 2016.
6. Brännmark J., Sahlin N.-E. Ethical theory and the philosophy of risk: first thoughts // *Journal of Risk Research*. 2010. Vol. 13.2. P. 149–161.
7. Диев В.С. Риск и неопределенность в философии, науке, управлении // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2011. № 2 (14). С. 79–89.
8. Byskov M.F. Utilitarianism and risk // *Journal of Risk Research*. 2020. Vol. 23.2. P. 259–270.
9. Диев В. С. Философская парадигма риска // *ЭКО. Всероссийский экономический журнал*. 2008. № 12. С. 27–38.
10. Спиноза Б. *Этика*. Минск : Харвест ; Москва : АСТ, 2001. 336 с.
11. Тульчинский Г.Л. *Философия поступка. Самоопределение личности в современном обществе*. СПб. : Алетея, 2020. 822 с.
12. Хайдеггер М. *Вопрос о технике* / пер. с нем. В.В. Библихина // *Время и бытие*. М. : Республика, 1993. С. 221–238.
13. Аванесов С.С. *Нормативная онтология: Петербургские доклады*. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2013. 94 с.
14. Heidegger M. *Die Frage nach der Technik // Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1910–1976. Band 7: Vorträge und Aufsätze*. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann GmbH, 2000. S. 6–36.
15. Хайдеггер М. *Поворот* / пер. с нем. В.В. Библихина // *Время и бытие*. М. : Республика, 1993. С. 253–258.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 14 октября 2021 г.

Technological Threat and Risk of Being

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 5–16.

DOI: 10.17223/15617793/472/1

Sergey S. Avanesov, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Novgorod, Russian Federation). E-mail: iskiteam@yandex.ru

Keywords: smart technologies; technique; risk; existence; philosophical anthropology.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 21-18-00103.

This article poses the problem of the influence of technological progress on the way of human existence. The development of modern technologies, according to some forecasts, may lead to the “replacement” and/or “displacement” of a person from reality. Such a forecast forces us to take a fresh look at the general problem of technology as an “anthropological threat”. It cannot be said that a technical device as such physically threatens a person. Moreover, the progress of technology represents itself precisely in the fact that technical devices are becoming not only more and more complex, but also more and more safe for humans. We should talk about an existential threat, that is, about the danger that awaits humanity as an intelligent form of life on the way of realizing its existence. Therefore, the problem may lie in the fact that technique/technology is capable of completely ousting a person from the history of the world. The cognitive context of research is given by the critical analysis of the concept of risk. I show that risk is a key factor in being human because one acts as a free and responsible being. Reducing the level of risk (that is, improving the level of safety) is directly related to the reduction of human existence to the sum of quantifiable data. It is this trend that leads to the “domination of technology over man” and to the abandonment of freedom/responsibility in favor of “smart” technologies. This perspective of the development of events can be corrected with the help of a humanitarian examination of technical progress. The methodology of such a correction can be built on the basis of the approach demonstrated by Martin Heidegger in his reports devoted to the analysis of the essence of modern technique. Heidegger showed that the technical approach to reality simplifies being to the level of the world “at disposal”. Heidegger calls the principle of such an ontological reduction by the term “Gestell”. By focusing on Gestell, a person renounces their mission, loses their freedom and existential identity. However, even in this situation, humanity has hope for the restoration of the fullness of being and liberation from reductionism. This requires, if we recall the ethics of Spinoza, not to allow the transformation of fear into despair, and hope into safety. As long as the fear of possible threats contains uncertainty and, therefore, has hope as its reverse side, a person has the opportunity to change the state of affairs. A person will never be defeated by a technology/program if they do not agree to reduce themselves to the level of an “intelligent machine” or information model. Consequently, the problems of modern technologies can be adequately formulated and correctly solved only in the field of anthropology.

REFERENCES

1. Myshkin, O.S. (2015) Human beings and technology: looking for a new way of co-existence. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo*. 3. pp. 31–42. (In Russian).
2. Smirnov, S.A. (2018) Anthropological Platform for National Technological Initiative. *Filosofskaya antropologiya – Philosophical anthropology*. 2 (4). pp. 69–80. (In Russian).
3. Ardashkin, I.B. & Surovtsev, V.A. (2021) Smart technologies as a concept and phenomenon: on criteria. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 60. pp. 32–44. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/60/4
4. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. Towards a New Modernity]. Translated from German by V. Sedel'nik & N. Fedorov. Moscow: Progress-Traditsiya.
5. Khoruzhiy, S.S. (2016) *Sotsium i sinergiya: kolonizatsiya interfeysa* [Society and Synergy: Colonization of the interface]. Kazan: Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEMU).
6. Brännmark, J. & Sahlin, N.E. (2010) Ethical theory and the philosophy of risk: first thoughts. *Journal of Risk Research*. 13.2. pp. 149–161.
7. Diev, V.S. (2011) Risk and uncertainty in philosophy, science and management. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2 (14). pp. 79–89. (In Russian).
8. Byskov, M.F. (2020) Utilitarianism and risk. *Journal of Risk Research*. 23.2. pp. 259–270.
9. Diev, V.S. (2008) Philosophical paradigm of risk. *EKO – ECO*. 12. pp. 27–38. (In Russian).
10. Spinoza, B. (2001) *Etika* [Ethics]. Translated by V.I. Modestov. Minsk: Kharvest; Moscow: AST.
11. Tul'chinskiy, G.L. (2020) *Filosofiya postupka. Samoopredelenie lichnosti v sovremennom obshchestve* [Philosophy of Action. Self-determination of the individual in modern society]. Saint Petersburg: Aleteya.
12. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika. pp. 221–238.
13. Avanesov, S.S. (2013) *Normativnaya ontologiya: Peterburgskie doklady* [Normative Ontology: Saint Petersburg reports]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
14. Heidegger, M. (2000) *Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1910–1976. Vol. 7*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann GmbH. pp. 6–36.
15. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika. pp. 253–258.

Received: 14 October 2021

С.В. Бердаус

УМЕРЕННЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ ГУССЕРЛЯ

Проблематизирована специфика обоснования знания в феноменологии Гуссерля. Показано, что одно из главных затруднений составляет синкретизм эпистемических и неэпистемических характеристик феноменологического опыта, совпадающих в точке трансцендентального *ego*. Предложено рассмотрение этих аспектов феноменологии в контексте современной эпистемологии, а именно противостояния фундаментализма и когерентизма. Аргументирована предпочтительность определения феноменологических подходов к обоснованию в рамках умеренного фундаментализма.

Ключевые слова: Гуссерль; феноменология; фундаментализм; когерентизм; умеренный фундаментализм; эпистемология; базовые убеждения

Предварительные замечания

В переписке со своим учеником А. Пфендером Гуссерль выразил знаменитую оценку работы другого своего ученика – М. Хайдеггера (имеется в виду «Бытие и время»), а именно «гениальная ненаучность» (*genialen Unwissenschaftlichkeit*) [1. С. 3]. Эту характеристику, при всей ее краткости, можно считать исчерпывающей для объяснения того, чем феноменология Гуссерля отличается от феноменологии Хайдеггера. Научность как нормативное требование к философской работе (и процессу и результату) выступала для Гуссерля непреходящей ценностью и доминантой. В то же время можно вспомнить слова Гуссерля из его программной работы «Философия как строгая наука»: «...притязанию быть строгой наукой философия не могла удовлетворить ни в одну эпоху своего развития. Так обстоит дело и с последней эпохой...» [2. С. 187].

Доказательством несостоятельности философии как науки выступали различные формы психологизма, натурализма, скептицизма, релятивизма и проч., широко распространенные в начале XX в. и выступающие для основателя феноменологии постоянными мишенями для критики. Ни одно ключевое произведение Гуссерля не обходилось без упоминания тех опасностей для науки и знания вообще, которые влекут за собой указанные тенденции. Однако способы снятия, преодоления этих опасностей, теоретико-методологический инструментарий феноменологии для борьбы с этими вызовами имеют ряд особенностей. Стремление к конструированию феноменологии как строгой науки совмещало два мотива: 1) классические требования научной нормативности, включающие в себя помимо всего прочего представление о знании как истинном обоснованном мнении; и 2) неклассическое понимание науки, неклассическая трактовка универсальности, складывающейся не дедуктивно и не индуктивно, а в рамках феноменологической редукции с последующим включением в контекст интересубъективности. Сосуществование этих двух мотивов в феноменологии придало ей определенную специфику, прослеживаемую и на подходах Гуссерля к обоснованию знания.

В целом проблема обоснования знания в любой философской системе или концепции образует определенную констелляцию с тем, как в данной системе

или концепции понимается истина, а также с тем, какая мировоззренческая установка принимается за исходную: скептическая, догматическая или критическая. В рамках скептической установки отрицается существование истины как таковой, или, в более мягкой версии, отрицается способность человеческого разума такую истину постичь. Любое знание признается относительным, возможность его рационального обоснования, в общем и целом, отвергается. Обращение к различным экземплярам философско-теологической догматики показывает взаимообусловленность двух ключевых аспектов, а именно отождествление бога с истиной и, в силу исключительного статуса бога, невозможность какого-либо сомнения в последней. Рационалистическая и эмпирическая парадигмы Нового времени, по сути, воспроизводят это отождествление, просто на место бога ставится другой объект – либо разум, либо чувства (ощущения, опыт). Критическая традиция, берущая свои начала в философии Канта, принципиальным образом покидает почву *метафизической* догматики, переводя свои рассуждения преимущественно в *эпистемологический* регистр, где, сближаясь со скептической установкой, реверсирует все вопросы касательно познания способностям человеческого разума.

Эти эскизно набросанные констелляции многократно усложняются, когда мы начинаем подвергать анализу отдельную философскую систему или концепцию, где изрядные трудности могут возникать уже на этапе квалификации онтологических и эпистемологических составляющих, не говоря уже о специфике их соотношения. Однако даже на уровне панорамного рассмотрения этого вопроса можно усмотреть крайнюю важность правильной атрибуции контекста (будет он онтологический или же эпистемологический), в котором мы будем говорить об истине или об обосновании знания. Западная философская традиция сложилась так, что контексты обсуждения проблемы истины более прозрачны в том смысле, что мы достаточно четко можем установить тип актуального доминирующего интереса: *hic et nunc* мы говорим об истине как об онтологической проблеме или как об эпистемологической проблеме. В противовес этому, контекст обсуждения проблемы обоснования не может похвастаться подобной четкостью. Так, например, было высказано предположение, что львиная доля критики тех или иных подходов к обоснованию

знания в основе своей неправомерно смешивает два типа убеждений, предъявляя требования эпистемических убеждений для обоснования неэпистемических [3]. Эта тенденция, на наш взгляд, коснулась и феноменологии, ее подходов к обоснованию знания. В настоящей статье мы хотели бы продемонстрировать в общих чертах эту тенденцию несколько синкретичного оценивания феноменологии, указать на негативные последствия таких оценок, а также представить вариант преодоления некоторых некорректных оценок подхода Гуссерля к вопросу обоснования знания. Следуя практике зарубежных авторов, мы предлагаем рассмотреть этот вопрос с помощью терминологического и концептуального аппарата современной эпистемологии, а именно в рамках таких противостоящих установок, как фундаментализм (foundationalism) и когерентизм¹.

Фундаментализм и феноменология

Для понимания природы фундаментализма Л. Бонжур предлагает обратить внимание на архитектурную метафору, заключенную в исходном термине «фундамент»: «...представьте себе здание или строение, возможно очень высокое, с множеством разных уровней, но все они покоятся на нижнем уровне, который в свою очередь уже ни на что не опирается»² [7. Р. 177]. Соответственно, в рамках фундаментализма мы сначала обнаруживаем или постулируем не требующих своего дальнейшего обоснования *базовые убеждения* (basic beliefs). Далее имеет место выведение из них новых убеждений, которые всегда могут быть редуцированы к базовым убеждениям для своего обоснования.

Классическими вариантами генеалогии базовых убеждений можно считать: в философии Аристотеля усмотрение сущности, «первых начал»; в схоластической традиции – восприятие бога как инстанции, генерирующей исключительно истинностные предикаты, а человеческого разума – как репликации божественного, за счет чего делается возможным прикосновение к истине, а к какой конкретно – истине философа или истине теолога – обсуждается отдельно, согласно «протоколу» концепции двух истин. Следующим парадигмальным образцом следует картезианское «*cogito*», а в Новейшем времени – опыт в различных интерпретациях Б. Рассела, М. Шлика, Р. Карнапа (теория протокольных предложений) и др.

Своеобразие феноменологии заключается в том, что в ней нашли отголоски и аристотелевский фундаментализм – эссенциализм, и декартовский. По словам Дж. Моханти, «феноменология находится между крайностями эссенциалистского реализма и трансцендентальной теории конституции» [8. Р. 88]. Неприятие полной версии эссенциализма сопровождалось для Гуссерля антидогматическими резонами, которые можно сформулировать следующим образом: «...эссенциализм тормозит изменения, процесс развития, навсегда закрывает возможность пересмотра истин настоящего – и в конечном итоге заставляет реальный мир, человеческий опыт и научное познание опираться на нерушимую сетку неизменных истин»

[8. Р. 88]. В общем и целом эссенциализм в феноменологии играет скорее инструментальную роль в дескриптивной работе с предметной (*gegenständlich*) сферой и сферой значений, и при переходе к трансцендентальному этапу эта его функция только укрепляется. Трансцендентальный этап феноменологии в свою очередь во многом составляет результат глубокой и принципиальной полемики Гуссерля с Декартом, в том числе и относительно проблемы обоснования знания.

В центре полемики находились следствия, выводимые из утверждения Декарта *cogito ergo sum*. Это утверждение фиксирует особый род переживания (сомнение), манифестирующего наличие особой мыслящей субстанции, в существовании которой мы уже не можем сомневаться, ибо она выступает неотъемлемым условием, атрибутом самой операции сомнения. Бытие этой сущности (*res cogitans*) является абсолютно достоверной истиной, в которой нельзя (невозможно) усомниться, а это, в свою очередь, дает основание считать первую фундаментом для построения знания, которое будет обладать иммунитетом к нападкам скептиков. Гуссерль по-своему переосмыслил эту идею.

В исследовательской литературе это переосмысление интерпретируется двояко. Некоторые исследователи не видят надобности в особо изощренной аргументации присутствия картезианского фундаментализма в феноменологии, поскольку Гуссерль открыто заявляет об этих корнях своей философии [9. Р. 177; 10. Р. 93]. В то же время есть исследователи, которые, напротив, в разной степени умаляют значение картезианского тезиса для феноменологии, а значит, ставят под сомнение фундаменталистский характер этого учения [11. Р. 107–129; 12. Р. 194–216].

Разногласия ученых по этому вопросу вполне оправданы. С одной стороны, Гуссерль принимает картезианский тезис, призывая совершить «великий поворот, который, если он осуществлен истинным образом, ведет к трансцендентальной субъективности: поворот к *ego cogito* как аподиктически достоверному и предельному основанию суждений, на котором должна строиться любая радикальная философия» [13. С. 32]. С другой стороны, нужно принять во внимание эту оговорку Гуссерля – «если он осуществлен истинным образом». По мнению основателя феноменологии, Декарт совершил роковую ошибку, придя к убеждению «будто бы мы в нашем аподиктическом чистом *Ego* спасли маленький кусочек мира, как то единственное из [всего] мира, которое не стоит под вопросом, и что все теперь зависит от того, чтобы вывести весь остальной мир посредством верно сделанных заключений и в соответствии с принципами, врожденными *Ego*» [13. С. 38]. На самом деле, аподиктическая очевидность должна касаться только того, что дано в опыте *ego*, в то время как за пределами этого опыта простирается «неопределенный предположительный горизонт того, что, собственно, не дано в опыте» [13. С. 37]. В этой связи *ego* как источник аподиктической очевидности не может гарантировать обоснованности выводов, сделанных на его основании. Поэтому Гуссерль настаивает на более последо-

вательном подходе к осуществлению радикального сомнения: «...не будем придавать значения ничему, кроме того, что действительно и прежде всего совершенно непосредственно дано в раскрытом для нас, благодаря *epoche*, поле *ego cogito*, следовательно, не будем утверждать ничего, чего мы сами не видим» [13. С. 39].

В этом месте, как нам кажется, можно увидеть некоторые отголоски отмеченной в начале статьи асимметрии между эпистемологическим и онтологическим углами зрения на вопрос обоснования. Гуссерль говорит о данном в опыте *ego*, говорит о его не подверженном сомнению статусе, однако не допускает дальнейшую работу сознания – в виде вынесения суждений (обретения убеждений) – обосновывать непогрешимым статусом *ego*. Если провести ось по линии опыта, то явным образом опыт распадется на онтологический (опыт *ego* как мыслящей инстанции) и эпистемологический (весь периферийный опыт сознания). Онтологизацию опыта *ego* есть соблазн интерпретировать в хайдеггерианском ключе, однако для Гуссерля эта онтологизация напрямую связана с более конкретной темой, а именно с проблемой генезиса научности в его проектах построения феноменологии как строгой науки. В рамках этого проекта говорится об «универсальной ответственности» и «свободном, автономном Я, которое старается осуществить врожденный ему разум» [14. С. 437].

Другими словами, за действие ученого ответственность несет не наука (как дело обстоит в классическом ее представлении), а сам ученый. Для этого ученый должен быть в состоянии «сохранять свое тождество с собой как разумным Я» [14. С. 437]. Здесь где-то и актуализируется онтологический смысл опыта *ego*. Что касается эпистемологического аспекта этого опыта, то здесь Гуссерль изъясняется весьма реалистичным (в обыденном смысле этого слова) образом: он допускает, что любой опыт может быть ошибочным.

И именно этот реалистичный шаг, совершенный в эпистемологическом поле, при полном игнорировании поля онтологического, был расценен Д. Фоллесдалем как шаг Гуссерля в сторону когерентизма. Фоллесдал приводит вопросы, которыми немецкий феноменолог задается в «Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии»: «...могу ли я начать с истины, с окончательной истины? <...> Если у меня уже есть такие “непосредственно очевидные” истины, то я, пожалуй, мог бы опосредованно выводить из них новые. Но где они у меня есть?» [11. Р. 122]. Эти вопросы и характер дальнейших рассуждений, по мнению Фоллесдаля, свидетельствуют о том, что Гуссерль признает неадекватность, неполноту и неясность в некоторых случаях нашего собственного опыта. В общих чертах вывод Фоллесдаля таков: «...если все относительно, если любой опыт может влечь за собой ошибочные умозаключения, если эти ошибочные умозаключения предполагают корректировку, то феноменология очевидным образом зиждется на когерентистском способе обоснования знания» [15. С. 237].

Однако, согласно Дж. Драммонду, феноменология Гуссерля не может рассматриваться ни как форма

когерентизма, ни как форма фундаментализма. Это не может быть фундаментализм, поскольку эта концепция «не в состоянии адекватно представить интенциональность опыта и, следовательно, не в состоянии адекватно прояснить, какова связь между переживаемым содержанием и переживаемой объективностью» [16. Р. 48]. Это не может быть и формой когерентизма, так как обоснование в феноменологии опять-таки подразумевает нечто большее, чем систематическую согласованность убеждений. Таким образом, Драммонд вводит термин «не-фундаментализм» («non-foundationalism») для обозначения знания, которое основано на «не вызывающем сомнения» субъективном опыте, но, тем не менее, подвержено ошибкам и допускает корректировку. Драммонд приходит к выводу, что «несомненность не влечет за собой невозможность исправления, таким образом, остается вполне вероятным, что в непрекращающемся философском размышлении такие истины будут исправлены не отрицанием, а уточнением и более точной квалификацией» [16. Р. 65].

К. Санчес разделяет точку зрения Драммонда, но идет дальше, утверждая, что в рамках феноменологии «обоснование – гораздо более динамичный процесс, чем предлагают два вышеупомянутых дискурса (фундаментализм и когерентизм. – С.Б.); что еще более важно – нужно отказаться от векового проекта абсолютного обоснования знания» [17. Р. 16].

Все приведенные выше точки зрения явным образом свидетельствуют о том, что сложность для интерпретации представляет не только сущность проблемы обоснования в феноменологии, но и выбор угла зрения на эту проблему. Так, Ф. Бергхофер, критически оценивая высказанную Фоллесдалем прокогерентистскую квалификацию феноменологии, высказался в том духе, что «интерпретация Гуссерля как когерентиста просто потому, что он не является классическим фундаменталистом, означает неспособность понять, что такое фундаментализм» [18. Р. 15]. Представляется, что некоторого прояснения в этом вопросе позволит достичь более гибкая система взглядов, выразителем которой является концепция умеренного фундаментализма.

Умеренный фундаментализм и феноменология

На самом деле появление концепции умеренного фундаментализма было периферийным следствием процессов в аналитической эпистемологии, пик которых пришелся на 1970–1980-е гг. Содержательный характер этих процессов во многом определялся последствиями метафизического поворота, который, как это часто бывает, решив или сняв одни проблемы, породил другие. Отказ от традиционной метафизики логически влек за собой необходимость отказа от фундаментализма, цена этого отказа была достаточно высока – практически полная обезоруженность перед угрозой скептицизма, а также ряд других проблем. Попытки сконструировать приемлемый механизм обоснования знания в антидогматической и антискептической конъюнктуре породили невероятное количество направлений и концепций, но в общих чертах эти

поиски сводились к разнообразному модифицированию фундаментализма и когерентизма с целью выведения таких форм, которые могли бы быть конкурентоспособными в обозначенных условиях. Одной из таких форм и явилась концепция умеренного фундаментализма.

В 1976 г. выходит статья В. Олстона «Два типа фундаментализма». Автор придерживался мнения, что фундаментализм, в своем переосмысленном эмпирическом изводе, располагает более весомыми и отнюдь не догматическими средствами борьбы со скептицизмом. Кроме того, такой фундаментализм (как, впрочем, и классический) решает проблему бесконечного круга обоснования, которая является слабым местом когерентизма. Для того чтобы прийти к такой форме фундаментализма, Олстон призывает критически подойти к структуре опыта, которая находит свое отражение в формировании нами базовых убеждений. Необходимо подвергнуть анализу «предположение, что основы, на которых зиждутся эпистемические убеждения, сами по себе являются эпистемическими» [3. Р. 175]. Например, убеждение в том, что передо мной красный круг не является по своей природе эпистемическим, поскольку природа этого убеждения не содержит в себе посторонней эпистемической нагрузки. А вот убежденность в том, что я обоснованно полагаю, что передо мной красный круг, – это уже эпистемическое убеждение за счет «вшитого» в него эпистемического концепта обоснованности.

От концептуальной идеи Олстона к её терминологическому оформлению спустя десять лет пришел сторонник эпистемического когерентизма Л. Бонжур. В своей работе «Структура эмпирического знания» для предметной полемики он создает из фундаментализма такого соперника, который находился бы в одной весовой категории с когерентизмом (по степени возможностей и адекватности историко-философскому контексту). Для этого он выделяет три версии фундаментализма: 1) сильный (strong); 2) умеренный (modest) и 3) слабый (weak). Первый и третий он отказывается принимать во внимание, поскольку первый отождествляется с классическим фундаментализмом, в котором базовые убеждения должны соответствовать таким характеристикам, как «infallible» (безошибочный), «indubitable» (несомненный), «incorrigible» (не допускающий исправлений). Хотя «сильные и амбициозные заявления об убеждениях такого характера редко сопровождаются разъяснением указанных терминов» [5. Р. 26], не говоря уже о метафизических предпосылках такого фундаментализма. Со слабым фундаментализмом Бонжур отказывается работать потому, что, условно говоря, он настолько «слаб», что его в пору квалифицировать как когерентизм [5. Р. 28]. А вот во второй версии – умеренном фундаментализме – Бонжур видит единственного достойного соперника для когерентизма. Бонжур дает следующее определение: «...согласно умеренному фундаментализму, невыводного основания (noninferential warrant), которым обладают базовые убеждения, достаточно самого по себе, чтобы удовлетворить условию адекватного обоснования знания. Таким образом,

с этой точки зрения базовое убеждение, если оно истинно, автоматически является инстанцией знания (instance of knowledge) и, следовательно, полностью приемлемо в качестве предпосылки для обоснования дальнейших эмпирических убеждений. В силу своей полной обосновывающей независимости от других эмпирических убеждений такие базовые убеждения в высшей степени подходят на роль основоположения» [5. Р. 26]. В этой версии фундаментализма и нашла свое выражение идея Олстона разделить убеждения: 1) на эпистемические (содержат в себе те или иные эпистемические концепты, например, знание или обоснование); и 2) неэпистемические (не содержат эпистемических концептов). В своей более поздней работе Олстон приводит такой пример: «...вид [дома] должен толковаться не как видение чего-то как дома, что подразумевает принятие его за дом, то есть убежденность в том, что это дом, но скорее как взгляд на то, как дом обычно выглядит для обычного воспринимающего с такого-то расстояния, под определенным углом, при определенном освещении и т.д.» [19. Р. 231]. Здесь уже более рельефно прослеживается аналогия феноменологического подхода к характеру опыта как очевидности. Аподиктический характер опыта трансцендентального *ego* не является эпистемическим концептом, а вот различные модификации работы с ним – возможность сомнения, возможность вносить корректировки в свои убеждения, признание возможности ошибки – выступают эпистемическими концептами, которые не влияют на фундаментальный характер невыводного основания.

Более формальное описание умеренного фундаментализма в феноменологии мы находим у Бергхюфера. Согласно его версии:

- (1) есть непосредственное обоснование (immediate justification), т.е. базовые убеждения, которые сами по себе достаточно обоснованы;
- (2) непосредственное обоснование не должно быть безошибочным;
- (3) обоснованные небазовые убеждения выводятся из базовых убеждений;
- (4) выводное рассуждение понимается в нестрогом смысле (liberal sense), который не ограничивается дедуктивным рассуждением;
- (5) выводное рассуждение подвержено ошибкам;
- (6) согласованность (coherence) играет важную эпистемическую роль;
- (7) убеждения (даже базовые убеждения) могут получить обосновывающую поддержку в результате согласованности с другими убеждениями;
- (8) в некоторых случаях отсутствие согласованности может снизить степень обоснованности убеждения;
- (9) обоснованные убеждения (обоснованные сразу или опосредованно) могут быть опровергнуты другими убеждениями [18. Р. 7].

Более нарративное описание и объяснения этих факторов дает Д. Захави: «...прежде всего Гуссерль не рассматривает свой собственный трансцендентальный анализ как окончательный, финальный анализ. Это исследование поля, которое в абсолютном смысле неизбежно (unhintergebar). Но анализ в этой области

всегда можно уточнить, углубить и улучшить. Согласно Гуссерлю, полная и окончательная истина о трансцендентном измерении является регулирующим идеалом. Философия как наука, основанная на предельном обосновании, является идеей, которая может быть реализована только в бесконечном историческом процессе» [20. Р. 67]. Говоря о «неизбежности поля» трансцендентального сознания. Захави вновь нас возвращает к конstellляциям, описанной в начале статьи. Гуссерль видит в феноменологии науку нового типа. В центр внимания помещается исследование субъективного опыта сознания с помощью феноменологической редукции. В последующем происходит наслаивание этих исследований, одно на другое в ходе интересующих феноменологических практик. На закономерный вопрос, вызванный скептическими подозрениями, как в основе всего может быть субъективный опыт, Гуссерль и делает указание на трансцендентальное *ego*, на универсальность допредикативных структур сознания. Но в то же время допущение возможности дедукции какого бы то ни было знания из *ego cogito* было равносильно возвращению к догматическому способу философствования, что ни в коей мере не соответствовало критической позиции феноменологии. Таким образом, концепция умеренного фундаментализма наиболее приближенным образом описывает маневрирование феноменологии между скептицизмом и догматизмом, вылившееся в практику постоянной трансцендентальной критики сознания. Эта практика в свою очередь условно может быть представлена двумя ступенями, которые мы соотнесем с классификацией убеждений по Олстону:

1) первая ступень, соответствующая неэпистемическим убеждениям: «...на первой ступени нужно пересечь всю огромную область трансцендентального опыта своей собственной данности, сначала просто доверяясь очевидности, которая внутренне присуща его согласованному протеканию, т.е. отодвинув на задний план вопросы рациональной критики, озабоченной аподиктическими принципами области действия [этого опыта]. На этой, еще не в полной мере философской ступени мы поступаем подобно естествоиспытателю с его полным доверием очевидностям естественного опыта» [13. С. 45];

2) вторая ступень, соответствующая эпистемическим убеждениям, «будет представлена в виде критики трансцендентального опыта, и на основании этого – критики трансцендентального познания вообще» [13. С. 45].

Заключение

Коротко суммируем технические опции термина «умеренный фундаментализм» применительно к феноменологии. «Умеренность» будет отражать возможность корректировки знания (в пику строгому – классическому – фундаментализму). Эта возможность напрямую связана с критической установкой феноменологии (т.е. возможности сомневаться, вносить поправки, сообразуясь с эмпирическими данными и т.д.). «Фундаментализм» будет указывать на *ego cogito*, которое в рамках феноменологии специфицируется тем, что не выступает источником аподиктических истин (как у Декарта), а лежит в основе принципов очевидности и интенциональности. Действительно, *ego cogito* выполняет методологическую роль, но в то же время феноменология, имея уклон в сторону практически ориентированных философий, не отсекает от себя традиционные измерения философской рефлексии, подразумевающей опору на определенную онтологию. Но если античная, схоластическая, нововременная философии порождали сложные метафизические системы спекулятивного универсалистского профиля, то Гуссерль меняет акценты: Первая философия в рамках феноменологии – это методология, феноменологическая редукция³, а Вторая философия – это те области сознания, к которым мы приходим в результате произведенной феноменологической редукции. Эти области Гуссерль и предлагает называть метафизикой (но, разумеется, с предельной осторожностью используя этот термин). Крайне важно еще раз подчеркнуть, что все эти аспекты так или иначе связаны с трансцендентальным *ego* [22, 23], обыгрывают его особый статус. В этой связи констатировать наличие фундаментализма у Гуссерля (в его умеренной версии) представляется очень важным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ П.С. Куслий предупреждает нас о том, что «холистское утверждение о том, что обосновываются не единичные суждения, а системы, не следует путать с когерентистским тезисом о том, что суждение истинно, если оно сообразуется с другими суждениями в рамках общей системы, равно как не следует думать, что первое имплицитно последнее» [4. С. 58]. Другими словами, правильнее противопоставлять фундаментализму холизм. Есть два базовых критерия знания: истина и обоснование. У истины есть три основных теории: корреспондентная, когерентная и прагматистская. И у обоснования есть две основные теории: фундаменталистская и холистская. И эти вещи, действительно, не следует путать. Тем не менее мы будем следовать традиции, идущей от Л. Бонжура, который фундаментализму противопоставлял именно когерентизм, используя критерий линейного и нелинейного обоснования («linear versus nonlinear justification») [5. Р. 89–93]. Заметим, что этой традиции следуют и некоторые отечественные авторы: «...альтернативный фундаментализму когерентистский подход состоит в следующем. Согласно когерентной теории обоснования, полагание делает обоснованным его когерентность с другими полаганиями – где, как и в когерентной теории истины, стандарты того, что составляет когерентность, принадлежат непосредственно самой теории. Когерентисты отрицают, что существуют базовые причины и утверждают, что все полагания получают свое обоснование, по крайней мере, частично, от других полаганий. В основе такого подхода – предположение о том, что наши полагания взаимно поддерживают друг друга, образуя структуру, подобную сети (“web of belief” Куайна)» [6. С. 414]. На всякий случай обратим внимание на то, что в приведенной цитате «полаганию» соответствует термин «belief», который мы в данной статье переводим и используем как «убеждение».

² Эта метафора может привести к мысли, что сам фундамент закладывается в земле, т.е. все-таки предполагает некоторые основания и для себя самого. В каком-то смысле это так, но речь идет скорее о «праисконной» почве такого рода, где находят свои корни как рациональная (наука в современном ее понимании, основной массив западной философии и т.п.), так и иррациональная, дорациональная деятельность человека (искусство, отчасти религия, мифология и т.п.). А уже какое «здание» и с каким «фундаментом» будет возводиться на этой почве – определяется внешними и внутренними задачами конкретной деятельности.

³ Второй том лекций «Первая философия» полностью посвящен разработке метода трансцендентальной редукции, предоставляющей доступ к полю трансцендентального опыта как теме трансцендентальной критики [21].

ЛИТЕРАТУРА

1. Pfänder-Studien // *Phaenomenologica* 84. The Hague ; Boston ; London : Martinus Nijhoff, 1982. S. 349.
2. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Избранные работы / сост. В.А. Куреной. М. : Территория будущего, 2005. С. 185–191.
3. Alston W.P. Two Types of Foundationalism // *Journal of Philosophy*. 1976. Vol. 73, № 7. P. 165–185.
4. Куслий П.С. Понятие истины в аналитической философии // Понятие истины в социогуманитарном познании / отв. ред. А.Л. Никифоров. М. : ИФРАН, 2008. С. 55–77.
5. Bonjour L. *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge : Harvard University Press, 1988. 258 p.
6. Аналитическая философия: учеб. пособие / под ред. М.В. Лебедева, В.А. Суровцева, А.З. Черняка. М. : Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2006.
7. Bonjour L. *Epistemology: Classic Problems and Contemporary Responses*. Lanham ; Boulder ; New York : Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2010. 331 p.
8. Mohanty J.N. *Phenomenology: Between Essentialism and Transcendental Philosophy*. Evanston, Illinois : Northwestern University Press, 1997. 101 p.
9. Mohanty J.N. *Husserlian Transcendental Phenomenology* // *Edmund Husserl and the Phenomenological Tradition*. Washington : The Catholic University of America Press, 1988. P. 175–182.
10. McIntyre S. *Husserl and Intentionality*. Boston : D. Reidel Publ. Co, 1982. 423 p.
11. Føllesdal D. *Husserl on Evidence and Justification* // *Edmund Husserl and the Phenomenological Tradition*. Washington : The Catholic University of America Press, 1988. P. 107–129.
12. Hopp W. *Husserl, Phenomenology, and Foundationalism* // *Inquiry*. 2008. Vol. 51, № 2. P. 194–216.
13. Гуссерль Э. Картезианские медитации / пер. с нем. В.И. Молчанова. М. : Академ. проект, 2010. 229 с.
14. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / пер. с нем. Д.В. Кузница. СПб. : Наука, 2013. 494 с.
15. Бердаус С.В. Нефундаментализм и обоснование практического знания в феноменологии // *Сибирский философский журнал*. 2017. Т. 15, № 4. С. 232–245.
16. Drummond J.J. *Husserlian Intentionality and non-foundational Realism: Noema and Object* // *Contributions to Phenomenology*. Dordrecht ; Boston ; London : Kluwer Academic Publishers, 1990. Vol. 4. 295 p.
17. Sanchez C.A. *Epistemic Justification and Husserl's "Phenomenology of Reason"* in *Ideas I* // *Epistemology, archaeology, ethics: current investigations of Husserl's Corpus*. N.Y. : Continuum, 2010. P. 7–20.
18. Berghofer P. *Why Husserl is a Moderate Foundationalist* // *Husserl Studies*. 2018. Vol. 34 (1). P. 1–23.
19. Alston W.P. *Beyond «justification»: dimensions of epistemic evaluation*. Ithaca ; London : Cornell University Press, 2005. 256 p.
20. Zahavi D. *Husserl's phenomenology*. Stanford ; California : Stanford University Press, 2003. 178 p.
21. Husserl E. *Erste Philosophie. Zweiter Teil (1923/24)* (*Husserliana: Gesammelte Werke*; Bd. 8). Dordrecht ; Boston ; London : Kluwer Academic Publishers, 1996. 594 S.
22. Husserl E. *Erste Philosophie. Erster Teil (1923/24)*. (*Husserliana: Gesammelte Werke*. Bd. 7). Haag. Martinus Nijhoff, 1956. 468 S.
23. Бердаус С.В. Первая философия Э. Гуссерля в контексте феноменологии как науки // *Respublica Literaria*. Т. 1, № 2. С. 20–27.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 5 июля 2021 г.

Moderate Foundationalism in Husserl's Phenomenology

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 17–23.

DOI: 10.17223/15617793/472/2

Svetlana V. Berdaus, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: s.berdaus@yandex.ru

Keywords: Husserl; phenomenology; foundationalism; coherentism; moderate foundationalism; epistemology; basic beliefs.

The article deals with the problem of knowledge justification in Husserl's phenomenology. The author of the article shows that, in the matter of justification of knowledge, Husserl's phenomenology does not fully meet the requirements of either foundationalism or coherentism. The fundamentalist way of reasoning assumes the presence of basic beliefs, from which all inference beliefs are derived. One of the most paradigmatic examples of foundationalism is the Cartesian “*cogito ergo sum*”, and it is this kind of justification that is present in phenomenology. However, the Cartesian method of justification is accepted by Husserl in a truncated form: the *ego* is the source of apodictic evidence, but it cannot guarantee the adequacy of subsequent conclusions. In this regard, the author of the article comes to the conclusion that Husserl is a moderate foundationalist in the matter of knowledge justification. In search of an explanatory principle for such a position, a hypothesis is expressed about the asymmetry between epistemological and ontological approaches to the interpretation of the *ego*'s experience in Husserl's phenomenology. A non-epistemic understanding of the *ego*'s experience presupposes the recognition of the obviousness of the existence of the *ego* as a thinking instance, while an epistemic understanding concerns all peripheral superstructures of the *ego*, which, in fact, are inferential knowledge from the basic belief given by the formulation *cogito ergo sum*. The presence of these restrictions forced Dagfinn Føllesdal to qualify Husserl's phenomenology as a kind of coherentism. The author of the article objects to this, believing that phenomenology cannot be considered either as a form of coherentism or as a form of (strong) foundationalism. Based on William Alston's thesis on the combination of epistemic and non-epistemic beliefs in a rethought type of foundationalism and on the works of Laurence Bonjour, the author of the article comes to the conclusion that Husserl's phenomenology should be understood as moderate foundationalism. The specificity of phenomenology – its appeal to the experience of the transcendental *ego* – leads to the fact that the pre-predicative structures of consciousness become the criterion of validity as such. Thus, moderate foundationalism in phenomenology boils down to the fact that Husserl recognized the undoubted evidence of the non-epistemic experience of the *ego* experience and, on the other hand, saw the possibility of correcting epistemic beliefs that do not affect the fundamental nature of the non-derivative basis.

REFERENCES

1. von Spiegelberg, H. & Avé-Lallemant, E. (eds) *Pfänder-Studien* (*Phaenomenologica* 84). The Hague; Boston; London: Martinus Nijhoff.
2. Husserl, E. (2005) *Filosofiya kak strogaya nauka* [Philosophy as Rigorous Science]. In: Kurenay, V.A. (ed.) *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Territoriya budushchego. pp. 185–191.
3. Alston, W.P. (1976) Two Types of Foundationalism. *Journal of Philosophy*. 73 (7). pp. 165–185.

4. Kusliy, P.S. (2008) Ponyatie istiny v analiticheskoy filosofii [The concept of truth in analytic philosophy]. In: Nikiforov, A.L. (ed.) *Ponyatie istiny v sotsiogumanitarnom poznanii* [The concept of truth in socio-humanitarian knowledge]. Moscow: Institute of Philosophy, RAS. pp. 55–77.
5. Bonjour, L. (1988) *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge: Harvard University Press.
6. Lebedev, M.V. et al. (eds) (2006) *Analiticheskaya filosofiya: ucheb. posobie* [Analytic philosophy: textbook]. Moscow: RUDN.
7. Bonjour, L. (2010) *Epistemology: Classic Problems and Contemporary Responses*. Lanham; Boulder; New York: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.
8. Mohanty, J.N. (1997) *Phenomenology: Between Essentialism and Transcendental Philosophy*. Evanston, Illinois: Northwestern University Press.
9. Mohanty, J.N. (1988) Husserlian Transcendental Phenomenology. In: Sokolowski, R. (ed.) *Edmund Husserl and the Phenomenological Tradition*. Washington: The Catholic University of America Press. pp. 175–182.
10. McIntyre, S. (1982) *Husserl and Intentionality*. Boston: D. Reidel Publ. Co.
11. Føllesdal, D. (1988) Husserl on Evidence and Justification. In: Sokolowski, R. (ed.) *Edmund Husserl and the Phenomenological Tradition*. Washington: The Catholic University of America Press. pp. 107–129.
12. Hopp, W. (2008) Husserl, Phenomenology, and Foundationalism. *Inquiry*. 51 (2). pp. 194–216.
13. Husserl, E. (2010) *Kartezianskie meditatsii* [Cartesian Meditations]. Translated from German by V.I. Molchanov. Moscow: Akadem. proekt.
14. Husserl, E. (2013) *Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya: Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu* [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy]. Translated from German by D.V. Kuznitsin. Saint Petersburg: Nauka.
15. Berdaus, S.V. (2017) Nefundamentalizm i obosnovanie prakticheskogo znaniya v fenomenologii [Non-fundamentalism and substantiation of practical knowledge in phenomenology]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. 15 (4). pp. 232–245.
16. Drummond, J.J. (1990) *Husserlian Intentionality and non-foundational Realism: Noema and Object* (Contributions to Phenomenology, 4). Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers.
17. Sanchez, C.A. (2010) Epistemic Justification and Husserl's "Phenomenology of Reason" in Ideas I. In: Vandavelde, P. & Luft, S. (eds) *Epistemology, archaeology, ethics: current investigations of Husserl's Corpus*. N.Y.: Continuum. pp. 7–20.
18. Berghofer, P. (2018) Why Husserl is a Moderate Foundationalist. *Husserl Studies*. 34 (1). pp. 1–23.
19. Alston, W.P. (2005) *Beyond "justification": dimensions of epistemic evaluation*. Ithaca; London: Cornell University Press.
20. Zahavi, D. (2003) *Husserl's phenomenology*. Stanford; California: Stanford University Press.
21. Husserl, E. (1996) *Erste Philosophie. Zweiter Teil (1923/24)* (Husserliana: Gesammelte Werke; Bd. 8). Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers.
22. Husserl, E. (1956) *Erste Philosophie. Erster Teil (1923/24)*. (Husserliana: Gesammelte Werke. Bd. 7). Haag. Martinus Nijhoff.
23. Berdaus, S.V. (2020) Pervaya filosofiya E. Gusserlya v kontekste fenomenologii kak nauki [The First Philosophy of E. Husserl in the Context of Phenomenology as a Science]. *Respublica Literaria*. 1 (2). pp. 20–27.

Received: 05 July 2021

ОБЪЕКТИВНОЕ ВРЕМЯ: В ЧЕМ ПРЕИМУЩЕСТВА РЕАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ?

Предпринята попытка обосновать объектно-ориентированный подход для исследования социальной темпоральности. Показаны преимущества реализма как теоретико-методологической рамки для осмысления социального времени. Прослежены взгляды представителей неореализма и критического реализма. Показана необходимость обращения к объектно-ориентированному подходу для разрешения возникших ранее противоречий. Время трактуется автором как интеробъективный феномен, функция от объектов, их отношений, порядка и стремления к взаимодействию.

Ключевые слова: время; социальное время; реализм; неореализм; критический реализм; объектно-ориентированный подход; плоская онтология; объектно-ориентированная онтология

Введение

В настоящий момент конструктивистская методология представляет собой основную эпистемологическую рамку в современных гуманитарных науках. Если оставить за скобками различия среди представителей разных направлений, можно сказать, что сторонники конструктивизма исходят из того, что то, что мы называем реальностью, в определенной степени представляет собой социальный конструкт.

Истоки подхода некоторые исследователи видят еще у досократиков и в римском скептицизме – представители этих направлений ставили под вопрос возможность доступа к реальности [1], однако, более оправданно будет связывать появление конструктивизма с ростом секуляризации, развитием психологии и распространением психологизма, которые стали источником новых трактовок человека как познающего субъекта и процесса познания вообще.

Конструктивизм, без сомнения, позволил разрешить ряд проблем, эпистемологических ресурсов для работы с которыми ранее было не достаточно. Это касается, прежде всего, влияния различных социальных факторов и человеческого опыта, которые были осмыслены как необходимое условие объективности и достоверности. Однако применительно к современной теории познания можно говорить об определенном кризисе конструктивистской парадигмы. Постулируемая иерархия между реальностью и ее репрезентацией на деле оборачивается тем, что только репрезентация объявляется доступной познающему субъекту (а в случае крайнего конструктивизма репрезентация практически отождествляется с реальностью). В отличие от теории отражения, в рамках которой существуют конкретные критерии истинности, с позиции конструктивизма речь может идти только об образах («мир-как-выставка») [2]. В этом случае конструктивизм оказывается вариантом замкнутого круга: он признает, что действительность конструируется субъектом, но сам субъект также выступает в качестве конструкта; постулаты, на которые можно опираться в процессе познания, оказываются произвольными, а достоверность результата познания определяется только полезностью или соответствующим контекстом. Это особенно заметно в постструктуралистских теориях и работах философов-аналитиков, эвристиче-

ский потенциал построений которых представляется затрудненным.

Сведение философии к анализу текстов, что можно трактовать как следствие доминирования конструктивистской парадигмы, позволило решить ряд задач, недоступных для разрешения ранее, однако оставило за пределами внимания исследователей вопросы, которые волновали философов на протяжении столетий; если бытие, время, реальность оказываются только словами, то можно констатировать кризис не только эпистемологии, но и философского знания вообще. Эта ситуация стала одной из причин возврата интереса к реализму как эпистемологическому подходу.

Исследование эвристических возможностей реализма и реалистического подхода к изучению социального времени является целью предлагаемой статьи. Для достижения этой цели на первом шаге будет предложена характеристика реализма как теоретико-методологической рамки, далее мы проанализируем, как сложности реалистического подхода разрешались в неореализме XX в. и какие трактовки социальной темпоральности содержались в этих реалистических взглядах, затем, выделив некоторые трудности проанализированных выше моделей, представим вариант их разрешения в объектно-ориентированном подходе к социальной темпоральности.

Нас интересует реалистические подходы именно к социальной темпоральности, так как Хилари Пэнтам заметил, что все философские вопросы о времени были решены в специальной теории относительности и теориях последователей А. Эйнштейна [3. Р. 245], однако, добавим мы, это касается физического времени, а социальная темпоральность, на наш взгляд, продолжает нуждаться в дополнительной концептуализации. В рамках конструктивизма трактовки социального времени были перегружены разными значениями, а обоснование онтологических оснований времени находилось за пределами внимания исследователей, вследствие этого фундаментальные выводы о социальном времени были затруднены. Время, как правило, выступало как одна из функций социальных практик, что оставляло за пределами внимания исследователей его детерминирующие и конституирующие значения.

Обоснование мышления о социальном времени в рамках реалистического подхода представляется нам

важным, так как позволяет обосновать конституирующие значение социальной темпоральности, а также показать возможность осмысления времени за пределами функций от социальных практик и (или) социальных процессов.

Реализм и неореализм в осмыслении социальной темпоральности

Критика социального конструктивизма как эпистемологической рамки привела к возвращению интереса к действительности, которая все чаще трактуется в качестве онтологически присутствующего. Реализм признает существование мира, который не сводится к представлению о нем или его репрезентации в сознании действующего субъекта, т.е. реальность, с позиции представителей этого направления, наличествует вне зависимости от опыта или познавательных возможностей субъекта, наличия у него технических, методологических или логических возможностей для познания этой реальности. Субъект выступает в качестве отделенного от реальности – в отличие от социального конструктивизма, предполагающего корреляцию действительности и мышления человека об этой действительности.

Возможно, выбор между реализмом и антиреализмом обусловлен теми ценностными предпосылками, которыми руководствуется исследователь, но в случае реализма он с необходимостью предполагает еще и экспликацию объективных онтологических предпосылок самого реализма. Ответить на вопрос «Что такое время?» – значит, заменить образ времени в понятийном базисе на какое-либо другое базовое понятие, опираясь на которое становится возможным обсуждать само время [4. С. 17], а вопрос о времени «с методологической точки зрения скорее сугубо метафизический по своей сути, который должен быть исследован собственными средствами метафизики» [5. С. 246].

К первым реалистам в теории познания можно отнести Парменида, настаивающего на наличии условий описания действительности; неизменность реальности оказывается у него не только ее атрибутом, но и условием для возможности ее изучения. К реализму относятся обе стороны в известном средневековом споре о природе универсалий, так как их представители настаивали на объективном существовании чего-либо, действительность которого не зависит от доступа к ней субъекту – не важно, шла ли речь о дереве как родовом понятии или реальности конкретных березы, осины, дуба или ели. Г. Гегель строит систему своей философии на объективном наличии понятия. Несмотря на сложности с концептуализацией социальной реальности, которые затрудняют реалистический подход к социальному, К. Маркс настаивает на существовании объективных исторических законов, действие которых никак не связано с возможностями их познания. Опираясь на исторический материализм Маркса, продолжали развивать реалистический подход представители советской философии истории. Об историческом реализме говорят также Э. Трельч и Ф. Майнеке. Сейчас реализм активно развивается в рамках современной философии науки. Исследовате-

ли подчеркивают, что научные теории не конструируют реальность, но описывают объективно существующие закономерности (Я. Хакинг), а реальность существует за пределами сознания познающего субъекта (А.Л. Доброхотов); об интересе к реализму свидетельствует развитие «предположительного» реализма А. Масгрейва или гипотетического реализма Г. Фоллмера, несмотря на спорность этих теорий и наличия в них осторожного компромисса с конструктивизмом.

Далее мы рассмотрим, какие логические ходы были сделаны в рамках реалистических подходов и чем они полезны для исследования социального времени.

Реалистические подходы ко времени можно разделить на два больших направления: реальным называется само время, вне зависимости от того, каким образом оно интерпретируется, или в качестве реального выступают основания, на которых строится время или следствием чего оно является. С позиции этого определения можно констатировать, что реализм в исследовании темпоральности выступает более распространенным, если взглянуть на всю историю философии (как и реалистические подходы к чему-либо вообще). Реальным было время как подвижный образ вечности у Платона и субстанциональные концепции теоретиков Нового времени. Однако в этих трактовках под временем имеется ввиду именно физическая, а не социальная темпоральность. Такую позицию можно связать с тем, что сам интерес к социальному, в том числе к социальному времени, проявляется только в позднее Новое время, хотя стремление к осмыслению различных проявлений нефизической темпоральности прослеживаются и ранее. Различение физического и нефизического времени можно констатировать еще в неоплатонизме, в рамках которого отдельно выделяется умопостигаемое время, определяемое только лишь как возможность для познания физической темпоральности. Средневековые философы обратили внимание на историческое время, определяемое ими как и объективное проявление божественного замысла, и субъективный человеческий выбор. Это противоречие проявляется сейчас в дискуссиях об исторических закономерностях и роли личности в истории. Развитие теории познания в Новое время приводит к распространению различения между абсолютным временем и его субъективным восприятием (И. Ньютон), но время в целом, как правило, отождествлялось с показателями часов и не осмыслялось дополнительно.

Концептуализация социального как отдельного поля исследований в конце XIX в. стала источником новых трактовок темпоральности и повышения внимания к ее социальным аспектам. В работах Г. Зиммеля, М. Вебера время определялось различными аспектами социального и не трактовалось в качестве реального. Э. Дюркгейм связал время с ритмами коллективной жизни; эта трактовка надолго окажется определяющей в осмыслении социальной темпоральности, однако такую интерпретацию нельзя отнести к реалистической. Поэтому в рамках задач, поставленных в предлагаемой статье, нас более интересуют реалистические подходы XX – начала XXI в. и

идеи, связанные с социальной темпоральностью, высказанные в рамках этих направлений.

Подведем промежуточный итог. На этом этапе нам важно зафиксировать следующие результаты: 1) реализм признает существование реальности, независимой от познавательных возможностей субъекта; 2) нефизические аспекты темпоральности требовали специфической исследовательской оптики; 3) социальное время выступает в качестве функции от социальных процессов. Не ставя под сомнение важность этих выводов, мы, тем не менее, подчеркнем их возможные слабые места, требующие дальнейшего обоснования. 1. Если существует реальность, которая не зависит от субъекта, то существуют ли адекватные способы доступа к этой реальности и критерии верификации полученных выводов? 2. Что может стать источником для языка описания нефизической темпоральности? 3. Само представление о социальных процессах, явлениях, системах оказывается достаточно дискуссионным в социальных науках, следовательно, в зависимости от разной трактовки, меняется представление о различных аспектах социального времени, а само оно ускользает от внимания исследователей. Далее мы проанализируем, какие способы разрешения указанных выше сложностей предлагали реалистические система XX в.

Истоком нового этапа реализма стало интенсивное развитие естествознания и переосмысление идей, на которых ранее строилась теория познания. В частности, критику вызывало доминирование эпистемологического дуализма, который опирался на идеи Джона Локка. В 1912 г. вышел сборник под названием «Новый реализм. Совместные исследования по философии», в котором последовательно обосновывалось не только реальное существование каких-либо объектов, но и их непосредственная данность субъекту через трактовку познания как свойства человеческой природы [6].

Неореализм так и не стал эпистемологической парадигмой или эвристически продуктивным эпистемологическим подходом, однако некоторые его идеи (концептуализация объекта, существующего независимо от сознания познающего субъекта – Дж. Мур; возможность мышления о познании как об объекте – У.П. Монтегю) довольно успешно использовались теоретиками для достижения поставленных ими целей. Несмотря на то, что социальная темпоральность сама по себе не была в центре внимания неореалистов, отдельные идеи его представителей (или теоретиков, которые опирались на неореализм) позволили прояснить некоторые основополагающие темпоральные понятия. Альфред Уайтхед рассматривал дихотомию события и объекта, настаивая на процессуальности не только большинства анализируемых феноменов, но и самой природы [7]. Идеи Уайтхеда окажут влияние на акторно-сетевую теории Б. Латура и, через него, на объектно-ориентированную онтологию, о которой речь пойдет ниже. С. Александер адаптировав взгляды А. Эйнштейна для решения философских задач, оставлял статус реального только за пространством; при этом он выступал против определения пространства и времени как отношений, потому что

само понятие «отношения» предполагает какие-то темпоральные аспекты, которые будут мешать осмыслению реальности пространства и пространства-времени как хронотопа в качестве движения. В система Александра пространство-время выступает субстанцией, причем эта субстанция отождествляется с движением. Материя таким образом оказывается подчиненной движению, а сознание выступает следствием эволюции хронотопа [8].

Другим реалистическим направлением XX в. выступает критический реализм. В 1920 г., также коллективом авторов, была выпущена работа «Очерки критического реализма» [9]. Ее авторы (среди них Дж. Сантаяна, Д. Дрейк, А. Роджерс) стремились еще дальше, чем представители неореализма, уйти от своих классических предшественников, однако остаться в рамках реалистической парадигмы. В отличие от коллег, критический реализм уделяет много внимания возможностям сознания оперировать данными, но сложности вызывало определение, что является «данными», а что уже выступает в качестве продукта их переработки. Дискуссии представителей не позволили выработать единую позицию, что выступило главной причиной распада движения уже в 1930-е гг., хотя многие авторы сборника продолжали оставаться на реалистических позициях. Как и в случае с неореализмом, представители раннего критического реализма не обращались непосредственно к социальному времени как объекту своего исследования, но развивали подходы к различным темпоральным категориям. В частности, Р.В. Селларс рассматривает пространство-время в качестве своеобразной емкости, в которой существуют материальные предметы; Сантаяна высказывался против реальности времени, так как реальным статусом могут обладать только те самые «данные».

Несмотря на то, что социальное время не было объектом исследования неореалистов и ранних критических реалистов, их работы показали возможность и важность реалистических подходов, позволили переосмыслить категории субстанции и объекта. На этом этапе значимым представляется переосмысление фундаментальных онтологических оснований, с позиции которых можно говорить о социальном времени с точки зрения реализма. Однако сама темпоральность теряется за процессуальностью А. Уайтхеда, а Дж. Сантаяна оставляет статус реального только за данными (чтобы он не имел под ними в виду).

Следующий этап критического реализма начинается в 1970-х гг. с прояснения некоторых аспектов научного познания и осмысления места социальных факторов в процессе познания.

Р. Бхаскар исходит из базового постулата о реальности исследуемого мира. Исследователь не способен к конструированию смысла реально действующих агентов и происходящих процессов, так как каузальность, с точки зрения Бхаскара, выступает следствием самого генеративного механизма, а не каких-либо событий. В отличие от предшественников, Бхаскар смог, при помощи своей методологии, создать эпистемологическую рамку, подходящую для решения разнообразных исследовательских задач. Бхаскар

также настаивает на реальности самого общества, подчеркивая, что его существование предшествует существованию индивида [10. Р. 77], а не конструируется им в процессе каких-либо взаимодействий. Жизненный мир, который вошел в социальные науки после адаптации идей Э. Гуссерля А. Шюцом, оказывается только следствием контекстов, в рамках которых индивиды зарабатывают опыт [10. Р. 97]. Поэтому люди могут только изменять или воспроизводить существующую социальную структуру, а не создавать ее [11. Р. 33–34]. Реальность социального, на которую опирается Бхаскар, сделала обоснованным исследование социального времени, хотя сам автор этого шага не делал.

Последователь Бхаскара Маргарет Арчер разрабатывает «морфологический/морфостатический подход (М/М)» [12], в котором ключевое значение отводится темпоральному фактору. Продолжая, как Бхаскар, настаивать на реальности общества, Арчер, прежде всего, обращает внимание на проблему возникновения социальных акторов. Это позволяет исследовать проблемы социальной динамики, не акцентируя проблемы темпоральной синхронизации, однако акцент на возникновении заставляет Арчер интерпретировать время как линейное и однонаправленное. Таким образом, в центре ее внимания оказываются проблемы последовательности и доказательства эмергентности каузальности; постулируемая Арчер невозможность синхронности приводит к необходимости отдельного исследования социальных структур, социальных практик, взаимодействий и так далее [12].

Идеи Бхаскара и Арчер позволяют нам сделать следующий шаг в формировании реалистического подхода в исследовании социальной темпоральности. Мы можем мыслить социальное и социальное время в частности, с опорой не только на слабо концептуализированные «практики» или «системы», а через социальные акторы, исследование морфогенеза которых повышает обоснованность этой категории. Также важным представляется осмысление социального, априорная реальность которой позволяет проанализировать возможность реалистического подхода к социальной темпоральности. Однако линейность и однонаправленность времени, постулируемая в критическом реализме, сужает возможности использования этой теории. Разрешению этих затруднений будет посвящена заключительная часть нашей статьи.

Таким образом, реалистический подход к изучению социального времени должен или обосновать реальность социального времени, или обосновать реальность оснований, с позиции которого возможно мышление о социальном времени. Первый вариант не получил поддержку в философских исследованиях, скорее всего, потому что обоснование реальности именно социального времени противоречит как современным научным данным, так и здравому смыслу, к тому же обосновать эвристическую продуктивность такого подхода довольно затруднено. Второй вариант должен постулировать наличие каких-либо оснований, в качестве функций от которых можно было мыслить социальное время. Материя, идея, реальность общества не могут выступать в качестве таких оснований, как мы показали выше.

«Объективная» онтология и социальное время

Мы считаем, что в качестве таких онтологических оснований могут выступать объекты. Мы рассматриваем объекты в трактовке Г. Хармана, т.е. объект «обозначает любую единичную реальность – будь то атомы, овощи, нации или песни – подвергающиеся изменениям или поддерживающие множество представлений, оставаясь при этом той же» [13], и подчеркиваем, что «дело не в том, что все объекты в равной степени реальны, а в том, что они в равной степени объекты» [14. С. 16]. Объект не сводится к его качествам, непознаваем; радикальный монизм Г. Хармана противостоит как идеализму, так и материализму. Реальность в соответствии с этими взглядами трактуется как мир объектов, при этом существование чего-либо признается тождественным реальности этого, а сама реальность представляет собой только реальность объектов. Опора на объекты в той или иной степени характерна также для объект-центричной социологии К. Кнорр-Цетины, *corpus* Ж.-Л. Нанси, новой социальной теории М. Деланды, современных представителей плоской онтологии (Ян Богост, Тимоти Мортон и др.). Мы подчеркиваем, что объекты, при признании их реальности, могут заменить место социальных акторов Арчер, материи, идеи как фундаментального онтологического основания для мышления о социальном времени.

В дальнейшем мы будем опираться на взгляды Г. Хармана и Л. Брайанта, философские идеи которых строятся на констатации фундаментального онтологического статуса объектов. Признавая реальность объектов, их самореферентность, «демократию объектов», мы можем констатировать конституирующие значение различных объектов для конструирования социального вообще и социальной темпоральности, в частности.

Предлагаемый реалистический подход к исследованию социального времени строится на принципах плоских онтологий, в соответствии с которыми ни один из объектов не обладает привилегированным доступом или каким-либо статусом, который предполагает возможность иерархии; следствием этого тезиса является признание «демократии объектов» (Леви Брайант) [15], т.е. равнозначности доступа различных объектов (человека, муравья, стула, картины, песни и т.д.) к реальности. Можно сказать, что реальным оказывается только эмпирический мир, но опытом может обладать не только человек, но и любой объект. Следствием «демократии объектов» выступает нелинейность как важный эпистемологический принцип.

В нашем подходе время мыслится как интеробъективный феномен. Интеробъективность постулирует конституирующее значение различных объектов для конструирования социального [16]. В нашей трактовке это означает, что различные объекты, независимые от их статуса (люди и не-люди, материальные, идеальные объекты и т.д.), обладающие имманентно присущей им агентностью, конституируют социальность вообще и социальную темпоральность в частности. Такая трактовка с некоторыми оговорками характерна и для теоретического подхода Б. Латура, однако ото-

логическим статусом в его системе обладают не объекты, а отношения и взаимодействия. Мы, сохраняя первоначальную интуицию Б. Латура считаем, что интеробъективность означает то, что различные объекты, независимо от их статуса (люди и не-люди, материальные, идеальные объекты и т.д.), обладающие имманентно присущей им агентностью, конституируют социальность вообще и социальную темпоральность в частности. Так как предлагаемая нами трактовка объектов отрицает крайний релятивизм подхода Б. Латура, получившаяся модель позволяет избежать чрезмерного актуализма акторно-сетевой теории, потому что оказывается возможным мыслить не только то, что фактически дано, но и существующие независимо от взаимодействий объекты. Также категория агентности, которая в системе Латура относится только к акторам, переносится нами на объекты и предстает их важным атрибутом.

Далее важной характеристикой объектов мы считаем самореферентность. Эта категория используется вслед за Леви Брайантом, который, опираясь в свою очередь на переосмысление Луманом идей аутопоэсиса Умберто Матураны и Франциско Валерой, связывал самоописание с системой различений, которая свойственна любым объектам. Этот тезис позволяет нам избежать необходимости фигуры наблюдателя, характерной для сложившейся социальной теории, и соответствует принципам «плоской онтологии».

Применительно к социальной темпоральности этот подход позволяет мыслить социальное время с опорой на фундаментальные онтологические основания, что дает возможность несколько нивелировать искажения взгляда наблюдателя. Вместо эссенциалистского представления о социальном, мы предлагаем мыслить социальное как следствие взаимодействий объектов. Социальное время становится функцией от объектов, их отношений, порядка и стремления к взаимодействию. В отличие от проанализированных выше моделей, опора на объекты позволяет рассматривать время не только как линейное и однонаправленное (что особенно важно для осмысления социальной темпоральности), однако сохраняется реалистическая интенция. За счет трактовки объекта, противостоящей материализму и идеализму, расширяется поле исследований социальной темпоральности, а само время

может изучаться за рамками дихотомии материальное/идеальное; также социальное время не противостоит физическому, так как нельзя выделить только «социальные» или «физические» объекты (материальные и идеальные, искусственные и природные и так далее). Эпистемологический вектор таким образом может переместиться с исследования социальных практик или ритмов социальной жизни на потенциал изменений, которые содержатся в объектах и объектно-ориентированных трактовках каузальности.

Выводы

Итак, конструктивизм позволяет акцентировать внимание исследователей на связи социального и темпоральности, конструировании времени через социальное и социального при помощи времени. Слабостью конструктивизма оказывается невозможность найти объективные основания для концептуализации темпоральности, что приводит к ошибочным суждениям не только о времени, но и о социальных процессах, связанных с ним. Реализм признает реальность времени или реальность чего-либо, через что определяется время, благодаря этому оказывается возможным осмысление социальной темпоральности без связи с также слабо концептуализированными социальными процессами, функциями, явлениями, однако исследование нефизической темпоральности вызывает сложности из-за отсутствия ее объективных оснований.

В отличие от проанализированных в статье интерпретаций, в нашей модели мы утверждаем, что реален объект, а не отношения, как, например, в релятивистских онтологиях, или идея, как было в классическом идеализме. Это позволяет выйти из замкнутого круга самокритики постструктурализма и еще более закрытой башни из слоновой кости крайнего социального конструктивизма, а также мыслить социальную темпоральность с позиции онтологических оснований, позволяющих, конечно, не избежать совсем, но стараться нивелировать возможные искажения взгляда наблюдателя, также абстрагироваться от специфики, связанной с обусловленностью когнитивных процессов идеологическим и культурным контекстом, и сведения времени к аспектам социальных практик (постулируемого в социальном конструктивизме).

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазерсфельд Э. Введение в радикальный конструктивизм // С. Цоколов. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. München : Verlag München, 2000. С. 74–98.
2. Mitchell T. Colonising Egypt. Berkeley, Los Angeles : University of California Press, 1991. 240 p.
3. Putnam H. Time and Physical Geometry // Journal of Philosophy. 1967. № 64. P. 240–247.
4. Левич А.П. Почему скромны успехи в изучении времени // На пути к пониманию феномена времени: конструкции времени в естествознании. М., 1994. Ч. 3. С. 15–29.
5. Зима В.Н. Онтология материального бытия и проблема времени в философии и науке // Преподаватель XXI век. 2013. № 2. С. 238–249.
6. Holt E.B., Marvin W.T., Montague W.P., Perry R.B., Pitkin W.B., Spaulding E.G. The New Realism: Cooperative Studies in Philosophy. New York : The Macmillan Company, 1912. 552 p.
7. Уайтхед А.Н. Процесс и реальность // Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М. : Прогресс, 1990. С. 272–303.
8. Alexander S. Space, Time and deity. The Gifford lectures at Glasgow 1916–1918. London : Macmillan and co., limited, 1927. Vol. II. 462 p.
9. Essays in Critical Realism: A Cooperative Study of the Problem of Knowledge / ed. by Durant Drake et al. London : Macmillan, 1920. 258 p.
10. Bhaskar R. Reclaiming Reality. London : Verso, 1989. 218 p.
11. Bhaskar R. The possibility of naturalism. A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences. London ; New York : Routledge, 1989. 208 p.
12. Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 50–68.
13. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Де Ланда. URL: http://vk.com/doc271784829_364999824?hash=13f6d21b3bd8f0f9a2&dl=974725fa2120a601ae (дата обращения: 01.03.2021).

14. Харман Г. Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь : Гиле Пресс, 2015. 150 с.
15. Bryant, L. *The Democracy of Objects*. Michigan : MPublishing, 2011. 318 p.
16. Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6, № 2. С. 79–96.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 2 ноября 2021 г.

Objective Time: What Are the Advantages of a Realistic Approach to the Study of Social Temporality?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 24–29.

DOI: 10.17223/15617793/472/3

Oksana V. Golovashina, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Keywords: time; social time; realism; neorealism; critical realism; object-oriented approach; flat ontology; object-oriented ontology.

In the article, the author attempts to substantiate an object-oriented approach for the study of social temporality. To solve this problem, the author takes several steps. First, the author justifies the need for a realistic approach, since it allows us to substantiate the constitutive meaning of social temporality, as well as to show the possibility of understanding time beyond the functions of social practices and/or social processes. Second, the author shows the origins of realism in the classical philosophical tradition and analyzes the possibilities of neorealism and critical realism for understanding social time. Thanks to this, a way of thinking about the social was shown based on social actors (the study of their morphogenesis increases the validity of this category). At the final step, the author shows that objects can act as an ontological basis from which thinking about social time is possible. Using Graham Harman's interpretation of the object, the author considers time as an interobjective phenomenon, a function of objects, their relations, order and aspirations for interaction. Interobjectivity postulates the constitutive value of various objects for the construction of the social. The agency and self-reference of objects, justified by Graham Harman and Levi Bryant, make it possible to avoid the need for an observer figure, which is characteristic of the established social theory and corresponds to the principles of "flat ontology". Thus, the proposed approach allows us to think about social time based on fundamental ontological grounds, which contributes to the leveling of the distortions of the observer's view. Unlike the models analyzed above, relying on objects allows us to think of time not only as linear and unidirectional (which is especially important for understanding social temporality): a realistic intention remains. Due to the interpretation of the object that opposes materialism and idealism, the field of research of social temporality is expanding, and time itself can be thought beyond the material/ideal dichotomy; also, social time does not oppose the physical one, since it is impossible to distinguish only "social" or "physical" objects (material and ideal, artificial and natural, and so on). The epistemological vector can thus shift from the study of social practices or rhythms of social life to the potential for changes contained in objects and object-oriented interpretations of causality.

REFERENCES

1. von Glasersfeld, E. (2000) *Vvedenie v radikal'nyy konstruktivizm* [An introduction to radical constructivism]. Translated from English. In: Tsokolov, S. *Diskurs radikal'nogo konstruktivizma. Traditsii skeptitsizma v sovremennoy filosofii i teorii poznaniya* [he discourse of radical constructivism. Traditions of skepticism in modern philosophy and theory of knowledge]. München: Verlag München. pp. 74–98.
2. Mitchell, T. (1991) *Colonising Egypt*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press.
3. Putnam, H. (1967) Time and Physical Geometry. *Journal of Philosophy*. 64. pp. 240–247.
4. Levich, A.P. (1994) *Na puti k ponimaniyu fenomena vremeni: konstruksii vremeni v estestvoznanii* [On the way to understanding the phenomenon of time: constructions of time in natural science]. Part 3. Moscow: Moscow State University. pp. 15–29.
5. Zima, V.N. (2013) Ontologiya material'nogo bytiya i problema vremeni v filosofii i nauke [Ontology of material existence and the problem of time in philosophy and science]. *Prepodavatel' XXI vek*. 2. pp. 238–249.
6. Holt, E.B. et al. (1912) *The New Realism: Cooperative Studies in Philosophy*. New York: The Macmillan Company.
7. Whitehead, A.N. (1990) *Protsess i real'nost'* [Process and reality]. In: *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected Works in Philosophy]. Translated from English. Moscow: Progress. pp. 272–303.
8. Alexander, S. (1927) *Space, Time and deity. The Gifford lectures at Glasgow 1916–1918*. Vol. II. London: Macmillan and co., limited.
9. Drake, D. et al. (eds) (1920) *Essays in Critical Realism: A Cooperative Study of the Problem of Knowledge*. London: Macmillan.
10. Bhaskar, R. (1989) *Reclaiming Reality*. London: Verso.
11. Bhaskar, R. (1989) *The possibility of naturalism. A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences*. London; New York: Routledge.
12. Archer, M. (1994) *Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach*. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 4. pp. 50–68. (In Russian).
13. Harman, G. (2007) *Seti i assamblyazhi: vozrozhdenie veshchey u Latura i De Landa* [Networks and Assemblages: the Rebirth of Things in Latour and DeLanda]. [Online] Available from: http://vk.com/doc271784829_364999824?hash=13f6d21b3bd8f0f9a2&dl=974725fa2120a601ae (Accessed: 01.03.2021).
14. Harman, G. (2015) *Chetveroyakiy ob"ekt. Metafizika veshchey posle Khaydeggera* [The Quadruple Object. Heidegger and the Metaphysics of Objects]. Translated from English. Perm: Gile Press.
15. Bryant, L. (2011) *The Democracy of Objects*. Michigan: MPublishing.
16. Latour, B. (2007) On interobjectivity. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 6 (2). pp. 79–96. (In Russian).

Received: 02 November 2021

Т.В. Излученко, Д.Н. Гергулев

СЕПАРАТИЗМ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЭКСТРЕМИЗМА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Выявлена взаимосвязь сепаратизма и сецессии как социокультурных и политических феноменов, представляющих угрозу сложившемуся социально-политическому устройству и территориальной целостности государства. Установлены предпосылки и тенденции развития сепаратистских настроений, а также указаны меры противодействия сецессии. Сепаратизм охарактеризован в качестве экстремизма, включающего специфическую деятельность, радикализованные модели мышления и поведения, соответствующие культурные установки.

Ключевые слова: экстремизм; сепаратизм; сецессия; территориальная целостность; отделение; расширение автономии; дискриминация

Введение

В современной российской действительности наблюдаются различные социокультурные и политические феномены, обладающие противоречивой сущностью и являющиеся отражением внутривнутриполитических настроений. Стремления представителей какой-либо национальности к укреплению своего политического положения, сохранению и развитию религиозных и культурных традиций нередко переходят в сепаратистские настроения и вызывают социальную напряженность. В законодательстве отражено отношение государства к такому роду проявлениям. Согласно п. 2.1. ст. 67 Конституции РФ «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности» [1]; ст. 280.1 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»; ст. 280.2 УК РФ «Нарушение территориальной целостности Российской Федерации», а также ст. 1 ФЗ-114 «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. в перечне экстремистских действий присутствует «нарушение территориальной целостности Российской Федерации» [2].

Проблема сепаратизма на протяжении последних нескольких десятилетий исследуется в рамках а) законодательства и его трансформации; б) развития общественных движений и настроений представителей каких-либо национальностей; в) политических процессов в национальных территориях и г) внешнеполитических отношений, международного влияния. Актуальным становится вопрос о некоей границе, за которой действия по развитию социальной идентичности (на религиозной, национальной основе) начинают угрожать нарушением территориальной целостности. Цель нашей работы заключается в анализе сепаратизма как социокультурного и политического феномена современной России, проявления которого классифицируются в качестве экстремизма. Социально-философский анализ сепаратизма позволяет выявить его сущность как формы социальной активности и установить предпосылки и тенденции развития. Для достижения этого предлагается определение сепаратизма, сецессии и экстремизма, выявление взаимосвязи между ними.

Методология исследования

Сепаратизм рассматривается в рамках постмодернистского подхода как социокультурный и политический конструкт, созданный сторонниками сецессивных движений, государственными структурами и общественностью. Понимание экстремизма основывается на классификации его в качестве действий против основ конституционного строя и безопасности государства. Характеристика происхождения экстремистской идеологии и мотивация людей к участию в противоправной деятельности объясняется функциональным подходом. Экстремистское поведение представляется девиантной формой социальной активности, направленной на преобразование социальной действительности, реализацию социокультурного и политического проекта по созданию иного социально-политического положения. Когнитивные особенности экстремистского сознания рассматриваются согласно концепциям социальной психологии (А. Круглански и А. Агнати). Посредством политического и социально-философского анализа выявляются направления экстремистских действий, политические цели и задачи, модели управления, структурные подсистемы и их сущностное содержание, а также специфика трансформационных изменений традиций (религиозной, культурной).

Результаты исследования

Экстремизм определяется российским законодательством как деятельность, способствующая дестабилизации внутреннего социально-политического положения и включающая разжигание розни, нарушение прав граждан, дискриминацию, пропаганду терроризма и нацизма, а также нарушение территориальной целостности государства. Сепаратизм наравне со стихийными бедствиями, коррупцией и деятельностью преступных организаций, в том числе экстремистских и террористических, именуется угрозой государственной и общественной безопасности [3]. Под экстремизмом понимаются те формы социальной активности, которые совершаются людьми публично индивидуально и/или в рамках деятельности экстремистских организаций с целью вызвать внутренние социальные конфликты посред-

ством обострения межрелигиозных, межнациональных и иного рода социальных противоречий. Совершение таких действий обосновывается наличием соответствующего стиля мышления и паттернов поведения, основанных на экстремистской идеологии. Обществом данные модели поведения и мышления воспринимаются в качестве девиантных отклонений от общепринятых норм отношения к государству, его территории и устоявшемуся социальному положению.

Экстремизм включает следующие составляющие. Первая – экстремистская деятельность – форма социальной активности; противоправные действия, направленные на изменение существующего социально-политического устройства. Экстремистские действия квалифицируются государством в качестве правонарушений, а обществом воспринимаются отклонениями от установленного социального порядка, аморальными поступками. Общим признаком остаются негативные социальные последствия, вызывающие общественное осуждение и меры пресечения. Социокультурные и правовые нормы на различных этапах развития одного общества могут значительно различаться, поэтому при идентификации действий экстремистскими необходимо учитывать исторический контекст. Каждое государство само определяет перечень действий экстремистского характера, т.е. угрожающих в настоящее время его суверенитету и стабильности. Экстремизм может проявляться в виде индивидуальных социальных актов, последовательности актов и социальных явлений, включающих множество устойчивых (исторически и территориально) поведенческих актов. Экстремистские действия как форма социальной активности девиантного характера являются антрополого-культурно-нормативным социальным феноменом [4]. Э. Дирилен-Гумус отмечает обусловленность экстремистского сознания социально-психологическими переменами, предубеждениями (предрасудками) и случаями дискриминации [5].

Вторая составляющая – экстремистское сознание – представления и отношения к социальной действительности, основанные на радикализованной мировоззренческой позиции свои-чужие и проявляющиеся в действиях экстремистской направленности. А. Круглански отмечает, что экстремисты совершают рациональные и целенаправленные действия, обладая схожими с экстремальными состояниями психологическими конструкциями. Ядром данного стиля мышления становится мотивационный дисбаланс, который возникает в условиях доминирования одной потребности (утверждение личной значимости) и сопровождается отказом от альтернативных решений, стремлением любыми средствами достичь желаемого [6]. Базовые когнитивные принципы трансформируются для радикализации сознания. Так, приобретение знания формирует у человека представление об идеологии как истинном знании. Конструируется модель, которая приравнивает применение насилия к получению личной значимости, так как это сопровождается одобрением и поддержкой социального окружения (экстремистского объедине-

ния). Активация знания – приобретенные знания (идеология) активируются посредством внешнего раздражителя (пропаганды, призывов в социальных сетях). Избирательное внимание – сосредоточение только на политической цели и обозначенном пути ее достижения. Торможение и подавление – отказ от альтернативных путей, подавление иных стимулов (семья, прежнее окружение). Нахождение в данном состоянии требует большего количества энергии, поэтому, как правило, не является длительным и не затрагивает большие группы. По мнению Л. Агнати, посредством повторного использования свойств сознания возникают экстремистские идеи как когнитивные искажения. В процессе эволюции уникальные умственные способности получили расстройство, что привело к беспорядкам в коллективном сознании и отходу от нормативности. Сформировались этические комплексы, допускающие или пропагандирующие нетерпимость к иным мировоззренческим установкам [7].

Третья – экстремистская культура – совокупность специфических социокультурных установок, социальных действий и ритуальных практик, формирующих альтернативное понимание социальной действительности. Посредством культуры любое сообщество обеспечивает социальную идентификацию, разрабатывает культурные паттерны, формирует соответствующие стили мышления и поведения. Стабильность зависит от сохраняющихся и ретранслирующих культурных ценностей [8]. Экстремистские объединения, обладающие несколькими поколениями участников, обладают достаточно развитой и сформированной культурой. Это позволяет утверждать существование экстремистской культуры (субкультуры), характеризующейся гиперболизацией образа противника; дифференциацией по идеологической составляющей; интолерантностью; провозглашением социальной универсальности и отсутствия социальной стратификации; специфическими ритуальными действиями как средствами консолидации участников [9]. Разработанные этические нормы и принципы, аксиологические и гносеологические положения формируют мировоззрения и наполняют соответствующим содержанием повседневность участников. Сепаратисты функционируют в рамках группы на основе осознания возможности достижения совместной цели при условиях: а) пожертвования личной выгодой; б) альтруизма и его ожидания от других; в) стремления увеличить групповые выгоды и снизить затраты [10].

Четвертая – экстремистская идеология – система мировоззренческих установок, обосновывающих экстремистское поведение выполнением «священной» миссии. Идеология экстремистских объединений поощряет применение насилия для достижения политической цели, используя механизмы когнитивной радикализации: высокую самооценку и стремление к господству, хитрость и изобретательность, эмоциональную холодность и импульсивность [11]. Основой становится трансформированная традиция (религиозная, культурная) и/или научная, псевдонаучная концепция (евгеника).

В случае с сепаратистскими настроениями предпосылкой возникновения, своеобразным катализатором становятся переживания относительной депривации отдельными группами или личностями, которые нередко проявляются в насильственном экстремизме. Причинами депривации Дж. Кунст и М. Обайди выделяют рост социального неравенства и асимметрию власти внутри государства. В усилении депривационных ощущений значение имеет не столько реальное распределение ресурсов внутри социума, а то, как это воспринимается группой. Проводимое сравнение социального положения собственной группы с иной (местной, привилегированной), выявление случаев притеснения либо старшего поколения, либо единоверцев провоцируют более радикальные проявления экстремизма, направленные на контрдоминирование. Насилие становится безальтернативным методом для противостояния чувствам потери политического, экономического, психологического и социального значения. При этом в группах, которые обладают большим доступом к власти, насилие используется для поддержания и укрепления своих позиций [12].

Процессы культурной глобализации, рост межкультурных связей, как отмечает С. Озер, вызывают реакции этнической защиты, переживания страха и социально-политической незащищенности, ощущения ненадежности своей жизни, обусловливаемые невозможностью удовлетворения потребностей. Это проявляется в экстремистских настроениях, одобрении насилия, религиозном фундаментализме и национализме [13]. В формировании представлений о надежных жизненных условиях, способах решения повседневных проблем задействуются культурные нарративы. Как только возникают чувства социальной и политической незащищенности, угрозы культурной, религиозной и национальной идентичности, создаются соответствующие нарративы, оправдывающие и обосновывающие применение насилия в интересах своей группы. Э. Штауб охарактеризовал следующие факторы, способствующие групповому насилию: а) жизненные трудности; б) культурные особенности; в) травмы; г) личные качества [14]. Экстремистские объединения, развивая у своих участников чувства безопасности и привязанности, противопоставляют их представителям иных групп, что при определенных условиях с конкретной политической целью может использоваться как стимул к соответствующим действиям.

Интерпретация исторического прошлого группы как великого, «золотого» века и представления о будущем как его возрождении усиливают субъективные ощущения неудовлетворения своих потребностей, лишений, вызванных существованием в составе другой более крупной общности и/или государства. Отсылка к историческим фактам о насильственном (политическом, экономическом) включении той или иной национальности, территории с проживающими на ней местными жителями становится обоснованием сецессивных действий. Объективная сторона событий не имеет значения, важность приобретают нарративы о несправедливости. Важную роль в активизации людей на действия играют лидеры, с которыми тем больше

происходит психологическое слияние и которым оказывается безграничное доверие, чем сильнее, по их мнению, были притеснения. Группа формирует мировоззрение посредством мифотворчества, отражающего представления о справедливости/несправедливости, своих / чужих и прошлом/настоящем/будущем.

Сецессивные действия направляются на получение дополнительных прав, расширение автономии территории в политическом и экономическом плане, а также отделение территории от государства, в состав которого она входит. Стремление учреждения собственной государственности и социально-политическая активность населения за независимость представляют угрозу территориальной целостности и государственному суверенитету. Нередко для обоснования происходит отсылка к правам народа на самоопределение. А.А. Клишас отмечает неправомотность данных требований, так как право на самоопределение относится к борьбе с колониализмом и обусловлено грубым нарушением прав и свобод, угрозой геноцида [15. С. 9].

На наш взгляд, в современной России наиболее популярными являются следующие сепаратистские идеи. Первые – отделение территорий, на которых проживает национальное большинство (республики Карелия и Якутия, Ленинградской и Псковской областей (Суоми)). Второе – отделение территорий, по мнению представителей «титальной» нации (русские), являющихся дотационными (республики Северного Кавказа, г. Москва). Третьи – разделение территорий, полученных в период СССР, но оставшихся в составе России после распада, между всеми бывшими республиками (Калининградская область). В.Н. Воронин указывает тенденции сепаратизма в России. Одни связаны с идеями отделения на основании национальных особенностей и указанием на историческую самостоятельность. Примерами являются выступления на территории Республики Якутия «Изгнать русских и чурок. Поставить свою власть, свои законы... начать как отдельное государство» (2017). Другие тенденции основываются на утверждении нелегитимности существующей государственной власти. Так, в 2018 г. в г. Ульяновске распространялись листовки с призывами выхода из состава России, в Астраханской области проведения референдума и создания Астраханской Народной Республики [16].

Предпосылками для перехода сепаратистских настроений в сецессию можно назвать следующие моменты.

Первый – политическая дискриминация регионов. Она может выражаться как в положительном, так и в негативном плане. Понятие «позитивная дискриминация» (affirmative action) подчеркивает использование в России селективного подхода, направление значимых финансовых потоков и дополнительных средств в конфликтогенные территории (республики Северного Кавказа). Формируются представления о привилегированных регионах. С одной стороны, в самих территориях возникают идеи необходимости получения еще больших прав и свобод наравне с увеличением финансирования, созданием инфраструктуры, а также поддержанием и развитием культурных особенностей.

С другой стороны, в иных регионах популярными становятся идеи отделения от государства указанных территорий, что выражается в лозунгах типа «Хватит кормить Кавказ» (2011), «Хватит кормить Москву» (2011) и настроениях политического и экономического самостоятельного управления, сохранения налогов от местных ресурсодобывающих и промышленных производств. В качестве примера можно привести следующее высказывание: «...кроме огромной прибыли федеральной власти от республики ничего не надо, а как они на Крайнем Севере выживают, в центре никого не интересует. Выход – прибыль, получаемая от добычи золота и алмазов, должна делиться на жителей, а не идти в «карман» действующей власти России. Способ достижения процветания республики лишь один – независимость» [17].

Оказание, по мнению общественности, необоснованной финансовой поддержки федеральной властью национальным республикам провоцирует рост националистических движений, привлекающих активную молодежь и использующих их в качестве ударной силы. И.А. Ашмаров в качестве провоцирующего фактора отмечает влияние пропаганды религиозного, культурного, национального разделения, источником которой нередко является внешняя сторона. Их идеологические положения схожи, акцентируются на обострении внутривнутриполитического положения посредством указания на экономическое и политическое доминирование одной политической группы; эксплуатации; незаконном присоединении и отсутствии государственной поддержки в решении внутренних вопросов [18].

Второй экономический фактор неразрывно связан с политическим положением. Наличие на территории экономической базы или ее обнаружение неизбежно приводят к стремлению сохранить как можно больше средств, не направляя их в центр и не получая от него предписаний относительно их освоения. К. Геринг и Ш. Шнайдер отмечают корреляцию увеличения экономического дохода в регионе с ростом сепаратистских партий и их влияния, добавляя значимость географического положения, человеческого капитала и развитость инфраструктуры. Открытие залежей нефти в районе Шотландии в 1970-х гг. привело к проведению референдума «О независимости Шотландии» в 2014 г. [19] Дж. Соренс указывает на зависимость сепаратизма от уровня ВВП региона относительно остальной страны и разницы между доходом и расходами (профицит), а также на наличие сепаратистских движений на территории до 1980-х гг. (сложившейся своеобразной традиции). Зачастую политические силы не выступают за полное отделение, а требуют только расширения автономии и децентрализации власти [20]. Ресурсы рассматриваются значимыми при условиях а) покрытия ими затрат по выходу; б) географической концентрации и в) распространения выгоды от них по всему государству в настоящее время. Однако успешность экономического фактора как основы для сепаратистских движений обеспечивается наличием этнических, культурных и языковых особенностей, которые используются для обоснования идентичности и исторической независимости.

Помимо перечисленного переменными в успешном сепаратистском движении является избирательная система и политические изменения на самой территории. Предлагаемые центром условия могут удовлетворить запросы. Выделяются следующие возможные варианты взаимоотношения центра и территории: а) территория обладает собственной исполнительной властью; б) юридическое превосходство над другими, создание, изменение и отмена законов; в) наличие у регионального правительства законодательных и административных полномочий; г) региональное правительство регулирует налоговую политику. Частичная децентрализация может быть использована как временная мера с обратимыми последствиями [21]. Однако определить возможный уровень стабилизации или дестабилизации достаточно сложно и во многом зависит от уровня экономического достатка, исторического опыта территории и наличия других регионов, обладающих сепаратистскими предпосылками. Нередко сепаратистские движения переходят к регионализму, внутри них происходят внутренние обсуждения и организационная диверсификация, сопровождающаяся отказом от вооруженных методов [22].

Третьей группой предпосылок для сепаратистских движений являются культурные основания, подкрепляемые национальными и религиозными особенностями и усиливающимися когнитивными искажениями, психологическим страхом. Е.Р. Метелена выделяет истинно идентификационные (историко-культурные) и псевдоидентификационные социокультурные основания. К первым относятся потребность сохранения традиций и защита от этнических чисток, геноцида, ко вторым – эмоциональная неприязнь, идеи о незаконном включении в состав и действия пропаганды. При этом наиболее уязвимыми, помимо приграничных территорий, являются те национальные регионы России, которые обладают промышленной развитостью и получают от федерального бюджета менее 20% (Татарстан, Башкирия). Наличие сильной экономической базы и религиозных традиций повышают позиции в переговорах с центральной властью [23].

Обсуждение результатов

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что сепаратизм, с одной стороны, представляет собой правонарушение экстремистской направленности, ведущее к нарушению территориальной целостности государства; с другой стороны – рационально подкрепленные настроения отдельных представителей, выражающиеся в идеях создания нового административно-территориального образования, обладающего большими правами и свободами, а в исключительных случаях являющегося самостоятельным. Сепаратистские тенденции обосновываются трансформированными традициями и новыми интерпретациями исторических фактов. Предпосылками становятся преимущественно экономические успехи, подкрепляемые социокультурными особенностями. Сепаратизм как разновидность экстремизма представляет собой социокультурный и политический конструкт, созданный в определенном

государстве в конкретный исторический период социумом, самими участниками и государственными структурами. Он включает не только экстремистскую деятельность (дискриминацию и нарушение территориальной целостности), но идеологически подкрепленные мировоззренческие и культурные установки. Сецессия является деятельностью по реализации сепаратистских идей.

В современной России фиксируется усиление мер противодействия сепаратизму в рамках законодательства. Это обусловлено а) накоплением критической массы данных настроений и действий; б) общей тенденцией к укрупнению регионов в рамках административно-территориальной политики (создание экономических макрорегионов, территорий опережающего развития). По мнению Е.В. Саввы, этнический сепаратизм доминирует над региональным. Стремление к расширению территориальных прав и автономии изначально возникает на основе защиты этнической идентичности, религиозных и культурных традиций. Чувства относительной депривации формируются в условиях экономического дисбаланса между регионами, высказываются мнения о пренебрежении государственной властью интересами и потребностями «национального» региона, его экономической эксплуатации и целенаправленном подавлении культуры. Усиление сепаратистских настроений зависит а) от уровня этнических и религиозных различий между регионом и центром; б) сферы и количества проявления; в) идеологической базы; г) модели политического устройства и д) доминирующего способа коммуникации [24].

На наш взгляд, отмечается взаимообусловленность религиозного, национального фактора с сепаратизмом, при которой религиозный и национальный экстремизм способствует сепаратистским настроениям, а сепаратизм вызывает рост экстремистской социальной активности. С.В. Моисеев, отмечая использование исламскими экстремистами идей традиционного ислама, считает национальный сепаратизм стимулирующим фактором, способствующим территориальным переделам в субъектах со сложной этноконфессиональной обстановкой [25]. Сепаратистские идеи, основанные на национальном факторе и позиционируемые выражением интересов и потребностей представителей той или иной нации, в той или иной степени затрагивают межнациональные отношения. Отмечается наличие «положительной» дискриминации в существующем социально-политическом устройстве в пользу государствообразующей нации, представители которой в создаваемом социуме будут подвергнуты негативной дискриминации, ограничению прав и возможностей в пользу титульной нации. Националистические настроения становятся сильной эмоционально окрашенной основой. Призывы возрождения национального могущества посредством отсылки к исторической памяти, трансформированной под достижение политических целей объединений, и культу предков, широко распространенного в традиционных сообществах, усиливаются склонностью к насилию и представлениями о насильственных мерах как единственных эффективных методах.

При наличии культурных особенностей и внешних проявлений (религиозных, националистических) сепаратистских настроений и сецессивных действий, существующем различии в промышленном и социально-инфраструктурном развитии территории, указании на существующую неравномерность в распределении федеральных ресурсов между регионами ключевую роль играют политические цели. В зависимости от исторического прошлого (специфики освоения, присоединения, вхождения) и экономического дохода требования отличаются: более богатые регионы требуют повышения автономии, сохранения большей доли налогов, а с низким уровнем – усиления равноправия. Нами отмечается наличие следующих тенденций. Первая – выступление национальных территорий, экономически развитых и имеющих возможность обеспечить себя самостоятельно, за расширение своих возможностей относительно центра. Вторая – требование территорий, населенных преимущественно представителями русской нации с незначительной долей национальных диаспор, ограничить в правах и возможностях дотационные территории. Стоит отметить, что нередко территории, которые по экономическим показателям уступают, представляют значение благодаря наличию такого важного ресурса как демография. Согласно данным Росстата, положительная динамика естественного прироста населения сохраняется преимущественно в «национальных» территориях (Дагестан, Чечня, Ингушетия, Якутия, Тыва) [26].

Наиболее активной частью населения выступает молодежь, получившая, как правило, высокий уровень образования, имеющая доступ к государственным программам поддержки и развития, склонная к социальной мобильности. Данные группы населения восприимчивы к различной пропаганде, особенно националистической и религиозно-фундаменталистской направленности, а психологические особенности способствуют выбору безальтернативных путей решения проблемы. В условиях социального кризиса молодежь становится «почвой для агрессивности и молодежного экстремизма» [27]. Неустойчивость социального положения, представления о неприятии позиций государством, неудовлетворенность имеющимися возможностями, рост притязаний и конфликтность стиля мышления обуславливают социальную динамику экстремизма. Формирование экстремистского поведения включает возникновение среды, наличие сообщества и конкретные социальные действия. Создание нового государства воспринимается как возможность реализации себя, утверждения личной значимости и достижения личных целей, реализация которых в условиях единого государства представляется более сложной или невозможной.

Заключение

Подводя итог, стоит отметить, что социально-философский анализ сепаратизма позволяет выявить следующие характерные черты: а) идеи превосходства и убежденность в дискриминации населения и/или

территории в рамках единого государства; б) мотивация, обоснованная трансформированной традицией (религиозной, культурной) и/или соответствующей интерпретацией исторических событий; в) объединение людей по признаку разделения данных настроений, противопоставление их остальному населению. Сепаратизм выражается в совершении действий по реализации сепаратистских настроений и идей: а) создание соответствующих политических сил, выступающих от большинства; б) требование к центральной власти о расширении своих прав и свобод (исполнительных и законодательных); в) проведение мероприятий с целью формирования радикализованных мировоззренческих установок, направленных на утверждение социально-политической и экономической самодостаточности территории при проведении централь-

ной властью умышленной дискриминации. Экстремистская направленность проявляется в нарушении территориальной целостности и децентрализации государства. Для эффективных управленческих решений в данной области необходимо учитывать не только существующее экономическое развитие и социально-политические настроения, но и историческое прошлое, демографический фактор и особенности культуры территорий. Кроме того, неким условием для возникновения и развития сепаратистских действий остается федеративное устройство, отражающее права и свободы территорий по их статусу (республики, края, области). Политические решения, направленные на унитарность, в частности в экономической сфере, способствуют уменьшению данных настроений и возможностей для их реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации. URL: <https://konstitutsiia.ru/konstitutsiia.pdf> (дата обращения: 09.03.2021).
2. Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25072002-n-114-fz-o/> (дата обращения: 09.03.2021).
3. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 10.03.2021).
4. Барановский Н.А. Социально-негативные девиации и стратегии антидевиантной политики // Социологический альманах. 2010. № 1. С. 68–76.
5. Dirilen-Gumus O. Differences in System Justification with respect to Gender, Political Conservatism, Socio-Economic Status and Religious Fundamentalism // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2011. Vol. 30. P. 2607–2611.
6. Kruglanski A., Fernandez J., Factor A., Szumowska E. Cognitive mechanisms in violent extremism // *Cognition*. 2019. Vol. 188. P. 116–123.
7. Agnati L., Marcoli V., Agnati U., Ferraro L., Guidolin D., Maura G. The mis-exaptation of the prediction capability of humans and emergence of intolerant religious beliefs // *Neurology, Psychiatry and Brain Research*. 2017. Vol. 23. P. 43–53.
8. Иноземцев В.Л. Даниелл Белл как исследователь // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2004. № 2. С. 111–117.
9. Гордеев Н.С. Экстремистская культура: проблемы интерпретации и криминологическое значение // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2015. № 26. С. 46–53.
10. Pietraszewski D. How the mind sees coalitional and group conflict: the evolutionary invariances of n-person conflict dynamics // *Evolution and Human Behavior*. 2016. Vol. 37, is. 6. P. 470–480.
11. Pavlovic T., Wertag A. Proviolence as a mediator in the relationship between the dark personality traits and support for extremism // *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 168. P. 110374.
12. Kunst Jo., Obaiddi M. Understanding violent extremism in the 21st century: the (re)emerging role of relative deprivation // *Current Opinion in Psychology*. 2020. Vol. 35. P. 55–59.
13. Ozer S. Globalization and radicalization: A cross-national study of local embeddedness and reactions to cultural globalization in regard to violent extremism // *International Journal of Intercultural Relations*. 2020. Vol. 76. P. 26–36.
14. Hoffman A. Understanding conflict and the role of community development: Is building a peaceful society within our reach // *Aggression and Violent Behavior*. 2017. Vol. 37. P. 63–70.
15. Клишас А.А. Сепаратизм вне права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23, № 1. С. 9–26.
16. Воронин В.Н. Уголовно-правовой запрет на сепаратизм: социальная обусловленность и вопросы правоприменительной практики // Юридический вестник ДГУ. 2019. № 1. С. 102–109.
17. Приговор № 1-1622/2019 1-77/2020 от 12 февраля 2020 г. по делу № 1-1622/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 12.03.2021).
18. Ашмаров И.А. Роль внешнего фактора в стимулировании сепаратизма отдельных территорий мира // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2020. № 3. С. 22–30.
19. Gehring K., Schneider A. Regional resources and democratic secessionism // *Journal of Public Economics*. 2020. Vol. 181. P. 104073.
20. Sorens J. Globalization, secessionism, and autonomy // *Electoral Studies*. 2004. Vol. 23, is. 4. P. 727–752.
21. Flamand S. Partial decentralization as a way to prevent secessionist conflict // *European Journal of Political Economy*. 2019. Vol. 59. P. 159–178.
22. Sindre G. From secessionism to regionalism: Intra-organizational change and ideological moderation within armed secessionist movements // *Political Geography*. 2018. Vol. 64. P. 23–32.
23. Метелена Е.Р. Специфика современного регионального сепаратизма и государственная политика // Вестник Евразийской науки. 2020. Т. 12, № 2. URL: <https://esj.today/PDF/85ECVN220.pdf> (дата обращения: 28.05.2021).
24. Савва Е.В. Этнический сепаратизм в Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 8. С. 31–35.
25. Моисеев С.В. Исламский религиозный экстремизм как фактор нестабильности в современной России // Алтайский юридический вестник. 2013. № 2. С. 4–7.
26. Рождаемость по данным Росстата // Статистика и данные региональные и федеральные. URL: <https://rosinfostat.ru/rozhdzaamost/#i-4> (дата обращения: 19.03.2021).
27. Шинкевич В.Е., Беяков Б.Л. Безопасность общества и молодежный экстремизм: социально-философский аспект // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 8 (63). С. 78–82.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 3 ноября 2021 г.

Separatism as a Kind of Extremism: A Socio-Philosophical Analysis

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 30–37.

DOI: 10.17223/15617793/472/4

Tatyana V. Izluchenko, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: izluchenko@mail.ru

Denis N. Gergilev, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: turilak@yandex.ru

Keywords: extremism; separatism; secession; territorial integrity; secession; extension of autonomy; discrimination.

The relevance of the study is due to the need to develop effective management decisions in the field of countering extremist activities. One of the most dangerous manifestations of extremism is separatism based on religious fundamentalism and nationalism and using terror and violent actions as the main methods. The aim of the work is a socio-philosophical analysis of separatism as a sociocultural and political phenomenon constructed within the framework of the postmodern concept. The methodological basis of the work is a socio-philosophical analysis, which allows us to identify goals and objectives, behavioral patterns and establish the dynamics of social relations in separatist associations. The concepts of social psychologists contribute to the definition of the features of the cognitive properties of extremists. Extremist behavior is considered a deviant form of social activity aimed at transforming the current sociopolitical situation, creating a new state, or introducing other forms of administrative and territorial administration. The state defines these actions as illegal activities that violate its territorial integrity. Extremism appears to be a socially and politically dangerous activity committed publicly, individually and/or within an organization with the aim of causing internal political conflicts and social tension by exacerbating interreligious, interethnic, and other kinds of social contradictions. It is expressed in the appropriate style of thinking and patterns of behavior, justified by a transformed religious tradition, nationalist theories, and/or a new interpretation of historical facts. Extremist activity and the corresponding ideology are interdependent; this activity forms cultural perceptions and models of thinking (extremist consciousness). Separatism is expressed in the presence of stable attitudes among the population groups of a territory to the need to expand autonomy and the possibility of independent governance, based on the ideas of their discrimination or illegal, forced inclusion. Secession is purposeful and organized actions to implement the specified moments. The prerequisites are economic and political conditions, and the rationale is sociocultural characteristics. The important role of the demographic factor in the growth of separatist sentiments is noted. On the basis of the economic development of the regions, the specificity of separatist sentiments is noted. Currently, the Russian state is implementing a number of measures to counter separatist manifestations: the consolidation of regions, the creation of macroeconomic zones, and the tightening of anti-extremist legislation.

REFERENCES

1. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [The Constitution of the Russian Federation]. (n.d.) [Online] Available from: <https://konstitutsia.ru/konstitutsia.pdf>. (Accessed: 09.03.2021).
2. Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty Rossiyskoy Federatsii [Laws, Codes and Regulatory Legal Acts of the Russian Federation]. (2021) *Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002 (as amended on July 01, 2021) "On Countering Extremist Activity"* [Online] Available from: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25072002-n-114-fz-o/>. (Accessed: 09.03.2021). (In Russian).
3. *Rossiyskaya gazeta*. (2015) Decree of the President of the Russian Federation No. 683 of December 31, 2015 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". [Online] Available from: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>. (Accessed: 10.03.2021). (In Russian).
4. Baranovskiy, N.A. (2010) Negative social deviations and strategies of antideviant policy. *Sotsiologicheskij al'manakh*. 1. pp. 68–76. (In Russian).
5. Dirilen-Gumus, O. (2011) Differences in System Justification with respect to Gender, Political Conservatism, Socio-Economic Status and Religious Fundamentalism. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 30. pp. 2607–2611.
6. Kruglanski, A. et al. (2019) Cognitive mechanisms in violent extremism. *Cognition*. 188. pp. 116–123.
7. Agnati, L. et al. (2017) The mis-exaptation of the prediction capability of humans and emergence of intolerant religious beliefs. *Neurology, Psychiatry and Brain Research*. 23. pp. 43–53.
8. Inozemtsev, V.L. (2004) Daniel Bell and his studies. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic And Social Changes*. 2. pp. 111–117. (In Russian).
9. Gordeev, N.S. (2015) Extremist subcultures: problems of interpretation and criminological value. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya – Bulletin of Chelyabinsk State University. Philosophy. Sociology. Culturology*. 26. pp. 46–53. (In Russian).
10. Pietraszewski, D. (2016) How the mind sees coalitional and group conflict: the evolutionary invariances of n-person conflict dynamics. *Evolution and Human Behavior*. 6 (37). pp. 470–480.
11. Pavlovic, T. & Wertag, A. (2021) Proviolence as a mediator in the relationship between the dark personality traits and support for extremism. *Personality and Individual Differences*. 168. P. 110374.
12. Kunst, Jo. & Obaidi, M. (2020) Understanding violent extremism in the 21st century: the (re)emerging role of relative deprivation *Current Opinion in Psychology*. 35. pp. 55–59.
13. Ozer, S. (2020) Globalization and radicalization: A cross-national study of local embeddedness and reactions to cultural globalization in regard to violent extremism. *International Journal of Intercultural Relations*. 76. pp. 26–36.
14. Hoffman, A. (2017) Understanding conflict and the role of community development: Is building a peaceful society within our reach. *Aggression and Violent Behavior*. 37. pp. 63–70.
15. Klishas, A.A. (2019) Separatism is outside the law. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki – RUDN JOURNAL OF LAW*. 1 (23). pp. 9–26. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-1-9-26
16. Voronin, V.N. (2019) The criminal-law prohibition on separatism: social conditioning and enforcement issues. *Yuridicheskij vestnik DGU – Law Herald of Dagestan State University*. 1. pp. 102–109. (In Russian).
17. Sudebnye i normativnye akty RF [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation]. (2020) Sentence No. 1-1622/2019 1-77/2020 of February 12, 2020 in case No. 1-1622/2019 [Online] Available from: <https://sudact.ru/> (Accessed: 12.03.2021).
18. Ashmarov, I.A. (2020) The role of an external factor in stimulating separatism in certain territories of the world. *Vestnik Voronezhskogo instituta ekonomiki i sotsial'nogo upravleniya*. 3. pp. 22–30. (In Russian).
19. Gehring, K. & Schneider, A. (2020) Regional resources and democratic secessionism. *Journal of Public Economics*. 181. P. 104073.
20. Sorens, J. (2004) Globalization, secessionism, and autonomy. *Electoral Studies*. 4 (23). pp. 727–752.
21. Flamand, S. (2019) Partial decentralization as a way to prevent secessionist conflict. *European Journal of Political Economy*. 59. pp. 159–178.
22. Sindre, G. (2018) From secessionism to regionalism: Intra-organizational change and ideological moderation within armed secessionist movements. *Political Geography*. 64. pp. 23–32.

23. Metelena, E.R. (2020) The contemporary regional separatism's feature and a state policy. *Vestnik Evraziyskoy nauki – The Eurasian Scientific Journal*. 2 (12). [Online] Available from: <https://esj.today/PDF/85ECVN220.pdf>. (Accessed: 28.05.2021). (In Russian).
24. Savva, E.V. (2020) Ethnic separatism in the Russian Federation: classification and level of activity. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: Politics, Economics, Law*. 8. pp. 31–35. (In Russian). DOI: 10.24158/pep.2020.8.5
25. Moiseev, S.V. (2013) Islamic religious extremism as a factor of instability in modern Russia. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik – Altai Law Journal*. 2. pp. 4–7. (In Russian).
26. RosInfoStat. (n.d.) *Rozhdaemost' po dannym Rosstata* [Birth rate according to Rosstat]. [Online] Available from: <https://rosinfostat.ru/rozhdaemost/#i-4>. (Accessed: 19.03.2021).
27. Shinkevich, V.E. & Belyakov, B.L. (2015) Bezopasnost' obshchestva i molodezhnyy ekstremizm: sotsial'no-filosofskiy aspekt [The security of society and youth extremism: a socio-philosophical aspect]. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 8 (63). pp. 78–82.

Received: 03 November 2021

Р.Ю. Царёв

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ ФЕРНАНА БРОДЕЛЯ

Исследуется ряд ключевых методологических принципов, с помощью которых Ф. Броделем вырабатывается новый взгляд на динамику сложных, крупномасштабных социальных систем, мировой исторический процесс, эксплицируются теоретические аспекты его концепции. Отмечается, что, с одной стороны, он развивает некоторые методологические принципы французской исторической школы «Анналов», но, с другой стороны, преодолевает ее методологию в направлении миростемного подхода к истории.

Ключевые слова: социальные системы; структурная история; глобальная история; хроноструктура истории; время длительной протяженности; теоретизация исторического познания

В XX в. историческая наука претерпела глубокую методологическую трансформацию. Это было связано, прежде всего, со стремлением выйти за рамки эмпирического историописания (впрочем, оно существует и сегодня, решая доступные ему задачи). Возможности этого подхода оказались недостаточными для решения новых проблем, поставленных историками, возникла потребность шире и глубже взглянуть на исторический процесс, что стало возможным путем создания теоретических объяснительных схем. Эта тенденция проявилась, в том числе, в методологии французской исторической школы «Анналов», прежде всего, в концепциях ее основателей М. Блока и Л. Февра, и получила дальнейшее развитие в трудах Ф. Броделя, чем и объясняется значение его исследований для развития исторической науки во второй половине XX в.

Однако дело не только в собственно историческом познании: по справедливому замечанию И. Валлерстайна, «я не могу себе представить, что какой-либо социологический анализ может иметь силу без помещения данных внутрь исторического контекста, точно так же я не могу себе представить, что можно проводить исторический анализ без использования концептуального аппарата, который мы называли социологией» [1. С. 126–127]. Образцом реализации этого подхода И. Валлерстайн считал труд М. Блока «Феодалное общество» [1. С. 125]. И эта оценка не случайна, поскольку М. Блок пытался раскрыть структуру социальной системы в конкретных исторических условиях, обнаружить механизмы ее функционирования.

В концепции исторического познания Ф. Броделя этот подход получил дальнейшее развитие. Однако в силу того, что речь в ней идет об исследовании социальных систем, в нее проникли и общенаучные системные представления. Нельзя сказать, что в научной литературе имеет место игнорирование этих аспектов, но к концепции исторического познания Ф. Броделя сложилось двойственное отношение, которое в значительной степени определяется дисциплинарной принадлежностью того или иного исследователя.

С одной стороны, многие историки отнеслись настороженно к привнесению Ф. Броделем в историческое познание теоретических конструкций, по всей видимости, потому, что многие из них не подлежат верификации, не могут быть результатом простого

эмпирического обобщения и оттого выглядят искусственно.

Если Л. Хант в целом нейтрально отмечала, что наибольшая оригинальность концепции Ф. Броделя проявилась в исследовании отношений, которые формируют структуру длительного исторического времени, а методологическое воздействие на историческое познание связано, прежде всего, с моделью структура – конъюнктура – событие [2. Р. 211–212], то Дж. Хекстер был более категоричен, поскольку, по его мнению, такое распределение исторических феноменов с соответствующими каждому из них специфическими временными длительностями выглядит произвольно и оттого спорно [3. Р. 531–533].

По мнению С. Кинзера, не следуя многим подходам к социальной истории основателей школы «Анналов», в том числе идее «ментальных инструментов» деятельности людей, Ф. Бродель остался верен синтезу истории с другими науками об обществе, реализовал модель «геоисторического структурализма» с синтезом геоистории и экономической истории, показал переплетение экологических факторов с социальной активностью в темпорально специфических формах [4. Р. 64, 66, 77]. Если С. Кинзер не рассматривал вопрос о принадлежности Ф. Броделя к школе «Анналов» за отход от некоторых ее принципов, считая более важным прояснить роль его концепции в развитии метода структурной истории, то А.Я. Гуревич занял иную позицию: отказ Ф. Броделя от антропологической истории в пользу структурной, от исследования ментальности не только ведет к недооценке человеческого фактора в истории, но и заставляет усомниться в его принадлежности к школе «Анналов» [5. С. 146–147]. Этот взгляд правомерен на том основании, по мнению В. Вжозека, что центр тяжести в концепции Ф. Броделя явно смещен на исследование функционирования социальных систем [6. С. 152–153].

В этих оценках обнаруживаются три важных момента: справедливо отмечается понимание Ф. Броделем многоуровневого характера исторической реальности и соответствующей этому хроноструктуры, исследование им структур исторической реальности и их воздействия на деятельность людей и понимание исторического процесса как конституированного динамикой социальных систем. Однако не отмечается, и в этом состоит существенное упущение, какие именно

системные представления были реализованы в концепции Ф. Броделя, как они повлияли на способы представления объектов исследования.

С другой стороны, социологи, в особенности представители исторической макросоциологии, дают высокую оценку методологических идей Ф. Броделя, поскольку видят в них возможности для широких сопоставлений, теоретических обобщений в смысле обнаружения в истории устойчивых долгосрочных тенденций.

По мнению С. Сандерсона, ошибочно представлять историю лишь как последовательную цепь событий, не пытаясь обнаружить устойчивые структурные отношения. С этой точки зрения броделевская идея времени большой длительности является незаменимой для раскрытия крупномасштабной структуры исторического процесса, поэтому концепция Ф. Броделя является одним из вариантов парадигмы «мегаистории» [7. С. 67]. Дж. Арриги подчеркивал, что социальные науки не смогут осмысленно говорить об историческом процессе в целом и капитализме как исторической социальной системе в частности, если не будут принимать во внимание макро-, структурно- и долгосрочно ориентированный подход, который представлен Ф. Броделем [8. Р. 110].

Согласно И. Валлерстайну, разделение на событийную, конъюнктурную и структурную (долгосрочную) временную перспективу позволяет исследовать не только долгосрочные социально-экономические структуры, определяющие жизнь людей, способы производства, цивилизационные модели, но и регулярно повторяющиеся циклические ритмы функционирования этих структур; не существует иного пути для понимания динамики исторических систем [9. Р. 291]. Представление о большой длительности выступает как методологический ключ для решения этой сложной задачи, поскольку историк не может не теоретизировать [10. Р. 168].

Если Дж. Хекстер сомневался в эвристической эффективности выделения Ф. Броделем трех временных измерений, то для исторических макросоциологов идея большой длительности является главным условием понимания динамики крупномасштабных пространственно-организованных социальных систем, поскольку ее понимание в краткосрочной, событийной перспективе не представляется возможным. Однако и представители исторической макросоциологии упускают из виду, какие системные представления были реализованы в концепции Ф. Броделя.

Обобщая сказанное, стоит подчеркнуть: чтобы выполнять функцию объяснения, историческое познание не может иметь чисто фактологический, описательный характер. В научном познании в целом только эмпирическое не может являться источником знания, его получение основано на решении определенной проблемы, предполагающей наличие исходных теоретических предпосылок, выступающих как организующий принцип эмпирического исследования и определяющих его направление. В свете этого и в историческом познании допустимо применение теоретических конструкций, не противоречащих фактам и служащих отправным пунктом для построения кон-

цепций исторической динамики. Эти теоретические допущения могут и не являться непосредственно верифицируемыми, но на их основе возможно построение вполне верифицируемых концепций. Этот путь позволяет применять в историческом познании и общенаучные системные представления, что свидетельствует о реальности его метатеоретического уровня, из которого в случае необходимости можно заимствовать объяснительные схемы, способствующие теоретизации исторического познания, но эта транслация не должна противоречить его специфике и задачам.

Концепция Ф. Броделя предоставляет достаточно возможностей для рассмотрения ее с этой точки зрения. Первым теоретическим допущением его концепции является идея множественности форм исторического времени в целом и представление о времени длительной протяженности в частности, которое является основанием для рассмотрения им многих исторических реальностей. Вторым является теоретическое представление о мирах-экономиках как системах. Раскрывая их природу, Ф. Бродель привносит в историческое познание общенаучные системные представления. Несмотря на то, что эти представления в его концепции присутствуют в имплицитной форме, они оказали значительное воздействие на понимание им исторического процесса в региональном и мировом масштабе, проявились при рассмотрении проблемы единства и многообразия истории, проблемы соотношения микроуровня и макроуровня исторической реальности. Осознание ограниченности объяснительного потенциала традиционной эмпирической истории привело к выходу в новый категориальный и методологический аппарат, который соответствует принятым Ф. Броделем теоретическим допущениям.

Поскольку генезис броделевских представлений об историческом времени, как и некоторых других теоретических представлений, связан с методологическими идеями основателей школы «Анналов», целесообразно рассмотреть идеи Ф. Броделя в контексте их взглядов; в силу того, что системные представления в броделевской концепции тесно связаны с его пониманием мировой истории, имеет смысл рассмотреть их в этом контексте.

Основатели школы «Анналов» и концепция Ф. Броделя

Соотношение концепций Ф. Броделя и основателей школы «Анналов» является неоднозначным. С одной стороны, он отходит от ряда основополагающих принципов исторического познания, выработанных М. Блоком и Л. Февром, на что справедливо указывает критика. С другой стороны, что важнее, Ф. Бродель развил ряд идей, которые ими были сформулированы схематично, в общем виде. Теоретико-методологические расхождения между ними можно свести к двум моментам.

Во-первых, М. Блок полагал, что история – это наука «о людях во времени» [11. С. 18], Л. Февр утверждал, что история – наука о человеке, фактах человеческой жизни [12. С. 19]. Конкретизируя это понимание, М. Блок подчеркивал, что предметом ис-

торического познания является обнаружение того, как разнообразные явления и тенденции «сходятся мощным узлом в сознании людей» [11. С. 89]. Именно по этой причине школа «Анналов» обращается к исследованию менталитета, обусловленного духовной культурой. Фактически речь идет о понимании бытия людей на основе их *внутренней социальности* – тех представлений, с помощью которых они сами осознают свое социальное бытие и поведение, цели и смысл деятельности в обществе.

Ф. Бродель тоже исследует деятельность людей в истории, но под иным углом зрения: его интересует, прежде всего, «материальная жизнь», которая есть не что иное, как «люди и вещи, вещи и люди» [13. С. 41]. Характеризуя предмет своего интереса, он отмечает, что «материальная жизнь, повсюду присутствующая, повторяющаяся, все заполняющая, протекает под знаком рутины» [13. С. 38], ей присуща медлительность, инертность, длительная протяженность во времени. Наконец, для нее свойствен определенный структурный предел, очерчивающий пространство возможностей жизни и деятельности людей [13. С. 37, 39].

Этот ракурс рассмотрения людей в истории не противоречит исследованию ментальностей, поскольку они связаны с материальной жизнью, существуют в течение длительного времени. Однако Ф. Бродель эту исследовательскую перспективу не развивает, акцентируя *внешнюю социальность* людей, образуемую воздействием структур на их жизнь и деятельность. Именно поэтому разграничивается «история событий» и «история структур». «Структуры» в понимании Ф. Броделя представляют собой объективные исторические реальности, существующие в рамках большой длительности и позволяющие вырваться из «плена событий»; исследование истории – это обнаружение структурного фундамента единичных событий [14. С. 32–33, 36–37].

Тем самым модель структурной истории обосновывается Ф. Броделем уже на уровне понимания предмета и задач исторического познания, однако с основателями школы «Анналов» его позицию сближает интерес к исследованию культуры, правда, материальной (об этом речь еще пойдет в дальнейшем).

Во-вторых, М. Блок и Л. Февр выдвинули концепцию «тотальной истории». По словам М. Блока, не существует «человека религиозного, «человека экономического», «человека политического», существует целостный человек, «соединяющий в себе их всех» [11. С. 86]. Л. Февр утверждал, что «экономической и социальной истории не существует. Существует история как таковая во всей своей целостности» [12. С. 25]. Другими словами, ставится задача целостного, всестороннего воссоздания жизни и деятельности людей, раскрытия единства материальных и духовных факторов. «Тотальная история» не обязана быть мировой и может ограничиваться исследованием конкретного общества (в варианте школы «Анналов» – цивилизации Средневековья).

Ф. Бродель выдвинул концепцию «глобальной истории», понимаемой в двух смыслах. С одной стороны, в созвучии с концепцией «тотальной истории» он подчеркивал, что общество есть «множество мно-

жеств» и «экономика никогда не бывает изолированной. Ее почва, ее пространство суть равным образом те почва и пространство, где поселяются и живут другие сущности – культурная, социальная, политическая, – беспрестанно в экономику вмешивающиеся, дабы ей способствовать либо с тем же успехом ей противостоять» [15. С. 39]. С другой стороны, «глобальная история» является мировой. Разъясняя метафору «время мира», Ф. Бродель указывал, что предполагается широкое обращение к истории, «картины эволюции, разрывы, закономерности», изображение множества исторических потоков в общем потоке истории: «Это особое время в зависимости от мест и эпох управляло определенными пространствами и определенными реальностями» [15. С. 7–8].

Тем самым ставится задача, которой не формулировали М. Блок и Л. Февр – исследование мировой истории, обнаружение ее фундаментальной структуры. Этот взгляд создает возможности для сравнительного анализа и – потенциально – обобщений, и в этом отношении Ф. Бродель пошел дальше основателей школы «Анналов» и сторонников модели антропологической истории в ее рамках, поскольку они сузили историческую перспективу, сосредоточив внимание на специфике только одной цивилизации. Между тем концепция А. Тойнби, например, создает возможности для широкого сравнительного изучения цивилизаций, исследования мировой истории, тогда как принцип локальности в варианте школы «Анналов» блокирует разработку проблемы общего и особенного в развитии различных социальных систем, их взаимодействия в мировом масштабе.

Для школы «Анналов» было характерно исследование микроуровня исторической реальности сквозь призму духовной культуры и менталитета. Ф. Бродель переходит от исследования микроуровня к исследованию макроуровня, однако методология изучения менталитета не предназначена для его анализа, чем и объясняется отказ Ф. Броделя от этой проблематики. Поэтому для исследования различных уровней исторической реальности должны применяться соответствующие им понятия и концепции. Для выявления фундаментальных тенденций мировой истории, ее пространственно-временной структуры необходим иной категориальный и методологический инструментарий. Этот подход и был реализован Ф. Броделем путем исследования миров-экономик и их взаимодействия в мировом масштабе. В исследовании их динамики выявляется новая ипостась структурной истории, отличная от реализованной при исследовании «материальной жизни» (об этом позже).

Однако решающее значение для концепции исторического познания Ф. Броделя имела преемственность с идеями основателей школы «Анналов», развитие их взглядов под углом зрения интересующей Ф. Броделя проблематики. Можно выделить три наиболее значимых аспекта этой связи.

Первый аспект – осознание значимости фактора исторического времени.

Во-первых, М. Блок не считал историческое время абстракцией: «Время истории – это плазма, в которой плавают феномены, это как бы среда, в которой они

могут быть поняты» [11. С. 18–19]. Кроме того, прошлое и настоящее взаимообусловлены: «Незнание прошлого неизбежно приводит к непониманию настоящего. Но, пожалуй, столь же тщетны попытки понять прошлое, если не представляешь настоящего» [11. С. 27].

Ф. Бродель всецело разделял этот взгляд: «Настоящее и прошлое взаимно освещаются» [14. С. 43]. Он видел их связь, прежде всего, на уровне медленно изменяющихся природно-географических условий, ведь «за современными пейзажами вырисовываются, воскресают горизонты минувшего...» [16. С. 19]. И «материальная жизнь» связывает прошлое и настоящее: в современных экономических системах имеются остаточные формы материальной культуры прошлого, от которых зависит жизнь многих поколений [13. С. 34]. Следовательно, между прошлым и настоящим, традицией и современностью нет разрыва, существует всеобъемлющий временной континуум, в котором в известном смысле все принадлежит настоящему.

Во-вторых, М. Блок полагал, что необходимо отбросить устоявшееся членение истории по векам и расширить временной интервал ее изучения: «Преобразования социальной структуры, экономики, верований, образа мышления нельзя без искажений втиснуть в слишком узкие хронологические рамки» [11. С. 104].

Эта идея хорошо коррелирует с выдвинутым Ф. Броделем представлением о «времени длительной протяженности». Мало того, им вводится понятие «чрезмерная временная протяженность», которое характеризует очень медленные процессы изменения природно-географических условий безотносительно к жизни и деятельности людей, но могущих на них повлиять: «Эти изменения почти неуловимы, но, накапливаясь на протяжении многих веков, приводят в конечном итоге к колоссальным потрясениям» [17. С. 17].

В-третьих, М. Блок подчеркивал, что любому типу исторических явлений «присуща своя, особая мера плотности измерения, своя, специфическая, так сказать, система счисления» [11. С. 104]. Другими словами, можно допустить существование множественности форм исторического времени.

Эту идею Ф. Бродель развил в концепцию многоуровневости исторической реальности: нижним уровнем является «материальная жизнь», над ней надстраивается «рыночная экономика», а над ней «капитализм» [13. С. 33–34]. Соответственно, историческое время распадается на взаимосвязанные ритмы изменчивости: нижний уровень образует «чрезмерная временная протяженность», раскрывающая независимые от людей естественные основания исторического процесса, над ним надстраивается «время длительной протяженности», текущее на уровне материальной жизни. Две формы долгосрочной конъюнктуры – столетние «тренды» и «циклы Кондратьева» – реализуются на уровне рыночной экономики и капитализма [15. С. 72–77].

Ф. Бродель подчеркивал, что эти формы исторического времени связаны между собой, поскольку «конъюнктуру следует изучать во всей ее глубине, и было бы достойно сожаления не искать ее границы, с одной стороны, в событийных проявлениях и в крат-

косрочных циклах, а с другой – в долговременной протяженности и в вековых движениях. Краткое время и время длительное сосуществуют и неразделимы» [15. С. 79–80]. Однако это только в теории: Ф. Бродель не раскрыл реальный механизм их взаимосвязи.

Второй аспект – проблема влияния природно-географических условий на социальное бытие.

М. Блок указывал, что эту проблему нельзя решать в рамках «географического псевдодетерминизма», поэтому «антропогеография» должна изучать «общества в их связи с природной средой — разумеется, двусторонней, когда люди непрестанно воздействуют на окружающий мир и одновременно подвергаются его воздействию» [11. С. 85]. И Л. Февр, критикуя представление об односторонне понимаемой причинности, отмечал, что «если человек воздействует на землю, то и земля, в свою очередь, воздействует на человека» [12. С. 174].

В концепции Ф. Броделя географическое пространство рассматривается как фактор, оказывающий значительное, но не решающее воздействие на социальное бытие, поскольку «географическая среда не является для людей фактором безоговорочного принуждения» [18. С. 30], люди стремятся ограничить ее воздействие, преобразуют и очеловечивают ее: «...ответы человека на вызовы природы одновременно высвобождают его из плена окружающей среды и заставляют его подчиняться принятым им же в качестве ответа решениям. Человек освобождается от одного детерминизма, чтобы тут же подчиниться другому» [19. С. 42].

Ф. Бродель не был сторонником географического детерминизма: условия среды обуславливают деятельность людей не напрямую, а через выработку традиций приспособления, результаты которого образуют «материальную жизнь». Фактически речь идет о коллективном культурном творчестве. Несмотря на тяготение к модели структурной, а не антропологической истории, он вводит в историческое познание обширнейший мир «материальной жизни», материальной культуры как многослойного, медленно изменяющегося образования, формирующего устойчивую «корневую» систему социального бытия людей. Правда, отсутствие акцента на роли ментальности в социальном бытии делает это исследование культуры взглядом извне, а не изнутри.

Сведение воедино вышеуказанных аспектов позволяет понять трактовку Ф. Броделем локальных цивилизаций: любая из них возникает в определенном географическом пространстве, очеловеченном трудом, опирается на определенные экономические уклады, имеет своеобразный культурный каркас с устойчивыми структурами, придающими цивилизациям неповторимый облик, они имеют коллективные представления о мире и самих себе и, наконец, существуют и реализуют свои возможности только в рамках долговременной перспективы [19. С. 39–65]. В духе идей А. Тойнби Ф. Бродель полагал, что «в сердце любой цивилизации утверждаются религиозные ценности». Однако «религиозная деятельность не составляет сама по себе всей культуры, которая охватывает также дух, стиль жизни (во всех значениях этого

термина), литературу, искусство, идеологию, самосознание... Культура создана из множества богатств, материальных и духовных» [15. С. 60].

В трактовке проблемы детерминизма Ф. Бродель склонялся к многофакторному подходу: существует сеть взаимодействий – географических, экономических, политических, культурных, технологических и демографических, – определяющих динамику социальных систем [19. С. 49]. Однако проблемой осталось раскрытие механизма функционирования причинной сети в различных цивилизациях и его результаты.

Третий аспект – конструирование исторического и шире – социального – знания.

Во-первых, реализация «тотальной истории» не может осуществляться силами только исторической науки, поэтому основатели школы «Анналов» выдвинули концепцию междисциплинарного синтеза социальных наук. Л. Февр подчеркивал, что если историческая наука желает покончить со своей изолированностью, необходимо устанавливать широкие связи внутри всего массива социогуманитарных дисциплин [12. С. 20]. Ф. Бродель разделял этот взгляд, не видя возможностей в изоляции друг от друга социальных наук [14. С. 32].

Во-вторых, будучи неудовлетворенным описательно-событийным характером исторической науки, М. Блок был сторонником проблемного подхода к историческому познанию [11. С. 89]. Однако реализация этого подхода не может осуществляться на чисто эмпирической основе и предполагает наличие теоретической установки, выступающей основанием интерпретации фактов. Поэтому М. Блок подчеркивал, что «ни одна наука не может обойтись без абстракции. Так же, как и без воображения» [11. С. 84]. Следовательно, историк не должен быть пассивным регистратором фактов, необходимо применение корректной теоретической модели (рабочей гипотезы) [12. С. 14], которая в случае несоответствия исторической реальности будет пересмотрена.

Развивая этот взгляд, Ф. Бродель указывал, что картина прошлого всегда является результатом реконструкции в форме выдвижения гипотез [14. С. 42]. Поэтому сложно согласиться с А.Я. Гуревичем, полагавшим, что в трудах Ф. Броделя обнаруживается «Монблан» самодовлеющего фактического материала [5. С. 153]. Поскольку описательную, событийную историю Ф. Бродель оценивал как не имеющую научного характера [14. С. 33], предполагается включение фактов в определенный теоретический контекст. Не случайно третий том труда о материальной цивилизации предваряет глава, содержащая теоретическую модель миров-экономик. По словам Ф. Броделя, эта глава представляет собой «теоретическое введение» или «опыт формирования проблематики» [15. С. 81], в соответствии с которой осуществляется группировка и интерпретация фактов.

Для Ф. Броделя история не является наукой, занимающейся только фиксацией событий. Представление о множественности форм исторического времени, длительной протяженности, волнах конъюнктуры – это теоретические конструкции, сквозь призму которых происходит интерпретация фактов, не противо-

речащая их содержанию. Этой же цели служит теоретическая модель миров-экономик, ее можно поставить в один ряд с моделями общественно-экономической формации, локальной цивилизации, современной мир-системы. Несмотря на различие содержания, они выполняют функцию теоретизации исторического познания. Концепция Ф. Броделя находится в русле этой тенденции и обосновывает взаимосвязь эмпирического и теоретического уровня, теоретическую нагруженность фактов исторической науки, если прибегнуть к языку постпозитивизма.

Несмотря на расхождения, между концепцией Ф. Броделя и основателей школы «Анналов» существует преемственная связь. С одной стороны, М. Блок и Л. Февр не проявляли интереса к проблематике мировой истории и макроисторических изменений, с другой стороны, ими были сформулированы необходимые для теоретизации исторического познания компоненты. В плане онтологии истории к их числу следует отнести представление о взаимосвязи настоящего и прошлого, наличия в истории процессов различной длительности и, прежде всего, долгосрочных, что является основанием идеи пространственно-временного континуума структурной динамики социальных систем. В плане исторической гносеологии значительную роль играет представление о синтезе социальных наук для адекватного исследования объекта, создания корректных теоретических моделей, не противоречащих фактам, выдвижения гипотез, единства эмпирического и теоретического уровней исторического познания. Эти компоненты показывают, что оно не может осуществляться только на основе фиксации фактов; в обосновании этого взгляда и состоит главное достижение основателей школы «Анналов».

Главной заслугой Ф. Броделя является то, что, восприняв компоненты теоретизации исторического познания из методологических воззрений М. Блока и Л. Февра, он обнаружил для них новую сферу применения – исследование мировой истории. Именно по этой причине его концепция оказала существенное воздействие на становление мир-системного подхода, в который были транслированы многие его идеи.

Концепция мировой истории Ф. Броделя и ее эвристический потенциал

Понятие мира-экономики является ключевым в концепции Ф. Броделя для рассмотрения мирового исторического процесса. Одновременно оно позволяет раскрыть вторую ипостась модели структурной истории – связанную уже не с материальной жизнью, а с системной динамикой в долгосрочной перспективе. И самое главное – в понимании мира-экономики воплотился ряд современных системных представлений, которые необходимо эксплицировать для выявления возможностей их реализации в историческом познании.

Существует четыре ключевых способа представления системы. Макроскопическое представление характеризует систему как целое, взаимодействующее с внешней средой, влияние которой может приводить

к изменению ее свойств, микроскопическое – как совокупность элементов и связей между ними. Иерархическое представление акцентирует уровни организации системы, процессуальное – совокупность процессов функционирования и развития [20. С. 83–87]. Рассмотрим модель мира-экономики сквозь призму этих представлений.

С макроскопической точки зрения мир-экономика, в отличие от мировой экономики, представляет собой «экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство» [15. С. 14]. Кроме того, мир-экономика является суммой экономических и неэкономических реальностей, пересекает границы иных крупных исторических образований, например цивилизаций, охватывает огромную территорию, существует и трансформируется в течение длительного времени на одной и той же территории [15. С. 16–17].

В концепции Ф. Броделя особое внимание уделяется пространственному аспекту бытия миров-экономики: «Зона, какую охватывал такой мир-экономика, представляется первейшим условием его существования» [15. С. 18]; у любого мира-экономики есть граница, отделяющая его от системы подобного типа, границы миров-экономики являются зонами мало оживленными и инертными. Поэтому конкретному миру-экономике приходилось покорять пространство, чтобы над ним господствовать, выдвигать в сторону другого мира-экономики «антенны» экономических связей [15. С. 19–20]. Тем самым Ф. Бродель акцентирует роль внешней среды как фактора функционирования этих систем (об этом речь еще пойдет в дальнейшем).

С микроскопической точки зрения мир-экономика представляет собой сеть городов как элементов системы (при данном способе ее рассмотрения), связанных между собой устойчивыми деловыми связями. В труде о материальной цивилизации Ф. Бродель утверждал, что в этой сети господствовал крупный центр с капиталистическим типом экономики: «Мир-экономика всегда располагал городским полюсом, городом, пребывавшим в центре сосредоточения непререкаемых элементов, обеспечивавших его деловую активность» [15. С. 21]. В труде, посвященном Франции, это представление было дополнено: имел место сдвоенный центр мира-экономики, поскольку партнером господствующего города являлась крупная ярмарка [21. С. 382]. Но в любом случае центр стягивал к себе всю экономическую сеть и контролировал даже самые удаленные ее звенья.

Микроскопическое представление мира-экономики расширяется с помощью иерархического представления о ее организации: система состоит из трех зон, находящихся в отношении субординации и связи между собой, – наиболее развитая центральная зона, довольно развитые области, располагающие лишь частью преимуществ центра, и периферийные области [15. С. 32]. Если пользоваться терминологией И. Валлерстайна, это ядро, полупериферия и периферия соответственно [22. Р. 349–350]. Ф. Бродель подчерки-

вает, что если полупериферия активна и стремится догнать центр, то периферийные области являются объектом эксплуатации со стороны вышестоящих зон, поскольку периферия включает в свой состав отсталые регионы, где преобладают докапиталистические социальные формы (крепостное состояние и даже рабство), едва вовлеченные в денежную экономику, с низким уровнем цен, оплаты труда и покупательной способности [15. С. 32–33].

Важно то, что эта поляризация является историческим, процессуальным явлением, результатом неравномерности развития: «Разделение труда в мировом масштабе (или в масштабе одного мира-экономики) не было соглашением равных партнеров, согласованным и доступным для пересмотра в любой момент. Оно устанавливалось постепенно, как цепь зависимостей, определявших одни другие. Неравный обмен, создатель неравенства в мире, и, наоборот, неравенство мира, упорно создававшее обмены, были древними реальностями» [15. С. 43]. Следовательно, если какая-то страна развивается быстрее остальных, то это потому, что «она оказалась вовлечена в более раннее движение, которое давало ей преимущество» [15. С. 44].

В иерархическом описании мира-экономики имеют место три важные особенности. Первая из них заключается в том, что взаимодействие между уровнями системы как частями целого не может быть описано как имеющее причинно-следственный характер, поскольку это функциональное, не причинное взаимодействие, обусловленное, с одной стороны, отношением эксплуатации, с другой стороны, отношением зависимости. Вторая особенность состоит в том, что господство центральной зоны над периферией не имеет непосредственного характера, поэтому, учитывая наличие промежуточной полупериферийной зоны, в системе существуют опосредованные пространственные корреляции, которые тоже являются не причинной формой детерминизма. И третья особенность заключается в принципиальном отсутствии односторонней, осуществляющейся с одинаковой скоростью исторической эволюции, поскольку в силу неравномерности исторического развития различным уровням исторической реальности свойственны различные темпы динамики.

Наиболее сложным является процессуальное представление мира-экономики, поскольку оно синтезирует предыдущие способы описания этой системы; в рамках этого представления значимы три аспекта.

Во-первых, можно утверждать, что мир-экономика представляет собой неизменность в изменении: с одной стороны, всегда остается неизменной ее иерархическая организация, обеспечивающая накопление капитала в центральной зоне, с другой стороны, изменения происходят в рамках этой структуры. Ф. Бродель подчеркивает, что господствующие города сменяли друг друга в течение одного-двух столетий, ибо в центре мира-экономики мог быть только один полюс, отголоски этой структурной трансформации проявлялись во всех зонах системы и имели не только экономические, но и политические последствия [15. С. 24, 29].

Важно, что успех «машины накопления» был многофакторным. Первый фактор – политический: в цен-

тре мира-экономики всегда располагалось сильное государство, которое стояло на страже накопления во внутренней и внешней политике, не чураясь и насилия, чтобы в отношениях с периферией сохранять прибыль за собой [15. С. 45, 47]. Второй фактор – приспособление социального порядка к базовым экономическим потребностям, третий – культурное единство Европы облегчало установление торговых связей [15. С. 57, 61].

Во-вторых, особенность функционирования мира-экономики состоит в том, что эта система обладала собственным пространством-временем, в рамках которого разворачивалась ее структурная динамика. Ф. Бродель полагал, что длинные волны конъюнктуры формировали механизм синхронности колебаний. Доказательством самого наличия этих волн является изменение цен: «...цены, которые колебались почти что все вместе, служат лучшим свидетельством связности, сплоченности мира-экономики, пронизанного денежным обменом и развивающегося уже под знаком организующей деятельности капитализма» [15. С. 69].

Примечательно, что колебания цен вызывали два фактора. Первый – внешний, состоящий в колебаниях рынка на обширных пространствах, колебаниях торговли на дальние расстояния и последствиях, какие она влечет для цен в системе [15. С. 78]. Тем самым внешняя среда мира-экономики оказывала воздействие на происходящие в ней процессы, подготавливала долгосрочные изменения, влияла на свойства системы как целого. Второй фактор – ее внутренняя среда: «Мир-экономика – это колеблющаяся поверхность самых больших размеров, та, что не только воспринимает конъюнктуру, но и создает ее на определенной глубине, на определенном уровне. Во всяком случае, именно она, эта поверхность, создает *единство* цен на огромных пространствах, подобно тому, как артериальная система распределяет кровь по всему живому организму» [15. С. 79].

И, в-третьих, подчеркивает Ф. Бродель, поскольку длинные волны конъюнктуры, в особенности вековая тенденция, имеют кумулятивный характер, эти колебания в итоге могут привести к системному кризису, потому что мир-экономика, «который спокойно развивался, приходит в упадок или завершает свой упадок, и со многими отсрочками и промедлениями рождается другая система. Такой разрыв представляется как результат накопления случайностей, нарушений, искажений» [15. С. 81].

Подводя итоги, можно сделать три различающихся степени абстрактности вывода.

Во-первых, мир-экономика представляет собой совокупность экономических, политических, социальных и культурных реальностей, существующих не изолированно друг от друга, а взаимодействующих между собой, что придает системной динамике многофакторный характер.

Во-вторых, мир-экономика как система характеризуется наличием трех континуумов – единства статики и динамики, пространства и времени, прошлого и настоящего (это позволяет рассматривать ее функционирование и развитие в долгосрочной временной перспективе).

В-третьих, мир-экономика с точки зрения общей теории систем представляет собой органично-целостную, сложную, иерархически организованную, саморазвивающуюся систему, в долгосрочной структурной динамике которой значительную роль играют не причинные формы детерминации, а сама динамика носит нелинейный характер в силу значительной роли фактора вероятности и случайности.

Чтобы эта теоретическая модель могла быть реализована в историческом познании, должны соблюдаться три условия. Во-первых, масштаб рассмотрения исторического процесса должен быть как минимум региональный с перспективой выхода на мировой уровень. Во-вторых, во внимание должны приниматься только большие масштабы исторического пространства-времени для осуществления сопоставлений различных социальных систем с целью обнаружения общего и особенного в их динамике. И, в-третьих, в случае обнаружения универсальных тенденций необходимо конкретизировать их действие применительно к социальным системам различного типа, тем более, реализация этих тенденций со временем может претерпевать изменения.

Эти принципы и были положены Ф. Броделем в основу понимания исторического процесса. В его концепции он представлен как процесс, имеющий мировой масштаб, что предполагает наличие соответствующих конституирующих связей, и в то же время как процесс тотальный, всеобъемлющий, включающий в себя глубинные структуры материальной жизни, экономики, государства, локальные цивилизации, иначе говоря, любые реальности истории, воплощающие целостность социального бытия людей (в этом пункте прослеживается влияние соответствующей концепции школы «Анналов»). Наконец, исторический процесс предстает у Ф. Броделя как поляризующий – формирующий неравенство, зоны различного уровня экономического развития.

Ф. Бродель, с одной стороны, исследовал развитие европейского капиталистического мира-экономики, сыгравшего особую роль в мировой истории, поскольку в результате процессов, обусловленных природой капитализма, эта система осуществила пространственную экспансию далеко за свои пределы. С другой стороны, европейский мир-экономика сталкивался с иными мирами-экономиками, вступал во взаимодействие с ними. Поэтому метафора «времени мира» обозначает формирование глобальной экономической системы с общим ритмом функционирования как результата перекрещивающегося роста миров-экономик. Ф. Бродель осуществляет исследование мировой истории как взаимодействия чередующихся миров-экономик и взаимодействия сосуществующих миров-экономик. Сочетание методов диахронии и синхронии позволяет объяснить природу глобальной экономической системы, выявить реальности, приобретающие мировое значение в долгосрочной перспективе. Несмотря на то, что Ф. Бродель в отличие от И. Валлерстайна не использовал понятие современной миросистемы, он исследовал процессы, формирующие именно глобальную социальную систему.

Важно и то, что мировая экономическая система как результат взаимодействия миров-экономик не сво-

дится к их простой механической сумме, характеризующаясь наличием целостных свойств; в то же время развитие отдельных миров-экономик, испытывая на себе воздействие мировой экономической системы, не сводится к этому воздействию и не выводится из него. Ф. Бродель акцентирует диалектику уровней исторической реальности в рамках глобальной пространственно-временной структуры исторического процесса.

Этот взгляд не мог не привлечь внимание сторонников миросистемного подхода, для которых характерен интерес к динамике крупномасштабных социальных систем в долгосрочной перспективе. Проблема заключается в том, как исследовать глобальную структуру исторического процесса. Не вдаваясь во все нюансы соотношения их концепций, сопоставим взгляды Ф. Броделя и И. Валлерстайна по двум проблемам – единства и многообразия истории, а также соотношения микроуровня и макроуровня исторической реальности, что позволит акцентировать значимые аспекты понимания Ф. Броделем мировой истории.

Проблема единства и многообразия истории интерпретируется И. Валлерстайном, прежде всего, как проблема многоукладности, возможности сосуществования способов производства. С одной стороны, он отказывается признавать в современной миросистеме взаимодействие различных способов производства: утверждается, что существует только один – капиталистический. С другой стороны, мировой капитализм представлен И. Валлерстайном как мироисторический процесс, реализующий себя в многообразных формах – сочетания свободного и несвободного, наемного и не наемного, оплачиваемого и неоплачиваемого труда, товарных и нетоварных продуктов, отчуждаемых и неотчуждаемых форм собственности и капитала [23. Р. 320].

Этот взгляд обусловлен тем, что мировой капитализм любые социальные формы включает в процесс накопления капитала. Поэтому крепостное право или плантационное рабство представляются И. Валлерстайну не докапиталистическими способами производства в современной миросистеме, а специфическими формами мирового капитализма, поскольку не имеет значения, что представляют собой содержательно эти социальные формы, главное, что они вовлечены в безостановочный процесс капиталистического накопления.

Ф. Бродель тоже признавал, что капитализм может использовать чуждые ему социальные формы для накопления капитала [15. С. 59], но подчеркивал, что «история мира – это кортеж, процессия, сосуществование способов производства, которые мы слишком склонны рассматривать последовательно, в связи с разными эпохами истории. На самом деле эти способы производства сцеплены друг с другом. Самые передовые завысят от самых отсталых, и наоборот: развитие – это другая сторона слабразвитости» [15. С. 65].

В этом пункте обнаруживается расхождение и с формационной моделью мировой истории. С одной стороны, сосуществование различных способов производства раскрывает механизм синхронности как непринципиальной формы детерминации, который характеризует экономические процессы в мировом масштабе,

с другой стороны, если способы производства сосуществуют, то мировые экономические связи и разделение труда можно исследовать целостно, не принимая во внимание формационную принадлежность конкретных обществ. В частности, согласно Ф. Броделю, неясно, существовал в Латинской Америке феодализм или капитализм, или переходная форма. И капитализм был более связан с Европой, чем с местными экономическими укладами, не был господствующим. Перед нами «наслоение» социальных систем друг на друга, смещение их элементов, невозможно исследовать эту реальность на основе единого способа производства [15. С. 440].

Если И. Валлерстайн акцентировал поглощение расширяющимся европейским капиталистическим миром-экономикой других исторических систем, что и привело в результате к возникновению современной миросистемы [23. Р. 318], то Ф. Бродель раскрывает процесс взаимодействия различных социальных систем, отрицая экономическую унификацию в мировом масштабе. Более того, он признавал существование внутренне разнородных социальных образований, в которых может и не быть единой логики, какую сообщает современной миросистеме в трактовке И. Валлерстайна капиталистический способ производства.

Однако проблема единства и многообразия истории не исчерпывается проблемой многоукладности в мировом масштабе. В концепции Ф. Броделя локальные цивилизации являются наряду с мирами-экономиками реальными единицами мировой истории, что усложняет картину ее многообразия. Для Ф. Броделя экономические и культурные реальности не связаны между собой линейной зависимостью. С одной стороны, цивилизации связаны с мирами-экономикой, ибо каждый из них имел свою культуру, с другой стороны, они не тождественны друг другу, ибо культура превосходит долговечность миров-экономик, которые сменяли друг друга, а цивилизации продолжали существовать, ибо «цивилизация – это старец, патриарх мировой истории» [15. С. 60]. Говоря о западной цивилизации, Ф. Бродель отмечал, что, с одной стороны, центр европейского мира-экономики неоднократно перемещался, что объясняется более высоким динамизмом экономики по сравнению с культурой, однако в XIII–XV вв. не Венеция или Генуя как торговые центры определяли культурный облик Европы, а Флоренция. С другой стороны, завоевание Нового Света являлось примером единства европейской цивилизации и мира-экономики, поскольку экспансия осуществлялась во всех формах [15. С. 61–62].

Иной точки зрения придерживается И. Валлерстайн, который отрицает реальное бытие цивилизаций, поскольку в современной миросистеме реальностью является только ось экономического разделения труда ядро – полупериферия – периферия, а «цивилизации сегодня лишь обозначают границы между социальными группами и экономическими зонами мира» [24. С. 35]. Позиция Ф. Броделя предполагает более многомерное видение мирового исторического процесса, который, несмотря на нарастающее единство, характеризуется не элиминируемым многообра-

зием и не может быть сведен к какому бы то ни было универсальному основанию.

Проблема единства и многообразия исторического процесса подразумевает и проблему соотношения уровней исторической реальности, наличия или отсутствия определяющего уровня. И. Валлерстайн стремился представить современную миросистему как целостность, не сводимую к составным частям, исследовать эволюцию ее структур, взятых в комплексе [22. Р. 8]. Поскольку система является глобальной, он искал объясняющие ее закономерности на соответствующем уровне. Вследствие этого возник значительный редукционизм, поскольку национальные государства и экономики, локальные цивилизации оказались сведены к проявлениям тенденций макроуровня, где господствует капитализм; современная миросистема предстает глобальной, независимой от региональной и локальной специфики величиной.

В концепции Ф. Броделя обнаруживается другой взгляд: формирование мировой экономической системы и соответствующих ей структур и тенденций не означает элиминации региональной специфики. Говоря языком системного подхода, речь идет о соотношении аддитивных и неаддитивных свойств компонентов системы. С одной стороны, И. Валлерстайн прав, что целое обладает свойствами, не сводимыми к свойствам частей и играет по отношению к ним определяющую роль, но, с другой стороны, части обладают своими особенностями, которые сформировались в то время, когда образующие их элементы еще не вошли в систему более высокого порядка. В этой связи современная миросистема является не изначально данной реальностью, а результатом длительного развития, локальные и региональные системы до включения в нее обладали специфическими особенностями, вхождение в глобальную систему не означает полную утрату их своеобразия. Необходимо исследовать локальные и региональные особенности, даже если они не оказывают определяющего влияния на систему как целое, ибо эти особенности столь же историчны, как и тенденции глобального уровня.

На это и обращает внимание Ф. Бродель. Причины инерционности китайской экономики он видел не только в особой роли государства, но и в структурных особенностях, обусловивших отсутствие высших уровней обмена, необходимых для ликвидации замкнутости локальных экономик, их интеграции в крупные территориальные комплексы, как это происходило в Европе [25. С. 35–37]. Следовательно, особенности экономики Китая негативно повлияли на формирование национального рынка, а это, в свою очередь, обусловило экономическое отставание Китая от Европы в рамках развивающегося мирового рынка, ибо региональные особенности могут если не прямо, то косвенно оказывать влияние на процессы глобального уровня. Однако нельзя сказать, что специфика экономики Китая является порождением «времени мира», тенденций макроуровня.

Эти различия обусловлены, конечно, не тем, что И. Валлерстайн, по словам Ф. Броделя, как социолог ведет «борьбу с историей» [15. С. 65], а тем, что в концепции миросистемного анализа избран более аб-

страктный ракурс рассмотрения исторического процесса, часто оборачивающийся недооценкой его многообразия.

Немаловажным является и вопрос, во-первых, насколько глубокой во времени может быть структура глобальной истории. Если И. Валлерстайн утверждал, что европейский мир-экономика вышел из-под контроля структур мир-империи в XVI в., что знаменовало начало становления современной миросистемы [23. Р. 318], то Ф. Бродель полагал, что не следует, как это делает И. Валлерстайн, преувеличивать провал имперской политики Габсбургов, поскольку капитализм уже в XIII в. заявил о себе как о новой организующей силе [15. С. 50–51]. И, во-вторых, с каких теоретических позиций исследовать структуру глобальной истории: в силу того, что в концепции Ф. Броделя признается существование и локальных цивилизаций, и миров-экономик, возникают возможности исследования в рамках как цивилизационного, так и миросистемного подхода.

Сторонники первого из них ведут отсчет времени существования локальных цивилизаций либо с пятого тысячелетия до нашей эры (А. Тойнби), либо с первого тысячелетия до нашей эры (концепция «осевого времени» К. Ясперса). Разнится взгляд и содержательно. Первый вариант предполагает признание единственной цивилизации, видоизменявшейся в ходе истории: современная глобальная цивилизация является «потомком» исходной, возникшей около 1 500 года до нашей эры, когда слились Египетская и Месопотамская цивилизации; с тех пор она распространилась на весь мир и поглотила другие ранее независимые цивилизации (Д. Уилкинсон) [26. Р. 31].

Второй вариант заключается в признании множества независимых друг от друга цивилизаций, которые можно рассматривать с двух сторон. С одной стороны, существует возможность широкого сравнительного изучения «осевых цивилизаций» и их динамики, в том числе, в контексте процесса модернизации (Ш. Айзенштадт). С другой стороны, исследование возможностей локальных цивилизаций встраиваться в глобальные структуры при условии «перевода» универсальных идиом на понятный конкретной цивилизации символический «язык» и, наоборот, придании ценностям и историческому опыту своей цивилизации универсального характера (В. Каволис) [27. Р. 128–133].

Эти и другие варианты можно рассматривать как исследование глобальной структуры истории сквозь призму культуры, образующей специфику цивилизаций. Существует возможность синхронистического и диахронического рассмотрения их исторического бытия, взаимодействия между собой, образования глобальных конфигураций и интеграции в них с той или иной степенью успешности отдельных цивилизаций.

Сторонники миросистемного подхода, не разделяющие представление И. Валлерстайна о пространственно-временных границах возникновения современной миросистемы, утверждают, что миросистема существовала и ранее XVI в., охватывая значительную территорию Евразии, Ближний Восток и северную Африку.

По мнению Дж. Абу-Лугод, миросистема, предшествующая современной, достигла кульминации в XIII в. и состояла из четырех ядер, одним из которых была Западная Европа. В XVI в. она стала ядром формирующейся новой миросистемы, происходила «переструктуризация» без возврата к прежнему состоянию, поэтому «современная миросистема» была продолжением предыдущей и в то же время новой [28. Р. 275–280]. К. Чейз-Данн полагает, что Европа была не одним из ядер миросистемы, а полупериферией мультицентрической супермировой системы, ядрами которой являлись китайская, индийская и исламская империи. Однако Европа сумела развить новые институциональные формы, стала господствовать и над старыми ядрами, и над остальной частью мира [29. Р. 52, 59]. Самый радикальный вариант обосновал А.Г. Франк: миросистема возникла около пяти тысяч лет назад и с тех пор существовала «системная связь и единство развития». Ключевым фактором существования миросистемы был процесс накопления капитала, что свидетельствует о ее связности, происходили трансформации способов накопления, но без ущерба для ее целостности [30. Р. 157, 235–237].

Эти представления способствуют преодолению известного европоцентризма концепции И. Валлерстайна, идея перемещения ядра акцентирует особую роль Востока в мировой истории, указывается на преемственность между сложными социальными системами в процессе структурных трансформаций и переходов.

Если учесть широкие масштабы пространства и длительную протяженность рассмотрения исторической динамики цивилизаций или миросистем, то можно утверждать, что это и есть глобальная структура исторического процесса, существование которой обосновал Ф. Бродель. Представление об этой структуре становится базовым методологическим инструментом сторонников и цивилизационного, и миросистемного подхода.

Подводя общие итоги, можно сказать, что концепция Ф. Броделя выходит далеко за рамки понимания задач исторического познания, обоснованного в рамках школы «Анналов». Это проявляется, прежде всего, в ориентации на модель структурной, а не антропологической истории, изучении материальной, а не духовной культуры, в исследовании мирового исторического процесса, макроуровня исторической реальности.

Вместе с тем в концепцию Ф. Броделя был инкорпориован ряд теоретических аспектов, выработанных основателями школы «Анналов». В плане онтологии истории следует отметить идею множественности форм исторического времени, длительной вре-

менной протяженности, позволяющей раскрыть взаимосвязь настоящего и прошлого, в плане гносеологии – идею синтеза социальных наук, выдвижения гипотез, наличие которых подчеркивает неразрывное единство эмпирического и теоретического уровня исторического познания. Эти аспекты, сформулированные М. Блоком и Л. Февром в общем виде, были развиты Ф. Броделем и превращены в главный методологический инструментарий исследования мировой истории.

Эти аспекты были дополнены современными системными представлениями, хоть и в имплицитной форме, но реализованными в теоретической модели миров-экономик, исследование структурной динамики которых, в концепции Ф. Броделя, является ключом для понимания мировой истории. Он рассматривал эти социальные системы на основе принципов целостности, сложности, иерархичности и саморазвития.

Мировая история была истолкована Ф. Броделем как сложная система взаимодействий миров-экономик вследствие их перекрещивающегося роста, что способствует формированию глобальной экономической системы, которая является несводимой к их простой сумме величиной и характеризуется неравномерностью исторической эволюции. Главное открытие Ф. Броделя заключается в представлении о глобальной пространственно-временной структуре исторического процесса, для которого характерно, с одной стороны, нарастающее единство, с другой стороны, многообразие, обусловленное сосуществованием и взаимодействием различных способов производства и локальных цивилизаций, а также сложным взаимодействием процессов микроуровня и макроуровня исторической реальности. Важно и то, что глобальная структура исторического процесса может быть исследована с разных теоретических позиций – как в рамках цивилизационного, так и миросистемного подхода; в концепции Ф. Броделя очерчены основания каждого из них.

Исследование миров-экономик позволило Ф. Броделю в плане исторической онтологии акцентировать новый вариант понимания единиц исторического процесса, а в плане гносеологии имплицитно обосновать наличие метатеоретического уровня исторического познания, продемонстрировать его возможности при «подключении» к фактологическому базису. Новаторство концепции Ф. Броделя состоит в обосновании взгляда, что, казалось бы, не имеющие отношения к историческому познанию теоретические представления способны открывать перед ним новые возможности, выводя за рамки традиционной исторической эмпирии, на основании которой оказывается невозможным решение новых проблем, поставленных развитием исторического познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валлерстайн И. Социология и история // *Время мира. Альманах*. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 124–127.
2. Hynt L. French History in the Last Twenty Years: The Rise and Fall of the Annales Paradigm // *Journal of Contemporary History*. 1986. Vol. 21. P. 209–224.
3. Hexter J. H. Fernand Braudel and the Monde Braudellien // *The Journal of Modern History*. 1972. Vol. 44, № 4. P. 480–539.
4. Kinser S. Annaliste Paradigm? The Geohistorical Structuralism of Fernand Braudel // *The American Historical Review*. 1981. Vol. 86, № 1. P. 63–105.
5. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга. 2014. 432 с.

6. Вжозек В. Человек в социальной системе Фернана Броделя // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» / отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М. : Наука, 1993. С. 149–155.
7. Сандерсон С. Мегаистория и ее парадигмы // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 67–71.
8. Arrighi G. Braudel, Capitalism, and the New Economic Sociology // Review (Fernand Braudel Center). 2001. Vol. 24, № 1. P. 107–123.
9. Wallerstein I. The Inventions of TimeSpace Realities: Towards an Understanding of our Historical Systems // Geography. 1988. Vol. 73, № 4. P. 289–297.
10. Wallerstein I. Braudel on the Longue Durée: Problems of Conceptual Translation // Review (Fernand Braudel Center). 2009. Vol. 32, № 2. P. 155–170.
11. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М. : Наука, 1986. 254 с.
12. Февр Л. Бои за историю. М. : Наука, 1991. 629 с.
13. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М. : Прогресс, 1986. 623 с.
14. Бродель Ф. Очерки истории. М. : Академический проект ; Альма Матер, 2015. 223 с.
15. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 3: Время мира. М. : Прогресс, 1992. 677 с.
16. Бродель Ф. Что такое Франция? Книга первая: Пространство и история. М. : Издательство имени Сабашиных, 1994. 405 с.
17. Бродель Ф. Что такое Франция? Книга вторая: Люди и вещи. Ч. 1: Численность народонаселения и ее колебания на протяжении веков. М. : Издательство имени Сабашиных, 1995. 244 с.
18. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II : в 3 ч. Ч. 1: Роль среды. М. : Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
19. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М. : Весь Мир, 2008. 552 с.
20. Садовский В.Н. Основания общей теории систем: логико-методологический анализ. М. : Наука, 1974. 280 с.
21. Бродель Ф. Что такое Франция? Книга вторая: Люди и вещи. Ч. 2: «Крестьянская экономика» до начала XX в. М. : Издательство имени Сабашиных, 1997. 511 с.
22. Wallerstein I. The Modern World-System. Vol. 1: Capitalist agriculture and the origins the European world-economy in the sixteenth century. N.Y. : Academic press, 1974. 410 p.
23. Wallerstein I. World-Systems Analysis // Social Theory Today / ed. by A. Giddens, J.H. Turner. Stanford (California) : Stanford University Press, 1987. P. 309–324.
24. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 30–42.
25. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск : Полиграмма, 1993. 125 с.
26. Wilkinson D. Central Civilization // Comparative Civilizations Review. 1987. № 17. P. 31–59.
27. Kavolis V. Nationalism, Modernization, and the Polylogue of Civilizations // Comparative Civilizations Review. 1991. № 25. P. 124–143.
28. Abu-Lughod J. Restructuring the Premodern World-System // Review (Fernand Braudel Center). 1990. Vol. 13, № 2. P. 273–286.
29. Chase-Dunn Ch. Comparing World-Systems: Toward a Theory of Semiperipheral Development // Comparative Civilizations Review. 1988. № 19. P. 29–66.
30. Frank A.G. A Theoretical Introduction to 5,000 Years of World System History // Review (Fernand Braudel Center). 1990. Vol. 13, № 2. P. 155–248.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 24 июня 2021 г.

Theoretical Aspects of the Concept of Historical Cognition by Fernand Braudel

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 38–49.

DOI: 10.17223/15617793/472/5

Roman Yu. Tsarev, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: romanoromani@mail.ru

Keywords: social systems; structural history; global history; chronostructure of history; time of long duration; theorization of historical knowledge.

The article explores the problem of ways and possibilities of theorizing historical knowledge. By analyzing the concept of Fernand Braudel, the author establishes that the heuristic possibilities of historical cognition are not limited to orientation to the empirical component and can be increased by the correct application of theoretical concepts. Two groups of them are implemented in Braudel's concept. In terms of historical ontology, the key element is the idea of the multiplicity of forms of historical time and time of long duration. They allow us to reveal the relationship between the past and the present, to substantiate the existence of a space-time continuum of the historical process, to explore various realities – the structures of material life, economy, state, local civilizations, and world-economies as social systems. Braudel considers the historical process as total, including any realities embodying the integrity of social existence. In terms of historical epistemology, a decisive role belongs to the idea of an interdisciplinary synthesis of social sciences, the promotion of hypotheses, the presence of which indicates the unity of the empirical and theoretical levels of historical knowledge, the limitations of a purely empirical approach to solving the problems posed. These aspects are largely the development of the methodological ideas of the founders of the Annals school. At the same time, Braudel focuses on the model of structural, not anthropological history, tends to understand the historical process as not only total, but also global, as the study of the macro-level of historical reality. The theoretical model of world-economies, which includes a number of modern system concepts, is crucial for solving these problems. Their explication shows that world-economies are organically integral, complex, hierarchically organized and self-developing systems with non-causal forms of determination and nonlinear dynamics. Braudel understands world history as a system of interactions of world-economies forming a global economic system, irreducible to their simple sum, possessing an irreducible variety of mode of production and local civilizations, the dialectic of micro-level and macro-level processes of historical reality. The study of these aspects allows us to develop an idea of the global space-time structure of the historical process. The study of world-economies allows us to substantiate the existence and reveal the possibilities of a metatheoretical level of historical knowledge, containing schemes that contribute to its theorization, which does not contradict the facts, specifics and tasks of historical knowledge. The novelty of Braudel's concept lies in the fact that entering into a new categorical and methodological apparatus helps to overcome the limitations of historical empiricism through theoretical interpretation of facts, the growth of explanatory possibilities of historical cognition.

REFERENCES

1. Wallerstein, I. (2000) Sotsiologiya i istoriya [Sociology and History]. Translated from English. In: Rozov, N.S. (ed.) *Vremya mira. Al'manakh* [The Time of Peace. Almanac]. Vol. 1. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 124–127.
2. Hynt, L. (1986) French History in the Last Twenty Years: The Rise and Fall of the Annales Paradigm. *Journal of Contemporary History*. 21. pp. 209–224.
3. Hexter, J.H. (1972) Fernand Braudel and the Monde Braudellien. *The Journal of Modern History*. 4 (44). pp. 480–539.
4. Kinser, S. (1981) Annaliste Paradigm? The Geohistorical Structuralism of Fernand Braudel. *The American Historical Review*. 1 (86). pp. 63–105.
5. Gurevich, A.Ya. (2014) *Istoricheskiy sintez i Shkola "Annalov"* [Historical Synthesis and the Annales School]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr humanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga.
6. Vzhozek, V. (1993) Chelovek v sotsial'noy sisteme Fernana Brodelya [Man in the social system of Fernand Braudel]. In: Bessmertnyy, Yu.L. (ed.) *Spory o glavnom: Diskussii o nastoyashchem i budushchem istoricheskoy nauki vokrug frantsuzskoy shkoly "Annalov"* [Disputes about the Main Thing: Discussions about the present and future of historical science around the French Annales school]. Moscow: Nauka. pp. 149–155.
7. Sanderson, S. (2000) Megaistoriya i ee paradigmy [Megahistory and its paradigms]. In: Rozov, N.S. (ed.) *Vremya mira. Al'manakh* [The Time of Peace. Almanac]. Vol. 1. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 67–71.
8. Arrighi, G. (2001) Braudel, Capitalism, and the New Economic Sociology. *Review (Fernand Braudel Center)*. 1 (24). pp. 107–123.
9. Wallerstein, I. (1988) The Inventions of TimeSpace Realities: Towards an Understanding of our Historical Systems. *Geography*. 4 (73). pp. 289–297.
10. Wallerstein, I. (2009) Braudel on the Longue Durée: Problems of Conceptual Translation. *Review (Fernand Braudel Center)*. 2 (32). pp. 155–170.
11. Bloch, M. (1986) *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika* [The Apology of History, or the Craft of a historian]. Translated from French. Moscow: Nauka.
12. Febvre, L. (1991) *Boi za istoriyu* [Fights for history]. Translated from French. Moscow: Nauka.
13. Braudel, F. (1986) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* [Material Civilization, Economy and Capitalism, 15th–18th Centuries]. Vol. 1. Translated from French. Moscow: Progress.
14. Braudel, F. (2015) *Ocherki istorii* [Essays on history]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii proekt; Al'ma Mater.
15. Braudel, F. (1992) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* [Material Civilization, Economy and Capitalism, 15th–18th Centuries]. Vol. 3. Translated from French. Moscow: Progress.
16. Braudel, F. (1994) *Chto takoe Frantsiya? Kniga pervaya: Prostranstvo i istoriya* [What is France? Book one: Space and History]. Translated from French. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh.
17. Braudel, F. (1995) *Chto takoe Frantsiya? Kniga vtoraya: Lyudi i veshchi* [What is France? Book two: People and Things]. Pt. 1. Translated from French. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh.
18. Braudel, F. (2002) *Sredizemnoe more i sredizemnomorskiy mir v epokhu Filippa II* [The Mediterranean Sea and the Mediterranean world in the era of Philip II]. Pt. 1. Translated from French. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
19. Braudel, F. (2008) *Grammatika tsivilizatsiy* [Grammar of Civilizations]. Translated from French. Moscow: Ves' Mir.
20. Sadovskiy, V.N. (1974) *Osnovaniya obshchey teorii sistem: logiko-metodologicheskii analiz* [Foundations of the General Theory of Systems: Logical and methodological analysis]. Moscow: Nauka.
21. Braudel, F. (1997) *Chto takoe Frantsiya? Kniga vtoraya: Lyudi i veshchi* [What is France? Book two: People and Things]. Pt. 2. Translated from French. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh.
22. Wallerstein, I. (1974) *The Modern World-System*. Vol. 1. New York: Academic press.
23. Wallerstein, I. (1987) World-Systems Analysis. In: Giddens, A. & Turner, J.H. (eds) *Social Theory Today*. Stanford (California): Stanford University Press. pp. 309–324.
24. Wallerstein I. (1996) Rossiya i kapitalisticheskaya mir-ekonomika, 1500–2010 [Russia and the Capitalist world-economy, 1500–2010]. *Svobodnaya mysl'*. 5. pp. 30–42.
25. Braudel, F. (1993) *Dinamika kapitalizma* [The Dynamics of Capitalism]. Translated from French. Smolensk: Poligramma.
26. Wilkinson, D. (1987) Central Civilization. *Comparative Civilizations Review*. 17. pp. 31–59.
27. Kavolis, V. (1991) Nationalism, Modernization, and the Polylogue of Civilizations. *Comparative Civilizations Review*. 25. pp. 124–143.
28. Abu-Lughod, J. (1990) Restructuring the Premodern World-System. *Review (Fernand Braudel Center)*. 2 (13). pp. 273–286.
29. Chase-Dunn, Ch. (1988) Comparing World-Systems: Toward a Theory of Semiperipheral Development. *Comparative Civilizations Review*. 19. pp. 29–66.
30. Frank, A.G. (1990) A Theoretical Introduction to 5,000 Years of World System History. *Review (Fernand Braudel Center)*. 2 (13). pp. 155–248.

Received: 24 June 2021

И.В. Черникова, Д.В. Черникова

ИДЕНТИЧНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА В УСЛОВИЯХ «ТЕКУЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ»

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00298.

Рассматривается проблема эволюции университета и трансформации его идентичности в условиях «текучей современности» (З. Бауман) как одной из интерпретаций постмодерна, ассоциированной с развитием общества знаний. В ситуации проблематизации целостной идентичности университета и появления его множественных моделей обосновывается уникальность университета как социального института через единство его основных функций: исследования, обучения и социальной ответственности.

Ключевые слова: университет; текущая современность; постсовременность; идентичность; производство знаний; научное исследование; образование; социальная ответственность

Понятие «идентичность», содержащее латинский корень *idem* (*то же самое*), обозначает свойство феноменов оставаться теми же самими, сохранять свою «сущность» при всех трансформациях. Предметом специального философского исследования идентичность становится у Дж. Локка («Опыт о человеческом разумении») и Д. Юма («Трактат о человеческой природе») и используется для анализа отличительных особенностей человека. В философии эмпиризма «единство самости» впервые было поставлено под сомнение, была обозначена проблемность осмысления самотождественности. Классическую трактовку понятия «идентичность» как проблематику личностной идентичности принято связывать с философией сознания, социальной психологией и культурной антропологией. Позднее в исследованиях Г. Зиммеля, Дж.Г. Мида, Ч. Кули идентичность стала рассматриваться как концепт, который позволяет описать самоформирование различных систем в их социальных взаимодействиях через анализ устойчивого и изменчивого, через выявление отличительных черт и уникальности социальной системы. Когда под вопросом оказываются границы самотождественности какой-либо социальной системы, говорят о кризисе идентичности этой системы, так представления об идентичности и ее кризисных состояниях распространились на все социокультурные системы. В исследованиях такого рода внимание акцентировано на процессе формирования нового с удержанием самотождественного в любой социокультурной системе, здесь идентичность есть результат процесса идентификации.

В нашем исследовании объектом идентификации является университет. Предмет исследования – идентичность университета в условиях «текучей современности» (З. Бауман). Идентичность университета уместно раскрывать через его уникальность, через то, что отличает его от прочих социальных институтов, – университет производит (в процессе исследований) и распространяет (через образование) знания, цитируя Стивена Фуллера: «университеты производят знание как общественное благо путем созидательного разрушения социального капитала» [1. С. 52]. В качестве контекста исследования идентичности университета мы выбрали условия «текучей современности» (З. Бауман) – актуальное состояние социальной реальности, порожден-

ное техногенной цивилизацией на постсовременном этапе развития общества, ассоциированное со становлением и развитием общества знаний.

Многие авторы сегодня отмечают не только появление и сосуществование множества моделей университета: классический университет, исследовательский университет, предпринимательский университет, цифровой (виртуальный) университет, экологический университет и другие, но и его распад как одного из ключевых социальных институтов в меняющемся мире. Так, Б. Ридингс пришел к выводу, что современный университет «в руинах», показав, что размывается институциональная роль университета в современном социуме, что означает наличие фундаментальных трансформаций, а именно, наличие кризиса оснований университетской идеи [2]. Другие, наоборот, видят возможности «пересборки» университета на фундаменте экофилософии университета. По мнению Рональда Барнетта, университет при всех переживаемых трансформациях сохраняет целостность, продолжая выполнять функции преподавания и исследования, но пересматривает свои взаимоотношения с миром, занимается не оказанием услуг, но расширяет символическое понимание [3. С. 227]. В ситуации проблематизации традиционной целостности университета и появления множественных моделей, в которых он сегодня функционирует, возникает необходимость переосмыслить вопрос идентичности университета как социального института.

Начавшийся во второй половине XX в. постсовременный этап развития общества обозначился резким ростом объема и значения информации, формированием общества знания, в котором экспертное научное знание становится ключевым фактором промышленной революции и социальной динамики, причем контекст применения знаний становится конституирующим по отношению к процессу их производства, появляется новая форма научной деятельности – технонаука. Поскольку университет является социальным институтом, который занимается производством научного знания, столь глобальные социальные трансформации не могли его не затронуть. Рассмотрим, как повлияли вызовы технонауки и трансформации «текучей» социальной реальности на университет и его роль в обществе.

Турбулентность и дестабилизация цивилизационного развития формируют «текучий характер» настоящего, связанный с глобализацией и возрастанием структурно-функциональной сложности окружающей реальности. Следствием этого становится возникновение новой идентичности, которую характеризуют как множественную, фрагментарную, «текучую». По мнению британского социолога З. Баумана, сегодня попытки добиться устойчивой нефрагментированной идентичности являются утопическими [4. С. 113, 118], «финальный аккорд» в формировании идентичности отсутствует, идентичность непрерывно актуализируется [5]. В то же время университет остается одним из немногих социальных институтов современности, сохраняющих свои главные функции, свое предназначение в обществе. Современный университет характеризуется, как правило, в трех различных аспектах: во-первых, как пространство исследований с границами, открытыми для инноваций, предпринимательства и социальной активности; во-вторых, как образовательный проект в эпоху массового высшего образования; в-третьих, как субъект, несущий социальную ответственность за вклад в устойчивое развитие меняющегося мира. Именно поэтому актуально говорить об идентичности университета как социального института в условиях «текучей современности».

Анализу трансформаций идентичности современного университета следует предпослать анализ изменений в концепции знания, истоки которых просматриваются и в ракурсе заданного З. Бауманом видения современной социальной реальности. Эти трансформации обозначились релятивизацией экспертного знания, накоплением неопределенностей и рисков, парадигмальным сдвигом от науки фундаменталистского типа к исследованиям, в которых знания эпистемологически и социально конструируются. Далее покажем, что это не могло не затронуть университет, который не только производит новые знания и уточняет существующие, но и транслирует знание посредством программ обучения. Кумулятивная модель, в которой развитие знания трактовалось как постепенный непрерывный процесс роста истинного, надежного знания, осталась в прошлом. Сегодня производство знаний рассматривается не только как результат интеллектуальной деятельности, но и как интегративная социальная практика, в которую вовлечена широкая общественность, знание должно стать, прежде всего, «социально востребованным» [6]. Важное изменение заключается еще и в том, что профессиональному экспертному, научному и академическому сообществам уже не принадлежат исключительные права на обладание знанием. Хотя такие сообщества сохраняют влияние, к ним добавились новые, возникшие как результат интегративных процессов в науке, формирования трансдисциплинарного пространства, а также становления инструментария гражданской науки, все чаще мы наблюдаем вовлечение неспециалистов, «пользователей» на волонтерских началах в некогда автономную область принятия научных решений. В «текучей современности» процесс производства знаний можно описать как «динамическое теоретизирование, обусловленное не амбициями создания

“лучшего знания” относительно прежнего теоретико-методологического инструментария, а объективностью принципиально новых вызовов становящегося сложного социума, требующего, соответственно, и нового мышления, и иного знания» [7. С. 3].

Характерная для «текучей современности» новая парадигма знания не может не оказывать существенного влияния на университет, через такие его функции как исследование, обучение и социальную ответственность, обеспечивающие поддержание традиций и содействующие инновациям. Рассмотрим, *как трансформируется идентичность университета* в выделенных трех ключевых его измерениях.

Исследования и наука – производство знания. Проанализируем изменения в сфере исследовательской деятельности университетов в условиях «текучей современности». На наш взгляд, они обусловлены новым способом производства научного знания, что отражается в выделении знания второго типа (Mode-2), являющегося распределенным и трансдисциплинарным знанием, ориентированным на контекст применения (М. Гиббонс, Х. Новотны, Б. Николеску и др.). В трансдисциплинарных исследованиях горизонт объектных параметров, описываемых редукционистской методологией, пересекает новое вертикальное измерение, вследствие чего научное исследование выходит из плоскости объектных редукционистских связей в сферу человека не только как субъекта, но и в сферу его жизнедеятельности, практики, социально-культурных ценностей. Поэтому знание второго типа произведено не только в стенах научной лаборатории университета, но и в профессиональных сообществах, и в промышленности, здесь теоретическое исследование дополняется практикой инноваций.

В этой связи происходит переориентация исследовательской деятельности современных университетов. Хотя по-прежнему сохраняется значимость научных изысканий как поиска истины, все больше становится заказных исследований в интересах политических и экономических институтов, обеспечивающих ресурсы. В настоящий момент вектор смещается в сторону влияния таких факторов, как полезность и эффективность, а концепцию научной истины и объективности дополняет дискурс пост-истины. Отмечаемое размытие границ между наукой и обществом, тот факт, что фундаментальное знание преломляется различными социальными субъектами с целью производства своего отдельного знания (М. Гиббонс), в пространстве университета проявляется и в изменении механизмов финансирования. По мнению Р. Барнетта, «университет слишком тесно связан с экономикой, он стал своего рода силой экономического производства» [3. С. 32]. Увеличивается численность исследовательских проектов, выполняемых по заказу и финансируемых государственными фондами, промышленными корпорациями, социально-политическими организациями.

Профильные министерства, национальные агентства по финансированию исследований, такие как исследовательские советы, и фонды, поддерживающие исследования, всегда должны находить баланс между потенциалом науки и потребностями общества. Полвека назад

миссией агентств и советов по научным исследованиям было финансирование проектов «актуальных и перспективных» – первое как мера их социальной полезности, а второе как мера научного потенциала. Относительно недавно даже к фундаментальным исследованиям, финансируемые государством, стала применяться формула «заказчик–подрядчик». В соответствии с этой формулой заказчики (министерства, исследовательские советы или другие спонсоры) указывают свои потребности, а подрядчики (университеты и другие исследовательские учреждения) обязуются удовлетворить эти потребности. Для теоретических и фундаментальных исследований доступно все меньше и меньше средств, поскольку основная часть ресурсов сосредоточена на исследованиях в заранее обозначенных, как правило, практико-ориентированных научных областях. Еще одним растущим трендом стало увеличение числа краткосрочных проектов в стиле консалтинговых исследований. В социальных науках, например, все большая часть финансирования исследований поступает от политиков, которые заинтересованы в создании более надежной доказательной базы для стратегий развития. В науках о жизни растет влияние крупных фармацевтических компаний. Эти тенденции изменили практику научных изысканий в университете. Все это можно отнести к эффектам маркетизации исследований, их экономической и социально-политической обусловленности.

Следующий важный аспект трансформаций исследовательской деятельности университета также связан с особенностями нового типа знания, а именно с его подверженностью различным формам оценки качества результатов. Если качество знания первого типа (Mode-1) определялось и контролировалось профессиональным научным сообществом, то качество знания второго типа (Mode-2) оценивается в более широком диапазоне: не только в собственно научном смысле (эмпирическая обоснованность, достоверность и воспроизводимость), но оно также должно быть «социально востребованным». Контекст применения в знании второго типа так же важен, как и теоретический контекст. Чтобы быть успешными, исследования должны прогнозировать угрозы и риски, ставшие неотъемлемой составляющей мира, в котором преобладают нелинейные процессы. Поэтому контекст неопределенности, условности присутствует и в исследовании, в нем сопрягается сложность мира со сложностью человеческого знания. Возникает потребность в пересмотре приоритетов исследований и оснований оценки качества их результатов, хотя экспертные рецензирование и оценка остаются важным инструментом, они уже не являются единственным способом. Конечно, эта трансформация – сложное явление, имеющее несколько аспектов. Один из них – возрастающая сложность определения экспертов и рецензентов в научной системе, разделенной на все более специализированные дисциплины. Другой аспект – расширение форматов и объемов исследований, поскольку на первый план выходят новые, часто более прикладные и практико-ориентированные научные изыскания, ведущие к необходимости оценивания общественно-значимого результата и вовлечения так называемых профессоров практики.

Также стоит отметить нарастающую эклектику исследовательских методологий, проявляющуюся как в росте новых форм научных изысканий, проводимых специалистами-практиками, так и в разнообразии тем и диапазоне результатов исследований. Сложные вычисления стали намного доступнее с развитием цифровых технологий, возникли новые исследовательские сообщества, стали допустимыми новые типы обоснований, часто более интуитивных и социально ориентированных. В этих и других примерах есть проявление нового в исследовательском пространстве университета. Одновременно с этим, сохраняя свою уникальность, университет не просто дает миру то, что ему необходимо, скорее, это критически настроенный институт, систематически исследуя мир, он заботится о его благополучии [3. С. 258–259].

Образование и обучение – распространение и трансляция знания. Одной из базовых характеристик «текущей современности» является постоянное и непрерывное ускорение изменений социальной реальности. Очевидно, что контекст турбулентности и увеличения скорости трансформаций не может не затронуть инструменты социализации человека, такие как образование и обучение. Сокращается жизненный цикл технологий, время между открытием и внедрением инноваций, усложняется сфера профессиональной реализации специалиста, некогда обретенные знания и навыки все быстрее устаревают, как следствие растет потребность в непрерывном обучении (обучении в течение всей жизни), размывается традиционный возраст получения высшего образования. Границы между обучением и исследованиями сами по себе становятся более проницаемыми, трансдисциплинарные исследования, получающие распространение в современной науке наравне с ускоряющимся темпом изменений внешнего мира актуализируют поиск новых программ обучения. В них наряду с фундаменталистской установкой научных исследований формируется новая герменевтическая установка, что в итоге призвано вести к замене «инструментального разума» на «умудренный разум». Акцент в производстве и трансляции знаний переносится на проблемы этико-аксиологического характера. Междисциплинарный и трансдисциплинарный характер ряда программ обучения призван развить у студентов практические навыки для работы в глобальном «текущем» мире, учить сопоставлять культурные, языковые, политические реалии с уровнем технологического развития.

Р. Барнетт, характеризуя изменяющуюся образовательную активность студента в «текущем» мире, вводит понятие «текущий обучающийся». Студенты, как и профессионалы, обладают множественной идентичностью, перемещаются в различных образовательных пространствах, получая необходимые знания и навыки не только в университетской аудитории, но и в реальной жизни, в сообществах, на рабочем месте, в семье, в процессе осуществления волонтерской активности и иных практиках неформального обучения [3. С. 161]. Для самореализации в условиях «текущей» реальности необходим особый тип личности, способный быстро адаптироваться, открытый к изменениям,

системно и критически мыслящий, ответственный и отзывчивый к потребностям внешнего мира. В связи с вышеупомянутым распространением практик неформального внеаудиторного обучения, а также с ростом автономии обучающихся перед университетом возникает вопрос степени ответственности за результаты обучения студентов и их будущую адаптацию в турбулентном мире.

На фоне будущих изменений рынка труда, связанных в том числе с роботизацией и искусственным интеллектом, особое значение приобретают «нерутинные», специфичные для человека качества, такие как когнитивные способности высшего порядка: системное и критическое мышление, способность к метафизическим обобщениям, ментальная и культурная эластичность. Помимо информационных и технологических компетенций на первый план выходит гуманитарная грамотность, основанная на понимании социогуманитарной сферы, этически и ценностно ориентированной деятельности, навыках коммуникации и функционирования в социуме.

Наиболее очевидные перемены в сфере образования обусловлены внедрением и развитием информационных и коммуникационных технологий, что обеспечивает почти неограниченный доступ к информационным ресурсам, формирование глобального образовательного пространства. В то же время цифровизация, обеспечив беспрецедентный доступ к информации, приводит к сокращению прямого контакта между преподавателем и студентом и увеличению доли самостоятельного освоения материала и онлайн-формата обучения в образовательном процессе. Растет популярность цифровых образовательных платформ, с которыми вынуждены конкурировать университеты, на этом фоне появляются цифровые и виртуальные университеты, не только национальные, финансируемые правительствами стран, но и мультинациональные консорциумы образовательных организаций, совместно разрабатывающие онлайн-программы. Они предоставляют доступ к репозиторию курсов для обучающихся этих вузов, а также обладают возможностью перезачета курсов студентами организаций, входящими в консорциум. Одним из примеров успешно функционирующего консорциума является EduOpen, созданный для разработки высококачественных онлайн-курсов [8]. Проект виртуального университета – один из наиболее амбициозных среди рассматриваемых сегодня направлений реформирования высшего образования. Развитие онлайн-образования получило существенное ускорение в условиях пандемии COVID-19 и фактически вынужденного перехода в формат дистанционного обучения, но вместе с тем оно вызывает немало опасений и критики.

Образование в университете основано на конструктивной коммуникации между обучающимися и преподавателями и ориентировано не только на трансляцию знаний, но и на формирование системы ценностей, позволяющих обучающемуся не только осваивать социальную среду, но и расширять горизонты мировоззрения. Сетевой обучающийся нацелен на извлечение информации, но сложности возникают уже с ее сортировкой, выделением наиболее ценной,

достоверной, тем более с пониманием и способностью к смысловой ориентации. Поэтому в качестве наиболее вероятных рассматриваются модели гибридного обучения, совмещающие контактное обучение с онлайн-форматами. На наш взгляд, важнейшей установкой в реформировании стандартов обучения может быть переориентация преподавания: от обучения как процесса трансляции и передачи знаний на образование как формирование сложностного мышления и активизацию этических практик на основе социальной ответственности.

Третья миссия – социальная ответственность университета. Кларк Керр, первый ректор Калифорнийского университета Беркли, в 1963 г. предпринял одну из первых попыток исследовать меняющуюся роль университетов, введя в оборот термин *multi-versity* для обозначения множественной идентичности университета, появившейся в ответ на меняющиеся как в экономическом, так и в культурном плане требования общества [9]. Сам термин «третья миссия» был сформулирован аналитическим центром ОЭСР в 1982 г. на фоне сокращения финансирования систем высшего образования в Европе при обозначении ряда инновационных практик предпринимательских университетов, таких как Католический университет Левена и Университет Уорвика. С общей точки зрения, «третья миссия» университетов – это отношения между университетами и заинтересованными сторонами из неакадемического мира; совокупность всех действий, связанных с генерированием, использованием и применением университетских знаний, возможностей и ресурсов вне академической среды. Такое взаимодействие между университетами и социумом вносит вклад в социоэкономическое и культурное благосостояние общества.

С другой стороны, широкий спектр исследований «предпринимательского университета» интерпретирует «третью миссию» как постепенный переход университетов к экономически обусловленной деятельности и коммерциализации знаний, технологических и инновационных результатов. Это означает, что деятельность в рамках реализации «третьей миссии» – это те видимые инициативы, которые глубоко влияют на академический этос и вовлекают экономических субъектов с целью создания и укрепления партнерских отношений с университетами. Однако все чаще встречается мнение, что «третья миссия» не ограничивается коммерциализацией научных исследований. Фактически сегодня «третья миссия» – это системная деятельность по валоризации интеллектуального потенциала университета и реализации его социальной ответственности в сотрудничестве с различными акторами в целях создания трансформаций для содействия устойчивому развитию как меняющегося мира в целом, так и отдельно взятых социальной сферы, общества или территории. Осуществление «третьей миссии» связано с развитием экосистемы университета по принципу пятикратной спирали: Университеты – Бизнес – Власть – Общество – Естественная и антропогенная среда [10]. Споры о концепции «третьей миссии» как о социальной ответственности университета, как о комплексе мероприятий, направленных на

то, чтобы связать университет с окружающей его средой, были и остаются в центре внимания ученых и иных заинтересованных сторон [11].

Несмотря на политические, экономические и социальные потрясения и перемены университет оставался достаточно стабильным, хотя и эволюционирующим социальным институтом с момента своего зарождения во времена Средневековья до второй половины XX в., до того этапа социального развития, который принято называть постмодерном или «текучей современностью». В это время высшее образование практически во всем мире сталкивается с сокращением государственного финансирования, а перед университетами возникает необходимость поиска дополнительных источников дохода и, как следствие, складывается модель предпринимательского университета. Можем ли мы сказать, что именно эти сдвиги привели к появлению мнений о множественных идентичностях, кризисе идентичности и «смерти» университета? При этом «университеты всегда были пространством, где знание определяет форму и развитие экономики, а не наоборот» [12. Р. 223]. Автор концепции экологического университета Рональд Барнетт обосновывает возможность для университета сохранения собственной идентичности, отмечая, что при сохранении своей уникальности университет всегда в движении. «Это культурно и эпистемологически распределенный университет. Такое глобальное распределение создает логистические, коммуникационные и трансляционные проблемы, а также множественные идентичности и кросскультурное (не)понимание» [3. С. 243] Но при всех сложностях взаимодействия университета с другими системами, он «обладает институциональной хваткой, это осознание самого университета как сложного социального института» [3. С. 251].

В условиях «текучей современности» на фоне цивилизационных кризисов XXI в. мы все становимся свидетелями того, что национальные государства ока-

зываются неспособны осуществлять политику в интересах обеспечения стабильности и благополучия. Государства вынуждены следовать вектору развития, обозначенному агентами глобального рынка и капиталов, эти силы «текучи» и экстерриториальны. В таких обстоятельствах, будучи по своей сути одновременно и локальным, и глобальным институтом, коллективным экспертом, наделенным ответственностью за благополучие внешнего мира, согласно тезису Дерека Бока, одного из президентов Гарвардского университета, «университеты должны смело идти туда, куда государства шагнуть боятся» [13]. Анализ трансформаций, затрагивающих университет в его ключевых сферах деятельности: исследовании, обучении и социальной ответственности показывает, насколько они значительны. Действительно, может возникнуть впечатление, что университет утрачивает свое место в мире и свою идентичность, однако, трансформации основных функций университета означают не потерю уникальности университета, а скорее обновление идеала. Мы старались показать, что идентичность университета как социального института выражается в единстве функций исследования, обучения и социальной ответственности, эта уникальная целостность позволяет университету производить и транслировать знание как социальное благо, реализуя свою ответственную исследовательскую и экспертную позицию в интересах благополучия внешнего мира и преодоления цивилизационных кризисов, именно это отличает университет от других социальных институтов. Здесь мы солидарны со Стивенсом Фуллером, отмечающим, что университет делает очередной шаг на пути реализации своего идеала, который состоит в универсализации знания как общественного блага [1. С. 50], и Рональдом Барнеттом, подчеркивающим, что глубинные основания идеи университета кроются в его ответственности за будущее меняющегося мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуллер С. В чем уникальность университетов? Обновление идеала в эпоху предпринимательства (пер. с англ. С. Филоновича) // Вопросы образования. 2005. № 2. С. 50–76.
2. Ридингс Б. Университет в руинах / пер. с англ. А.М. Корбута. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. 304 с.
3. Барнетт Р. Экологический университет. Осуществимая утопия / пер. с англ. Д.В. Черниковой. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. 304 с.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Лорос, 2002. 390 с.
5. Bauman Z. Migration and Identities in the Globalized World // Philosophy & Social Criticism. 2011. Vol. 37, № 4. P. 425–435. DOI: 10.1177/0191453710396809
6. Gibbons M. Science's new social contract with society // Nature. 1999. Vol. 402. P. C81–C84. DOI: 10.1038/35011576
7. Кравченко С.А. Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новых уязвимостей // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 2–12.
8. Гриншкун В.В., Краснова Г.А. Виртуальные университеты: факторы успеха и перспективы развития // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2018. Т. 15, № 1. С. 7–17.
9. Kerr C. The Uses of the University. London: Harvard University Press, 1963. 288 p.
10. Carayannis E., Campbell D. Triple helix, quadruple helix and quintuple helix and how do knowledge, innovation and the environment relate to each other? A proposed framework for a transdisciplinary analysis of sustainable development and social ecology // International Journal of Social Ecology and Sustainable Development. 2010. Vol. 1/1. P. 41–69.
11. Castells M. Universities as dynamic systems of contradictory functions // Challenges of Globalisation. South African Debates with Manuel Castells / eds. by J. Muller, N. Cloete, S.S. Badat. Cape Town: Maskew Miller Longman, 2001.
12. Newfield C. Ivy and Industry: Business and the Making of the American University: 1880–1980. Durham; London: Duke University Press, 2003.
13. Bok D. Beyond the Ivory Tower: Social Responsibilities of the Modern University. Harvard University Press, 1982. 328 p.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 27 октября 2021 г.

The Identity of the University in the Context of “Liquid Modernity”

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 50–55.

DOI: 10.17223/15617793/472/6

Irina V. Chernikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chernic@mail.tsu.ru

Darya V. Chernikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chdv@mail.tsu.ru

Keywords: university; liquid modernity; postmodernity; identity; knowledge production; research; education; social responsibility.

The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00298.

The object of the research presented in the article is the transformation of the university’s identity in the context of “liquid modernity” (Zygmunt Bauman), as an era of global instability. Despite political, economic and social upheavals and changes, the university remained a fairly stable, albeit evolving, social institution from its inception during the Middle Ages to the second half of the 20th century, to the stage of social development that is commonly called postmodernity or “liquid modernity”. At this time, higher education almost all over the world is faced with a reduction in public funding, and a need arises for universities to search for additional sources of income. As a result, a model of an entrepreneurial university is emerging, the social role and institutional identity of the university in modern reality is blurred (Bill Readings’ “the university in ruins”). In the situation of the problematization of the university’s integral identity and the emergence of multiple models in which it functions today, it becomes necessary to rethink the uniqueness of the university as a social institution and its place and role in the world. The article carries out a reflexive analysis of the transformation of the university’s identity in three key dimensions: first, as an agent for the development of research open to innovation and social activity; second, as an educational project in the era of mass (and possibly universal) higher education; third, as a subject that bears social responsibility for contributing to the sustainable development of a changing world. The study of transformations of the identity of a modern university is based on the analysis of changes in the concept of knowledge from the perspective of the concept of “liquid modernity”. These transformations were indicated by an increase in the need for expert scientific knowledge, simultaneously with its relativization, the accumulation of uncertainties and risks, a paradigmatic shift from a fundamentalist type of science to research in which knowledge is epistemologically and socially constructed. An analysis of the transformations affecting the university in its key areas of activity – research, teaching, and social responsibility – shows how significant they are. Indeed, one might get the impression that the university is losing its place in the world and its identity; however, transformations of the basic functions of the university do not mean the loss of the university’s uniqueness, but rather a renewal of the ideal. The authors of the article come to the conclusion that the identity of the university as a social institution is expressed in the unity of the functions of research, teaching, and social responsibility. This unique integrity allows the university to produce and broadcast knowledge as a social good, realizing its responsible research and expert position in the interests of the well-being of the larger world and overcoming civilizational crises, and this is what distinguishes the university from other social institutions.

REFERENCES

1. Fuller, S. (2005) What makes universities unique? Updating the ideal for an entrepreneurial age. *Voprosy obrazovaniya*. 2. pp. 50–76. (In Russian).
2. Ridings, B. (2010) *Universitet v ruinakakh* [The university in ruins]. Translated from English by A.M. Korbut. Moscow: HSE.
3. Barnett, R. (2019) *Ekologicheskii universitet. Osushchestvimaia utopiia* [The ecological university. A feasible utopia]. Translated from English by D.V. Chernikova. Tomsk: Tomsk State University.
4. Bauman, Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo* [The individualized society]. Translated from English. Moscow: Logos.
5. Bauman, Z. (2011) Migration and Identities in the Globalized World. *Philosophy & Social Criticism*. 37 (4). pp. 425–435. DOI: 10.1177/0191453710396809
6. Gibbons, M. (1999) Science’s new social contract with society. *Nature*. 402. pp. C81–C84. DOI: 10.1038/35011576
7. Kravchenko, S.A. (2013) Stanovyashchayasya slozhnaya sotsial’naya real’nost’: problema novykh uyazvimostey [The developing complex social reality: The problem of new vulnerabilities]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 5. pp. 2–12.
8. Grinshkun, V.V. & Krasnova, G.A. (2018) Virtual Universities: Factors of Success and Prospects of Development. *Vestnik RUDN. Seriya: Informatizatsiya obrazovaniya – RUDN Journal of Informatization in Education*. 15 (1). pp. 7–17. (In Russian). DOI:10.22363/2312-8631-2018-15-1-7-17
9. Kerr, C. (1963) *The Uses of the University*. London: Harvard University Press.
10. Carayannis, E. & Campbell, D. (2010) Triple helix, quadruple helix and quintuple helix and how do knowledge, innovation and the environment relate to each other? A proposed framework for a transdisciplinary analysis of sustainable development and social ecology. *International Journal of Social Ecology and Sustainable Development*. 1/1. pp. 41–69.
11. Castells, M. (2001) Universities as dynamic systems of contradictory functions. In: Muller, J. et al. (eds) *Challenges of Globalisation. South African Debates with Manuel Castells*. Cape Town: Maskew Miller Longman.
12. Newfield, C. (2003) *Ivy and Industry: Business and the Making of the American University: 1880–1980*. Durham; London: Duke University Press.
13. Bok, D. (1982) *Beyond the Ivory Tower: Social Responsibilities of the Modern University*. Harvard University Press.

Received: 27 October 2021

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.48; 316.772.5

В.Б. Гольбрайх

МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЕ ЧЛЕНОВ ВИРТУАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОТЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ КОНФЛИКТА ВОКРУГ МУСОРНОГО ПОЛИГОНА В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

Анализируются особенности потребления новостей членами виртуальных сообществ, созданных в социальной сети «ВКонтакте» в связи с одним из самых заметных социально-экологических конфликтов последнего десятилетия вокруг проекта строительства мусорного полигона в Шиесе. Проведено сравнение членов «антимусорных» сообществ и членов территориальных сообществ (Архангельской области и Республики Коми) в отношении потребления новостей.

Ключевые слова: социальные сети; виртуальные группы; потребление новостей; социально-экологический конфликт

Введение

Социальные сети, появившиеся сравнительно недавно, играют все более существенную роль в самых различных областях жизни. Социальные сети все чаще становятся источником информации для граждан наряду с традиционными средствами массовой информации. Понимая это, последние, как и различные организации, партии, движения, пытаются использовать их для расширения своей аудитории или привлечения внимания. В последнее десятилетие, особенно после протестов 2011–2012 гг., наблюдатели отмечают, что социальные сети начинают играть серьезную роль и в общественной жизни в России. В связи с этим представляется важной для исследования проблема поведения пользователей в различных социальных сетях, включая такой важный компонент повседневной жизни, как потребление новостей. Настоящая работа посвящена анализу особенностей потребления новостей членами виртуальных сообществ, созданных в социальной сети «ВКонтакте» в связи с одним из самых заметных социально-экологических конфликтов последнего десятилетия вокруг проекта строительства мусорного полигона в Шиесе (Архангельская область).

Теоретический подход

Одно из наиболее серьезных явлений, влияющих на политическую, социальную, культурную жизнь современного мира, – появление и развитие социальных сетей в интернете. Появившись несколько десятилетий назад, они, привлекая все больше пользователей, играют существенную роль в общественной жизни. В январе 2020 г. в мире насчитывалось уже 3,8 млрд пользователей социальных сетей [1]. На осень 2020 г. в России число активных авторов в социальных медиа составило 64 млн человек [2]. «ВКонтакте» остается одной из крупнейших российских социальных сетей с почти 29 млн активных пользователей в месяц, написавших почти 500 млн сообщений [2].

Растущее использование социальных медиа существенно повлияло на социально-политическую жизнь, в

том числе и на деятельность общественных движений. Использование в политической жизни социальных сетей включает «потребление политической информации, политическое общение, политическую мобилизацию и цифровое политическое участие» [3. Р. 857]. Ряд авторов определяет цифровое участие в политической жизни как «использование информационных технологий для расширения и углубления политического участия, позволяя гражданам, связываться друг с другом» [4. Р. 496]. Как отмечают А.В. Соколов и А.В. Палагичева, протестные группы, используя социальные сети, привлекают граждан к участию в конфликте через «генерирование и распространение контента на различных цифровых площадках» [5. С. 278].

Социальные сети дают возможность создавать пользователям виртуальные сообщества. Различие с уже известными и изученными типами сообществ заключается в том, что «виртуальное сообщество формируется в электронных средствах коммуникации и не ограничивается пространством и временем» [6. Р. 2710]. В литературе онлайн-сообщества делятся на те, которые отражают уже сложившиеся в реальности группы, и те, которые «возникли и развивались в онлайн-пространстве» [7. С. 317]. В то же время существуют «гибридные формы, когда реальные сообщества дополняются виртуальными участниками либо коммуникация в онлайн-сообществе перетекает в реальное взаимодействие» [7. С. 317]. Исследователи объясняют участие в онлайн-сообществах «доступом к советам экспертов; дополнительным профессиональным контактам; способствованию достижения коллективных целей и др.» [8. Р. 842].

Появление и развитие социальных сетей не могло не сказаться на медиапотреблении. Как отмечается в исследованиях, социальные сети в интернете «радикально изменили модель потребления новостей» [9]. Некоторые авторы выделяют четыре типа граждан в отношении потребления новостей: 1) «избегающие», не используют как традиционные СМИ, так и социальные сети для наблюдения за политическим миром; 2) «традиционалисты», полагаются на традиционные СМИ; 3) «социалы», используют социальные сети для получения информации о политике и не зависят от

традиционных СМИ; 4) «эклектики», полагаются как на социальные, так и на традиционные медиа-источники для доступа политической информации [10. Р. 2101]. Появление социальных сетей повлияло на «переосмысление важнейших теорий, связанных с анализом взаимодействия СМИ и аудитории»: теории «повести дня» и теории «привратников» [11. С. 32]. Теперь сам пользователь социальных сетей во многом строит свою повестку дня, формируя ленту новостей [11. С. 32]. В связи с этим Д. Вохн и Б. Бове полагают, что традиционные СМИ более не являются основными источниками новостей, вытесняясь социальными сетями. Они говорят о растущей фрагментации общественного восприятия. И поскольку социальная сеть, определяющая новостную ленту, у каждого человека устроена по-разному, эти сети будут по-разному влиять на то, что они воспринимают как реальность [12].

Отечественные исследователи, описывая российскую систему медиа, выделяют три типа публичной сферы: а) официальная, ориентированная на массовую аудиторию и мейнстримные массмедиа; б) параллельная институционализированная, собранная вокруг оппозиции и «либеральных» медиа; в) неинституционализированная, «опирающаяся на социальные медиа» [13. С. 23]. Социальные сети все чаще становятся источником новостей для российских граждан. Так, по данным Левада-центра, чаще всего новости узнают из социальных сетей почти 40% респондентов в целом и более 60% в возрасте 18–24 лет [14. С. 142]. Традиционные СМИ, понимая все более возрастающее значение социальных сетей, пытаются использовать их, привлечь дополнительную аудиторию, создавая виртуальные сообщества [15, 16]. Большинство традиционных СМИ, например, создало свои сообщества в социальной сети «ВКонтакте», регулярно помещая там новости и делая ссылки на свои сайты или на свои страницы на YouTube-канале.

Методика

Как было сказано выше, на восприятие социальной реальности в настоящее время в большой мере влияют множество источников, каждый пользователь интернета может сформировать свою повестку дня. Одна из возможностей этого состоит в том, что когда пользователь вступает в то или иное виртуальное сообщество (СМИ, партии, организации и др.), новости, предоставляемые этим сообществом, становятся частью новостной ленты пользователя, формируя его индивидуальную повестку дня. В ходе протеста в связи с проектом строительства мусорного полигона в районе Шиеса в одной из крупнейших социальных сетей «ВКонтакте» было создано более 50 виртуальных сообществ, которые использовались как для обсуждения проблемы строительства полигона, так и для мобилизации его противников. Социальная сеть «ВКонтакте» используется и для объединения в виртуальные территориальные сообщества жителей того или иного района (от региональных групп на уровне субъекта Федерации до локальных групп жителей того или иного района или города). Территориальные сообщества служат публичными площадками для об-

суждения различных событий и проблем (от развлечений и происшествий до социальных и политических проблем) в том или ином регионе, районе, городе.

В рамках исследования мы предполагали выявить, в какой мере различается медиапотребление членами сообществ, созданных в связи с острым экологическим конфликтом, от медиапотребления «среднего» пользователя социальной сети «ВКонтакте», к которым можно отнести членов виртуальных территориальных групп (Архангельской области и Республики Коми).

В рамках настоящего исследования было решено ограничиться двумя областями потребления новостей членами сообществ: экологической и политической повесткой. Интерес к экологической повестке мог быть выражен вступлением в виртуальные экологические сообщества. Аналогичным образом интерес к политической повестке мог быть выражен присоединением к сообществам, предлагающим политические новости. В связи с тем что в социальной сети существуют сотни виртуальных сообществ, помещающих разнообразные новости, для анализа было решено выделить несколько типов сообществ: 1) сообщества общероссийских экологических организаций; 2) сообщества общероссийских традиционных СМИ; 3) сообщества общероссийских интернет-СМИ; 4) общероссийские сообщества политических партий и движений. Для анализа присоединения членов сообществ использовалась программа, показывающая пересечение членства двух и более сообществ (Vk. Barkov.net. Поиск целевой аудитории в соцсетях. URL: <https://vk.barkov.net>). В ходе нашего предыдущего сравнительного исследования сообществ, созданных в связи с экологическими конфликтами в Петербурге, с городскими территориальными сообществами было выявлено существенное различие в медиапотреблении между членами этих двух типов сообществ [17]. Мы предполагали, что настоящее исследование покажет схожий результат.

Помимо этого, в рамках исследования был проведен опрос. Нас интересовало, в какой степени члены протестных экологических сообществ следили за наиболее заметными протестными событиями прошлого года, не связанных с экологической повесткой. Для проведения опроса путем случайной выборки было отобрано по 20 пользователей в 21 виртуальном сообществе, созданном в связи с конфликтом вокруг проекта строительства мусорного полигона в Шиесе.

Результаты

Конфликт вокруг мусорных полигонов в Архангельской области начался летом 2018 г. В ходе продолжающегося конфликта противники строительства полигона в Шиесе использовали разнообразные формы протеста (обращения в органы власти; многотысячные митинги как в Архангельской области, так и в Республике Коми; создание экологического лагеря; столкновения активистов с рабочими на стройке). Летом 2020 г. власти приняли решение отказаться от строительства мусорного полигона [18, 19].

Социальные ресурсы стали одним из важных ресурсов для информирования населения о проблеме и

мобилизации недовольных. Только в «ВКонтакте» создавались десятки специальных групп, созданных в связи с мусорным конфликтом. Активисты использовали и другие социальные сети (Facebook, Twitter и т.д.). Для анализа потребления новостей членами сообществ нами были выбраны 52 сообщества, созданные в связи с конфликтом вокруг мусорного полигона в Шиее Архангельской области и Республике Коми.

Если говорить о социально-демографическом профиле членов виртуальных «антимусорных» сообществ, то он показал, что в отношении распределения по полу он не сильно отличается от членов территориальных сообществ Архангельской области и республики Коми. При этом анализ показал, что как в одних, так и в других сообществах доля женщин несколько выше, чем в социальной сети «ВКонтакте» в целом (65% женщин в «антимусорных» сообществах, 63% в территориальных сообществах и 55% в «ВКонтакте» в целом). В отношении же возрастных групп мы видим особенности «антимусорных» сообществ (табл. 1).

Таблица 1
Распределение пользователей социальной сети
в соответствии с возрастом, % [2]

Показатель	До 24 лет	25–34 года	35–44 года	Более 45 лет
«Антимусорные» сообщества	8	29	35	28
Территориальные сообщества	16	30	28	26
Социальная сеть «ВКонтакте»	36	31	19	14

Как показал анализ, доля участников старше 35 лет сообществ, созданных в связи с мусорным конфликтом в Архангельской области, выше, чем в территориальных сообществах и тем более в социальной сети в целом. Была выявлена крайне незначительная доля самых молодых пользователей социальной сети среди участников «антимусорных» сообществ.

В ходе исследования предполагалось выяснить, в какой мере участники того или иного виртуального «антимусорного» сообщества следят за новостями о конфликте вокруг строительства полигона. Одним из признаков этого является присоединение пользователей к нескольким сообществам, созданным в связи с мусорным конфликтом. Присоединение только к одному подобному сообществу может еще не означать, что автор пристально следит за событиями. Было решено проанализировать, состоят ли члены анализируемых сообществ еще в двух крупнейших «антимусорных» сообществах: «Поморье не помойка» и «ОбъединивШИЕСя». Исследование показало, что в более чем 40% анализируемых сообществ доля членов, состоявших как минимум в трех протестных сообществах, превышало 20%, в 15% сообществ доля таких членов превышала 30%.

В какой степени члены виртуальных сообществ, созданных в связи с локальным конфликтом, интересовались в целом экологическими проблемами, выходящими за рамки локального экологического конфликта? Это может показать присоединение к виртуальным сообществам наиболее известных в России

экологических организаций, благодаря чему новости, помещенные в них, входят в повестку дня того или иного пользователя. Для анализа были выбраны сообщества организаций Greenpeace, Всемирного фонда дикой природы (WWF) и международного экологического объединения «Беллона». Как говорилось выше, присоединение к экологическим сообществам членов «антимусорных» сообществ сравнивалось с присоединением к ним членов территориальных сообществ (табл. 2).

Таблица 2
Распределение сообществ в соответствии с участием их членов
в экологических сообществах (N = 104), %

Доля членов сообществ, присоединившихся к экологическим сообществам	Сообщество «Гринпис»	Сообщество «Всемирный фонд дикой природы» (WWF)	Сообщество «Беллона»
<i>«Антимусорные» сообщества</i>			
Нет	0	0	0
< 1%	0	0	4
1–4%	12	94	96
5–9%	67	6	0
10% и больше	21	0	0
N	52	52	52
<i>Территориальные сообщества</i>			
Нет	0	2	6
< 1%	46	35	90
1–4%	54	63	4
5–9%	0	0	0
10% и больше	0	0	0
N	52	52	52

С одной стороны, мы видим, что доля членов протестных сообществ, присоединившаяся к сообществам известных экологических сообществ, была относительно небольшой. Наиболее популярным стало сообщество «Гринпис», самой известной экологической организации в России. С другой стороны, как и следовало ожидать, исследование показало, что члены «антимусорных» сообществ существенно чаще вступали в экологические сообщества, чем члены территориальных групп. Так, в среднем доля членов протестных сообществ, бывших одновременно и членами сообщества Гринписа, составила 8%, а территориальных сообществ – 1%. Соответственно, в среднем доля участников «антимусорных» сообществ, присоединившихся к сообществам WWF и «Беллона», была 3 и 2%, а территориальных сообществ – 1 и 0,3%. Мы видим, что экологическая проблематика в большей мере формирует повестку дня членов «антимусорных» сообществ, чем пользователей социальной сети, ставших участниками территориальных сообществ.

Обратимся теперь к вопросу потребления политических новостей и предпочтениям членов виртуальных «антимусорных» сообществ. Для начала предполагалось выявить, какие сообщества традиционных СМИ включались в новостную ленту членов «антимусорных» и территориальных сообществ, тем самым влияя на повестку дня пользователей. Для анализа были выбраны виртуальные сообщества традиционных СМИ, представляющих широкий политический спектр: сообщества государственных СМИ («Новости Первого канала»; «НТВ»); либеральных СМИ («Дождь»; «Эхо Москвы»); националистического СМИ («Царьград»). «Антимусор-

ные» сообщества создавались как в Архангельской области, так и в Республике Коми. В связи с этим из местных СМИ для анализа членства участников сообществ,

связанных с Архангельской областью, был выбрано сообщество телеканала «Вести Поморья», а с республикой Коми – телеканала «Юрган» (табл. 3).

Таблица 3

Распределение сообществ в соответствии с участием их членов в сообществах традиционных СМИ (N = 104), %

Доля членов сообществ, присоединившихся к сообществам СМИ	Сообщество «Новости Первого канала»	Сообщество «Дождь»	Сообщество «Эхо Москвы»	Сообщество «НТВ»	Сообщество «Царьград»	Сообщества «Вести Поморья», «Юрган»
<i>«Антимусорные» сообщества</i>						
< 1%	0	0	0	0	0	0
1–4%	85	15	67	96	15	0
5–9%	15	73	31	4	75	6
10% и больше	0	12	2	0	10	94
N	52	52	52	52	52	52
<i>Территориальные сообщества</i>						
< 1%	0	2	62	0	2	0
1–4%	92	96	38	98	94	0
5–9%	8	2	0	2	4	10
10% и больше	0	0	0	0	0	90
N	52	52	52	52	52	52

Если говорить о членах протестных групп, то анализ выявил, что в наибольшей степени они вступают в сообщества, которые можно было бы назвать альтернативными по отношению к мейнстримовским официальным СМИ. Это, с одной стороны, сообщество либерального телеканала «Дождь» и, с другой стороны, сообщество националистического телеканала «Царьград». В отличие от «антимусорных» сообществ исследование не выявило различия у членов территориальных групп в интересе к сообществам СМИ различного политического направления. В среднем доля членов протестных сообществ, бывших одновременно и членами сообщества «Новости Первого канала», составила 4%, «НТВ» – 3%, в то время как сообществ телеканалов «Дождь» – 8%, и «Царьград» – 7%. Соответственно, в среднем доля членов территориальных сообществ, бывших одновременно и членами сообщества «Новости Первого канала», составила 3%, «НТВ» – 2%, а сообществ телеканалов «Дождь» – 1% и «Царьград» – 2%. При этом наибольший интерес у членов как «антимусорных», так и территориальных сообществ вызывают паблики местных СМИ

Таким образом, исследование выявило разницу между членами двух типов виртуальных сообществ в медиапотреблении традиционных СМИ, что влияло на формирование их повестки дня. Анализ показал, что социально-политическая повестка дня членов протестных экологических сообществ в большей мере, чем членов территориальных сообществ, формируется СМИ, которые мы можем определить как альтернативные по отношению к мейнстримовским официальным СМИ.

Связь между присоединением к сообществу либерального или государственного СМИ и формируемой индивидуальной повесткой дня показывает сравнение потребления новостей двумя группами участников одного из крупнейших «антимусорных» сообществ «Поморье не помойка»: подписанных на сообщество телеканала «Дождь» и сообщество «Новости Первого канала». Для этого путем случайной выборки было отобрано по 50 участников, подписанных на одно из этих двух сообществ. Анализ показал, что подписавшиеся на сообщество «Дождь» существенно больше

интересуются политическими новостями, чем подписавшиеся на сообщество «Новости Первого канала». Это видно по количеству сообществ, предлагающих политические новости, на которые подписались анализируемые пользователи. К данным сообществам были отнесены:

1) сообщества федеральных медиа (как традиционных, так и интернет-медиа);

2) сообщества политических партий и политических движений, отдельных политиков. Среди пользователей – участников сообщества «Дождь», доля тех, кто состоял в 10 и более сообществах, предлагающих политические новости, составила 56%.

Соответственно, доля таковых участников сообщества «Новости Первого канала» было 28%. Кроме того, проведено сравнение между этими пользователями, на какие именно сообщества, предлагающие политические новости, они были подписаны. Анализ показал, что среди членов «антимусорных» сообществ, подписавшихся на сообщество телеканала «Дождь», существенно выше доля тех, кто был подписан на политические оппозиционные сообщества (сообщества организации А. Навального, сообщества, связанные с М. Ходорковским, сообщества И. Яшина, Е. Ройзмана) и на сообщества СМИ, являющихся альтернативными по сравнению с государственными или провластными медиа («Эхо Москвы», «Редакция», «Радио Свобода», «Медуза»). При этом подписавшиеся на сообщество «Новости Первого канала» были гораздо чаще подписаны на сообщества, принадлежащие представителям власти («Единая Россия», сообщества, посвященные В. Путину, Д. Медведеву) и на государственные и провластные СМИ («Россия-1», «НТВ», «РИА Новости», «Комсомольская правда», «Рен-ТВ», «RussiaToday»).

Помимо традиционных СМИ в современном обществе серьезную роль играют интернет-СМИ, которые также различаются по политическим направлениям. Для анализа мы выбрали сообщества провластного интернет-СМИ («Лента.ру»), либерального СМИ («Медуза») и оппозиционного СМИ («МБХ медиа»). Для местных интернет-СМИ мы использовали тот же принцип, что и для местных традиционных медиа.

Для анализа членства участников сообществ, связанных с Архангельской областью, был выбрано сообще-

ство сайта «Беломорканал», а с республикой Коми – «КомиОнлайн» (табл. 4).

Таблица 4

Распределение сообществ в соответствии с участием их членов в сообществах интернет-СМИ (N = 52), %

Доля членов сообществ, присоединившихся к сообществам СМИ	Сообщество «Лента.ру»	Сообщество «Медуза»	Сообщество «МБХ медиа»	Сообщества «Беломорканал», «КомиОнлайн»
<i>Антимусорные сообщества</i>				
Нет	0	0	0	0
< 1%	0	0	0	0
1–4%	90	25	39	2
5–9%	10	69	55	31
10% и больше	0	6	6	67
N	52	52	52	52
<i>Территориальные сообщества</i>				
Нет	0	0	-	0
< 1%	2	8	70	0
1–4%	98	90	30	38
5–9%	0	2	0	37
10% и больше	0	0	0	25
N	52	52	52	52

Анализ показал разницу в интересе к интернет-СМИ между членами «антимусорных» и территориальных сообществ. В среднем доля членов протестных сообществ, бывших одновременно членами сообщества «Лента.ру», составила 3%, в то время как сообщества «Медуза» – 6%, а «МБХ медиа» – 5%. Соответственно, средняя доля членов территориальных сообществ, бывших одновременно членами сообществ «Лента.ру», «Медуза» и «МБХ медиа», не отличалась и составляла в среднем по 1%. При этом мы видим, что в наибольшей степени члены как «антимусорных», так и территориальных сообществ интересуются группами местных СМИ.

Таким образом, анализ показал разницу и в медиапотреблении интернет-СМИ между членами двух типов сообществ (экологически протестных и территориальных). Исследование выявило, что, как и в случае с традиционными СМИ, у членов «антимусорных» сообществ в большей мере, чем членов территориальных сообществ, новостная лента состоит из новостей, предлагающихся альтернативными по отношению к

провластным интернет-СМИ, что влияет на формирование их повестки дня и представление о важности тех или иных событий.

Еще один тип сообществ, предлагающий пользователю новости, – сообщества политических партий и движений. Для выявления интереса к этим новостям участников как «антимусорных», так и территориальных сообществ мы выбрали виртуальные сообщества, представляющие почти весь политический спектр современной России. Это сообщество «партии власти» – «Единой России», сообщества партий, представляющих парламентскую оппозицию (КПРФ и ЛДПР), и сообщество оппозиционной партии, не представленной в Государственной думе (партия «Яблоко»). Кроме того, так как в настоящий момент интересы А. Навального и его сторонников не представляет никакая партия, было взято сообщество «Команда Навального». Помимо этого для выявления членов групп, интересующихся позицией националистов, было взято одно из крупных националистических сообществ во «ВКонтакте» – «Правые» (табл. 5).

Таблица 5

Распределение сообществ в соответствии с участием их членов в сообществах политических партий и движений (N = 104), %

Доля членов сообществ, присоединившихся к сообществам СМИ	Сообщество «Единая Россия»	Сообщество «КПРФ»	Сообщество «ЛДПР»	Сообщество «Яблоко»	Сообщество «Команда Навального»	Сообщество «Правые»
Количество членов сообществ	104 702	89 371	134 424	20 028	217 176	149 241
<i>«Антимусорные» сообщества</i>						
Нет	0	0	0	0	0	10
< 1%	10	0	4	10	0	17
1–4%	90	65	94	90	54	73
5–9%	0	35	2	0	44	0
10% и больше	0	0	0	0	2	0
N	52	52	52	52	52	52
<i>Территориальные сообщества</i>						
Нет	0	0	0	6	0	2
< 1%	48	67	65	90	75	94
1–4%	52	31	35	4	25	4
5–9%	0	2	0	0	0	0
10% и больше	0	0	0	0	0	0
N	52	52	52	52	52	52

Результаты показывают, что два сообщества вызвали интерес у членов сообществ, созданных в связи с мусорным конфликтом в Архангельской области. А именно сообщество КПРФ и сообщество, связанное с А. Навальным. По сравнению с «антимусорными» сообществами у членов территориальных сообществ мы не видим существенной разницы в интересе к партиям или политическим движениям, несмотря на их положение в политическом спектре. Так, если средняя доля участников протестных сообществ, присоединившихся к КПРФ, составила 4%, к сообществу «Команда Навального» – 5%, то к сообществу «Единая Россия» – 1%. Средняя же доля членов территориальных сообществ, ставших участниками сообществ «Единая Россия», «КПРФ» и «Команда Навального», составила по 1%.

В этом случае (как и в случае традиционных и интернет-СМИ) можно говорить о формировании у пользователей экологических протестных сообществ в большей степени альтернативной повестки дня под влиянием новостей, предлагающихся представителями системной (КПРФ) и внесистемной («Команда Навального») оппозиции.

В рамках исследования потребления новостей среди членов виртуальных сообществ, созданных в связи с конфликтом вокруг планов строительства мусорного полигона в Архангельской области, предполагалось выяснить, в какой мере участники этих сообществ следили за новостями, связанными с другими протестными событиями в 2020 г., не имеющими отношения к экологической проблематике. Для этого был проведен опрос, в ходе которого респондентам задавался вопрос, следят ли они за следующими событиями: 1) протестными акциями в Хабаровске; 2) событиями, связанными с отравлением А. Навального; 3) протестными акциями в Беларуси. Опрос был ограничен членами 21 сообщества. Сообщества были отобраны путем случайной выборки. Путем случайной выборки в каждом из них было отобрано по 20 членов, которым и были заданы соответствующие вопросы. В опросе согласились участвовать 135 (32% от опрошенных) участников протестных сообществ. Результаты показали следующее (табл. 6).

Таблица 6
Распределение респондентов в связи с интересом их к новостям (N = 135), %

Вопрос	Следили	Не следили	Затруднились ответить
Следили ли Вы за протестными акциями в Хабаровском крае?	51	46	3
Следили ли Вы за событиями в связи с отравлением А. Навального?	49	46	5
Следили ли Вы за протестными акциями в Беларуси?	44	49	7
N	135	135	135

Как показали результаты опроса, около половины опрошенных следили за событиями в Хабаровске и за новостями, связанными с отравлением А. Навального. Чуть меньше, что и можно было ожидать, следили за

протестами в Беларуси. При этом 39% процентов респондентов следили за всеми тремя новостными темами, 36% не следили ни за одной из трех тем. В рамках исследования было проанализировано, связано ли внимание к обозначенным новостям с тем, состоят ли респонденты в виртуальных сообществах, предлагающих политические новости. Для этого были выделены сообщества федеральных СМИ независимо от типа медиа (традиционные и интернет-СМИ), сообщества политических партий и движений (федеральные и местные отделения). Были проанализированы, с одной стороны, личные страницы «ВКонтакте» тех, кто следили за всеми предложенными событиями, а с другой – тех, кого эти темы не интересовали (табл. 7).

Таблица 7
Распределение респондентов в связи с тем, состояли ли они в «новостных» и «политических» сообществах (N = 101), %

Показатель	Состояли в «новостных» и «политических» сообществах	Не состояли в «новостных» и «политических» сообществах	N
Следили за всеми темами	77	23	52
Не следили ни за одной из тем	45	55	49

Анализ выявил существенное различие в том, присоединялись ли пользователи, следящие и не следящие за протестными событиями, к различным «новостным» и «политическим» сообществам. Если же мы посмотрим, в какие именно политические группы (СМИ, политических партий и движений) вступали интересующиеся и не интересующиеся этими тремя событиями, то увидим существенную разницу. Так, те, кто сказал, что следили за всеми тремя протестными событиями, существенно больше по сравнению с не следящими, они являлись как членами сообществ СМИ, «альтернативных» по отношению к государственным массмедиа, так участниками различных оппозиционных сообществ. Таким образом, мы видим явную связь между интересом пользователя социальной сети к протестным событиям, проходившим в последнее время, и его индивидуальной лентой новостей, формирующей повестку дня.

Выводы

Настоящее исследование посвящено потреблению новостей членами виртуальных сообществ, созданных в сети «ВКонтакте» в связи с экологическим конфликтом в Архангельской области, возникшим по поводу планов строительства мусорного полигона в Шиесе. Анализ показал, что членов как «антимусорных» групп, так и виртуальных территориальных групп больше интересовала местная повестка дня, представленная в сообществах традиционных и интернет-СМИ. При этом в ходе исследования было выявлено отличие членов сообществ, созданных в связи проектом мусорного полигона в Шиесе, от членов территориальных сообществ в интересе к различным федеральным виртуальным сообществам, предлагающим политические новости (сообщества традиционных СМИ, интернет-СМИ, политических партий и движений). Анализ пока-

зал отличие повестки дня у членов протестных экологических протестных сообществ и членов территориальных сообществ. Можно полагать, что повестка дня членов «антимусорных» сообществ по сравнению с повесткой дня членов территориальных сообществ, формируемая индивидуальной лентой новостей, является в большей мере альтернативной по отношению официальной повестке. В связи с этим можно говорить о большей политизации граждан, обеспеченной острым экологическим конфликтом. В этом случае мы видим схожую картину между виртуальными сообществами в Архангельской области и Республики Коми и виртуальными сообществами Санкт-Петербурга [17]. Исследование показывает связь экологической и политической повестки. Пользователи, интересующиеся новостями в связи с

острым социально-экологическим конфликтом, в большей мере интересуются и новостями, предоставляемыми «независимыми» СМИ и оппозиционными политическими движениями. Анализ также выявил связь повестки дня, формируемой виртуальными сообществами, и интересом членов «антимусорных» сообществ к протестным событиям, далеко выходящим за рамки экологической повестки.

В какой мере различаются не только интерес, но и отношение членов экологических протестных и территориальных сообществ к протестным движениям, можно ли говорить о связи обеспокоенности острыми экологическими проблемами с оппозиционными политическими взглядами граждан, на основе результатов настоящей работы мы сказать не можем. Это предмет дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вся статистика Интернета на 2020 год – цифры и тренды в мире и России // WebCanape. URL: <https://www.webcanape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy> (дата обращения: 20.02.2021).
2. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2020 // Analytics. URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2020> (дата обращения: 20.02.2021).
3. Robles J., De Marco S., Antino M. Activating Activists The links Between Political Participation and Digital Political Participation // Information, Communication & Society. 2013. Vol. 16, № 6. P. 856–877. doi: 10.1080/1369118X.2012.738238
4. Robles J., Torres C., Antino M., De Marco S. The Use of Digital Social Networks from an Analytical Sociology Perspective: The Case of Spain // Rationality and Society. 2015. Vol. 27, № 4. P. 492–512. doi: 10.1177/1043463115605480
5. Соколов А.В., Палагичева А.В. Мобилизация и демобилизация в сетевом политическом протесте // Политическая наука. 2020. № 3. С. 266–297. DOI: 10.31249/poln/2020.03.12.
6. Li H. Virtual community studies: A literature Review, Synthesis, and Research Agenda // Proceedings of the American Conference on Information Systems / ed. by J. Luftman. New York : Association for Information Systems, 2008. P. 2708–2715.
7. Демин П.В., Сорочан Е.А. Социальные эффекты онлайн-сообществ: нетнография YouTube сообщества вышивальщиц // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 312–343. doi: 10.14515/monitoring.2020.5.913
8. Bateman P., Gray P., Butler B. The Impact of Community Commitment on Participation in Online Communities // Information Systems Research. 2011. Vol. 22, № 4. P. 841–854. doi: 10.1287/isre.1090.0265
9. Vicario M., Gaito S., Quattrociochi W., Zignan M., Zollo F. Public Discourse and News Consumption on Online Social Media: A Quantitative, Cross-Platform Analysis of the Italian Referendum. 2017 // IMT. School for Advanced Studies. Lucca. URL: <http://eprints.imtlucca.it/3687/1/1702.06016.pdf> (дата обращения: 20.02.2021).
10. Wolfsfeld G., Yarchi M., Samuel-Azran T. Political Information Repertoires and Political Participation // New Media & Society. 2016. Vol. 18, № 9. P. 2096–2115. doi: 10.1177/1461444815580413.
11. Дунас Д.В., Толоконникова А.В., Черевко Т.С. Актуальные концептуальные подходы к рассмотрению процесса медиапотребления онлайн-новостей молодежью // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2017. № 5. С. 30–50.
12. Wohn D., Bowe B. Micro Agenda Setters: The Effect of Social Media on Young Adults' Exposure to and Attitude Toward News // Social Media + Society. 2016. Vol. 2 (1). P. 1–12. doi: 10.1177/ 2056305115626750
13. Примаков В.Л. Медитизация и ее социальные последствия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. Вып. 1 (838). С. 222–240.
14. Волков Д., Гончаров С. Российский медиаландшафт – 2020. Телевидение, Интернет, социальные сети и мессенджеры // Вестник общественного мнения. 2020. № 1–2 (130). С. 141–147.
15. Першина Е.Д. Принципы выбора российскими новостными медиа площадок для создания групп в социальных сетях // Медиаскоп. 2017. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/2304> (дата обращения: 20.02.2021).
16. Щепилова Г.Г., Круглова Л.А. Телеканалы и социальные сети: специфика взаимодействия // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2018. № 3. С. 3–16.
17. Гольбрайх В.Б. Члены экологических групп в социальных медиа: цифровое участие и интересы // Петербургская социология сегодня. 2018. Вып. 9. С. 91–119.
18. Чмель К.Ш., Климова А.М., Митрохина А.М. Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере мусорного полигона около станции Шиес // Журнал исследований социальной политики. 2020. № 18 (1). С. 83–98.
19. Щепилова О.Д., Гольбрайх В.Б. Экологический активизм: мобилизация ресурсов «мусорных» протестов в России в 2018–2020 гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 23 (4). С. 136–162. doi: 10.31119/jssa.2020.23.4.5

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 22 июня 2021 г.

News Consumption by Members of Virtual Environmental Protest Communities (On the Example of the Conflict Over a Landfill in Arkhangelsk Oblast)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 56–63.

DOI: 10.17223/15617793/472/7

Vladimir B. Golbraikh, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: vgolbraih@mail.ru

Keywords: social networks; virtual groups; consumption of news; socio-ecological conflict

The growing influence of social media has significantly affected various aspects of sociopolitical life, including social movements and protest activity. Social networks are becoming a part of everyday life, influencing the processes of media consumption. Traditional media are no longer the main source of news, being replaced by social media. Users of social networks

largely build their individual agenda setting, forming their own news feed, subscribing to a particular virtual community (media, parties, etc.). Realizing this, the latter are trying to make use of it by creating virtual communities on social networks. Over the past decade, observers have noted that social networks are beginning to play a significant role in public life in Russia. In this regard, the problem of user behavior in various social networks seems to be important for research, including such an important component of everyday life as news consumption. This work analyzes news consumption patterns of members of virtual communities created on the VKontakte social network in connection with one of the most noticeable socio-ecological conflicts of the last decade around the construction of a landfill in Shies. In this study, the author planned to compare members of “anti-garbage” communities and members of territorial communities (Arkhangelsk Oblast and the Komi Republic) in relation to news consumption. He decided to limit the scope to two areas of news consumption by community members: environmental and political agendas. Interest in the environmental agenda could be expressed by joining virtual environmental communities. Similarly, interest in the political agenda could be expressed by joining communities offering political news. In addition, members of “anti-garbage” communities were surveyed in relation to the extent to which they followed the most notable protest events of the past year, not related to the environmental agenda. The study revealed the difference between members of communities created in connection with the Shies landfill project from members of territorial communities in their interest in various federal virtual communities offering political news. The analysis showed that the agenda setting of members of “anti-garbage” communities, in comparison with the agenda setting of members of territorial communities, formed by an individual news feed, is more alternative to the official agenda. Users interested in news in connection with an acute socio-ecological conflict are more interested in news provided by “independent” media and opposition political movements. In this regard, we can speak about the greater politicization of citizens concerned about the acute environmental conflict. The analysis also revealed a connection between the agenda setting formed by virtual communities and the interest of members of “anti-garbage” communities in protest events that go far beyond the environmental agenda.

REFERENCES

1. WebCanape. (2020) *Vsya statistika Interneta na 2020 god – tsifry i trendy v mire i Rossii* [All Internet statistics for 2020 – figures and trends in the world and Russia]. [Online] Available from: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy>. (Accessed: 20.02.2021).
2. Brand Analytics. (2002) *Sotsial'nye seti v Rossii: tsifry i trendy, osen' 2020* [Social networks in Russia: figures and trends, autumn 2020]. [Online] Available from: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2020>. (Accessed: 20.02.2021).
3. Robles, J., De Marco, S. & Antino, M. (2013) Activating Activists: The links Between Political Participation and Digital Political Participation. *Information, Communication & Society*. 6 (16). pp. 856–877. DOI: 10.1080/1369118X.2012.738238
4. Robles, J. et al. (2015) The Use of Digital Social Networks from an Analytical Sociology Perspective: The Case of Spain. *Rationality and Society*. 4 (27). pp. 492–512. DOI: 10.1177/1043463115605480
5. Sokolov, A.V. & Palagicheva, A.V. (2020) Mobilization and demobilization in a network political protest. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 3. pp. 266–297. (In Russian). DOI: 10.31249/poln/2020.03.12
6. Li, H. (2008) Virtual community studies: A literature Review, Synthesis, and Research Agenda. In: Luftman, J. (ed.) *Proceedings of the American Conference on Information Systems*. New York: Association for Information Systems. pp. 2708–2715.
7. Demin, P.V. & Sorochan, E.A. (2020) Social effects of online communities: netnography of a YouTube embroiderers' association. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 5. pp. 312–343. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.913
8. Bateman, P., Gray, P. & Butler, B. (2011) The Impact of Community Commitment on Participation in Online Communities. *Information Systems Research*. 4 (22). pp. 841–854. DOI: 10.1287/isre.1090.0265
9. Vicario, M. et al. (2017) Public Discourse and News Consumption on Online Social Media: A Quantitative, Cross-Platform Analysis of the Italian Referendum. *IMT. School for Advanced Studies. Lucca*. [Online] Available from: <http://eprints.imtlucca.it/3687/1/1702.06016.pdf>. (Accessed: 20.02.2021).
10. Wolfsfeld, G., Yarchi, M. & Samuel-Azran, T. (2016) Political Information Repertoires and Political Participation. *New Media & Society*. 9 (18). pp. 2096–2115. DOI: 10.1177/1461444815580413.
11. Dunas, D.V., Tolokonnikova, A.V. & Cherevko, T.S. (2017) Current Conceptual Approaches to the Process of Young People's Media Consumption of Online News. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*. 5. pp. 30–50. (In Russian).
12. Wohn, D. & Bowe, B. (2016) Micro Agenda Setters: The Effect of Social Media on Young Adults' Exposure to and Attitude Toward News. *Social Media + Society*. 2 (1). pp. 1–12. DOI: 10.1177/2056305115626750
13. Primakov, V.L. (2020) Mediatization and its social consequences. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences*. 1 (838). pp. 222–240. (In Russian).
14. Volkov, D. & Goncharov, S. (2020) Russian media landscape 2020: television, social media and messengers. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*. 1–2 (130). pp. 141–147. (In Russian).
15. Pershina, E.D. (2017) Russian news media principles in selection of platforms for creating groups in social networks. *Mediascope – Mediascope*. 2. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/2304>. (Accessed: 20.02.2021). (In Russian).
16. Shchepilova, G.G. & Kruglova, L.A. (2018) Television channels and social networks: specifics of interaction. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistsika*. 3. pp. 3–16. (In Russian). DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2018.316
17. Gol'braykh, V.B. (2018) Members of environmental groups in social media: digital participation and interests. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya – Petersburg sociology today*. 9. pp. 91–119. (In Russian).
18. Chmel', K.Sh., Klimova, A.M. & Mitrokhina A.M. (2020) The politicization of environmental discourse in Arkhangelsk region: the landfill site at Shies railroad station. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – The Journal of Social Policy Studies*. 18 (1). pp. 83–98. (In Russian). DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-1-83-98
19. Tsepilova, O.D. & Gol'braykh, V.B. (2020) Environmental activism: resource mobilisation for “garbage” protests in Russia in 2018–2020. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – The journal of sociology and social anthropology*. 23 (4). pp. 136–162. (In Russian). DOI: 10.31119/jssa.2020.23.4.5

Received: 22 June 2021

Л.С. Деточенко, Е.А. Агапова

ВЛИЯНИЕ УГРОЗ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ И ОТВЕТНЫХ МЕР БОРЬБЫ С НЕЙ НА ИНВАЛИДОВ: ТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31769.*

Представлен тематический анализ русскоязычных и англоязычных публикаций, размещенных в научных базах Scopus, ScienceDirect, Google Academia, E-library, опубликованных в журналах ВАК РФ и посвященных влиянию коронавирусной инфекции и ответных мер борьбы с ней. Выделены основные угрозы для лиц с инвалидностью в период пандемии.

Ключевые слова: инвалиды; пандемия; COVID-19; риски социально уязвимых групп

Введение в проблематику и вопрос актуальности. Чрезвычайные ситуации как природного, так и антропогенного характера, бедствия, включая пандемию, серьезно влияют на здоровье и социальное самочувствие уязвимых групп населения [1, 2]. Несмотря на то, что проблему пандемий рассматривают чаще всего в категориях «равенства» всех перед угрозой, на сегодняшний день становится очевидным, что социальные факторы порой повышают риски заражения, а социальное неравенство многократно увеличивает негативные последствия от распространения инфекции для некоторых социальных групп. Одной из наиболее уязвимых категорий в этот период становятся инвалиды. Более ста организаций, деятельность которых связана с защитой прав людей с ограниченными возможностями, а также ассоциация экспертов по правам инвалидов и управлению ЧС ООН обратились с настоятельным призывом «к незамедлительным действиям, направленным на удовлетворение особых потребностей людей с инвалидностью с целью сохранения их здоровья, безопасности, достоинства и независимости в обществе во время вспышки COVID-19» [3]. Необходимость экстренных практических действий актуализирует анализ научных исследований, затрагивающих проблему социальных последствий и рисков данной категории населения. В данной статье авторы предприняли попытку тематического анализа научных публикаций, посвященных влиянию коронавирусной инфекции и ответных мер борьбы с ней на лиц с инвалидностью. Предпринятый обзор позволяет выделить основные группы угроз, с которыми сталкиваются инвалиды в настоящее время, сопоставить предпринимаемые для смягчения социальных последствий действия с основными потребностями, порождаемыми специфическими и общими проблемами инвалидов как социально уязвимой категории. В этом отношении предпринятый обзор может быть интересен представителям органов здравоохранения, исполнительным органам власти, определяющим политику в сфере труда и социальной защиты населения, а также правозащитным организациям, деятельность которых связана с защитой прав социально уязвимых групп населения, в том числе и инвалидов. Для академического сообщества данная статья может послужить отправной точкой для углубления и расширения исследовательских тематик, в том числе

непропорционального влияния пандемии на различные группы населения.

Методы и процедура исследования. Целью тематического обзора, предпринятого в данной статье, является знакомство широкого круга практиков и исследователей с научными публикациями, затрагивающими проблемы влияния коронавирусной инфекции и ответных мер борьбы с ней на лиц с инвалидностью. Информационная ориентация, которую авторы статьи определяют для себя как приоритетную, не направлена на сопоставление ключевых концепций, типов доказательств и аргументации конкретных авторов, а скорее призвана изучить основные группы исследований по указанной ранее проблематике, масштабы проблемы, диапазон изучаемых вопросов, характер имеющихся исследований, а также основные точки расширения и углубления изучения положения инвалидов как социально уязвимой категории в период пандемии.

Для выполнения поставленной цели был проведен анализ научных баз данных (Scopus, ScienceDirect). Использовались и поисковые запросы Google Academia, E-library. Анализ подвергались также научные работы, опубликованные в журналах, включенных в перечень рецензируемых изданий ВАК РФ. Анализировалась литература только на русском и английском языках. В список анализируемых источников включались лишь те, которые были направлены на изучение влияния пандемии COVID-19 и ее социальных последствий на общество, социально уязвимые категории населения, и упоминали риски, последствия или меры, направленные на снижение негативных последствий пандемии для инвалидов. Исследованию подвергались только публикации, изучающие социальные аспекты проблемы. Мы не ограничивали рассматриваемые исследования конкретной нозологией, группой инвалидности или видом нарушения. Основными исследовательскими вопросами выступали:

- 1) насколько многочисленны исследования, затрагивающие проблемы угроз и социальных последствий COVID-19, учитывают и акцентируют внимание на диспропорции и специфике угроз и последствий для социально уязвимых групп населения;
- 2) какое внимание уделяют исследователи проблемам инвалидов в данный период;
- 3) каковы масштабы и основные группы угроз и последствий COVID-19, с которыми сталкиваются инвалиды на данный момент;

4) насколько учитывается в научном дискурсе специфика угроз и проблем инвалидов в связи с особенностями нозологии или конкретного заболевания, пола, возраста, места проживания;

5) каковы основные направления расширения и углубления исследований положения данной группы населения и прогнозов последствий пандемии для нее.

Анализ публикаций проводился в период с 01.08.2020 по 15.10.2020. Выемка результатов поиска проводилась одновременно во всех базах данных в период с 01.08.2020 по 01.09.2020. С целью согласованности полученных результатов мы анализировали только первые сто ссылок. Анализу подвергались также включенные ссылки статей, удовлетворяющих требованиям исследования и входящих в первую сотню ссылок. Всего было рассмотрено 400 ссылок на поисковые запросы и 150 рецензированных журналов. После первичного анализа была сформирована база из 350 статей, посвященных социальным проблемам и последствиям пандемии. Из них 69 статей рассматривали только положение и следствие лиц с инвалидностью в данный период. Подробному изучению подвергались 350 статей, поскольку ряд из них в той или иной степени затрагивали проблемы или последствия распространения инфекции на лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Основными индикаторами исследования выступали количество, объем и содержание. Количественные параметры были использованы при выявлении факторов и закономерностей, связанных с типом публикации, страноведческим полем, учетом различных типов нозологий и т.д.

Содержательные результаты исследования тематически представляют любые непропорциональные риски для людей с инвалидностью в контексте COVID-19 и основные последствия сложившейся ситуации для них.

Краткая характеристика используемых баз данных.

ScienceDirect – самая большая в мире электронная коллекция научной, технической и медицинской полнотекстовой и библиографической информации. Полнотекстовая база данных содержит 16 миллионов научных публикаций, 4 184 журнала, 30 000 книг. Полнотекстовые ресурсы предоставляются на английском языке.

Scopus – крупнейшая в мире единая реферативная база данных, индексирующая более 17 000 наименований научно-технических и медицинских журналов. На 2020 г. в базу включены публикации 38 060 журналов, 240 000 книг.

eLIBRARY.RU – на сегодняшний день крупнейшая в России электронная библиотека научных публикаций, предоставляющая возможности поиска и анализа научной информации, ведущая электронная библиотека научной периодики на русском языке в мире. Библиотека интегрирована с Российским индексом научного цитирования (РИНЦ), который создан по заказу Минобрнауки РФ. На 2020 г. посетителям доступны более 34 миллиона научных публикаций, в том числе электронные версии 5 600 российских научно-технических журналов. Свыше 4 500 россий-

ских журналов размещены в бесплатном открытом доступе.

Академия Google (Google Scholar) – бесплатная поисковая система полнотекстовых научных публикаций. Индекс Google Scholar включает данные из большинства рецензируемых онлайн-журналов крупнейших научных издательств Европы и Америки. Поисковая система позволяет выполнять поиск не только по статьям, доступным в открытом доступе, но и по статьям, доступным только в библиотеках.

Рецензируемые научные издания, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Анализ публикаций в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией, позволяет познакомиться с результатами крупнейших исследований, в том числе с учетом групп специальностей.

Систематизация исследовательских проектов: общие закономерности и картина исследований.

Результаты запроса в базе данных *Scopus* позволяют говорить об актуальности изучения социальных аспектов влияния пандемии на инвалидов как социально уязвимую категорию. Из ста первых ссылок по результатам поискового запроса 70 статей полностью удовлетворяли условиям поиска. Следует отметить, что 50% результатов поиска после первичного анализа (35 статей) представляли собой научные работы, объектом изучения которых выступало положение инвалидов в данный период или возможные последствия COVID-19 для данной категории в последующем. Все результаты поиска представляли собой научные работы, опубликованные в периодических изданиях. Каждая пятая статья учитывала специфику конкретной нозологической группы или конкретного заболевания в исследовании. Подавляющее большинство статей носило эмпирический характер. Тематический спектр представлен проблемами доступа к медицинским услугам и помощи (31,4%), анализом действующих в условиях пандемии и предлагаемых мер социальной политики (17,1%), биоэтическими проблемами (14,2%), проблемам положения инвалидов на рынке труда (8,5%), защиты прав и достоинства (14,2%), доступности сервисов (8,5%), проблемами насилия (2,8%), психическими проблемами самоизоляции (2,8%).

Результаты запроса в базе данных *Science Direct* показывают большой интерес научного сообщества к изучению социальных факторов и последствий пандемии. Всего было рассмотрено 100 статей – результатов поиска. Среди отобранных для рассмотрения статей 25% изучали факторы рисков и последствия COVID-19 именно для социальной группы инвалидов, 10% акцентировали внимание на конкретной нозологической группе или лицах, страдающих конкретным заболеванием. Гендерная специфика отражена лишь в отдельных подходах к определению выборочной совокупности. Возрастные детерминанты положения инвалидов представлены в 10% публикаций, из которых 3,1% фиксировали внимание на положение пожилых инвалидов в данный период, а 7,8% – на положении детей с инвалидностью. Среди публикаций,

рассматривающих общие проблемы и положение социально уязвимых категорий в данный период (65 статей), тематический спектр вопросов разнообразен и условно может быть представлен следующим образом: социально-экономические последствия COVID-19 и проблемы трудоустройства (11%), общие социальные факторы и последствия (4,6%), психологические последствия (18,8%), проблемы с доступом к качественной медицине, предложения и опыт поддержания здоровья в период борьбы с пандемией (25%), анализ изменений в области законодательства и социальные последствия пандемии (4,6%), специфика социального поведения в условиях COVID-19 (9,3%), биоэтические аспекты (3,2%), поддержка семей в условиях борьбы с коронавирусной инфекцией (3,2%), мобильность и организация досуга (4,6%), социальная поддержка и услуги, в том числе в стационарных условиях (3,2%), социальная политика (12,5%).

На платформе E-library.ru анализ первых ста ссылок по запросу показал, что 80 публикаций рассматривают общие проблемы, связанные с распространением коронавирусной инфекции у социально уязвимых групп. Анализ научных публикаций позволяет выделить блоки исследуемых тем: социальная поддержка и защита; дистанционное образование; реабилитация и доступ к медицинской помощи; мобильность (инклюзивный туризм); доступность сервисов, в том числе цифровых для граждан с инвалидностью в период пандемии; психические последствия и девиации лиц с ограниченными возможностями здоровья в период самоизоляции. Только 5% всех научных публикаций из результатов поискового запроса на платформе E-library.ru в качестве объекта своего исследования имеют положение инвалидов в период COVID-19, остальные научные публикации в той или иной форме затрагивают положение данной группы населения в период самоизоляции и распространения коронавирусной инфекции. Только в одной статье рассматривается специфика положения и последствий пандемии для представителей конкретной группы лиц с инвалидностью. Результаты поисковых запросов не позволили познакомиться с публикациями, исследующими проблемы повышенных рисков инвалидов в период пандемии, специфических проблем данной категории в этот период (за исключением психологических проблем, связанных со спецификой реабилитационных или клинических мероприятий). К сожалению, нам не встретились исследования, учитывающие гендерные или возрастные детерминанты в изучении положения данной группы населения в период COVID-19.

Результаты поисковых запросов базы Академии Google показали схожие результаты. Отобранных статей оказалось 90. Только 5% научных публикаций из ста рассмотренных являются специализированными публикациями, посвященными различным аспектам положения инвалидов в период пандемии. Внимание исследователей к положению конкретных нозологических групп, половозрастных групп инвалидов в период COVID-19, также остается низким. Однако тематическое поле результатов поиска после первичного анализа ссылок на соответствие нашим задачам шире

(21 статья) и включает: проблемы дистанционного обучения детей с инвалидностью, социально-экономические последствия пандемии для населения с инвалидностью, вопросы реабилитации и медицинского обслуживания, положения инвалидов на рынке труда, вопросы социальной помощи и поддержки, исследования развития девиантных форм поведения, в том числе семейного насилия в период самоизоляции, доступности сервисов и институтов, изучения психических последствий и технологий психической помощи инвалидам в период пандемии.

Анализ публикаций в рецензируемых научных изданиях социальной направленности позволяет говорить о значительном внимании к новым вызовам и угрозам существования в условиях COVID-19. Среди отобранных к анализу статей (45 статей из 150 рассмотренных журналов) лидируют работы, посвященные проблемам дистанционного образования (28,9%), психологическим последствиям самоизоляции (15,7%), социальным последствиям распространения коронавирусной инфекции и принимаемых государством мер (23,6%). Тематическое поле представлено проблемами трансформации законодательства, в том числе в части социальной помощи и социального обслуживания, социально-экономическим эффектам от режима самоизоляции. Проведенный анализ показал крайне малое количество исследований, посвященных специфике положения отдельных групп населения и инвалидов в частности, в период пандемии (2%), что, на наш взгляд, препятствует разработке адресных решений в отношении поддержки социально уязвимых групп.

Основные угрозы инвалидов в период пандемии: обзор исследований. Обзор научной литературы позволяет выделить несколько групп угроз, сопровождающих жизнедеятельность инвалидов в период борьбы с коронавирусной инфекцией.

Угрозы жизни (доступность и качество медицинских услуг). Стойкие нарушения функций здоровья, обуславливают большие потребности инвалидов в медицинской помощи, поэтому они более уязвимы к воздействию низкого качества или недоступности медицинских услуг [4]. В условиях роста нагрузки на систему здравоохранения во многих странах проблема доступа к медицинским услугам особо обострилась в период борьбы с пандемией. Учреждения здравоохранения в данный период были обязаны приостановить все второстепенные посещения, сократить количество услуг не экстренного характера, отложить плановые операции и сосредоточить ресурсы на борьбе с инфекцией [5]. Сложности в получении помощи, в частности барьеры в получении стационарного лечения и реабилитации, отложенные хирургические вмешательства и трансплантации, негативно влияют на благополучие пациентов с хроническими заболеваниями и инвалидностью [6]. Отсрочки и задержки в консультативной медицинской помощи приводят к массовым изменениям в приеме препаратов, поддерживающих стабильное состояние здоровья. В ряде случаев отсрочки в получении консультативной и терапевтической помощи связаны с субъективными страхами пациентов, не всегда способных самостоятельно оценить выбор между рисками [7].

Инвалиды сталкиваются не только с проблемами отсутствия возможности получить качественное и своевременное лечение, связанное с особенностями своего состояния здоровья, невозможностью продолжения или прохождения реабилитационных мероприятий, но и порой с невозможностью получить своевременную экстренную помощь, связанную с инфекцией коронавируса, в виду стигматизации и дискриминации. Проблема необходимости справедливого распределения ограниченных ресурсов, как на макроуровне (сколько инвестировать в здравоохранение и в какие секторы), так и на микроуровне (решения медицинских учреждений и медицинских работников в отношении реакции на запрос), в условиях пандемии актуализировала биоэтические дискурсы относительно критерия подобных решений [8, 9]. Несмотря на наличие требований ряда исследователей обеспечить равенство прав в лечении, предлагаемые пути решения дилеммы в условиях кризиса вызывают опасения в отношении такой уязвимой категории, как инвалиды. Так, Л. Палазани (Palazzani) призывает, с целью справедливости, отказаться от социальной основы для выбора и обратить внимание на объективные шансы клинической помощи. Учитывая такие предложения, шансы на качественную медицинскую помощь для инвалидов малы не только в повседневных реалиях, но и «обоснованы» в теоретическом смысле [10].

Эмпирические исследования подтверждают, что инвалиды имеют сложности в доступе к тестированию на COVID-19 [11].

Нарушения здоровья (хронические и вторичные заболевания, включая нарушения функций дыхательной и сердечнососудистой систем или диабета), повышают риск развития заболевания с осложнениями или летальным исходом ввиду сопутствующих заболеваний, усложняющих клиническое течение инфекционного заболевания [7].

Угрозы, связанные с невозможностью соблюдения профилактических мероприятий. Несмотря на изобретение вакцины, в момент написания данной статьи поведенческое лекарство от инфекции (физическое дистанцирование) остается единственным эффективным методом профилактики. Необходимость повышенного внимания данной категории к мерам профилактики сопровождается объективными ограничениями в соблюдении мер. Элементарные гигиенические меры могут сопровождаться значительными барьерами в их соблюдении, связанными со спецификой заболевания, доступностью физической среды. Потребность же в регулярной помощи и поддержке окружающих для выполнения повседневных задач, в том числе по уходу за собой, может являться реальной угрозой соблюдения мер социального дистанцирования.

Различные типы заболеваний препятствуют соблюдению режима самоизоляции. Так, например, группа австралийских ученых выявила ухудшение гликемического контроля и рост осложнений у больных диабетом, возникающих в результате изменения стратегии образа жизни, ограничения возможности вести здоровый образ жизни (включая физические упражнения) и ограничения доступности диабетических препаратов и медицинских консультаций [12].

Трудности в понимании целей и общих принципов профилактических мер, таких как физическое дистанцирование, эффективное и регулярное мытье рук или ношение масок, повышают индивидуальные риски заражения людей с интеллектуальными нарушениями, задержкой в развитии или множественными нарушениями [13]. Ментальная специфика, особенности зрения или слуха могут осложнять соблюдение рекомендаций общественного здравоохранения в том случае, когда они предоставляются в недоступной форме (например, устно или через непрозрачные маски).

Угрозы, связанные с ухудшением психического здоровья. Помимо повышенных рисков здоровья и жизни, исследователи и клиницисты отмечают тревогу по поводу негативного воздействия распространения эпидемий и ограничения социальных контактов на психическое здоровье [14]. Объективно необходимыми для сдерживания распространения инфекции, но одновременно факторами, негативно влияющими на психику, являются: практики социального дистанцирования, изменение повседневных практик жизнедеятельности в условиях домашнего пребывания, нарушение социальной поддержки в условиях самоизоляции. Страхи утраты и болезни близких, изменения в личной жизни, бедности, ответственности, опасения перед неясным будущим также негативно сказываются на психическом и эмоциональном состоянии [15–19]. Отдельным фактором, повышающим психологическую напряженность общества, является форма и интенсивность предоставления информации о COVID-19 в средствах массовой информации [20]. Психическими последствиями полной изоляции являются эмоциональный дистресс, повышенная тревожность, бессонница, посттравматический стресс [21], рост суицидальных последствий [22]. Отмеченная закономерность распространяется на все социальные группы, проявляя себя в большей или меньшей степени, однако, именно инвалиды оказываются в группе риска. В связи с масштабом негативных психологических последствий в условиях пандемии ряд исследователей предлагают расширить дистантные психологические формы поддержки [23] и сопровождения [24].

Социально-экономические угрозы (безработица, финансовые ресурсы). Экономические последствия пандемии и политики изоляции не остались вне поля внимания исследователей. Безработица и потеря финансовой устойчивости всегда имели тесную связь с социальной стабильностью общества. Так, ряд исследователей отметили финансовые проблемы как «доминирующий фактор стресса во время пандемии» [25], подчеркнули, что «сильнее всего влияние COVID-19 скажется на снижении доходов населения и росте бедного населения» [26]. В академическом дискурсе мы не нашли специализированных исследований, которые бы изучали влияние самоизоляции на финансовую устойчивость домохозяйств, в структуру которых входят инвалиды. Однако ряд исследований позволяют нам выстроить гипотетическую модель сложившейся ситуации. В работе американских ученых «Стрессовые жизненные события и социальный капитал на ранней стадии COVID-19 в США» фикси-

ровалось, что уже на ранней стадии пандемии социальные группы, полагающиеся на государственную помощь, имеющие низкую квалификацию, испытывают финансовые трудности и опасения относительно оплаты даже предметов первой необходимости и медицинской помощи. Также отмечалось, что финансовые сложности напрямую зависят от уровня образования: чем он ниже, тем вероятнее материальные трудности. Это усугубляется и тем, что инвалиды обычно испытывают необходимость в дополнительных расходах на уход и проживание при низком уровне занятости и дохода [27, 28]. На фоне общих исследований, посвященных экономическим последствиям пандемии (чаще всего негативным), мерам социальной поддержки социально уязвимых групп населения, в данный период интересен взгляд N. Ahmed на возможности, которые открывает дистанционная работа университетов для инвалидов, работающих в режиме самоизоляции, к которым автор относит ликвидацию проблем физической доступности среды, стигматизации и потенциальной дискриминации [29].

Сложности с недоступностью или сокращением предоставления услуг или социальной поддержки. Низкий уровень доступности среды и информации. Инвалиды часто нуждаются в повседневной помощи, в том числе в услугах помощи по дому, но такая помощь может быть ограничена в условиях изоляции [30]. Исследователи фиксируют проблемы с оказанием помощи не только на национальном, но и на международном уровне. «Европейская ассоциация поставщиков услуг для инвалидов (EASPD) опубликовала 27 апреля доклад о ситуации с услугами по поддержке людей с ограниченными физическими возможностями. В докладе отмечается, что почти три четверти работников, оказывающих услуги инвалидам, не имеют доступа к защитному оборудованию, при том что большинство из них работает сверхурочно» [31; 32. С. 79].

Социальная поддержка, как мощный капитал, способствующий стабильному психическому и физиологическому самочувствию, была отмечена в многочисленных исследованиях. Группа исследователей доказала, что люди с инвалидностью переживали одиночество, связанное с низким уровнем социальной поддержки и социальной изоляцией, значительно чаще, чем люди без инвалидности, в этот период [11]. Среди основной группы риска авторы указывали взрослое население с ограниченными возможностями здоровья, мужского пола, одиноко проживающих и принадлежащих к этническим меньшинствам, а также студентов дневного отделения и экономически неактивных граждан.

Роль социальных контактов в выработке эффективных копинг-стратегий (стратегии реагирования на стресс, возможные или имеющиеся в наличии риски, направленные на оптимальное разрешение стрессовой ситуации, минимизацию рисков и угроз или адаптацию личности и/или социальной группы к требованиям ситуации, восстановление социально-психологического благополучия) отмечается и отечественными исследователями. Так, Е.В. Субботский подчеркивает роль ежедневного непосредственного личного кон-

такта с другими людьми, важность ощущения стабильности мира, нормального психического состояния, контроля планов на будущее и внешней активности. Именно социальные контакты позволяют не думать о глобальных вопросах существования, неизбежности смерти и смысле жизни [33].

Сегрегированное проживание. Несмотря на значительные изменения общественного мнения относительно вопроса возможности независимого проживания инвалидов в обществе, до сих пор большое количество инвалидов проживают в специализированных учреждениях, что значительно повышает риски физического контакта и заражения [34–36]. Исследования и практика доказали быстрое распространение инфекции в ограниченных пространствах. Жизнь в непосредственной близости с другими людьми, ежедневный тесный контакт в условиях совместного стационарного проживания повышают риски заражения [37]. Институциональный уход в стационарных учреждениях не только повышает риски заражения, но и слабо трансформируется в условиях вызовов. Инструкции государств таким учреждениям носят только рекомендательный характер, что не защищает инвалидов законодательно [38].

Проблемы доступности среды, информации и сервисов в период COVID-19 не только не теряют своей актуальности, но даже приобретают еще большее значение. Между тем соблюдение требований доступности для всех категорий граждан оказалось не всегда выполнимым даже Международными организациями, которые должны выступать в качестве образца для подражания в чрезвычайной ситуации борьбы с пандемией. Так, несмотря на требования Консорциума World Wide Web к содержанию информационных материалов общественного здравоохранения, не вся информация, размещенная на сайте ВОЗ, удовлетворяла требованиям доступности [39].

Насилие и уязвимость. Проблемы насилия в отношении людей с ограниченными возможностями здоровья всегда находились в поле зрения исследователей, занимающихся проблемами эксклюзии. Отдельно они обсуждались в отношении лиц с ментальными особенностями. В период пандемии вопрос уязвимости инвалидов в отношении возможного насилия со стороны ближнего окружения снова был поднят в научном дискурсе. Исследователи фиксируют, что проблемы насилия связаны с зависимостью инвалидов в плане ухода и помощи от потенциальных субъектов насилия [40]. В условиях самоизоляции лица с инвалидностью лишаются возможности информировать социальные и правовые службы о фактах применяемого к ним насилия. Необходимость помощи и постоянного ухода в условиях самоизоляции, длительное нахождение с субъектами насильственных актов в замкнутом пространстве порождают страх и заставляют скрывать подобные факты от общественности. В период пандемии увеличиваются риски не только физического, но и эмоционального насилия [41].

Трансформация «норм» в отношении лиц с инвалидностью, автономия, право и законодательство. Каждое государство обязано защищать жизнь, здоровье и принимать все необходимые меры для

обеспечения защиты и безопасности людей с ограниченными возможностями в чрезвычайных ситуациях. Однако чрезвычайная ситуация, связанная с COVID-19, не должна приводить к нарушению индивидуальных прав на свободу, автономию, достоинство и наивысшего достижимого уровня физического и психического здоровья на равной основе для всех. Любое ограничение таких прав должно иметь правовую основу и быть необходимым, соразмерным [42] и недискриминационным. Между тем чрезвычайная ситуация пандемии неоднократно и повсеместно приводит к девальвации достижений в области прав и независимой жизни инвалидов как в повседневных практиках взаимодействия, так и на уровне законодательства. Джил Ставерт и Колен Макквей поднимают проблему юридических, этических и практических последствий применения обычных и чрезвычайных законодательных мер и рекомендаций в период борьбы с пандемией. На примере законопроекта Великобритании о коронавирусе авторы показывают серьезные модификации в отношении прав пациентов на свободу и автономию для людей с психическими заболеваниями, неспособностью к обучению и деменцией. Законодательное закрепление исключения инвалидов (прямое или косвенное), формальная разработка рекомендаций по защите прав лиц с ограниченными возможностями здоровья в период пандемии и фактически повсеместное их игнорирование были зафиксированы исследователями в Южной Америке (Аргентине, Бразилии, Чили, Перу) [38]. В ряде стран отмечено законодательное закрепление уменьшения объемов оказываемых услуг и требований к квалификации медицинского персонала для пациентов с инвалидностью, в том числе поступающих в стационарные реабилитационные учреждения [43].

Возрастные детерминанты анализа жизнедеятельности инвалидов в период COVID-19. Анализ социальных детерминант здоровья, повышающих уязвимость людей с инвалидностью перед коронавирусной инфекцией, и социальных последствий ситуации самоизоляции для данной категории может и должен учитывать возрастную дифференциацию данной группы населения.

Особое внимание в научных исследованиях привлекают дети с инвалидностью, а также пожилые люди с хроническими проблемами и инвалидностью. В то же самое время социальный анализ факторов уязвимости, проблем и последствий пандемии молодых инвалидов и инвалидов зрелого возраста не менее привлекателен для изучения, однако практически не представлен в исследованиях.

Проблемы детей-инвалидов всегда относились к особой повестке Международных организаций и привлекали исследователей различных областей. В феврале 2020 г. вышел доклад комиссии ВОЗ – ЮНИСЕФ «Будущее детей мира» [44], где на международном уровне были озвучены угрозы, с которыми сталкиваются дети в наше время. Пандемия COVID-19 не только усугубляет угрозы, но и ставит новые вызовы благополучию детей, самой уязвимой категорией которых являются дети с инвалидностью. Помимо ранее перечисленных проблем, с которыми сталкиваются

инвалиды, сегодня существует ряд специфических проблем, актуальных для данного возраста. Среди рисков, с которыми сталкиваются дети с ОВЗ в условиях пандемии, можно указать риски ухудшения морального состояния, поведенческие риски, риски сокращения социального взаимодействия и уменьшения физических нагрузок, недоступности качественного образования в условиях домашнего обучения, прерванного медицинского лечения [45].

Доступ детей-инвалидов к качественному образованию является серьезной проблемой даже вне ситуации распространения коронавирусной инфекции. Закрывание же школ или переход к дистанционным формам преподавания, подчас усугубляет разрыв в обучении [46]. Резкий переход от традиционных к дистанционным формам является причиной не только ухудшения психического, но и физического здоровья [47]. Возникают проблемы, вызванные остеохондрозом и снижением зрения [15. С. 16]. Единственным источником, рассматривающим переход к дистанционной форме обучения как «катализатор к повышению эффективности обучения детей с ОВЗ», является статья Л.Н. Орищенко. Среди несомненных плюсов дистанционного образования автор выделяет «самостоятельность, свободу выбора места обучения, гарантированную сосредоточенность, рост заинтересованности и социальную ориентацию дистантных форм обучения» [48].

Среди специфических проблем детей в условиях пандемии отмечают: ограничение социальных стимулов по причине невозможности многих детей общаться вне дома, что серьезно сказывается на их развитии [49]; ограничение возможностей родителей обеспечить должный уход и воспитание детей, а также все необходимые условия для развития во время пандемии COVID-19 [50]. Отдельное внимание исследователи уделяют родителям детей с инвалидностью. Воспитание ребенка с ограниченными возможностями здоровья создает значительную социальную, финансовую и психологическую нагрузку. Являясь единственными постоянными опекунами, в условиях пандемии родители испытывают огромный психологический и физиологический стресс [51].

В целом эмпирические исследования подчеркивают, что физическое, психическое и социальное благополучие детей с особыми потребностями находится под угрозой в период пандемии.

Повышенные риски сопровождают пожилое население, что же касается проблем пожилых людей с инвалидностью, то двойные маркеры социальной уязвимости пропорционально увеличивают риски жизнедеятельности в период COVID-19. Европейская ассоциация по защите прав пожилых людей (Age Platform) призывает участников обратить внимание на сложности пожилых людей и меры реагирования в этих условиях.

Выводы:

1. Распространение инфекции COVID-19 выявило неравенство различных социальных групп общества в условиях пандемии. Продолжительный характер пандемии и интенсивность социальных потрясений, с которыми мы столкнулись на данном этапе, позволя-

ют спрогнозировать дальнейшее усиление неравенства различных групп населения, в том числе и инвалидов, в последствиях самоизоляции. Социально уязвимые и обездоленные слои населения несут более высокие риски в отношении здоровья и социального благополучия в период пандемии.

2. Анализ англоязычной и русскоязычной литературы позволяет говорить об актуальности исследований угроз и социальных последствий COVID-19. Однако акцент на диспропорции и специфике угроз и последствиях пандемии, а также ответных мерах на нее для социально уязвимых групп населения скорее характерен для англоязычных источников. Англоязычные базы данных содержат больший массив научной литературы, посвященной проблемам лиц с инвалидностью в данный период (60 периодических статей). Анализ русскоязычной литературы показал, что на сегодняшний день в открытом доступе находится крайне малое количество материалов (9 статей), рассматривающих именно положение лиц с инвалидностью в данный период, даже несмотря на крайнюю степень актуальности указанной проблемы. Расширение спектра социальных исследований, направленных на

анализ положения инвалидов и отдельных их категорий в России в период распространения инфекции, позволит не только углубить социальные исследования положения социально уязвимых групп населения в данный период, преодолеть гегемонию психолого-педагогического подхода к исследованию специфики положения инвалидов в обществе, существующую в России, но и предоставит возможности совершенствования практики работы с данной категорией населения.

3. Тематический анализ научных работ, соответствующих проблематике, позволил выделить основной диапазон угроз/проблем инвалидов в период пандемии: угрозы, связанные с доступностью и качеством медицинских услуг, невозможностью соблюдения профилактических мероприятий, ухудшением психического здоровья; социально-экономические риски; угрозы, связанные с наличием сложностей в сокращении или недоступности услуг и социальной поддержки, повышенными рисками заражения в условиях сегрегированного проживания, низким уровнем доступности среды и информации, ростом насилия и трансформацией «норм» в отношении лиц с инвалидностью.

ЛИТЕРАТУРА

- Gibson A., Walsh J., Brown L.M. Disaster mental health services review of care for older persons after disasters // *Disaster Med Public Health Prep.* 2018. Vol. 12, № 3. P. 366–372.
- Reinhardt J., Fu B., Balukudembe J. Healthcare challenges after disasters in lesser developed countries // *Oxford Research Encyclopedia of Natural Hazard Science.* Oxford : Oxford University Press, 2019.
- COVID-19 Outbreak and Persons with Disabilities. URL: <https://www.un.org/development/desa/disabilities/covid-19.html> (дата обращения: 01.10.2020).
- Vogel A.C., Schmid H., Loud S., McBurney R., Mateen F.J. Impact of the COVID-19 pandemic on the health care of >1,000 People living with multiple sclerosis: A cross-sectional study // *Multiple Sclerosis and Related Disorders.* 2020. Vol. 46. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S22111034820305873> (дата обращения: 01.10.2020).
- Puntillo F., Giglio M., Brienza N., Viswanath O., Varrassi G. Impact of COVID-19 pandemic on chronic pain management: Looking for the best way to deliver care // *Best Practice & Research Clinical Anaesthesiology.* 2020. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1521689620300562> (дата обращения: 01.10.2020).
- Rosenbaum L. The untold toll—the pandemic's effects on patients without Covid-19 // *Medicine and society.* 2020. URL: <https://www.nejm.org/doi/10.1056/NEJMs2009984> (дата обращения: 01.10.2020).
- Boyle C.A., Fox M.H., Haverkamp S.M., Zubler J. The public health response to the COVID-19 pandemic for people with disabilities // *Disability and Health Journal.* 2020. Vol. 13. Is. 3. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/disability-and-health-journal/vol/13/issue/3> (дата обращения: 01.10.2020).
- Boldrini P., Garcea M., Bricchetto G., Reale N., Tonolo S., Falabella V., Kiekens C. Living with a disability during the pandemic «instant paper from the field» on rehabilitation answers to the COVID-19 emergency // *European Journal of Physical and Rehabilitation Medicine.* 2020. Vol. 56, № 3. P. 331–334.
- Шок Н.П. Ответственность науки и общество : может ли биоэтика повлиять на медицинскую практику? // *Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены.* 2020. № 2. С. 347–364.
- Palazzani L. The pandemic and the ethical dilemma of limited resources: who to treat? // *Bioethics Update.* 2020. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2395938X2030022X> (дата обращения: 01.10.2020).
- Bessaha M.L., Sabbath E., Morris Z.A., Malik S., Scheinfeld L., Saragossi J. A Systematic Review of Loneliness Interventions Among Non-elderly Adults // *Clinical Social Work Journal.* 2020. Vol. 48. P. 110–125.
- Gupta S., Tang C., Higgs P. Social isolation during Covid-19: Boon or bane to diabetes management // *Diabetes & Metabolic Syndrome: Clinical Research & Reviews.* 2020. Vol. 14, is. 4. P. 567–568.
- Armitage R., Nellums L.B. The COVID-19 response must be disability inclusive // *Lancet Public Health.* 2020. Vol. 5, is. 5. P. 257.
- Moreno C., Wykes T., Galderisi S., Nordentoft M., Crossley N., Jones N., Cannon M., Correll C.U., Byrne L., Carr S., Chen E.Y.H., Greenwood P., Johnson S., Kärkkäinen H., Krystal J.H., Lee J., Lieberman J., López-Jaramillo C., Männikkö M., Phillips M.R., Uchida H., Vieta E., Vita A., Arango C. How mental health care should change as a consequence of the COVID-19 pandemic // *The Lancet Psychiatry.* 2020. Vol. 7, is. 9. P. 813–824.
- Меренков А.В. Трансформация телесности студентов вузов в условиях самоизоляции // *Общество: социология, психология, педагогика.* 2020. № 7 (75). С. 14–17.
- Котлярова В.В., Киреева Л.Е. Виды страхов и саморегуляции поведения студенческой молодежи в ситуации вынужденной самоизоляции // *Общество: социология, психология, педагогика.* 2020. № 7 (75). С. 70–76.
- Ярлова Т.В. Социальные последствия пандемии новой коронавирусной инфекции в контексте качественного развития современного российского общества // *Евразийский союз ученых.* 2020. № 7 (76). С. 56–64.
- Zvolensky M.J., Garey L., Rogers A.H., Schmidt N.B., Vujanovic A.A., Storch E.A., Buckner J.D. Psychological, addictive, and health behavior implications of the COVID-19 pandemic // *Behaviour Research and Therapy.* 2020. Vol. 134. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0005796720301698> (дата обращения: 01.10.2020).
- Шматова Ю.Е. Влияние COVID-19 на психическое здоровье населения (как показатель человеческого капитала): опыт зарубежных исследований // *Проблемы развития территорий.* 2020. № 4 (108). С. 88–108.
- Жуйков А.А., Каспаров А.Р. Недостоверные сообщения об эпидемии коронавируса в пространстве интернет-коммуникации как фактор дестабилизации социальной обстановки // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология.* 2020. № 2 (259). С. 118–124.

21. Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G.J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // *Lancet*. 2020. Is. 395. P. 912–920.
22. Любов Е.Б., Зотов П.Б., Положий Б.С. Пандемии и суицид: идеальный шторм и момент истины // *Суицидология*. 2020. Т. 11, № 1 (38). С. 3–38.
23. Крахмалева О.Е., Кузьмина К.Н., Ермолова И.М. Дистантная медико-психологическая помощь в условиях вынужденной изоляции // *Омский психиатрический журнал*. 2020. № 2-1S (24). С. 11–15.
24. Емельянова Е.Н. Особенности психологической помощи в ситуации пандемии коронавируса // *Управление социально-экономическими системами: теория, методология, практика* : сб. статей VII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и Просвещение, 2020. С. 142–145.
25. Jean-Baptiste C.Og., Herring R.P., Beeson W.L., Santos H.D., Banta J. Stressful life events and social capital during the early phase of COVID-19 in the U.S // *Social Sciences & Humanities*. 2020. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3595140 (дата обращения: 01.10.2020).
26. Дудин М.Н., Лясников Н.В. Вероятные социальные и экономические последствия пандемии коронавируса COVID-19 // *Поиск : Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура*. 2020. № 2 (79). С. 60–71.
27. Friedman C., Puumbroutch L.V. The relationship between disability prejudice and disability employment rates // *Disability and Health Journal*. 2020. Vol. 12, is. 3. P. 359–365.
28. Wong S., McLafferty S.L., Planey A.M., Preston V. Disability, wages, and commuting in New York // *Journal of Transport Geography*. 2020. Vol. 87. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0966692320300582> (дата обращения: 01.10.2020).
29. Ahmed N. Can we perform like «super-cripples» during this challenging pandemic? Opportunities for disabled people working in academia // *Alter*. 2020. Vol. 14, is. 3. P. 247–248.
30. Disability considerations during the COVID-19 outbreak. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/documents/disability/covid-19-disability-briefing.pdf> (дата обращения: 01.10.2020).
31. 9 in 10 people living with a rare disease experiencing interruption in care because of COVID-19 EURORDIS Press Release. 2020. URL: https://download2.eurordis.org/documents/pdf/PressRelease_COVID19_surveyresults.pdf (дата обращения: 01.10.2020).
32. Говорова Н. COVID-19: помощь уязвимым группам населения // *Европейский союз : факты и комментарии*. 2020. № 100. С. 76–100.
33. Субботский Е.В. Самоизоляция и парадоксы сознания // *Психологическая газета: профессиональное интернет-издание*. 2020. URL: <https://psy.su/feed/8270/> (дата обращения: 28.06.2020).
34. Goldman P.S., van Ijzendoorn M.H., Sonuga-Barke E.J.S. The implications of COVID-19 for the care of children living in residential institutions // *The Lancet Child & Adolescent Health*. 2020. Vol. 4, is. 6. P. 12.
35. Landes S.D., Turk M.A., Formica M.K., McDonald K.E., Stevens J.D. COVID-19 outcomes among people with intellectual and developmental disability living in residential group homes in New York State // *Disability and Health Journal*. 2020. Vol. 13, is. 4. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S193665742030100X?via%3Dihub> (дата обращения: 01.10.2020).
36. Mills W.R., Sender S., Lichtefeld J., Romano N., Reynolds K., Price M., Phipps J., White L., Howard S., Poltavski D., Barnes R. Supporting individuals with intellectual and developmental disability during the first 100 days of the COVID-19 outbreak in the USA // *Journal of Intellectual Disability Research*. 2020. Is. 64. P. 489–496.
37. Wang J., Yang W., Pan L., Ji J.S., Shen J., Zhao K., Ying B., Wang X., Zhang L., Wang L., Shi X. Prevention and control of COVID-19 in nursing homes, orphanages, and prisons // *Environmental Pollution*. 2020. Vol. 266. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0269749120327627> (дата обращения: 01.10.2020).
38. Fernández-Díaz E., Iglesias-Sánchez P.P., Jambrino-Maldonado C. Exploring WHO communication during the COVID 19 pandemic through the WHO website based on W3C guidelines: Accessible for all? // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Is. 17 (16). P. 1–17.
39. Kent K., Murray S., Penrose B., Auckland S., Visentin D., Godrich S., Lester E. Prevalence and socio-demographic predictors of food insecurity in Australia during the COVID-19 pandemic // *Nutrients*. 2020. Vol. 12, is. 9. P. 2682.
40. Юсупова А.А., Алексеева А.В. Актуальные проблемы в превенции семейного насилия в условиях самоизоляции // *Педагогика, психология, общество : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары : Среда*, 2020. С. 189–192.
41. Lakhani A. Which Melbourne metropolitan areas are vulnerable to COVID-19 based on age, disability, and access to health services? Using spatial analysis to identify service gaps and inform delivery // *Journal of Pain and Symptom Management*. 2020. Vol. 60, is. 1. P. 41–44.
42. Попов М.Ю., Самыгин П.С. К дискуссии об ограничении прав и свобод человека в условиях пандемии // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2020. № 4. С. 143–147.
43. Meythaler J.M. Proposed Chages to the Inpatient Services for the Disabled in the United States Post – Covid-19 // *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*. 2020. Vol. 101, is. 8. P. 1473–1474.
44. Clark H., Coll-Seck A.M., Banerjee A., Peterson S., Dalgligh S.L., Ameratunga S., Balabanova D., Bhan M.K., Bhutta Z.A., Borrazzo J., Claeson M., Doherty T., El-Jardali F., George A.S., Gichaga A., Gram L., Hipgrave D.B., Kwamie A., Meng Q., Mercer R., Narain S., Nsungwa-Sabiiti J., Olumide A.O., Osrin D., Powell-Jackson T., Rasanathan K., Rasul I., Reid P., Requejo J., Rohde S.S., Rollins N., Romedenne M., Sachdev H.S., Saleh R., Shawar Y.R., Shiffman J., Simon J., Sly P.D., Stenberg K., Tomlinson M., Ved R.R., Costello A. A future for the world's children? A WHO-UNICEF Lancet Commission // *Lancet*. 2020. Is. 395. P. 605–658.
45. Cacioppo M., Bouvier S., Bailly R., Houx L. ECHO Group Emerging health challenges for children with physical disabilities and their parents during the COVID-19 pandemic // *The ECHO French survey Annals of Physical and Rehabilitation Medicine*. 2020. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32818674/> (дата обращения: 01.10.2020).
46. Andrew A., Cattani S., Costa-Dias M., Farquharson C., Kraftman L., Krutikova S., Phimister A., Sevilla A. Learning during the lockdown: real-time data on children's experiences during home learning. 2020. URL: <https://www.ifs.org.uk/publications/14848> (дата обращения: 01.10.2020).
47. Криворотов С.К. Влияние дистанционного обучения на физическую активность студентов в период пандемии // *Казанский педагогический журнал*. 2020. № 4 (141). С. 173–177.
48. Орищенко Л.Н. Организация дистанционного обучения детей с ограниченными возможностями здоровья в начальной школе в период распространения новой коронавирусной инфекции // *Наука. Образование. Инновации* : сб. науч. трудов по материалам XX Междунар. науч.-практ. конф. Анапа : Изд-во «НИЦ ЭСП» в ЮФО, 2020. С. 10–16.
49. Orben A., Tomova L., Blakemore S-J. The effects of social deprivation on adolescent social development and mental health // *The Lancet Child & Adolescent Health*. 2020. Is. 4 (8). P. 634–640.
50. Karanikolos M., Mladovsky P., Cylus J., Thomson S., Basu S., Stuckler D., Mackenbach J.P., McKee M. Financial crisis, austerity, and health in Europe // *Lancet*. 2013. Is. 381 (9874). P. 1323–1331.
51. Ghafoor A., Hussain K.A., Sawal I. The urgency of mitigating the psychological impacts of COVID-19 lockdowns on parents of mentally disabled children // *Asian Journal of Psychiatry*. 2020. Vol. 53. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32891931> (дата обращения: 01.10.2020)

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 29 сентября 2021 г.

Impact of Coronavirus Infection Threats and Response Measures to Combat It on Disabled People as a Socially Vulnerable Category: A Thematic Literature Review

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 64–73.

DOI: 10.17223/15617793/472/8

Lyudmila S. Detochenko, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: maksimus6488@yandex.ru

Elena A. Agapova, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: eagapova@sfnedu.ru

Keywords: disabled people; pandemic; COVID-19; risks of socially vulnerable groups.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, Project No. 20-011-31769.

In December 2019, the world faced the COVID-19 pandemic, which caused a widespread social upheaval. The negative consequences of the infection and restrictions associated with it have particularly acutely affected socially vulnerable groups of the population, including the disabled. This article attempts a thematic analysis of scientific publications on the impact of the coronavirus infection and response measures to combat it on persons with disabilities. The empirical basis was the domestic and foreign literature in Russian and English from the scientific databases Scopus, ScienceDirect, Google Academy, E-library, as well as published in journals included in the list of peer-reviewed publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The analysis of English- and Russian-language literature suggests the relevance of research on the threats and social consequences of COVID-19. However, the emphasis on the disparity and specificity of the threats and consequences of the pandemic, and the response to it for socially vulnerable groups of the population is rather characteristic of English-language literature. English-language databases contain a larger body of scientific literature on the problems of persons with disabilities in this period. Based on the analysis of the databases, the main threats to persons with disabilities during the pandemic were identified (threats related to the availability and quality of medical services; the inability to comply with preventive measures; deterioration of mental health; socio-economic risks; threats associated with difficulties in reducing or unavailability of services and social support; increased risks of infection in segregated living conditions; the low level of accessibility of the environment and information; the increase in violence and the transformation of “norms” in relation to persons with disabilities). Scientific research is an important resource for reducing threats during the COVID-19 period and developing fundamentally new mechanisms for protecting the rights of persons with disabilities. Insufficient attention of domestic researchers to the situation of disabled people, lack of consideration of gender, age, and nosological characteristics of various categories of disabled people during the pandemic negatively affect the development of targeted support for the population. The thematic spectrum of research on the problems of persons with disabilities during the pandemic allows us to outline research directions in the Russian reality and use the knowledge gained in the development of practical recommendations for improving social policy in relation to persons with disabilities.

REFERENCES

1. Gibson, A., Walsh, J. & Brown, L.M. (2018) Disaster mental health services review of care for older persons after disasters. *Disaster Med Public Health Prep.* 12 (3). pp. 366–372.
2. Reinhardt, J., Fu, B. & Balikuddembe, J. (2019) Healthcare challenges after disasters in lesser developed countries. In: Cutter, S.L. (ed.) *Oxford Research Encyclopedia of Natural Hazard Science*. Oxford: Oxford University Press.
3. UN. (2020) *COVID-19 Outbreak and Persons with Disabilities*. [Online] Available from: <https://www.un.org/development/desa/disabilities/covid-19.html> (Accessed: 01.10.2020).
4. Vogel, A.C. et al. (2020) Impact of the COVID-19 pandemic on the health care of >1,000 People living with multiple sclerosis: A cross-sectional study. *Multiple Sclerosis and Related Disorders*. 46. [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2211034820305873> (Accessed: 01.10.2020).
5. Puntillo, F. et al. (2020) Impact of COVID-19 pandemic on chronic pain management: Looking for the best way to deliver care. *Best Practice & Research Clinical Anaesthesiology*. [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1521689620300562> (Accessed: 01.10.2020).
6. Rosenbaum, L. (2020) The untold toll—the pandemic’s effects on patients without Covid-19. *Medicine and Society*. [Online] Available from: <https://www.nejm.org/doi/10.1056/NEJMms2009984> (Accessed: 01.10.2020).
7. Boyle, C.A. et al. (2020) The public health response to the COVID-19 pandemic for people with disabilities. *Disability and Health Journal*. 13 (3). [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/journal/disability-and-health-journal/vol/13/issue/3> (Accessed: 01.10.2020).
8. Boldrini, P. et al. (2020) Living with a disability during the pandemic “instant paper from the field” on rehabilitation answers to the COVID-19 emergency. *European Journal of Physical and Rehabilitation Medicine*. 56 (3). pp. 331–334.
9. Shok, N.P. (2020) Responsible Science and Society: Can Bioethics Influence Clinical Practice? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2. pp. 347–364.
10. Palazzani, L. (2020) The pandemic and the ethical dilemma of limited resources: who to treat? *Bioethics Update*. [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2395938X2030022X> (Accessed: 01.10.2020).
11. Bessaha, M.L. et al. (2020) A Systematic Review of Loneliness Interventions Among Non-elderly Adults. *Clinical Social Work Journal*. 48. pp. 110–125.
12. Gupta, S., Tang, C. & Higgs, P. (2020) Social isolation during Covid-19: Boon or bane to diabetes management. *Diabetes & Metabolic Syndrome: Clinical Research & Reviews*. 14 (4). pp. 567–568.
13. Armitage, R. & Nellums, L.B. (2020) The COVID-19 response must be disability inclusive. *Lancet Public Health*. 5 (5). p. 257.
14. Moreno, C. et al. (2020) How mental health care should change as a consequence of the COVID-19 pandemic. *The Lancet Psychiatry*. 7 (9). pp. 813–824.
15. Merenkov, A.V. (2020) Transformation of the Corporality of University Students. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika – Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 7 (75). pp. 14–17. (In Russian).
16. Kotlyarova, V.V. & Kireeva, L.E. (2020) Types of Fears and Self-Regulation of Student Youth Behavior in a Situation of Forced Self-Isolation. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika – Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 7 (75). pp. 70–76.
17. Yarovova, T.V. (2020) Sotsial'nye posledstviya pandemii novoy koronavirusnoy infektsii v kontekste kachestvennogo razvitiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Social consequences of the pandemic of the new coronavirus infection in the context of the qualitative development of modern Russian society]. *Evrasiyskiy soyuz uchenykh*. 7 (76). pp. 56–64.
18. Zvolensky, M.J. et al. (2020) Psychological, addictive, and health behavior implications of the COVID-19 pandemic. *Behaviour Research and Therapy*. 134. [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0005796720301698> (Accessed: 01.10.2020).

19. Shmatova, Yu.E. (2020) Impact of COVID-19 on Mental Health of Population (as an Indicator of Human Potential): Experience of Foreign Studies. *Problemy razvitiya territoriy – Problems of Territory's Development*. 4 (108). pp. 88–108. (In Russian). DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.6
20. Zhuykov, A.A. & Kasparov, A.R. (2020) Unreliable Reports of Coronavirus Epidemic in Internet Communication Space as a Factor of Social Destabilization. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filozofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya – Bulletin of the Adyge State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies*. 2 (259). pp. 118–124. (In Russian).
21. Brooks, S.K. et al. (2020) The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. *Lancet*. 395. pp. 912–920.
22. Lyubov, E.B., Zotov, P.B. & Polozhiy, B.S. (2020) Pandemics and Suicide: A Perfect Storm and a Moment of Truth. *Suitsidologiya – Suicidology*. 11:1 (38). pp. 3–38.
23. Krakhmaleva, O.E., Kuz'mina, K.N. & Ermolova, I.M. (2020) Distant Medical and Psychological Assistance. *Omskiy psikiatricheskii zhurnal*. 2-1S (24). pp. 11–15.
24. Emel'yanova, E.N. (2020) [Features of psychological assistance in the situation of the coronavirus pandemic]. *Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskimi sistemami: teoriya, metodologiya, praktika* [Management of socio-economic systems: theory, methodology, practice]. Proceedings of the VII International Conference. Penza: Nauka i Prosveshchenie. pp. 142–145. (In Russian).
25. Jean-Baptiste, C.Og. et al. (2020) Stressful life events and social capital during the early phase of COVID-19 in the U.S. *Social Sciences & Humanities*. [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3595140 (Accessed: 01.10.2020).
26. Dudin, M.N. & Lysanikov, N.V. (2020) The Likely Social and Economic Consequences of the Coronavirus Pandemic Covid19. *Poisk: Politika. Obshchestvovedenie. Iskustvo. Sotsiologiya. Kul'tura*. 2 (79). pp. 60–71. (In Russian).
27. Friedman, C. & Puymbrouck, L.V. (2020) The relationship between disability prejudice and disability employment rates. *Disability and Health Journal*. 12 (3). pp. 359–365.
28. Wong, S. et al. (2020) Disability, wages, and commuting in New York. *Journal of Transport Geography*. 87. [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0966692320300582> (Accessed: 01.10.2020).
29. Ahmed, N. (2020) Can we perform like “super – cripples” during this challenging pandemic? Opportunities for disabled people working in academia. *Alter*. 14 (3). pp. 247–248.
30. WHO. (2020) *Disability considerations during the COVID-19 outbreak*. [Online] Available from: <https://www.who.int/docs/default-source/documents/disability/covid-19-disability-briefing.pdf> (Accessed: 01.10.2020).
31. EURORDIS. (2020) *9 in 10 people living with a rare disease experiencing interruption in care because of COVID-19*. EURORDIS Press Release. [Online] Available from: https://download2.eurordis.org/documents/pdf/PressRelease_COVID19surveyresults.pdf (Accessed: 01.10.2020).
32. Govorova, N. (2020) COVID-19: pomoshch' uyazvimym gruppam naseleniya [COVID-19: assistance to vulnerable groups of the population]. *Evropeyskiy soyuz: fakty i kommentarii*. 100. pp. 76–100.
33. Subbotskiy, E.V. (2020) Samoizolyatsiya i paradoksy soznaniya [Self-isolation and paradoxes of consciousness]. *Psikhologicheskaya gazeta*. [Online] Available from: <https://psy.su/feed/8270/> (Accessed: 28.06.2020).
34. Goldman, P.S., van Ijzendoorn, M.H. & Sonuga-Barke, E.J.S. (2020) The implications of COVID-19 for the care of children living in residential institutions. *The Lancet Child & Adolescent Health*. 4 (6). p. 12.
35. Landes, S.D. (2020) COVID-19 outcomes among people with intellectual and developmental disability living in residential group homes in New York State. *Disability and Health Journal*. 13 (4). [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S193665742030100X?via%3Dihub> (Accessed: 01.10.2020).
36. Mills, W.R. et al. (2020) Supporting individuals with intellectual and developmental disability during the first 100 days of the COVID-19 outbreak in the USA. *Journal of Intellectual Disability Research*. 64. pp. 489–496.
37. Wang, J. et al. (2020) Prevention and control of COVID-19 in nursing homes, orphanages, and prisons. *Environmental Pollution*. 266. [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0269749120327627> (Accessed: 01.10.2020).
38. Fernández-Díaz, E., Iglesias-Sánchez, P.P. & Jambrino-Maldonado, C. (2020) Exploring WHO communication during the COVID 19 pandemic through the WHO website based on W3C guidelines: Accessible for all? *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 17 (16). pp. 1–17.
39. Kent, K. et al. (2020) Prevalence and socio-demographic predictors of food insecurity in Australia during the COVID-19 pandemic. *Nutrients*. 12 (9). p. 2682.
40. Yusupova, A.A. & Alekseeva, A.V. (2020) [Topical issues in the prevention of family violence in conditions of self-isolation]. *Pedagogika, psikhologiya, obshchestvo* [Pedagogy, psychology, society]. Conference Proceedings. Cheboksary: Sreda. pp. 189–192. (In Russian).
41. Lakhani, A. (2020) Which Melbourne metropolitan areas are vulnerable to COVID-19 based on age, disability, and access to health services? Using spatial analysis to identify service gaps and inform delivery. *Journal of Pain and Symptom Management*. 60 (1). pp. 41–44.
42. Popov, M.Yu. & Samygin, P.S. (2020) To the Discussion on the Restriction of Human Rights and Freedoms in the Context of a Pandemic. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 4. pp. 143–147. (In Russian).
43. Meythaler, J.M. (2020) Proposed Changes to the Inpatient Services for the Disabled in the United States Post – Covid-19. *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*. 101 (8). pp. 1473–1474.
44. Clark, H. et al. (2020) A future for the world's children? A WHO-UNICEF Lancet Commission. *Lancet*. 395. pp. 605–658.
45. Cacioppo, M. et al. (2020) ECHO Group Emerging health challenges for children with physical disabilities and their parents during the COVID-19 pandemic. *The ECHO French Survey Annals of Physical and Rehabilitation Medicine*. [Online] Available from: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32818674/> (Accessed: 01.10.2020).
46. Andrew, A. et al. (2020) *Learning during the lockdown: real-time data on children's experiences during home learning*. [Online] Available from: <https://www.ifs.org.uk/publications/14848> (Accessed: 01.10.2020).
47. Krivorotov, S.K. (2020) Impact of Distance Learning on Student Physical Activity During the 2020 Pandemic. *Kazanskiy pedagogicheskii zhurnal – Kazan Pedagogical Journal*. 4 (141). pp. 173–177.
48. Orishchenko, L.N. (2020) [Organization of distance learning for children with disabilities in elementary school during the spread of a new coronavirus infection]. *Nauka. Obrazovanie. Innovatsii* [Nauka. Education. Innovations]. Proceedings of the 20th International Conference. Anapa: Izd-vo “NITs ESP” v YuFO. pp. 10–16. (In Russian).
49. Orben, A., Tomova, L. & Blakemore, S.-J. (2020) The effects of social deprivation on adolescent social development and mental health. *The Lancet Child & Adolescent Health*. 4 (8). pp. 634–640.
50. Karanikolos, M. et al. (2013) Financial crisis, austerity, and health in Europe. *Lancet*. 381 (9874). pp. 1323–1331.
51. Ghaffoor, A., Hussain, K.A. & Sawal, I. (2020) The urgency of mitigating the psychological impacts of COVID-19 lockdowns on parents of mentally disabled children. *Asian Journal of Psychiatry*. 53. [Online] Available from: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32891931> (Accessed: 01.10.2020).

Received: 29 September 2021

А.Г. Савойский

СИСТЕМНОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ (НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РФ И США)

Освещены российско-американские отношения в период президентства Владимира Путина и Джоозефа Байдена. Представлен сравнительный анализ отдельных аспектов стратегий национальной безопасности РФ и США. Отмечен продолжающийся кризис дипломатии между Россией и США. Экономическая дипломатия в ее системном развитии представлена как способ решения накопившихся проблем в двусторонних отношениях на основе политической воли.

Ключевые слова: дорожная карта; Путин и Байден; Россия–США; Стратегия национальной безопасности – 2021; экономическая дипломатия

Основные аспекты концепции экономической дипломатии

Слово «аспект» происходит от латинского *aspectus* и означает «внешний вид, облик» [1. С. 47]. С научной точки зрения экономическая дипломатия представляет собой интерес в качестве предмета политических наук, как их неотъемлемая составная часть и специальный термин, как феномен или явление международной жизни [2. С. 54–66], элемент эволюции и возможная перспектива ее развития.

В мировой истории прошло немало столетий, прежде чем экономическая дипломатия превратилась в приоритетный вид политики, самостоятельную область теории и практики международных отношений. Со временем экономическая дипломатия сама приобрела теоретическую и практическую форму, перешла в научную теорию [3. С. 46–57], и это стало ее сутью на современном этапе.

Эволюционируя в прохождении через множество этапов, экономическая дипломатия получила мощный толчок развития в теории и на практике в последней четверти XX в. [4. С. 47–48]. Это была эпоха холодной войны и жесткого противостояния СССР и США. Современный период характеризуется новой реальностью к переходу на VI экономический уклад с иным миропорядком, в условиях мировых кризисов, укрепления санкционного режима, роста американского протекционизма и влияния коронавирусной пандемии [5].

До сих пор отечественные и зарубежные ученые рассматривали экономическую дипломатию согласно поставленным целям и ее конкретным аспектам. В начале третьего десятилетия XXI в. определился ряд концептуальных направлений в исследованиях по экономической дипломатии: I – это публикации по экономической дипломатии международных организаций, отдельных государств и групп стран в условиях глобализации (Л.Д. Градобитова, Т.В. Зонова, Л.М. Капица, А.А. Лапин, А.Е. Лихачев, Э.Е. Обминский, И.А. Орнатский, Ю.В. Пискулов, В.И. Попов, Р.О. Райнхардт, О. Трофимова и А. Щедрин, Р.И. Хасбулатов, Б.И. Шевченко и др.); II – научные работы по экономической дипломатии в развитии торгово-экономических связей и внешнеэкономической деятельности между Россией и США, о дипломатическом сопровождении отечественного бизнеса за границей и отдельных видах экономической диплома-

тии (академик С.М. Рогов; Е.М. Астахов, Д.С. Булатов, Р.И. Зименков и В.Г. Курьеров, С.З. Жизнин, М.А. Портной, В.Б. Супян и др.); III – исследовательские труды по экономической дипломатии и отношениям России с США в условиях политического кризиса, силовой политики и санкционного режима (академик Е.М. Примаков; М.В. Братерский, В.Н. Гарбузов, Э.А. Иванян, Т.М. Исаченко, В.А. Кременюк, Т.А. Шаклеина, Н.А. Школяр); IV – о влиянии экономической дипломатии на развитие внутренней экономики и ее интеграцию в мировую экономическую систему (академик И.Д. Иванов, посол М.А. Конаровский, экономист В.Д. Щетинин; зарубежные исследователи: А. Касымов и Б. Гиясов, А. Магеррамов, Г. Рустамбеков и др.); V – публикации о научно-институциональных основах экономической дипломатии современной России (А.Н. Барковский, И.А. Троян и др.); VI – труды об экономической дипломатии в развитии современных международных отношений (академик А.В. Торкунов; Л.М. Батулин, И.С. Иванов, О.В. Иванов, А.В. Малгин, А.А. Нарышкин и др.); VII – публикации по современной теории, системности и цикличности экономической дипломатии на примере отношений России (Российская империя, СССР, РФ) и США (Ю.Д. Быстрова, А.Г. Савойский, А.В. Фененко, С.А. Чернов); VIII – научные труды об использовании в экономической дипломатии аналитики, правовой базы, организационных и практических методов, прогнозирования и моделирования (П. Баранай, И.Р. Мавланов, А.И. Подберезкин, А.Г. Савойский, А. Цыганков и др.); IX – публикации по теории экономической дипломатии на микро- и макроуровне, о мировых рынках, об экономической кооперативности в мирополитическом взаимодействии (С.А. Афонцев, Д.А. Дегтерев, А.Н. Захаров, Г. Каррон де ла Каррьер и др.); X – исследования по военной дипломатии в обеспечении стратегической безопасности СССР/ России на международной арене (академики А.Г. Арбатов, В.Г. Барановский, А.А. Дынкин, А.А. Кокошин; политологи В.И. Батюк, Ф.Г. Войтовский, А.И. Подберезкин, В.О. Печатнов и др.). При этом следует отметить, что современные исследователи Запада нередко сводят экономическую дипломатию, в частности, к товарообороту, монетарной политике и принятию политических решений (П. ван Бержейк, Н. Бэйн и С. Вулкок, М. Вайс, А. Плащин-

ский, Р. Санер и Л. Йю, С. Хансон, Ф. Хартман и Р. Вендзель).

Весьма важно, чтобы научное сообщество восприняло как аксиому тот факт, что торговая или коммерческая дипломатия является лишь одним из видов экономической дипломатии (наряду с другими), а дипломатия доллара как мировой валюты стремительно теряет свои былые позиции, поскольку инвестирование в экономику США сократилось за последние годы более чем на 40% [6], и что принятие политических решений по экономической дипломатии непременно должно находиться в области ее теории и практики.

Экономическая дипломатия в российско-американских отношениях

На протяжении последних десятилетий интерес мировой общественности прикован к России и США как основному маркеру международной жизни и индикатору развития глобальной цивилизации [7. С. 275–291]. Торгово-экономические отношения между РФ и США за последние 20 лет (более 700 американских компаний и 7 американских банков на территории России; многомиллиардные закупки Министерством финансов РФ государственных облигаций США) шли параллельно с их кризисными отношениями в политике [8. С. 20]. Теперь эти отношения переживают сильнейший политико-экономический кризис, сопровождаемый бесконечными санкциями и вспышками дипломатической войны (выдача виз для дипломатов и членов семьи, высылка работников дипкорпуса, невозврат захваченной дипломатической собственности).

Похоже, самое «дно» и «точка замерзания» в развитии российско-американских отношений, как и «охота на ведьм» в США (неопознанные хакеры, совершившие якобы кибератаки на государственные и партийные структуры), остались позади. О русских хакерах вспоминают теперь в Америке лишь в редких случаях. Однако в двусторонних отношениях остаются нерешенными проблемы в арктической, валютно-финансовой, дипломатической и энергетической дипломатии; вновь назрел культурно-цивилизационный и идеологический кризис. Если раньше США упрекали страну в социализме с иной идеологией, то теперь – в авторитаризме, нарушении принципов демократии, ревизионизме и отсутствии доверия.

Инициатором ухудшения сотрудничества со 2-й половины 2012 г. стала американская сторона. Президент РФ Владимир Путин сразу же отреагировал и призвал к повышению качества экономической дипломатии в политике и внешнеэкономической деятельности [9]. Вторая администрация американского президента Барака Обамы и президент Дональд Трамп не улучшили политическое взаимодействие США с Россией, а значительно его усложнили. Американский президент Байден успел продлить в начале 2021 г. Договор по СНВ-3, инициировать и провести Женевский саммит со своим визави Путиным, увеличить к встрече в верхах сырьевой импорт из России в 1,5 раза или на 150% по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. И это на фоне роста инфляции, внутренних и мировых цен [10].

После Женевского саммита 2021 г. риторика официального Вашингтона несколько смягчилась в сторону Кремля. Из недавнего противника Россия (как и Китай) перешла в статус «соперника» Соединенных Штатов. По мнению американского президента Байдена, Америке и России необходимо сотрудничать, особенно в борьбе с изменением климата [11]. К середине декабря этого года президенты двух мировых держав договорились «сверить часы» по намеченной дорожной карте: запуск диалога по стратегической стабильности и контролю над вооружениями, начало консультаций по кибербезопасности и обмену заключенными, совместное решение дипломатических проблем и прочее. Однако августовское 2021 г. интервью посла РФ в Вашингтоне Анатолия Антонова свидетельствует о сохранении конфронтационного характера в российско-американских отношениях. Вопреки общему пониманию проблем, достигнутому на Женевском саммите, кризис дипломатии между РФ и США продолжается [12].

Похоже, США и Россия превратились ныне в неких зависимых антиподов для уравнивания мировой экономики в пользу Америки в деградирующем миропорядке западного образца. Создавать для России комфортный миропорядок в ближайшие годы и выбираться из политико-экономического хаоса американской (англо-саксонской) системы – дело чести ее политической элиты. Альтернатива параллельного развития западной и восточной систем международных отношений, как и аналогичных цивилизаций (в мировой истории это уже случалось), в перспективе возможна.

Современные реалии международной жизни диктуют новые требования к позитивному выстраиванию официальных отношений России с США и другими государствами. Новые тренды международных процессов находятся за пределами таких существующих сфер взаимодействия, как борьба с международным терроризмом, сокращение ядерных потенциалов, неиспользование ядерного оружия, борьба с наркотрафиком. Ныне действующий посол США в Москве Джон Салливан, вручая верительные грамоты президенту РФ В.В. Путину 5 февраля 2020 г., озвучил свою приоритетную задачу: исправлять сложившуюся ситуацию в российско-американских отношениях без промедления. Он назвал работу по улучшению отношений между США и РФ «абсолютной необходимостью» [13] и по-прежнему выступает за диалог с Россией.

Потенциал РФ и США в торговой дипломатии, как и в авиационной, арктической, атомной, валютной, военной, инвестиционной, космической, медицинской, продовольственной, промышленной, сельскохозяйственной, цифровой, экологической, энергетической и других видах, не использован обеими странами до конца и отрицательно сказывается на экономическом развитии России.

РФ и США: Стратегии национальной безопасности – 2021

Главные направления и образ внешней политики России, ее государственный курс определяют осново-

полагающие, базовые в стране документы: действующая Конституция 1993 г. (с новыми поправками 2020 г.); Концепция внешней политики 2016 г.; обновленная в июле Стратегия национальной безопасности 2021 г. [14–16] и другие федеральные законы. Во втором разделе данной Стратегии «Россия в современном мире: тенденции и возможности» справедливо замечено, что современный мир переживает период трансформации, меняются структуры мирового порядка, формируются новые международные архитектуры, правила и принципы мироустройства. Среди многочисленных тенденций развития системы международных отношений особо выделяется «увеличение количества центров мирового экономического и политического развития... стремление стран Запада сохранить свою гегемонию, кризис современных моделей и инструментов экономического развития... ослабление влияния международных институтов и снижение эффективности системы глобальной безопасности». Однако далее следует совершенно неконкретное положение о том, что «внешняя политика России должна способствовать (только не сказано, каким образом и за счёт каких механизмов? – С.А.Г.) повышению устойчивости системы международных отношений» при нарастающей геополитической напряженности. Ставка при этом делается на такие возможности, как опора на международное право (однако прежние договоренности с США больше не действуют), на принципы равной, неделимой и всеобщей безопасности (которые не соблюдаются, особенно в регионах военных конфликтов), «на углубление многостороннего взаимодействия без разделительных линий и блоковых подходов в целях совместного решения глобальных и региональных проблем при центральной координирующей роли Организации Объединенных Наций (ООН) и ее Совета Безопасности» [16].

Подобные подходы к внешней политике России устарели как минимум лет на 10 и показали свою несостоятельность для совместного решения глобальных проблем, а научно-философская категория «должно» не дает конкретных предложений для решения назревших проблем, и в этом заключается ее слабость. К тому же в мире давно существуют разделительные линии (Восток – Запад, Шенгенская зона Евросоюза, особая зона Британских островов, офшоры, свободные зоны экономического развития, безвизовые аэропорты), военные блоки (НАТО, ОДКБ) и даже «коллективный» Запад на всех обитаемых континентах планеты. В наши дни ООН, которой уже больше 75 лет, доживает свои последние годы, поскольку все в этом мире имеет начало и конец. ВТО охвачена глубоким структурным кризисом. Решения Международного суда и Совета безопасности ООН игнорируются рядом государств, включая США. МВФ давно не справляется с функцией основного финансового регулятора. Мировой порядок охвачен хаосом и наполнен правилами с двойными стандартами, не имеющими ничего общего с международным правом и прежними договоренностями стран мира. Именно этому посвящена недавняя статья министра иностранных дел России Сергея Лаврова «О праве, правах и правилах» [17. С. 1] в международных отноше-

ниях. Вполне вероятно, что выступление России «за укрепление универсальных международных институтов для снижения глобальной напряженности, сближения позиций и общей ответственности за будущее мира» останется на Западе незамеченным и потребует иных политических инициатив и действий в условиях сложившейся реальности.

По истечении трех десятилетий очевиден несомненный факт: отказ Запада (США, ЕС и НАТО) воспринимать Россию в качестве своего союзника и стратегического партнера. С 2014 г. к ним присоединились мировые державы «Группы семи». Экономический интерес к России по-прежнему связан на Западе с ее несметными природными богатствами и огромным рынком сбыта, а политические усилия мировых держав фокусируются на устранении ее конкуренции и лидерства, ослаблении влияния на другие страны.

Стратегия национальной безопасности США, обновленная администрацией Байдена в марте 2021 г., является промежуточным документом развития страны между планируемой к публикации в этом году и аналогичной стратегией декабря 2017 г., содержащей, помимо прочего, конкретный проект использования экономической дипломатии во внешней политике [18. С. 653–662]. Так, третий основной компонент ее контекста (PILLAR III) о «Сохранении мира силой» опирается на дипломатию, использование космического пространства и управление государством. Силовая геополитика США подразумевает укрепление индустриальной базы военно-оборонных и ядерных сил (как совершенствование военно-промышленного комплекса (ВПК) Соединенных Штатов); защиту киберпространства, развитие конкурентной дипломатии, искусственного интеллекта и институтов экономической дипломатии, а также информационное управление государством (явно имеются в виду транснациональные медийные корпорации США, в частности Google, Twitter, Facebook, YouTube, ведущие печатные СМИ). Продвижение (или лоббирование) американских интересов планируется и дальше осуществлять через экономическую политику, представленную в виде различных инструментов экономической дипломатии: модернизация финансовых экономических институтов, сохранение центральной роли Америки в международных финансовых структурах, влияющих на безопасность и процветание США; приумножение сообществ свободных экономических обменов (создание или расширение свободных экономических зон); защита бизнеса и протекционизм США от злоупотреблений незаконными субъектами (странами, не являющимися союзниками и партнерами); проведение различных выставок, ярмарок, форумов и рекламных кампаний.

Экономическая дипломатия в Стратегии национальной безопасности США нацелена на взаимную торговлю, инвестиции, обмен технологиями исключительно с партнерами и союзниками (Россия не входит в их число); на геополитическое соревнование по защите окружающей среды. Важной частью реализации данной стратегии и ответом на действия

противников США являются санкции и торговые войны, но более эффективным методом считается многостороннее экономическое и информационно-политическое давление. На повестке дня США стоит укрепление мира при помощи силы, обеспечение процветания Америки путем инвестиций, торговли и экспорта, защита национальных интересов и своего образа жизни. (Поясним, что именно подразумевается под «образом жизни» и является для американцев священным, не подлежащим обсуждению со стороны: их исключительность и мессианство, свободная продажа наркотиков и оружия, смертная казнь в ряде штатов; узаконенная коррупция в решении всех крупных вопросов на территории и за пределами США; ослабленная демократия внутри страны при отсутствии свободы слова с жестким подавлением оппозиции; экономический кризис, инфляция и истинная «демократия по-американски» на экспорт; отход от международного права в мировой политике; двойные стандарты, фейковые новости, сфальсифицированные президентские выборы-2020; продвижение силовой политики и мира на планете через гонку вооружений и приватизацию космоса; нетрадиционная ориентация части населения, отсутствие права каждого на медицину, часто незаконное содержание в тюрьмах, крушение исторических памятников, требование афроамериканцев о преклонении перед ними белых американцев за рабство предков в XVII–XIX вв. и т.д.). Продвижение экономических интересов предусматривает также информационное присутствие США во Всемирной паутине, социальных сетях интернета и управление мировой политикой на расстоянии.

Однако телефонные звонки, электронная переписка официальных лиц, участие в международных форумах и видеоконференциях, «прямые мосты», общение по скайпу, относящиеся теперь к «серой облачной дипломатии» [19], никогда не заменят традиционную дипломатию, ее основные приемы, средства и механизмы, организационные и практические методы экономической дипломатии, приносящие результаты.

Судя по предварительной Стратегии национальной безопасности США 2021 г., администрация Байдена настроена на диалог с Россией и Китаем по современным военным технологиям, на возможное заключение новых договоров по контролю над вооружениями и по сокращению ядерного оружия. В этом тоже заключаются двойные стандарты американской геополитики, поскольку ядерное оружие имеют не только Россия, Китай и США, но и ряд других государств: Англия, Франция, Индия, Пакистан, Израиль, Северная Корея. США планируют использовать военную силу как крайнюю меру, выводя на передний план «дипломатию, развитие и искусство экономического управления» [20].

Заключение

Современная Россия (в теории и на практике) больше находится в зоне экономической политики и политической экономики, чем в сфере экономической дипломатии. Ее приоритет пока отдан влиянию отечественного и мирового бизнеса на политику страны и ее государственный курс, а также финансовому сектору экономики.

Кризис современной дипломатии как «вызов» конца старой эпохи новому времени требует своего «ответа». России предстоит сыграть в этом свою ведущую роль на мировой арене, выдвинуть политические инициативы о создании новой системы международных отношений и реального миропорядка, искусно продвинуть их реализацию совместными усилиями с дружественными государствами.

Международная жизнь, миропорядок, геополитика и мировая экономика на современном этапе находятся в поисках новой модели системы международных отношений и новых механизмов согласованного взаимодействия стран мира. *Альтернативой либеральному мировому порядку и деградации российско-американских отношений вполне могла бы стать миролюбивая экономическая дипломатия на основе международного права, паритета отношений и взаимного уважения к национальным интересам.*

Экономическая дипломатия, как приоритетный вид политики, государственный курс и внешнеэкономическая деятельность профессиональных кадров и бизнеса, не приемлет длительных санкций и силового, военно-политического давления. Она в большой степени зависит от политической воли тех, кто определяет и осуществляет государственный курс, контролирует внешнеэкономическую деятельность.

Потенциал России и США в различных видах экономической дипломатии не использован обеими странами до конца и отрицательно сказывается на экономическом развитии России. Основой развития российско-американских отношений является исключение силовой (военной и санкционной) политики, деловое и конструктивное сотрудничество в самых различных сферах; возврат к классической дипломатии (постоянный диалог, высокий профессионализм кадров, их соответствующее образование и опыт); неукоснительное соблюдение этики межгосударственных отношений, международного права и дипломатического иммунитета; запрет заниматься информационной пропагандой другого государства на своей территории; честная конкурентная политика внешнеэкономической деятельности и взаимовыгодное сотрудничество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.: ил.
2. Савойский А. Экономическая дипломатия как феномен международной жизни // Международная жизнь. 2013. № 1. С. 54–66.
3. Савойский А. Современная теория экономической дипломатии // Дипломатическая служба. 2015. № 4. С. 46–57.
4. Савойский А.Г. Экономическая дипломатия современной России в отношении США на международной арене. 2-е изд. Москва; Петербург: РИА-КМВ, 2011. 368 с.
5. Школяр Н. Экономическая дипломатия: между протекционизмом и свободной торговлей // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekonomicheskaya-diplomatiya-mezhdu-protetsionizmom-i-svobodnoy-torgovley/> (дата обращения: 08.10.2020).

6. Владимиров А. США пытаются развернуть историю вспять и не стать Вавилоном XXI века. URL: <http://russtrat.ru> (дата обращения: 13.08.2021).
7. Савойский А.Г. Итоги и моделирование российско-американских отношений как индикатора глобальной цивилизации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 275–291. doi: 10.17223/1998863X/60/27.
8. Савойский А. Взлет и падение российско-американских отношений. Обзор событий последних десятилетий до Женева // Международная жизнь. 2021. № 6. С. 14–21.
9. Путин: вступление России в ВТО требует повышения качества экономической дипломатии. 21.11.2012 // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2072362> (дата обращения: 10.08.2021).
10. Импорт США из России резко увеличился на фоне роста цен, сообщил РБК // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210730/import-1743535507.html> (дата обращения: 30.07.2021).
11. Байден назвал Россию и Китай соперниками США // Известия. URL: <https://iz.ru/1199148/2021-07-28/biden-nazval-rossiiu-i-kitai-sopernikami-ssha> (дата обращения: 28.07.2021).
12. «Американским коллегам пора перестать лукавить и возобновить диалог» // Эхо Москвы. URL: <https://echo.msk.ru/blog/echomsk/2881292-echo> (дата обращения: 03.08.2021).
13. Посол США в России озвучил свою приоритетную задачу. 08.02.2020 // Вести.Ru. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3237798> (дата обращения: 28.06.2021).
14. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.07.2021).
15. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации В.В. Путиным от 30 ноября 2016 г. № 640) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 30.11.2016).
16. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400) // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 02.07.2021).
17. Лавров С. О праве, правах и правилах // Коммерсантъ. № 109/П от 28.06.2021. С. 1. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4877702/> (дата обращения: 22.07.2021).
18. Стратегии национальной безопасности США / сост. Д.В. Кузнецов (на англ. яз.). Б. м. : Б. изд., 2018. 680 с. URL: http://kuznetsov.uscoz.org/books/strategii_nacionalnoj_bezopasnosti_ssha.pdf/
19. Панина Е. Кризис мировой дипломатии: почему перестала работать старая школа? URL: <https://zen.yandex.ru/media/russtrat/krisis-mirovoi-diplomatii-pochemu-perestala-rabotat-staraia-shkola-60fcfbf2563df22181180625> (дата обращения: 25.07.2021).
20. Новая стратегия национальной безопасности США – отказ от войн на фоне страха перед конкуренцией. URL: <http://politanalitika.ru/posts/2021/03/04/novaya-strategiya-nacionalnoj-bezopasnosti-ssha-otkaz-ot-vojn-na-fone-straha-pered-kokurenciej.html> (дата обращения: 04.03.2021).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 3 ноября 2021 г.

Systematic Development of Economic Diplomacy (On the Example of Relations Between the Russian Federation and the USA)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 74–79.

DOI: 10.17223/15617793/472/9

Alexander G. Savoytsky, Institute for Economic Strategies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: asavoytsky@gmail.com

Keywords: economic diplomacy; National Security Strategy-2021; Putin and Biden; “Road Map”; Russia–USA.

This article covers Russian-American relations during the presidency of Vladimir Putin and Joseph Biden. It seems that the worst (“bottom” and “freezing point”) in the development of bilateral relations, as well as the “witch hunt” in the United States (unidentified hackers who allegedly committed cyber attacks on state’s and party’s structures), was left behind. However, numerous (energy, monetary, diplomatic, cultural, and civilizational) crises have re-emerged between Russia and the United States. Only economic diplomacy and the political will of those who determine and implement the state course can solve them. Economic diplomacy presents today a certain interest and a scientific problem at the same time. The lack of a strictly scientific interpretation of economic diplomacy and the difference in the perception of its essence are explained by the different approaches of scientists to the goal-setting in the study. The most advanced direction in the methodology of political sciences was the epistemological and systematic approach to the description of economic diplomacy. This is largely facilitated by the study of economic diplomacy on the example of modern Russia and the United States – two world powers as centers of strength and influence, indicators of international life, and some kind of dependent antipodes in balancing economic policies in favor of America. The undeniable facts of our time show that trade or commercial diplomacy is only one type of economic diplomacy, among others; that the diplomacy of the dollar as a world currency is rapidly losing its former position in the attempts of the United States to launch the electronic world economy; that political decision-making on economic diplomacy must necessarily be in the realm of its theory and practice, and not in the field of economic policy and political economy (as the influence of domestic and world business on the country’s policy and its state course, as well as the politicization of international economic relations, respectively). International life, world order, geopolitics, and the world economy today are in the forming stage of a new system of international relations and other mechanisms of coordinated interaction between the countries of the world. The scientific hypothesis of the article is related to the statement that economic diplomacy is an alternative to the obsolete model of liberal capitalism (with its crises, sanctions, the excessively long stagnation of the world economy, the decline of national economies, regional conflicts, epidemics, the pandemic, and all the ensuing consequences) and that the parallel development of the Western and Eastern systems of international relations in the future is possible. The article provides a comparative analysis of certain aspects of the 2021 national security strategies of the Russian Federation and the USA. The concept of the modern theory of economic diplomacy on the basis of its systemic nature was outlined, which was the main research issue.

REFERENCES

1. Yartseva, V.N. (ed.) (1990) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
2. Savoytsky, A. (2013) Ekonomicheskaya diplomatiya kak fenomen mezhdunarodnoy zhizni [Economic diplomacy as a phenomenon of international life]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Affairs: Summary*. 1. pp. 54–66.
3. Savoytsky, A. (2015) Sovremennaya teoriya ekonomicheskoy diplomatii [Modern theory of economic diplomacy]. *Diplomaticheskaya sluzhba – Diplomatic service*. 4. pp. 46–57.

4. Savoykiy, A.G. (2011) *Ekonomicheskaya diplomatiya sovremennoy Rossii v otnoshenii SShA na mezhdunarodnoy arene* [Economic diplomacy of modern Russia in relation to the United States in the international arena]. 2nd ed. Moscow; Pyatigorsk: RIA-KMV.
5. Shkolyar, N. (n.d.) *Ekonomicheskaya diplomatiya: mezhd protseksionizmom i svobodnoy trgovley* [Economic diplomacy: Between Protectionism and Free Trade]. *RSMD* [RIAC]. [Online] Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekonomicheskaya-diplomatiya-mezhd-protseksionizmom-i-svobodnoy-torgovley/>. (Accessed: 08.10.2020).
6. Vladimirov, A. (2021) SShA pytayutsya razvernut' istoriyu vsyat' i ne stat' Vavilonom XXI veka [The USA is trying to reverse history and not become the Babylon of the 21st century]. *Russtrat*. [Online] Available from: <http://russtrat.ru>. (Accessed: 13.08.2021).
7. Savoykiy, A.G. (2021) Results and modeling of russian-american relations as an indicator of international life. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 60. pp. 275–291. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863Kh/60/27
8. Savoykiy, A. (2021) Vzlet i padenie rossiysko-amerikanskikh otnosheniy. Obzor sobytiy poslednikh desyatiletii do Zhenevy [The rise and fall of Russian-American relations. Overview of the events of the last decades before Geneva]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Affairs: Summary*. 6. pp. 14–21.
9. Kommersant". (2012) Putin: vstuplenie Rossii v VTO trebuat povysheniya kachestva ekonomicheskoy diplomatii [Putin: Russia's accession to the WTO requires improving the quality of economic diplomacy]. *Kommersant*". 21 November [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/2072362>. (Accessed: 10.08.2021).
10. RIA Novosti [RIA News]. (2021) *Import SShA iz Rossii rezko uvelichilsya na fone rosta tsen, soobshchil RBK* [US imports from Russia increased sharply amid rising prices, RBC reported]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20210730/import-1743535507.html>. (Accessed: 30.07.2021).
11. Izvestiya. (2021) *Bayden nazval Rossiyu i Kitay sopernikami SShA* [Biden called Russia and China rivals of the United States]. [Online] Available from: <https://iz.ru/1199148/2021-07-28/baiden-nazval-rossiiu-i-kitai-sopernikami-ssha>. (Accessed: 28.07.2021).
12. EchoMSK. (2021) *"Amerikanskim kollegam pora perestat' lukavit' i vozobnovit' dialog"* ["It's time for American colleagues to stop lying and resume dialogue"]. [Online] Available from: <https://echo.msk.ru/blog/echomsk/2881292-echo>. (Accessed: 03.08.2021).
13. Vesti.Ru. (2020) *Posol SShA v Rossii ozvuchil svoju prioritetnyuyu zadachu* [The US Ambassador to Russia announced his priority task]. [Online] Available from: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3237798>. (Accessed: 28.06.2021).
14. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (n.d.) *Constitution of the Russian Federation*. [Online] Available from: <http://www.pravo.gov.ru>. (Accessed: 05.07.2021). (In Russian).
15. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2016) *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii (utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii V.V. Putiny ot 30 noyabrya 2016 g. № 640)* [The concept of the foreign policy of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation V.V. Putin No. 640 of November 30, 2016)]. [Online] Available from: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248. (Accessed: 30.11.2016).
16. President of Russia. Official website. (2021) *Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii (utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 2 iyulya 2021 g. № 400)* [The National Security Strategy of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021)]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>. (Accessed: 02.07.2021).
17. Lavrov, S. (2021) O prave, pravakh i pravilakh [On law, rights and rules]. *Kommersant*". 109/P. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/4877702/>. (Accessed: 22.07.2021).
18. Kuznetsov, D.V. (ed.) (2018) *Strategii natsional'noy bezopasnosti SShA* [US National Security Strategies]. [s.l.]: [s.n.]. [Online] Available from: http://kuznetsov.ucoz.org/books/strategii_natsionalnoj_bezopasnosti_ssha.pdf/.
19. Panina, E. (2021) *Krizis mirovoy diplomatii: pochemu perestala rabotat' staraya shkola?* [The crisis of world diplomacy: why did the old school stop working?]. [Online] Available from: <https://zen.yandex.ru/media/russtrat/krizis-mirovoi-diplomatii-pochemu-perestala-rabotat-staraya-shkola-60fcfbf2563df22181180625>. (Accessed: 25.07.2021).
20. Politanalitika.ru. (2021) *Novaya strategiya natsional'noy bezopasnosti SShA – otkaz ot voyn na fone strakha pered konkurenciei* [The new US national security strategy is the rejection of wars against the background of fear of competition]. [Online] Available from: <http://politanalitika.ru/posts/2021/03/04/novaya-strategiya-natsionalnoj-bezopasnosti-ssha-otkaz-ot-vojn-na-fone-strakha-pered-kokurenciej.html> (Accessed: 04.03.2021).

Received: 03 November 2021

ИСТОРИЯ

УДК 94 (470) «1991...»

О.А. Глущенко

ОРГАНИЗАЦИЯ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1992–1995 гг.

Рассматривается процесс взаимодействия предпринимателей сферы торговли с предприятиями пищевой промышленности на этапе реформирования экономики 1992–1995 гг., обосновывается его важность в начале периода рыночных реформ. Описываются основные практики взаимодействия производителей и представителей торговли. Делается вывод о том, что изучаемые процессы переходного периода характерны для большинства субъектов экономики не только в региональном, но и федеральном масштабе.

Ключевые слова: переходная экономика; торговля; предпринимательство; рыночные реформы 1990-х гг.

С началом реформирования экономики в 1990-е гг. существенные изменения претерпели хозяйственные отношения. Либерализация цен и приватизация повлияли на создание новых субъектов экономики и трансформацию самих экономических отношений. Процесс формирования предпринимательского слоя в России, начатый еще в середине 1980-х гг., получил бурное развитие в реалиях становления рыночной экономики последнего десятилетия XX в.

Сфера торговли во время трансформации экономики претерпела существенные изменения, которые в итоге способствовали увеличению темпов ее развития. Ломка прежней торговой системы и построение новых рыночных отношений привели к возникновению множества новых вопросов, которые требуют комплексного изучения. Отмена монополии государства на торговлю и приватизация привели к созданию новых форм предпринимательства, которые представляют интерес для изучения как наиболее активные субъекты зарождающихся экономических отношений и частного предпринимательства.

Были упразднены государственные распределяющие органы, хозяйствующим субъектам предстояло самостоятельно налаживать торговые и экономические связи, чтобы встроиться в новые рыночные отношения. Предприниматели сферы розничной торговли, в свою очередь, ориентируясь на потребности населения, быстрее осваивались в новых рыночных условиях, торговые предприятия активнее реагировали на изменения спроса и предложения и не требовали больших затрат для создания и развития. Предполагается, что для организации работы зарождающейся торговой сети в регионе большое значение имело выстраивание партнерских отношений с предприятиями – производителями товаров народного потребления.

Исследователи с первых лет экономических реформ занимались прогнозированием, обоснованием и критикой процесса становления рынка. С 2000-х гг., после некоторого осмысления итогов прошлого десятилетия реформ, появилась возможность анализа поведения субъектов экономики в переходном периоде.

Больше значение уделяется изучению деятельности частного предпринимательства в условиях переходного периода. Л.Е. Бляхер, доктор философских

наук, подтвердил, что основной реакцией на реформы была минимизация легальности деятельности. Важное место в работе предпринимателей Л.Е. Бляхер уделяет социальной сети предпринимателя как инструмента приспособления.

Экономисты уделяют внимание проблеме неплатежей, так как он охватил все отрасли экономики и все регионы страны, оказал влияние на развитие экономики в 2000-х гг. Этим вопросом занимались А. Золотарева, Л. Ледерман, О. Луговой, Р. Энтов. А. Золотарева выделила основные причины и последствия возникновения неплатежей. Так же исследователь уделяет внимание системе неплатежей в региональном масштабе [1].

В исследованиях развития сферы торговли 1990-х гг. значительное внимание обещается на региональный аспект процесса. Формирование сферы торговли исследовали в Республике Карелия, Иркутской и Омской областях. Г.И. Ханин, Д.А. Фомин выделяют общие процессы в формировании и развитии новой торговой сферы в России, описывая ее перспективы [2. С. 85]. Кроме этого изучаются такие частные аспекты темы, как качество и культура торгового обслуживания, миссия предпринимателя в сфере торговли [3. С. 105].

Исследования доктора исторических наук Н.М. Дмитриенко дают представление о ходе экономических реформ в Томской области, показано положение и изменение социальной сферы в период реформ, дается краткая характеристика экономической жизни Томска [4].

Сложности в изучении данной темы возникают во множестве исследований из-за широкой теневой деятельности предприятий торговли в 1990-е гг. В виду этих факторов значительно искажаются показатели развития розничной торговли.

Для того чтобы понять, какие механизмы и практики лежат в основе формирующихся отношений в среде рынка между субъектами экономических отношений, возможно на примере предприятий Томской области проследить установление взаимодействия между производителем и продавцом на начальном периоде реформирования.

Процессы и проблемы рыночных преобразований характерны не только для отдельных регионов, но и

для всей России. Так, указы Правительства «О коммерциализации деятельности предприятий торговли в РСФСР» от 25 ноября 1991 г., «О свободе торговли» от 29 января 1992 г., «О дополнительных мерах по устранению недостатков в свободной торговле» от 31 августа 1992 г. распространялись на все регионы страны. Поэтому предприятия торговой сферы использовали похожие механизмы адаптации к складывающимся условиям.

В рамках реформирования экономики были изданы Указы Президента Б.Н. Ельцина от 2 января 1992 г. «О мерах по либерализации цен», от 29 января 1992 г. «О либерализации торговли» [5], спровоцировавшие обострение отношений между предприятиями и сферой торговли по целому ряду вопросов. Во время командной экономики торговая сеть оставалась слабо развитой, выступая только как средство распределения продукции. С началом активной фазы реформирования были упразднены государственные распределяющие органы, хозяйствующим субъектам предстояло самостоятельно налаживать торговые экономические связи. Выстраивание грамотных связей с предприятиями переработки было важной задачей для зарождающейся частной торговой сети.

После Указа «О мерах по либерализации цен» [6] томские заводы повысили оптовые цены для магазинов на производимую продукцию, что спровоцировало «вынужденный бойкот» покупателей. Поэтому магазины должны были возвращать скоропортящийся товар на заводы. В этих условиях заводы понижали цены на производимую продукцию, неся убытки. Например, одним из первых был вынужден понизить цены на продукцию Томский городской молочный завод (ТГМЗ). Например, цена на сметану была снижена с 50 до 25 руб./кг, завод понес убытки в 2 млн руб., но часть затрат смог покрыть [7. С. 3]. Цены на товары первой необходимости остались под контролем государства (хлеб, молоко, детское питание, спички), но порог регулируемых цен рос ввиду нарастающей инфляции [7. С. 2]. Заводы стали сокращать производство продукции, реализуемой по регулируемым ценам, ввиду невыгодности ее производства. Магазины также оставляли право на выбор реализуемого товара за собой, продавая более дорогой и ликвидный товар и сокращая заказ на скоропортящиеся продукты.

Таким образом, в начале переходного периода в связке «производитель–продавец» сложилась нездоровая ситуация, которая явилась первой реакцией на проводимые реформы и способствовала недовольству потребителей. Например, в Томске летом 1992 г. ТГМЗ отказался закупать молоко у сельхозпроизводителей, так как продукцию завода отказывались реализовывать магазины города из-за высоких оптовых цен. При всем этом в Томске наблюдался дефицит молока. 15 июня 23 молоковоза пикетировали здание областного Совета с требованием повлиять на торговую сеть [7. С. 3]. Данный пример ярко иллюстрирует слабость хозяйственных связей между предприятиями торговли и заводами, неуправляемость начального рынка, с малой долей эффективности.

По причине проблем с реализацией продукции через формирующуюся розничную торговую сеть города приобрела популярность практика открытия торговых точек силами предприятий пищевой промышленности. Открытие фирменных торговых точек происходило на территории заводов или на арендуемых площадях. С 1992 по 1995 г. в разное время свои магазины открыли: Шегарский маслозавод, Томская птицефабрика, Колпашевский хлебозавод, Томский хлебозавод № 4, АО «Томские мельницы». Открытие фирменных торговых точек помогало решить проблему не только реализации товара, но и способствовало снижению цены, исключив из торговой цепочки посредников, снижению издержек на транспортировку. Еще одной причиной открытия заводских магазинов являлась слабость городской торговой инфраструктуры. В недавно открывшихся магазинах возникали проблемы с недостатком торгового оборудования и помещений: не было складов для хранения товара, торговых холодильников. По этой причине в 1992 г. возникла проблема нехватки тары на ТГМЗ, так как магазины за неимением возможности отказывались принимать тару у населения [8. С. 2].

Кроме того, частные магазины в начале переходного периода вправе были самостоятельно устанавливать торговые надбавки, что сказывалось на скорости реализации товара. Например, конфеты Томской кондитерской фабрики стоили в разных магазинах по-разному, хотя отпускались с завода по единой цене [9. С. 2].

Такой механизм реализации продукции имел как плюсы, так и минусы: затраты на содержание магазина, расширение кадрового состава, решение проблем реализации товара уже с позиции продавца, нарастание криминогенной обстановки вынуждали предпринимателей в прошествии времени сокращать количество фирменных торговых точек. Кроме того, наметилась тенденция открытия торговых точек без каких-либо разрешений контролирующих органов, вследствие чего в городе ухудшилась санитарно-эпидемиологическая обстановка, участились случаи кишечных заболеваний. Подобная ситуация описывается и в других регионах России, чем стремительнее развивалась торговая сеть, тем сложнее было выявлять и пресекать нарушения [10. С. 69; 11. С. 68].

В первой половине 1990-х гг. обозначилась тенденция стихийного открытия продуктовых киосков в Томске, в том числе и от заводов. В 1993 г. контроль над киосками был передан на уровень районной власти. Контролировать быстро растущую торговую сеть было трудно. К 1994 г. в Томске насчитывалось примерно 300–500 киосков [12. С. 2]. Повсеместное распространение киосков создавало проблемы для крупных магазинов, так как в условиях конкуренции киоски занижали цены на товары, торговали дешевой некачественной алкогольной продукцией. Но такие торговые точки, как киоски, облагались налогом в размере около 500 тыс. руб., платили за аренду земли (6 тыс. руб. за 1 м²) в бюджет области, были полноправными участниками рыночных отношений, несмотря на противодействие власти и торговых конкурентов, снимали социальное напряжение (обеспечивали доступность продуктов, рабочие места). Строительство киосков было отражени-

ем «стихийности» новообразующегося рынка. С формированием четких рыночно-административных структур киоски постепенно исчезали с улиц города. Томичи называли самодельные киоски «монстрами» и «памятниками раннего рынка» [12. С. 2].

В условиях стихийного формирования торговой структуры Администрация Томской области приняла меры по контролю над сферой торговли, учреждались комиссии по контролю и анализу цен, было издано распоряжение о введении санитарных правил реализации продуктовых товаров. Но эти меры не имели сколько-нибудь ощутимого результата, так как контролеры не могли охватить стремительно разрастающуюся торговую сеть. Обязательную сертификацию должны были пройти магазины, торгующие винно-водочной продукцией, согласно Положению городского Совета и распоряжению главы томской администрации. Проверяли наличие лицензий органы внутренних дел, отдел развития потребительского рынка и инспекция по ценам администрации города. Кроме регламентации торговли, эти меры были направлены на пополнение городского бюджета, так как лицензия выдавалась после уплаты сбора [13. С. 1].

Тем не менее в Томске к 1995 г. было зарегистрировано 1 690 предприятий торговли, из них 1 472 магазина, официально зарегистрировано 218 киосков. В торговле, благодаря приватизации, на 1995 г. частная собственность составляла 70%. Среди предприятий торговли в Томске преобладали малые предприятия – до 15 человек [14. С. 3].

Процессу развития экономики препятствовал кризис неплатежей, который явно обозначился в Томской области к 1993 г. Причинами возникшего кризиса можно назвать жесткую монетарную политику правительства по ограничению денежной массы и постоянно растущую инфляцию, провоцируемую эмиссией в первой половине 1990-х гг. Описываемое явление было характерно для экономики регионов РФ. По данным экспресс-обследования, которое было проведено в октябре 1998 г. Иркутским областным комитетом статистики, развитие торговой деятельности сдерживалось из-за недостатка оборотных средств, это отметили 88% респондентов-предпринимателей [11. С. 65].

В первые годы реформирования экономики кризис неплатежей проявился через долги торговой сферы перед заводами. К концу 1993 г. предприятия торговли были должны: Томскому мясокомбинату – 379 млн руб., ТГМЗ – 247 млн руб., Томскому хлебозаводу № 4 – 262 млн руб. [15. С. 4]. Неплатежи торговой сферы предприятиям отражались в задолженности предприятий переработки перед АПК. Так, магазины были должны ТГМЗ около 300 млн руб., в свою очередь ТГМЗ был должен АПК около 500 млн руб. [16. С. 4] даже при низкой закупочной цене.

Из ситуации неплатежей торговой сферы в первой половине 1990-х гг. предприятия видели два выхода: открытие фирменной торговой сети или применение санкций к магазинам-должникам. Заводы начали сокращать или отменяли поставки в магазины-должники. Такой ситуацией, безусловно, было возмущено население города. Сокращение и отмена по-

ставок заводами оказывала давление на магазины, заключившие договор о муниципальном заказе с мэрией Томска. Суть муниципального заказа заключалась в предоставлении арендных и коммунальных льгот в случае сохранения магазином оговоренного ассортимента товаров народного потребления. Соблюсти договор было сложно в условиях «бойкота» заводов, так как в случае отказа переработчиков от поставок молока, магазины теряли торговый профиль – нарушали договор, за что к ним могли быть применены санкции со стороны городских властей. Вследствие жестких санкций со стороны заводов пищевой промышленности, магазины-должники начали возвращать долги предприятиям переработки. Региональные власти призывали руководство заводов пищевой промышленности отказаться от агрессивных методов ведения бизнеса, говорилось о том, что нужно на уровне закона проводить разбирательство и лишать должников их собственности, но признавалось, что это сложный и дорогостоящий процесс. Но и сам механизм бойкотирования сферы торговли вел к снижению объемов производства продукции, что в результате негативно влияло на предприятия переработки и на сельхозпроизводителей.

Неплатежи были вынужденной практикой, которую применяли предприятия и торговая сфера, за неимением возможности оплачивать долги. Такая мера серьезно мешала как развитию предприятий, так и экономике в целом. В сеть взаимных неплатежей оказались втянуты все отрасли экономики и государство, что стало огромной проблемой на втором этапе переходного периода.

Во второй половине 1990-х гг. произошло ужесточение налоговой политики, так как для финансовой стабилизации в стране требовалось сократить дефицит федерального бюджета. В условиях повышающихся налогов и кризиса неплатежей предприниматели видели выход в уклонении от уплаты налогов законными и противозаконными способами.

Уклонение от налогов было вызвано неспособностью предприятий совершать любые платежи, в том числе и налоговые. Правительством принимались меры по стабилизации экономики, сокращению темпов инфляции, эти действия влекли за собой сжатие денежной массы, недофинансирование, приводившие к неплатежеспособности предприятий.

Проблемы, возникающие в процессе переходного периода в экономике Томской области, характерны для всех регионов России. Это подтверждает реакция центральной власти и издание 31 августа 1992 г. постановления Правительства «О дополнительных мерах по устранению недостатков в организации свободной торговли» [17]. Постановление предусматривало координацию работы государственных органов, предприятий торговли и общественного питания в устранении недочетов организации торговли.

Укрепление налоговой политики для сферы продовольственной торговли выразилось во введении контрольно-кассовых машин (ККМ), с 1 марта 1994 г. был издан закон «О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением» [18]. Данная мера повышала эффективность кон-

троля налоговой полиции в торговле. Вплоть до 1998 г. в сфере торговли шли споры и протесты по поводу введения ККМ, так как цена и дефицит машин были высокие. Эта мера ограничивала возможности мошенничества и спекуляции в сфере розничной торговли.

С 1 января 1995 г. по причине неспособности выполнять долговые обязательства прекратил деятельность торговый дом «Горплодоовощторг» как объединение 37 овощных магазинов. По причине неплатежеспособности торгового дома сельхозпроизводители отказывались работать со всем объединением, вне зависимости от долгов отдельных магазинов.

Так как расчеты могли производиться быстрее, без посредников, магазинам выгодно было работать напрямую с поставщиками, ускорялся оборот продукции. Можно сделать вывод о том, что в условиях конкуренции подобные большие торговые дома, как «Горплодоовощторг», оказались менее мобильны и постепенно выпадали из структуры рынка как в Томской области, так и в других регионах. Например, в Республике Карелия на базе государственных торговых объединений в начале 1990-х гг. происходило формирование частных торгово-коммерческих фирм [10. С. 68]. Ввиду увеличивающейся конкуренции в торговле надбавки магазинов держались на уровне около 20–25%. В условиях формирующейся конкуренции магазины особое внимание уделяли торговле прибыльными товарами, такими как вино, лук, чеснок, бананы, апельсины [19. С. 3].

К середине 1990-х гг. были сформированы основные нормы розничной торговли, которыми нередко пренебрегали. Для того чтобы торговать продуктами питания на рынке, нужно было иметь сертификаты на всю продукцию, продавец должен пройти медосмотр, торговля разрешалась в специально отведенных местах. Кроме того, было разработано 19 документов, регламентирующих правила торговли [20. С. 2]. Но продавец чаще всего экономил на сертификации и выполнении правовых требований, это способствовало торговле некачественными товарами.

Итак, в ходе активной стадии либерализации экономики предприятия пищевой промышленности и рознич-

ной торговли оказались тесно связаны друг с другом, быстро и активно реагируя на экономические изменения.

Для сферы торговли важным этапом являлось выстраивание партнерских связей с предприятиями пищевой промышленности. Так как в первой половине 1990-х гг. только зарождалось становление частной торговой сферы, формирование отношений между торговлей и предприятиями происходило трудно. По причине сложно формирующихся отношений со сферой торговли, задолженности магазинов перед переработчиками, предприятия практиковали открытие фирменных торговых точек, бойкотирование – отказ от поставок товара в частную торговую сеть. В силу экономических обстоятельств на первом этапе реформирования рано говорить о прочно установившемся взаимодействии торговли с производителями. Но сфера торговли посредством либерализации получила импульс к развитию, увеличилось количество торговых точек. Было положено начало построению хозяйственных связей с предприятиями-поставщиками.

Постепенно происходило формирование торгового законодательства, но коммерсанты экономили на сертификации и пренебрегали исполнением правил торговли. Кроме того, в целях экономии ресурсов нередко были случаи уклонения предприятий торговли от налогов. Эти практики применялись только в кризисном положении и были нацелены на выживание предприятий в тяжелых условиях ограничения денежной массы и кризиса неплатежей.

Описанные процессы налаживания взаимодействия сферы торговли и предприятий пищевой промышленности в Томской области иллюстрируют картину, типичную для региональной экономики переходного периода. Механизмы взаимодействия, такие как неплатежи, открытие фирменных торговых точек, уклонение от налогов, являются универсальными для субъектов экономических отношений изучаемого периода. Процессы адаптации торговой сферы к рыночным отношениям проходили во многом по похожему сценарию для регионов России с некоторыми расхождениями во времени по причине различного регионального управления и экономической специфики регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Неплатежи в российской экономике и регионах / Золотарева А. [и др.]. М, 2001. 211 с.
2. Ханин Г.И., Фомин Д.А. Розничная торговля России: состояние и перспективы // Проблемы прогнозирования 2005. № 6. С. 84–103.
3. Салиев Ш.А. Качество и культура торгового обслуживания: эволюция подходов к определению научных понятий // Вестник РЭА. 2008. № 3. С. 104–108.
4. Дмитриенко Н.М. История Томска от основания до наших дней. Томск, 2004. 462 с.
5. О свободе торговли : указ Президента РФ от 29.01.1992 № 65 : (ред. от 16.05.1997) // СПС «КонсультантПлюс».
6. О мерах по либерализации цен : Указ Президента РСФСР от 03.12.1991 № 297 (ред. от 28.02.1995) // СПС «КонсультантПлюс».
7. И нечем прокормиться! // Красное знамя. 20.07.1992.
8. В Продолжение молочной темы // Красное знамя. 12.09.1992.
9. Несладкая жизнь «Конфетки» // Красное знамя. 18.06.1993.
10. Киселев А.А. Реформирование сферы торговли и общественного питания в Карелии (1991–1993 гг.) // Исторические науки и археология // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. № 5. С. 68–72.
11. Урожаева Т.П. Развитие торговли в городах Иркутской области в условиях переходной экономики (1990-е гг.) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2014. № 2. С. 65–68.
12. А лавки просто открывались // Красное знамя. 16.11.1994.
13. Водочный бизнес – только по лицензиям // Томский вестник. № 108. 03.06.1992.
14. Большие столовых, хороших и частных. Обл. комитет гос. статистики // Красное знамя. 16.03.1995.
15. Кто виноват, что авоська пуста? // Красное знамя. 15.01.1994.
16. Нищие, которым должны полмиллиона // Красное знамя. 08.04.1994.
17. О дополнительных мерах по устранению недостатков в организации свободной торговли : Постановление Правительства РФ от 31.08.1992 № 649 // СПС «КонсультантПлюс».

18. О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением : Закон РФ от 18.06.1993 № 5215-1 // СПС «КонсультантПлюс».
 19. Выводы о торговле // Красное знамя. 12.02.1995.
 20. Защити меня от прилавков // Красное знамя. 05.06.1995.
- Статья представлена научной редакцией «История» 8 июня 2021 г.

Organization of Retail in Tomsk Oblast in 1992–1995

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 80–84.

DOI: 10.17223/15617793/472/10

Olga A. Glushchenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olga.glushchenko.95@mail.ru

Keywords: transition economy; retail; entrepreneurship.

The article discusses the development of trade and entrepreneurship in the period of emerging market relations in 1992–1995 on the example of Tomsk Oblast. The aim of the article is to characterize the behavior of entrepreneurs in a transitional economy and the building of relationships between trade and food industry. To explore this issue, periodical materials of Tomsk Oblast, regulatory and legislative acts of the period were used. Using methods of historical research (systems analysis, the historical-genetic method), a number of conclusions about entrepreneurs' adaptation to the conditions of a market economy were made. This study provides examples of how businesses and trade responded to changes in the economy and highlights the adaptation mechanisms of food processing enterprises that were applied in other industries. In 1992–1995, entrepreneurs took advantage of opportunities that gave quick results, but were not suitable for the long term. This is justified by the fact that the emerging unstable economic situation and the formation of the legal framework required quick reactions from economic entities. The practice of opening branded outlets was widely used, excluding retail stores from the chain. The example of Tomsk Oblast shows the non-payment crisis of the first half of the 1990s, and the practice of overcoming it by Tomsk entrepreneurs. Among the trade enterprises in Tomsk, small ones prevailed, with up to 15 employees. The formation of the legal field lagged behind the rapidly developing economic relations, which entrepreneurs used for personal gain, for example, to fix prices, choose liquid product for sale. By the mid-1990s, basic retail norms had been formed; they were often neglected, leading to trade in substandard goods. At the first stage of the formation of market relations, it was not possible to build strong ties for trading entrepreneurs sought to obtain quick profits, used practices of integration into economic relations that were ineffective in the long term, and neglected the rules and requirements for trading activities. Based on this study, it can be concluded that the mechanisms and practices, relevant for Tomsk Oblast, that trading entrepreneurs used were in demand in other regions of the country since federal regulations formed a single legal framework for the development of economic relations.

REFERENCES

1. Zolotareva, A. et al. (2001) *Neplatezhi v rossiyskoy ekonomike i regionakh* [Non-Payments in the Russian Economy and Regions]. Moscow: [s.n.].
2. Khanin, G.I. & Fomin, D.A. (2005) *Roznichnaya trgovlya Rossii: sostoyanie i perspektivy* [Retail trade in Russia: state and prospects]. *Problemy prognozirovaniya*. 6. pp. 84–103.
3. Saliev, Sh.A. (2008) *Kachestvo i kul'tura trgovogo obsluzhivaniya: evolyutsiya podkhodov k opredeleniyu nauchnykh ponyatiy* [Quality and culture of trade service: evolution of approaches to the definition of scientific concepts]. *Vestnik REA*. 3. pp. 104–108.
4. Dmitrienko, N.M. (2004) *Istoriya Tomsk ot osnovaniya do nashikh dney* [History of Tomsk from the Foundation to the Present Day]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Consultant Plus. (1997) *On Freedom of Trade: Decree of the President of the Russian Federation No. 65 of January 29, 1992: (edition of June 16, 1997)*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
6. Consultant Plus. (1995) *On Measures to Liberalize Prices: Decree of the President of the RSFSR No. 297 of December 03, 1991 (edition of February 28, 1995)*. Moscow: Consultant Plus. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
7. *Krasnoe znamyaya*. (1992) *I nechem prokormit'sya!* [And there is nothing to feed with!]. 20 July.
8. *Krasnoe znamyaya*. (1992) *V Prodolzhenie molochnoy temy* [In continuation of the dairy theme]. 12 September.
9. *Krasnoe znamyaya*. (1993) *Nesladkaya zhizn' "Konfetki"* [The unsweetened life of "Konfetka"]. 18 June.
10. Kiselev, A.A. (2016) Trade and public catering reform of in Karelia (1991–1993). *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. 5. pp. 68–72. (In Russian).
11. Urozhaeva, T.P. (2014) Trade development in the cities of Irkutsk region in conditions of transition economy (1990s). *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova*. – *Bulletin of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*. 2. pp. 65–68. (In Russian).
12. *Krasnoe znamyaya*. (1994) *A lavki prosto otkryvalis'* [And the shops just opened]. 16 November.
13. *Tomskiy vestnik*. (1992) *Vodochnyy biznes – tol'ko po litsenziyam* [Vodka business – only under licenses]. 108. 03 June.
14. *Krasnoe znamyaya*. (1995) *Bol'she stolovykh, khoroshikh i chastnykh*. Obl. komitet gos. statistiki [More canteens, good and private. Regional State Statistics Committee]. 16 March.
15. *Krasnoe znamyaya*. (1994) *Kto vinovat, chto avos'ka pusta?* [Who is to blame that the string bag is empty?]. 15 January.
16. *Krasnoe znamyaya*. (1994) *Nishchie, kotorym dolzhny polmilliona* [Beggars who are owed half a million]. 08 April.
17. Consultant Plus. (1992) *On additional Measures to Eliminate Deficiencies in the Organization of Free Trade: Decree of the Government of the Russian Federation No. 649 of August 31, 1992*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
18. Consultant Plus. (1993) *On the Use of Cash Registers in the Implementation of Monetary Settlements with the Population: The Law of the Russian Federation No. 5215-1 of June 18, 1993*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
19. *Krasnoe znamyaya*. (1995) *Vyvody o trgovle* [Conclusions about trade]. 12 February.
20. *Krasnoe znamyaya*. (1995) *Zashchiti menya ot prilavkov* [Protect me from the counters]. 05 June.

Received: 8 June 2021

В.С. Груздинская, В.П. Корзун

«НАУКА НЕ ИМЕЕТ ОТЕЧЕСТВА: ЭТОТ ЛОЗУНГ И ВЕРЕН И НЕТ» (ОТКЛИКИ ИНОСТРАННЫХ УЧЕНЫХ НА 220-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ АКАДЕМИИ НАУК СССР)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00264.

Анализируются отклики иностранных ученых на юбилейную коммеморацию, посвященную 220-летию АН СССР (15–30 июня 1945 г.). Это был первый международный форум, проходивший после окончания Великой Отечественной войны. В пространстве юбилея явственно была выражена идея единой мировой науки – наука интернациональна по своей сути и не может быть замкнута в границах одной страны; предложены программы по складыванию единого коммуникативного пространства. В то же время обозначены противоречия между национальным и интернациональным в развитии науки.

Ключевые слова: Академия наук СССР; юбилей; Великая Отечественная война; Победа; ученые; иностранные ученые; советская наука; коммуникативное поле; международное сотрудничество; национальная наука

Академический юбилей на перекресте национального и интернационального: к постановке проблемы

Проблема национального и интернационального в науке как продукта культуры, особого духовного конструкта и как социального института имеет давнюю историю. Эти два модуса в определении образа науки на конкретных этапах социокультурного развития могут рассматриваться и восприниматься либо как антагонистические, либо как вполне сочетающиеся, отражающие коммуникативную суть науки и ее универсализм, с учетом культурных традиций уместования и организации научных институтов науки и образования в той или иной стране.

Как свидетельствуют современные исследования, вопросы соотношения национального и интернационального в науке актуализируются в периоды социальных катаклизмов – войн и революций, хотя не отрицается и влияние факторов внутрисполитических, проявляющихся в научной политике государства [1–4]. Ученый укоренен в культурную атмосферу своего времени и страны и, несмотря на сложившийся этос науки, подразумевающий в том числе коллективизм («коммунизм», «коммунализм»), он подвержен милитаристским или антимилитаристским, этатистским или антиэтатистским и многим другим настроениям. Подобную включенность гениально обозначил О. Мандельштам:

И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей гаме,
И Гёте, свищущий на выющейся тропе,
И Гамлет, мысливший пугливыми шагами,
Считали пульс толпы и верили толпе.

Проблема национального и интернационального в науке по-новому высветилась на излете Второй мировой войны, что отчетливо проявилось в праздновании 220-летнего юбилея Академии наук СССР. Прежде несколько слов о самом празднике. Юбилейная сессия Академии наук СССР состоялась 15–30 июня 1945 г. Решение о праздновании 220-летия было принято в конце 1944 г. на встрече президента Академии наук В.Л. Комарова с И.В. Сталиным. Глава Страны Советов поддержал идею отметить в 1945 г. юбилей с обязательным приглашением на него иностранных гостей

[5. С. 284]. Позже 21 января 1945 г. вышло Постановление СНК, согласно которому специально создавался Всесоюзный комитет по проведению 220-летия АН СССР. Именно ему вменялось подготовить списки приглашаемых на праздник иностранных ученых. 7 марта 1945 г. первый такой список был готов и отправлен на согласование заместителю председателя СНК В.П. Молотову [6. Л. 12]. Первоначально планировалось пригласить 264 иностранных ученых. Впоследствии эта цифра постоянно уменьшалась. 18 апреля Президиум АН СССР обратился к И.В. Сталину с просьбой разрешить пригласить на юбилейные торжества «156 иностранных ученых и по одному представителю от 54 иностранных научных учреждений» [7. Л. 85], т.е. 210 гостей. Однако решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 мая 1945 г. эта цифра была уменьшена до 198 [7. Л. 42]. Прибывших оказалось и вовсе меньше: по данным одних источников – 123 [8. Л. 229–245], по другой информации – 124 человека [9. Л. 127–154]¹.

Иностранные ученые оставили весьма любопытные отклики на юбилейную сессию АН СССР. Источники, в которых отразилось «эхо» праздника, разнообразны: интервью/газетные и журнальные заметки [10–14], эго-источники [15–16], отчеты [17] и анкеты [18] и др. Многие из них были собраны и сохранились в фонде Всесоюзного комитета по проведению 220-летия АН СССР в Архиве РАН (Ф. 519). Обозначенный сюжет фрагментарно представлен в современной историографии [19–26], исключением является статья Н.А. Куперштох, в которой проанализированы отклики на юбилей в рамках одного заседания [27]. Такая историографическая фрагментация и наше участие в исследовательском проекте, посвященном юбилейной коммеморации, мотивируют замысел авторов данной статьи рассмотреть восприятие советской науки иностранными учеными в контексте проблемы национального и интернационального.

«Звезды не признают национальных границ»: торжество идеи мировой науки на юбилее

Победа в Великой Отечественной войне, возросший статус науки в обществе сказались на самосознании советских ученых. Новые настроения нашли от-

ражение в концептуальном докладе президента АН СССР В.Л. Комарова на открытии юбилейной сессии 16 июня 1945 г., где явственно проводилась мысль о единстве науки. Возвращение к идее единой науки, по мысли академика, – продолжение традиций международного сотрудничества российской и зарубежной науки на протяжении столетий. Но она вытекает не только из логики развития науки и исторического опыта, но также из того вклада, который ученые разных стран антигитлеровской коалиции внесли в общее дело борьбы с фашизмом. Доклад В.Л. Комарова (зачитанный Л.А. Орбели) был положительно воспринят присутствующими. Так, английский ботаник, профессор университета в Сиднее Эрик Эшби (Eric Ashby) назвал это выступление сильным [15. Р. 130], американский антрополог из Иранского института в США Артур Поуп отметил прозвучавший посыл на восстановление поля «единой науки» [10. Л. 37].

Осью концепта единой науки явилось коммуникативное поле, переформатировать которое стремятся представители различных национальных и дисциплинарных сообществ. Наука коммуникативна по своей сути. Как отмечал А.П. Огурцов, «ни ход, ни результаты, ни субъекты познания не могут быть отторгнуты от той ситуации общения, в которой осуществляется научное исследование. Каждый элемент познавательного акта и его содержания пронизан, освещен контекстом коммуникационного взаимодействия» [28]. В годы войны научные коммуникации были прерваны либо сведены к минимуму. И, естественно, на юбилейной встрече речь шла о восстановлении сотрудничества как на уровне научных институций, как и между конкретными учеными. Пьянящий воздух Победы в Великой Отечественной войне и живые традиции антигитлеровского сотрудничества создавали особый эмоциональный режим празднования. Так, французский физик, нобелевский лауреат, активный участник Движения Сопротивления, Фредерик Жолио-Кюри (Jean Frédéric Joliot-Curie) после приземления в московском аэропорту 14 июня 1945 г., не скрывая эмоций, говорил корреспонденту ТАСС: «Мне трудно выразить свои чувства в эти первые минуты пребывания на советской земле. <...> Долгие годы война разделяла нас с советскими друзьями. Но и в тяжелую пору, когда Франция была оккупирована врагом, к нам поступали сведения о выдающихся достижениях русских ученых, давших героической Красной Армии – освободительнице народов Европы – мощное оружие победы» [14. С. 1]. В таких же восторженных тонах передает атмосферу праздника науки и Э. Эшби: «Люди, что читали работы друг друга в течение множества лет, наконец, получили возможность пообщаться друг с другом вживую. Нобелевские лауреаты из четырёх разных стран присутствовали на мероприятии: Сент-Дьёрдьи из Венгрии, Жолио-Кюри из Франции, Ленгмюр из Америки и Эдриан из Англии <...>. Несмотря на формальный характер мероприятия, приёмом можно было по-настоящему наслаждаться. Любой мог почувствовать, как узы науки, связывающие разные нации, разорванные войной, начали восстанавливаться. В этих комнатах люди наблюдали восхождение Европейской интеллектуальной жизни» [15. Р. 129].

Личными настроениями – радостью от встречи с научными друзьями – также был пронизан отклик французского биохимика, профессора Сорбонны Этена Обеля (Eucen Aubel). Ученый с большим упоением говорит о свидании с двумя коллегами, о судьбе которых в годы войны ничего не было известно. Это советский ученый Яков Оскарович Парнас, который оказался в оккупированном Львове, откуда был эвакуирован сначала в Киев, а затем в Уфу, и нобелевский лауреат, венгерский биохимик Альберт Сент-Дьёрдьи (Szent-Györgyi Albert), оставшийся в оккупированном немцами Будапеште. По мнению ученого, эти примеры «подчеркивают разницу в поведении по отношению к науке между союзниками СССР и немцами, которая является залогом того, что усилия русских руководителей послужат делу мира так же, как они послужили делу победы в войне» [10. Л. 29 об.].

В приведенных текстах отражаются идеальные модели науки, бытовавшие в ученом сообществе («Республике ученых»), но можно полагать, что это и результат знакомства с достижениями советских ученых, с научной инфраструктурой СССР, и, наконец, с закулисами советской науки.

Научная составляющая академического праздника была разнообразной [23]. На общих заседаниях юбилейной сессии в основном транслировался официальный образ науки, подчеркивалась роль Академии наук и ее представителей в социально-политической истории России, отмечался вклад этого ведущего научного центра в развитие различных областей знания и в Победу в войне. Основными же площадками, где были представлены научные доклады и разворачивались дискуссии, в том числе и с участием иностранных ученых, стали Отделения АН СССР и ученые советы ряда академических институтов. В рамках юбилейных заседаний заслушано 93 доклада отечественных и 36 докладов зарубежных ученых [22. С. 20]. Для участников юбилейной сессии были организованы экскурсии в академические учреждения, научные библиотеки и музеи, которые, естественно, отличались неформальным общением.

Примечательно, что список учреждений, который могли посетить иностранные гости, утверждался на самом верху. Например, в Постановлении СНК от 3 апреля 1945 г. перечислялись данные академические структуры. В общей сложности планировалось показать иностранным гостям 23 учреждения АН СССР в Москве и Ленинграде [7. Л. 41]. В этом списке не оказалось Коллоидно-энергетического института, занимавшегося в довоенный период изучением влияния электрического поля на адсорбцию молекул, в годы эвакуации в Казань – проблемами применения радиационной химии в военной сфере. Данные исследования вызывали немалый интерес среди иностранных ученых, о чем в письме от 31 мая 1945 г. директор института, академик А.Н. Фрумкин поведаль академику-секретарю Н.Г. Бруевичу. Адресант назвал имена гостей, которые очевидно пожелают посетить учреждение: Эрик Ридил², Ирвинг Ленгмюр³, Дункан МакИннес⁴, Нил Адам⁵, Джейм МакБэйн⁶ [29. Л. 28]. Поэтому, продолжал академик Фрумкин, «отсутствие его (Института. – В.Г., В.К.) в официальном утвер-

жденном списке ставит Институт в очень неудобное положение» [29. Л. 28]. Надо сказать, что Коллоидно-энергетический институт все же посетили участники юбилейной сессии. Американский химик, профессор университета Миннесоты Исаак Кольтгоф (Izaak Maurits Kolthoff) в интервью советскому корреспонденту сообщил, что во время торжественных мероприятий был в этом институте дважды. Ученый отметил серьезный фундаментальный подход в исследованиях сотрудников учреждения, сказав: «Работа профессора Фрумкина всегда была для меня большим вдохновением и имела большое значение в наших исследованиях» [10. Л. 14]. Затронул американский химик и проблему организации научного сотрудничества между СССР и США. Исаак Кольтгоф предложил наладить систему обмена молодыми учеными, учредив для того специальные стипендии. Для эффективного научного диалога, по его мнению, также необходимо преодолеть языковой барьер. «Нерусскому миру необходимо будет ввести в свою учебную программу курсы на русском языке, а также представить курсы для российских аспирантов, – говорил химик и дополнил: – Не менее желательно, чтобы интенсивное изучение английского языка производилось в российских вузах» [10. Л. 15].

Аналогичные планы по расширению коммуникации предлагали почти все участники праздника. Секретарь британской делегации, Б. Трип (Brenda Trip), успех советско-британских научных контактов видела в налаживании и продолжении обмена книгами, отписками и рукописями, организацией визитов, выдающихся ученых и специалистов двух стран. И сетовала, что «будет очень жаль, если добрая воля и интерес, накопленные в течение двух недель конференции, не смогут быть продолжены» [17. С. 95].

В этом плане чрезвычайно интересны дневниковые записи канадского экономиста, одного из основателей научного направления по изучению коммуникаций, Гарольда Инниса (Harold Innis) о науке в Советском Союзе. Характер записей объясняется не только хищным взглядом глазомера ученого, привыкшего все фиксировать и по ходу дела размышлять над увиденным, встраивать фрагменты увиденного в общую цивилизационную картину. Дело в том, что пребывание Г. Инниса на юбилее Академии носило не только характер личного приглашения и собственного интереса к России⁷. Как утверждает современный исследователь Уильям Дж. Бакстон, ученый получил задание от Министерства иностранных дел Канады изучить советский опыт освоения Арктики и организации горнорудной промышленности: «По негласному соглашению Иннис мог использовать эту поездку в качестве миссии по установлению фактов для предоставления канадским официальным лицам информации о Советском Союзе, в частности о том, что Россия делает в своих арктических регионах» [30. Р. 248]. В этой связи любопытны заметки Г. Инниса о посещении Арктического института в Ленинграде 28 июня 1945 г. [16. Р. 38]. Делегацию встречали директор института адмирал В.Х. Буйницкий, получивший звание «Герой Арктики» как участник полярного дрейфа на ледоколе «Седов», и помощник директора,

профессор В.Ю. Визе. Автор дневника сообщает, что Арктический институт «тщательно изучает ледовую обстановку с помощью авиации и составляемых ежемесячно карт состояния льда» [16. Р. 38], жизненно необходимых для навигации в Арктике. Иннис делает подробную зарисовку советских исследований Арктики, фиксируя время открытия навигации на Севере, сложность и изменения ледовой обстановки на разных мысах, отмеченную в институте тенденцию к потеплению климата Арктики – к западу от Гренландии, отмечая при этом влияние континентальных речных вод на температуру и направления ветров.

Посетив 30 июня 1945 г. Институт геофизики в Москве, ученый отметил план колоссального развития метеорологии в СССР, квалифицированный персонал («хорошо обученные энергичные молодые люди»), приемлемый уровень оплаты труда: «Неквалифицированные рабочие – от 250 до 450 рублей в месяц. Технические помощники – 700, молодые инженеры 700–1600. Пропитание по карточкам – ежемесячный паек, приобретаемый по карточкам 150 рублей в месяц. Две комнаты плюс кухня 30–40 рублей в месяц, свет, газ и т.д. 10 рублей. Одинокие люди получают одну комнату» [16. Р. 38].

Высокий уровень организации метеорологической службы в СССР отметили и американские коллеги – Меррил Бернارد (Merrill Bernard) и Френсис Рейчелдерфер (Reichelderfer Francis). Оба гостя выразили надежду на сохранение контактов, сложившихся в военные годы, отметили большую заслугу генерал-лейтенанта Е.К. Федорова, возглавлявшего в это время Гидрометслужбу СССР. Профессионалы хорошо осознавали общую значимость для всего человечества своих метеорологических исследований и особую миссию ученых в укреплении международного сотрудничества: «Метеорологи в своем большинстве обычно интернационально ориентированы, потому что климат и погода, с которыми они имеют дело, являются всемирными явлениями, которые не знают национальных границ» [10. Л. 58].

Камерные встречи в пространстве юбилея оказались гораздо более ценными для его участников с интеллектуальной и человеческой точек зрения. Об чем свидетельствует описание юбилейных мероприятий Э. Эшби. Ученый отметил, что они были менее формальными, а некоторые вообще неформальными и даже не предусмотренными протоколом. «Иностранные делегаты и советские ученые, – отмечает Э. Эшби, – смогли насладиться компанией друг друга. Обе стороны выражали восторг по поводу теплых взаимоотношений, которые возникли так быстро и спонтанно, но всё равно смогли преодолеть идеологический и языковой барьер» [15. Р. 134]. Неоднократно упоминаемый нами Г. Иннис также фиксирует особую атмосферу подобных встреч профессионалов. Интересны его записи от 18 и 23 июня о заседаниях в Отделении истории и философии АН СССР. Он пишет, что на встрече с коллегами-историками было заслушано несколько интересных докладов о древних славянах⁸ и социально-экономической истории Англии. Эти встречи наводят автора дневника на мысли об адаптивных потенциях советской гуманитаристики

и о превратности судеб марксизма в России. Он отмечает высокопрофессиональную конкретику и ритуализацию марксистской догматики. Р. Бакстон, ссылаясь на воспоминания сотрудницы отдела общественных наук Фонда Рокфеллера А. Безансон, воспроизводит его интересные размышления по поводу этой встречи и надежды ученого на расширение коммуникаций между советскими и канадскими исследователями: «Мы действительно нашли решительные усилия продолжить традицию Виноградова⁹ в изучении английского землевладения. Они провели семинар (по этой проблеме. — *В.Г., В.К.*) и посвятили меня и Тоуни¹⁰ в свою работу, и они очень внимательно выслушали длинный ряд комментариев Тоуни по аграрным проблемам в шестнадцатом и семнадцатом веках. Я предполагаю, что у них есть несколько аспирантов, готовых приступить к работе в Англии, как только появятся ресурсы. Я уверен, что любые усилия в этом направлении будут высоко оценены в России и значительно укрепят позиции ученых в России. Мне казалось, что они только на словах говорят о Марксе, а лучшие из них даже этого не делают, и важно, чтобы мы попытались их поощрить» [30. Р. 251]. Советские источники, репрезентируя эту встречу, отмечают, что английские ученые проявили большой интерес к работам отечественных исследователей по истории Англии, пригласили к сотрудничеству в английских исторических журналах, а также предложили посетить в ближайшее время Англию и Канаду [31. С. 555–556].

Г. Иннис также дает высокую оценку экономической науке в СССР и считает, что она могла бы многое предложить Западу и заслуживает поддержки. Но в своих заключениях автор дневника противоречив. Полученные впечатления он обобщает уже на обратном пути — в записи от 3 июля читаем: «...в трех четвертях всех наук русские отстают от американцев: возможно они наравне с последними в математике, но хуже в физике, химии и медицине. Хороши в ботанике». И все же заключает автор: западная цивилизация может многому научиться у России, как и Россия может многому научиться у западной цивилизации [16. Р. 47]. В диалоге цивилизаций он отводит науке исключительно важную роль, по существу говорит о ее гуманистической направленности, истина всеобща... Но как активный игрок на научном поле, он не может не видеть сложностей существования науки в современном мире, связанных с политической конъюнктурой, национализмом, догматизмом и предубеждениями, зависимостью от конъюнктуры рынка, «когда ученые становятся журналистами и рекламодателями», стремлением военных использовать науку в своих интересах. Отмечает он в качестве негативного фактора соперничество кафедр и университетов.

Расширение коммуникаций между советскими и канадскими учеными становится магистральной темой последующих статей и выступлений Г. Инниса в канадской прессе. В канадском обществе этот интерес к прошлому и настоящему России, налаживанию с ней связей отчетливо проявился уже в годы Второй мировой войны. Примером, иллюстрирующим этот процесс, является цикл лекций по русской истории, прочитанный осенью 1944 г. в университете Торонто,

и разработка программы обмена студентами (по аналогии с американским опытом). После возвращения Г. Инниса из СССР осенью 1945 года в университете Торонто был сформирован специальный комитет по развитию направления русистики, который определил основные направления развития «русской темы» и выделил значительную сумму на приобретение русских книг¹¹. Об этом же упоминал в своем интервью советский прессе и другой канадский ученый — Ганс Селье (Hans Seile) [10. Л. 84].

Наиболее афористически точно идея единой науки прозвучала в отклике американского астронома Харлау Шепли (Harlow Shapley). Подчеркивая «научное родство» Пулковской обсерватории и обсерватории Гарварда, ученый заявил: «...наука — это не только национальная наука. Звезды не признают национальных границ». По его мысли, единство науки основано на союзе ученых в битве против «неизвестного». Такое сотрудничество, считает астроном, «должно продолжаться не только в науке, где оно легко, естественно и необходимо, но и во всех областях, включая искусство и общественную деятельность человечества» [10. Л. 75–76]. С наукой связываются надежды на построение идеального мира и затягивание шрамов недавней войны. От лица американских ученых эту мысль высказал Артур Поуп: «...считаем этот праздник особенно важным, ибо он благородно подтверждает созидательную роль бескорыстной науки в формировании лучшего мира» [10. Л. 85]. В другом выступлении ученого этот мотив рационального переустройства мира выражен более определенно, и он связан с подчеркиванием особой роли в этом переустройстве русской науки, именно русские, по его мнению «подтвердили всеобщую солидарность в стремлении к бескорыстному знанию, в стремлении к идеям и идеалам, которые объединяют людей всех наций и вероисповеданий, чтобы помочь построить на основе достоверного знания лучший мир, которого мы еще не видели, но на который мы надеялись» [10. Л. 36]. Приведенные высказывания своеобразная иллюстрация процесса, который характеризуется повышением наукой своей субъектности.

Примечательно, что в пространстве юбилея рождается идея институализировать «единство науки». Английский биофизик Джозеф Нидхем (Joseph Needham) выступил с инициативой создания Международной службы научного сотрудничества. Им был подготовлен и разослан «Меморандум о месте науки и международного сотрудничества в послевоенной мировой организации»¹². Известно, что копии документа получили С.В. Кафтанов, П.Л. Капица, Н.Г. Бруевич. Этот документ, по всей вероятности, обсуждался физиком на встрече с председателем правительственного комитета по делам высшей школы и по совместительству уполномоченным ГКО по науке С.В. Кафтановым, где также присутствовали британский ботаник Джулиан Хаксли (Julian Huxley), французский физик Пьер Оже (Pierre Auger), Фредерик и Ирен Жолио-Кюри, американский физиолог Детлев Бронк (Detlev Bronk) и уже упоминавшиеся химик Дж. МакБейн и ботаник Э. Эшби.

«Наука для народа»: национальные черты

В данном разделе статьи мы намерены рассмотреть особенности советской науки, зафиксированные в откликах участников юбилея. Понятно, что юбилейный нарратив приветствий в адрес Академии и ее интеллектуальных героев не предполагает критики, но, тем не менее, нельзя не обратить внимания на некоторые повторяющиеся характеристики советской науки, прежде всего в институциональном аспекте, отмеченные положительными коннотациями. Однако стоит отметить, что в дневниковых записях «для себя» и в исследовательских текстах, пытающихся по «горячим» следам отрефлексировать увиденное, отражена более сложная и противоречивая картина развития советской науки, предпринимаются попытки осмыслить ее специфику. Кто-то это делал, как музыкант, играя с листа незнакомую партитуру, кто-то, как, например, Э. Эшби, мог апеллировать к своему опыту пребывания в Советском Союзе в качестве советника по науке при австралийском посольстве, кто-то, обращаясь к сложившимся отношениям сотрудничества в период между двумя мировыми войнами, что было характерно в большей мере для физиков, математиков, археологов/антропологов. Всматриваясь в праздничное полотно репрезентации советской науки, многие из них на этом экране видели отражение собственных проблем и в то же время отмечали специфические черты советской науки.

В плане институционально-организационном отмечалась значительная роль государства. Индийский физик, профессор Калькуттского университета Мегнад Саха (Meghnad Saha) рассматривает советскую науку как образец, как действенный инструмент успешного решения социальных проблем. Так, в неопубликованном фрагменте заметки для газеты «Вечерняя Москва» ученый проводит параллели между Россией 25-летней давности и современной Индией. Россия образца 1918 г., отмечает М. Саха, находилась на том же уровне развития, что Индия в 1945 г.: 90% населения – это крестьяне, «влачащие голодное существование», промышленная сфера развита слабо и во многом зависима от иностранного капитала [10. Л. 60].

Однако благодаря индустриализации, в которой, подчеркнул автор, важную роль сыграло академическое сообщество, России удалось шагнуть далеко вперед, став одной из самых передовых стран в технологическом плане. И этот опыт М. Саха оценивает как руководство к действию для политических лидеров и ученых мужей Индии. Физик пламенно призывает соотечественников отказаться от «ложных теорий “альтруизма”», ведь, по его мнению, «религия и прятка не могут излечить болезни Индии» [10. Л. 61]. В решении социально-экономических проблем следует опираться на науку, как это сделал Советский Союз.

Показателен интерес иностранных участников к организационной структуре Академии наук СССР. Например, в личном фонде президента Сербской академии наук и словесности, филолога-слависта А.И. Белича сохранились рукописные заметки, посвященные данному сюжету. Ученый подробно заспектировал основные положения действующего

устава учреждения (принятого в 1935 г.) [32]. А.И. Беличем была зафиксирована структура академического центра, что позволило ему сравнить советскую и возглавляемую им сербскую Академии. Автор отметил, что Академия наук как высший научный центр СССР, в котором работают ведущие специалисты страны, призвана содействовать «общему подъему теоретических, а также прикладных наук», обогащая и развивая тем самым «мировую научную мысль» [32]. Академия наук СССР, зафиксировал ученый, имеет более мощную и развитую структуру и включает 151 институт и других структур (лаборатория, музей, библиотека), 4 213 научных высококвалифицированных работников, 44 журнала (из них три на французском и английском языках) [33].

Универсальность советской Академии наук, объединившей и естественников и гуманитариев, британский археолог Чайлд Гордон (Childe Gordon) называл позитивным. По его мнению, подобная практика способствует «взаимопониманию и помощи различных отраслей исследований» и с сожалением констатирует, что в Лондонском Королевском обществе представлены только естественные науки [10. Л. 84].

На юбилейных выставках была экспонирована современная советская литература по всем отраслям научного знания. Объем и репрезентация новейших достижений советской науки впечатлила гостей. «Размах публикаций огромен» [16. Р. 36], – напишет в своем дневнике Г. Иннис, а Б. Трип сообщает о 16 чемоданах книг и оттисков статей советских ученых, приготовленных членами британской делегации для пересылки. Профессор университета в Уппсале, метеоролог Хельге Гётрик Баклунд¹³ для местной газеты подготовил очерк «Юбилей русской Академии наук является историческим событием», в которой упоминал, как его коллега, участник юбилейной сессии, профессор Хультен¹⁴ «захватил с собой по крайней мере 5 метров новой русской литературы, если поставить на полку». Сам же автор признавался, что привез из СССР «порядочных полтора метра» книг [11. Л. 34].

Академический праздник приоткрыл для иностранных ученых кулису советской повседневности. Артур Поуп с нескрываемым восторгом говорил не только о хорошем техническом оснащении институтов и лабораторий, которые были показаны участникам юбилейной сессии в рамках экскурсионной программы сессии, он и воспроизводит миф, что «у каждого члена Академии наук есть свой автомобиль, свой шофер, свой секретарь» [10. Л. 37]. Реальность же была более сложной, чем это было показано/увидено. Перечисленный американцем набор привилегий, бесспорно, относился к генералам советской науки – небожителям академического Олимпа. Рядовые же сотрудники АН СССР столкнулись с серьезными трудностями по восстановлению расстроенного военного и эвакуацией быта. Так, накануне юбилейных торжеств были выделены средства для обеспечения научных работников АН СССР необходимым, а именно – верхней одежда, костюмы, одеяла, постельное и нательное белье (!) [7. Л. 39].

В откликах значительной части участников академического праздника государственная поддержка

ученых оценивается положительно и рассматривается как сильная сторона советской науки. Но были и другие наблюдения, не высказываемые публично, в которых фиксировались «доминирование государства и вождей», полная зависимость от государственного бюджета, «утилитаристский» mainstream – «акцент на пользе, а не на теории» [16. Р. 25], репрессивное давление на ученую корпорацию [16. Р. 44; 17. С. 93], перераспределение ролей внутри сообщества и наделение высоким статусом членов корпорации вне зависимости от научных заслуг.

К примеру, Б. Трип передает мнение одной из сотрудниц Академии наук, что «чистых» генетиков на юбилейных торжествах не оказалось, а презентация достижений советской генетики свелась к представлению «опытов» Т.Д. Лысенко. Э. Эшби в анкете в вопрос «Что вы нашли особенно интересным здесь, в вашей отрасли науки?», назвал в том числе и «ряд новых работ по генетике растений, особенно по межвидовым скрещиваниям» [18. Л. 2]. Примечательно как данный ответ коррелировался на страницах разных периодических изданий. Так, например, в номере от 15 июля 1945 г. «Британского союзника» помещен его очерк о советской ботанике [12. С. 10]. Там много говорилось о работе Института ботаники, Тимирязевского института, назывались имена наиболее выдающихся исследователей и их открытия. Не оказалось в этом ряду фамилии Лысенко. А вот в «Вечерней Москве», наоборот, в репортаже от 22 июня о посещении иностранцами институтов и лабораторий Академии наук подробно освещено заседание Отделения биологических наук, где с докладом «Технические основы управления наследственностью у растений» выступил Т.Д. Лысенко. По поводу этих исследований Эрик Эшби корреспонденту советской газеты сказал: «Я давно уже знаком с работами академика Лысенко в области яровизации. Но сейчас я особенно рад, что получил возможность лично познакомиться с ученым, и на месте, в Москве, получить интересные меня материалы» [13. С. 1]. Ответ достаточно дипломатичен, чего не скажешь о его оценке советского академика в англоязычной книге, вышедшей спустя два года – в 1947 г., в которой он относит Лысенко к амбициозным и безответственным ученым, прославившемуся в том числе за счет важности популяризации научного знания в СССР [15. Р. 187].

Наука в Советском Союзе стала признанной частью государственного престижа, а ученый наделялся функциями производителя знания и привнесения его в народ. Особое отношение к науке и ученому в массовой культуре зафиксировали многие участники юбилея. Обратимся к примерам. Якоб Хейман (Jacob Heiman), представляющий издание «Американское обозрение советской медицины», отмечает интерес простых людей к науке: «Газеты посвящают страницы предметам научного интереса, не омраченным рекламой. В кинотеатрах стены увешаны интересными данными по биологии, зоологии и другим познавательным материалам. Наука и разум заменили суеверия» [10. Л. 73]. В интервью Чайлда Гордона также отмечается эта культурная специфика: «Я был очень впечатлен общественным положением и большим

авторитетом, которым пользуются ученые в вашей стране. Ваш народ, кажется, интересуется наукой гораздо больше, чем другие народы мира: научная деятельность – это новости на первых полосах газет, вы находите для нее место чуть ли не каждый день. Это помогает демократизировать науку, что очень необходимо. В частности, в моей сфере деятельности – археологии, где население может нам активно помогать» [10. Л. 83].

А один из участников юбилейной сессии делает миниатюрную зарисовку популяризации науки, с мастерством писателя, в которой наука предстает как контекст повседневности. Воспроизведем ее полностью: «Место действия – сапожная фабрика в Москве. В швейной комнате около 200 девочек и детей работают за машинками. На одном конце доски, площадью около сорока квадратных футов, приколоты яркие цветные диаграммы, иллюстрирующие птолемеевскую, коперниковскую и ньютоновскую теории Солнечной системы, а также теорию относительности. На фабрике проводится курс лекций по астрономии, и графики меняются от недели к неделе. Говорят, что посещаемость стопроцентная» [15. Р. 195].

Участники юбилейной сессии удивлялись многочисленным приветствиям в адрес АН СССР не только со стороны власти и различных научных учреждений, что было укоренено в культуре празднования академических юбилеев, но и от трудящихся на фабриках и заводах, удивлены и впечатлены тем, что на пленарном заседании они лицезрели как самые высокие армейские чины «сражающейся Армии, торжественно вошли в зал <...>, чтобы публично выразить благодарность советским учёным за их роль в завоевании Победы» [10. Л. 22]. Как и применительно уже к первому по-советски отмечаемому академическому юбилею в 1925 г., когда местом торжеств стали «не только дворцы, но и площади, заводы и фабрики; участниками не только академики и вожди, а все работники науки и трудящиеся массы» [34. С. 206], в юбилейном действе 1945 г., иностранные гости отметили митинги/приветствия в честь ученых и науки.

Несколько таких сцен запечатлено в книге Э. Эшби. На пути в Ленинград поезд с иностранными гостями остановился на станции Любань, где их восторженно приветствовали местные жители. Такой же прием ждал участников юбилея и на привокзальной площади Северной столицы. Автор пишет об этих моментах с симпатией и одновременно с подозрением на постановочную часть («участникам выдали букеты цветов») [15. Р. 137–138]. Он же и попытался осмыслить данный культурный феномен, объясняя его высоким символом веры, характерным для русской культуры, прежде всего, для русской литературы. Эшби полагает, что менталитет русского человека не изменился и после революции: «Их сила духа, их наивность и отсутствие лицемерия в словах, экстраординарная смесь жесткости и доброты, хитрости и честности, их привычка оправдывать поступки, совершенные людьми “Волей Божьей”: все это отразилось в произведениях девятнадцатого века. И все это осталось в среднестатистическом Советском гражданине. Русский менталитет влияет на Советскую науку

точно так же, как влияет на Советскую поэзию и политику. Это объясняет, как слабые, так и сильные стороны Советской науки: сильные стороны, например, поисково-разведывательные работы, а слабые – статистические исследования» [15. Р. 146]. Следующую причину он связывает с внутренними факторами развития науки. Популяризация имманентно присуща науке как социокультурной системе, на рубеже XIX–XX вв. в связи с научной революцией и переходом к массовой науке наблюдается популяризаторский всплеск. В рамках советской цивилизации этот всплеск был усилен таким фактором, как концептуальная установка на замену религиозных верований абсолютной верой в науку. Ссылаясь на авторитет Эдуарда Эррио¹⁵, он констатирует, что советская власть наделила науку всем авторитетом, которого она лишила религию. «Многочисленные святые дни Церкви в значительной степени заменяются энергичным геронтопоклонством перед живыми и мирянами – канонизацией умерших ученых» [15. Р. 186]. В качестве примера он обращается к празднованию 100-летнего юбилея И.И. Мечникова в мае 1945 г., который вылился, с его точки зрения, в канонизацию ученого: «Каждый школьник слышал об этом. Это было по радио. Ее (биографию. – В.Г., В.К.) читали в клубах колхозов и в газетных стендах, стоящих на тротуарах <...>. К вечеру 15 мая 1945 г. миллионы российских граждан знали имя Мечникова и могли бы рассказать вам, что он работал над фагоцитами и иммунитетом, сравнительной эмбриологией и проблемой старости» [15. Р. 191].

На выходе такая культурная практика дает неоднозначный результат – происходит повышение статуса науки и ученого в обществе, с одной стороны, и неизбежное упрощение ее, приспособление к «профанному» сознанию – с другой, что вносит серьезные изменения в критерии научности. Обратной стороной популяризации является преувеличение достижений российских ученых, как средство раздувания национальной гордости. Эта практика в последнее время, по Э. Эшби, «приобрела форму удивительного утверждения, что многие важные открытия произошли именно в России» [15. Р. 219]. Автор, таким образом, на советском научном поле зафиксировал специфику противопоставления себя остальному миру: советское значит отличное. Отчетливо эта тенденция проявилась несколько позже в иных международных и внутриполитических контекстах.

Автор размышлений об особенностях советской науки констатирует, «что нигде в мире, даже в Америке, нет такого широкого интереса к науке среди простого народа, как в России» [15. Р. 186]. А Г. Иннис в своем дневнике запишет ключевую фразу, характеризующую, с его точки зрения, национальную специфику: «Русские поклоняются знаниям».

Отметили иностранные гости и претензии советской науки на лидирующие позиции в мировом научном сообществе. В частности, об этом упоминалось в отчете Б. Трип, которая ссылается на незапланированное заседание Президиума АН СССР 23 июня 1945 г. Академик П.Л. Капица, приветствуя гостей на

английском языке, говорил о необходимости продолжения международного научного сотрудничества [17. С. 95]. Более подробно речь советского физика передана Э. Эшби, что представляет для современного исследователя особую ценность в силу того, что в протокол заседания Президиума речь П.Л. Капицы не попала [7. С. 6]. Размышляя о последствиях юбилейной сессии, П.Л. Капица отметил, что не существует «такой вещи, как Советская наука и Британская наука: есть только наука, цель, которой облегчать жизнь человечеству» [15. Р. 137]. Однако при этом академик подчеркнул уникальность советской науки, продемонстрированную во время празднования 220-летия АН СССР, сам факт которого он связывает с Победой Советского Союза. А далее, в риторике, не свойственной академическому канону, ученый акцентирует внимание на роли правительства, которое организовало и доставку иностранных участников на своих самолетах, и предоставило им место для проживания, и накормило гостей [15. Р. 137]. И в конце П.Л. Капица восклицает: «Какая страна пойдет на такое ради науки? Это доказательство того, что СССР намерен занять лидирующую роль в развитии науки» [15. Р. 137]. Академик предложил три направления стимулирования международного сотрудничества: 1) распространение за рубежом советской научной литературы на русском, английском и французском языках; 2) публикация иностранных авторов в советских изданиях («Если хотите, чтобы ваша работа была опубликована и получила должное внимание, позвольте нам заняться публикацией» [15. Р. 137]); 3) участие в интернациональных коллаборациях (симпозиумы, конгрессы, конференции).

В позиции П.Л. Капицы можно услышать, как это не покажется парадоксальным на первый взгляд, созвучие сталинскому новоимперскому мейнстриму и настроениям значительной части отечественного научного сообщества – признание авангардной роли советской науки в том числе и в конструировании коммуникативного поля, стягивающим его центром/ядром является именно Советский Союз [35. С. 62].

Переплетение национального и интернационального представлено нами как сложная проблема. Это понимали участники юбилейного действа. Показательна запись в книге отзывов о посещении выставки приветственных адресов и телеграмм в честь 220-летия АН СССР, сделанная одним из них: «“Наука не имеет Отечества”: этот лозунг и верен и нет» [36. Л. 10 об.]. Торжество идеи «единой науки» и формирования единого коммуникативного поля оказалось краткосрочным. Надежды на гуманизацию общества и роли в этом процессе науки не оправдались, «поле коммуникативных практик свертывается, развитие науки переводится в режим автаркии» [37. С. 67]. «Железный занавес» холодной войны опускался все ниже, в этих условиях, как и после Первой мировой войны, актуализировалась идея национально-государственной науки, отражающая не только противоречия переустройства мира в геополитическом измерении, но и вызовы послевоенной модернизации, практики мобилизации интеллекта для восстановления экономики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Список иностранных гостей дополнен: «Лахути Абулгасым – 1887 г.р. – иранец – поэт» [9. Л. 62].
- ² Ридил Эрик (Eric Rideal, 1890–1974) – британский химик, специализирующийся в области коллоидной химии. Президент Фарадеевского общества (The Faraday Society). На юбилейные торжества приехать не смог.
- ³ Ленгмюр Ирвинг (Irving Langmuir, 1881–1957) – американский химик, лауреат Нобелевской премии (1932) за открытия в области химии поверхностных явлений.
- ⁴ МакИннес Дункан Артур (MacInnes Duncan Arthur, 1885–1965) – американский химик, профессор Рокфеллеровского института медицинских наук.
- ⁵ Адам Нил Кенсингтон (Adam Neil Kensington, 1891–1973) – британский химик, специалист в области химии поверхностных явлений. Член Лондонского Королевского общества.
- ⁶ МакБейн Джейм Уильям (McBain James William, 1882–1953) – химик, член Лондонского Королевского общества, профессор Стенфордского университета.
- ⁷ Известно, что Иннис проявлял серьезный интерес к истории России. На значительное место российского материала в его научном творчестве обращают внимание современные канадские исследователи (В. Кристиан, Р. Бакстон, Р. Аллен и др). В своих ранних работах по транспорту (строительство Канадской Тихоокеанской железной дороги и ее роль в экономике страны) и в исследованиях современной пушной промышленности Канады он использовал данные по России. В последнем случае речь шла о «Евроазиатской» и российской торговле пушниной, чтобы поместить канадскую пушную промышленность в международный контекст (1927). В его более обширной «истории пушной торговли», опубликованной тремя годами позже, также часто упоминалось взаимодействие между русскими торговцами пушниной и развитием промышленности в Канаде (1930-е годы) <...> интерес Инниса к России, углубленный его обзорными очерками послужил основой для спонсируемого Фондом Рокфеллера Арктического исследования под эгидой канадского совета по исследованиям в области социальных наук». См.: [30. Р. 248].
- ⁸ Как полагают Д.М. Колеватов и В.П. Корзун, скорее всего Г. Иннис имел в виду доклады акад. Б.Д. Грекова (Образование Древнерусского государства) и проф. П.Н. Третьякова (Восточнославянские племена накануне образования Киевского государства), хотя это мог быть и доклад В.И. Пичеты, заслушанный в секторе славяноведения. См.: [26. С. 211–212].
- ⁹ Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925) – русский историк, специализирующийся на социально-экономической истории средневековой Англии.
- ¹⁰ Тоуни Ричард Генри (Richard Henry Tawney; 1880–1962) – британский историк, занимавшийся изучением экономических проблем Англии в XVI – XVII вв. Член лейбористской партии.
- ¹¹ Рекомендации по закупке русской литературы в университет был приглашен филолог, консультант по славянской истории Библиотеки Конгресса в Вашингтоне, выходец из России Сергей Яковсон. См.: [30. Р. 260].
- ¹² К сожалению, на данном этапе исследования этот документ нами не обнаружен. Об инициативе Дж. Нидхема известно из опубликованного отчета Б. Трип [26. С. 95].
- ¹³ Баклунд Хельге Гётрик (Helge Götrik Backlund, 1878–1958) – шведский метеоролог, географ. Родился в семье академика Российской академии наук, астронома Оскара Андреевича Баклунда. В 1902 г. окончил Петербургский университет. До революции 1917 г. работал в Геологическом музее РАН. С 1924 г. – профессор Уппсальского университета.
- ¹⁴ Хультен Эрик (Oskar Eric Gunnar Hultén, 1894–1981) – шведский ботаник, специалист по флоре Аляски и Восточной Европы.
- ¹⁵ Эдуард Эррио (Édouard Marie Herriot) – французский политик, лидер партии радикал-социалистов. В 1922 г. посетил Россию. По мотивом этого путешествия им было написано несколько книг – «La Russie nouvelle»/«Новая Россия», «Восток».

ЛИТЕРАТУРА

1. Crawford E. Nationalism and internationalism in science, 1880–1939. Four studies of the Nobel population. Cambridge, 1992.
2. Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв.: Анализ отечественных историографических концепций. Екатеринбург ; Омск, 2000.
3. Дмитриев А.Н. От академического интернационализма – к системе национально-государственной науки // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб., 2007. С. 32–56.
4. Сборник «Русская наука»: замысел и опыт реализации // Судьба проекта «Русская наука». 1916–1920 (к 100-летию комиссии по изданию сборника «Русская наука») : статьи и документы. СПб. ; М., 2016. С. 11–105.
5. Груздинская В.С., Корзун В.П. «Юбилей, как мне кажется, станет общегосударственным событием...»: документы по истории празднования 220-летия Академии наук СССР // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 3. С. 281–293.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 3559. Л. 12.
7. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 33. Д. 137.
8. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 519. Оп. 1. Д. 50.
9. РАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 34.
10. РАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 584.
11. РАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 585.
12. Британские ученые об успехах советской науки // Британский союзник. № 28. 15 июня 1945. С. 10.
13. Достижения советских ученых // Вечерняя Москва. № 145. 22 июня 1945. С. 1.
14. Накануне юбилейной сессии Академии наук СССР // Правда. 1945. 14 июня. № 141. С. 1
15. Ashby E. Scientist in Russia. New York, 1947.
16. Innis H. The Russia Diary // Harold A. Innis: Innis on Russia. The Russia Diary and other writings by Harold A. Innis. Toronto, 1981. P. 13–50.
17. Ковалев М.В., Груздинская В.С. «Все были очень впечатлены дружелюбием, гостеприимством и энтузиазмом советских ученых»: британская делегация на 220-летнем юбилее Академии наук. 1945 г. // Исторический архив. 2020. № 4. С. 87–107.
18. РАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 583.
19. Павлова Г.Е. 220 лет Академии наук СССР // Вопросы истории естествознания и техники. 1974. Вып. 1 (46). С.21–25.
20. Кременцов Н.Л. Плоды победы // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 794–795.
21. Орел В.М. Юбилей Российской Академии наук: история и традиции // Российская Академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 31–37.
22. Быковская Г.А., Македонская В.А. 220-летие Академии Наук: подведение итогов деятельности в годы ВОВ // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. Серия «Социально-политическое развитие российского общества». 2015. № 2. С. 19–24.
23. Груздинская В.С. Юбилей Академии наук СССР в 1945 г. в зеркале иностранных приветственных адресов // Россия XXI. 2020. № 2. С. 26–39.
24. Корзун В.П., Груздинская В.С. 220-й юбилей АН СССР в победном 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи // Вестник РУДН. Серия: История России. Т. 19. 2020. № 2. С. 374–392.
25. Лиманова С.А. Победный парад советской науки // Родина. 2020. № 6. С. 122–125.
26. Корзун В.П., Колеватов Д.М. «Русские поклоняются знаниям» (220-летний юбилей АН СССР в восприятии канадского ученого) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, № 3. С. 207–219.

27. Куперштох Н.А. Образ науки в послевоенном мире: юбилейное заседание Президиума Академии наук СССР в июне 1945 г. // *Всеобщая история*. 2020. № 2. С. 3–11.
28. Огурцов А.П. Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций) // *Философские исследования*. 1993. № 3. URL: <http://old.ihst.ru/projects/sohist/papers/ogur93sp.htm> (дата обращения: 22.12.2020).
29. АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 41.
30. Buxton W. Northern Enlightenment: Innis's 1945 Trip to Russia and Its Aftermath// *Harold Innis and the North Appraisals and Contestations* / Edited by William J. Buxton. London : McGill-Queen's University Press Montreal, 2013. P. 246–272.
31. Юбилейная сессия АН СССР 15 июня – 3 июля 1945 г. : в 2 т. Т. 2. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947.
32. Архив Српска академја наука и уметности, ф. Александра Белића, 14386-III/2154.
33. Архив Српска академја наука и уметности, ф. Александра Белића, 14386-III/2155.
34. Сорокина М.Ю. Открытая сцена, или Двухсотлетний юбилей Академии наук // *На переломе: Отечественная наука в конце XX–XXI вв.* СПб. : Нестор-История, 2005. Вып. 3. С. 206–235.
35. Корзун В.П. Юбилей Академии наук в первой половине XX века: конструирование коммуникативного поля // *Наука как общественное благо : сб. науч. ст. : в 7 т. М. : Русское общество истории и философии науки, 2020. Т. 5. С. 60–63.*
36. АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 581.
37. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В.П. Корзун. М., 2011.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 декабря 2020 г.

“Science Has No Fatherland: This Slogan Is Both True and Not” (Foreign Scientists’ Responses on the 220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 85–94.

DOI: 10.17223/15617793/472/11

Victoriya S. Gruzdinskaya, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: vik11910314@yandex.ru

Valentina P. Korzun, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: korzunv@mail.ru

Keywords: USSR Academy of Sciences; anniversary; Great Patriotic War; Victory; scientists; foreign scientists; Soviet science; communication field; international cooperation; national science.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-09-00264.

In this article, the responses of foreign scientists to the jubilee commemoration dedicated to the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences (June 15–30, 1945) are analyzed. The aim of this article is to clarify the trend of reformatting the communicative field of science in a unique historical period suffused with the pathos of the Victory, fresh memories of the joint struggle within the anti-Hitler coalition, hopes for building a better world. The source basis of the study is representative. It includes interviews of foreign guests published both in the Soviet Union and abroad, ego sources, reports, and questionnaires. Many of them were collected and preserved in the papers of the All-Union Committee for the 220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences in the Archive of the Russian Academy of Sciences (No. 519) and among the personal papers of Academician V.L. Komarov (No. 277). One of the reports of the British delegation is preserved among the personal papers of Sir Henry Dale in the Archives of the Royal Society. V.S. Gruzdinskaya, one of the authors of this article, and M. V. Kovalev co-published this document. The indicated subject is studied fragmentary in modern historiography, the exception is an article by N.A. Kuperstoch, “The image of science in the post-war world: the anniversary conference of the Presidium of the USSR Academy of Sciences in June 1945”, which analyzes the responses to the anniversary in the framework of one of the sessions. The anniversary is treated as a communicative platform. In the present article, it allows clarifying the ideas and concepts of national-state science and the ideas of academic internationalism, which involves the use of methods of social and intellectual history. In the space of the anniversary, the idea of a common world science was expressed clearly. Science is international by nature and cannot be confined within the borders of one country. Programs for the formation of a common communicative space were proposed. It was planned to organize an international scientific publishing house, an international abstract journal, an intensive exchange of scientists and students, holding of symposiums, conferences, seminars, and unification of the scientific language. The idea of institutionalizing the “unity of science” emerged. Joseph Needham, an English biochemist, put forward an initiative to create an International Service for Scientific Cooperation. He prepared a memorandum, “The Place of Science and International Scientific Cooperation in Post-war World Organisation”. The responses of the foreign participants of the commemoration show the image of Soviet science and some of its national features. One of them was called rootedness in popular culture, which reflected the scale of scientific achievements’ popularization. The reverse side of popularization was the exaggeration of Russian scientists’ achievements as a means of inflating national pride. Thus, one of the participants of the celebration, Sir Eric Ashby, captured the specifics of the opposition of Soviet science to the rest of the world – Soviet means excellent. This trend was clearly manifested somewhat later in other international and domestic political contexts.

REFERENCES

1. Crawford, E. (1992) *Nationalism and internationalism in science, 1880–1939. Four studies of the Nobel population*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Korzun, V.P. (2000) *Obrazy istoricheskoy nauki na rubezhe XIX–XX vv.: Analiz otechestvennykh istoriograficheskikh kontseptsii* [Images of Historical Science at the Turn of the 20th Century: Analysis of domestic historiographical concepts]. Yekaterinburg; Omsk: Omsk State University; Ural State University.
3. Dmitriev, A.N. (2007) Ot akademicheskogo internatsionalizma – k sisteme natsional’no-gosudarstvennoy nauki [From academic internationalism to the system of national-state science]. In: Kolchinskiy, E.I., Beyrau, D. & Layus, Yu.A. (eds) *Nauka, tekhnika i obshchestvo Rossii i Germanii vo vremya Pervoy mirovoy voyny* [Science, Technology and Society in Russia and Germany during the First World War]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 32–56.
4. Baturin, Yu.M. (ed.) (2016) *Sud’ba proekta “Russkaya nauka”. 1916–1920 (k 100-letiyu komissii po izdaniyu sbornika “Russkaya nauka”) : stat’i i dokumenty* [Fate of the project “Russian Science”. 1916–1920 (to the 100th anniversary of the Commission on the publication of “Russian science”): articles and documents]. Saint Petersburg; Moscow: [s.n.]. pp. 11–105.

5. Gruzinskaya, V.S. & Korzun, V.P. (2019) "The anniversary, as it seems to me, will be a nationwide event ...": Documents on the history of the celebration of the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"* – Herald of Omsk University. Series Historical Studies. 3. pp. 281–293. (In Russian). DOI: 10.25513/2312-1300.2019.3.281-293
6. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH)]. Fund 17. List 125. File 3559. Paper. 12. (In Russian).
7. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 3. List 33. File 137.
8. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 519. List 1. File 50.
9. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 519. List 1. File 34.
10. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 519. List 1. File 584.
11. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 519. List 1. File 585.
12. Britanskiy soyuznik. (1945) Britanskiye uchenye ob uspekakh sovetskoy nauki [British scientists about the successes of Soviet science]. *Britanskiy soyuznik*. 28. 15 June. P. 10.
13. Vechernyaya Moskva. (1945) Dostizheniya sovetikh uchenykh [Achievements of Soviet scientists]. *Vechernyaya Moskva*. 145. 22 June. P. 1.
14. Pravda. (1945) Nakanune yubileynoy sessii Akademii nauk SSSR [On the eve of the anniversary session of the USSR Academy of Sciences]. *Pravda*. 141. 14 June. P. 1
15. Ashby, E. (1947) *Scientist in Russia*. New York: Penguin Books.
16. Innis, H.A. (1981) *Innis on Russia. The Russia Diary and other writings by Harold A. Innis*. Toronto: Harold Innis Foundation. pp. 13–50.
17. Kovalev, M.V. & Gruzinskaya, V.S. (2020) "Everyone was enormously impressed with the friendliness, hospitality and enthusiasm of the soviet scientists". The report, drawn up by Brenda Tripp, a representative of the British council in the USSR, on the visit of the British delegation to Moscow and Leningrad to celebrate the 220th anniversary of the Academy of Sciences of the Soviet Union. July 1945. *Istoricheskiy arkhiv – Historical Archives*. 4. pp. 87–107. (In Russian).
18. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 519. List 1. File 583.
19. Pavlova, G.E. (1974) 220 let Akademii nauk SSSR [220 years of the Academy of Sciences of the USSR]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki – Studies in the History of Science and Technology*. 1 (46). pp. 21–25. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-2-374-392
20. Kremontsov, N.L. (2003) Plody pobedy [Fruits of victory]. In: Kolchinskii, E.I. (ed.) *Nauka i krizisy: istoriko-sravnitel'nye ocherki* [Science and Crises. Historical-comparative issues.]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 794–795.
21. Orel, V.M. (ed.) (1999) *Rossiyskaya Akademiya nauk: 275 let sluzheniya Rossii* [The Russian Academy of Sciences: 275 years of service to Russia]. Moscow: Yanus-K. pp. 31–37.
22. Bykovskaya, G.A. & Makedonskaya, V.A. (2015) 220-letie Akademii Nauk: podvedenie itogov deyatelnosti v gody VOV [220th anniversary of the Academy of Sciences: summing up the results of activities during the Great Patriotic War]. *Sovremennye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk. Seriya "Sotsial'no-politicheskoe razvitiye rossiyskogo obshchestva"*. 2. pp. 19–24.
23. Gruzinskaya, V.S. (2020) Yubiley Akademii nauk SSSR v 1945 g. v zerkale inostrannykh privetstvennykh adresov [Anniversary of the USSR Academy of Sciences in 1945 in the mirror welcoming foreign addresses]. *Rossiya XXI – Russia XXI*. 2. pp. 26–39.
24. Korzun, V.P. & Gruzinskaya, V.S. (2020) The 220th anniversary of the Academy of Sciences of the USSR in the victorious 1945: A scenario of celebration in the sociocultural context of the era. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN journal of Russian history*. 2 (19). pp. 374–392. (In Russian). DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-2-374-392
25. Limanova, S.A. (2020) Pobednyy parad sovetskoy nauki [Victory parade of Soviet science]. *Rodina*. 6. pp. 122–125.
26. Korzun, V.P. & Kolevatsky, D.M. (2020) "Russians worship intelligence" (220th anniversary of the USSR Academy of Sciences in the perception of a Canadian scientist). *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 3 (162). pp. 207–219. (In Russian). DOI: 10.26907/2541-7738.2020.3.207-219
27. Kupershtokh, N.A. (2020) The image of science in the post-war world: anniversary meeting of the Presidium of the Academy of Sciences of the USSR in June 1945. *Vseobshchaya istoriya – Universal History*. 2. pp. 3–11. (In Russian). DOI: 10.25791/vseist.02.2020.1097
28. Ogurtsov, A.P. (1993) Nauchnyy diskurs: vlast' i kommunikatsiya (dopolnitel'nost' dvukh traditsiy) [Scientific discourse: power and communication (complementarity of two traditions)]. *Filosofskie issledovaniya*. 3. [Online] Available from: <http://old.ihst.ru/projects/sohist/papers/ogur93sp.htm>. (Accessed: 22.12.2020).
29. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 519. List 1. File 41.
30. Buxton, W. (2013) Northern Enlightenment: Innis's 1945 Trip to Russia and Its Aftermath. In: Buxton, W.J. (eds) *Harold Innis and the North Appraisals and Contestations*. London: McGill-Queen's University Press Montreal. pp. 246–272.
31. USSR AS. (1947) *Yubileynaya sessiya AN SSSR 15 iyunya – 3 iyulya 1945 g.* [Anniversary Session of the USSR Academy of Sciences 15 June – 3 July 1945]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.
32. Archive of the Serbian Academy of Sciences and Arts. Aleksandar Belić Fund. File 14386-III/2154.
33. Archive of the Serbian Academy of Sciences and Arts. Aleksandar Belić Fund. File 14386-III/2155.
34. Sorokina, M.Yu. (2005) Otkrytaya stsena, ili Dvukhsotletniy yubiley Akademii nauk [Open stage, or Bicentennial anniversary of the Academy of Sciences]. In: Kolchinskii, E. I. & Konashev, M.B. (eds) *Na perelome: Otechestvennaya nauka v kontse XX–XXI vv.* [On the Edge. Science in Russia at the end of XX–XXI centuries]. Vol. 3. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 206–235.
35. Korzun, V.P. (2020) Yubiley Akademii nauk v pervoy polovine XX veka: konstruirovaniye kommunikativnogo polya [Anniversaries of the Academy of Sciences in the first half of the twentieth century: designing a communication field]. In: Shipovalova, L.V. & Kasavin, I.T. (eds) *Nauka kak obshchestvennoye blago* [Science As a Public Good]. Vol. 5. Moscow: Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauki. pp. 60–63.
36. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 519. List 1. File 581.
37. Korzun, V.P. (ed.) (2011) *Transformatsiya obraza sovetskoy istoricheskoy nauki v pervoe poslevoennoye desyatiletie: vtoraya polovina 1940-kh – serebryanaya 1950-kh gg.* [Transformation of the image of Soviet historical science in the first post-war decade: the second half of the 1940s – mid-1950s]. Moscow: ROSSPEN.

Received: 25 December 2020

В.А. Есипова

АРКАДИЙ, АРХИЕПИСКОП БЕЛОВОДСКИЙ: К ВОПРОСУ О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ БИОГРАФИИ

Рассматриваются документы из хранилищ г. Томска, проливающие свет на ранний этап биографии Аркадия, архиепископа Беловодского. Приводятся материалы из следственного дела, описывающие его арест в деревне Батурино под Томском в 1869 г. Используются материалы описей, из которых видно, какие книги были изъяты у него при аресте. Две из них удалось соотнести с рукописями, хранящимися в настоящее время в ОРКП НБ ТГУ. Публикуется текст письма Аркадия, находившегося между листами еще одной рукописи.

Ключевые слова: старообрядчество; Томск; архиепископ Аркадий; Беловодская иерархия; религиозные самозванцы

Постановка проблемы. Легенда о Беловодье широко известна и привлекала внимание исследователей неоднократно, однако история старообрядческой Беловодской иерархии лишь начинает детально изучаться. Частично реконструирована биография Аркадия, архиепископа Беловодского, опубликованы соответствующие документы. Однако детально изучен лишь поздний период деятельности этого примечательного религиозного самозванца и авантюриста, ранние же годы и период складывания его «легенды» пока почти неизвестны. Целью настоящей работы и является систематизация имеющихся по этому вопросу данных и введение их в научный оборот.

Историография вопроса. Самые ранние публикации по интересующему нас вопросу были выполнены представителями старообрядческой Белокриницкой иерархии в 1881 и 1896 гг. Их сильно беспокоила растущая популярность Аркадия на Урале, по этой причине они провели большую сопоставительную работу с документами, посетили самого Аркадия и выпустили разоблачительный текст, где опровергали его право на статус и чин (подр. см.: [1]). Сообщения о нем присутствуют как в центральной, так и провинциальной периодике второй половины XIX в. [2, 3], а деятельности так называемой Славяно-Беловодской иерархии посвящено специальное исследование И. Никифоровского [4, 5]. О томском периоде жизни Аркадия впервые написал Д.Н. Беликов, основываясь на материалах Томской духовной консистории, он же опубликовал текст ставленной грамоты Аркадия [6]. Обращались к этой неоднозначной личности и современные исследователи. Так, С.А. Белобородов [7] не только ввел в научный оборот новые данные о биографии Аркадия, но и констатировал, что его последователи встречаются на Урале до сих пор. В недавно вышедшей монографии и ряде статей Е.С. Данилко и Н.Ю. Бубнова [1, 8–12] обобщены материалы московских и петербургских архивов, в том числе подробно освещающие деятельность Аркадия начиная с 1874 г. Вкратце изложим, что известно исследователям об Аркадии на настоящий момент.

В миру Аркадий являлся Антоном Савельевичем Пикульским, родился он 3 августа 1834 г. Его отцом был Савелий Тимофеевич Пикульский, коллежский асессор, служивший в Анапском артиллерийском гарнизоне. Правда, Антон Савельевич неоднократно упоминал о своем благородном происхождении, и это

подтвердилось: мачеха Пикульского показала во время одного из многочисленных следствий по его делу, что он является ее пасынком от князя Кирилла Дмитриевича Урусова [12. С. 28]. Годы его молодости известны в основном по его автобиографии, опубликованной в Пермских губернских ведомостях с его слов [2]. Оттуда явствует, что с ранних лет Пикульский много странствовал, посещал разнообразные старообрядческие скиты и жил там. В монахи он якобы был пострижен на Выге, а потом старообрядцы увезли его за границу, в мифическое Камбайское королевство, где он и был рукоположен патриархом Мелетием в сан архиепископа всея Руси и Сибири. В Россию Пикульский вернулся в 1858 г., и после этой даты можно судить о его биографии уже на основании документов. Так, в 1858 г. в составе арестантской партии он следовал по этапу на поселение в Сибирь. Путь проходил через Юго-Камский завод, где Пикульский умудрился связаться с местными старообрядцами. В своем письме к ним он впервые объявил открыто о своем священстве. В 1874 г. он из Сибири бежал, обосновался на Урале, – и именно этому периоду его жизни посвящена указанная выше монография Е.С. Данилко и Н.Ю. Бубнова. Таким образом, как видно, часть биографии Аркадия известна лишь с его слов, а период с 1858 по 1874 г. и вовсе неизвестен. Рассмотрим документы, позволяющие заполнить эту лакуну.

Источники. В Государственном архиве Томской области (ГАТО) хранится следственное дело [13], заведенное в 1869 г., когда Аркадий был арестован в окрестностях Томска. Очевидно, на материалах этого дела в первую очередь основывался Д.Н. Беликов в указанной работе о томском расколе. При аресте у Аркадия и его последователей была изъята библиотека, книги из которой частью были переданы в Томскую духовную семинарию, где хранились в составе «раскольничьей» библиотеки, использовавшейся для образовательных нужд миссионерского отделения. В 1920 г. библиотека семинарии поступила в Научную библиотеку Томского государственного университета (НБ ТГУ), где и хранится в настоящее время; наиболее примечательные рукописи и издания находятся в отделе рукописей и книжных памятников (ОРКП НБ ТГУ). Сейчас удалось идентифицировать отдельные экземпляры из этой библиотеки, подробнее о них будет сказано ниже. Наконец, дополняет этот

комплекс письмо – вероятно, автограф Аркадия, которое находилось между страниц еще одной рукописи. Последняя была изъята у старообрядцев, проживавших в томско-чулымской тайге в 1874 г. Таким образом, в нашем распоряжении имеется комплекс документов, относящихся как раз к тому периоду жизни Аркадия, который до настоящего времени оставался практически неизвестен. Рассмотрим, какую информацию из этого комплекса документов можно извлечь.

Аркадий, архиепископ Беловодский и его томская паства. 15 августа 1869 г. в доме крестьянина деревни Батурино Спасской волости Карпа Яковлева Вагина был произведен обыск силами томского окружного исправника Стоцкого и чиновника по особым поручениям Томского губернского управления Ананьина, при участии волостного головы с. Спасского. При обыске была изъята походная церковь, в которой совершались богослужения по старообрядческому чину, а также целый ряд книг. Опись изъятого в доме Карпа Вагина насчитывала 75 предметов, часть из них принадлежали Аркадию, часть – самому Карпу Вагину, а пять книг оказались собственностью томского мещанина Федора Шихова [13. Л. 2–3 об.].

Также при обыске были арестованы и несколько находившихся в доме Карпа Вагина людей; один из них назвался «объявленным из Якутска архиепископом Аркадием» [13. Л. 1 об.]. В доказательство своего высокого сана Аркадий имел при себе грамоту, которая не сохранилась в деле, но у Беликова приведен ее полный текст [6. С. 36–37]. При аресте Аркадий назвался бродягой Иваном Тюлюбаевым, однако позже сменил показания и называл себя Арсением Дмитриевым, а также Демидовым. Д.Н. Беликов указывает, что «в самом конце 1860-х гг. раскольничьи местности Западной Сибири объезжал беглый архиерей, везде отправлявший службу Великого Четверга с уговорением ног. Из другого источника нам известно, что Аркадий любил всякого рода странности при своем архиерейском служении, поэтому думаем, что служба Великого Четверга вне этого дня была его служением» [6. С. 39]. Также Беликов считает, что Аркадий, вероятно, должен был поставлять и священников, однако после разоблачения Аркадия «его ставленники позже сами отказались от своего поставления, узнавши о проходимстве поставлявшего» [6. С. 39]. По мнению исследователя, путь Аркадия лежал через западную сторону Томской губернии, а именно через Каинский округ. Известно, что с 1868 по 1872 г. в деревне Кочневой (Кочневке) Каинского округа в доме переселенца Егора Родионова имелась молельня и скрипторий. Беликов считает, что именно там были списаны грамота Аркадия и его подложные указы. Также Беликову была известна переписка между Аркадием и Родионовым, однако обнаружить ее в настоящее время пока не удалось.

Из материалов дела явствует, что следствие продолжалось до 1873 г. Во время следствия Вагин с семейством находились по месту жительства, а Аркадий с еще одним его сподвижником были помещены в томский тюремный замок. Вагин и семейство были подвергнуты процедуре увещевания с целью убедить их

отойти от «раскольнических заблуждений» – впрочем, безуспешному. Аркадий же бежал из тюремного замка весной 1872 г. и поймать его не удалось.

Книги, связанные с именем Аркадия. При обыске в доме Вагина были изъяты многочисленные иконы и предметы архиерейского облачения, а также как минимум 8 книг. Еще несколько книг и документов были присовокуплены к делу чуть позже, 28 апреля и 30 мая 1870 г.; среди них имелись рукописные указы, принадлежавшие Карпу Вагину; их копии имеются в деле: это указ Синода на имя Астраханского губернатора от 20 сентября 1859 г. № 1189 [13. Л. 30–31 об.], циркуляр Министерства внутренних дел Томскому гражданскому губернатору от 18 февраля 1863 г. № 4765 [13. Л. 32–32 об.], указ Сената от 12 ноября 1853 г. [13. Л. 33–33 об.], где якобы старообрядцам предоставлялась свобода вероисповедания. В сопроводительном письме, с которым копии указов были отправлены томскому губернатору, специально оговаривалось, что все три документа переписаны по-славянски. По рассмотрении все они были признаны подложными.

Как и полагалось в таких ситуациях, книги были переданы для экспертизы в Томскую духовную консисторию; всего в итоге к делу были приобщены, помимо церковного убранства и утвари, 15 книг и документов. В контексте данного исследования интересны две книги, препровожденные Ананьиним в консисторию при отношении от 30 мая 1870 г. [13. Л. 10], которые были переданы Ананьину колыванским полицмейстером – к сожалению, без указания на то, у кого именно они были изъяты и каким образом связаны с Аркадием.

Книги, связанные с деятельностью архиепископа Аркадия, рассматривались консисторией в два приема [13. Л. 17–20, 25–26 об.]. В частности, интересующие нас рукописи рассматривались 28 июля 1872 г., они были обозначены при экспертизе следующим образом: «1. Ветхая книга в 8 долю листа, по надписи на доске “Псалтирь Иова патриарха”, а по содержанию разные поучения св. отцев, писанные славянским почерком весьма темно и неразборчиво. 2. Книга Канонник в 4 долю листа, в ветхом разбитом корешке, содержащая писанные по-славянски каноны на разные праздники и разным святым, с надписью на внутренней стороне доски: “Писаны при Иоанне В. Грозном”» [13. Л. 25]. Указанные книги было приказано передать «в правление Томской духовной семинарии для помещения в библиотеку и употребления в миссионерском отделении» [13. Л. 26]. Таким образом часть библиотеки Аркадия оказалась в коллекции Томской духовной семинарии, а позже была перемещена в НБ ТГУ. Полная реконструкция этой библиотеки представляет собой отдельную исследовательскую задачу, однако о двух указанных выше рукописях можно сделать выводы уже сейчас.

В коллекции рукописей ОРКП НБ ТГУ действительно хранятся книги, имеющие на себе записи, указанные при экспертизе в консистории. Так, запись «Псалтирь Иова патриарха» имеется на форзаце весьма известной рукописи – это «Измарагд» [14], рукопись конца XVI в. (рис. 1).

Рис. 1. ОРКП НБ ТГУ. В-845. Измарагд. Форзац с записями

Томский список «Измарагда» был рассмотрен М.Н. Климовой [15], которая пришла к выводу, что это «чрезвычайно своеобразная переработка “Измарагда” основного типа. Переработка, видимо, индивидуальная и рукописной традиции не давшая... это как бы творческая компиляция разных типов “Измарагда”» [15. С. 11]. Как установлено Климовой, большая часть статей в томском списке сопоставима с основным типом «Измарагда» – это 70 глав из 108. Остальные 38 глав – это тексты, не имеющие аналогов в основном типе и расположенные в виде трех вставок, последняя из которых завершает текст. Заметим, что исследование Томского списка усложняется его состоянием: рукопись дефектная, утрачен ее

конец. Подробная роспись всех статей томского списка имеется в составе каталога рукописей НБ ТГУ [16. С. 114–123].

Одной из особенностей «Измарагда» является своеобразный почерк, который сотрудники ОРКП НБ ТГУ одно время называли «квадратным»: писец использовал широкое перо при небольшой высоте строк (рис. 2). В результате чтение рукописи требует определенного навыка. Заметим, что составители экспертного заключения для консистории, вполне квалифицированные специалисты, отдельно отмечали «темное и неразборчивое» письмо именно этой рукописи, а при изъятии книги ее и вовсе обозначили как Псалтирь, ориентируясь на запись на форзаце.

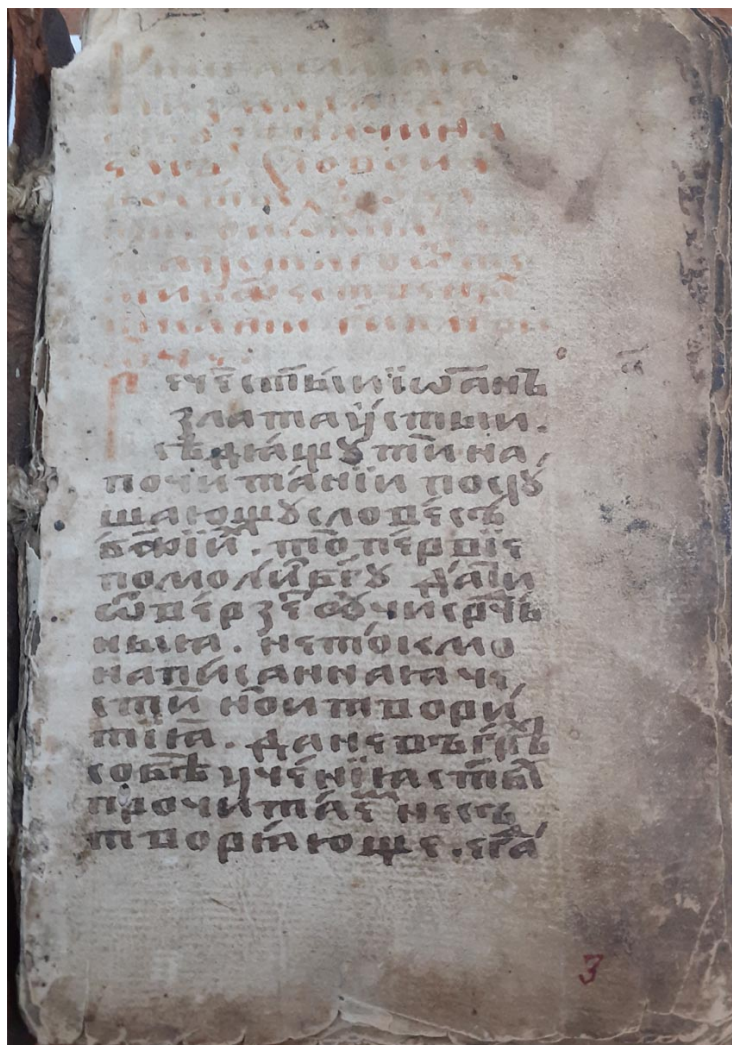

Рис. 2. ОРКП НБ ТГУ. В-845. Измарагд. Л. 3. Образец почерка

Рис. 3. ОРКП НБ ТГУ. В-5713. Канонник. Переплет

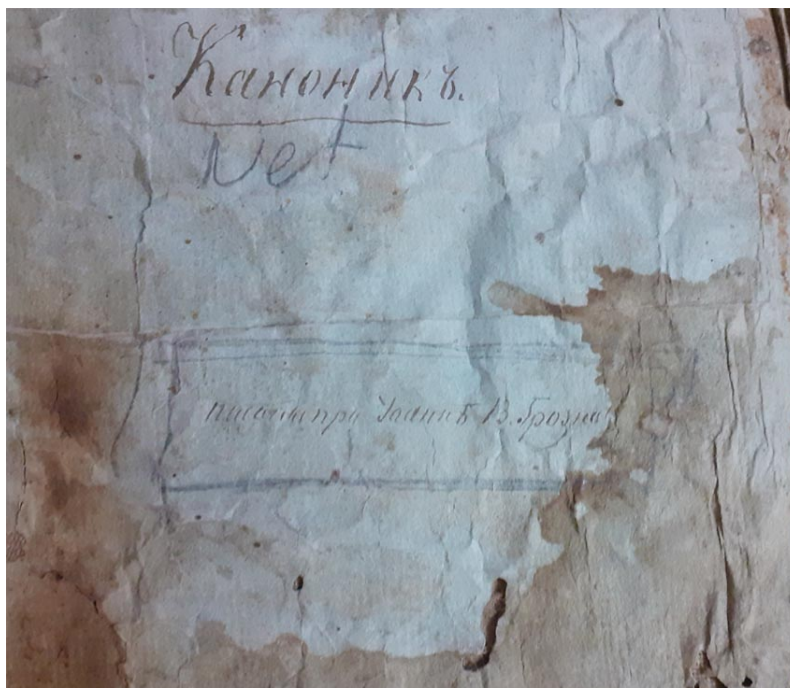

Рис. 4. ОРКП НБ ТГУ. В-5713. Канонник. Записи на форзаце

Вторая рукопись, на которую хотелось бы обратить внимание, – это Канонник [17], она датируется началом XIX в. [18. С. 230–234]. Переплет книги действительно довольно ветхий, при этом обращает на себя внимание материал, из которого он выполнен (см. рис. 3). В качестве основы для крышек использована береста, сверху же она поволочена синим крашеным холстом, корешок кожаный. Однако сохранность блока вполне удовлетворительная. На форзаце читаются записи: «Канонник», «Писан при Иоанна В. Грозном» (см. рис. 4).

Заметим, что упомянутые записи на этих рукописях выполнены одной и той же рукой. В любом случае можно отметить об этих записях следующее. Записи на В-5713 отражают содержание рукописи («Канонник»), но никак не соответствуют времени ее создания («Писан при Иоанна В. Грозном»). В случае же В-845 картина обратная: перед нами точно не Псалтирь, но по времени создания она как раз относится к патриаршеству Иова, первого патриарха Московского. Возникает вопрос: почему владелец, кто бы он ни был, оставил именно на этих рукописях именно такие записи?

Вероятнее всего, владелец (Аркадий) и сам не мог полностью прочесть текст «Измарагда», поэтому он предпочел обозначить рукопись как Псалтирь, текст которой наверняка неплохо знал и мог, в случае необходимости, воспроизвести его наизусть. О том, что Аркадия нельзя отнести к разряду грамотных начетчиков, свидетельствует много фактов – например, его поражение в диспуте с представителями Белокриницкой иерархии в Москве в 1881 г. Сама же книга из носителя текста превратилась в своеобразный символ, который, пожалуй, уже и читать было не обязательно, и стала одним из слагаемых мистификации Аркадия.

Что же касается Канонника – его содержание было очевидно как для владельца, так и для всех остальных участников описываемых событий. Однако владелец обозначил в записи на форзаце период создания кни-

ги, связав его с именем Иоанна Грозного (1530–1584). Вероятнее всего, целью записи было придать книге дополнительный авторитет, «состарив» ее таким нехитрым образом.

Если же формулировать гипотезы о том, где Аркадий мог приобрести тот же «Измарагд», – следует обратить внимание на сообщение С.А. Белобородова о новгородском вояже Аркадия [7. С. 125]. Во время поездки по деревням в окрестностях Новгорода Аркадий не только обращал в свою веру, но и изымал (возможно, принимал в дар) от местных жителей книги и иконы. Не исключено, что и описанные выше рукописи были кем-то Аркадию подарены.

Письмо Аркадия. Имеется и еще одно свидетельство, связанное с именем Аркадия, ныне хранящееся в ОРКП НБ ТГУ. В 1874 г. в Томском округе, в окрестностях деревни Белобородовой было арестовано 45 человек, проживавших в скитах. У них была изъята целая библиотека, также хранящаяся ныне в ОРКП НБ ТГУ. В одну из книг [19] было вложено письмо архиепископа Аркадия, текст которого представлен ниже (рис. 5). Письмо написано четким, ясным полууставом на одинарном листе, сложенном пополам, чернила в настоящее время несколько поблекли, а по краям листа имеются темные затеки, что не позволяет прочесть отдельные фрагменты текста.

В письме Аркадий извещает свою паству, что он как «архиепископ Туркистанский, Бе...ский, Японский, Англо-Индийский, Монжурский и Рос... гельский, Олонецкий, Вологодский, Санкт-Петербургский и... Симбирский, Астраханский» ныне объявился в Сибири и «свидетельствует о себе». Бросается в глаза сходство титулатуры, которую присваивает здесь себе Аркадий, с титулатурой Мелетия, представленной в ставленных грамотах, которые были опубликованы старообрядцами белокриницкого согласия, о чем подробно рассказано Н.Ю. Бубновым [1. С. 91].

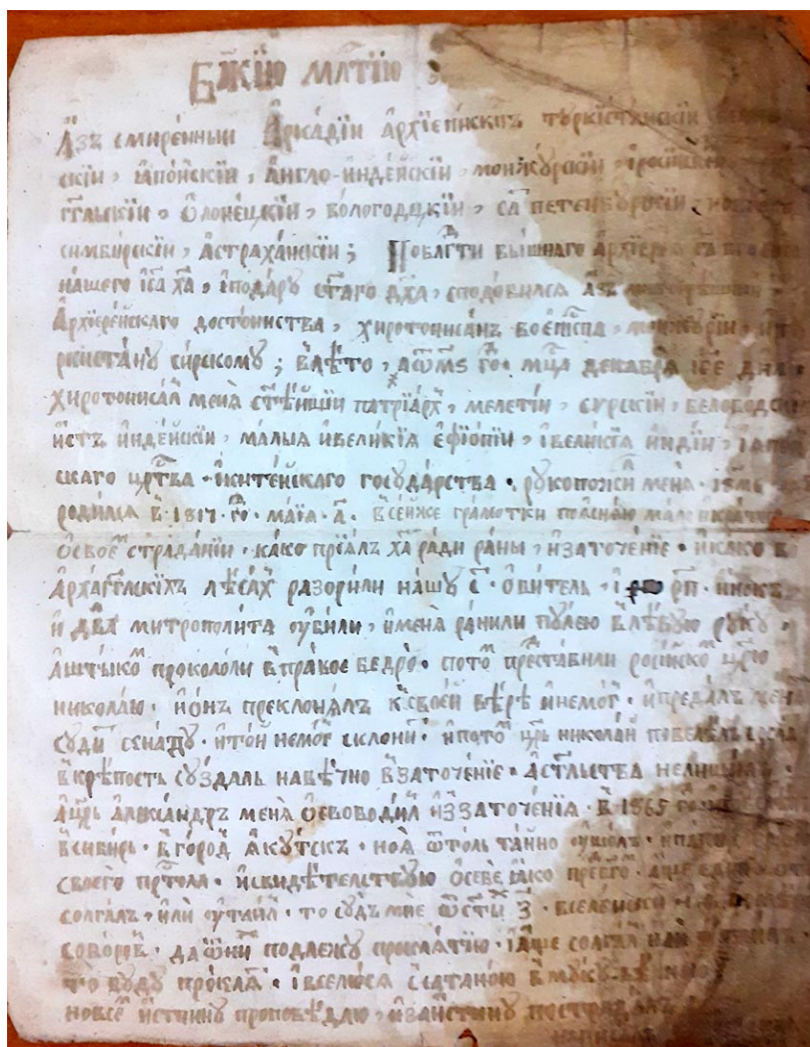

Рис. 5. ОРКП НБ ТГУ. В-5516. Канонник. Вложенное письмо Аркадия

Письмо архиепископа Аркадия.

Божиею милостию аз, смиренный Аркадий, архиепископ Туркистанский, Бе...ский, Японский, Англо-Индийский, Монжурский и Рос...гельский, Олонецкий, Вологодский, Санкт-Петербургский и... Симбирский, Астраханский. По благодати вышняго архиерея Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и по дару святаго духа сподобился аз многогрешный архиерейскаго достоинства, хиротонисан во епископа Монжурии и Туркистану Сирскому в лето 1846 году месяца декабря 15 дня. Хиротонисал меня святейший патриарх Мелетий Сирский, Беловодский, Ист-Индийский, Малыя и Великия Эфиопии и Великия Индии и Японскаго царства и Китейскаго государства. Рукоположил меня 18м году (?). Родился в 1817 году мая 1. В сей же грамотки поясню мало вкратку о своем страдании, како приях Христа ради раны и заточение, и како в архангельских лесах разорили нашу святую (?) обитель, и 180 инок и два митрополита убили, и меня ранили пулею в левую руку, а штыком прокололи в правое бедро. Потом представили Российскому царю Николаю, и он преклонял к своей вере, и не мог, и предал мене судить сенаду, и той не мог склонить. И потом царь Николай повелел сослать в крепость Суздаль навечно в заточение, а святительства не лишил. А царь Александр меня освободил из заточения в 1865 году и... в Сибирь, в город Якутск. Но я оттоль тайно ушел, и па... своего престола, и свидетельствую о себе, яко пред Богом, еще един... солгал или утаил, то суд мне от святых 7 вселенских и 9 поместных соборов, да от них подлежу проклятию. И еще солгал или утаил, то буду проклят, и вселюся с сатаною в муку вечную, но всем истину проповедаю и за истину пострадал. Написал...

Всего опубликовано 5 ставленных грамот Аркадия, там Мелетий именуется довольно разнообразно, например «патриархом Славяно-Беловодским, Индостанским, Индианским, Камбайским, Японским, Англо-Индийским, Ост-Индии и Вест-Индии и Африки, и Америки, и земли Хили, и Магелланские земли, и Абиссинии». Видно, что в сравнении с публикуемым письмом часть экзотических названий исчезла, часть появилась, а часть – претерпела изменения. Тут следует вспомнить, что при одном из арестов Аркадия, уже на Урале, у него был изъят учебник географии, в котором некоторые названия были помечены крестиками [7. С. 125]. Также видно, что в письме Аркадий существенно прибавил себе лет: в качестве

года рождения указан 1817 г., что на 17 лет ранее известной даты его рождения. Дата является важной, поскольку, согласно церковным правилам, поставление в высшие должности невозможно до достижения поставляемым возраста в 40 лет. Важным является и мотив мученичества за веру, принятого Аркадием: он особенно акцентирует внимание своих последователей на многочисленных гонениях и полученных ранах.

Прием самопрезентации использовался Аркадием и в дальнейшем: так, С.А. Белобородов указывает на публикацию письма Аркадия в старообрядческом журнале «Истина» весной 1880 г. [7. С. 124]. Однако в более поздний период карьеры Аркадий больше внимания уделял использованию ставленных грамот,

предпочитая апеллировать не столько к экзотичности титулов, сколько к внешнему, хоть и вымышленному авторитету.

Отметим также сходство почерка ставленной грамоты, ныне хранящейся в РГАДА [12. С. 48, 93], с почерком публикуемого ниже письма. Исходя из того что письмо находилось в одной из книг, конфискованных в томско-чулымской тайге в 1874 г., можно предположить, что это была своеобразная «проба пера», подготовка к появлению на Урале и поиск возможных вариантов поведенческой стратегии. Скорее всего, Аркадий понял, что для него самого такое количество титулов – это перебор, поэтому в дальнейшем, в ставленных грамотах, часть из которых была переписана им самим, все эти пышные названия присваиваются уже не самому Аркадию, а поставившему его патриарху Мелетию.

Выводы. Возникает вопрос: насколько возможно в точности идентифицировать томского Аркадия с известным архиепископом Беловодским, о котором неоднократно сообщали исследователи, – ведь при аресте он назвался вымышленными именами. В пользу этой версии говорит совпадение по таймингу: известно, что Аркадий объявился на Юго-Камском заводе (Урал) в 1874 г. Из томского тюремного замка наш персонаж сбежал в марте 1872 г. Предположим, что после побега он скрывался в томско-чулымской тайге, в районе деревни Белобородовой. В 1874 г., после разорения старообрядческого скита и ареста проживавших там насельников Аркадий снова бежал и объявился уже на Урале. Таким образом, около пары лет у него ушло на обновление легенды и подготовку эффектного появления среди уральских старообрядцев. Отметим также, что неизвестны на настоящий момент иные, кроме казуса Пикульского, случаи объявления себя Аркадием, архиепископом Беловодским. Д.Н. Беликов однозначно считал, что это один и тот же человек.

Кроме того, все сказанное выше о записях на двух рассматриваемых рукописях хорошо коррелирует с представлениями о характере и методах работы Аркадия, которые сложились на настоящий момент, исходя из исследования других источников. Так, уже упомянуто стремление Аркадия как-то обосновать свое благородное происхождение – от князей Урусовых. Появление в записях на книгах громких имен, скорее всего, явление того же порядка. Применение в письме

Аркадия непонятных, звучных названий для формулировки своей титулатуры, а также использование поведенческого паттерна «страдалец за веру» служит аналогичным целям.

Полученные факты показывают, что основные приемы, которыми пользовался Аркадий во время взлета своей карьеры в уральский период, были им апробированы еще в его бытность в Сибири. Уже в это время он использовал подложные грамоты и указы, старательно запутывая следствие, да и свою паству, называясь разнообразными именами. Библиотека, отобранная у Аркадия и его последователей, заслуживает отдельного изучения, но уже идентифицированные книги, безусловно, привлекают внимание: это и специфичнейший томский список «Измарагда», непонятно где и когда приобретенный Аркадием, и записи на идентифицированных книгах, также свидетельствующие о стремлении к мистификации и созданию авторитета с помощью подлога. Отметим в скобках, что «Измарагд» вполне мог служить авторитету своего хозяина и в своем оригинальном виде. Однако владелец, очевидно, не мог оценить реальную роль и значение рукописи, поэтому прибег к созданию подложной записи, связанной с именем патриарха Иова. О том, что такой метод не был случайностью, свидетельствует вторая рукопись с владельческой записью тем же почерком.

Обращает на себя внимание также письмо, публикуемое в рамках настоящей статьи. Оно, как представляется, демонстрирует один из этапов складывания «легенды» Аркадия, которую в уже завершенном виде мы наблюдаем в более поздний, уральский, период его жизни, и показывает трансформацию иерархии авторитетов, которую он выстраивал в своей легенде: если в томский период он присваивает пышные несуществующие титулы себе, то позже, в бытность на Урале, он наделяет ими же мифического патриарха Мелетия, авторитетом которого он освящает свою ставленную грамоту.

В целом документы, обнаруженные в томских хранилищах, проливают свет на ранний период жизни архиепископа Аркадия – Антона Савельевича Пикульского – и дают нам новые материалы для реконструкции не только его биографии, но и одного из первых этапов складывания легенды о Беловодском иерархе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубнов Н.Ю. Подложные ставленные грамоты «архиепископа» Аркадия Беловодского // Вестник «Альянс-Архео». М., 2016. С. 80–111.
2. Автобиография лжеархиепископа Аркадия, по собственноручной его рукописи // Пермские губернские ведомости. 1899. № 252–253, 278.
3. Новоизобретенная иерархия у раскольников // Прибавление к «Церковным ведомостям». 1889. № 24. С. 686–689.
4. Никифоровский И.Т. К материалам для характеристики современного раскола // Христианское чтение. 1890. № 11–12. С. 689–694.
5. Никифоровский И.Т. Из истории «Славяно-Беловодской иерархии». Самара : Типо-лит. Н.А. Жданова, 1891. 43 с.
6. Беликов Д.Н. Томский раскол: исторический очерк от 1834 по 1880-е годы. Томск : Типо-лит. П.И. Макушина, 1901. III, 246, 5 с.
7. Белобородов С.А. Славяно-беловодская иерархия (материалы для истории затянувшейся мистификации) // Сибирь на перекрестке мировых религий : материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти выдающегося ученого и педагога, специалиста по библеистике, проф. НГУ М.И. Рижского / отв. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2002. С. 124–126.
8. Данилко Е.С. В поисках Беловодья: (утопические легенды уральских казаков) // Старообрядчество: История, культура, современность. Материалы. М., 2007. Т. 2. С. 218–224.
9. Данилко Е.С. «Смирренный архиепископ Аркадий»: некоторые страницы из истории Беловодской иерархии // Судьба старообрядчества в XX – начале XXI в.: история и современность. Киев; Винница, 2011. Вып. 5. С. 369–390.
10. Бубнов Н.Ю. Поиски старообрядцами истинного архиерейства. «Архиепископ» Аркадий Беловодский // Судьба старообрядчества в XX – начале XXI в.: история и современность. Киев; Винница, 2011. Вып. 5. С. 353–368.
11. Бубнов Н.Ю. Белокриницкая и Беловодская иерархии: идеологическое противостояние // Старообрядчество: История, культура, современность. Материалы. М., 2007. Т. 1. С. 397–419.

12. По Уралу и вокруг света в поисках «истинного священства»: Исследования и документы по истории беловодской иерархии / авт.-сост. Е.С. Данилко, Н.Ю. Бубнов. М. : Индрик, 2021. 512 с.
13. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 2. Д. 384.
14. Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ). В-845. Измарагд. Рукопись кон. XVI в. 395 л.
15. Климова М.Н. «Измарагд» XVI в. в фондах НБ ТГУ // Вузовские библиотеки Западной Сибири. Опыт работы. Томск, 1992. Вып. 20. С. 5–12.
16. Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: Каталог. Вып. 1: XV–XVII вв. / сост. В.А. Есипова; под ред. Г.И. Колосовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 424 с., илл.
17. ОРКП НБ ТГУ. В-5713. Канонник. Рукопись нач. XIX в. 146 л.
18. Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: Каталог. Вып. 3. XIX в., первая половина / сост. В.А. Есипова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. 687 с., илл.
19. ОРКП НБ ТГУ. В-5516. Канонник. Рукопись 60–70-х гг. XIX в. 375 л.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 марта 2021 г.

Arkady, Archbishop of Belovodye: On the Initial Stage of His Biography

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 95–103.

DOI: 10.17223/15617793/472/12

Valeriya A. Esipova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: esipova_val@mail.ru

Keywords: Old Believers; Tomsk; Archbishop Arkady; Belovodye's hierarchy; religious impostors.

The legend of Belovodye is widely known and has repeatedly attracted researchers' attention; however, the history of the Old Believers' Belovodye hierarchy is just beginning to be studied in detail. The biography of Arkady, Archbishop of Belovodye, has been partly reconstructed. However, only the late period of his activities has been studied in detail, the early years and the period of the formation of his "legend" are still almost unknown. The aim of this work is to systematize available data on this issue and introduce them into scholarly discourse. The State Archive of Tomsk Oblast (GATO) stores an investigation file started in 1869, when Arkady was arrested in the vicinity of Tomsk, in the Baturino village. During the search incidental to arrest of Arkady and his followers, a book collection was confiscated and partly transferred to the Tomsk Theological Seminary. In 1920 the Seminary's book collection became part of the funds of the Research Library of Tomsk State University Research Library. The data are complemented by a letter that was found between pages of another manuscript, confiscated from the Old Believers who lived in the Tomsk-Chulym taiga in 1874. Thus, there are a number of documents relating to the period of Arkady's life that has remained practically unknown until today. The information from the archival file was studied. It contains materials from the examination of the confiscated books in the Tomsk Theological Consistory; inventories containing indications of their individual characteristics have been preserved. These indications made it possible to identify two of the confiscated books, they are now stored in the Research Library of Tomsk State University. This is *Izmaragd* (lit. 'emerald', 16th century) and *Kanonnik* (lit. 'canon book', 19th century), with specific notes on the endpapers, made in one handwriting. The notes use the "loud" names of the "owners" (Job the Patriarch); the time of their creation is incorrectly indicated ("Written under Ivan the Terrible"). The text of Arkady's letter is published in this article. His handwriting is similar to that in ordination certificates by Arkady that were published earlier. There is also a similarity between the letter and the ordination certificates in the mentioned titles awarded by Arkady. The newly discovered materials allow reconstructing part of Arkady's biography in the period from 1869 to 1874. They also show that Arkady tested the main techniques that he used during the takeoff of his career in the Ural period while he was in Siberia. It was at this time that he already used forged certificates, confused the investigators, calling himself fictitious names. The published letter demonstrates one of the stages of the formation of Arkady's "legend" and shows the transformation of the hierarchy of authorities that he built in his "legend".

REFERENCES

1. Bubnov, N.Yu. (2016) Podlozhnye stavlennyye gramoty "arkhiyeiskopa" Arkadiya Belovodskogo [Forged certificates of the "Archbishop" Arkady of Belovodye]. *Vestnik "Al'yans-Arkheo"*. Moscow. pp. 80–111.
2. *Permskie gubernskie vedomosti*. (1899) Avtobiografiya lzhearkhiyeiskopa Arkadiya, po sobstvennoruchnoy ego rukopisi [Autobiography of the false Archbishop Arkady, according to his own manuscript]. 252–253, 278.
3. *Tserkovnye vedomosti*. (1889) Novoizobretnennaya ierarkhiya u raskol'nikov [The newly invented hierarchy among the schismatics]. Supplement. 24. pp. 686–689.
4. Nikiforovskiy, I.T. (1890) K materialam dlya kharakteristiki sovremennogo raskola [To the materials for characterizing the modern schism]. *Khristianskoe chtenie – Christian reading*. 11–12. pp. 689–694.
5. Nikiforovskiy, I.T. (1891) Iz istorii "Slavyano-Belovodskoy ierarkhii" [From the history of the "Slavic Belovodye hierarchy"]. Samara: Tipo-lit. N.A. Zhdanova.
6. Belikov, D.N. (1901) *Tomskiy raskol: istoricheskiy ocherk ot 1834 po 1880-e gody* [Tomsk Raskol: A historical essay from 1834 to the 1880s]. Tomsk: Tipo-lit. P.I. Makushina.
7. Beloborodov, S.A. (2002) [Slavic Belovodye hierarchy (materials for the history of prolonged mystification)]. *Sibir' na perekrest'e mirovykh religiy* [Siberia at the Crossroads of World Religions]. Proceedings of the Interregional Conference. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 124–126. (In Russian).
8. Danilko, E.S. (2007) V poiskakh Belovod'ya: (utopicheskie legendy ural'skikh kazakov) [In search of Belovodye: (utopian legends of the Ural Cossacks)]. *Staroobryadchestvo: Istoriya, kul'tura, sovremennost'*. 2. pp. 218–224.
9. Danilko, E.S. (2011) "Smirenniy arkhiepiscope Arkadiy": nekotorye stranitsy iz istorii Belovodskoy ierarkhii ["The Humble Archbishop Arkady": some pages from the history of the Belovodye hierarchy]. *Sud'ba staroobryadchestva v XX – nachale XXI v.: istoriya i sovremennost'*. 5. pp. 369–390.
10. Bubnov, N.Yu. (2011) Poiski staroobryadtsami istinnogo arkhieystva. "Arkhiyeiscope" Arkadiy Belovodskiy [The Old Believers' search for the true episcopacy. "Archbishop" Arkady of Belovodye]. *Sud'ba staroobryadchestva v XX – nachale XXI v.: istoriya i sovremennost'*. 5. pp. 353–368.
11. Bubnov, N.Yu. (2007) Belokrinitskaya i Belovodskaya ierarkhii: ideologicheskoe protivostoyanie [Belokrinitskaya and Belovodye hierarchies: ideological confrontation]. *Staroobryadchestvo: Istoriya, kul'tura, sovremennost'*. 1. pp. 397–419.

12. Danilko, E.S. & Bubnov, N.Yu. (eds) (2021) *Po Uralu i vokrug sveta v poiskakh "istinnogo svyashchenstva": Issledovaniya i dokumenty po istorii belovodskoy ierarkhii* [Across the Urals and around the world in search of the "true priesthood": Studies and documents on the history of the Belovodye hierarchy]. Moscow: Indrik.
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 170. List 2. File 384.
14. Department of Rare Books and Manuscripts of the TSU Research Library (ORKP NB TGU). Fund V-845. Izmaragd. Manuscript of the late 16th century. Pages 1–395.
15. Klimova, M.N. (1992) "Izmaragd" XVI v. v fondakh NB TGU ["Izmaragd" of the 16th century. in the funds of the TSU Research Library]. *Vuzovskie biblioteki Zapadnoy Sibiri*. 20. pp. 5–12.
16. Kolosova, G.I. (ed.) (2007) *Slavyano-russkie rukopisi Nauchnoy biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Katalog* [Slavic-Russian Manuscripts of the Research Library of Tomsk State University: A Catalog]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
17. Department of Rare Books and Manuscripts of the TSU Research Library (ORKP NB TGU). Fund V-5713. Kanonnik. Manuscript of the beginning of the 19th century. Pages 1–146.
18. Esipova, V.A. (ed.) (2012) *Slavyano-russkie rukopisi Nauchnoy biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Katalog* [Slavonic-Russian Manuscripts of the Research Library of Tomsk State University: A Catalog]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
19. Department of Rare Books and Manuscripts of the TSU Research Library (ORKP NB TGU). Fund V-5516. Kanonnik. Manuscript of the 1860s–1870s. Pages 1–375.

Received: 15 March 2021

Ю.Ю. Иерусалимский, Г.Г. Попов

ПРОТИВОСТОЯНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА С ГОСУДАРСТВАМИ ЧИНГИЗИДОВ: МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Анализируются последствия столкновения Руси с Монгольской империей и ее наследниками – государствами Чингизидов. Отмечается положительное значение изменений, происшедших в военной логистике Московского государства. Рассматриваются причины эффективности «пушечной и мушкетной революций» в контексте противостояния Москвы с Чингизидами. Доказывается, что освобождение Руси от ордынской зависимости было следствием не только преобразований в военном деле, но и успешного социально-экономического развития русских земель, роста сельского хозяйства и ремесла, в первую очередь, металлургического производства, а также пробуждения русского национального духа.

Ключевые слова: феодальное войско; историческая демография; военное дело; русские земли; Русское государство; государства Чингизидов; «пушечная и мушкетная революции»; Московское княжество

Введение. Согласно теории японского историка Тадао Умесао, феномен формирования двух центров индустриального развития в рамках островных государств Британии и Японии был связан с тем, что обе страны находились в отдалении от нестабильных евразийских степей, которые мешали развиваться континентальным цивилизациям в силу военного давления на последних со стороны кочевников [1. Р. 110–112]. Из теории модернизации Т. Умесао следует, что чем дальше земледельческая культура стояла от степей, тем больше у нее было шансов попасть в разряд стран первого эшелона развития. В этой связи, по мнению японского ученого, Россия неизбежно повторяла путь Исламской цивилизации, а также цивилизаций Индии и Китая. Отсутствие индустриальной революции в Японии в то же время, что и в Англии, Т. Умесао объяснил закрытием Японии для иностранцев в начале XVII в. В теории Т. Умесао много спорного, но интересно, что она анализирует причины отставания цивилизаций центральных регионов Евразии, отбрасывая евроцентристские концепции. Согласно последним, господство Запада в Новое время было предопределено греко-римским наследием.

По Т. Умесао, цивилизации могли совершить переход к капитализму и индустриальному развитию без внешнего влияния, если народы степи не оказывали на них военное давление. По мнению С.А. Нефедова, Русская цивилизация получила импульс к развитию благодаря включению ее в образованную монгольскими завоевателями евразийскую систему обмена знаниями и военными технологиями. Примерно те же идеи высказал Э.С. Кульпин-Губайдуллин [2. С. 37–78]. Т. Умесао не учел важные аспекты в развитии цивилизаций Евразии: номады не всегда выступали в качестве субъекта агрессии, таковым нередко являлись и земледельческие цивилизации. Для аргументации данного положения стоит привести Крестовые походы. Зоны рискованного земледелия также являлись источниками военного давления на развитые общества. В указанном случае отметим походы викингов.

В Северо-Восточной Европе, помимо Скандинавии, был другой источник экспансии – Литовское государство, сформировавшееся в XIII вв. Оно подчинило себе большие территориальные массивы бывшей Киевской Руси [3. С. 182–183], создав в конце XIV в. угрозу существованию княжеств Северо-Восточной

Руси. Отношения между литовскими и юго-западными русскими князьями носили преимущественно даннический характер [4. С. 23–28], как и у русских государств с Чингизидами. «Мушкетная революция» в Северо-Восточной Руси стала ответом в основном на угрозу со стороны Литовского государства.

Для осознания масштабов последствий монгольского завоевания Руси необходимо определить численность населения русских земель перед нашествием, в течение монгольского периода и после него. Однако историческая демография XIII–XIV вв. дает мало ответов на поставленные вопросы [5]. Не намного лучше обстоит вопрос и с выяснением численности населения Русского государства в XIV–XVII в. Стоит согласиться с высказыванием В.Д. Чернышевского, что метод экстраполяции писцовых книг конца XV в. на весь монгольский период не может быть верен [5. С. 11], однако этому методу в историографии нет равновесной альтернативы.

Целью статьи выступают выделение, интерпретация и группировка основных сведений по вопросам военных дела и технологий, а также изучение последствий для России войн, относящихся к монгольскому периоду. Наша гипотеза заключается в том, что численность населения Руси в XIII–XV вв. менялась незначительно, т.е. за монгольский период она не претерпела существенных изменений по сравнению с концом домонгольского периода. В этой связи на фоне «застоя» населения военная организация русских земель не имела достаточной материальной базы. Исходя из этого, необходимо:

- выяснить, что было первично в социально-экономическом развитии России: рост производительных сил, включая и трудовые ресурсы, или же коренные изменения в военной технологии и военной организации;
- определить демографические изменения в русских землях в монгольский период и провести анализ причин, на них повлиявших, включая военные;
- рассмотреть динамику внутренней колонизации, выявить ее связь с военными действиями;
- проанализировать военные технологии и военную организацию, изучить ответ русского общества на военные вызовы, включая и возрождение национального самосознания.

«Революции» в военном деле и Русь. Главной проблемой русских земель в смысле способности их

экономики обеспечить вооруженные силы достаточным количеством средств борьбы теоретически мог стать дефицит металлов. Посмотрим, насколько такое предположение верно. Для обеспечения высокой боеиспособности средневекового европейского войска численностью примерно 40–50 тыс. человек в разгар эпохи Крестовых походов требовалось примерно 100–200 т металла, большая часть которого шла на доспехи тяжелой конницы. Естественно, эти доспехи, как и доспехи для всего войска, не изготавливались за один год и даже десятилетие.

Общегосударственная статистика учета выплавки металлов и производства всех металлических изделий в средневековой Руси не велась. В отечественной исторической литературе отмечалось, что только в одном из пяти крупнейших металлургических районов Руси – около Лужской губы Водской пятины Новгорода – действовали примерно 204 домницы. Эти данные получены на основе анализа писцовых книг 1500 г., но вышеупомянутый металлургический центр существовал еще в монгольский период. Эти домницы могли дать более 11 000 пудов выплавки в год [6. С. 215], что было достаточно для снаряжения доспехами всех рыцарей Германии или Франции. Таких впечатляющих результатов годового производства новгородская металлургия достигла к концу монгольского периода.

Б.А. Рыбаков предположил, что первые домницы возникли в русских землях только в XIII–XIV вв. Самые ранние документальные упоминания о домницах относятся к концу XV в. [7. С. 130]. Рост металлургии в Северо-Западной Руси был связан с расширением внутренней колонизации в данном регионе во второй половине монгольского периода. Особенно активно процесс шел в XV в., что подтверждается результатами археологических раскопок [8. С. 196].

Также стоит упомянуть интересный факт: в 1630 г. устюжские металлурги сделали для русской армии 55 338 ядер разных калибров, в 1631 г. – 62 908, в 1632 г. – 338 500, в 1633 г. – 246 500 [8. С. 199]. Для сравнения, в Бородинском сражении русская артиллерия произвела приблизительно 60 000 выстрелов [9. С. 131]. Разумеется, в начале XIX в. качество боеприпасов было выше, чем в XVII в., но приведенные статистические данные показывают высокий уровень обеспечения русского войска допетровской эпохи.

Из летописного сюжета, относящегося к середине XIV в., следует, что некоторые бояре в Новгороде не имели средств на приобретение доспехов [10. С. 231]. Однако в войне с Великим княжеством Московским 1456 г. практически все новгородские бояре уже имели доспехи европейского образца, которые не брали стрелы московских воинов [11. С. 143]. Итак, за столет в Новгородской республике получила распространение «феодалная революция» в военном деле, сопровождавшаяся развитием тяжелой конницы, тогда как основой московского войска еще оставались конные лучники (татарская модель войска).

В целом, русский боярин за редкими исключениями во времени и пространстве был далеко не европейским рыцарем. К тому же русское военное сословие было малочисленным, уступая и в этом странам Запа-

да. В Англии конца XII в. насчитывалось 5000 рыцарей и 1 400 баронов первого разряда [12. С. 148]. На Руси в монгольский период было меньше бояр при гораздо большей площади территории, чем в Англии [13. С. 197]. Трудно определить, сколько воинов задействовал на р. Шелони в битве с новгородцами Иоанн III, речь идет о нескольких тысячах (5 или 12 тыс. москвитов [14. С. 145–147], не считая татар), но не о десятках тысяч человек [11. С. 148].

«Революция» в военном деле феодальной Европы прошла мимо Руси в IX–XV вв., затронув только Новгород и Псков. Тяжелая конница в русских землях не появилась нигде, кроме двух республик. Однако в военном деле материальная сторона не всегда имеет решающее значение. Как справедливо заметил известный русский историк, ректор Московского университета в 1911–1917 гг. М.К. Любавский, определяющее значение для русских побед имело объединение страны и пробуждение национального чувства [15. С. 355–356]. В подтверждение данного положения М.К. Любавского о возрождении русского национального духа стоит привести содержание выдающихся памятников русской литературы XIV–XV вв. [16], прежде всего «Задонщины», «Сказания о Мамаевом побоище» и «Повести о стоянии на Угре» [17, 18]. Можно вести дискуссии о численности войска Дмитрия Донского, его союзников и Мамае в Куликовской битве, боевых потерях и бенефициарах [19–23], но выдающаяся роль сражения в подъеме русского национального самосознания сомнению не подлежит.

М.А. Несин в одной из своих работ на примере походов войска Василия II и Иоанна III показал, что великокняжеское войско могло хорошо снабжаться только в радиусе 100 км от своей столицы, после этой черты начинались серьезные сложности с логистикой [11. С. 150]. Это обстоятельство частично объясняет, почему московским князьям долго не удавалось покорить великие княжества Тверское и Рязанское. Их столицы находились на расстоянии более 100 км от Москвы. Для ордынцев также были важны Москва, Рязань и Тверь, что обусловило сохранение ими в каждом из этих городов своих княжеских домов, которые были обязаны поддерживать политическую лояльность населения к Чингизидам. Так, без контроля Орды над Тверью Новгород и Псков оказывались для ее войска вне зоны досягаемости из-за невозможности снабжения, а одними грабежами татарские войска не могли долго прокормиться.

Судя по описаниям походов московских князей, Москва в XV в. могла содержать максимум 10 000 воинов, включая вассальные татарские контингенты. С появлением огнестрельного оружия городское ополчение становится силой, но, как показали события Смуты, оно все равно значительно уступало профессиональным воинам.

Для роста численности кавалерии требовалось достаточно развитое коневодство, но в данном случае Русь однозначно отставала от кочевников (табл. 1).

Л.В. Милов связывал слабое развитие коневодства у русских крестьян с недостаточной кормовой базой для этого вида животных в русской аграрной экономике Средних веков [26] и объяснял эти процессы экстенсив-

ными методами ведения хозяйства [27]. Мы согласны с мнением Л.В. Милова, что в русских землях монгольского периода имелось отставание в развитии коневодства по сравнению с рядом других государств. Нехватка лошадей в русском сельском хозяйстве также объясняется тем, что значительная часть пастбищ отдавалась под молочных коров. С XIV в. русские обратились к импорту лошадей у ногайцев, что повысило боеспособность московского войска.

Таблица 1

Процент останков лошадей в общем остеологическом материале в XII – первой половине XV в.

Территории	Москва, XIII – первая половина XV в.	Ниж. Новгород, XIII – первая половина XV в.	Тверь, XIII – первая половина XV в.	Новгород, XIII – первая половина XV в.	Казанский Кремль, XIII – первая половина XV в.	Англия, около 1066 г.
Проценты	3,5	4,3	6,62	1,6	31,4	31

Составлено по: [24. С. 110; 25. Р. 47].

Рассмотрим для сравнения структуру войска одного из соседей русского государства – Казанского ханства. Развитое коневодство позволило ему иметь в начале XVI в. кавалерию общей численностью примерно в 20 000 всадников [28. С. 604], которая составляла главную ударную силу казанского войска. В казанской пехоте в подавляющем большинстве служили незнатные ополченцы на нерегулярной основе. Поступавшие от других народов ханства выплаты позволяли казанцам содержать достаточно многочисленное конное войско, что давало возможность сдерживать наступление Московского государства до появления у последнего стрелецких полков. На рубеже XV–XVI вв. в Русском государстве центральная власть начинает больше внимания уделять логистике, что получило особое развитие при Иване Грозном [29. С. 223]. Однако «мушкетная революция» не уберегла Московскую Русь от многих военных катастроф.

«Мушкетная революция» в Русском государстве XVI в. была вызвана дефицитом кавалерии. Пятиполковая рать, ежегодно выставлявшаяся на р. Оке для прикрытия Москвы от ударов крымских татар, насчитывала в последней четверти XVI в., судя по данным 1580 г., 12–14 тыс. человек [30. С. 143]. В случае необходимости численность войска на этом направлении могла быть существенно увеличена. В 1570 г. Иоанн IV дважды посещал русское войско на р. Оке с инспекционными целями [31. С. 678], а в апреле 1572 г. сделал смотр в Коломне [32. С. 199]. В 1571 и 1572 гг. состоялись крупные походы крымских татар (большую часть войска составляли ногайцы) на Москву с целью восстановления прав Чингизидов на Казань и Астрахань и возобновления Русским государством выплат «выхода». Для борьбы с ними Иван Грозный сосредоточил 11 полков и другие воинские соединения общей численностью примерно 35–40 тыс. человек. Судя по анализу событий 1571–1572 гг., проведенному В.В. Пенским и Т.М. Пенской, Иван Грозный мобилизовал в то время большую часть всего способного воевать мужского населения Волго-Окского междуречья [33. С. 191–192].

Похожая ситуация была ранее, во время похода на Москву крымского хана Сахыб I Гирея (Сахыб I Герей) в 1541 г. Согласно татарским источникам, русские успели быстро собрать войско, пока Сахыб-Гирей потерял сутки на переправе через р. Оку из-за спора с одним из своих военачальников [34. С. 314]. По всей видимости, эта проволочка с переправой спасла не столицу Московского княжества от захвата, а само войско Сахыб-Гирея от разгрома. В источниках сообщается, что татары, к своему ужасу, увидели огромное количество русских ратников, готовых к бою. В связи с этим стоянием на р. Оке, татарские хронисты не сообщают о наличии у русских ручного огнестрельного оружия. Скорее всего, в московском войске пищали во время данных событий отсутствовали или их было очень мало. В то же время отмечается большое количество русских орудий.

Русское ручное огнестрельное оружие упомянуто в связи со знаменитым стоянием на р. Угре в 1480 г. Однако из текста одноименной «Повести» не следует, что это было важной причиной для отказа хана Ахмата перейти реку и вступить в ближний бой с русским войском. Интересная деталь, автор «Повести...» пишет: «Наши поразили многих стрелами и из пищалей, а их стрелы падали между нашими и никого не задевали» [18. С. 517]. Этот отрывок свидетельствует, что качество луков воинов Ахмата оказалось ниже, чем у русских. Само описание противостояния на Угре напоминает больше столкновение двух войск кочевников. Отсюда следует, что к периоду разгара правления Иоанна III русские во многом взяли на вооружение военный опыт номадов, дополняя его применением ручного огнестрельного оружия. Сравнивая два стояния: на р. Угре 1480 г. и на р. Оке 1541 г., можно сделать вывод, что к середине XVI в. русские использовали западные военные наработки в гораздо большей степени, чем в последней четверти XV в.

Сам факт того, что в 1541 г., еще задолго до военных реформ Ивана Грозного (он был тогда совсем юн), Московскому государству удалось в максимально сжатые сроки провести мобилизацию большого количества мужчин и перебросить за сто с лишним километров от столицы множество орудий на р. Оку, указывает на то, что революция в военном деле у русских была уже близка к пику, только не было боевой пехоты, в массовом порядке оснащенной огнестрельным оружием.

В 1541 г. Сахыб-Гирей планировал уничтожить Московский дом Рюриковичей и установить свое прямое правление в Северо-Восточной Руси [34. С. 313–315], подражая в этом смысле политике турецких султанов, вассалом которых он был сам [35. С. 28–31] (о сложных вассальных отношениях крымских ханов и турецких султанов подробно написал в своей монографии известный русский историк второй половины XIX – начала XX в., первый среди русских тюркологов, специально занимавшийся изучением истории Турции, В.Д. Смирнов [36. С. 237–245]). Основу войска у крымских татар в то время составляла конница, вооруженная луками и саблями (всадники имели сменных лошадей). Французский военный инженер Г. Боплан, находившийся на польско-литов-

ской службе в первой половине XVII в., отмечал: «...ловкость и проворство татар удивительны: несясь во весь опор, они перескакивают с усталого коня на заводного и легко избегают преследования неприятелей» [37. С. 44]. В войске крымского хана XVII в. почти не было артиллерии, поэтому, несмотря на более совершенную, по сравнению с Москвой, военную организацию своего войска (было перестроено ханами по образцу Османской империи), дом Гиреев проиграл.

Имея техническое превосходство над крымскими татарами, русские войска, тем не менее, вели борьбу с ними с переменным успехом, несмотря на выдающуюся победу в битве при Молодях в 1572 г. [38. С. 16–51]. Судя по историческим источникам, русские полки под руководством воеводы М.И. Воротынского активно применяли в данном сражении огнестрельное оружие – пушки и пищали [39. С. 180]. Также необходимо принять во внимание моральный фактор. Как отмечал Д.М. Володихин, «при Молодях победил не только талант князей Воротынского и Хворостинина... победило прежде всего русское упорство...» [32. С. 205]. В целом стоит отметить, что Московскому государству не хватало воинов для ведения военных действий по столь широкому фронту при наличии других опасных противников – Речи Посполитой, Швеции и Ливонского ордена.

Ивану Грозному досталось от его отца и деда не плохое войско, оснащенное огнестрельным оружием, но для борьбы с западными армиями оно не имело достаточно огневой мощи. В результате Ивану Грозному потребовалось активное сотрудничество с прибалтийскими немцами, т.е. с иноверцами, чтобы «подтянуть» русскую артиллерию и огневую мощь пехоты до европейского уровня. Это было необходимым, чтобы вступить на равных в борьбу со Швецией за Ревель [40. С. 329–330]. Но для борьбы с Польшей и Швецией Москва по-прежнему отставала в аспекте технологий и военной организации.

Восстановление после «Батыева погрома». Принимая во внимание, что находившиеся в более благоприятных климатических условиях, нежели Новгородская и Псковская земли, Московское государство не содержало войско численностью более 10 000 человек, нагрузка военных расходов на экономику Волго-Окского междуречья не была столь значительной, чтобы говорить о существенных военных издержках русского общества монгольского периода. Этим обстоятельством во многом объясняется отсутствие крупных крестьянских восстаний и выступлений горожан в Московском государстве в XIV–XV вв.

Данные археологических исследований домонгольского и начальных этапов монгольского периодов, произведенных на территории Московского удельного княжества, показывают, что разоренные войском Батия села восстанавливались на том же самом месте во второй половине XIII в. Так, в волости Пехорка (территория по р. Пехорка в 20 км от Москвы) в первой трети XIII в. существовали 13 поселений общей площадью 7,3 га. Три из них так и не были восстановлены после «Батыева погрома», но во второй половине XIII в. 11 поселений оставались на том же месте, что и до монгольского нашествия. К ним

прибавились еще 8 новых поселений, общая площадь селений составила к концу XIII в. уже 8,3 га, что на 1 га больше, чем до 1238 г. [41. С. 459–460]. Меньше повезло волости Воря того же Московского удела, площадь поселений в этой волости к концу XIII в. составила 88% от домонгольского уровня [41. С. 459–460].

Согласно археологическим изысканиям, юго-восточные, южные и юго-западные (лесостепные) окраины Рязанского княжества продолжали развиваться в качестве зон расселения земледельцев во второй половине XIII в. Исследователи не отмечали их серьезного упадка. До первой половины XV в. археологами в рязанском пограничье со степью локализованы 240 земледельческих поселений (преимущественно русских по культуре) [42. С. 31]. К тем же выводам, что и С.И. Андреев, пришел в своей монографии о южных территориях Рязанской земли Н.А. Тропин. Он исходил из того, что 59% всех обнаруженных в этом районе земледельческих поселений, существовавших в XII–XIV вв., относились к монгольскому периоду. Отсюда Н.А. Тропин сделал заключение о росте заселенности южных и юго-восточных окраин Рязанского княжества, который происходил на фоне ослабевающего интереса кочевников к этим территориям [43. С. 90].

Приведенные Н.А. Тропиным данные о более чем двукратном росте количества сел в монгольский период только на юге Рязанского княжества указывают на значительный прирост населения в этом регионе. В то же время население Московского княжества, согласно работе С.З. Чернова, почти не увеличивалось вплоть до завершающего этапа зависимости русских земель от Золотой Орды, а позднее Большой Орды.

Материалы монографии Н.А. Тропина позволяют нам также по-другому взглянуть на демографию Золотой Орды. Ее население не было столь многочисленным даже в первой половине XIV в., так как в это время не наблюдалось демографического давления кочевников на лесостепную окраину Рязанского княжества (движение в зоны рискованного скотоводства). Это противоречит основным теоретическим положениям Э.С. Кульпина-Губайдуллина о демографическом взрыве в Золотой Орде в конце XIII – первой трети XIV в. Мнение о низком давлении кочевого населения в монгольский период на русские лесостепные районы подтверждается археологическими данными: очень мало находок оружия золотоордынцев вблизи рязанского пограничья рядом со степью [44. С. 166].

Монгольское завоевание усилило старую тенденцию – на юге русских земель кочевники препятствовали движению русского населения в степь. В полосе соприкосновения со степью русские крестьяне значительно пострадали от монгольских завоевателей. Согласно коллективной монографии Н.А. Макарова, С.Д. Захарова и А.П. Бужилова, в районе Куликова поля к XIV в. общая численность селений составила 45% от домонгольского уровня [45. С. 224]. Однако через некоторое время после нашествия Батия даже в верховьях Дона началось восстановление движения русских колонистов на юг.

В случае миграции населения с южных берегов р. Оки на север из-за военного давления кочевников,

стоило ожидать увеличения плотности населения в Московском уделе и в районе Владимирского ополья. Однако этого не произошло. Внутренняя колонизация Северо-Восточной Руси шла медленно. С.З. Чернов определил, что экологическая ниша средневекового хозяйствования была заполнена в Мещере к началу XV в., а на Клинско-Дмитровской гряде – только в первой четверти XVI в. [41. С. 461], в годы княжения Василия III, и это происходило всего в 70–100 км от столицы Русского государства.

Тяжесть дани и демография русского населения. В русских землях имел место большой процент безлошадных крестьянских хозяйств. Данный факт дает возможность пересмотреть природу окладной единицы монгольского периода – «две сохи», определив, что «соха» – это крестьянская артель из 8–12 мужчин. Соответственно, главная окладная единица, с которой собирались деньги на «выход»: 16–24 крестьян. В налоговой системе Московского княжества к «сохе» приравнивались занятия промыслами и торговлей, но основную часть населения составляли крестьяне – более 90%.

В конце XIV в. во Владимиро-Московской Руси имелись 4000 «двухсошных артелей» [46. С. 41] (без учета непосредственно Московского княжества, которое платило отдельно 1 500 рублей [47. С. 108]). Каждая из «артелей» насчитывала в среднем от 16 до 24 крестьян, что означает 64 000–96 000 взрослых мужчин в 4000 окладных единицах. Следовательно, с учетом детей, женщин и стариков, во Владимиро-Московской Руси в указанные хронологические рамки проживали максимум 480 000 человек. В реальности население было несколько меньше, так как к «сохе», как отмечалось выше, приравнивались промыслы, заработки купцов и ремесленников. Эти подсчеты

характеризуют численность населения Великого княжества Владимирского к 1393 г., до приобретения Василием I у Орды права на Нижний Новгород, прежде принадлежавший городецкому князю Борису Константиновичу. Известно, что только Городецкий удел Нижегородского княжества дал после этого московскому князю 160 руб. на «выход» [48. С. 28]. При соединенная Даниилом Александровичем в 1301 г. к Москве Коломна с волостями давала при Иване Калите в княжескую казну 342 руб. [49. С. 78].

Выявленная численность населения Великого княжества Владимирского не дает представлений о динамике населения в монгольский период и о численности населения других русских регионов. Метод экстраполяции здесь не может быть применим, так как княжества в разной степени страдали от татарских набегов, междоусобиц, голода и эпидемий.

Для анализа демографии Московского государства в монгольский период важны суммы даннических выплат в Орду. В изданной в 1958 г. статье П.Н. Павлова, которую отмечал А.А. Горский, подробно описывалась роспись даннических выплат в Орду по уделам [50]. По этим данным нами была составлена таблица народонаселения отдельных регионов Северо-Восточной Руси (табл. 2). Мы исходили из максимального количества крестьян – 24 человека – в «двухсошной» окладной единице, которая платила рубль на ордынский выход. Стоит отметить, что размеры дани не менялись для нескольких поколений, что отражает, на наш взгляд, не юридическую фиксированность данной выплаты, но реальную ситуацию с численностью плательщиков. В вопросе объемов и частоты выплаты дани важны подсчеты В.В. Трепавлова. Он выяснил, что в конце XIV в. Великое княжество Владимирское платило ордынцам 4 000 руб. в год [51. С. 64].

Таблица 2

Даннические выплаты и численность населения Руси в XIV – первой трети XV в.

Регион	1300–1382 гг.	1382 г.	1389 г.	1433 г.	Численность населения (максимальная оценка) ¹
Владимирское Великое княжество (ВК)		4 000 руб.	5 000 руб.	5 000 руб.	660 000 чел. (с учетом Московского княжества), 792 000 чел. с 1389 г. (с учетом Московского княжества)
Тверское ВК	2 000 руб.	–	–	–	240 000 чел.
Московское княжество	2 000 руб.	–	1 500 руб.	–	–
Новгород (без учета угро-финских данников)	2 000 руб. ²	8 000 руб.	–	–	240 000 чел. на рубеже XIII–XIV вв. ³
Нижний Новгород и Суздаль	2 000 руб.	–	1 500 руб.	1 500 руб.	240 000 чел. в начале XIV в. и 180 000 чел. в конце XIV в.
Муром и Мещера	–	–	–	500 руб.	60 000 чел.
Рязанское ВК (без Муромской земли)	–	–	–	–	60 000–70 000 чел. ⁴
Ярославское и Костромское княжества (без учета Вологодчины)	–	–	–	–	60 000–70 000 чел. ⁵

Примечания:

¹ При подсчете численности населения мы исходим из того, что взрослое мужское население в русских землях составляло около 20% от всего населения (это соответствует нормам средневековых европейских обществ).

² Для некоторых лет сумма была намного меньше.

³ Доходы Новгорода с начала XIV в. намного в большей степени, чем у других русских государств, определялись экспортными доходами, но не численностью населения.

⁴ Данные подсчеты сделаны по сравнительно-историческому методу: после всех разорений от ордынских набегов, особенно в конце XIII в., Рязанское княжество не могло иметь намного больше населения, нежели Муромская земля.

⁵ Расчеты по этим княжествам сделаны на базе данных, приведенных у П.Н. Павлова, по доле Углича и его округи («Углича поля») в дани в 105 руб. (это заметно ниже, чем по Городцу и Коломне). В Ярославских и Костромских княжествах (без учета Вологодчины) кроме Углича было еще три крупных города – Ярославль, Кострома и Ростов.

Составлено по: [50. С. 101–106; 51. С. 64; 52. С. 98–107].

По оценке В.Л. Янина, в 1334 г. новгородцы передали Москве для «выхода» в Орду более 500 руб., в

1339 г. – более 1 000 руб., в 1385–1386 гг. была отдана огромная сумма в 8 000 руб., но «рекорд» был постав-

лен при «государе Всея Руси» Иоанне III – 17 000 руб. [52. С. 98–107]. При этом весьма вероятно, что в Большой Орде этих денег не увидели. Столь внушительные цифры объясняются, очевидно, взиманием Москвой задолженности от новгородцев за несколько лет. Большие суммы выплат дани Новгородской республикой понятны, если принять во внимание, что только от продажи беличьих шкурок Новгород ежегодно получал 4,2 т серебра [53. Р. 46], тогда как стоимость каждой тонны серебра равнялась приблизительно 6 500 руб. Относительно стабильный характер

численности населения в конце XIII–XIV вв. и его подчиняющиеся общим для Европы тенденциям сокращения населения в конце XIV – начале XV в., совпадают с данными по археологии Московского княжества С.З. Чернова.

На изменение численности населения русских земель негативно влияли эпидемии и голод (табл. 3). Среди причин, вызывавших болезни и мор, следует назвать военные действия, однако сокращение населения из-за указанных причин не относится к прямым источникам боевых потерь.

Таблица 3

Количество походов ордынцев на русские земли и потери населения от эпидемий и голода в монгольский период

Количество походов ордынцев на русские земли	Русские потери	Количество эпидемий и голодовок в русских землях (1237–1507 гг.)	Потери от эпидемий и голода
102	Осада Рязани Батыем (1237 г.) – 8000 погибших. Осада Батыем Владимира (1238 г.) – более 40 000 погибших. Куликовская битва (1380 г.) – 1700–30000 погибших (по разным оценкам). Сожжение Москвы Тохтамышем (1382 г.) – около 24 000 погибших. Суздальское сражение (1445 г.) – более 1000 погибших. Бой в устье р. Камы князя Д.В. Ярославского (1469 г.) – 430 погибших	31	Голод в Новгородской и Смоленской землях – 80 000 умерших перед Батыевым нашествием. Эпидемия в Новгороде в 1504–1507 гг. – 15 396 умерших

Составлено по: [13. С. 226–228; 54. С. 69, 130; 55. С. 191–194; 56. С. 138].

Таким образом, потери русского населения от голода и эпидемий были внушительными и примерно соответствовали военным.

По поводу размеров выплаты дани существуют различные, порой диаметрально противоположные точки зрения. Так, С.А. Нефедов указывает, что «дань отнимала лишь небольшую часть дохода крестьянского хозяйства» [57. С. 28]. Мы же придерживаемся другого мнения. Одним из авторов данной статьи было определено, что в пределах Владимиро-Суздальской Руси размер дани составлял 50% стоимости зернового урожая, полученного средней крестьянской семьей [46. С. 41]. Назовем три основные причины, позволившие в этих тяжелых условиях сохранить и даже обеспечить определенный рост численности населения русских земель: 1) в Нечерноземье имела место высокая для средних веков производительность зернового хозяйства, которая была всего в два раза меньше, чем в Китае [46. С. 22]; 2) продуктивность части крестьянских хозяйств была выше средней; 4) дань фактически выплачивалась не каждый год [52. С. 106] и не всегда в полном объеме (с недоимками) [58. С. 172].

Имелся ли у Чингизидов шанс победить Московскую Русь? Насколько многочисленным были войска Чингизидов и имели ли они шансы взять реванш у Московского царства в конце XV – начале XVII в., как того хотели Ахмат-хан, Сахиб-Гирей и другие захватчики? Отсюда вытекает еще вопрос: почему государства Чингизидов не догнали Русь по уровню применения огнестрельного оружия? Ответы на эти вопросы можно найти в одном событии, хорошо освещенном в восточных источниках, – сражении у Кафы между турками и татарами в 1628 г. Турецкий сводный отряд (в нем были и лояльные султану татары) попал в окружение восставших против владения Порты крымцев и ногайцев. В восточных источниках, со слов османских командиров, сообщается,

что только ногайцев было около 100 000 всадников, но с ними шли еще 1 000 пехотинцев и 800 вооруженных ружьями казаков (надо понимать, конных, т.е. своеобразный отряд рейтар). Огнестрельное оружие было, вероятнее всего, и у пехотинцев, которые являлись, судя по всему, крымскими татарами. Ногайцы были оснащены луками. Ногайцы и крымцы решились атаковать турецкие войска, только имея над ними безусловное превосходство, судя по турецким источникам, оно было десятикратным. Турки под Кафой, имея около 10 000 солдат с огнестрельным оружием, потерпели поражение, однако большая часть их спаслась, отступив за стены крепости [34. С. 356]. Следовательно, для победы (и то далеко не полной) в сражении с войском вооруженным огнестрельным оружием противник должен был иметь многократное превосходство в живой силе.

Развивавшаяся на другом конце Евразии «пороховая» революция в рамках Китая под властью Маньчжурской династии в XVII в. подтолкнула некоторых монгольских князей к стремлению войти в состав России, что подтверждается рядом документов [59. Л. 124–125; 60. Л. 26; 61. Л. 82]. Маньчжурская династия пришла к власти в Китае в 1644 г. в основном за счет распространения в войске маньчжуров огнестрельного оружия, которое они применяли тактически лучше, чем китайцы.

Монголы, как и в случае с ногайцами Крымского ханства, оказались невосприимчивы к новому типу оружия, продолжая полагаться на свое численное преимущество и конную лаву, оснащенную луками. В результате ногайцы и Крымское ханство попали под власть Порты, в то время как ряд монгольских вождей предпочел союз с другой «пороховой» империей – Московской Русью.

Итак, спустя примерно 400 лет с того времени, когда Батый брал русские города, исторический процесс

в Евразии кардинально изменился. Кочевые общества предпочитали союз с более сильной стороной военным и социальным реформам. Однако, надо отметить, что в Забайкалье в конце XVII в. столкнулись две волны «пороховой революции» – русская и китайская. Империи Цин пришлось параллельно вести борьбу с монголами и военные действия с Русским царством [62. Л. 1 и др.], что стало одной из причин заключения Нерчинского мира в 1689 г. Таким образом, границы Московского царства определялись в зонах проживания номадов до начала XVIII в. тем, насколько успешно кочевники могли гасить волну «пороховой революции» и одновременно участвовать в комбинациях военных альянсов земледельческих народов.

«Пороховая» революция затронула в некоторой степени Казанское ханство, население которого, в отличие от Крымского, в значительной части состояло из земледельцев. Однако осада Казани «мятежными мурзами из Горной страны» (выступление чувашей и черемисов в 1551 г.) показывает, что «мушкетная» и «пушечная» революции были локализованы в столице ханства, провинциальная знать значительно уступала столичной по количеству огнестрельного оружия. Об успешном применении артиллерии казанскими воинами указывает тот факт, что в 1506 г. русское войско во главе с князем Дмитрием, братом великого князя Василия III, потерпело поражение под Казанью из-за более эффективного использования татарами пушек [63. С. 200].

Так или иначе, но «пороховая революция» в Казанском ханстве ограничилась, в силу политических и ментальных причин, непосредственно столицей. Из-за сложных отношений казанцев с населением регионов в ханстве не удалось создать вооруженной мушкетами пехоты, аналога стрелецкого войска Ивана Грозного [63. С. 200]. Московское государство в силу своего внутреннего единства использовало в условиях «мушкетной революции» свой демографический ресурс, чего нельзя сказать о Казанском ханстве, которое не смогло этого сделать, имея население около 400–500 тыс. человек (из них около половины татары-земледельцы [64. С. 136]). Одной из причин катастрофы Казанского ханства стало то, что оседлые татары не могли выходить по военно-политическим причинам за пределы района слияния Камы и Волги. В отличие от татар, другие народы ханства находились на заметно более низкой стадии социально-экономического развития [65. С. 22].

Итак, государства Чингизидов вполне могли участвовать в «мушкетной» революции, но кочевые племена категорически не принимали огнестрельного оружия. У кочевников не было в нем необходимости в виду их многочисленности. Сражение у Кафы, в свою очередь, указывает на демографический взрыв второй половины XVI – начала XVII в. среди кочевого населения Крымского ханства. Однако ногайцы обязаны были участвовать во всех больших войнах турецкого султана, что отвлекало их от нападений на Московское царство. Европейские номады испытывали во второй половине XIV – начале XV в. сильный демографический спад, вызванный Великой чумой и междоусобными войнами. Так, тяжелые последствия для

военного потенциала Золотой Орды имели репрессии хана Узбека против язычников Северного Кавказа [44. С. 164]. В XVI в. начинается демографический рост среди номадов, что создает угрозу Московскому государству.

Таким образом, у Чингизидов были шансы даже после 1480 г. нанести серьезное поражение Московскому государству при условии, что кочевые племена (в основном ногайцы) будут вооружены огнестрельным оружием, однако этого не произошло. Э.Д. Филиппс отмечал: «Окончательная победа Ивана IV над татарами (за исключением крымских) была одержана во многом благодаря новым видам огнестрельного оружия, в том числе большим и малым пушкам, которых в степи еще не знали» [66. С. 154]. Кроме того, Московской Руси помог политический фактор – Османская империя и Крымское ханство вступили в череду войн с Польшей, Венгрией и Австрией.

То, что одно распространение огнестрельного оружия в русских землях без его сопровождения другими процессами не могло стать причиной побед Русского государства, подтверждается данными источников по русским потерям периода Смуты. Некоторые регионы Московской Руси в то время пережили настоящую демографическую катастрофу, превзошедшую последствия крымских и казанских набегов. Так, Ворончанский, Себежский, Велейский уезды в 1611–1612 гг. подверглись настоящему опустошению после походов литовских отрядов. Об этом свидетельствуют Дозорные книги указанных территорий [67]. Потери мужского населения этих уездов составили свыше 60%. Демографический спад в конце Смутного времени имел место даже на территории современного Татарстана [68]. Сильно пострадали Вологда и Ростов [69], которые до Смуты находились в стороне от больших военных столкновений.

Заключение. «Революция в военном деле», как отмечалось выше, мало затронула Северо-Восточную Русь. Начиная с Иоанна III Московское государство придерживалось традиции наращивания легкой конницы, которая наносила противнику мощный удар, активно применяя луки и используя высокую маневренность. Данная тактика была заимствована из государств Чингизидов. В то же время татарская модель войска не принесла ожидаемых результатов в борьбе с Великим княжеством Литовским, Швецией и Крымским ханством. Во многом это объяснялось тем, что Московская Русь не имела такого мощного людского мобилизационного ресурса, как Золотая Орда и Крымское ханство, кроме того, русские княжества долгое время страдали от дефицита лошадей. Вмешательство Османской империи в политическое развитие Северного Причерноморья в конце XV в. кардинально изменило расклад сил в Восточной Европе не в пользу Москвы. Русскому государству пришлось сражаться на несколько фронтов, включая зону прикрытия столицы по р. Оке, что значительно сократило возможности успешно противостоять Литве, а затем Речи Посполитой.

Отказ Московского государства развивать у себя тяжелую конницу, по примеру европейских королевств, отказался очень рациональным, если принять

во внимание, что данная мера не дала эффекта в Новгородской республике. Однако в случае с Новгородом надо принимать во внимание, что «феодалная революция» в военном деле в Северо-Западной Руси стала развиваться относительно поздно и на не самой благоприятной с экономической, социальной и политической точек зрения почве.

Последствия монгольского завоевания оказались не столь тяжелыми, чтобы процесс складывания русского централизованного государства был сильно замедлен. Образование централизованного государства вокруг Москвы произошло примерно в то же время, что и в Западной Европе. В отличие от Запада, Северо-Восточная Русь в монгольский период не знала «жакерий» и характерных для киевского периода «вечевых» протестных выступлений против княжеской власти. Одной из причин данного феномена являлась относительная эффективность экономики Северо-Восточной Руси в монгольский период. Данные процессы могли произойти только при ослаблении военного давления nomadов на русские земли, что подтверждается примером русской колонизации Рязанского лесостепного пограничья. Тем не менее не стоит отрицать сложную военно-политическую ситуацию на восточном и южном фронтах Русского государства в XIII–XV вв., однако этот фактор не стоит преувеличивать.

«Пушечная и мушкетная революции», являвшиеся частью «пороховой революции», не были для Руси сами по себе факторами прогресса общества и повышения его обороноспособности, таковыми они стали только в сочетании с социально-экономическими и культурно-духовными изменениями. В отличие от Казанского ханства, Москве удалось добиться на подвластных ей территориях национального единства уже в конце монгольского периода. Во многом национальное единство русских оказалось обусловлено общей для всех восточнославянских земель религией, исчезновением разделения на племена еще в киевский период, развитием единых методов организации хозяйственной деятельности и агротехнологий. Государства Чингизидов за пределами самой Монголии имели «пришлый» характер, что привело в итоге к дезинтеграции в их обществах, яркими примерами чему служат мятежи в Казанском и Крымском ханствах, а также в самой Золотой Орде. Отечественная история XIII–XVII вв. показывает, что прогресс – это не только плоды работы различных технологий, но комплексный многофакторный процесс, включающий, прежде всего, успешное экономическое развитие, мощное централизованное государство и русский национальный дух, о пробуждении которого говорил М.К. Любавский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Umesao T. An Ecological View of History: Japanese Civilization in the World Context. Trans Pacific Press, 2003. 208 p.
2. Кульпин-Губайдуллин Э.С. Золотая Орда: судьбы поколений. М. : ИНСАН, 2006. 125 с.
3. Василенко Н.П. История Западной Руси и Украины. М. : Центрполиграф, 2015. 512 с.
4. Ефименко А.А. История Украины и ее народа. 4-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2015. 176 с.
5. Чернышевский В.Д. О численности населения домонгольской Руси (постановка проблемы) // Историческая демография. 2009. № 2. С. 9–12.
6. Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. I: Материальная культура / под ред. А.В. Арциховского. М. : Изд-во МГУ, 1969. 480 с.
7. Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М. : Изд-во АН СССР, 1948. 803 с.
8. Колчин Б.А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // Материалы и исследования по археологии СССР. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II, № 12. М. ; Л., 1949. С. 192–208.
9. Ларионов А.П. Использование артиллерии в Бородинском сражении // 1812 год : сб. статей. М., 1962. С. 116–133.
10. Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М. : Языки славянских культур, 2008. 395 с.
11. Несин М.А. Из истории логистики русских войск в XV – начале XVI в. (отзыв на работу Пенского В.В. «...И запас пашли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени) // История военного дела : исследования и источники. 2016. Т. VIII. С. 134–166.
12. Буассонад П. От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе. М. : Издательский Центрполиграф, 2010. 383 с.
13. Попов Г.Г. Социально-экономическое развитие и историческая демография Руси IX – начала XV в. М. : Издательство МГОУ, 2011. 275 с.
14. Алексеев Ю.Г. Военная история донепетровской России. 2-е изд. СПб. : Изд-во О. Абышко, 2019. 752 с.
15. Любавский М.К. Русская история от древности до конца XVIII в. М. : Академический проект ; Фонд «Мир», 2015. 846 с.
16. Азбелев С.Н. Куликовская победа в народной памяти: Литературные памятники Куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. 312 с.
17. Памятники Куликовского цикла / сост. А.А. Зимин и др. ; гл. ред. Б.А. Рыбаков; ред. В.А. Кучкин. СПб. : Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 1998. 410 с.
18. Повесть о стоянии на Угре / пер. Я.С. Лурье // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века М. : Художественная литература, 1982. С. 514–521.
19. Кирпичников А.Н. Куликовская битва / под ред. акад. Б.А. Рыбакова. Л. : Наука, 1980. 124 с.
20. Каргалов В.В. Куликовская битва. М. : Воениздат, 1985. 126 с.
21. Разин Е.А. История военного искусства : в 3 т. Т. 2: История военного искусства VI–XVI вв. СПб. : Полигон, 1999. (Военно-историческая библиотека). 656 с.
22. Горский А.А. Москва и Орда. М. : Наука, 2000. 214 с.
23. Азбелев С.Н. Численность и состав войск на Куликовом поле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 23–29.
24. Асылгараева Г.Ш. Исследования остеологических материалов Нижегородского Кремля // Поволжская археология. 2013. № 3 (5). С. 116–144.
25. Holmes M. Southern England: A Review of Animal Remains from Saxon, Medieval and Post-Medieval Archaeological Sites. Discovery, Innovation and Science in the Historic Environment // Historic England. Research Report Series 8-2017. 316 p.
26. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. : РОССПЭН, 1998. 572 с.
27. Милов Л.В. Природно-климатические факторы и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1990. № 4–5. С. 36–56.
28. Трепавлов В.В. «Отецкие дети»: элита Казанского ханства в Литовской метрике // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С. 600–611. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.600-611

29. Смирнов Н.В. Очерки военной истории Смутного времени. Осада Смоленска 1613–1616 гг. // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный вып. IV: Смоленские войны XV–XVII вв. Ч. I.
30. Шейхумеров А.А. Мифологии и реалии битвы под Молодями // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 133–154.
31. Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. До конца эпохи Ивана Грозного. М. : Академический проект ; Культура., 2015. 702 с.
32. Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. М. : Вече, 2014. 352 с.
33. Пенской В.В., Пенская Т.М. «Яз деи деда своего и прадеда ныне зделал лутчи...»: Поход Девлет-Гирея I и сожжение Москвы в мае 1571 г. // История военного дела: исследования и источники. 2013. Т. IV. С. 183–226. URL: http://www.milhist.info/2013/06/20/penskoypenskaia_1 (дата обращения: 07.09.2020).
34. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской империи : в 2 т. М. : Рубежи XXI, 2005. Т. I. 540 с.
35. Уманец А.А. Исторические рассказы о Крыме: От народов древней Тавриды до присоединения Крыма к России во второй половине XVIII века. 2-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2015. 232 с.
36. Смирнов В.Д. Крымское ханство XIII–XV вв. М. : Вече, 2011. 336 с.
37. Боплан Г. Описание Украины, или Областей Королевства Польского, лежащих между пределами Московии и Трансильвании, с присовокуплением известий о нравах, обычаях и военном искусстве украинцев / пер. с фр.; предисл. Ф.Г. Устрялова. 2-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2015. 200 с.
38. Верхотуров Д.Н. Крым. Военная история. М. : Яуза ; Эксмо, 2014. 288 с.
39. Записи Разрядной книги о «береговой» службе и отражения нашествия крымских татар в 1572 г. / публ. В.И. Буганов // Исторический архив. 1959. № 4. С. 166–183.
40. Бабулин И.Б. Осада Ревеля (1570–1571 гг.) по данным хроники Бальтазара Рюссона // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VII. С. 326–391.
41. Чернов С.З. Структуры землевладения Великого Московского княжества в XIV–XV вв. по данным микрорегиональных комплексных исследований: Волок Ламский, Радонежский удел, Московские городские станы : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 901 с.
42. Андреев С.И. Русско-татарско-мордовское пограничье во второй половине XIII–XVI вв. // Вестник Тамбовского государственного университета. 2013. Вып. 10 (126). С. 31–42.
43. Тропин Н.А. Сельские поселения XII–XIV вв. южных территорий Рязанской земли. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. уни-та, 2004. 263 с.
44. Иванов В.А. Статистическая корреляция и география комплекса вооружений кочевников Золотой Орды // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 160–166.
45. Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М. : Языки русской культуры, 2001. 496 с.
46. Попов Г.Г., Давыдов С.Г. Российская империя – от генезиса к коллапсу. Очерки по социально-экономической и политической истории. Ногинск : АНАЛИТИКА РОДИС, 2015. 524 с.
47. Горский А.А. Москва и Орда. М. : Наука, 2000. 212 с.
48. Чеченков П.В. Городецкий удел в конце XIV – начале XV вв. // Городецкие чтения-2002. Материалы научной конференции. Городец : Администрация Городецкого района, 2003. С. 21–29.
49. Муравьева Л.А. Экономика Руси в XIV в. // Финансы и кредит. 2004. № 20 (158).
50. Павлов П.Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Ученые записки Красноярского педагогического института. Красноярск, 1958. Т. 13, вып. 2. С. 101–106.
51. Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. М. : Квадрига, 2010. 72 с.
52. Янин В.Л. «Черный бор» в Новгороде XIV–XV вв. // Куликовская Битва в истории и культуре нашей Родины: материалы юбилейной научной конференции. М. : Изд-во МГУ, 1983. С. 98–107.
53. Martin J. Treasure of the land Darkness. The fur trade its significance medieval Russia. Cambridge University Press, 1986. 277 p.
54. Волков В.А. Войны и войска Московского государства (конец XV – первая половина XVII в.). М. : Эксмо, 2004. 572 с.
55. Селезнёв Ю.В. Русско-ордынские военные конфликты XIII–XV веков: справочник. М. : Квадрига, 2010. 224 с.
56. Нефедов С.А. История России: Факторный анализ. Т. I: С древнейших времен до Великой Смуты. М. : Территория будущего, 2010. 376 с.
57. Нефедов С.А. А было ли иго? // Урал индустриальный. Екатеринбург, 2001. С. 24–33.
58. Коняевская Е.Л. Антиордынские выступления Руси во второй половине XIII – первой трети XIV в. / отв. ред. А.Н. Хохлов // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: Тверской науч.-исслед. историко-археол. и реставрац. центр, 2019. Вып. 12. С. 168–179.
59. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1121. Иркутская приказная изба. Оп. 1. Д. 35.
60. РГАДА. Ф. 1121. Иркутская приказная изба. Оп. 1. Д. 164.
61. РГАДА. Ф. 1142. Нерчинская приказная изба. Оп. 1. Д. 46.
62. РГАДА. Ф. 126. Мунгальские (Монгольские) дела. 1686. Д. 1.
63. Измайлов И.Л. Вооружение и военное искусство Казанского ханства XV – первая половина XVI в.: комплексный анализ источников // Археология евразийских степей. 2017. № 5. С. 196–202.
64. Исхаков Д.М. Этнополитические и демографические процессы в XV–XX веках // Татары / отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. М. : Наука, 2001. (Сер. «Народы и культуры»). С. 101–152.
65. Виноградов А.В. Окружающая среда и русская колонизация территорий Казанского ханства (1552–1700 гг.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 6 (51). С. 20–26.
66. Филиппс Э.Д. Монголы. Основатели империи Великих ханов / пер. с англ. О.И. Перфильева. М. : Центрполиграф; Внешторгпресс, 2003. 174 с.
67. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 1126–1133, 1138, 1168–1189, 1191–1195.
68. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 153, 390–396.
69. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 60, 844. Л. 1–16.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 октября 2020 г.

The Confrontation Between the Russian State and the Chingizid States: Macrosociological and Historical Aspects

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 104–114.

DOI: 10.17223/15617793/472/13

Yuri Yu. Ierusalimskiy, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation); Moscow Region State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Grigoriy G. Popov, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA) (Moscow, Russian Federation). E-mail: ggpopov2009@mail.ru

Keywords: feudal army; historical demography; military affairs; Russian lands; Russian state; Chingizid states; “cannon and musket revolutions”; Moscow principality.

Domestic history of the 13th–17th centuries contains important controversial aspects concerning, among other things, the problem of the confrontation between the Russian lands and the Chingizid states. The article focuses on the consequences of the collision of Russia with the Mongol Empire and its heirs – the Chingizid states. The authors believe that, in the 16th century, the Moscow state experienced a stage of high military tension, which was associated, among other things, with military operations against the Crimean, Kazan, Astrakhan, and Siberian khanates. The high financial burden on the Russian principalities is emphasized due to tributary payments to the Golden Horde. The authors note the positive significance of the changes that took place in the military logistics of the Moscow state. The article examines the reasons for the effectiveness of the “cannon and musket revolutions” in the context of the confrontation between Moscow and the Chingizids. The “cannon and musket revolutions”, which were part of the “gunpowder revolution”, were not in themselves factors of the progress of society and an increase in its defense for Russia, they became such only in combination with socioeconomic, cultural, and spiritual changes. The Moscow principality managed to achieve national unity in the territories subject to it already at the end of the Mongol period. In many respects, the national unity of the Russians turned out to be due to the religion common to all the East Slavic lands, the disappearance of division into tribes in the Kiev period, the development of uniform methods of organizing economic activity and agricultural technologies. The Chingizid states outside Mongolia had an “alien” character, which ultimately led to disintegration in their societies, vivid examples of which are the rebellions in the Kazan and Crimean khanates, as well as in the Golden Horde itself. The authors emphasize that the liberation of Russia from long-term dependence on the Golden Horde was the result not so much of transformations in military affairs as the creation of a single Russian centralized state, the revival and further effective socioeconomic development of the Russian lands, the growth of agriculture and handicrafts, primarily metallurgical production, and national identity. Domestic history of the 13th–17th centuries shows that progress is not only the fruits of the work of various technologies, but a complex multifactorial process, including, first of all, successful economic development, a powerful centralized state, and the Russian national spirit, whose awakening is evidenced by the literary monuments of the Kulikovo cycle, the Tale of the Stand on the Ugra, and folklore tradition.

REFERENCES

1. Umesao, T. (2003) *An Ecological View of History: Japanese Civilization in the World Context*. Melbourne: Trans Pacific Press.
2. Kul'pin-Gubaydullin, E.S. (2006) *Zolotaya Orda: sud'by pokoleniy* [The Golden Horde: the Fate of Generations]. Moscow: INSAN.
3. Vasilenko, N.P. (2015) *Istoriya Zapadnoy Rusi i Ukrainy* [History of Western Russia and Ukraine]. Moscow: Tsentrpoligraf.
4. Efimenko, A.Ya. (2015) *Istoriya Ukrainy i ee naroda* [History of Ukraine and Its People]. 4th ed. Moscow: LENAND.
5. Chernyshevskiy, V.D. (2009) O chislennosti naseleniya domongol'skoy Rusi (postanovka problemy) [About the population of pre-Mongol Russia (statement of the problem)]. *Istoricheskaya demografiya*. 2. pp. 9–12.
6. Artsikhovskiy, A.V. (ed.) (1969) *Ocherki russkoy kul'tury XIII–XV vekov* [Essays of Russian Culture of the 13th–15th Centuries]. Pt. I. Moscow: Moscow State University.
7. Rybakov, B.A. (1948) *Remeslo drevney Rusi* [Craft of Ancient Russia]. Moscow: USSR AS.
8. Kolchin, B.A. (1949) Obrabotka zheleza v Moskovskom gosudarstve v XVI v. [Processing of iron in the Moscow state in the 16th century]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy*. 12 (2). pp. 192–208.
9. Larionov, A.P. (1962) Ispol'zovanie artillerii v Borodinskom srazhenii [The use of artillery in the Battle of Borodino]. In: *1812 god* [Year 1812]. Moscow: [s.n.]. pp. 116–133.
10. Yanin, V.L. (2008) *Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda* [Essays on the History of Medieval Novgorod]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
11. Nesin, M.A. (2016) Iz istorii logistiki russkikh voysk v XV – nachale XVI v. (otzyv na rabotu Penskogo V.V. “...I zapas pasli na vsyu zimu do vesny”: logistika v voynakh Russkogo gosudarstva epokhi pozdnego Srednevekov'ya – rannego Novogo vremeni”) [From the history of logistics of Russian troops in the 15th – early 16th centuries (review of V.V. Pensky's work “... And the stock was grazed for the whole winter until spring”: logistics in the wars of the Russian state of the Late Middle Ages – early Modern times)]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki*. 8. pp. 134–166.
12. Boissonade, P. (2010) *Ot nasteshviya varvarov do epokhi Vozrozhdeniya. Zhizn' i trud v srednevekovoy Evrope* [Life and Work in Medieval Europe]. Translated from English by I.A. Petrovskaya. Moscow: Izdatel'skiy Tsentr-poligraf.
13. Popov, G.G. (2011) *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye i istoricheskaya demografiya Rusi IX – nachala XV v.* [Socioeconomic Development and Historical Demography of Russia of the 9th – early 15th Centuries]. Moscow: Moscow Region State University.
14. Alekseev, Yu.G. (2019) *Voennaya istoriya dopetrovskoy Rossii* [Military History of Pre-Petrine Russia]. 2nd ed. Saint Petersburg: Izd-vo O. Abyshko.
15. Lyubavskiy, M.K. (2015) *Russkaya istoriya ot drevnosti do kontsa XVIII v.* [Russian History from Antiquity to the End of the 18th century]. Moscow: Akademicheskii proekt; Fond “Mir”.
16. Azbelev, S.N. (2011) *Kulikovskaya pobeda v narodnoy pamyati: Literaturnye pamyatniki Kulikovskogo tsikla i fol'klornaya traditsiya* [Kulikovo Victory in People's Memory: Literary monuments of the Kulikovo cycle and folklore tradition]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin.
17. Rybakov, B.A. (ed.) (1998) *Pamyatniki Kulikovskogo tsikla* [Monuments of the Kulikovo Cycle]. Saint Petersburg: Russko-baltiyskiy informatsionnyy tsentr BLITs.
18. Dmitriev, L.A. & Likhachev, D.S. (eds) (1982) *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Vtoraya polovina XV veka* [Monuments of Literature of Old Russia. The second half of the 15th century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 514–521.
19. Kirpichnikov, A.N. (1980) Kulikovskaya bitva [Battle of Kulikovo]. Leningrad: Nauka.
20. Kargalov, V.V. (1985) Kulikovskaya bitva [Battle of Kulikovo]. Moscow: Voenizdat.
21. Razin, E.A. (1999) *Istoriya voennogo iskusstva* [History of Military Art]. Vol. 2. Saint Petersburg: Poligon.
22. Gorskiy, A.A. (2000) *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Moscow: Nauka.
23. Azbelev, S.N. (2015) The Number and the structure of the armies at the Kulikovo Field. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki – Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 4 (62). pp. 23–29. (In Russian).
24. Asylgaraeva, G.Sh. (2013) Investigation osteologic materials of Nizhny Novgorod Kremlin. *Povolzhskaya arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 3 (5). pp. 116–144. (In Russian).
25. Holmes, M. (2017) *Southern England: A Review of Animal Remains from Saxon, Medieval and Post-Medieval Archaeological Sites. Discovery, Innovation and Science in the Historic Environment*. Historic England. Research Report.
26. Milov, L.V. (1998) *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Plowman and the Peculiarities of the Russian Historical Process]. Moscow: ROSSPEN.
27. Milov, L.V. (1990) Prirodno-klimaticheskie faktory i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa [Natural and climatic factors and features of the Russian historical process]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 4–5. pp. 36–56. (In Russian).
28. Trepavlov, V.V. (2017) The “Father's Sons”: The elite of the Kazan Khanate in the Lithuanian metrika. *Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde review*. 3 (5). pp. 600–611. (In Russian). DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.600-611

29. Smirnov, N.V. (2015) Ocherki voennoy istorii Smutnogo vremeni. Osada Smolenska 1613–1616 gg. [Essays on the military history of the Time of Troubles. The Siege of Smolensk, 1613–1616]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki*. 4–1.
30. Sheykhumerov, A.A. (2019) Mythology and the realities of the Battle of Molodi. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie – Crimean Historical Review*. 2. pp. 133–154. (In Russian). DOI: 10.22378/kio.2019.2.133-154
31. Bestuzhev-Ryumin, K.N. (2015) *Russkaya istoriya. Do kontsa epokhi Ivana Groznogo* [Russian History. Until the End of the Era of Ivan the Terrible]. Moscow: Akademicheskiy proekt; Kul'tura.
32. Volodikhin, D.M. (2014) *Voevody Ivana Groznogo* [Voivodes of Ivan the Terrible]. Moscow: Veche.
33. Pensko, V.V. & Penskaya, T.M. (2013) “Yaz dei deda svoego i pradedu nyne zdelal lutchi...”: Pokhod Devlet-Gireya I i sozhzhenie Moskvy v mae 1571 g. [“Yaz dei deda svoego i pradedu nyne zdelal lutchi...”: The campaign of Devlet Giray I and the burning of Moscow in May 1571]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki – Issues of History*. 4. pp. 183–226. [Online] Available from: http://www.milhist.info/2013/06/20/penskoy-penskaya_1 (Accessed: 07.09.2020). (In Russian).
34. Smirnov, V.D. (2005) *Krymskoe khanstvo pod verkhovnenstvom Ottomanskoj porty* [The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Porte]. Vol. 1. Moscow: Rubezhi XXI.
35. Umanets, A.A. (2015) *Istoricheskie rasskazy o Kryme: Ot narodov drevney Tavridy do prisoedineniya Kryma k Rossii vo vtoroy polovine XVIII veka* [Historical Stories about the Crimea: From the peoples of ancient Taurida to the annexation of Crimea to Russia in the second half of the 18th century]. 2nd ed. Moscow: LENAND.
36. Smirnov, V.D. (2011) *Krymskoe khanstvo XIII–XV vv.* [The Crimean Khanate of the 13th–15th Centuries]. Moscow: Veche.
37. Boplan, G. (2015) *Opisanie Ukrainy, ili Oblastej Korolevstva Pol'skogo, lezhashchikh mezhdu predelami Moskovii i Transil'vanii, s prisoedineniem izvestiy o nravakh, obychayakh i voennom iskusstve ukrainsev* [Description of Ukraine, or the Regions of the Kingdom of Poland lying between the borders of Muscovy and Transylvania, with the addition of news about the manners, customs and military art of Ukrainians]. Translated from French by F.G. Ustryalov. 2nd ed. Moscow: LENAND.
38. Verkhoturov, D.N. (2014) *Krym. Voennaya istoriya* [Crimea. Military History]. Moscow: Yauza; Eksmo.
39. Buganov, V.I. (ed.) (1959) *Zapisi Razryadnoy knigi o “beregovoy” sluzhbe i otrazheniya nashestviya krymskikh tatar v 1572 g.* [Records of the Discharge book about the “coastal” service and the reflection of the invasion of the Crimean Tatars in 1572]. *Istoricheskiy arkhiv*. 4. pp. 166–183.
40. Babulin, I.B. (2016) The siege of Revel (1570–71) as depicted in Balthasar Russow's “The Chronicle of Livonia”. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki – Issues of History*. 7. pp. 326–391. (In Russian).
41. Chernov, S.Z. (2005) *Struktury zemlevladieniya Velikogo Moskovskogo knyazhestva v XIV–XV vv. po dannym mikroregional'nykh kompleksnykh issledovaniy: Volok Lamskiy, Radonezhskiy udel, Moskovskie gorodskie stany* [Structures of land ownership of the Grand Moscow Principality in the 14th–15th centuries according to micro-regional complex studies: Volok Lamsky, Radonezhsky lot, Moscow city camps]. History Dr. Diss. Moscow.
42. Andreev, S.I. (2013) Russian, Tatar and Mordovia borderlands in the second half of 13th–16th Centuries. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta – Tambov University Review: Series Humanities*. 10 (126). pp. 31–42. (In Russian).
43. Tropin, N.A. (2004) *Sel'skie poseleniya XII–XIV vv. yuzhnykh territoriy Ryazanskoy zemli* [Rural Settlements of the 12th–14th Centuries of the Southern Territories of the Ryazan Land]. Voronezh: Voronezh State University.
44. Ivanov, V.A. (2017) Statistical correlation and geography of the armament complexes of Golden Horde nomads. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey – Archaeology of the Eurasian Steppes*. 5. pp. 160–166. (In Russian).
45. Makarov, N.A., Zakharov, S.D. & Buzhipova, A.P. (2001) *Srednevekovoe rasselenie na Belom ozere* [Medieval settlement on the White Lake]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
46. Popov, G.G. & Davydov, S.G. (2015) *Rossiyskaya imperiya – ot genezisa k kollapsu. Ocherki po sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii* [The Russian Empire – from Genesis to Collapse. Essays on socio-economic and political history]. Noginsk: ANALITIKA RODIS.
47. Gorskiy, A.A. (2000) *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Moscow: Nauka.
48. Chechenkov, P.V. (2003) [Gorodetskiy's lot at the end of the 14th – beginning of the 15th centuries]. *Gorodetskie chteniya-2002* [Gorodets Readings-2002]. Proceedings of the Conference. Gorodets. 25 April 2002. Gorodets: Administratsiya Gorodetskogo rayona. pp. 21–29. (In Russian).
49. Murav'eva, L.A. (2004) *Ekonomika Rusi v XIV v.* [Economics of Russia in the 14th century]. *Finansy i kredit – Finance and Credit*. 20 (158). (In Russian).
50. Pavlov, P.N. (1958) K voprosu o russkoy dani v Zolotuyu Ordu [On the question of Russian tribute to the Golden Horde]. *Uchenye zapiski Krasnoyarskogo pedagogicheskogo instituta – Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University*. Krasnoyarsk. 2 (13). pp. 101–106. (In Russian).
51. Trepavlov, V.V. (2010) *Zolotaya Orda v XIV stoletii* [The Golden Horde in the 14th Century]. Moscow: Kvadriga.
52. Yanin, V.L. (1983) “Chernyy bor” v Novgorode XIV–XV vv. [“Black forest” in Novgorod in the 14th–15th centuries]. *Kulikovskaya Bitva v istorii i kul'ture nashey Rodiny* [Kulikovskaya Battle in the history and culture of our Motherland]. Moscow: Moscow State University. pp. 98–107.
53. Martin, J. (1986) *Treasure of the Land Darkness. The fur trade its significance medieval Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.
54. Volkov, V.A. (2004) *Voyny i voyska Moskovskogo gosudarstva (konets XV – pervaya polovina XVII v.)* [Wars and Troops of the Moscow State (the end of the 15th – the first half of the 17th centuries)]. Moscow: Eksmo.
55. Seleznev, Yu.V. (2010) *Russko-ordynskie voennye konflikty XIII–XV vekov* [Russian-Horde Military Conflicts of the 13th–15th Centuries]. Moscow: Kvadriga.
56. Nefedov, S.A. (2010) *Istoriya Rossii: Faktornyy analiz* [History of Russia: Factor analysis]. Vol. 1. Moscow: Territoriya budushchego.
57. Nefedov, S.A. (2001) A bylo li igo? [Was there the yoke?]. *Ural industrial'nyy*. pp. 24–33.
58. Konyavskaya, E.L. (2019) Antiorдынские выступления Руси во второй половине XIII – первой трети XIV в. [Anti-Horde performances of Russia in the second half of the 13th – first third of the 14th centuries]. In: Khokhlov, A.N. (ed.) *Tver', tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya* [Tver, Tver land and adjacent territories in the Middle Ages]. Vol. 12. Tver: Tverskoy nauch.-issled. istoriko-arkheol. i restavrats. tsentr. pp. 168–179.
59. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 1121. List 1. File 35. (In Russian).
60. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 1121. List 1. File 164. (In Russian).
61. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 1142. List 1. File 46. (In Russian).
62. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 126. Mungal'skie (Mongol'skie) dela. 1686 [Mungal (Mongolian) Files. 1686]. File. 1.
63. Izmaylov, I.L. (2017) Armament and military art of Kazan Khanate in 15th – first half of 16th centuries: a comprehensive analysis of sources. *Arkheologiya evraziyskikh stepey – Archaeology of the Eurasian Steppes*. 5. pp. 196–202. (In Russian).
64. Iskhakov, D.M. (2001) Etnopoliticheskie i demograficheskie protsessy v XV–XX vekakh [Ethnopolitical and demographic processes in the 15th–20th centuries]. In: Urazmanova, R.K. & Cheshko, S.V. (eds) *Tatary* [The Tatars]. Moscow: Nauka. pp. 101–152.
65. Vinogradov, A.V. (2017) Environment and Russian colonization of the Kazan Khanate's territories (1552–1700). *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 6 (51). pp. 20–26. (In Russian).
66. Phillips, E.D. (2003) *Mongoly. Osnovateli imperii Velikikh khanov* [The Mongols. The founders of the Empire of the Great Khans]. Translated from English by O.I. Perfil'ev. Moscow: Tsentrpoligraf; Vneshtorgpress.
67. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 1209. List 1. Pt. 1. Books 1126–1133, 1138, 1168–1189, 1191–1195.
68. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 1209. List 1. Pt. 1. Books 153, 390–396.
69. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 1209. List 1. Books 60, 844. Pages 1–16.

Received: 13 October 2020

Е.А. Крестьянников

К «ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ»: П.В. ВОЛОГОДСКИЙ И ТОМСКИЙ ПОГРОМ 1905 г.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области
в рамках научного проекта № 20-49-720019.*

Изучена с разных сторон причастность П.В. Вологодского к томскому погрому в октябре 1905 г. и выяснена его роль в сценариях происходивших беспорядков. С использованием микроисторической детализации и компаративных методов реконструируется участие юриста в акциях, предшествовавших кровопролитию, поведение в момент эскалации конфликта и после него. Задействованные в исследовании материалы делопроизводства, периодической печати, воспоминания, другие исторические источники позволяют существенно дополнить знания об одном из самых кровавых эпизодов в истории Томска.

Ключевые слова: П.В. Вологодский; общественная и революционная деятельность; Томск; насилие; погром

Россия в начале XX столетия вступила в эпоху чрезвычайно сильного социально-политического напряжения, кровавым проявлением которого становились многочисленные погромы. После кишиневской бойни в апреле 1903 г., когда погиб 51 горожанин и около 500 были ранены, почти каждое третье здание города оказалось поврежденным [1. С. 88], погромные акции исчислялись сотнями. Относительно их количества в то время у историков нет единого мнения. К примеру, Ш. Ламброза говорит о более чем 650 побоищах, имевших место в течение последующего трехлетия после кишиневского [2. Р. 287], а В.О. Будницкий указывает на 657 погромов, происшедших только с октября 1905 г. по январь 1906 г. [3. С. 57]. Наиболее полное представление о томских зверствах в октябре 1905 г. дает современная монография М.В. Шиловского, которая начинается с информации о числе пострадавших в Томске: 66 погибших и 126 раненых [4. С. 3].

В этой книге, а также в диссертации Е.А. Казаковой, посвященной П.В. Вологодскому, имя последнего неоднократно упоминается как одного из причастных к октябрьским событиям 1905 г. и поверенного гражданских истцов на процессе по делу о данном погроме в 1909 г. [4. С. 20–21, 23, 80–81, 84–85, 87, 99–101, 105, 112–113; 5. С. 63, 98–99], однако из этих работ у читателя не сложится целостная картина о связи знаменитого сибиряка с происшедшими в Томске событиями. Между тем изучение материалов делопроизводства, периодической печати, воспоминаний и других исторических источников, с применением микроисторической детализации и компаративных методик, позволяет не только восполнить пробелы в биографии присяжного поверенного и будущего премьер-министра, но и существенно дополнить знания об обстоятельствах кровопролития и в целом о социально-политической борьбе периода Первой русской революции.

Томский погром в основном пришелся на 20–22 октября 1905 г. – дни, когда сначала в стычках промонархически настроенных подданных (их иногда именовали патриотами) и антиправительственных сил было совершено немало тягчайших преступлений, начиная с убийств ни в чем не повинных горожан, а затем из-за пассивности властей и войск в городе про-

изошли массовые избиения, грабежи и разрушения, носившие уголовный характер и во многом направленные против евреев. Бойня явилась вершиной нараставшего политического кризиса, обнаружившегося наиболее заметно в противостоянии, с одной стороны, возглавлявшейся А.И. Макушиным городской думы, гласным которой являлся П.В. Вологодский, с другой стороны – государственным аппаратом самодержавия, прежде всего, губернской администрацией под руководством губернатора В.Н. Азанчевского-Азанчеева, а также полицией во главе с полицмейстером П.В. Никольским (общая картина противоборства хорошо показана в упомянутой монографии М.В. Шиловского). Ключевые механизмы насилия были спровоцированы манифестом 17 октября, создавшим в стране ситуацию, потенциально чреватую гражданской войной [6. С. 462]. В Томске известие об этом акте привело к поляризации настроений людей и эскалации конфликта, итогом чего стало создание городскими властями милиции («городской охраны»), вооружавшейся огнестрельным оружием. Полиция же из-за подобных решений и действий оказалась полностью деморализованной и в сроки погрома просто-напросто отсутствовала в городе. Неслучайно начальник томского гарнизона 22 октября рапортовал губернатору, что «за время беспорядков в г. Томске замечается полнейшее отсутствие чинов полиции на улицах города» [7. Л. 105].

Связь с погромом, как и общая высокая политическая активность П.В. Вологодского в 1905 г., создала ему образ недоброжелателя самодержавия, и persona присяжного поверенного привлекала повышенное внимание правоохранительных органов. В сохранившемся списке четырех десятков лиц «Организаторы революционного движения в Томске», составленном, скорее всего, жандармской службой по исходу указанного года, он назван среди других наиболее опасных для режима революционеров, многие из которых имели непосредственное отношение к дестабилизации обстановки, так или иначе были задействованы в кровавом конфликте и потом «неудобно» для властей проводили расследование его обстоятельств (к примеру, перечислялись А.И. Макушин, председатель Томского окружного суда А.В. Витте, вскрывавший трупы убитых врач А.А. Грацианов) [8. Л. 1–2]. Более того, сохранилась справка Томского губернского

жандармского управления (ТГЖУ) 1913 г., где прямо говорилось о виновности Петра Васильевича в кровопролитии восьмилетней давности: «Под его влиянием городское самоуправление в 1905 г. и закрытая в 1906 г. газета “Сибирский вестник” придерживались явно противоправительственного направления, что и было из главных причин октябрьских 1905 г. событий в г. Томске» [9. Л. 1].

Когда в годы Гражданской войны П.В. Вологодский уже находился на олимпе государственной власти, его касательство томского погрома официально представлялось как проявление смелости, решительности и принципиальности. «Вестник Томской губернии» в декабре 1918 г. писал, что издававшийся частично на его средства «Сибирский вестник» поднялся в 1905 г. «до такой высоты гражданского мужества и влияния, каких ни один из печатных органов Сибири ни раньше, ни после уже не мог достичь». Вспоминалось, как «Сибирский вестник» после кровопролития выступил с обвинениями в «преступном небрежении» В.Н. Азанчевского-Азанчеева, указывалось и на бесстрашие адвоката, который незадолго до побоища, 18 октября, встал на защиту избивавшихся полицией и казаками учащихся на Соляной площади возле здания окружного суда, и это вмешательство «угрожало если уж не жизни, то здоровью и физической неприкосновенности заступника» [10].

Несомненно, в городе рост конфликтности был неразрывно связан с деятельностью П.В. Вологодского. Здесь 1905 г. начинался с акции 12 января, одним из инициаторов которой прокурор Томского окружного суда А.Г. Беляев в представлении прокурору Омской судебной палаты от 14 января называл присяжного поверенного [11. Л. 1–1 об.], а начальник ТГЖУ С.А. Романов причислял его и к организаторам мероприятия [12. Л. 14]. Поначалу задуманное как банкет, оно превратилось в митинг, где звучали призывы к свержению самодержавия, принимались резолюции, распространялись листовки и распевались песни вредного для царизма содержания [13. С. 29–30, 120; 14. С. 59–66]. Данное собрание послужило толчком к дальнейшим митингам, вызвав жесткую реакцию властей. Министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский в телеграмме 16 января 1905 г. в ТГЖУ охарактеризовал собрание как носившее «чисто революционный характер» и предписал в «случае повторения подобных попыток принять самые энергичные меры к недопущению беспорядков» [12. Л. 4]. Петр Васильевич, не упоминая о своем участии в устройстве данного банкета, давал ему высокую оценку в связи с вкладом в развитие освободительного движения: акция «прорвала предварительно целую цепь административных препон» и решила «задачу объединить местные прогрессивные силы разных политических лагерей рядом политических положений», там «была впервые провозглашена идея всеобщей политической забастовки железных дорог» и «впервые перед лицом многочисленного собрания открыто были высказаны мысли об организации вооруженного восстания» [15. С. 243–245].

Вектор развития ситуации в сторону конфронтации грозил насилием, которое вскоре и случилось. 18 января последствиями разгона вооруженных де-

монстрантов стали более сотни арестованных, десятки раненых, двое убитых (типографский наборщик И.Е. Кононов и учащийся ремесленного училища И. Елизаров), а со стороны полиции было ранено шесть человек, один тяжело [12. Л. 21; 13. С. 28–29, 120–121; 14. С. 55–58]. Собственно, по П.В. Вологодскому, для Томска в столкновении новым стало то, что в протесте «впервые приняли значительное участие рабочие», а также появились изувеченные и убитые [15. С. 245].

Однако обвинительный акт по делу о томском погроме начинал с августа 1905 г. хронику событий, результатом которых стало кровопролитие в октябре [16. Л. 1]. На пути к расколу в Томске судьбоносной являлась инициатива, которую обсуждала городская дума 18 августа, выдвинутая П.В. Вологодским от лица юристов и адвокатского сословия. Такая самоуверенность имела основания: 1 апреля 1905 г. он был избран председателем совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты и, несмотря на отмену тех выборов, поскольку они прошли не совсем законно [17. С. 155], безусловно признавался адвокатами региона чуть ли не самой авторитетной фигурой в корпорации. Согласно думскому заявлению Петра Васильевича, у томской адвокатуры «возникла мысль» о негодности полицейских учреждений, поскольку «постановка института городской полиции не только не соответствовала настоящим требованиям современной действительности, но даже иногда противоречила им». Предлагалось сделать полицию выборной и поставить ее деятельность под общественного контроля [18. С. 266–267].

28–29 числа последнего месяца лета на квартире Петра Васильевича состоялся съезд Сибирского областного союза антиправительственной направленности, где кроме томичей присутствовали делегаты от Красноярска, Омска, Иркутска, Мариинска, Барнаула и села Бердского [13. С. 144; 19. С. 162–163]. Постановлениями союза региону отводилось независимое положение с собственным органом самоуправления – Сибирской областной думой, «самостоятельно решающей все местные нужды и вопросы хозяйственные, социально-экономические, просветительные и т.п.». Наряду с другими сферами в ее ведение предполагалось отнести «общественную безопасность» [20], тем самым подкреплялась идея создания автономных от государства учреждений для обеспечения охраны подданных.

Революционизировала обстановку в те дни и профессиональная деятельность П.В. Вологодского. В частности, 26 августа 1905 г. на закрытом для публики заседании выездной сессии Омской судебной палаты в Томске (лишь приговор объявлялся при открытых дверях [21]), он защищал телеграфиста станции Тайга Л.Ф. Бизюкина, обвиненного в распространении прокламаций социал-демократической организации. По этому политическому делу подсудимый был оправдан [22. С. 78–79], чем в контексте развития революционной ситуации наносился удар по монархии. Дело в том, что оправдание состоялось несмотря на созданный обвинением вокруг подсудимого ореол ярого врага царской власти. Например, прокуратура

привлекла свидетелем надзирателя тюрьмы, где содержался во время предварительного следствия служащий телеграфа, и охранник указал, что однажды во время прогулки в тюремном дворе подследственный не удержался и написал на земле: «Долой самодержавие! Смерть или свобода! Да здравствует демократическая республика!» [23. Л. 7 об., 22].

На неделе, предшествовавшей погрому, М.В. Шилловский выделяет несколько критических обострений. 15 октября историк называет днем, «существенно изменившим ситуацию в Томске» в сторону погружения города в «митинговую стихию», а события 18 октября – «еще одной ступенью эскалации радикальных настроений» [4. С. 21, 26]. В обоих случаях Петр Васильевич оставил заметный и даже фатальный след. 15 октября, после того как учащимся томских учебных заведений было отказано в помещении для проведения сходки, они направились в Бесплатную библиотеку и там организовали митинг, закрывшись в здании и не откликаясь на предложение П.В. Никольского идти по домам. Задним числом, 16 ноября, В.Н. Азанчевский-Азанчеев доносил в Министерство внутренних дел о развитии тогдашней обстановки: «Вскоре у здания библиотеки сосредоточилась громадная толпа народа, которая, как не пожелавшая разойтись по требованию полиции, была рассеяна при помощи полусотни казаков, самое же здание бесплатной библиотеки было оцеплено военным караулом» [24. Л. 1 об.].

Среди горожан быстро распространились слухи об избиении ребят и осаде библиотеки, и родители сильно беспокоились. Сначала губернатор категорически отказал А.И. Макушину в просьбе предоставить молодым людям возможность свободно и безнаказанно уйти, угрожая арестом. Тогда городской голова с помощью П.В. Вологодского организовал к начальнику губернии делегацию из членов думы [4. С. 19–20], а происходившее на встрече, упоминая, что адвокат разговаривал дерзко с начальником губернии, описывал таким образом: «Подъезд у губернаторского дома закрыт. Прошу доложить, что городской голова и гласные желают быть принятыми. Приносят ответ: могу принять только голову. Прошу у гласных согласиться переговорить с губернатором об общем приеме. Гласные соглашаются подождать. На прием гласных губернатор соглашается не сразу. Прием был сухой, несколько высокомерный, но, после удачного отпора со стороны П.В. Вологодского, тон скоро смягчился». Удалось добиться, чтобы учащимся позволили покинуть библиотеку, что они и сделали ближе к полночи» [25. Л. 2], а присяжный поверенный продолжил деятельность против власти, и уже на следующий день был замечен с выступлением на многочисленном митинге [26. С. 7–8].

18 октября выдалось для Петра Васильевича в буквальном смысле кровавым. Сам он подтверждал применение насилия (по его характеристике, «дикую расправу») томскими правоохранителями с подачи П.В. Никольского, а эффект этого избиения себя и учащейся молодежи адвокат иллюстрировал рассказом о том, что тогда «мужчины плакали, а женщины впадали в истерику» [15. С. 252]. После получения

достаточно серьезных ранений его, по свидетельству лидера сибирского областничества Г.Н. Потанина, даже пришлось внести на руках в судебное здание [27. С. 59]. На телесных повреждениях присяжного поверенного в воспоминаниях остановился А.И. Макушин, осведомлявшийся в тот день о происшествии на Соляной площади по телефонным сообщениям из Томского окружного суда и сразу после избиения П.В. Вологодского передавший по телефону в его адрес «соболезнование и сочувствие». О состоянии здоровья присяжного поверенного городской голова писал: «небольшая рана на лбу, ссадина на голове, боли от побоев в различных частях тела», вызванные кровоподтеками от ударов нагайками. Также упоминалось, что судейский персонал тогда парализовали «смущение и растерянность», а двое из присутствовавших представителей адвокатуры даже прослезились [25. Л. 3].

Увечья П.В. Вологодского наверняка усилили его ненависть к самодержавию и увеличили авторитет внутри антиправительственного лагеря. Оправившись от побоев, он тотчас появился в городской управе, где произносил революционные речи. Адвоката «бурно приветствовали», слышались «бесчисленные негодующие речи», царило «крайнее возбуждение» [5. С. 98–99; 25. Л. 3–4]. Сам Петр Васильевич рассказывал о тех событиях: «На экстренное заседание думы, назначенное днем того же 18 октября, явилась такая масса публики, исполненной негодования и жажды мести полицмейстеру Никольскому и казакам, и с таким настойчивым требованием, чтобы все происшедшее на Соляной площади было доложено в присутствии возможно большего количества публики, что городской голова и гласные думы вынуждены были перенести свое заседание в местный театр, где это заседание думы обратилось в громадный митинг, на котором было излито много негодования по адресу местных властей и всего самодержавно-бюрократического строя России» [15. С. 252].

В этой обстановке родились судьбоносные решения, несомненно постановленные под влиянием пострадавшего в тот день поверенного: требование к губернатору немедленно устранить от должности П.В. Никольского, а если тот выступит против, добиваться от Министерства внутренних дел отставки самого В.Н. Азанчевского-Азанчеева; возбудить уголовное преследование полицмейстера за превышение власти; для охраны города учредить городскую стражу и прекратить содержание полиции за счет средств города; не возобновлять «в настоящее крайне неспокойное время» занятий в средних и низших учебных заведениях; немедленно освободить политических заключенных [26. С. 11–13].

19 ноября имя П.В. Вологодского было на устах митинговавших в Томске. В частности, мещанин И.С. Богун (один из осужденных на процессе о томском погроме, в разговорах среди томичей распространявшийся, что самолично поджог здание железнодорожного управления, но позже это признание не было принято судом в качестве доказательства) на допросах рассказывал, как в тот день на митинге в театре Королевой при обсуждении состава революци-

онного органа самоуправления адвоката называли одним из кандидатов в члены нового учреждения наряду с В.М. Броннером, Н.И. Березническим и другими известными в городе радикальными деятелями [28. Л. 19, 67–67 об.].

20 ноября – пик насилия, когда улицы Томска облились кровью десятков горожан, а в пожарище здания железнодорожной службы люди горели заживо, – Петр Васильевич назвал «томской историей человеческого жертвоприношения» [15. С. 254]. Непосредственно в трагические даты поверенный скрывался [5. С. 99], ведь его жизни, здоровью и имуществу грозила реальная опасность, а обстановка не предоставляла возможностей защитить себя. Из-за собственной политической активности он в большей степени, чем подавляющее большинство иных жителей города, рисковал стать объектом расправы «патриотов», чуть позже названных им самим «подонками общества» [15. С. 253]. Когда появились первые убитые и раненые, но еще до стрельбы и пожара на Новосоветской площади – эпицентре разгоравшейся смуты, «патриотическая» манифестация потребовала от губернатора выдать ей адвоката вместе с некоторыми лицами, которые, по мнению М.В. Шиловского, в глазах обывателей «ассоциировались со всеобщей забастовкой и митинговой страдой» [4. С. 55], для самосуда. На заявление В.Н. Азанчевского-Азанчеева о намерении передать их в руки системы правосудия «толпа возражала, что ей нужна смерть виновных» (из обвинительного акта по делу о томском погроме) [16. Л. 2]. Затем, во время разграблений квартир и предприятий горожан, жилище героя статьи чудом спаслось. А.И. Макушин, собственное жилье которого тогда подверглось разорению [25. Л. 11], уже став депутатом, с трибуны Государственной Думы 29 июня 1906 г. рассказывал: «Толпа предполагала разгромить еще дом присяжного поверенного Вологодского. У него в доме было расквартировано несколько солдат. Горничная попросила солдат встать у ворот и сказать, что нельзя громить этот дом. Солдаты встали у ворот и сказали, что начальство не приказало громить этот дом, и толпа беспрекословно прошла мимо, не тронув его» [29. С. 1811].

По свидетельству очевидца, в городе тогда произошло «что-то вроде Варфоломеевской ночи» [30], а, например, телеграмму столичному начальству с весьма тревожными новостями из Томска от 20 октября С.А. Романов закончил двумя словами: «Большая паника» [31. Л. 33]. «Встречаясь на улице, люди подозрительно оглядывали друг друга, держа в кармане наготове оружие. Каждый видел в другом зверя, готового броситься на тебя без всякой причины», – вспоминал о негативных психологических подвижках в сознании томичей и утраченном между ними взаимном доверии еще один свидетель бойни [32. С. 15]. Человеческие страхи заставляли прятаться в городе, покидать его временно или навсегда. Когда с 24 октября восстанавливалось железнодорожное сообщение с Томском [12. Л. 200], беженцы переполнили поезд. В частности, по воспоминаниям проезжавшего по Транссибу редактора иркутского «Восточного обозрения» И.И. Попова, они набили битком его купе

и вагон, пугая пассажиров на протяжении дальнейшего путешествия леденящими душу историями о «томских ужасах». Иркутский общественный деятель, вместе с тем, писал, что от погромщиков приходилось скрываться не только П.В. Вологодскому, упомянув вместе с ним некоторых важных персон и своих томских знакомых [33. С. 278–279].

Речь не шла о проявлении малодушия или трусости, а только о желании выжить во время погрома или избавиться от кошмаров пережитого после него. Попасть в «прицел» кровавой толпы, еще до пролития крови 20 октября, по данным следствия, заранее готовившей себя к насилию («нынче конец студентам», «идем бить евреев и студентов») [34. С. 7], в тогдашней обстановке означало большую вероятность лишения жизни. Это подтверждали беспощадность и неразборчивость уже первых убийств начинавшегося погромного дня. Встреченные той самой толпой на Почтамтской улице возле городской управы инспектор страхового общества Н.Г. Яропольский, попытавшийся заступиться за него студент В.М. Кадиков и колбасный мастер Г. Гайльман убивались без особого повода и свирепо. Первого кто-то из толпы ударом полена по голове свалил с ног и вонзил лежащему нож в сердце, а мертвое тело подверглось ограблению; убивая студента, убийцы проявили крайнюю жестокость, воткнув лом ему в рот [15. С. 253–254; 26. С. 33–34; 35. Л. 25 об.; 36. Л. 7–8].

По мнению Петра Васильевича, люди испугались криминального разгула, «бежав из Томска под давлением угроз черной сотни и хулиганов разных рангов», боясь, что «разнесут их дома и квартиры, как повредили дом городского головы А.И. Макушина, а самих их прикончат, как прикончили с Яропольским» [15. С. 255]. Встретивши на станции Тайга случайно одного из беженцев – заведующего томским водопроводом инженера Я.А. Ратцига, он взял у того интервью, спрашивая о причинах бегства. В этом интервью, опубликованном под авторством С.Н. Серого (Серый – один из псевдонимов публициста П.В. Вологодского [37. С. 82]) в «Сибирском вестнике», описывался человек, ранее «деловой и серьезный», «спокойный и уравновешенный», но при встрече явно нервничавший, с воспаленными глазами, со следами на лице «еще не пережитого страха». Инженер признавался: «Бегу, бегу без оглядки из вашего страшного Томска. Я бросил все. Я не закончил свои расчеты с городом и бегу, и бегу...». Начальник водоснабженческой службы рассказал, что 20 октября губернатор не позволил ему пустить воду во всю мощь в противопожарные краны («не ваше дело тушить пожары»), чтобы залить пламя в здании железнодорожного управления в тот момент, когда там уже сгорали люди, что его теперь при виде казаков «била нервная лихорадка», что вообще случившееся повергло в невыносимые муки и терзания [38].

Публикация беседы с Я.А. Ратцигом, где В.Н. Азанчевский-Азанчеевский предстал виновником смерти томичей, являлась частью кампании антиправительственных сил по установлению контроля над расследованием обстоятельств погрома. Наверняка возложить ответственность на противоборствующую

щую сторону желали официальные власти, из-за беспомощности, попустительства или, может быть, умысла которых состоялась бойня с большим количеством пострадавших, равно как и те, чья антиправительственная активность повысила напряженность в городском социуме, в конце концов подготовив почву для хаоса. В стане последних немаловажную роль играли представители юстиции, в чей адрес уже после процесса в августе 1909 г. посылались обвинения чуть ли не в организации погрома со страниц черносотенных газет, недовольных итогами суда. Центральные «Свет», «Русское знамя» и «Вече» в один голос утверждали: к жертвам привело революционное движение во главе с социал-демократами, за которыми «шла в хвосте вся интеллигенция с судебными и иными чиновниками». Якобы накануне кровопролития следователи вооружали городскую милицию, а после случившегося «вступили в исполнение своих служебных обязанностей и, как власть имевшие, обвиняли патриотов в погроме и отправляли их в тюрьму». Читающая публика обманывалась историями о том, что в конце концов эти «революционные» следователи были высланы из Томска, выгнаны со службы и даже подвергнуты наказаниям в качестве политических преступников [39–41].

Томская пресса похожего направления тогда же изображала А.В. Витте революционером и тем, кто соответствующим образом оказывал влияние на расследование [42. С. 740]. Речь В.М. Пуришкевича 4 мая 1912 г. в Государственной Думе, отсылавшая слушателей к событиям 1905 г., характеризовала тогдашних членов Томского окружного суда «носителями либеральных идей», а подчиненное учреждению судебное ведомство – «левым» [43. С. 459, 461]. Защитник погромщиков на суде П.Ф. Булацель, обратившись по окончании процесса к царю с просьбой о помиловании осужденных, в прошении обвинял томскую юстицию во вредных для самодержавия пристрастиях. Он уверял Николая II, что региональные «судебные власти жестко преследовали всех черносотенцев и составили 29 томов предварительного следствия “о преступлениях” черносотенцев», и гневно восклицал, «как много нужно еще труда, чтобы очистить судебное ведомство и др. ведомства от засорения их революционными чиновниками» [28. Л. 3 об.–4].

Обвинения, звучавшие из промонархического лагеря, в основном строились на домыслах, не позволявших привлечь к ответственности судебных деятелей. В частности, прокурор Омской судебной палаты В.В. Едличко в рапорте директору второго департамента Министерства юстиции Н.М. Демчинскому от 26 сентября 1909 г. на фактическом материале доказывал безосновательность нападок в адрес следователей: никто из них не увольнялся, а высылка из Томска начинавшего расследование случившихся ужасов Я.Е. Иващенко являлась недоразумением (продолжил служебный путь по аналогичной должности в Варшаве) [28. Л. 31–31 об.]. Имеющиеся архивные материалы дают возможность установить, что судебный следователь по особо важным делам Н.Ф. Бончковский, дольше других проводивший следствие о погроме (с лета 1906 г. по лето 1908 г.) и передавший материалы

в прокуратуру для подготовки к судебному процессу [35. Л. 31–33, 54, 59], вообще по своей предшествующей карьере не мог быть связан с томскими общественной жизнью и событиями, поскольку никогда ранее не занимал в городе никаких должностей. Конкретно весной 1905 г. чиновник работал товарищем прокурора в Тобольске и преподавал законоведение в здешней гимназии [44. Л. 16, 22–23].

Однако оппозиционные настроения в рядах юстиции Томской губернии, безусловно, присутствовали, не в последнюю очередь благодаря П.В. Вологодскому, бывшему влиятельной фигурой в судейской корпорации. Личные и деловые связи делали его весьма близким к чиновникам, которые находились во главе судебных учреждений региона в 1905 г. и поначалу вели расследование преступлений, совершенных во время октябрьского погрома. Сохранившиеся документы позволяют зафиксировать, что с письма 24 декабря 1896 г. А.В. Витте (тогда томский губернский прокурор) Петру Васильевичу, служившему в Семипалатинске на должности товарища областного прокурора, началось их заочное знакомство [45. Л. 22–23 об.]. Затем в Томске оно переросло в многогранное сотрудничество. Их совместным профессиональным проектом, к примеру, являлась открытая в 1902 г. юридическая консультация для оказания помощи беднейшему томскому населению [46. С. 114–115]. В городе у Петра Васильевича и Альфонса Васильевича сложился круг общих знакомых, притом среди тех людей, которые значились недоброжелателями самодержавия. Так, И.А. Малиновский – «мятежный» профессор-юрист местного университета, в 1911 г. уволенный оттуда [47. С. 24; 48], в своих воспоминаниях среди «близких» ему лиц называл одновременно и председателя суда, и адвоката [49. С. 294–295]; А.Г. Беляев, 3 февраля 1905 г. рапортуя перед начальством о посещении в тюрьме А.В. Витте арестованных за участие в банкете 12 января приятелей П.В. Вологодского – Г.Н. Потанина и политически неблагонадежного поверенного А.А. Кийкова, прямо называл последних друзьями руководителя судебной власти Томской губернии [50. Л. 5].

В 1905 г. деятельность П.В. Вологодского и А.В. Витте имела немало пересечений, зачастую опасных для царизма. В начале мая они приняли участие в подготовке проекта о земском самоуправлении в Сибири [51. С. 119–120], 27 августа – заседали на общем собрании членов общества земледельческих колоний и ремесленных приютов [52], через два дня председатель окружного суда присутствовал на съезде Сибирского областного союза в квартире адвоката [19. С. 162–163]. 18 октября на Соляной площади единомышленники вместе вступились за молодежь, избивавшуюся томскими правоохранителями. Уже после насилия над присяжным поверенным А.В. Витте взял покровительство над учащимися и, во избежание дальнейших побоев, лично под своей охраной проводил ребят до городского управления. 19 октября именно он довел до логического завершения идею о создании новой системы обеспечения безопасности в городе, сторонником которой являлся П.В. Вологодский. На совещании у губернатора судья прямо задал

тому вопрос о создании городской милиции. Был получен утвердительный ответ, а затем В.Н. Азанчеев-Азанчевский обсуждал с ним, А.И. Макушиным и А.Г. Беляевым кандидатуру другого полицмейстера вместо дискредитировавшего себя разгоном митингов и демонстраций П.В. Никольского [25. Л. 3, 6].

П.В. Вологодский был связан и с некоторыми чиновниками, непосредственно отвечавшими за расследование обстоятельств томского погрома. Описывая эволюцию сибирского общественного движения в 1905 г., он ссылаясь на материалы следствия Я.Е. Иващенко [15. С. 254], а местную прокуратуру, обычно в силу своего назначения противостоявшую адвокатуру и преследовавшую противников государства, по воле чрезвычайных обстоятельств на время возглавил его бывший сослуживец. Правда, прежде данное ведомство попросту осталось обезглавленным. А.Г. Беляев, некоторые действия которого вызывали напряженность в Томске (например, из донесений С.А. Романова известно, что по прокурорскому требованию накануне кровопролития освобождались политические арестанты [31. Л. 5]), пережив 20 октября душевную травму, когда ему пришлось услышать угрозы в свой адрес со стороны смертоносной толпы [24. Л. 6] и запаниковать (по свидетельству А.И. Макушина, он «ажитировался и недоумевал», вокруг губернатора «бегал, схватясь за голову» [25. Л. 9]), стремительно покинул город. По этому поводу И.А. Малиновский указывал: «В Томске во время октябрьского погрома прокурор окружного суда, потрясенный совершающимися на его глазах ужасами, не выдержал, убежал из Томска и навсегда оставил службу в Сибири; по дороге он отправил телеграмму прокурору палаты об отставке. Председатель окружного суда тщетно посылал телеграммы в Петербург» [53. С. 70]. В свою очередь Г.Н. Потанин называл время и способ этого бегства – в ночь на 21 октября А.Г. Беляев «укатил на лошадях» [27. С. 64].

Затем несколько дней прокуратурой управлял местный товарищ прокурора М.А. Лалетин (по крайней мере, ему адресовались предписания вышестоящих структур [35. Л. 7]), а с 27 октября по 18 ноября официально исполнял обязанности прокурора Томского окружного суда приехавший из Омска А.К. Висковатов. Этот опытный чиновник в середине 1890-х гг. служил семипалатинским областным прокурором [54. Л. 7 об., 9 об.–10], т.е. являлся в ту пору непосредственным начальником П.В. Вологодского. Насколько они были близки и в каких состояли отношениях, узнать сейчас сложно, однако в воспоминаниях Петра Васильевича, написанных им в конце жизни, имеется фрагмент о службе в Семипалатинске, где о бывшем руководителе говорится как минимум уважительно. Александр Константинович запомнился «строгим и взыскательным прокурором», перед которым «трепетали» полицейские чины, которого «высшие административные чины недолюбливали» и «по-баивались» [55. Л. 53].

Надзор за следствием осуществлял прокурор Омской судебной палаты Н.Н. Соболев, в политической благонадежности которого правые сомневались. По версии газеты «Русское знамя», чиновник оказывал

«сильное давление» на расследование, и это влияние способствовало несправедливому преследованию «патриотов». Аргументация, однако, не отличалась убедительностью. Говорилось лишь, что прокурор являлся родным братом «редактору-издателю левой “Сибирской жизни” и лидеру томских освободителей» профессору Томского университета М.Н. Соболеву (близок к П.В. Вологодскому), а также вместе с указанным родственником входил в презренную для черносотенцев категорию «евреев-выкрестов» [40]. В прокламациях анонимных «патриотических» сил, обнаруженных полицией в Томске в начале декабря 1905 г. и призывавших томичей к участию в новом погроме против «крамольников» (намечался на 6 декабря) [7. Л. 249 об.–250], звучало имя Н.Н. Соболева. Якобы революционеры просили его «побольше черни и мещан посадить в тюрьму» [56. Л. 1]. Пусть родственником прокурора являлся М.Н. Соболев (один из инициаторов создания Томского юридического общества [57. Л. 1–1 об.], оппозиционного правительству, по оценке современных биографов, «заметная фигура либерального движения» [58. С. 18]) и он был знаком с А.В. Витте по их предшествующей совместной службе в качестве товарищей прокурора Иркутской судебной палаты [59. С. 2], случаев отступлений прокурорского работника от порядка законности при проведении следствия не обнаруживается. Подтверждением его беспристрастности могут служить и такие факты: Н.Н. Соболев сохранил должность дольше других чиновников, начинавших расследование томской трагедии, а в переписке В.В. Едличко с министерством вообще характеризовался «человеком консервативных взглядов» [28. Л. 31 об.].

Между тем после массового насилия ряды противников самодержавия оказались расстроеными. «Революционеры притихли, но озлоблены пожаром и еврейским погромом», – телеграфировал о положении дел В.Н. Азанчеев-Азанчевский товарищу министра внутренних дел Д.Ф. Трепову 24 октября [7. Л. 119]. П.В. Вологодский также констатировал резкое угасание освободительного движения: «Сознательные прогрессивные силы местного общества подавлены ужасом происшедшего, терроризированы неистовством обнаглевшей черной сотни и поощрительным бездействием властей по укрощению разнузданной черни и хулиганов. Некоторые ушли в себя, не имея решимости и сил, а, главное, уверенности, что выйдет какой-нибудь толк из их выступления с протестом против всего совершившегося» [15. С. 255].

Исключения не составляла судебная власть, демонстрировавшая растерянность, и первые шаги по расследованию преступлений предпринимались либо спонтанно, либо по инициативе администрации. По свидетельству члена Томского окружного суда С.В. Александровского (в августе 1906 г. перешел в адвокатуру [60. Л. 16 об.] и в процессе о томском погроме защищал одного из подсудимых И.В. Большакова [34. С. 2]), следственные операции производились уже 20 октября. Они вместе Я.Е. Иващенко в тот день подходили к Соборной площади, когда узнали о разгулявшейся криминальной стихии. Раненые стали поступать в войсковой врачебный пункт недалеко от

места разворачивающегося кровопролития, где «Иващенко решил немедленно приступить к производству предварительного следствия». Первым допрошенным являлся только что отмытый от крови железнодорожный архитектор Б.Ф. Татарчук, который дал показания относительно убийства у здания железнодорожного управления двух инженеров – И.Ф. Клионовского и М.У. Шварца [61. С. 154–155]. На следующий день губернатор уже официально предложил этому следователю начать расследование [62. Л. 15] и распорядился поставить у его квартиры воинский караул для обеспечения безопасности [7. Л. 91].

Очевидно, к насилию в томском побоище были причастны правительственные войска, что могло дать следствию совершенно нежелательное для властей направление. А.А. Грацианов старался предоставить расследованию объективные результаты медицинской экспертизы и, например, по воспоминаниям А. Яропольской (жена убитого Н.Г. Яропольского), «заносил в протокол вскрытия фактические причины смерти, указывая у многих погибших пулевые и штыковые раны» [63. Л. 11]. В.Н. Азанчеев-Азанчевский 24 октября потребовал от томского губернского врачебного инспектора уволить чересчур добросовестного и честного медика и запросил у Д.Ф. Трепова разрешения мертвецов «хоронить без вскрытия ввиду явного насилия» [7. Л. 111, 119], чем, конечно, препятствовал сбору доказательств. Смена судмедэксперта, как указывал Г.Н. Потанин, произошла по рекомендации П.В. Никольского, а занявший место А.А. Грацианова доктор сразу вступил в «войну» с А.В. Витте [27. С. 64].

Таким путем руководители государственного аппарата, после погрома восстанавливавшего утраченные было развитием революции позиции, пытались повернуть досудебное следствие в нужное им русло. Тогда же, 24 октября, полицмейстер выписал постановление о «предварительном аресте при тюрьме» А.И. Макушина [35. Л. 1], четырьмя днями ранее уже задержанного губернатором якобы для того, чтобы обезопасить его от растерзания толпой [25. Л. 8–9]. По предположению П.В. Вологодского, на городского голову В.Н. Азанчеев-Азанчевский старался «свалить вину» за томские беспорядки, отвечать за которые надлежало бы ему самому. Адвокат не сомневался, что многие горожане пострадали от пуль и штыков солдатских винтовок, а убеждал его в этом следственный материал [15. С. 254, 257]. Я.Е. Иващенко, расследование которого подкрепляло уверенность противников самодержавия в преступных деяниях администрации и войск, продержался на своем посту после погрома примерно месяц. Когда в ноябре прибыл новый прокурор окружного суда Н.А. Русанов (занимал данную должность вплоть до суда над погромщиками в августе 1909 г., где представлял обвинение [34. С. 1]), на почве политических разногласий случился конфликт между приехавшим чиновником и судебным следователем, в результате чего последний и был выслан из Томска в административном порядке [28. Л. 31 об., 72–72 об.].

Давление усугубляло и без того чрезвычайно сложную следственную ситуацию, которая, к приме-

ру, характеризовалась большой степенью уничтожения улик и дополнительными препятствиями в опознании трупов. Газеты рассказывали об обнаружении в местах наиболее жестокого насилия мертвецов, «изуродованных до неузнаваемости» с «выбитыми зубами, разбитыми в лепешку носами и губами» [64. С. 157]; через несколько дней после пожара при разборе сгоревших зданий уже не обнаруживалось целых трупов – только обгорелые кости [65]. Хотя преступления совершались на глазах тысяч горожан, оказалось очень непросто реконструировать картину происходившего, поскольку люди опасались свидетельствовать. 29 октября один из допрошенных предупредил о сомнительных перспективах сбора показаний: «Свидетелей событий 20, 21 и 23 очень много, но заранее можно с уверенностью сказать, что добрая половина их не будет присутствовать на суде из-за боязни быть жертвой такой же толпы... Большинство, боясь мести, не выступит в качестве свидетелей. К ним принадлежу и я» [35. Л. 15–15 об.].

В данных условиях меры, подобные увольнению А.А. Грацианова, местное судебное сообщество рассматривало еще больше как «угрозу правосудию со стороны администрации». Мировые судьи и судебные следователи Томска, включая Я.Е. Иващенко, возмущались фактом отстранения опытного врача от судмедэкспертизы и опубликовали открытое письмо в «Сибирском вестнике», где давалась критическая оценка непоследовательным, противоречащим закону и вредным для следствия действиям местных управленцев. Кроме прочего указывалось: «Административная власть то объявляет себя бессильной в хаосе событий, то проявляет необычайную энергию; судороги ее своеобразно отражаются на власти судебной, деятельность которой во многом связана с администрацией через ее агентов» [66].

В выяснении обстоятельств томского погрома тесно соседствовали правовые и конспирологические сценарии, в том или ином случае одерживая верх. Юстиция сказала веское слово, когда освободила А.И. Макушина. «Считаю свой арест незаконным», – сказал он 30 октября приехавшему из Омска Н.Н. Соболеву, которого В.Н. Азаневский-Азанчеев убеждал, что городского голову арестовали с его же согласия. Прокурор распорядился немедленно освободить арестанта, и тот, чтобы впредь не стать жертвой административно-полицейского произвола, по совету А.В. Витте покинул город [25. Л. 8, 10].

Тем временем в столичных кабинетах власти было решено избавиться от руководителей, не справившихся с обязанностями и утратившими контроль над ситуацией в дни погрома. 8 ноября был снят В.Н. Азанчеев-Азанчевский [67. С. 165], 17 ноября – П.В. Никольский [68. С. 95]. Вместе с тем постепенно возрождались местная социально-политическая жизнь. Полицейстер А.П. Явцев в декабрьском рапорте губернатору сообщал: «После 20–21 октября всякие народные собрания-митинги и т.п. в г. Томске прекратились и в обществе наступило тревожное затишье, везде и всюду втихомолку отдельными группами обсуждали и комментировали перенесенные события, состояние во всех классах общества было удручаю-

щее, обычная жизнь как будто бы замерла, многие опасались даже ходить по улицам; увеселительные заведения – театры, вечера, собрания – почти никем не посещались и поэтому несколько дней были закрыты. Но такое настроение в обществе продолжалось не больше 12–15 дней». И вот, по наблюдению главы полиции, около 10 ноября рабочие и разного рода революционеры уже стали «группироваться», «тайно собирались по вечерам на сходках», хотя и «вели себя крайне тактично и сдержанно» [7. Л. 246–246 об.].

Общественные силы, пытавшиеся разобраться в октябрьском кровопролитии, консолидировались вокруг томской прессы. П.В. Вологодский имел непосредственное отношение к самым влиятельным в Томске «Сибирской жизни» и «Сибирскому вестнику». Издатель и редактор первой из них П.И. Макушин называл присяжного поверенного среди «наиболее ценных и постоянных» корреспондентов, а с 8 ноября 1905 г. издавать и редактировать «Сибирскую жизнь» стали профессора И.А. Малиновский и М.Н. Соболев; с 1903 г. Петр Васильевич преимущественно сотрудничал с «Сибирским вестником» [69. С. 190, 238; 70. С. 136, 143–144]. Оба издания на своих страницах выступили с обвинениями в адрес В.Н. Азанчеева-Азанчевского и П.В. Никольского, разоблачая и других виновников кровопролития.

Резкими выпадами в сторону властей отличился «Сибирский вестник», который в революционном году, по оценке П.В. Вологодского, следовал «боевому тону» [15. С. 248]. В выпуске 16 ноября, наряду с обличительным интервью Я.А. Ратцига, было опубликовано еще два материала, указывавших на застрельщиков октябрьской катастрофы. Анонимная статья «К суду» содержала ряд прямых обвинений в адрес губернатора, каждое из которых начиналось с фразы: «Мы обвиняем губернатора Азанчевского...». На руководителя губернии возлагалась ответственность за сознательную подготовку кровопролития и двухдневное разграбление города, за то, что он позволил погромщикам совершать злодеяния и препятствовал спасению людей, чья жизнь и имущество оказались под угрозой, говорилось и о мерах, предпринятых губернатором чтобы препятствовать расследованию преступлений (упоминалось увольнение А.А. Грацианова, «дававшего при медицинской экспертизе правдивые показания о штыковых ранах и пулях солдатского калибра») [71]. Вторым материалом являлось открытое письмо А.В. Витте, в котором председатель окружного суда как очевидец событий обвинял в связи с организацией погрома частное лицо – главу томского мещанского общества С. Самгина-Косицина [72].

Через два дня после отставки П.В. Никольского «Сибирский вестник» в статье «Серого» потребовал отдать начальника полиции под суд, инкриминировав ему избитие 18 октября. С опорой на показания свидетелей П.В. Вологодский доводил до читателей газеты, что полицмейстер в тот день инициировал расправу, а не пассивно наблюдал побоище, как сам позже утверждал. Доказательств других преступлений чиновника не приводилось, но давалась им вполне однозначная оценка. Статья заканчивалась словами:

«Итак, г. Никольский, пора, пора к ответу и суду за одни ваши действия на Соляной площади. Ваша роль на площади Нового собора и на улицах Томска в дни пожаров, потока и разграбления была может быть не менее яркой и чудовишной, чем на Соляной площади, но вы тут играли, несомненно, вторую скрипку, а может быть и того менее» [73].

Вероятно, П.В. Вологодский и А.В. Витте согласовывали кампанию по дискредитации государственного аппарата, в которой они позволили себе перейти границы допустимого. Так, обвинение председателем окружного суда С. Самгина-Косицина, разумеется, считавшего себя ни в чем не повинным (сохранился его рапорт губернатору, где участие в организации погрома категорически отрицалось [7. Л. 130–131]), компрометировало саму судебную власть. С одной стороны, как позже возмущалась правая пресса, судья, обличая главу мещан, в беспорядках ненароком упрекал все мещанское население Томска [42. С. 740], с другой, такое публичное досудебное обвинение подразумевало нарушение основополагающего принципа правосудия – презумпции невиновности.

На подобные действия последовала жесткая реакция. Когда 23 декабря 1905 г. территория вдоль Сибирской железной дороги объявлялась на военном положении, командующему войсками Сибирского военного округа Н.Н. Сухотину предоставлялись «особые права и обязанности административных органов гражданского ведомства по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» [74]. 31 декабря генерал телеграфным распоряжением закрыл «Сибирский вестник» [75]; 5 января 1906 г. распоряжился устранить А.В. Витте на все время действия военного положения от должности председателя суда и предложил ему в 48 часов выехать из Сибири, грозя в случае промедления применить силу [76. С. 617–618]; 11 февраля он же предписал П.В. Вологодскому за двое суток покинуть Томск [77]. Расследование октябрьского кровопролития окончательно пошло по желательному для правительства сценарию. Тему погрома, как констатирует М.В. Шиловский, под давлением военного режима томская пресса с декабря 1905 г. уже не поднимала [4. С. 79–80, 82], а после февральской переписки 1906 г. Н.А. Русанова в материалах предварительного следствия, которые сейчас удастся обнаружить, перестают упоминаться в качестве подозреваемых гражданские и военные начальства (13 февраля прокурор последний раз писал Н.Н. Соболеву, что в преступлениях необходимо «правильно определить роль войск и властей» [35. Л. 24]).

Расследование погрома шло чрезвычайно долго. Волокиту, наряду со сложностью дела, можно объяснить катастрофическим состоянием юстиции Томской губернии. К примеру, по окончании 1908 г. в следственных органах томского судебного округа оставалось в производстве нерешенными 3 447 дел, т.е. больше, чем в любом другом судебном округе Российской империи [78. С. 132–135; 79. С. 40–41]. Члены Томского окружного суда совершали огромное количество командировок для проведения выездных сессий, и учреждение являлось одним из лидеров по

медлительности судопроизводства в стране [80]. Когда 18 августа 1908 г. прокуратура передала материалы о погроме в окружной суд, тот смог его рассмотреть на своем распорядительном заседании лишь 24 октября, а председатель судебного учреждения М.А. Подгоричани-Петрович истолковал проволочку тем, что производство поступило в неподходящее время, «когда состав суда находился в разъезде» [35. Л. 22, 27–29, 73].

В общем, процесс о томском погроме в августе 1909 г. проводился не по свежим следам. Некоторые обвиняемые и свидетели уже скончались, а воспоминания о кровавых событиях истерлись. На судебном разбирательстве не досчитывалось четверых подсудимых и порядка 60–70 свидетелей. Скажем, умер И. Кочетов, вероятно, знавший о злодеяниях одного из главарей «патриотов» И.С. Богуна больше, чем успел сказать на начальной стадии предварительного следствия [34. С. 2, 19]. Наверняка многих, кто в октябре 1905 г. организовывал и совершал преступления, в зале суда не оказалось. Осуждение же шестнадцати человек [4. С. 85], из которых к тому же девять 15 октября 1909 г. были помилованы по прошению П.Ф. Булацеля Николаем II, включая И.С. Богуна [28. Л. 3–4; 35. Л. 170, 196], не являлось соразмерным случившейся трагедии наказанием. Недаром современники говорили, что свершилась всего лишь «комедия» правосудия [32. С. 15; 81].

Выступление там в качестве обвинителя нельзя отнести к профессиональным успехам удачливого адвоката П.В. Вологодского [22]. Ему противостоял один из лучших российских присяжных поверенных эпохи, судьи не являлись союзниками, как бывало раньше, а его действия сковывались личным участием в событиях. Между тем в суде он был безусловным вождем сил, желавших изобличения преступников. Так, томская черносотенная «Сибирская правда» назвала Петра Васильевича «одним из коноводов местного юридического и даже начально-школьного “прогрессизма” макушинских времен», а также указала, что публика при выступлении «такой знаменитости» «насторожила уши» [82]. По мнению М.В. Шиловского, на процессе авторитетный общественный деятель солидаризировался с другими адвокатами со стороны гражданских истцов, «квалифицировавшими погром как политическую акцию, осуществленную люмпенами, загнанными модернизационными процессами в тупик, против носителей прогрессивных

устремлений и участников освободительного движения при попустительстве местной администрации» [4. С. 86–88].

Профессиональной деятельностью П.В. Вологодского подтверждается отсутствие у него предубеждения к лицам иудейского вероисповедания. Как юрист он имел с последними тесные и доверительные отношения. К примеру, А.К. Кириллов пишет о ведении им дел Г.И. Фуксмана о снижении податного бремени без всякой нелицеприятности и «тщательно» [83. С. 121–129]; под его же патронатом развивало деятельность немалое число помощников присяжных поверенных из евреев [84. Л. 19, 20 об.]. Потому относительно антисемитской составляющей погрома Петр Васильевич на суде высказал мысль, однозначно повторенную им через десять лет. В феврале 1919 г. в ранге премьер-министра он дал интервью американской прессе, заявив, что «в той части Российского государства, на которую в настоящее время распространяется власть правительства, в сущности говоря, никогда не было и нет еврейского вопроса». Воспоминания о томской бойне заставили пояснить: «Если в 1905 г. в некоторых городах Сибири происходили народные беспорядки, повлекшие за собой разгром еврейских магазинов и жилищ, то это явление было вызвано вовсе не ненавистью коренного сибирского населения к евреям, оно искусственно создано черной сотней, которая постановила громить евреев столько же, сколько интеллигенцию, а преступное попустительство, если не прямое подстрекательство тогдашних властей, дало только возможность развиться этому явлению больше, чем оно имело жизненных соков» [85. Л. 29].

В заключение своей судебной речи П.В. Вологодский выразил уверенность, что погромов в Томске больше не произойдет [87]. Таким образом, сибиряк, желая того или нет, оказался включенным в череду событий, сопутствовавших томскому побоищу в октябре 1905 г., от начала и до конца. Участвуя в данной драме, по аналогии с театром, он совершил множество действий, став в одном лице сценаристом, режиссером, актером, зрителем и критиком, а по совокупности сыгранных ролей ему было мало равных. В драматургии момента Петр Васильевич отметился как политик, общественный деятель, публицист, юрист, правозащитник, адвокат, неблагонадежный и опасный для самодержавия, чем упрочил свое лидирующее положение в оппозиционных кругах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джадж Э. Пасха в Кишиневе. Анатомия погрома. Кишинев : Лига, 1998. 204 с.
2. Lambroza Sh. The Tsarist Government and the Pogroms of 1903–06 // *Modern Judaism*. 1987. Vol. 7, № 3. P. 287–296.
3. Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М. : РОССПЭН, 2005. 552 с.
4. Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Новосибирск : Параллель, 2019. 160 с.
5. Казакова Е.А. П.В. Вологодский: личность и общественно-политическая деятельность (1863–1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 363 с.
6. Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / под ред. И. Герасимова. Казань : Ab Imperio, 2017. 630 с.
7. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 3. Оп. 70. Д. 2643.
8. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-5. Оп. 2. Д. 351.
9. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.). Ф. 2297. Оп. 1. Д. 18.
10. Носители государственной власти // *Вестник Томской губернии*. 1918. 27 дек.
11. Государственный исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. 190. Оп. 1. Д. 55.
12. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 3. Д. 4.

13. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Т. 1: 1880–1917 г. / сост. В.П. Зиновьев, О.А. Харусь. Томск : Изд-во Том. ун-та. 2013. 402 с.
14. Шиловский М.В. Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. 320 с.
15. В-дский П. [Вологодский П.В.] Из хроники освободительного движения в Сибири // Сибирские вопросы. Периодический сборник, издаваемый В.П. Сукачевым под редакцией приват-доцента П.М. Головачева. СПб. : Тип. Альтушулера, 1906. № 2. С. 242–264.
16. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 166.
17. Крестьянников Е.А. П.В. Вологодский и присяжные поверенные в Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 152–159.
18. Журналы и постановления Томской городской думы // Известия Томского городского общественного управления. 1905. № 35–36. С. 265–267.
19. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск : Сова, 2008. 270 с.
20. Основные положения Сибирского областного союза // Право. 1905. № 39. С. 3252–3254.
21. Местная хроника // Сибирский вестник. 1905. 27 авг.
22. Крестьянников Е.А. «Свободная профессия» П.В. Вологодского: адвокатские траектории томского юриста // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 78–86.
23. ГИАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 92.
24. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 152.
25. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 179.
26. Октябрьские дни в Томске. Описание кровавых событий 20–23 октября. Томск : Типолит. М.Н. Кононова, 1905. 71 с.
27. Рассказ Григория Николаевича Потанина о томских событиях в октябре 1905 г. (Записано с его слов М.Х. Свентицкой) // Каторга и ссылка. Историко-революционный сборник. 1925. № 7 (20). С. 58–64.
28. ГИАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 133.
29. Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Том II. Заседания 19–38 (с 1 июня по 4 июля). СПб. : Государств. тип., 1906. 2014 с.
30. Томское преступление // Восточное обозрение. 1905. 1 нояб.
31. ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 33.
32. Рассохин Г.С. События в Томске в октябре 1905 г. Томск : Типолит. Томской железной дороги. 1917. 30 с.
33. Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.
34. Дело о погроме в г. Томске в 1905 году. (Отчет о судебном заседании Томского окружного суда). Томск : Типолит. Сиб. Товарищества печат. дела, 1909. 102 с.
35. ГАТО. Ф. 11. Оп. 4. Д. 7.
36. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 170.
37. Настольный календарь на 1919 г. / под ред. М.Н. Пинегина. Томск : Типолит. Томской железной дороги, 1919. 180 с.
38. Серый С.Н. Интервью с инженером Я.А. Ратциг // Сибирский вестник. 1905. 16 нояб.
39. Дело о томском погроме // Свет. 5 сент.
40. Дело о томском погроме // Русское знамя. 1909. 6 сент.
41. Москва, 6 сентября [передовая статья] // Вече. 1909. 6 сент.
42. К делу о погроме // Томские епархиальные ведомости. 1909. № 17. С. 723–740.
43. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1912 г. Сессия пятая. Часть V. Заседания 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб. : Государств. тип., 1912. 4336 с.
44. ГИАОО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 13.
45. ЦГИА СПб. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 12.
46. Крестьянников Е.А. П.В. Вологодский и дело юридической помощи в Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 113–122.
47. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А. Томский период деятельности профессора русского права И.А. Малиновского // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4. С. 21–26.
48. Из газет // Обская жизнь. 1911. 21 окт.
49. Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 508 с.
50. ГИАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 68.
51. Некрылов С.А. Научные общества в Томском университете в дореволюционный период. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 258 с.
52. Местная хроника // Сибирский вестник. 1905. 28 авг.
53. Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Вып. 2. Томск : Типолит. Сиб. Товарищества печат. дела, 1909. 145 с.
54. ГИАОО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 21.
55. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 299.
56. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 232.
57. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 227.
58. Грузинов А.С., Савченко М.М. «История учит» [вступительная статья] // Соболев М.Н. Таможенная политика России во второй половине XIX в. Ч. 1. М. : РОССПЭН, 2012. С. 9–26.
59. Справочная книжка Иркутского судебного округа. Иркутск : Типолит. П.И. Макушина, 1898. 154 с.
60. ГИАОО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 13.
61. Александровский С.В. Октябрьские дни 1905 г. в Томске. (Воспоминания томского старожила) // Сибирские огни. 1925. № 4–5. С. 152–173.
62. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 154.
63. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 170.
64. Приложение к «Праву». Хроника октябрьских дней // Право. 1905. № 48–49. С. 89–214.
65. Томская хроника // Сибирские известия. 1905. 28 окт.
66. К событиям дней // Сибирский вестник. 1905. 26 нояб.
67. Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы: биобиблиографический указатель. Томск : Ветер, 2012. 224 с.
68. Ларьков Н.С., Чернова И.В. Полицейстеры, комиссары, начальники: (Руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв.). Томск : Изд-во Том. ун-та. 1999. 184 с.
69. Жиликова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 446 с.
70. Жиликова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В. Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 292 с.
71. К суду // Сибирский вестник. 1905. 16 нояб.
72. Витте А.В. Письма в редакцию // Сибирский вестник. 1905. 16 нояб.
73. Серый С.Н. Пора, пора! // Сибирский вестник. 1905. 19 нояб.

74. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 25. № 27093.
75. Томская хроника // Вестник Сибири. 1906. 1 янв.
76. Хроника // Право. 1910. № 10. С. 614–620.
77. Томская жизнь // Сибирская жизнь. 1906. 14 февр.
78. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 24. Ч. 1. СПб.: Сенатская тип., 1910. 243 с.
79. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 24. Ч. 2. СПб.: Сенатская тип., 1910. 70 с.
80. Krestiannikov E.A. Along the Routes of Justice: Judicial Circuit Riding in Western Siberia during the Late Imperial Period // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2019. Vol. 20, № 2. P. 315–344.
81. Философ Черный. Суд томского погрома // Сибирская правда. 1909. 13 сент.
82. Дело о еврейском погроме в г. Томске 20–22 октября 1905 г. // Сибирская правда. 1910. 29 мая.
83. Кириллов А.К. От подушной подати к подоходному налогу: податные реформы капиталистической России и их воплощение в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск: Параллель, 2017. 178 с.
84. ГИАОО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 382.
85. ГАРФ. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 2.
86. Судебная хроника. Томский окружной суд. Погром 1905 г. // Сибирские отголоски. 1909. 2 сент.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 апреля 2021 г.

In the “History of Human Sacrifice”: Pyotr Vologodsky and the Tomsk Pogrom of 1905

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 115–127.

DOI: 10.17223/15617793/472/14

Evgenii A. Krestiannikov, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: krest_e_a@mail.ru

Keywords: Pyotr Vologodsky; social and revolutionary activities; Tomsk; violence; pogrom.

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Tyumen Region within Project No. 20-49-720019.

The aim of the article is to study the various aspects of Pyotr Vologodsky's relation to the Tomsk pogrom in October 1905 and the clarification of his roles in the scenarios of the unrest. Using microhistorical detailing and comparative methods, the lawyer's participation in the actions that preceded the bloodshed, the behavior at the time of conflict escalation and after it is reconstructed. The clerical materials, periodicals, memoirs, and other historical sources involved in the study can significantly supplement knowledge of one of the bloodiest episodes in the history of Tomsk and establish that the future Prime Minister of the anti-Bolshevik governments had a direct relation to it in different ways. He was a political and public figure who discredited state power, supported initiatives that had the effect of destabilizing the situation in the city. Thanks to personal and business ties, Vologodsky was among the most influential figures in the ranks of the Tomsk opposition, who nurtured the idea of eliminating the police and creating a new security system in the city. On the eve of the pogrom, the opposition formulated a demand for the resignation of the heads of the local state apparatus and revolutionized the situation. In anticipation of the riots, the politician became a victim of violence when he defended the rallying youth; during the looting of the property of the townspeople, his apartment miraculously escaped defeat. Being an authoritative lawyer, Vologodsky held a leading position in the regional legal community. The lawyer had long-standing acquaintances with judicial figures who played an important role in the liberation movement, who were responsible for investigating crimes after the pogrom. Vologodsky was a prominent publicist and had the ability to influence public opinion through the Tomsk press. In solidarity with other opponents of the autocracy, he declared the leaders of local administrations and police responsible for the pogrom through the newspaper *Sibirskiy Vestnik*. Confrontation with the authorities made him leave the city in February 1906. At the trial procedure of the Tomsk pogrom of 1909 the defendants were minor persons. The speech in this process as a defender of the interests of civil plaintiffs did not belong to the glorious pages of Vologodsky's lawyer career. There were few convicts, and most of them deserved pardon by the emperor. Explaining the bloodshed, Vologodsky denied the crucial importance of the rioters' hatred of the Jews and saw the underlying causes of the riots in breaking social relations caused by modernization processes.

REFERENCES

1. Judge, E. (1998) Paskha v Kishineve. Anatomiya pogroma [Easter in Kishinev. Anatomy of a pogrom]. Translated from English. Kishinev: Liga.
2. Lambroza, Sh. (1987) The Tsarist Government and the Pogroms of 1903–06. *Modern Judaism*. 7 (3). pp. 287–296.
3. Budnitskiy, O.V. (2005) *Rossiyskie evrei mezhdru krasnymi i belymi (1917–1920)* [Russian Jews between the Reds and the Whites (1917–1920)]. Moscow: ROSSPEN.
4. Shilovskiy, M.V. (2019) *Tomskiy pogrom 20–22 oktyabrya 1905 g.: khronika, kommentariy, interpretatsiya* [Tomsk pogrom of October 20–22, 1905: chronicle, commentary, interpretation]. Novosibirsk: Parallel'.
5. Kazakova, E.A. (2008) *P.V. Vologodskiy: lichnost' i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' (1863–1920 gg.)* [P.V. Vologodsky: personality and socio-political activity (1863–1920)]. History Cand. Diss. Tomsk.
6. Gerasimov, I. (ed.) (2017) *Novaya imperskaya istoriya Severnoy Evrazii* [The new imperial history of Northern Eurasia]. Part 2. Kazan: Ab Imperio.
7. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 70. File 2643.
8. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-5. List 2. File 351.
9. Central State Historical Archive of Saint Petersburg (TsGIA SPb). Fund 2297. List 1. File 18.
10. *Vestnik Tomskoy gubernii*. (1918) Nositeli gosudarstvennoy vlasti [Carriers of state power]. 27 December.
11. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 190. List 1. File 55.
12. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-5. List 3. File 4.
13. Zinov'ev, V.P. & Kharus', O.A. (2013) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg.* [The sociopolitical life of Tomsk Province in 1880–1919]. Vol. 1: 1880–1919. Tomsk: Tomsk State University.
14. Shilovskiy, M.V. (2012) *Pervaya russkaya revolyutsiya 1905–1907 gg. v Sibiri* [The First Russian Revolution of 1905–1907 in Siberia]. Novosibirsk: SB RAS.
15. V-dskiy, P. [Vologodskiy, P.V.] (1906) Iz khroniki osvoboditel'nogo dvizheniya v Sibiri [From the chronicle of the liberation movement in Siberia]. In: Golovachev, P.M. (ed.) *Sibirskie voprosy* [Siberian issues]. Vol. 2. Saint Petersburg: Tip. Al'tushulera. pp. 242–264.
16. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-5. List 2. File 166.

17. Krest'yannikov, E.A. (2017) P.V. Vologodsky and Sworn Attorneys in Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 419. pp. 152–159. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/419/20
18. *Izvestiya Tomskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. (1905) Zhurnaly i postanovleniya Tomskoy gorodskoy dумы [Journals and resolutions of the Tomsk City Duma]. 35–36. pp. 265–267.
19. Shilovskiy, M.V. (2008) *Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX v.* [Siberian regionalism in the sociopolitical life of the region in the second half of the 19th – the first quarter of the 20th centuries]. Novosibirsk: Sova.
20. *Pravo*. (1905) Osnovnye polozheniya Sibirskogo oblastnogo soyuza [Basic provisions of the Siberian Regional Union]. 39. pp. 3252–3254.
21. *Sibirskiy vestnik*. (1905) Mestnaya khronika [Local chronicle]. 27 avg.
22. Krest'yannikov, E.A. (2018) The “liberal profession” of Pyotr Vologodsky: advocate trajectories of the Tomsk lawyer. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 433. pp. 78–86. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/433/10
23. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 25. List 1. File 92.
24. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-5. List 2. File 152.
25. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-5. List 2. File 179.
26. Anon. (1905) *Oktyabr'skie dni v Tomske. Opisanie krovavykh sobyitiy 20–23 oktyabrya* [October days in Tomsk. Description of the bloody events of October 20–23]. Tomsk: Tipolit. M.N. Kononova.
27. *Katorga i ssylka. Istoriko-revolutsionnyy sbornik*. (1925) Rasskaz Grigoriya Nikolaevicha Potanina o tomskikh sobyitiyakh v oktyabre 1905 g. (Zapisano s ego slov M.Kh. Sventitskoy) [Grigory Nikolayevich Potanin's story about the events in Tomsk in October 1905 (Recorded from his words by M.Kh. Sventitskaya)]. 7 (20). pp. 58–64.
28. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 190. List 1. File 133.
29. Anon. (1906) *Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskie otechety. 1906 god. Sessiya pervaya. Tom II. Zasedaniya 19–38 (s 1 iyunya po 4 iyulya)* [State Duma. Verbatim reports. 1906 Session one. Volume II. Sessions 19–38 (June 1 to July 4)]. Saint Petersburg: Gosudarstv. tip.
30. *Vostochnoe obozrenie*. (1905) Tomscoe prestuplenie [A crime in Tomsk]. 1 November.
31. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-144. List 1. File 33.
32. Rassokhin, G.S. (1917) *Sobytiya v Tomske v oktyabre 1905 g.* [Events in Tomsk in October 1905]. Tomsk: Tipolit. Tomskey zheleznoy dorogi.
33. Popov, I.I. (1989) *Zabytye irkutskie stranitsy: Zapiski redaktora* [Forgotten Irkutsk Pages: Editor's Notes]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo.
34. Anon. (1909) *Delo o pogrome v g. Tomske v 1905 godu. (Otchet o sudebnom zasedanii Tomskego okruzhnogo suda)* [The case of the pogrom in Tomsk in 1905. (Report on the court session of the Tomsk District Court)]. Tomsk: Tipolit. Sib. Tovarishchestva pechat. dela.
35. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 11. List 4. File 7.
36. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-5. List 2. File 170.
37. Pinegin, M.N. (ed.) (1919) *Nastol'nyy kalendar' na 1919 g.* [Desk calendar for 1919]. Tomsk: Tipolit. Tomskey zheleznoy dorogi.
38. Seryy, S.N. (1905) Interv'y u s inzhenerom Ya.A. Rattsig [Interview with engineer Ya.A. Ratzig]. *Sibirskiy vestnik*. 16 November.
39. *Svet*. (1905) Delo o tomskom pogrome [The case of the Tomsk pogrom]. 5 September.
40. *Russkoe znamya*. (1909) Delo o tomskom pogrome [The case of the Tomsk pogrom]. 6 September.
41. *Veche*. (1909) Moskva, 6 sentyabrya [peredovaya stat'ya] [Moscow, September 6 [leading article]]. 6 September.
42. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1909) K delu o pogrome [To the case of the pogrom]. 17. pp. 723–740.
43. Anon. (1912) *Gosudarstvennaya дума. Tretiy sozvyv. Stenograficheskie otechety 1912 g. Sessiya pyataya. Chast' V. Zasedaniya 120–153 (s 30 aprelya po 9 iyunya 1912 g.)* [State Duma. Third convocation. Verbatim Records 1912 Session Five. Part V. Sessions 120–153 (April 30 to June 9, 1912)]. Saint Petersburg: Gosudarstv. tip.
44. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 190. List 2. File 13.
45. Central State Historical Archive of Saint Petersburg (TsGIA SPb). Fund 2297. List 1. File 12.
46. Krest'yannikov, E.A. (2017) P.V. Vologodsky and the Case of Legal Aid in Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 422. pp. 113–122. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/422/16
47. Fominykh, S.F. & Nekrylov, S.A. (2012) Tomsk Period of Russian Law Professor I.A. Malinowski. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4. pp. 21–26. (In Russian).
48. *Obskaya zhizn'*. (1911) Iz gazet [From newspapers]. 21 October.
49. Fominykh, S.F. (2014) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in Memories of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
50. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 190. List 1. File 68.
51. Nekrylov, S.A. (2013) *Nauchnye obshchestva v Tomske v dorevolutsionnyy period* [Scientific societies at Tomsk University in the pre-revolutionary period]. Tomsk: Tomsk State University.
52. *Sibirskiy vestnik*. (1905) Mestnaya khronika [Local chronicle]. 28 August.
53. Malinovskiy, I.A. (1909) *Krovavaya mest' i smertnye kazni* [Bloody revenge and death penalties]. Vol. 2. Tomsk: Tipolit. Sib. Tovarishchestva pechat. dela.
54. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 190. List 2. File 21.
55. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5881. List 2. File 299.
56. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-5. List 2. File 232.
57. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 227.
58. Gruzinov, A.S. & Savchenko, M.M. (2012) “Istoriya uchi” [vstupitel'naya stat'ya] [“History teaches” [introductory article]]. In: Sobolev, M.N. *Tamozhennaya politika Rossii vo vtoroy polovine XIX v.* [Customs policy of Russia in the second half of the 19th century]. Part 1. Moscow: ROSSPEN. pp. 9–26.
59. Anon. (1898) *Spravochnaya knizhka Irkutskogo sudebnogo okruga* [Reference book of the Irkutsk judicial district]. Irkutsk: Tipolit. P.I. Makushina.
60. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 25. List 2. File 13.
61. Aleksandrovskiy, S.V. (1925) Oktyabr'skie dni 1905 g. v Tomske. (Vospominaniya tomskogo starozhila) [October days of 1905 in Tomsk. (Memoirs of a Tomsk old-timer)]. *Sibirskie ogni*. 4–5. pp. 152–173.
62. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-5. List 2. File 154.
63. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-5. List 2. File 170.
64. *Pravo*. (1905) Prilozhenie k “Pravu”. Khronika oktyabr'skikh dney [Appendix to Pravo. Chronicle of the October days]. 48–49. pp. 89–214.
65. *Sibirskie izvestiya*. (1905) Tomskey khronika [Tomsk Chronicle]. 28 October.
66. *Sibirskiy vestnik*. (1905) K sobyitiyam dney [To the events of the days]. 26 November.
67. Yakovenko, A.V. & Gakhov, V.D. (2012) *Tomskie gubernatory: biobibliograficheskiy ukazatel'* [Tomsk governors: a bio-bibliographic index]. Tomsk: Veter.
68. Lar'kov, N.S. & Chernova, I.V. (1999) *Politsmeystery, komissary, nachal'niki: (Rukovoditeli pravookhranitel'nykh organov Tomskey gubernii, okruga i oblasti v XIX–XX vv.)* [Police chiefs, commissars, chiefs: (Heads of law enforcement agencies of Tomsk Province, district and region in the 19th–20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.

69. Zhilyakova, N.V. (2011) *Zhurnalistsika goroda Tomsk (XIX – nachalo XX veka): stanovlenie i razvitie* [Journalism of Tomsk (19th – early 20th centuries): formation and development]. Tomsk: Tomsk State University.
70. Zhilyakova, N.V., Shevtsov, V.V. & Evdokimova, E.V. (2015) *Periodicheskaya pechat' Tomskoy gubernii (1857–1916): stanovlenie zhurnalistiki i formirovanie regional'nogo samosoznaniya* [Periodical press of Tomsk Province (1857–1916): the development of journalism and the formation of regional identity]. Tomsk: Tomsk State University.
71. *Sibirskiy vestnik*. (1905) K sudu [To trial]. 16 November.
72. Vitte, A.V. (1905) Pis'ma v redaktsiyu [Letters to the editor]. *Sibirskiy vestnik*. 16 November.
73. Seryy, S.N. (1905) Pora, pora! [It's time, it's time!]. *Sibirskiy vestnik*. 19 November.
74. Russian Empire. (1905) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 25. No. 27093. Saint Petersburg: Gos. tip.
75. *Vestnik Sibiri*. (1906) Tomskaya khronika [Tomsk Chronicle]. 1 January.
76. *Pravo*. (1910) Khronika [Chronicle]. 10. pp. 614–620.
77. *Sibirskaya zhizn'*. (1906) Tomskaya zhizn' [Tomsk life]. 14 February.
78. Ministry of Justice. (1910) *Sbornik statisticheskikh svedeniy Ministerstva yustitsii* [Collection of statistical information of the Ministry of Justice]. Vol. 24 (1). Saint Petersburg: Senatskaya tip.
79. Ministry of Justice. (1910) *Sbornik statisticheskikh svedeniy Ministerstva yustitsii* [Collection of statistical information of the Ministry of Justice]. Vol. 24 (2). Saint Petersburg: Senatskaya tip.
80. Krestiannikov, E.A. (2019) Along the Routes of Justice: Judicial Circuit Riding in Western Siberia during the Late Imperial Period. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 20 (2). pp. 315–344.
81. Filosof Chernyy. (1909) Sud tomskogo pogroma [Trial of the Tomsk pogrom]. *Sibirskaya pravda*. 13 September.
82. *Sibirskaya pravda*. (1910) Delo o evreyskom pogrome v g. Tomske 20–22 oktyabrya 1905 g. [The case of the Jewish pogrom in Tomsk on October 20–22, 1905]. 29 May.
83. Kirillov, A.K. (2017) *Ot podushnoy podati k podokhodnomu nalogu: podatnye reformy kapitalisticheskoy Rossii i ikh voploshchenie v Zapadnoy Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [From Poll Tax to Income Tax: Tax Reforms in Capitalist Russia and Their Implementation in Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Novosibirsk: Parallel'.
84. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 25. List 2. File 382.
85. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-193. List 1. File 2.
86. *Sibirskie otgoloski*. (1909) Sudebnaya khronika. Tomskiy okružnoy sud. Pogrom 1905 g. [Judicial chronicle. Tomsk District Court. Pogrom of 1905]. 2 September.

Received: 20 April 2021

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ДАТСКОГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Рассматривается история изучения датского периода Тридцатилетней войны в англоязычной историографии в XX–XXI вв. Приводится обзор основных научных направлений и наиболее актуальной проблематики, включая попытки рассмотреть войну с принципиально новой точки зрения – значимости войны для истории Дании. Под англоязычной историографией понимаются научные достижения ученых не только из Великобритании и США, но и труды любых других европейских историков, изданные на английском языке.

Ключевые слова: Тридцатилетняя война; историография; англоязычная историография; военная история; датский период

Под датским периодом обычно понимается один из этапов Тридцатилетней войны с 1625 по 1629 г. Этот период начался с попыток Габсбургов утвердиться в Северной Германии и провести там католическую реставрацию, что угрожало интересам протестантских государств Северной Европы – Дании и Швеции. Весной 1625 г. датский король Кристиан IV начал военные действия против императора. Вместе с войсками протестантских правителей Мансфельда и Кристиана Брауншвейгского датчане предприняли наступление в бассейне реки Эльба. Датское вторжение развивалось достаточно успешно, и для его отражения император вынужден был предоставить полномочия новому главнокомандующему – Альбрехту Валленштейну. 25 апреля 1626 г. Валленштейн разбил Мансфельда под Дессау, 27 августа вторая имперская армия Иоганна Тилли нанесла поражение датчанам при Луттере. В 1627 г. объединенные силы имперцев и войск Католической лиги захватили Мекленбург и все материковые владения Дании. В мае 1629 г. император Фердинанд II заключил Любекский мир с Кристианом IV, возвратив Дании отнятые у нее владения в обмен на ее обязательство не вмешиваться в германские дела. Непосредственными итогами периода стали усиление позиций императора и Лиги, а также издание 6 марта 1629 г. Реституционного эдикта, который возвратил католической церкви все земли и имущество, утраченные ею в протестантских княжествах после 1555 г.

Участие Дании в Тридцатилетней войне традиционно рассматривается в англоязычной исторической литературе как не очень значительное и остается в целом слабоизученным. Этот факт подтверждается тем, что за последние четверть века выпущено всего несколько работ по данной проблематике и зачастую вопрос военного участия Дании в войне рассматривается в контексте датской политики либо общей истории Тридцатилетней войны. Долгое время большинство исследований Тридцатилетней войны принадлежало перу немецких авторов, воспринимавших данный конфликт в первую очередь как оказавший влияние на Германию. Ключевыми темами при таком подходе были сюжеты в основном германской истории: столкновение Священной Римской империи германской нации с враждебными ей государствами, поражение империи, разорение германских земель и последовавшее за этим умаление влияния германского государства. Изучение событий войны было особенно актуально в период

становления германской исторической науки. Противостояние государств – наследников Священной Римской империи, вылившееся в XIX в. в борьбу Пруссии и Австрии за объединение Германии, стало завершением этого периода истории для Германии [1].

Датский период Тридцатилетней войны обычно изображается достаточно стандартно, как инициатива датского короля Кристиана IV, который рассматривается как лидер с достаточно слабыми навыками в государственном управлении и чрезмерными территориальными амбициями. В качестве основных причин участия Дании в Тридцатилетней войне называются стремление доминировать в северо-германской торговле, внутренняя борьба короля против датской аристократии, желание одержать победу над Швецией и успешно защитить протестантскую веру. Переосмысление этих традиционно выделяемых причин вступления Дании в войну оказывается одним из наиболее интересных вопросов, поднимаемых в современной англоязычной историографии по данному периоду войны.

С военной точки зрения период участия Дании в Тридцатилетней войне рассматривается в работах, носящих более глобальный характер, таких как «Тридцатилетняя война» Джеффри Паркера [2] и «Европейская трагедия» Питера Вилсона [3]. Общим недостатком такого типа исследований при изучении датского периода Тридцатилетней войны является обычно очень незначительное авторское внимание к самой проблематике войны датчан против католического блока. Короткое и не слишком удачное наступление армии Кристиана IV и её последующий быстрый разгром выглядят не особенно важными событиями на фоне таких глобальных процессов, как религиозный раскол в Священной Римской империи или военные преобразования (называемые также «военной революцией»¹) короля Густава Адольфа в Швеции.

В наиболее известной работе Д. Паркера, посвященной Тридцатилетней войне [2], датское участие в войне даже не выделяется в качестве отдельного периода, автор рассматривает его как часть периода, который называет «Нерешительная война» (*The indecisive war*), продолжавшейся с 1618 по 1629 г. При этом в своей работе Д. Паркер в первую очередь рассматривает не военные действия, которые описываются очень кратко, а причины участия Дании в войне. По его мнению, поворотной точкой внешней политики страны стали первые годы, последовавшие за за-

ключением Аугсбургского религиозного мира 1555 г. Если до этого основные интересы Дании затрагивали германские территории, то в середине XVI в. главной заботой датских правителей стала борьба против Швеции. На рубеже веков между странами вспыхнули две крупные войны: в 1563–1570 гг. (Северная семилетняя война) и в 1611–1613 гг. (Кальмарская война); вопрос о гегемонии в Скандинавии и на Балтийском море встал очень остро. Желание вмешаться в дела южных соседей Д. Паркер объясняет в первую очередь серьезными опасениями короля Кристиана IV относительно безопасности своего государства. Датско-шведские отношения были на тот момент достаточно напряженными, и сам факт получения крупных субсидий соперником был для него очень подозрителен. Создание же на эти деньги большой армии и возможная помощь шведам со стороны союзных Нидерландов внушали уже очень серьезные опасения, что усилившиеся шведы решат реализовать свой проект по превращению Балтийского моря во внутреннее шведское озеро. Соответственно, принятое в январе 1625 г. решение вмешаться в германские дела Д. Паркер объясняет желанием Кристиана IV перехватить лидерство и отвести от Дании возможную шведскую угрозу. Ключевым, по его мнению, было желание спасти ситуацию, пока еще не стало слишком поздно и пока противостоящий протестантам блок из имперских сил и войск Католической лиги не занял последние территории своих северогерманских противников [2. Р. 51–53].

Также достаточно важной проблематикой остается вопрос участия в войне ярких личностей, таких как шведский король Густав Адольф, генералы Тили и Валленштейн, кардинал Ришелье. Датский период войны связан в первую очередь с именем удачливого и популярного полководца Валленштейна, сумевшего с небольшими ресурсами собрать сильную армию наемников и остановить датское вторжение в Германию. Валленштейн является значимой фигурой целого ряда исторических исследований как в германской, так и в англоязычной исторической науке².

Намного менее известная фигура – его противник Кристиан IV, который был королем Дании и Норвегии на протяжении более чем 50 лет (с 1596 по 1648 г.) и является одной из самых противоречивых фигур в скандинавской истории. Его яркая индивидуальность и бурная личная жизнь обеспечили ему одно из центральных место в датской исторической мифологии. Политическое наследие его долгого правления, во время которого датско-норвежская монархия начала делать свои первые шаги в направлении централизованного бюрократического абсолютизма, до сих пор является предметом серьезного исторического исследования датских историков. Тем не менее в области внешней политики успехи короля были намного более скромными, а два эпизода противостояния со Швецией в ходе Тридцатилетней войны серьезно ослабили Данию, надолго изменив расстановку сил в регионе.

При этом в англоязычной историографии политика и роль Кристиана IV в европейской истории изучены достаточно слабо. Деятельность короля обычно рассматривается как часть более глобальных процессов, происходивших в Северной Европе. Самым извест-

ным специалистом по скандинавской военной истории этого периода является Пол Дуглас Локхарт³.

Свою оригинальную концепцию, объясняющую вступление Дании в войну, Пол Дуглас Локхарт выдвинул в работах «Дания в Тридцатилетней войне, 1618–1648: король Кристиан IV и закат Ольденбургского государства» [4] и «Религия и княжеские свободы: Датское вмешательство в Тридцатилетнюю войну 1618–1625» [5]. Данные исследования посвящены в первую очередь датскому королю, его конфликту с внутригосударственной оппозицией и последствиям поражения Дании в Тридцатилетней войне, само участие в войне автор рассматривает скорее как предпосылку глобальных политических изменений в королевстве. Согласно этому подходу, Кристиан IV был не только скандинавским монархом, но и одновременно типичным северогерманским принцем, что и объясняет наличие у него сильного интереса в германских делах. Как наследник немецкого дома Ольденбурга и как правящий герцог Гольштейн-Сегеберг, Кристиан IV был не чужд интересам и амбициям других северогерманских лютеранских князей, по мнению П. Локхарта, концепция «княжеских свобод» имела для Кристиана IV глубокий смысл. Помимо всего прочего это также означало для него естественное право на осуществление независимой политики, в том числе право на расширение своего влияния и на приобретение новых территорий, в том числе в границах Священной Римской империи. В этом датский король был единомышлен с распространенной у протестантских князей идеей противостояния усилению и консолидации власти династии Габсбургов [5. Р. 3–5].

П. Локхарт характеризует события 1848 г., когда завершилось участие датчан в войне и окончилось царствование короля Кристиана, как серьезное умаление мощи Дании. «Кристиан IV оставил свое королевство почти банкротом, значительно уменьшились его размеры и международная репутация» [6. Р. 390]. Что касается короля как политика и генерала, П. Локхарт солидарен тут с мнением большинства датских ученых. Он указывает, что большинство датских историков продолжают осуждать короля за непомерные амбиции, плохую дипломатию и, что было еще более фатально в военное время, за его слабые военные таланты [6. Р. 391].

Важно отметить, что помимо традиционных подходов, связывающих желание датчан принять участие в войне с целью защиты протестантизма и противостояния со шведами, П. Локхарт выдвигает концепцию сохранения Кристианом королевской «репутации». Под «репутацией» автор в данном случае понимает международный авторитет, который играл важную роль в дипломатии того времени. «Кристиан, как и большинство монархов его времени, зорко следил за тем, как его действия воспринимались за границей. Это могло иметь очень большое влияние на принимаемые решения, от которых зависели благосостояние его династии и его государства». В данном вопросе П. Локхарт очень близок к концепции другого американского историка Джона Линна, сформулированной им применительно к французскому государству Людовика XIV⁴ [6. Р. 392].

В исследовании Мартина Беллами «Кристиан IV и его флот: Политическая и административная история датского флота» рассматривается не только узкая тема из истории датского флота периода начала XVII в., автор также охватывает достаточно широкий круг вопросов, связанных в первую очередь с военно-административной организацией Дании. Тем не менее при всех достоинствах данной работы сама история датского флота имеет очень опосредованное отношение к истории Тридцатилетней войны ввиду того, что у главных противников датчан – имперских войск Габсбургов и их католических союзников флот фактически отсутствовал [7].

Еще одну теорию, объясняющую одновременно и причины вступления Дании в войну, и её военные неудачи, выдвинул датский историк Ларс Бо Касперсен⁵. В своей статье «Как Дания стала демократической: влияние войн и военных реформ» [8] он связывает военную и политическую истории Дании, доказывая, что военные реформы и результаты нескольких войн подтолкнули датское государство к серьезным изменениям. В начале XVI в. Дания представляла собой классическое сословное государство (Л. Касперсен использует для обозначения его термин *Ständestaat*, «сословное государство»), в стране регулярно вспыхивали восстания и феодальные распри. Важнейшей вехой в истории Дании стала Реформация, которая круто изменила расстановку сил в государстве. В 1536 г. королем Дании было утверждено новое церковное устройство, близкое к лютеранскому. Благодаря Реформации значительно увеличились размеры королевской земельной собственности. Король стал самым сильным и богатым феодалом в государстве. Новая церковная администрация фактически перешла под контроль государства, во главе церкви встали назначенные королем суперинтенданты, которые через некоторое время превратились в епископов. Король получил высшую власть над церковными делами, превратив её фактически в новое государственное учреждение. К 1536 г. страна состояла не только из современных датских территорий, в состав страны входили регион Шлезвиг-Гольштейн, кроме того Норвегия, Фарерские острова, Исландия и Гренландия имели личный союз с Данией. Конфессиональная солидарность с северогерманскими протестантами, религиозные конфликты с католиками, географическое положение, соперничество со Швецией и попытка удержать лидирующие позиции на Балтике были основными аспектами отношений Дании с другими государствами. Самой серьезной проблемой для датчан стала борьба за господство на Балтике против Швеции, что вылилось в ряд войн в XVI и начале XVII вв.

Переломным моментом в истории Дании, по мнению Л. Касперсена, стал рубеж XVI–XVII вв., когда баланс сил на Балтике уверенно качнулся в пользу давней соперницы датчан – Швеции. Как указывает автор, переломным моментом стало участие Дании в Тридцатилетней войне и серьезное поражение от имперской армии Валленштейна в 1626 г. Датский период войны завершился унижительным мирным соглашением, а датская гегемония на Балтике подошла к концу. Другая война между Данией и Швецией про-

ходила с 1643 по 1645 г., в ходе этой войны Дания потерпела разгромное поражение от шведов во главе с Торстенссоном и была вынуждена передать часть своих территориальных владений Швеции. Итогом этой войны помимо экономических выгод Швеции и окончательного установления ее доминирования на Балтике Л. Касперсен видит угрозу выживанию Дании как независимого государства [8. Р. 77–78].

Именно этот период стал, по мнению Л. Касперсена, для датской истории поворотным. Поражение в борьбе со Швецией и ее мощное военное давление вызвали необходимость проведения масштабных военных реформ, чтобы противостоять шведской военной угрозе. По оригинальной теории Л. Касперсена именно осуществление этих реформ и внедрение новых технологий в датские военные структуры оказали влияние на баланс сил между различными сословиями внутри государства, а также между дворянством и королем. Изначально датские вооруженные силы мало чем отличались от типичной средневековой структуры, костяком армии было дворянство, которое было обязано становиться солдатами или предоставлять солдат для защиты королевства. Основной формой этой службы было формирование конного рыцарского ополчения. Взамен дворянство занимало определенное место в датском обществе и имело множество привилегий, наиболее важной из которых было освобождение от налогообложения. В ходе проведения военных реформ традиционных рыцарей начала заменять более современная легкая кавалерия, но принцип рыцарского служения продержался на протяжении большей части XVII в.

Развитие многочисленных пехотных армий, дополненных кавалерией нового типа, поставило крест на рыцарстве. Старая армия, состоявшая из благородных кавалеристов и сравнительно немногочисленной наемной и местной пехоты, ушла в прошлое, на смену ей пришла армия, состоящая большей частью из пехоты, частично из датских призывников, частично наемной при поддержке легкой кавалерии нового типа. Следовательно, дворянское сословие постоянно утрачивало свое значение как сословия защитников королевства, что неизбежно поставило вопрос о сохранении его статуса и привилегий. По мнению Л. Касперсена, именно проходящие военные реформы поставили, таким образом, под вопрос необходимость привилегированного положения датской аристократии. И другие сословия, и король начали подвергать сомнению высокий статус дворянства. Автор выделяет в качестве причин недовольства аристократией еще и чисто меркантильные интересы, поскольку многочисленные войны и массовое использование дорогих наемников в середине XVII в. заставили государство увеличить налогообложение, которое тяжким бременем падало на все группы населения кроме знати, которая фактически мало что делала для обороны страны [8. Р. 78–79].

Тем не менее первые элементы реального ослабления дворянства и постепенной трансформации Дании из сословно-аристократической в абсолютную монархию Л. Касперсен видит опять же результатом военных изменений, а конкретно – сложнейшей ситу-

ации, в которой Дания оказалась в 1657–1660 гг. в ходе войны со Швецией. Л. Касперсен солидарен тут с мнением исследователя Эртмана, который в своей работе «Рождение Левиафана» показывает процесс рождения национальных государств в Европе и приводит в качестве примера в том числе Датское королевство. Датские бюргеры и духовенство были расстроены нежеланием дворянства отказаться от своих привилегий в интересах национальной обороны даже в условиях тяжелейших военных поражений. Однако именно аристократы и были теми, кто отвечал за военные вопросы, и именно на них общество возлагало ответственность за неудачи в войнах начала – середины XVII в. [9. Р. 310]. Как указывает Л. Касперсен, проигрывая на первых порах сильной и опытной шведской армии, датчане, тем не менее, смогли отстоять свою независимость и окончить войну с положительными результатами. Датское государство было вынуждено реорганизоваться, чтобы выжить и сохранить независимость. Усилия короля Фредерика III во время осады Копенгагена зимой 1659 г. увеличили его популярность в стране. Пользуясь своим авторитетом и опираясь на новую армию, Фредерик III вынудил дворянство принять новую конституцию – LexRegia, или Королевский закон 1665 г., – единственную письменную абсолютистскую конституцию в Европе. По данной конституции король больше не зависел от Ригсрада, став, таким образом, абсолютным монархом. Дальнейшая трансформация из абсолютной в конституционную монархии затянулась, по оценкам Л. Касперсена, на почти двести лет и завершилась уже только в середине XIX в., и также в ходе проведения военных реформ конца 1840-х гг. под угрозой новой войны против Прусского королевства [8. Р. 79–85].

Удивительно созвучной подходу Л. Касперсена, рассматривающего Тридцатилетнюю войну как определяющий фактор датской политической истории, стала работа еще одного датского историка Майкла Брегнсбо⁶ «Дания и Вестфальский мир» [10]. В качестве первой и главной цели внешней политики Дании М. Брегнсбо видит сохранение так называемого *dominiummarisbaltici*, т.е. контроля над выходом в Балтий-

ское море через пролив Зунд. Налог за проход был наложен на все суда, проходящие через пролив Зунд, что представляло огромный источник дохода королю Кристиану. Второй целью было сохранить лидерство в районе Балтийского моря и выстоять в жесткой конкуренции со Швецией. По мнению М. Брегнсбо, чтобы поддержать превосходство в Балтийском регионе, Дания должна была окружить Швецию своими территориями. В качестве еще одной важной цели автором выделяется усиление датского религиозного влияния в Северной Германии. Кристиан IV шел здесь путем сохранения роли защитника лютеранской религии в регионе, параллельно с этим пытаясь распространить свое влияние на северогерманские епископства и сделать епископами своих родственников (особое внимание датчане уделяли архиепископству Бременскому, где были сильные позиции у второго сына Кристиана IV – Фредерика).

Вступление Дании в Тридцатилетнюю войну М. Брегнсбо объясняет целым рядом факторов, главным из которых была политика максимального усиления датских позиций и умаление роли Швеции. Это событие видится автору причиной серьезного внутриполитического кризиса в стране, поскольку идея короля о вступлении в войну не была поддержана Королевским советом. Кристиан IV смог начать войну, опираясь на собственные значительные финансовые источники, и Совет не мог ничего сделать, чтобы это предотвратить [10. Р. 361–363].

Как можно заметить, современная англоязычная историография участия Дании в войне фактически отходит от вопросов войны и боевых действий, вопросы организации армии, военного таланта датских генералов или стратегии войны занимают в исследованиях небольшое место, оставаясь во многом скорее сюжетом национальной датской истории. Основным интерес вызывают скорее политические вопросы истории Дании и мотивация ее военного участия в Тридцатилетней войне, а также последствия решений короля Кристиана IV для внешнеполитического положения Дании и дальнейшего развития датского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Военная революция – радикальное изменение в государственном управлении в связи со значительными изменениями в стратегии и тактике в XVI–XVII вв. Эту концепцию предложил английский историк Майкл Робертс в 1950-х гг. Изучая Швецию 1560–1660-х гг., он обосновал ряд основополагающих изменений в европейском методе ведения войн, связанных со внедрением огнестрельного оружия. По мнению автора, это повлекло за собой ряд административных и политических последствий. Подробнее см.: Roberts M. The Military Revolution, 1560–1660. Belfast, 1956. 32 p.; Parker G. Military Revolution, 1560–1660 – A Myth? // The Journal of Modern History. 1976. № 48. Р. 196–214; Parker G. The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. 288 p.; Пенской В.В. Военная революция XVI–XVII вв. и ее изучение в зарубежной и российской историографии второй половины XX – начала XXI вв. // Научные ведомости. 2008. № 5 (45).

² См. например: Golo M. Wallenstein: his life. Holt, Rinehart and Winston, 1976. 909 p.; Mortimer G. Wallenstein: The Enigma of the Thirty Years War. Springer, 2010. 286 p.; Rebitch R.F. Wallenstein – Biografie eines Machtmenschen. Wien/Köln/Weimar : Böhlau, 2010. 254 S.

³ Пол Дуглас Локхарт – специалист по американской военной истории, истории Первой мировой войны, скандинавской истории. Сотрудник Wright State University's CELIA (Collaborative Education, Leadership & Innovation in the Arts) Дэйтон, Огайо. Основные труды по скандинавской истории: Denmark in the Thirty Years' War, 1618–1648: King Christian IV and the Decline of the Oldenburg State. Selinsgrove, PA : Susquehanna University Press, 1996; Frederik II and the Protestant Cause: Denmark's Role in the Wars of Religion, 1559–1596. Leiden : Brill, 2004; Sweden in the Seventeenth Century. Palgrave Macmillan UK, 2004; Denmark, 1513–1660: The Rise and Decline of a Renaissance Monarchy. Oxford : Oxford University Press UK, 2007.

⁴ Данная концепция была изложена в статье Lynn J.A. The French Wars 1667–1714. The Sun King at war // Osprey Essencial Histories. 2002. № 34. Р. 6–19. В качестве одного из стержней внешней политики при таком подходе являлось то, что войны велись под лозунгом получения не земель, денег или политических выгод, но ради вещи, которую Д. Линн называет *gloire* («славы»). Данное понятие, по мнению Линна, имеет наиболее близкий смысловой аналог в современном понятии «репутация», которая, с точки зрения короля, в перспективе могла дать стране намного больше, чем армия, так как увеличивала вес Франции в европейской политике. Так, Людовик XIV считал успешную войну единственным способом получить «славу». Параллельно получению «славы» перед войсками могли ставиться и вполне конкретные задачи

по захвату определённых территорий. Главной целью территориальной политики являлось «округление» территории и отгораживание от соседей естественными препятствиями вроде гор или рек, на базе которых можно было прочно закрепить границы. Как указывает Линн на примере политики Людовика XIV, последнего мало волновали земли, не прилегающие к его границам, вроде Балкан, России или Польши. Подробнее см.: Лыдин Н.Н. Современная британская историография Войны за испанское наследство (1701–1714) // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 5 (30). С. 287–290.

⁵ Ларс Бо Касперсен (Lars Bo Kaspersen) – профессор факультета менеджмента, политики и философии Копенгагенской школы бизнеса. Специалист в области датской истории, социологии, гражданского общества.

⁶ Майкл Брегнсбо (Michael Bregnsbo) – доктор философии, ассоциированный профессор факультета истории Университета Южной Дании. Специалист в области датской истории, политической истории, истории церкви, датского абсолютизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лыдин Н.Н. Основные направления современной англоязычной историографии истории Тридцатилетней войны // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 119–123.
2. Parker G. *The Thirty Years' War*. London ; New York : Routledge, 1997. 316 p.
3. Wilson P.H. *Europe's Tragedy*. London : Penguin books, 2010. 997 p.
4. Lockhart P.D. *Denmark in the Thirty Years' War, 1618–1648: King Christian IV and the Decline of the Oldenburg State*. Selinsgrove : Susquehanna University Press, 1996. 347 p.
5. Lockhart P.D. Religion and Princely Liberties: Denmark's Intervention in the Thirty Years War, 1618–1625 // *The International History Review*. 1995. Vol. 17, № 1. P. 1–22.
6. Lockhart P.D. Denmark and the Empire: A Reassessment of Danish Foreign Policy under King Christian IV // *Scandinavian Studies*. 1992. Vol. 64, № 3. P. 390–416.
7. Bellamy M. *Christian IV and His Navy: A Political and Administrative History of the Danish Navy, 1596–1648*. Leiden, Brill, 2006. 336 p.
8. Kaspersen L.B. How Denmark Became Democratic: The Impact of Warfare and Military Reforms // *Acta Sociologica*. 2004. Vol. 47, № 1. P. 71–89.
9. Ertman T. *The Birth of Leviathan*. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. 363 p.
10. Bregnsbo M. Denmark and the Westphalian Peace // Duchhardt H. *Der Westfälische Friede. Diplomatie – politische Zäsur – kulturelles Umfeld – Rezeptionsgeschichte*. Berlin : De Gruyter, 1998. P. 361–369.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 декабря 2020 г.

Main Scientific Fields of Modern English-Language Historiography of the Thirty Years' War History

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 128–132.

DOI: 10.17223/15617793/472/15

Nikolai N. Lydin, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: Intel80486@yandex.ru

Keywords: Thirty Years' War; historiography; English-language historiography; military history; Danish period.

The article explores the history of the Danish period of the Thirty Years' War in the English-language historiography of the 20th and 21st centuries. The main characteristics of British historiography at the beginning of Modern History are presented. The article gives a brief overview of the main scientific patterns of studying events of the Danish period. English-language historiography refers not only to achievements of scientists from the United Kingdom and the United States, but also to publications of any other European historians made in English and actively used in historical society. In general, the use of achievements of scientists from other countries in the study of the Thirty Years' War history is quite typical for English-language historiography. This can be explained by the situation when parallelly with this “continental” war came the outcome of the English Civil War, which is steadily more interesting for British historians. The English-language historiography of the Thirty Years' War at the present stage represents both traditional themes of military history and new topics that appeared in the second half of the 20th century. Among the traditional, we can highlight descriptions of various military campaigns and battles, biographies of talented generals, kings and politicians. Among the new, we can note different attempts to expand the chronological and territorial framework of the war, as well as the use of the Thirty Years' War as one of the illustrations of the processes of military revolution or evolution in the European military art and technologies of the 16th–17th centuries. In relation to the Danish period, the concept that evaluates the war as a catalyst for further changes in the Danish political structure seems to be the most relevant. In general, the historiography of the Thirty Years' War can be characterized as successive, using many of predecessors' achievements; on the other hand, there is a high degree of openness in British and American scientific community for foreign researchers and the emergence of a sufficiently large number of fundamentally new areas of research. At the same time, unfortunately, the Thirty Years' War is still not the most demanded topic of military history, substantially inferior to the national English and American, as well as Modern History, topics. The Danish period of the war turned out to be the least interesting for historians. Its chronological arrangement between the issues of religion and the alignment of forces at the beginning of the war and the Swedish “military revolution” leads to the fact that the Danish period remains a rather poorly studied stage of the Thirty Years' War.

REFERENCES

1. Lydin, N.N. (2018) Main Scientific Fields of Modern English-Language Historiography of the Thirty Years' War History. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 432. pp. 119–123. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/472/15
2. Parker, G. (1997) *The Thirty Years' War*. London; New York: Routledge.
3. Wilson, P.H. (2010) *Europe's Tragedy*. London: Penguin books.
4. Lockhart, P.D. (1996) *Denmark in the Thirty Years' War, 1618–1648: King Christian IV and the Decline of the Oldenburg State*. Selinsgrove: Susquehanna University Press.
5. Lockhart, P.D. (1995) Religion and Princely Liberties: Denmark's Intervention in the Thirty Years War, 1618–1625. *The International History Review*. 17 (1). pp. 1–22.
6. Lockhart, P.D. (1992) Denmark and the Empire: A Reassessment of Danish Foreign Policy under King Christian IV. *Scandinavian Studies*. 64 (3). pp. 390–416.
7. Bellamy, M. (2006) *Christian IV and His Navy: A Political and Administrative History of the Danish Navy, 1596–1648*. Leiden; Boston: Brill.
8. Kaspersen, L.B. (2004) How Denmark Became Democratic: The Impact of Warfare and Military Reforms. *Acta Sociologica*. 47 (1). pp. 71–89.
9. Ertman, T. (1997) *The Birth of Leviathan*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Bregnsbo, M. (1998) Denmark and the Westphalian Peace. In: Duchhardt, H. *Der Westfälische Friede. Diplomatie – politische Zäsur – kulturelles Umfeld – Rezeptionsgeschichte*. Berlin: De Gruyter. pp. 361–369.

Received: 06 December 2020

С.В. Любичанковский, С.А. Алешина

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ «ИНОРОДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ» КАК ПОЛЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЕЗДНОГО ЗЕМСТВА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (1913–1917 гг.)

Проанализирована роль органов уездного самоуправления в реформировании системы «инородческого образования» Оренбургской губернии в начале XX в. Сделан вывод о том, что эта роль не сводилась только лишь к реализации правительственных распоряжений, а сопровождалась активной выработкой собственных оригинальных проектов реформирования мусульманского образования, основанных на уникальном опыте Оренбургского края по реализации имперской политики аккультурации.

Ключевые слова: инородческое образование; Российская империя; Оренбургская губерния; реформа; аккультурация

Актуальность проблематики интеграции национальных и конфессиональных меньшинств в единое социокультурное пространство является в современном мире чрезвычайно высокой. Обращение к историческому опыту многонациональных стран, включая Российскую империю, в этом контексте является вполне логичным. Проблема просвещения нерусских подданных становилась для государства актуальной вслед за вхождением их в состав Российской империи. В XVIII–XIX вв. просвещение носило, главным образом, религиозно-миссионерский характер. Принадлежность к православному христианству рассматривалась как один из маркеров благонадежности и приобщения к европейской цивилизации и «русскому миру». Осложняли миссионерскую деятельность языковой барьер, отсутствие духовной литературы на понятном им языке, что не позволяло «инородцам» на необходимом уровне воспринимать молитвы и Святое Писание. Исправить ситуацию была призвана работа с молодыми поколениями. Для подготовки священников-миссионеров в епархиях со значительным составом инородческого населения начали открывать новокрещенские школы. Уже в 1730–1740-е гг. такие школы появились в Казанской епархии, церковная юрисдикция которой распространялась и на Оренбургскую губернию. Наряду с приобщением к православной религии и культуре, школа выполняла не менее важную утилитарную функцию – учила чтению, письму и арифметике будущих чиновников низшего звена из представителей местного населения. Не случайно инициаторами открытия инородческих школ выступали главным образом русские провинциальные чиновники губернского и уездного уровня.

Аккультурация посредством системы образования – один из наиболее широко описанных в историографии процессов, в определенном смысле – один из наиболее типичных для аккультурации механизмов. Однако все же основное внимание здесь уделяется государственной в узком смысле этого слова политике (приему «инородцев» в государственные учебные заведения, созданию и функционированию «русско-инородческих школ» и т.п.). Такой подход может создать впечатление, что политика аккультурации в сфере образования всегда навязывалась сверху. Поэтому представляется интересным и важным посмотреть, какова же была политика местного самоуправления в этом вопросе.

В этой связи научного внимания заслуживает деятельность низовых органов самоуправления, уездных земств в восточноевропейских регионах с большим удельным весом нерусского населения, таких как Оренбургский край, представлявший собой юго-восточную периферию империи. В период, предшествующий открытию земства на территории Оренбургской губернии, в мусульманском сообществе региона уже было сформировано мнение о необходимости просвещения среди приверженцев ислама, причем признавалась необходимость изучения русского языка и, соответственно, приобщения к богатствам русской культуры. Видимо, именно эта ситуация и позволила земствам включить задачу развития системы образования и просвещения в «инородческой» среде в свою палитру целей.

Дополнительное внимание этот регион привлекает еще и потому, что земство здесь возникло только в 1913 г., последним в империи, т.е. речь идет о губернии, не имевшей к началу XX в. традиций самоуправления и вынужденной приспосабливаться к новой системе в условиях вступления страны в глобальный военный конфликт, Первую мировую войну. Все это в совокупности делает кейс отношения оренбургского уездного земства к «инородческому образованию» уникальным.

Задачей настоящей статьи является выяснение основных параметров содержания инициатив, выдвинутых оренбургским уездным земством после принятия на общеимперском уровне «Правил о начальных училищах для инородцев» от 14 июня 1913 г. [1]. Внимание к этой реформе в Оренбургской губернии было чрезвычайно большим, поскольку регион с середины XVIII в. был своеобразным «опытным полигоном» для государственной политики в сфере аккультурации нерусского населения средствами просвещения [2, 3]. Даже в начале XX в., после отделения от Оренбургского края Уфимской губернии, Тургайской и Уральской областей, в Оренбургской губернии нерусское (так называемое инородческое, преимущественно мусульманское) население насчитывало не менее 1/3 от всех жителей [4. С. 4–17]. Опыт Оренбургского края, являвшегося исторической фронтирной зоной между земледельческим русским и кочевым тюркским населением, был важен для поддержания единого социокультурного пространства всей империи, тем более что у «инородческого населения» юго-востока импе-

рии за два века сложилась устойчивая привычка смотреть на Оренбург как на место взращивания национальной элиты, национальной интеллигенции [5].

Специфика поставленной исследовательской задачи продиктовала обращение к массиву источников, которые формально не относятся к числу архивных, поскольку были опубликованы самим оренбургским земством – так называемым земским докладам. По сути эти источники являются уникальными по своей полноте делопроизводственными материалами, которые в соответствии с принципом гласности были опубликованы самими земствами. С точки зрения анализа инициатив оренбургского земства именно этот комплекс источников является ключевым. Именно поэтому он, а не хранящаяся в архиве первичная делопроизводственная документация или материалы периодики положен в основу данной статьи.

Анализ показал, что в условиях Первой мировой войны и сопутствующего ей обострения внутривойсковых противоречий местное земство позволяло себе публично высказываться на тему «инородческого» образования в достаточно жесткой форме. Так, в докладе «О культурных нуждах мусульманского населения» звучала прямая критика реформ Александра II: «Меры к распространению русского языка среди мусульман начали приниматься давно. Правительство, начиная с 1870 г., а также Казанский и Оренбургский учебные округа, некоторые административные власти и земские учреждения приложили немало стараний в этом направлении. Однако этот 45-летний труд никаким успехом не увенчался. Русско-башкирские и русско-татарские школы, открытые как рассадники знания русского языка среди мусульман, совершенно не могли исполнить возложенные на них задачи. Эти школы, во-первых, по своей программе не были приурочены к бытовым условиям мусульман; во-вторых, предметы преподавались на совершенно для них непонятном языке, в-третьих, за неимением мусульманских учителей, назначались люди, знакомые с мусульманским языком. Поэтому учение вообще велось только для формы; учащиеся не могли вынести из этих школ чего-нибудь существенного, а если и выносили крохи знания, то за невозможностью дальнейшего развития все забыли и стали такими неграмотными, как и поступили в школу. Итак, эти школы явились для мусульман мертворожденными и не могли завоевать симпатию населения» [6. С. 344].

Упомянутые выше Правила 1913 г. были направлены на изменение сложившейся ситуации, предполагали, по официальной формулировке, «содействовать их [инородцев] нравственному и умственному развитию», а также «распространять между ними знание русского языка и сближать их с русским народом на почве любви к общему Отечеству» [7. С. 33]. Правила предписывали вести обучение в новых училищах с помощью «родного языка». При этом русский язык вводился практически сразу – не позже третьего месяца обучения, он использовался параллельно и внедрялся последовательно, но постепенно. Начиная с третьего года обучения, вся учебная программа переводилась на русский язык [7. С. 34]. В историографии существуют разные оценки данного нововведения.

Ряд исследователей прослеживает прямую взаимозависимость «Правил» и введения в империю всеобщего начального образования, подчеркивает их значимость для просвещения «инородцев» [8. С. 266]. Согласно мнению других исследователей, указанные «Правила» есть «жесткие рамки», вводимые государством для «этнических и культурных меньшинств» [9. С. 27–28]. Существующий историографический спор можно разрешить, изучив практику реализации этих Правил в регионах. На уровне Оренбургской губернии такой анализ был проведен только по документам высших губернских инстанций [10. С. 160; 11. С. 371; 12. С. 209]. Настоящая статья основана на документах низового, уездного земства, которые позволяют понять позицию местного самоуправления по проведению данной реформы в жизнь.

Документы показывают, что оренбургское уездное земство восприняло новые Правила как повод для выработки целой серии инициатив по улучшению «инородческого» образования, причем разнообразие и широта выдвигаемых инициатив были таковы, что побудили министра народного просвещения Л.А. Кассо направить попечителю Оренбургского учебного округа А.Н. Деревницкому отдельное распоряжение [13. С. 361], которое касалось именно роли земства в реализации реформы. Высокий чиновник признал в этом документе, что «инородческое население округа недостаточно обслуживается правильно организованными школами и имеет крайнюю нужду в увеличении количества таких школ и надлежащем оборудовании их» [13. С. 362], а далее разъяснил, какой стратегии будет придерживаться государство в «инородческом вопросе», и указал земству его нишу в решении проблемы образования «инородцев». Из документа следовало, что главной целью являлось введение всеобщего обучения и достичь ее можно только путем «составления школьных сетей», включив туда в том числе и «инородцев». Ответственность за эту работу возлагалась на земство [13. С. 312]. Итогом работы стала интеграция в состав «школьной сети» оренбургского уездного земства всех действующих на территории уезда 108 министерских школ (включая и «инородческие», главным образом, русско-башкирские), а также 157 церковно-приходских школ. Они охватывали 35 380 детей христианского вероисповедания и 8 388 – приверженцев ислама, а всего – 43 768 мальчиков и девочек [14. С. 16]. Помимо школ, в уезде открылось сразу 339 училищ в количестве 578 «комплектов». Под этим термином понимался «нормальный размер класса», который в то время отличался от привычного нам стандарта в 25–30 человек. Для земских школ был характерен большой «комплект» (до 60 человек) [1. С. 29], однако и этот завышенный норматив постоянно нарушался из-за нехватки средств. В итоге в уезде было организовано в единую сеть 603 школы с 1 076 комплектами [15. С. 27]. Среднее число детей на одну школу составило 83,41 учащихся на один комплект, причем в «магометанских» школах комплект был более объемным из-за необходимости соблюдения принципа раздельного обучения девочек и мальчиков.

Начиная с августа 1915 г., школьной комиссией на каждой сессии Оренбургского уездного земского Со-

бразования поднимались проблемы «инородческого» образования: в ноябре 1915 г. рассматривался вопрос о дополнительных пособиях на содержание земских школ, и русско-инородческим начальным школам было целевым образом выделено 46 тыс. руб. Более того, не входящим в общую «школьную сеть» мусульманским медресе и мектебе также было решено выделить пособие в 5 тыс. руб. [16. С. 132]!

С точки зрения финансирования, после открытия всех школ в «магометанских районах» расходы на последние должны были составить 678 460 руб., тогда как для «христианских» – в полтора раза меньше, 463 900 руб. (разница была связана с тем, что в мусульманских школах планировалось оставить раздельное обучение девочек и мальчиков). Это соотношение позволяет говорить о том, что система всеобщего начального обучения внедрялась в Российской империи для всего населения, без каких-либо ограничений по конфессиональному признаку, более того, с учетом имеющейся этноконфессиональной специфики. Причем большую часть расходов взяли на себя именно уездные земские структуры: на содержание описанной выше «школьной сети» от министерства народного просвещения выделялась сумма в 333 тыс. руб., а от уездного земства – 345 460 руб. [15. С. 19].

О внимании земства к проблеме образования «инородцев», о стремлении встроить его в общую систему образования говорит и тот факт, что при Оренбургской уездной земской управе был организован отдел народного образования и введена должность «заведующего мероприятиями по образованию инородцев», причем последний имел статус заместителя заведующего школьным и внешкольным образованием. К слову, обсуждая разные структуры нового отдела, оренбургские земцы никогда не подвергали сомнению необходимость данного должностного лица, причем именно в статусе первого заместителя начальника отдела [17. С. 312]. Первым таким «заведующим» стал И.М. Бикчентаев – мугаллим медресе «Хусаиния», которого не раз привлекали в качестве эксперта и консультанта по проблемам «инородческого» образования. Например, в июле 1915 г. Уфимская губернская земская управа собрала совещание по анализу учебников для начальных русско-инородческих школ, на которое из соседней Оренбургской губернии был приглашен И.М. Бикчентаев – как знаток педагогики, методики, дидактики и языкознания [18]. Наделение такого человека реальными властными полномочиями позволяет судить о серьезности тех мероприятий, которые проводило оренбургское уездное земство.

Практика показала, что существовавшая до 1913 г. система не способствовала укреплению общегосударственного компонента образования – русский язык оставался лишь учебным предметом, который плохо усваивался «инородцами» [19. С. 34]. Оренбургское уездное земство выдвинуло собственный проект решения данной проблемы – предложило своеобразный «симбиоз» традиционной мусульманской школы (мектебе) и общеобразовательной школы. Обосновывая свой проект, земцы утверждали, что ислам диктует необходимость получения образования, и в орен-

бургской мусульманской среде это всячески поощряется: по данным переписи 1897 г., именно среди мусульман Оренбургской губернии был зафиксирован наибольший процент грамотности и в крае «трудно найти какую-нибудь деревню, которая не имела бы мектебе. Несмотря на материальную необеспеченность мектебе, на несоответствие жизненным требованиям... мусульмане глубоко почитают его» [6. С. 344]. Вместе с тем результаты анализа, которое провело оренбургское земство на основании специального опроса всех региональных мусульманских приходов, показали, что «картина получилась далеко не радостная... Во всех мектебах преподавание ведется по-старому; нет даже определенного времени начала и конца занятий, учащими являются муллы этих же деревень, люди мало сведущие в делах педагогики. Помещения малы, нет необходимого воздуха и света. Многие мектебы носят конфессиональный (духовный) характер, отсутствуют предметы общеобразовательные» [20].

Еще один довод в пользу земского проекта подтверждался решениями мусульманского всероссийского съезда в Нижнем Новгороде (1906 г.), в соответствии с которыми в программу мектебе, помимо изучения ислама, были включены такие дисциплины, как национальная история, история России, география, арифметика, гигиена, поэзия религиозно-нравственного характера, природоведение, рисование. Этот набор дисциплин действительно хорошо коррелировался с программой начальных школ. Оренбургские земцы увидели в этих поисках почву для создания «мектебе по типу общеобразовательных школ». Для максимальной оптимизации этого процесса было предложено ввести должность мусульманского инструктора, который был бы «целиком предан работе по улучшению мектебе» [6. С. 345]. Помимо этого, оренбургское земство составило оригинальную программу двухгодичных педагогических курсов для преподавателей таких реформированных мектебе.

Суть земского проекта состояла в том, что «обновленные» мектебе получали программу четырехгодичного обучения. При этом само введение учебных программ было новшеством: у традиционных мусульманских школ их не было. Согласно оренбургскому земскому проекту, мектебе должны были иметь один класс, разделенный на четыре отделения (четыре годовых программы). Прием на первое отделение был свободным, туда поступали дети, начиная с семилетнего возраста. Образовательная программа включала в себя: вероучение и родной язык (4 часа в неделю в течение четырех лет обучения); арифметика (4 часа в неделю); история (1 час в неделю на третьем году обучения); география (1 час в неделю на 2–4-м годах обучения); русский язык (6 часов в неделю на 2–4-м годах обучения); 7) пение; 8) гигиена; 9) природоведение [21. С. 67]. Представленная программа действительно превращала мектебе в составную часть той самой общеимперской «школьной сети», которая создавалась в России с 1913 г.

Нельзя не отметить интересные идеи оренбургского земства по поводу преподавания в мектебе дисциплины «История». В ее структуре, по мнению земцев,

должны были быть предусмотрены такие важные темы, как история болгарского этноса, эпоха завоеваний Чингисхана, история российских «инородцев» в контексте российской истории [21. С. 68]. Иными словами, оренбургские земцы предложили не замалчивать, а наоборот, давать учащимся мектебе системные знания по дискуссионным вопросам отечественной истории в государственном ключе.

Ну и, конечно же, придавалось особое значение максимально быстрому овладению учащимися «инородцами» русским языком: «...имея в виду особое знание государственного языка для учащихся, надлежит обратить внимание на необходимость особых забот о правильной постановке преподавания этого предмета и на лучшее усвоение его учащимися с тем, чтобы по возможности в первый же год обучения учащиеся в достаточной мере овладели русской речью в пределах школьных нужд и переход к преподаванию на русском языке мог сделан возможно раньше» [22. С. 362].

Одновременно с инициативой по преобразованию мектебе в специфический род общеобразовательных начальных школ, оренбургское земство сразу же стало помогать мектебе деньгами. Так, только в 1915 г. оно выделило на эти цели 7 тыс. руб. [21. С. 68].

С учетом особой сложности поставленных задач, оренбургское земство посчитало необходимым организовать профессиональные курсы для преподавателей «инородческих» учебных заведений, причем сделать их не двух, а трехгодичными. Курсы были рассчитаны на 30 человек, и стипендия для них была предусмотрена в бюджете уездного земства. Вся подготовительная работа была проведена, и начало занятий было запланировано на октябрь 1917 г. [21. С. 69]. Этой части программы не позволила реализоваться Октябрьская революция и начавшаяся Гражданская война, хотя сам по себе нерешенный национальный вопрос был важной причиной этих процессов [23].

Важным элементом программы оренбургского уездного земства являлось внимание к взрослому мусульманскому населению, которое уже не могло посещать начальные школы. Для таких лиц была разработана «программа по обучению взрослых мусульман». Она занимала 18 недель (5 дней в неделю по 3 часа в день), т.е. в общем 270 часов. Это был ускоренный метод включения взрослых в общее образовательное русскоязычное пространство. Первая часть этой инновационной программы была посвящена обучению «инородцев» русской грамоте, причем на основе чтения отрывков из русской классической литературы, что позволяло приобщиться и к этому источнику «русского мира». Также преподавались арифметика и основы магометанского вероучения [24. С. 331–332]. Реализация этого проекта была начата на практике – оренбургское уездное земство субсидировало 1 800 руб., благодаря чему в 1916 г. было открыто шесть пунктов для обучения указанного контингента [25. С. 233].

Таким образом, оренбургское гражданское общество в лице уездных земцев активно включилось в реализацию государственной политики по внедрению в Российской империи всеобщего начального образования. Оренбургскими земцами новации были восприняты как дело чрезвычайно важное для региона. Были внесены свои коррективы, поправки и дополнения к спускаемым «сверху» формам и бланкам, предложены собственные оригинальные проекты реформирования мусульманского образования, учитывающие региональную специфику и исторический опыт Оренбургского края по аккультурации «инородцев». Несмотря на вступление страны в Первую мировую войну и сопутствующее этому обострение ситуации в экономике и социальной сфере, тем не менее, инициатива оренбургского уездного земства в последние годы существования Российской империи была направлена на прочную инкорпорацию «инородцев» в общеимперское образовательное пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чарнолуцкий В. Вопросы народного образования на первом общеуездном съезде. СПб., 1912.
2. Любичанковский С.В. Политика аккультурации в условиях разрушения империи: казус волостного земства // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 31–37.
3. Любичанковский С.В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.). Оренбург : ОГАУ, 2018. 320 с.
4. Статистический справочник. Население и землевладение России. 1906. СПб., 1906. Вып. 1.
5. Lyubichankovskiy S., Akanov K. Orenburg in the History of Integration of Kazakh Steppe in the Russian Imperia XVIII – beginning of XX century // Bylye Gody. 2018. № 48/2. P. 484–495.
6. Оренбургская Уездная Земская Управа. Доклад № 3 с проектом школьной сети и финансового плана всеобщего обучения в Оренбургское Губернское Земское Собрание 4-й чрезвычайной сессии 14 марта 1915 года // Журналы и доклады IV сессии 14 марта 1915 г.; V чрезвычайной сессии 17 августа 1915 г. и III очередной сессии 3, 4 и 9 ноября 1915 г. Оренбург, 1915. С. 3–18.
7. Оренбургская Уездная Земская Управа. Доклад № 88 «О культурных нуждах мусульманского населения на 3-й очередной сессии Оренбургского Уездного Земского Собрания» // Журнал и доклады IV и V чрезвычайных сессий и III очередной сессии Оренбургского Уездного Земского Собрания. Оренбург, 1915. С. 333–401.
8. Шершнева Е.А. Проблемы реформирования мусульманского образования в Российской империи в начале XX в. // Известия Алматинского государственного университета. История. Политология. 2012. № 4/1. С. 266–269.
9. Исакова Р.Р. Образование в дореволюционной России: идеологический и конфессиональный аспект // Вестник Казанского технологического университета. 2008. № 6. С. 27–28.
10. Свод законов, циркуляров и справочных сведений по народному образованию в переходный период. М., 1917.
11. Семенченко И.В. Деятельность земств на Урале (1900–1919 гг.). Оренбург : ОГПУ, 2010. 26 с.
12. Суворова А.В. Развитие системы начального образования в Оренбургской и Уфимской губерниях (начало XX в. – 1914 г.). Челябинск : ЧелГУ, 2012. 24 с.
13. Сафарова А.Д. Развитие образования национальных меньшинств в Оренбургском крае (конец XIX века – 1840 г.). Оренбург : ОГПУ, 2009. 16 с.

14. Доклад школьной комиссии по вопросам народного образования. Оренбургское Уездное Земское Собрание 3-й очередной сессии // Журналы и доклады IV и V чрезвычайных сессий и III очередной сессии Оренбургской Уездной Земской Управы. Оренбург, 1915. С. 115–147.
15. Оренбургская Уездная Земская Управа. Доклад № 81 «О занятиях со взрослым мусульманским населением» // Журнал и доклады IV и V чрезвычайных сессий и III очередной сессии Оренбургского Уездного Земского Собрания. Оренбург, 1915. С. 299–332.
16. Доклад Управы с проектом школьной сети и финансового плана всеобщего обучения // Журналы и доклады IV и V чрезвычайных сессий и III очередной сессии. Оренбург, 1915. С. 3–41.
17. Распоряжение министерства народного просвещения от 22 мая 1914 г. № 25606 по Департаменту народного просвещения «О необходимости заботиться составлением школьных сетей для инородческого населения Оренбургского учебного округа // Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 4. С. 360–364.
18. Азаматова Г. Б. Общественная деятельность Мажита Гафури в 1907–1916 гг. // Общественный фонд культуры имени Мажита Гафури. URL: https://gafuri.ucoz.ru/publ/obshhestvennaja_deyatelnost_mazhita_gafuri_v_1907_1916_gg/1-1-0-30 (дата обращения: 12.12.2020).
19. Новые правила о начальных училищах для инородцев // Учительский вестник. 1913. № 6. С. 14–48.
20. Оренбургское земское дело. 1916. № 12–13. С. 2.
21. Доклады Оренбургской Губернской Земской Управы четвертому очередному Губернскому Земскому собранию. Отдел народного образования. Оренбург, 1917.
22. Наши перспективы // Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 4. С. 361–363.
23. Kucheryavaya E. The 100th Anniversary of the Russian Revolution of 1917 – the Historical Memory Formation in Contemporary Situation // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2019. № X/2. P. 11–23.
24. Приложение к докладу об организации отдела народного образования при уездной управе // Журналы и доклады IV сессии 14 марта 1915 г.; V чрезвычайной сессии 17 августа 1915 г. и III очередной сессии 3, 4 и 9 ноября 1915 г. Оренбург, 1915. С. 308–319.
25. Доклады по народному образованию Оренбургского Губернского Земского Собрания. 3-я очередная сессия. Оренбург, 1916. 417 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 сентября 2021 г.

Problems of Reforming “Foreign Education” as a Field of Activities of the Uyezd Zemstvo of Orenburg Province (1913–1917)
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 133–138.

DOI: 10.17223/15617793/472/16

Sergey V. Lyubichankovskiy, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: svlubich@yandex.ru

Svetlana A. Aleshina, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation) E-mail: aleshina_s_a@mail.ru

Keywords: foreign education; Russian Empire; Orenburg Province; reform; acculturation.

Acculturation through the educational system is one of the most typical mechanisms for acculturation. However, in historiography, the main attention is paid to state policy (the admission of “foreigners” to state educational institutions, the creation and functioning of “Russian-foreign schools”, etc.). The article analyzes the policy on this issue on the part of local government. The article presents an analysis of the content of the initiatives put forward by Orenburg uyezd zemstvo after the adoption at the all-imperial level of the Rules on Primary Schools for Foreigners of June 14, 1913. The role of the uyezd self-government bodies in reforming the “foreign education” system of Orenburg Province at the beginning of the 20th century is considered. This role was not limited only to the implementation of government orders, but was also accompanied by the active development of their own original projects of reforming Muslim education, based on the unique experience of the Orenburg region in implementing the imperial policy of acculturation. It is shown that in the conditions of the First World War and the accompanying exacerbation of internal political contradictions, the local zemstvo allowed itself to publicly speak out on the topic of “foreign” education in a rather harsh form. The practical work of the uyezd zemstvo in opening new schools and educational courses, changing the structure of education management is described. It is proved that the Orenburg uyezd zemstvo proposed its own project of solving the problem of a more durable introduction of the Russian language into the “foreign” environment due to a kind of a “symbiosis” of the traditional Muslim school (mekteb) and the general education school. At the same time, the Orenburg zemstvo suggested not ignoring but, on the contrary, offering systemic knowledge on debatable issues of national history in a state manner to students of the mekteb. It is revealed that an important element of the program of the Orenburg uyezd zemstvo was attention to the adult Muslim population, which could no longer attend primary schools. It is shown that the activities of the zemstvo in the last years of the existence of the Russian Empire were aimed at a more solid incorporation of “foreigners” into the general imperial educational space. The Orenburg zemstvo people perceived the general imperial innovations in this area as extremely important for the region; they made their own adjustments, amendments and additions to the forms that came “from above”, proposed their own original projects of reforming Muslim education, taking into account the regional specifics and historical experience of the Orenburg region in the acculturation of “foreigners”. The study was carried out on clerical materials, which, in accordance with the principle of publicity, were published by the zemstvos themselves – the so-called “zemstvo reports”.

REFERENCES

1. Charnoluskiy, V. (1912) *Voprosy narodnogo obrazovaniya na pervom obshcheuezdnom s'ezde* [Questions of public education at the first general uyezd congress]. Saint Petersburg: Znanie.
2. Lyubichankovskiy, S.V. (2017) Policy of acculturation in the conditions of destruction of the empire: incident of a volost' zemstvo. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 50. pp. 31–37. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/50/4
3. Lyubichankovskiy, S.V. (2018) *Politika akkul'turatsii sredstvami prosveshcheniya islamskikh poddannyykh Rossiyskoy imperii: istoricheskiy opyt Orenburgskogo kraya (seredina XIX – nachalo XX vv.)* [The policy of acculturation by means of education of Islamic subjects of the Russian Empire: the historical experience of the Orenburg region (mid-19th – early 20th centuries)]. Orenburg: Orenburg State Agrarian University.
4. Dyadichenko, A. & Chermak, L. (1906) *Statisticheskiy spravochnik. Naselenie i zemlevladienie Rossii. 1906* [Statistical Reference. Population and land ownership of Russia. 1906]. Vol. 1. Saint Petersburg: Zemlya i volya.
5. Lyubichankovskiy, S. & Akanov, K. (2018) Orenburg in the History of Integration of Kazakh Steppe in the Russian Imperia 18th – beginning of 20th century. *Bylye Gody*. 48/2. pp. 484–495. DOI: 10.13187/bg.2018.2.484
6. Orenburgskaya Uezdnaya Zemskaya Uprava [Orenburg Uyezd Zemstvo Council]. (1915) *Doklad № 3 s proektom shkol'noy seti i finansovogo plana vseobshchego obucheniya v Orenburgskoe Gubernskoe Zemskoe Sobranie 4-y chrezvychaynoy sessii 14 marta 1915 goda* [Report No. 3 with a draft of school network and financial plan for universal education to the Orenburg Provincial Zemstvo Assembly of the 4th extraordinary session on March 14, 1915]. In: *Zhurnaly i doklady IV sessii 14 marta 1915 g.; V chrezvychaynoy sessii 17 avgusta 1915 g. i III ocherednoy*

- sessii 3, 4 i 9 noyabrya 1915 g. [Journal and reports of the 4th session of March 14, 1915, 5th extraordinary session of August 17, 1915 and 3d regular session on November 3, 4 and 9, 1915]. Orenburg: [s.n.]. pp. 3–18.
7. Orenburgskaya Uezdnyaya Zemskaya Uprava [Orenburg Uyezd Zemstvo Council]. (1915) Doklad № 88 “O kul’turnykh nuzhdakh musul’nskogo naseleniya na 3-y ocherednoy sessii Orenburgskogo Uezdnogo Zemskogo Sobraniya” [Report No. 88 “On the cultural needs of the Muslim population at the 3rd regular session of the Orenburg Uyezd Zemstvo Assembly”]. In: *Zhurnal i doklady IV i V chrezvychaynykh sessiy i III ocherednoy sessii Orenburgskogo Uezdnogo Zemskogo Sobraniya* [Journal and reports of the 4th and 5th extraordinary sessions and the 3d regular session of the Orenburg Uyezd Zemstvo Assembly]. Orenburg: [s.n.]. pp. 333–401.
 8. Shershneva, E.A. (2012) Problemy reformirovaniya musul’nskogo obrazovaniya v Rossiyskoy imperii v nachale XX v. [Problems of reforming Muslim education in the Russian Empire at the beginning of the 20th century]. *Izvestiya Almatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Politologiya*. 4/1. pp. 266–269.
 9. Iskhakova, R.R. (2008) Obrazovanie v dorevolutsionnoy Rossii: ideologicheskii i konfessional’nyy aspekt [Education in pre-revolutionary Russia: ideological and confessional aspect]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta – Bulletin of the Technological University*. 6. pp. 27–28. (In Russian).
 10. Charnoluskiy, V.I. (1917) *Svod zakonov, tsirkulyarov i spravochnykh svedeniy po narodnomu obrazovaniyu v perekhodnyy period* [Code of laws, circulars and reference information on public education in the transition period]. Moscow: T-vo I. D. Sytina.
 11. Semenchenko, I.V. (2010) *Deyatel’nost’ zemstv na Urale (1900–1919 gg.)* [Activity of zemstvos in the Urals (1900–1919)]. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University.
 12. Suvorova, A.V. (2012) *Razvitiye sistemy nachal’nogo obrazovaniya v Orenburgskoy i Ufimskoy guberniyakh (nachalo XX v. – 1914 g.)* [Development of the primary education system in the Orenburg and Ufa provinces (the beginning of the 20th century – 1914)]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University.
 13. Safarova, A.D. (2009) *Razvitiye obrazovaniya natsional’nykh men’shinstv v Orenburgskom krae (konets XIX veka – 1840 g.)* [The development of education of national minorities in the Orenburg region (the end of the 19th century – 1840)]. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University.
 14. Orenburgskaya Uezdnyaya Zemskaya Uprava [Orenburg Uyezd Zemstvo Council]. (1915) Doklad shkol’noy komissii po voprosam narodnogo obrazovaniya. Orenburgskoe Uezdnoe Zemskoe Sobranie 3-y ocherednoy sessii [Report of the School Commission on Public Education. Orenburg Uyezd Zemstvo Assembly of the 3rd regular session]. In: *Zhurnaly i doklady IV i V chrezvychaynykh sessiy i III ocherednoy sessii Orenburgskoy Uezdnoy Zemskoy Upravy* [Journals and reports of the 4th and 5th extraordinary sessions and the 3d regular session of the Orenburg Uyezd Zemstvo Council]. Orenburg: [s.n.]. pp. 115–147.
 15. Orenburgskaya Uezdnyaya Zemskaya Uprava [Orenburg Uyezd Zemstvo Council]. (1915) Doklad № 81 “O zanyatiyakh so vzroslym musul’nskimi naseleniem” [Orenburg Uyezd Zemstvo Council. Report No. 81 “On classes with the adult Muslim population”]. In: *Zhurnaly i doklady IV i V chrezvychaynykh sessiy i III ocherednoy sessii Orenburgskoy Uezdnoy Zemskoy Upravy* [Journals and reports of the 4th and 5th extraordinary sessions and the 3d regular session of the Orenburg Uyezd Zemstvo Council]. Orenburg: [s.n.]. pp. 299–332.
 16. Orenburgskaya Uezdnyaya Zemskaya Uprava [Orenburg Uyezd Zemstvo Council]. (1915) Doklad Upravy s proektom shkol’noy seti i finansovogo plana vseobshchego obucheniya [Report of the Council with the project of the school network and the financial plan of universal education]. In: *Zhurnaly i doklady IV i V chrezvychaynykh sessiy i III ocherednoy sessii Orenburgskoy Uezdnoy Zemskoy Upravy* [Journals and reports of the 4th and 5th extraordinary sessions and the 3d regular session of the Orenburg Uyezd Zemstvo Council]. Orenburg: [s.n.]. pp. 3–41.
 17. Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga. (1914) Rasporyazhenie ministerstva narodnogo prosveshcheniya ot 22 maya 1914 g. № 25606 po Departamentu narodnogo prosveshcheniya “O neobkhodimosti zabotit’sya sostavleniem shkol’nykh setey dlya inorodcheskogo naseleniya Orenburgskogo uchebnogo okruga [Decree of the Ministry of Public Education of 22 May 1914 No. 106 on the Department of Public Education “On the need to take care of the compilation of school networks for the foreign population of the Orenburg educational district”]. *Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga*. 4. pp. 360–364.
 18. Azamatova, G.B. (n.d.) Obshchestvennaya deyatel’nost’ Mazhita Gafuri v 1907–1916 gg. [Public activity of Mazhit Gafuri in 1907–1916]. *Obshchestvennyy fond kul’tury imeni Mazhita Gafuri* [Public Fund of Culture named after Mazhit Gafuri]. [Online] Available from: https://gafuri.ucoz.ru/publ/obshchestvennaya_deyatelnost_mazhita_gafuri_v_1907_1916_gg/1-1-0-30. (Accessed: 12.12.2020).
 19. Uchitel’skiy vestnik. (1913) Novye pravila o nachal’nykh uchilishchakh dlya inorodtsev [New rules on primary schools for inorodtsey]. *Uchitel’skiy vestnik*. 6. pp. 14–48.
 20. *Orenburgskoe zemskoe delo*. (1916) 12–13. p. 2.
 21. Orenburgskaya Uezdnyaya Zemskaya Uprava [Orenburg Uyezd Zemstvo Council]. (1917) *Doklady Orenburgskoy Gubernskoy Zemskoy Upravy chetvertomu ocherednomu Gubernskomu Zemskomu sobraniyu*. [Reports of the Orenburg Provincial Zemstvo Council to the 4th regular Provincial Zemstvo Assembly]. Orenburg: Otdel narodnogo obrazovaniya.
 22. Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga. (1914) Nashi perspektivy [Our Perspectives]. *Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga*. 4. pp. 361–363.
 23. Kucheryavaya, E. (2019) The 100th Anniversary of the Russian Revolution of 1917 – the Historical Memory Formation in Contemporary Situation. *Przeglad Wschodnioeuropejski*. X/2. pp. 11–23.
 24. Orenburgskaya Uezdnyaya Zemskaya Uprava [Orenburg Uyezd Zemstvo Council]. (1915) Prilozhenie k dokladu ob organizatsii otdela narodnogo obrazovaniya pri uezdnoy uprave [Supplement to the report on the organization of the Department of Public Education at the uyezd council]. In: *Zhurnaly i doklady IV sessii 14 marta 1915 g.; V chrezvychaynoy sessii 17 avgusta 1915 g. i III ocherednoy sessii 3, 4 i 9 noyabrya 1915 g.* [Journal and reports of the 4th session of March 14, 1915, 5th extraordinary session of August 17, 1915 and 3d regular session on November 3, 4 and 9, 1915]. Orenburg: [s.n.]. pp. 308–319.
 25. Orenburgskoe Gubernskoe Zemskoe Sobranie [Orenburg Provincial Zemstvo Assembly]. (1916) *Doklady po narodnomu obrazovaniyu Orenburgskogo Gubernskogo Zemskogo Sobraniya. 3-ya ocherednaya sessiya* [Reports on Public Education of the Orenburg Provincial Zemsky Assembly. 3rd regular session]. Orenburg: [s.n.].

Received: 03 September 2021

О.В. Метель

АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА В ЭВАКУАЦИИ: ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН СССР В 1941–1943 гг.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МК-309.2020.6.

Анализируется деятельность сотрудников Института истории АН СССР в годы эвакуации. Проанализированы основные направления работы алма-атинской, ташкентской, московской и других групп Института, оказавшихся в 1941–1943 гг. «в рассеянии». Сделан вывод, что в период эвакуации основное внимание ученые уделяли коллективным проектам, направленным на решение задач, диктуемых условиями военного времени.

Ключевые слова: Институт истории АН СССР; Великая Отечественная война; эвакуация; советская историография; научная повседневность

На тему «советская историческая наука и Великая Отечественная война» написано немало статей и монографий [1–3]. Казалось бы, новым поколениям историков нечего добавить к сказанному предшественниками. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что в рамках хорошо изученного сюжета то и дело обнаруживаются новые аспекты, требующие пристального изучения специалистами. К числу таких, на наш взгляд, можно отнести проблему «эвакуированной науки», которая требует изучения не только с точки зрения общих направлений перемещения советских вузов и академических институтов на Восток и их влияния на инфраструктуру принимающей стороны, но и с позиции анализа общих направлений работы эвакуированных учреждений, оказавшихся в новой для себя внешней среде. Именно поэтому в рамках настоящей статьи, опираясь на широкий круг источников личного происхождения, делопроизводственных документов и материалов специализированной периодики, мы стремились реконструировать основные направления научно-исследовательской деятельности главного академического исторического учреждения страны – Института истории Академии наук СССР, оказавшегося в годы войны «в рассеянии» – в городах Средней Азии, Казани, Свердловске, Москве и др.

Эвакуация Института истории, как и многих других академических учреждений Москвы, проходила в сложных условиях и заняла несколько месяцев. Как свидетельствуют записи очевидцев, впервые вопрос о перемещении сотрудников института в глубокий тыл был поставлен еще в начале июля 1941 г. Тогда планировалось спешно перевезти все учреждения Академии наук из Москвы и Ленинграда в Томск. Однако в исполнение этот план приведен не был, а в июле–августе 1941 г. Москву покинули только отдельные историки, эвакуированные в Казань (Б.Д. Греков, С.Б. Веселовский, С.К. Богоявленский и др.) и Боровое (Е.А. Мороховец). Как фиксировала в своих дневниках М.В. Нечкина, такое решение было воспринято сотрудниками института с недоумением. «Вчера еще их всех почти что везли в Томск, – писала она 11 июля 1941 г., – они спешно складывались, снимались с военного учета, везли старух и детей с дач, ликвидировали дела, закупали продукты, бронирова-

ли квартиры, полная ломка жизни. Сегодня вдруг новый приказ – все в корне меняется, из сектора едут лишь 3 человека, работа идет “по-старому”? – все остаются» [4. С. 347]. Схожим оказалось положение и в Ленинграде, который летом 1941 г. организованно покинули только три Института (Физико-технический, Ридиевский и Химической физики) и ряд академиков, также направленных в Боровое и Казань [5. С. 82]. В то же время основная часть работников Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ), как по своей воле, так и в силу угрожающего положения на фронтах, оставалась в осажденном городе вплоть до лета 1942 г. [6. С. 317].

Общая эвакуация Института истории АН СССР из Москвы пришлось на середину октября 1941 г. Проходившая в экстремальных условиях, связанных с быстрым продвижением к столице немецких войск, она, по воспоминаниям современников, стала сложным испытанием для научных сотрудников, покидавших город, используя для этого любой транспорт [7. С. 289; 8. С. 64]. Насколько мы можем судить, исходя из сохранившихся документов, место назначения эвакуированных историков определилось не сразу. По свидетельству А.М. Панкратовой, с 12 августа 1941 г. исполнявшей обязанности директора Института истории АН СССР [9. Л. 36], «13 октября состоялось решение о направлении обществ[енных] институтов в Ташкент, а 15-го новое решение – в Алма-Ату» [7. С. 289]. Для претворения в жизнь данной директивы в Казахстан из Казани, ставшей для многих ученых, недавно покинувших столицу, первым пунктом назначения, была направлена небольшая группа историков во главе с А.М. Панкратовой. Как свидетельствуют материалы переписки, последней пришлось проявить немалые дипломатические таланты для того, чтобы в столь сложных условиях получить от республиканского правительства согласие на размещение всех историков-москвичей в пределах одного города и признания за ними официального статуса эвакуированного института [7. С. 289]. Как сообщает Н.М. Дружинин, прибывший в Алма-Аты в составе другой группы ученых, выехавшей из Москвы только 21 октября 1941 г. и направленной в Казахстан из переполненного беженцами Ташкента, главным аргументом для местного партийного руководства стало

обещание А.М. Панкратовой силами московских исследователей осуществить подготовку «Истории Казахской ССР», издание которой было задумано в республике еще до войны [10. С. 25–30]. В результате после некоторых переговоров в конце 1941 – начале 1942 гг. в Алма-Аты была налажена работа «официальной» группы историков Академии наук, состоявшей из 10 человек (М.Н. Тихомиров, Р.А. Авербух, Ф.В. Потемкин, Ф.И. Нотович, А.П. Кучкин, М.П. Вяткин и др.).

Вместе с тем, несмотря на организацию официальной «алма-атинской группы», статус главного места пребывания эвакуированного Института истории АН СССР все же был закреплен за Ташкентом [11. Л. 3], «советскими Афинами» военного времени, куда осенью 1941 – зимой 1942 гг. разными путями прибыли историки из Москвы, Казани и других городов СССР, а летом–осенью 1942 гг. были централизованно эвакуированы члены гуманитарных институтов Ленинграда. Безусловно, такое положение сложилось отнюдь не случайно. Большинство ученых воспринимали Ташкент не только как знаменитый «хлебный город», с которым у них были связаны надежды на сытую и теплую зиму, но и как один из главных советских среднеазиатских научных центров, располагавший библиотеками и архивами. Недаром Б.Д. Греков в письмах к В.И. Пичете и С.В. Бахрушину отмечал, что его работу над книгой о крестьянах на Руси вряд ли удастся завершить в Алма-Аты, но на это есть шанс в Ташкенте [12. С. 98–99], а не сумевший покинуть Москву по состоянию здоровья археолог В.А. Городцов и вовсе сокрушался, что ему так и не доведется поработать в городе, куда он стремился отправиться в течение последних 40 лет [13. С. 323]. В результате ташкентская группа сотрудников Института истории, возглавляемая прибывшим в столицу Узбекской ССР в декабре 1941 г. из Казани Б.Д. Грековым, оказалась наиболее многочисленной, и в 1941–1943 гг. здесь жили и работали М.В. Нечкина, Р.Ю. Виппер, Е.А. Косминский, А.Д. Удальцов, С.Б. Веселовский, Ю.В. Готье, В.И. Пичета, Э.А. Желубовская и др. Кроме того, наряду с москвичами, на протяжении 1941–1942 гг. в ряды сотрудников Института истории вливались и ленинградцы: И.И. Смирнов, А.В. Предтеченский, Б.А. Романов, С.Н. Валк и др.

Наряду с Ташкентом и Алма-Аты, сотрудники Института истории АН СССР находились в эвакуации и в других городах страны. Такое «рассеяние» стало возможным, с одной стороны, потому, что историки могли покинуть столицу как в составе организованных групп различных учреждений, где они состояли сотрудниками, так и в индивидуальном порядке (например, вместе с членами семьи, направляемыми на Восток), а с другой – в связи с тем, что принимавшая сторона нередко просто не могла обеспечить размещение больших организаций в рамках одного города и распределяла их работников по различным населенным пунктам. В результате, если М.В. Нечкина эвакуировалась с МГУ в Ташкент, то А.В. Мишулин, Н.А. Машкин, К.К. Зельин находились в составе того же учреждения в Ашхабаде, а В.М. Лавровский – в Фергане. Помимо названных городов, в 1941–1943 гг.

эвакуированные члены Института истории АН СССР оставались в Казани (А.В. Ефимов, Л.М. Иванов и др.), в Свердловске (В.П. Волгин), в Томске (А.И. Неусыхин, Ф.А. Хейфец и др.), в Бирске (А.Б. Ранович) и др.

География присутствия историков Академии наук будет неполной, если не принять в расчет тот факт, что уже зимой 1942 г. под руководством все той же А.М. Панкратовой в Москве началась организация особой – московской – группы Института [11. Л. 1]. Полагаем, что подобное решение было обусловлено общими потребностями данного учреждения, нуждавшегося в устойчивых связях со столицей и стремившегося принять участие в фиксации текущих военных событий. Недаром одной из важнейших задач, стоявших перед московской группой историков Института, являлась подготовка «Летописи Великой Отечественной войны» (тем более, что схожие цели преследовала и созданная И.И. Минцем Комиссия по истории Великой Отечественной войны [14]). Первоначально состав московской группы был небольшим и фактически не превышал 6 человек [11. Л. 3]. Однако уже весной 1942 г., когда благодаря относительной стабилизации положения на фронтах в столицу поспешили выехать Л.И. Зубок, Э.А. Желубовская, П.К. Алефиренко, Ф.И. Нотович и др., московская группа насчитывала уже 16 человек [15. С. 150]. В дальнейшем из Ташкента, Алма-Аты и других городов СССР в длительные командировки в Москву регулярно направлялись ученые-историки, стремившиеся получить доступ к необходимым для исследовательской работы материалам. Как писал Б.Д. Греков в одном из писем М.Н. Тихомирову, «в Москву в командировки до 2х месяцев выезжают Косминский, Бахрушин, Пичета, Эггерт» [12. С. 107].

Насколько мы можем судить по воспоминаниям современников, общие материально-бытовые условия, в которых оказались эвакуированные ученые в столь тяжелый для страны период, были более чем удовлетворительными, хотя и напрямую зависели от академического статуса сотрудника (что, впрочем, как убедительно показала Е.А. Долгова, было характерно еще для довоенного времени [16. С. 152–237]). В целом историки получали денежные выплаты, пайки, пользовались столовой и закрытыми распределителями. Как писал сотрудник ЛОИИ Б.А. Романов, прибывший в Ташкент из блокадного Ленинграда зимой 1942 г., в столице советского Узбекистана лучше всего были обеспечены академики, проживавшие в бывшей «благоустроенной гостинице НКВД с паровым отоплением, электрическим освещением, мойкой полов, примусными комнатами, душем, английскими уборными, бильярдом, роялем, телефонами» и пользовавшиеся особыми столовой и булочной [17. С. 314]. Эти же данные подтверждает переписка С.Б. Веселовского с А.И. Яковлевым, из которой мы узнаем, что прибывшие в декабре 1941 г. в Узбекистан академики и члены-корреспонденты были обеспечены «теплой комнатой в академическом общежитии», «хорошей столовой», позволявшей получать приличное трехразовое питание, «хорошими пайками и всяким ширпотребом», которые можно было взять в

специальном ларьке [18. С. 474]. Несколько иначе был организован быт основной части научных сотрудников институтов, имевших степень кандидата наук, размещенных в здании бывшей балетной школы им. Т.А. Ханум или поселившихся на частных квартирах. По сообщениям все того же Б.А. Романова, в «Хануме» было организовано именно общежитие с соответствующим «уставом»: «...в дортуарах недостаточный верхний свет; кровати на фу-фу; гвоздики на стенке; имущество на подоконнике и редких стульях, под кроватями и т.п. умывальни – одна для женщин, одна для мужчин (водопровод через один кран, очереди)» [17. С. 315]. Правда, нельзя не отметить, что для питания проживавших здесь также была организована специальная столовая, а необходимые непродовольственные товары можно было получить в ларьке.

Судя по сохранившимся письмам и воспоминаниям, схожая картина наблюдалась и в Казахстане. Как свидетельствуют мемуары Т.А. Фаворской, дочери известного ученого-химика, оказавшейся вместе с семьей отца в Боровом (где были также ученые-историки и востоковеды, продолжавшие, по словам М.О. Абсеметова, активную научно-исследовательскую деятельность [19, 20]), эвакуированные академики получали здесь достаточное снабжение: «...их [академиков. – О.М.] не только хорошо поместили, хорошо питали, но и заботились и об их одежде и обуви» [21. С. 678]. Постепенно налажился быт и «алма-атинской группы» историков: если в декабре 1941 г. Н.М. Дружинин сетовал на то, что ему и его коллегам приходится размещаться в одной большой комнате Казахского филиала Академии наук, то в дальнейшем он вспоминал, что эвакуированные историки были прикреплены к столовой и распределителю, получили возможность работы в специально оборудованном читальном зале и были включены в число городских лекторов [22. С. 46, 49].

Таким образом, хотя в письмах к коллегам историки, эвакуированные в Среднюю Азию, нередко отмечали непривычный для москвичей климат, перебои со снабжением или временное отсутствие электричества, в экстремальных условиях военного времени их положение все же казалось вполне обеспеченным, особенно по сравнению с теми, кто остался в Елабуге или Москве, а тем более в Ленинграде. К примеру, по сообщениям А.М. Панкратовой, в марте 1942 г. в Москве в ее квартире не было тепла и света, паек не выдавали, а питание было организовано один раз в день в Доме ученых [7. С. 291].

Оказавшись в эвакуации, советские историки стремились как можно скорее вернуться к научной работе, не только продолжая начатые ранее исследования, но и откликаясь на текущие потребности фронта и принимающих союзных республик. Одними из первых к полноценной исследовательской деятельности вернулись ташкентская и алма-атинская группы ученых-историков АН СССР. Так, в Ташкенте уже зимой 1942 г. был составлен общий план работы Института истории, адаптированный к среднеазиатским условиям, начали проводиться научные заседания и даже был организован процесс защиты диссертаций. Для иллюстрации данных процессов можно привести

фрагмент письма от 20 апреля 1942 г. Б.Д. Грекова к М.Н. Тихомирову, в котором директор эвакуированного института отмечал, что «жизнь для меня приняла характер московской: заседаний больше, чем можно вместить, лекции (бесплатные), выступления торжественные, полуторжественные и не торжественные на юбилеях, похоронах и... хотел прибавить свадьбах, но вспомнил, что только на свадьбах не приходилось вступать» [12. С. 103–104]. Схожие процессы в это время проходили и в Алма-Аты, где, по словам Н.М. Дружинина, маленькая группа ученых-историков «тоже развивала большую энергию», организуя дискуссии и обсуждения текущих научных вопросов, осуществляя подготовку научной и учебной литературы и участвуя в чтении массовых лекций [22. С. 48]. В иной тональности об активизации научной работы историков в Ташкенте писал С.Б. Веселовский, критиковавший в июне 1942 г. в письме к А.И. Яковлеву стремление его коллег по Институту «делать доклады» [18. С. 479].

В условиях военного времени одна из главных целей, стоявших перед историками, заключалась в активном содействии фронту, что находило свое выражение, в первую очередь, в чтении популярных лекций и подготовке специальных трудов, рассчитанных на массового читателя. Ведь как утверждал Ем. Ярославский, в годы войны каждый историк должен перебрать весь арсенал исторической науки в той области, которую он лучше всего изучил, для того чтобы применить эти накопленные знания на практике и «укрепить в народе уверенность в неизбежности нашей победы» [23. С. 17]. К решению этих задач члены Института истории АН СССР приступили еще в Москве, когда летом–осенью 1941 г. они начали подготовку специальных антифашистских брошюр, многие из которых, впрочем, так и не были напечатаны. В эвакуации историки также продолжали заниматься активной пропагандистской работой, выступая с лекциями перед широкой аудиторией и участвуя в подготовке популярных трудов. Если говорить о лекционной работе, то, как свидетельствуют деловые дневники М.В. Нечкиной, утверждавшей, что во время войны «лекции тоже воюют» [24. С. 31], только в январе–феврале 1942 г. она не менее 11 раз выступала с докладами перед военнослужащими [4. С. 349–350], а в 1943 г. и вовсе была направлена в Иран для чтения лекций расквартированным там солдатам Красной Армии [4. С. 355–364]. Не меньше перед массовой аудиторией выступали и коллеги М.В. Нечкиной по Институту истории. Та же А.М. Панкратова писала в письме к Е.И. Веденеевой, что после возвращения в Москву за месяц сделала не менее 30 докладов, иногда выступая по 2–3 раза в день [7. С. 291]. Что касается подготовки специальных изданий, то помимо газетных и журнальных публикаций и брошюр, в 1942 г. сотрудники Института работали над специальными статьями, разоблачавшими фашистскую версию истории (Е.А. Косминский, А.Д. Удальцов, Р.Ю. Виппер и др.) и демонстрировавшими доблесть русского оружия в различных битвах прошлого, особенно во время Отечественной войны 1812 г. (С.К. Богоявленский, С.В. Бахрушин, Е.В. Тарле, Ю.В. Готье и др.).

Вместе с тем военная тематика заняла значительное место в работе сотрудников Института истории не только в связи с подготовкой популярных изданий. В годы эвакуации историки стремились более подробно разработать многие аспекты военного прошлого страны, посвящая этим сюжетам научные труды и организуя для их обсуждения специальные научные заседания. Так, к примеру, члены ташкентской группы в 1942–1943 гг. провели несколько специальных сессий, на которых обсудили марксистско-ленинскую теорию войн (23 апреля 1942 г.), историю Бородинской битвы (8 сентября 1942 г.), биографию М.И. Кутузова (28 апреля 1943 г.) и др. Е.В. Тарле, являвшийся сотрудником ЛОИИ и с лета 1941 г. находившийся в эвакуации в Казани, к 1943 г. завершил работу над вторым томом «Крымской войны», сначала получившим теплый прием, а в послевоенные годы подвергшимся серьезной критике за неумение «показать реакционную сущность царского режима» [25. С. 352]. Наконец, и для московской, и для ташкентской групп Института одной из приоритетных задач являлось завершение подготовки многотомной «Истории дипломатии», первый том которой был опубликован еще в 1941 г. и удостоен Сталинской премии. И хотя работа над этим изданием была сопряжена с немалыми трудностями, когда входившая в состав редколлегии А.М. Панкратова находилась в Москве, а основная группа сотрудников, подбиравших и обрабатывавших материал источников, – в Ташкенте [7. С. 291, 293], третий том этой серии, посвященный подготовке Второй мировой войны (1919–1939 гг.), все-таки вышел из печати в 1945 г. и был удостоен Сталинской премии первой степени [25. С. 354].

«Задачей крупного оборонного значения» для сотрудников Института истории оказалось и содействие повышению качества «обучения и воспитания миллионов школьников» [26. С. 145]. Для этого историки должны были не только продолжать готовить учителей школ в педвузах или университетах, куда они были приглашены на работу во время эвакуации, но и принимали непосредственное участие в разработке методической литературы для средней школы. Выполняя данную задачу, в 1942–1943 гг. сотрудники алма-атинской и ташкентской групп Института истории не только подготовили методические пособия для средней школы, призванные помочь организовать работу на уроке [27, 28], но и регулярно публиковали статьи на эту тему на страницах «Исторического журнала» [29] и выступали перед учителями с лекциями об особенностях трактовки того или иного исторического периода [30. С. 150].

Во время эвакуации московские историки активно включились в процесс подготовки коллективных научных и учебных трудов, посвященных истории тех регионов и национальных республик, в которых они оказались. Подобное решение отчасти диктовалось внешними обстоятельствами, а отчасти являлось закономерным результатом общего развития советской историографии в довоенные годы, когда в связи с разработкой новой концепции отечественной истории у специалистов возник интерес к прошлому народов СССР. Первые попытки подготовить подобные narra-

тивы были предприняты специалистами, эвакуированными летом 1941 г. в Казань. В частности, как писал в своем отчете за 1941 г. Б.Д. Греков, им была подготовлена отдельная глава «Народы Поволжья под властью Золотой Орды» для вузовского учебника по истории Татарстана [30. С. 148]. Оказавшись в Ташкенте, он вместе с московскими и ленинградскими коллегами приступил к подготовке учебной и научной литературы по истории Узбекистана [31. С. 153]. И хотя двухтомная «История народов Узбекистана» вышла из печати уже после войны, существенная часть работы по ее подготовке была проделана именно столичными историками в годы эвакуации. Недаром в предисловии ко второму тому читаем, что «все работы по составлению тома и обсуждению отдельных его частей, глав и разделов на собраниях авторского коллектива проведены под руководством члена корреспондента АН СССР, заслуженного деятеля науки УзССР С.В. Бахрушина» [32. С. 5]. В 1943 г. усилиями сотрудников алма-атинской группы Института истории была подготовлена «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», вышедшая под редакцией А.М. Панкратовой и секретаря ЦК КП(б) Казахстана М. Абдыкалыкова [33]. Правда, дальнейшая судьба этого издания оказалась непростой. Не получив Сталинскую премию в годы войны, в послевоенный период «История Казахской ССР...» и вовсе была объявлена порочной и неудовлетворительной, а сотрудникам Института истории и этнографии КазФАН было предложено подготовить новое издание [34]. Кроме того, в планах Института на 1942 г. были заявлены «Очерки по истории Башкирии» [35. Л. 1], а сотрудник ЛОИИ А.В. Предтеченский в феврале того же года был направлен в Сталинабад для организации работы над учебником для средних школ по истории Таджикистана [36. Л. 5].

Находясь в эвакуации в различных городах и регионах страны, сотрудники Института истории АН СССР внесли свой вклад и в подготовку новых научных работников. Это стало возможным как благодаря открытию в тех городах, где находились группы эвакуированных специалистов, аспирантуры и докторантуры, так и в силу организации самого процесса защиты кандидатских и докторских диссертаций. Так, в Ташкенте на протяжении 1942–1943 гг. на заседаниях ученого совета Института истории, состав членов которого, по словам современников, был блестящий [17. С. 161], регулярно проходили защиты диссертаций как местных, так и эвакуированных специалистов, а также тех, кто находился в других городах и на фронте (в данном случае защиты проходили заочно). Схожая ситуация была характерна и для Ашхабада, где благодаря эвакуированным сотрудникам МГУ также был налажен процесс защиты диссертаций местных историков [37. С. 105]. Безусловно, соглашаясь с тем, что в годы войны и научная работа в целом, и подготовка диссертационного исследования в частности нередко становились своеобразной «отдушиной» и придавали сил, особенно в экстремальных условиях, в которых, к примеру, оказался белорусский академик Н.М. Никольский, несколько месяцев проживший в лесу у партизан [38. С. 268], мы все

же не можем не обратить внимание на материальный аспект защиты диссертации. В условиях действующей системы снабжения, когда доступ к необходимым ресурсам напрямую зависел академического статуса, защита диссертации могла не просто обеспечить увеличение заработной платы, но и спасти жизнь. Недаром эвакуированная в Ташкент ленинградский этнограф Е.Э. Бломквист просила своих коллег оказать содействие в организации заочной защиты диссертации оставшейся в Ленинграде М.Д. Торэн, для которой «это очень важно, степень дает ей положение и спасает от голодной смерти» [17. С. 241].

Наряду с подготовкой изданий, имевших значение для нужд фронта или местных республик, эвакуированные сотрудники Института истории не могли не откликнуться на двадцатипятилетний юбилей Октябрьской революции. К этой дате в Свердловске, где с мая 1942 г. находился Президиум Академии наук СССР, было приурочено проведение специальной академической сессии, на одном из заседаний которой Б.Д. Греков в своем докладе охарактеризовал общий путь, пройденный советской исторической наукой с 1917 г. [39]. Схожую функцию подведения итогов в связи с грядущим юбилеем выполнял и специальный сборник, подготовленный работниками Института истории, оказавшимися в годы войны в Ташкенте, Москве, Казани и других городах, и демонстрировавший успехи советской историографии за истекшие 25 лет [40]. Кроме того, к юбилею революции Институт подготовил краткую летопись событий последней [41], заменившую, правда, изначально планировавшееся многотомное издание, работа над которым еще до войны была начата сектором истории СССР, но полученный результат оказался во многом неудовлетворительным [7. С. 297].

Наконец, находясь в эвакуации, работники Института истории АН СССР продолжали работу над собственными научными темами, входившими в сферу их исследовательского интереса еще до войны. Недаром, по словам М.В. Нечкиной, многие научные и литературные произведения военных лет «отмечены датами эвакуации и словом “Ташкент”» [24. С. 33]. Так, именно в Средней Азии сама М.В. Нечкина написала работу «Грибоедов и декабристы» и неоднократно выступала с докладами о В.О. Ключевском (25 апреля 1942 г., 15 мая 1942 г.), Е.А. Косминский работал над новым изданием монографии «Английская деревня XIII в.», Б.Д. Греков стремился завершить труд о крестьянах на Руси, а Р.Ю. Виппер опубликовал второе издание монографии об Иване Грозном, вызвавшее широкий резонанс, и начал подготовку новой монографии «Происхождение христианской литературы». Однако несмотря на отдельные успехи, все же организация работы историков вне привычной инфраструктуры Москвы была сопряжена с серьезными трудностями, в первую очередь, связанными с отсутствием необходимых научных материалов: библиотеки большинства городов, принимавших эвакуированных, просто не располагали фондами, необходимыми для завершения специализированных исто-

рических исследований. Даже в Ташкенте, где ученые могли работать в библиотеках Среднеазиатского государственного университета (САГУ), Узбекского филиала Академии наук (УзФАН), городской Публичной библиотеке и даже библиотеке «Ханума», созданной из книг, прибывших вместе с академическими институтами из Москвы, литературы не хватало [17. С. 135]. В результате, как писал Б.Д. Греков в письмах к находившемуся на фронте А.Л. Сидорову, «самую пустяковую справку негде найти, топчешься из-за этого на одном месте, в конце концов приходится переключаться на другой сюжет, пока не наткнешься на то же препятствие» [12. С. 108]. Именно поэтому такие коллективные труды, как «История СССР» и «Всемирная история», являвшиеся ключевыми для членов Института истории в довоенный период, в годы эвакуации были оставлены ими практически без внимания. В качестве одного из вариантов решения проблемы недостатка необходимых источников и, следовательно, продолжения научных занятий эвакуированные ученые нередко рассматривали временное обращение к местному материалу. К примеру, именно так, согласно данным научной хроники, поступил С.Б. Веселовский, обратившийся к обследованию фондов ташкентских архивов и даже проводивший специальные архивоведческие занятия с местными архивистами [30. С. 149]. К изучению узбекского языка с целью обратиться к истории Узбекистана в древности уже в январе 1942 г. приступил известный востоковед В.И. Авидиев, признававшийся, правда, в письмах к А.И. Яковлеву, что эта затея оказалась не слишком успешной [42. С. 438, 442].

Для сотрудников Института истории АН СССР период эвакуации оказался относительно недолгим: весной–летом 1943 г. большинство историков вернулись в Москву. Однако ни для ученых, ни для академических структур эти годы не прошли бесследно. Вероятно, одно из первых последствий, о котором стоит сказать, связано с дальнейшим закреплением за Москвой статуса главного академического центра страны, где должны были оказаться сосредоточены основные институты АН СССР. И хотя историков данные процессы не коснулись, их ближайшие коллеги – археологи и этнографы – оказались в эпицентре реорганизационных процессов, связанных с перемещением руководящих структур Института истории материальной культуры и Института этнографии из Ленинграда в Москву. В то же время эвакуация повлияла на кадровую структуру многих гуманитарных институтов. Полагаем, что возможность относительно быстрой и менее формализованной защиты диссертаций ускорила немало академических карьер. Наконец, в работе историков стало заметно некоторое изменение тематики, когда история местных республик сохраняла свою актуальность и после 1945 г. В то же время общие механизмы организации научной работы сотрудников и Института истории, и других академических структур, в целом, остались неизменными и претерпели некоторую эволюцию уже в послевоенный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдей Г.Д. Историк и война. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991. 264 с.
2. Хаминов Д.В. Историческая наука и историки тыла в экстремальных условиях военного времени (на примере Сибири 1941–1945 гг.) // Русин. 2015. № 2. С. 210–226.
3. Хорошенкова А.В. Развитие высшего исторического образования в Нижнем Поволжье в годы Великой Отечественной войны // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 4. С. 214–218.
4. «...и мучилась, и работала невероятно». Дневники М.В. Нечкиной / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Е.Р. Курапова ; отв. ред. Е.И. Пивовар. М. : РГГУ, 2013. 824 с.
5. Тункина И.В. Академические архивисты и ленинградские ученые в годы блокады // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2010. СПб. : Наука, 2011. С. 79–91.
6. Чистиков А.Н. ЛОИИ и Великая Отечественная война // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2. С. 316–329.
7. Историк и время. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова / под ред. Ю.С. Кукушкина. М. : Издательство РУДН ; Мосгорархив, 2000. 360 с.
8. Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка. 2-е изд., доп. М. : Наука, 1979. 167 с.
9. Научный архив ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 133.
10. Дружинин Н.М. Труд и быт эвакуированных историков в 1941–1943 гг. // В годы войны: статьи и очерки / под ред. А.М. Самсонова. М. : Наука, 1985. С. 25–30.
11. Научный архив ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 177.
12. Бухерт В.Г. «В эти грозные дни надо быть вместе». Письма академика Б.Д. Грекова. 1941–1944 гг. // Великая Отечественная война в современном общественно-историческом сознании (историческая память, восприятие, увековечение) : материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. Е.И. Пивовар. М. : Архив РАН, 2016. С. 95–114.
13. Василий Алексеевич Городцов: Дневники. 1928–1944: в 2 кн. / сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых ; отв. ред. П.Г. Гайдуков, А.Д. Яновский. М. : Триумф-принт, 2015. Кн. 2: 1936–1944. Приложения. 695 с.
14. Вклад историков в сохранение памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / А.Г. Гуськов и др. ; под ред. С.В. Журавлева. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. 383 с.
15. П.О. Московская группа Института истории Академии наук СССР // Исторический журнал. 1942. № 3–4. С. 150.
16. Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М. : РГГУ, 2020. 469 с.
17. «... твои письма – документ незабываемого времени...». Из эпистолярного наследия Е.Э. Бломквист. 1942–1945 / подг. текста, предисл., комм. Е.Н. Груздевой. СПб. : Реноме, 2013. 390 с.
18. Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками / под ред. С.А. Левиной, Б.В. Левшина ; сост. Л.Г. Дубинская, А.М. Дубровский. М. : Древлехранилище, 2001. 528 с.
19. Абсеметов М.О. Востоковеды АН СССР в период эвакуации на курорте Боровое в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 32–35.
20. Абсеметов М.О. Деятельность эвакуированных ученых в Казахской ССР в 1941–1945 : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Томск, 2017. 34 с.
21. Фаворская Т.А. Фаворские. Жизнь семьи университетского профессора. 1890–1953. Воспоминания / под ред. А.Ю. Дворниченко ; вст. ст. А.Ю. Дворниченко, Е.А. Ростовцева. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2019. 781 с.
22. Переписка Н.М. и Е.И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями / сост. В.Г. Бухерт. М. : Памятники исторической мысли, 2018. 467 с.
23. Ярославский Ем. М. О ближайших задачах исторической науки в СССР // Исторический журнал. 1942. № 6. С. 17–24.
24. Нечкина М.В. Лекции в дни войны // В годы войны: статьи и очерки / под ред. А.М. Самсонова. М. : Наука, 1985. С. 31–41.
25. Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. 424 с.
26. Панкратова А.М. Преподавание истории СССР в средней школе в дни Отечественной войны против германского фашизма // Исторический журнал. 1942. № 5. С. 145–152.
27. Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны : методическое пособие для учителей средних школ Казахской ССР / под ред. А. М. Панкратовой. Алма-Ата : Наркомпрос Каз. ССР, 1942.
28. Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны : метод. пособие для учителей средней школы Узбекской ССР / под ред. Е.А. Косминского и др. Ташкент : Госиздат УзССР, 1942. Вып. 1–4.
29. Авдиев В.И., Косминский Е.А., Ефимов А.В. Преподавание всеобщей истории в средней школе в дни Отечественной войны против германского фашизма // Исторический журнал. 1942. № 3–4. С. 122–129.
30. И.К. Советские историки в дни Отечественной войны // Исторический журнал. 1942. № 3–4. С. 148–150.
31. Смирнов И.И. Институт истории Академии наук СССР // Исторический журнал. 1942. № 7. С. 153.
32. История народов Узбекистана : в 2 т. Т. 2: От образования государства Шейбанидов до Октябрьской Революции / под ред. С.В. Бахрушина и др. Ташкент : Изд-во Академии наук УзССР, 1947. 514 с.
33. История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней / под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. Алма-Ата : КазОГИЗ, 1943.
34. Абсеметов М.О. Вклад академика А.М. Панкратовой в историческую науку Казахстана // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 18–22.
35. Научный архив ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180.
36. Научный архив ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 178.
37. Штейнберг Л. Историческая наука в Туркменской ССР в дни Великой Отечественной войны // Исторический журнал. 1943. № 7. С. 105–106.
38. Никольская Р.А. Воспоминания. Харьков : Права людини, 2013. 304 с.
39. Ивашин А. Юбилейная сессия АН СССР // Исторический журнал. 1942. № 12. С. 99–101.
40. Двадцать пять лет исторической науки в СССР : сб. ст. / под ред. В.П. Волгина и др. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук Союза ССР, 1942. 288 с.
41. Летопись Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. А.М. Панкратовой, Г.Д. Костомарова. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1942. 147 с.
42. Тихонов В.В. «... Древний Восток в своих пережитках встречается на каждом шагу»: письма египтолога В.И. Авдиева из Ташкента (1941–1943 гг.) // Мир историка : историографический сборник / под ред. В.П. Корзун и др. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. Вып. 12. С. 433–444.

Статья представлена научной редакцией «История» 17 декабря 2020 г.

The Academic Science in Evacuation: The Institute of History of the Academy of Sciences of the Soviet Union in 1941–1943

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 139–146.

DOI: 10.17223/15617793/472/17

Olga V. Metel, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: olgametel@yandex.ru

Keywords: Institute of History of the Academy of Sciences of the Soviet Union; World War II; evacuation; Soviet historiography; scientific everyday life.

The study is supported by Grant No. MK-309.2020.6 of the president of the Russian Federation.

The article explores the scientific work of historians of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences who were in evacuation in 1941–1943. The author employed a wide range of historical sources in the study: letters, memories, scientists' diaries, materials of scientific journals, office documents, scientific works. The author used traditional methods of historical analysis: historical-genetic and comparative-historical. At the first stage of the study, the author considered the circumstances of the evacuation of the Institute of History and identified the main centers where historians were sent from Moscow. These cities were Kazan, Yekaterinburg, Almaty, Tomsk, and other cities. Tashkent was the main center of the Institute of History during the evacuation. At the second stage, the author studied scientists' living conditions during the evacuation (in Tashkent and Almaty). At the third stage, the author analyzed the main directions of historians' work during the evacuation. Historians of the Institute of History worked in two main directions during the evacuation: solving the tasks set by the battlefield and the host republics, and continuing their own research. During the war, historians gave pop-science lectures in hospitals, factories, and prepared pop-science works that told about the past wars of the Russian people. In Tashkent and Almaty, evacuated historians began writing works on the history of Uzbekistan and Kazakhstan. During the war, historians of the Institute of History paid much attention to the teaching of historical subjects. Groups of historians of the Institute in Tashkent and Almaty prepared handbooks for secondary school teachers and gave lectures for teachers. During the evacuation, Moscow historians sought to return to their collective and individual research projects. However, since they could not take all their materials with them, they could not fully implement their plans. For example, S.B. Veselovsky in Tashkent asked his colleagues who remained in Moscow to help him get books from his personal library. Despite this, many employees of the Institute of History in Tashkent or Almaty wrote some articles and monographs, finished working on the texts of candidate and doctoral dissertations and even defended them. The evacuation affected Moscow historians and local scientific schools. Strong contacts were established between them. In addition, the evacuation had a serious impact on the structure of the Soviet academic science. The evacuation ensured the status of the main center of the Soviet academic science for Moscow.

REFERENCES

1. Burdey, G.D. (1991) *Istoriik i voyna* [Historian and War]. Saratov: Saratov State University.
2. Khaminov, D.V. (2015) Historical science and historians of the home front in extreme wartime conditions (on example of Siberia 1941–1945). *Rusin*. 2. pp. 210–226. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/40/13
3. Khoroshenkova, A.V. (2018) Development of higher historical education in the Lower Volga region during the Great Patriotic War. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4. pp. 214–218. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/402/3
4. Pivovarov, E.I. (ed.) (2013) "...i muchilas", i rabotala neveroyatno". *Dnevnik M.V. Nechkinoy* ["... suffered, and worked incredibly." Diaries of M.V. Nechkinina]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
5. Tunkina, I.V. (2011) Akademicheskie arkhivisty i leningradskie uchentye v gody blokady [Academic archivists and Leningrad scientists during the blockade]. In: *Trudy Ob'edinennogo nauchnogo soveta po gumanitarnym problemam i istoriko-kul'turnomu naslediyu. 2010* [Proceedings of the Joint Scientific Council on Humanitarian Problems and Historical and Cultural Heritage. 2010]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 79–91.
6. Chistikov, A.N. (2015) LOII and the Great Patriotic War. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal – Petersburg Historical Journal*. 2. pp. 316–329. (In Russian). DOI: 10.51255/2311-603X-2015-00035
7. Kukushkin, Yu.S. (ed.) (2000) *Istoriik i vremya. 20–50-e gody XX veka. A.M. Pankratova* [The Historian and Time. 1920s–1950s. A.M. Pankratova]. Moscow: Izdatel'stvo RUDN; Mosgorarkhiv.
8. Druzhinin, N.M. (1979) *Vospominaniya i mysli istorika* [Memoirs and Thoughts of a Historian]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
9. Scientific Archive of Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences. Fund 1. List 1. File 133.
10. Druzhinin, N.M. (1985) Trud i byt evakuirovannykh istorikov v 1941–1943 gg. [The work and life of evacuated historians in 1941–1943]. In: Samsonov, A.M. (ed.) *V gody voyny: stat'i i ocherki* [In Time of War: Articles and essays]. Moscow: Nauka. pp. 25–30.
11. Scientific Archive of Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences. Fund 1. List 1. File 177.
12. Bukhert, V.G. (2016) ["In these terrible days we must be together." Letters of Academician B.D. Grekov. 1941–1944.]. *Velikaya Otechestvennaya voyna v sovremennoy obshchestvenno-istoricheskoy soznaniy (istoricheskaya pamyat', vospriyatie, uvekovechenie)* [The Great Patriotic War in the modern socio-historical consciousness (historical memory, perception, perpetuation)]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow. 16 May 2016. Moscow: Arkhiv RAN. pp. 95–114. (In Russian).
13. Gaydukov, P.G. & Yanovskiy, A.D. (eds) (2015) *Vasily Alekseevich Gorodtsov: Dnevnik. 1928–1944* [Vasily Alekseevich Gorodtsov: Diaries. 1928–1944]. Vol. 2. Moscow: Triumf-print.
14. Zhuravlev, S.V. (ed.) (2015) *Vklad istorikov v sokhraneniye pamyati o Velikoy Otechestvennoy voyne. Na materialakh Komissii po istorii Velikoy Otechestvennoy voyny AN SSSR, 1941–1945 gg.* [Contribution of historians to the preservation of the memory of the Great Patriotic War. Based on the materials of the Commission on the History of the Great Patriotic War of the USSR Academy of Sciences, 1941–1945]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
15. P.O. (1942) Moskovskaya gruppa Instituta istorii Akademii nauk SSSR [Moscow group of the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR]. *Istoriicheskiy zhurnal*. 3–4. P. 150.
16. Dolgova, E.A. (2020) *Rozhdeniye sovetsoy nauki: ucheniye v 1920–1930-e gg.* [The Birth of Soviet Science: Scientists in the 1920s–1930s]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
17. Gruzdeva, E.N. (ed.) (2013) "... tvoi pis'ma – dokument nezabyvaemogo vremeni..." *Iz epistolyarnogo naslediya E.E. Blomkvist. 1942–1945* ["... your letters are a document of an unforgettable time ...". From the epistolary heritage of E.E. Blomquist. 1942–1945]. Saint Petersburg: Renome.
18. Levina, S.A. & Levshin, B.V. (eds) (2001) *Perepiska S.B. Veselovskogo s otechestvennymi istorikami* [Correspondence of S.B. Veselovsky with Russian Historians]. Moscow: Drevlekhranilishche.
19. Absemetov, M.O. (2017) As USSR orientalist in Borovoe during the Great Patriotic War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 415. pp. 32–35. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/415/5
20. Absemetov, M.O. (2017) *Deyatel'nost' evakuirovannykh uchennykh v Kazakhskoy SSR v 1941–1945* [Activity of evacuated scientists in the Kazakh SSR in 1941–1945]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.

21. Favorskaya, T.A. (2019) *Favorskie. Zhizn' sem'i universitetskogo professora. 1890–1953. Vospominaniya* [Favorskiye. The life of a university professor's family. 1890–1953. Memoirs]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
22. Bukhert, V.G. (ed.) (2018) *Perepiska N.M. i E.I. Druzhininykh s istorikami, literaturovedami, pisatelyami* [Correspondence of N.M. and E.I. Druzhinins with historians, literary critics, writers]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
23. Yaroslavskiy, Em.M. (1942) O blizhayshikh zadachakh istoricheskoy nauki v SSSR [On the immediate tasks of historical science in the USSR]. *Istoricheskiy zhurnal*. 6. pp. 17–24.
24. Nechkina, M.V. (1985) Lektsii v dni voyny [Lectures during the war]. In: Samsonov, A.M. (ed.) *V gody voyny: stat'i i ocherki* [In Time of War: Articles and essays]. Moscow: Nauka. pp. 31–41.
25. Tikhonov, V.V. (2016) *Ideologicheskie kampanii "pozdnego stalinizma" i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh – 1953 g.)* [Ideological Campaigns of "Late Stalinism" and Soviet Historical Science (mid 1940s – 1953s)]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
26. Pankratova, A.M. (1942) Prepodavanie istorii SSSR v sredney shkole v dni Otechestvennoy voyny protiv germanskogo fashizma [Teaching the history of the USSR in secondary school in the days of the Patriotic War against German fascism]. *Istoricheskiy zhurnal*. 5. pp. 145–152.
27. Pankratova, A.M. (ed.) (1942) *Prepodavanie istorii v usloviyakh Velikoy Otechestvennoy voyny* [Teaching History in the Conditions of the Great Patriotic War]. Alma-Ata: Narkompros Kaz. SSR.
28. Kosminskiy, E.A. et al. (eds) (1942) *Prepodavanie istorii v usloviyakh Velikoy Otechestvennoy voyny* [Teaching History in the Conditions of the Great Patriotic War]. Vols. 1–4. Tashkent: Gosizdat UzSSR.
29. Avdiev, V.I., Kosminskiy, E.A. & Efimov, A.V. (1942) Prepodavanie vseobshchey istorii v sredney shkole v dni Otechestvennoy voyny protiv germanskogo fashizma [Teaching universal history in secondary school during the Patriotic War against German fascism]. *Istoricheskiy zhurnal*. 3–4. pp. 122–129.
30. I.K. (1942) Sovetskie istoriki v dni Otechestvennoy voyny [Soviet historians in the days of the Patriotic War]. *Istoricheskiy zhurnal*. 3–4. pp. 148–150.
31. Smirnov, I.I. (1942) Institut istorii Akademii nauk SSSR [Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR]. *Istoricheskiy zhurnal*. 7. P. 153.
32. Bakhrushin, S.V. et al. (eds) (1947) *Istoriya narodov Uzbekistana* [History of the peoples of Uzbekistan]. Vol. 2. Tashkent: UzSSR AS.
33. Abdykalykov, M. & Pankratova, A. (eds) (1943) *Istoriya Kazakhskoy SSR s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The history of the Kazakh SSR from ancient times to the present day]. Alma-Ata: KazOGIZ.
34. Absemetov, M.O. (2016) Academician A.M. Pankratova, a researcher of the history of Kazakhstan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 402. pp. 18–22. (In Russian).
35. Scientific Archive of Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences. Fund 1. List 1. File 180.
36. Scientific Archive of Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences. Fund 1. List 1. File 178.
37. Shteynberg, L. (1943) Istoricheskaya nauka v Turkmenskoy SSR v dni Velikoy Otechestvennoy voyny [Historical Science in the Turkmen SSR during the Great Patriotic War] *Istoricheskiy zhurnal*. 7. pp. 105–106.
38. Nikol'skaya, R.A. (2013) *Vospominaniya* [Memoirs]. Kharkiv: Prava lyudini.
39. Ivashin, A. (1942) Yubileynaya sessiya AN SSSR [Jubilee session of the USSR Academy of Sciences]. *Istoricheskiy zhurnal*. 12. pp. 99–101.
40. Volgin, V.P. et al. (eds) (1942) *Dvadsat' pyat' let istoricheskoy nauki v SSSR* [Twenty-five years of historical science in the USSR]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
41. Pankratov, A.M. & Kostomarov, G.D. (eds) (1942) *Letopis' Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii* [Chronicle of the great October socialist revolution]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
42. Tikhonov, V.V. (2019) "...Drevniy Vostok v svoikh perezhitiyakh vstrechaetsya na kazhdom shagu": pis'ma egiptologa V.I. Avdieva iz Tashkenta (1941–1943 gg.) ["... the Ancient East in its remnants found at every turn": the letters Egyptologist V. I. Avdeev from Tashkent (1941–1943)]. In: Korzun, V.P. et al. (eds) *Mir istorika* [The World of the historian]. Omsk: Omsk State University. Vol. 12. pp. 433–444.

Received: 17 December 2020

«ПАРТИЯ НАША – ЭТО НАУКА»: К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ И ПОСЛЕДСТВИЯХ ПАРТИЙНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННУЮ НАУКУ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Рассматриваются политико-идеологические факторы партийного вмешательства в сельскохозяйственное научное знание, обусловленные имеющими место представлениями о взаимосвязи биологических и социальных процессов. Сделан вывод, что «внешние» воздействия на науку отрицательно сказывались на положении дел в сельском хозяйстве, а также вели к формированию как «зависимого» от партийных установок стиля поведения ученых, так и антинаучной психологии у производственников.

Ключевые слова: аграрная наука; сельское хозяйство; КПСС; научно-производственная интеграция; СССР

Научно-производственная интеграция в сельском хозяйстве СССР имела весьма противоречивый характер. С одной стороны, в результате активной государственной политики была создана разветвленная и довольно четко структурированная сеть аграрных научных учреждений, сформированы специализированные научно-внедренческие структуры, с другой – применение научных рекомендаций в производстве так и не приобрело массового, повсеместного характера, имел место «очаговый» эффект воздействия науки на сельскохозяйственное производство. Как считают ученые, невысокие темпы роста сельскохозяйственного производства в СССР в значительной мере определялись медленными темпами интенсификации аграрной отрасли [1. С. 296]. Сложившаяся в Советском Союзе система административно-командных методов руководства сельским хозяйством тормозила научно-производственную интеграцию в отрасли. Крайней формой администрирования было вмешательство партийных органов в содержательные аспекты аграрной науки. В исследовательской литературе отмечается данное обстоятельство. «К голосу ученых не всегда прислушиваются власть предержащие, часто принимающие волевые решения, далекие от научных рекомендаций. А было время, когда пытались заставить науку задним числом “обосновать” эти волевые решения, часто разрушительные для экономики страны и дискриминационные для народа», – писал известный ученый и организатор аграрной науки академик А.А. Никонов [2. С. 6]. Однако исчерпывающего объяснения феномену партийного вмешательства в сельскохозяйственное научное знание в исследовательской литературе не дается, не проанализированы его причины и последствия. В целях исправления сложившейся историографической ситуации и предлагается данная статья.

После Октября 1917 г. перед страной во всю ширь встали проблемы модернизации всех сфер жизни. Именно наука рассматривалась руководителями страны в качестве одного из главных катализаторов процессов развития. По мысли создателя Советского государства В.И. Ленина, именно «союз представителей науки, пролетариата и техники» должен был обеспечить успешное строительство нового общества [3. С. 189].

Изначально научная политика в СССР совершенно не предполагала вмешательства правящей партии в сфе-

ру научного знания (естественно, это касалось негуманитарных наук). Однако в августе 1948 г. партия заняла вполне определенную позицию в научном споре о природе наследственности, встав на сторону группы Т.Д. Лысенко. История эта, конечно же, не обойдена вниманием исследователей. Одни, являясь приверженцами тоталитарной концепции истории советской науки, объясняют данный феномен злой волей «многорукой и многоликой партии коммунистов... словно гигантский спрут душившей народы Советского Союза – всех жителей в целом и каждого поодиночке» и, соответственно, стремившейся уничтожить и генетику [4. С. 632]. Другие связывают данное явление с развернувшейся после окончания войны борьбой за власть в окружении Сталина [5. С. 242]. По мысли третьих, историческая необходимость развития всего научного фронта при острой нехватке средств и обусловила партийную поддержку только одного из направлений в агробиологии [6. С. 240]. Однако чтобы сложилось сколько-нибудь целостное представление о феномене вмешательства партии в сельскохозяйственную науку, необходимо использовать возможности различных исторических подходов, и в частности историко-антропологического. Суть данного подхода в «очеловечении» истории, в осмыслении социальных ориентиров и ценностей народа, идеологических и мировоззренческих установок, характерных для различных периодов и эпох и оказывающих влияние на направление исторического процесса [7. С. 186]. Целью данной статьи и является изучение партийного вмешательства в сельскохозяйственное научное знание, а также последствий этого вмешательства через призму историко-антропологического подхода.

При подготовке данного материала использовались, главным образом, архивные материалы из фондов аппарата ЦК ВКП(б) и ЦК КПСС Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), большинство из которых вводится в научный оборот впервые.

Роль политико-идеологический фактора в истории партийного вмешательства в сельскохозяйственное научное знание нашла отражение в мемуарах Ю.А. Жданова. Его суждения для нас весьма важны, поскольку это был человек, тесными родственными узами связанный с высшим советским руководством (сын А.А. Жданова и зять И.В. Сталина), с одной сто-

роны, а также имеющий обширные связи в научной среде как курирующий вопросы науки в ЦК ВКП(б) на рубеже 1940–1950-х гг. – с другой. Ю.А. Жданов так характеризовал общественные взгляды того времени на ситуацию в биологии: «Споры вокруг биологии в период поисков исторических путей и нарастающих революционных движений приобретали характер все более и более политический, фактически отражали определенные идейные и классовые установки, позиции общественных групп и слоев... В предреволюционную и революционную эпоху сторонники преобразования общества естественно ищут себе поддержку и в природных закономерностях» [8. С. 246–247]. Следовательно, признание определяющей роли внешней среды на формирование наследственности сельскохозяйственных культур и животных служило обоснованием возможности общественной трансформации на социалистических основаниях при условии изменения общественного базиса. Вероятно, этим и объясняется то, что среди ученых, исследующих проблемы наследственности, было значительное количество членов партии, в том числе и с дореволюционным стажем, и для них как сторонников социалистического преобразования общества признание принципа унаследования благоприобретенных признаков считалось обязательным [9. С. 84].

Необходимо указать на любопытный документ, также дающий представление о «течении мыслей» в то время. В мае 1954 г. в ЦК КПСС на имя Н.С. Хрущева поступило письмо с изложением «новой теории развития природы». Автор письма, назвавшийся «коммунистом, проработавшим в партии более 34 лет», выступил с критикой эволюционной теории Ч. Дарвина, поскольку, по его мнению, «теория отбора – субъективистская буржуазная теория, которая принцип силы возвела в закон развития, бизнес в цель жизни, а борьбы или войну в средство для достижения своих целей индивидуумов, в источник развития» [10. Л. 65]. Автор отрицает господство индивидуализма в природе и заключает, что «в действительности основным звеном развития живой природы, героем ее истории был вид как общность, т.е. коллектив» [10. Л. 66]. Таким образом автором письма к советскому лидеру природные явления приводятся в соответствие с принципами организации советского общества. Любопытно, что в конце XIX в. лидер анархо-коммунистического направления П.А. Кропоткин для обоснования своей политической концепции занимался формулированием закона взаимной помощи и солидарности как всеобщего биосоциологического закона [11. С. 464, 466, 470].

Лорен Грэхэм, известный американский историк науки, писал: «Я уверен в том, что наступит время, когда роль естественных наук в идеологии русской революции и установившегося потом режима будет рассматриваться как самая необычная черта этой идеологии. Другие великие политические революции Нового времени (подобно революциям в Америке, Франции и Китае) уделяли известное внимание науке, однако ни одна из них не породила систематическую идеологию относительно физической и биологической природы, как это случилось в результате русской революции» [12. С. 8]. Конечно, трудно согласиться с Л. Грэхэмом в том, что в СССР была выработана «си-

стематическая идеология» о взаимосвязи биологических и социальных процессов, однако приведенный выше материал позволяет признать, что подобные воззрения имели своих сторонников и, естественно, оказывали влияние на их практическую деятельность.

Таким образом, вмешательство партийных структур в содержательные аспекты аграрной науки на рубеже 1940–1950-х гг. в определенной степени было вызвано распространенными представлениями о взаимосвязи биологических и социальных процессов, и в первую очередь это касалось проблем наследования благоприобретенных признаков. Однако подобное вмешательство имело и свои последствия: оно сформировало некий алгоритм действия партийной бюрократии, полагавшей, что отныне партия может и должна выступать в роли «главного контролера» в чисто научных вопросах.

Это было продемонстрировано практически сразу в связи с ситуацией вокруг травопольной системы земледелия. В этой системе, разработанной в довоенное время считавшимся «законодателем моды» в сельском хозяйстве академиком В.Р. Вильямсом, восстановление плодородия предполагалось осуществлять за счет введения в севообороты значительного клина сеяных трав. Травопольная система земледелия, по мысли ее творца, позволяла не только повысить плодородие почвы, но и существенно увеличить кормовую базу животноводства. Постепенное сокращение посевных площадей под растениеводческую продукцию планировалось компенсировать вовлечением в севообороты залежи. Однако по причине чрезмерной централизации управления аграрной отраслью от внедрения травопольной системы земледелия не получили должного эффекта. Вместе с тем вопросы практического применения этого учения, с учетом всего многообразия природно-климатических условий различных районов страны, были детально не проработаны и их можно было рассматривать лишь как научные гипотезы, нуждавшиеся в дополнительной разработке, проверке и уточнении. Поэтому в научной среде вызревает критическое отношение к данной системе. На созванных в начале лета 1950 г. союзными министерствами сельского хозяйства и высшего образования совещаниях по проблемам сельскохозяйственной науки критические выступления в отношении травопольной системы не были редкостью.

Одновременно и практические работники сельского хозяйства стали относиться к травопольной системе земледелия более настороженно. В мае 1950 г. Главным государственным инспектором по определению урожайности Б. Савельевым в письме Г.М. Маленкову было внесено предложение о проведении в печати дискуссии по ряду положений учения В.Р. Вильямса [13. Л. 75–77], а в структурах министерства сельского хозяйства СССР приступили к подготовке проекта постановления ЦК ВКП(б) «Об учении академика Вильямса В.Р. о травопольной системе земледелия», выдержанного в критическом духе [13. Л. 82–87]. Показательно, что на озабоченность ученых и практиков сельского хозяйства сложившейся ситуацией в отрасли партийная бюрократия отреагировала весьма своеобразно. В высших партийных органах «поведение» ученых, не санкционированное свыше,

было определено как «неправильное» [13. Л. 75–77] и эта важнейшая научно-производственная проблема не получила своего разрешения. К ее обсуждению вернулись только тогда, когда развернулось массовое освоение целинных и залежных земель.

Смена власти в СССР в 1953 г. не привела к изменению алгоритма поведения партийных работников по отношению к аграрной науке. В отношении партии к сельскохозяйственной науке оттепель так и не наступила. Однако в отличие от предшественников, идеологическая подоплека, обусловившая вмешательство партии в содержательные аспекты сельскохозяйственной науки в предшествующие годы, новую генерацию партийных работников волновала мало. Для Н.С. Хрущева было характерно чисто потребительское отношение к сельскохозяйственной отрасли, целостного понимания и осознания ее специфики у него не было. Во время одного сельскохозяйственного совещания он заявил: «Мне хоть бы черт, лишь бы яйца нес... Нам нужна такая система земледелия, которая дает больше хлеба и других продуктов» [14. С. 23]. И данный утилитарный подход обусловил поддержку со стороны нового советского лидера тех ученых, которые были талантливы в придумывании «чертей, несущих яйца». Вне конкуренции в данном отношении был академик Т.Д. Лысенко, который, по свидетельству современника, выдавал «ослепительный фейерверк практических предложений...» [15. С. 26]. Многочисленные письма в ЦК КПСС, адресованные лично Н.С. Хрущеву, от ученых, обеспокоенных ситуацией в аграрной науке и производстве, как правило, им не читались, а переадресовывались аппарату с указанием «рассмотреть письма ученых о положении в сельскохозяйственной науке и подготовить предложения» [16. Д. 34. Л. 1].

Что касается партийного аппарата, то он, прекрасно ориентируясь в «научных» симпатиях и антипатиях первого лица, следуя «партийной» линии, оказывал всяческую поддержку симпатизантам и, напротив, критиковал их оппонентов. Например, в октябре 1953 г. директору Чувашской селекционной станции Я. Лукьяненко на приеме в обкоме партии было заявлено о недопустимости критического отношения к приемам «яровизации, солнечного обогрева, дополнительного опыления», так как они «апробированы партией и правительством» [17. Л. 31]. В письме на имя Г.М. Маленкова Я. Лукьяненко просил последнего нормализовать ситуацию в отношении аграрной науки, «а то дело борьбы за высокий урожай и высокую продуктивность животноводства от этого сильно страдает, тормозится» [17. Л. 32].

В лучшем случае, отношение партийной бюрократии к оппонентам Т.Д. Лысенко «ограничивалось общей неделовой поддержкой» [18. Д. 516. Л. 8]. Со стороны ученых представители партийного аппарата получили характеристику как «Молчалины нового типа», которые «потеряют шанс стать статскими советниками, если вдруг приобретут собственное мнение, расходящееся с традицией» [18. Д. 418. Л. 253, 256].

Для выяснения взглядов партийных работников на сельскохозяйственную науку весьма показательна дискуссия второй половины 1950-х гг. между ученым-биологом А.А. Любищевым и инструктором сельско-

хозяйственного отдела ЦК КПСС В.П. Орловым. Важно, что этих людей связывали теплые человеческие отношения, они уважительно относились друг к другу. В.П. Орлов высоко оценивал перед коллегами – партийными функционерами своего оппонента как выдающегося ученого и преданного Родине человека [15. С. 147]. А.А. Любищев, в свою очередь, считал В.П. Орлова редким в партийной среде человеком, «искренне стремящимся найти истину» и не проявляющим «никакой чрезмерной почтительности перед авторитетами» [15. С. 133].

Тем не менее дискуссия о роли партии в развитии аграрной науки приобрела настолько острый и бескомпромиссный характер, что едва не привела к разрыву отношений между этими людьми. А.А. Любищев критиковал В.П. Орлова как сторонника партийного вмешательства в научные вопросы [15. С. 133]. В.П. Орлов, уповая на классовый характер науки, отстаивал право партии на руководство наукой: «...партия наша – это наука», – писал он [15. С. 136]. Полемизируя со своим оппонентом, А.А. Любищев акцентировал внимание на том, что «в таком вопросе, как влияние удобрений на поля, классовый элемент отсутствует» [15. С. 139]. Важно отметить, что еще в мае 1954 г. в письме к Н.С. Хрущеву А.А. Любищев обозначил свое понимание партийности в науке. Для него партийность – это не распространенное в то время «искажение истины в политических интересах», а «предпочтение темам, связанным с разрешением великих проблем социалистического строительства и что при этом никакое искажение или замалчивание истины недопустимо» [18. Д. 464. Л. 5].

Именно присвоение партийным аппаратом несвойственных для него функций науки и обусловило формулирование в III Программе КПСС тезиса о поддержке «мичуринского направления в биологической науке, которое исходит из того, что условия жизни являются ведущими в развитии органического мира» [19. С. 174].

Партийные органы не только «санкционировали» разработку и применение тех или иных агроприемов, но и, по сути, «инициировали» их. Так, Н.С. Хрущев, после нескольких посещений КНР, находился под впечатлением китайского опыта, где сельское хозяйство ведется практически без паров. С его подачи Алтайский научно-исследовательский институт сельского хозяйства в 1959 г. выступил с пропагандой «пропашной системы» земледелия с ликвидацией чистых паров и их заменой пропашными культурами [20]. Естественно, что пропашная система земледелия получила высокую оценку и поддержку партии и лично Н.С. Хрущева [21. С. 3] и с весны 1962 г. насаждается на территории Сибирского региона, что негативно отразилось на экономических показателях.

«Партийное руководство» сельскохозяйственной наукой в подобной форме вело к дезорганизации научно-исследовательской работы, формировало особый, «зависимый» от партийной бюрократии, стереотип поведения ученых. Президент АН СССР академик А.Н. Несмеянов в докладе на Московском активе ученых в 1957 г. говорил, что «надо расстаться с привычкой ожидать по всякому вопросу указаний сверху».

Дело самих ученых в результате конкретных исследований на основе творческого применения марксизма выявлять закономерности и новые явления в своей отрасли науки, а не ждать каких-либо руководящих указаний, чтобы затем их пересказать. Между тем привычка ждать официальной апробации стала распространяться и в естественных науках» [22].

«Подчинение» науки партийным установкам приводило к тому, что практика руководства сельским хозяйством приобретала все более бюрократический и централизованный характер. Секретари обкомов, по свидетельству современников, превратились в «тех же генерал-губернаторов, только с большими правами» [23. Л. 2]. Важные хозяйственные решения волевым порядком принимались в партийных инстанциях и спускались производственникам для исполнения. В сложившейся системе управления специалисты сельского хозяйства становились лишним звеном, выполняющая «роль козлов отпущения за плохие, неудовлетворительные итоги такого хозяйствования» [23. Л. 126].

Деформация партийных взглядов на сельскохозяйственную науку привела к смене алгоритма выполнения важнейших научно-производственных программ развития отрасли. Наиболее красноречиво об этом свидетельствует история освоения целины. Как известно, впервые вопрос о создании на востоке СССР новой зерновой базы был поставлен в практическую плоскость в ходе выездной сессии зерновой секции ВАСХНИЛ в Омске в июле 1936 г. Примечательно в данном случае то, что партийные структуры при обсуждении вопросов целинного освоения обратились, в первую очередь, к ученым. Участниками сессии были выдающиеся отечественные ученые (Н.И. Вавилов, Н.М. Тулайков, Г.Д. Карпеченко и др.), иностранные гости, а также ученые, представляющие регионы будущего целинного освоения – Сибирь и Казахстан. В результате обсуждения вопроса о масштабах освоения целины было решено создать «вторую Украину» на востоке Союза ССР за счет освоения 11 700 тыс. га в годы третьей пятилетки [24]. Рекомендации ученых нашли отражение в решениях XVIII съезда ВКП(б) [25. С. 65–66], однако в условиях нарастающей военной угрозы проблемы массового освоения целины отошли на второй план.

В середине 1950-х гг. вопросы освоения целинных и залежных земель уже решались совершенно по-иному. Советский лидер Н.С. Хрущев обратился на этот раз не к ученым, как это было сделано в 1936 г., а к представителям партийно-советской бюрократии: по его указанию предложения об увеличении производства зерна посредством распашки целинных земель внесли в ЦК КПСС министры сельского хозяйства СССР и РСФСР, секретарь крайкома партии и председатель крайисполкома из Алтайского края, секретарь Омского обкома КПСС [26].

В результате многие важные научные проблемы по отводу земель под целинное освоение, агротехнике их обработки были не решены. Правда, при подготовке материалов в Президиум ЦК КПСС по целинной проблематике Н.С. Хрущев опирался и на записку Т.Д. Лысенко о прогнозируемой урожайности на целинных и залежных землях [16. Д. 1. Л. 4]. Однако Лысенко специалистом по ведению сельского хозяй-

ства в степных и засушливых регионах страны не являлся. Насколько представители партийно-советской бюрократии, связанные жесткой партийной дисциплиной и иерархической соподчиненностью, отражали интересы «своих» регионов, заботились о рациональном построении хозяйства на целине, свидетельствует записка в ЦК КПСС секретаря Омского обкома, в которой предлагалось следующее: «Поскольку вовлекаемые под посев пшеницы площади исключаются из использования под кормовые, необходимо эту убыль в кормах восполнить предоставлением колхозам области в долговременное использование не менее 500 тысяч гектаров неиспользованных целинных земель Казахской ССР, прилегающих к границам области» [26]. В итоге принципиальным ученым, сторонникам научных подходов в деле целинного освоения пришлось «работать почти в одиночку и часто терпеть поражения» [27. С. 438].

На февральско-мартовском 1954 г. пленуме ЦК КПСС была определена начальная цифра в 13 млн га, которая, как мы видим, близка к намеченным показателям 1936 г., однако затем планы распашки были значительно увеличены – до 40 млн га [25. С. 84–86].

Последующий опыт освоения целины показал, что данные цифры являлись завышенными. В Казахстане, например, распахивались полупустынные и пустынные территории [28. С. 50]. В Алтайском крае подъем целины и залежей уже в 1954 г. во многих районах превысил площадь пригодных для освоения земель [29. С. 84].

Забвение аграрной науки обернулось эрозией почвы, черными бурями, огромными производственными потерями и людскими трагедиями. В итоге подобной партийной политики по «фруководству» сельскохозяйственной наукой, ухудшались не только производственные показатели в аграрной отрасли, но, что еще хуже, формировалась антинаучная психология у производственников. Практические работники, чтобы поддерживать свои хозяйства «на плаву», вынуждены были не столько следовать «научным рекомендациям», сколько уметь обходить их. Один из агрономов в письме Н.С. Хрущеву в середине 1950-х гг. отмечал, «что если бы мы точно выполняли все директивы, то на полях из-за чертополоха не видно было бы пшеницы» [16. Д. 34. Л. 42].

В нашей стране исторически политический фактор играл доминирующую роль. Поэтому нормализация в отношениях между партией и аграрной наукой началась после очередной смены власти в высших партийных органах в середине 1960-х гг. Процесс этот был весьма и весьма непростым. Партийным структурам следовало отказаться от «научных» функций, и роль партии, как полагали ученые, должна была сводиться к следующему: ставить перед учеными определенные задачи и поручать их определенным лицам, имеющим крупный научный авторитет; давать средства и требовать отчета в израсходовании; организовывать контроль за целесообразностью расходования средств [15. С. 203]. Как ни довели над партийными работниками стереотипы и традиции недавнего прошлого, все-таки проблема «партийного излишества» в аграрной науке постепенно решалась. Одновременно сельскохозяйственные научные учреждения освобождались от особого типа «открывателей» истины, которые действова-

ли по простому рецепту: «...методику надо засекретить, тема должна быть производственно актуальной, нужно заявить, что такой-то ранее признанный авторитет, желателен из иностранцев, вовсе не ученый, а враг науки и материализма» [18. Д. 419. Л. 62–63].

Усилия, предпринятые в указанных направлениях, привели к позитивному результату. По свидетельству ученых, в результате преобразований в сельскохозяйственной науке в 1970-е гг. начался «золотой этап», в частности в области селекции [30. С. 10]. Использование более гибких хозяйственных решений привело к появлению в стране мест, где успешно решались проблемы научно-производственной интеграции. Это были либо регионы, где бюрократизация управления отраслью присутствовала в меньшей степени (советские республики Прибалтики, которые к тому же и неплохо финансировались), либо «пилотные» регионы по реализации аграрных научно-производственных проектов (Молдавская ССР), либо места, где ученые и региональные руководители смогли наладить эффективное сотрудничество (например, Омская область). Однако данные процессы оказались не завершены, так как по времени совпали с нарастанием кризиса советской системы.

Таким образом, вмешательство партии в сельскохозяйственное научное знание было вызвано как ложными представлениями о взаимосвязи биологических и социальных процессов, так и стремлением изменить в лучшую сторону ситуацию в сельском хозяйстве посредством внедрения в производство обещающих быстрый экономический эффект «чудо-рекомендаций». Это вмешательство проявлялось в санкционировании тех или иных разработок, в инициировании «проектов», которые впоследствии получали «научное» обоснование, в бюрократизации реализации важнейших научно-производственных программ. Вследствие этого формировался «зависимый» от решений «сверху» стереотип поведения ученых, с одной стороны, и складывалась антинаучная психология у производителей – с другой. В результате ограничивались возможности научно-технического прогресса, ухудшались производственные показатели в сельскохозяйственной отрасли. Преодоление допущенных ошибок открыло возможности для интеграции аграрной науки и производства, однако негативный сценарий развития страны не позволил им реализоваться в полной мере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сельскохозяйственная практика: противоречия перестройки. М.: Агропромиздат, 1989. 444 с.
2. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. 574 с.
3. Ленин В.И. Речь на II Всероссийском съезде работников медико-санитарного труда 1 марта 1920 г. // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 40. С. 188–189.
4. Сойфер В.Н. Власть и наука (история разгрома коммунистами генетики в СССР). 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЧеРо, 2002. 691 с.
5. Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М.: Вагриус, 2007. 720 с.
6. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга вторая. От Великой Победы до наших дней. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 640 с.
7. Кром М.М. Историческая антропология: учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. СПб.; М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге: Квадрига, 2010. 214 с.
8. Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. 448 с.
9. Дубинин Н.П. Вечное движение. 3-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1989. 448 с.
10. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 5. Д. 34.
11. Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. 526 с.
12. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. 480 с.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 138. Д. 203.
14. Богатства земли – на службу Родине: Материалы совещания работников сельского хозяйства Сибири 25-26 ноября 1961 г. в г. Новосибирске. М.: Политиздат, 1962. 242 с.
15. Любимцев А.А. В защиту науки: Статьи и письма. Л.: Наука, 1991. 295 с.
16. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45.
17. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 24. Д. 574.
18. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17.
19. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988): в 15 т. Т. 10: 1961–1965. М.: Политиздат, 1986. 493 с.
20. Сельское хозяйство. 1959. 1 декабря.
21. Наливайко Г.А. Пропащная система земледелия. Барнаул: Алт. книж. изд-во, 1962. 178 с.
22. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 52. Л. 100–101.
23. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 263.
24. Омская правда. 1936. 1 августа.
25. Куликов В.И. Исторический опыт освоения новых земель. М.: Мысль, 1978. 253 с.
26. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 24. Д. 538. Л. 23.
27. Орловский Н.В. Страницы истории аграрной науки XX века (воспоминания ученого). Новосибирск: РАСХН, Сиб. отд-е, 1999. 440 с.
28. Кузьмин М.А. Освоение целинных земель и современная аграрная реформа в Казахстане // Вестник Московского университета: География, серия 5. 2004. № 3. С. 48–54.
29. Освоение целинных и залежных земель в 1954 году. Материалы совещания при Академии наук СССР по итогам и перспективам научно-исследовательских работ в области освоения целинных земель (21–26 февраля 1955 г.). М.: АН СССР, 1956. 388 с.
30. Сборник научных работ, посвященных 170-летию Сибирской аграрной науки. II том. Селекция и семеноводство, механизация. Омск: Фракта, 1998. 165 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 апреля 2021 г.

“Our Party Is Science”: On the Causes and Consequences of the Party’s Interference in Agricultural Science in the Soviet Union

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 147–152.

DOI: 10.17223/15617793/472/18

Aleksandr V. Rychkov, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: alex-rychkov@mail.ru

Keywords: agricultural science; agriculture; Communist Party of Soviet Union; research and production integration; USSR.

Through the prism of the historical and anthropological approach, which presupposes the important role of ideological and worldview factors in the life of society, the article examines the reasons for party interference in agricultural scientific knowledge and analyzes its consequences. Initially, this interference was caused by the ideas existing in society about the relationship between biological and social processes, which led to the party structures' support of scientists who defended the decisive influence of the external environment on the formation of heredity of crops and animals. These ideas were considered as an additional justification for the possibility of social transformation on socialist grounds, provided that the social basis changes and the individualistic psychology in people's minds is overcome. However, the precedent of "ideological" interference in agricultural science served as the basis for further steps in this direction and on problems that did not have a political and ideological "sound". Party interference in the field of agricultural scientific knowledge manifested itself in the authorization of certain developments, in the initiation of "projects" that subsequently received "scientific" substantiation, in the bureaucratization of the implementation of the most important scientific and production programs, as happened with the program for the development of virgin and fallow lands. At the same time, the ideological factor gradually lost its significance, and a utilitarian approach was established in the party's attitude to agricultural science, the essence of which was as follows: the party will support the one who "promises" more. As a result of party interference in scientific knowledge, a stereotype of the behavior of scientists "dependent" on decisions "from above" was formed, which affected not only the agrarian science, but also other natural sciences. At the same time, an anti-scientific psychology was formed among production workers, who were forced not so much to follow scientific recommendations as to evade their implementation. As a result, the possibilities of scientific and technological progress were limited, production indicators in the agricultural sector worsened. Overcoming the mistakes made since the mid-1960s opened up opportunities for accelerating the integration of agricultural science and production. In the USSR, there appeared specific "oases" of agrarian well-being, with quite "harmonious" relations between agricultural science and production. However, the negative scenario of the country's development did not allow the positive trends that had been identified to be fully realized.

REFERENCES

1. Lisitsyna, O.L. (ed.) (1989) *Sel'skokhozyaystvennaya praktika: protivorechiya perestroiki* [Agricultural practice: contradictions of perestroika]. Moscow: Agropromizdat.
2. Nikonov, A.A. (1995) *Spiral' mnogovekovoy dramy: agrarnaya nauka i politika Rossii (XVIII–XX vv.)* [Spiral of Centuries-Old Drama: Agrarian science and politics of Russia (XVIII–XX centuries)]. Moscow: Entsiklopediya rossiyskikh dereven'.
3. Lenin, V.I. (1974) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Moscow: Politizdat. 40. pp. 188–189.
4. Soyfer, V.N. (2002) *Vlast' i nauka (istoriya razgroma kommunistami genetiki v SSSR)* [Power and Science (the History of the Defeat of Genetics by the Communists in the USSR)]. 4th ed. Moscow: CheRo.
5. Zhukov, Yu.N. (2007) *Stalin: tayny vlasti* [Stalin: Secrets of power]. Moscow: Vagrius.
6. Kara-Murza, S.G. (2002) *Sovetskaya tsivilizatsiya. Kniga vtoraya. Ot Velikoy Pobedy do nashikh dney* [Soviet Civilization. Book two. From the Great Victory to the present day]. Moscow: EKSMO-Press.
7. Krom, M.M. (2010) *Istoricheskaya antropologiya* [Historical Anthropology]. 3rd ed. Saint Petersburg; Moscow: The European University at Saint Petersburg: Kvadriga.
8. Zhdanov, Yu.A. (2004) *Vzglyad v proshloe: vospominaniya ochevidtsa* [A Look into the Past: the Memories of an eyewitness]. Rostov-on-Don: Feniks.
9. Dubinin, N.P. (1989) *Vechnoe dvizhenie* [Perpetual Motion]. 3rd ed. Moscow: Politizdat.
10. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 5. File 34.
11. Kropotkin, P.A. (1990) *Zapiski revolyutsionera* [Notes of a Revolutionary]. Moscow: Mysl'.
12. Grekhem, L.R. (1991) *Estestvoznaniye, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze* [Natural Science, Philosophy and Sciences of Human Behavior in the Soviet Union]. Translated from English. Moscow: Politizdat.
13. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 138. File 203.
14. Anon. (1962) *Bogatstva zemli – na sluzhbu Rodine: Materialy soveshchaniya rabotnikov sel'skogo khozyaystva Sibiri 25–26 noyabri 1961 g. v g. Novosibirsk* [The riches of the earth – for the service of the Motherland: Materials of the meeting of agricultural workers of Siberia on 25–26 November 1961 in Novosibirsk]. Moscow: Politizdat.
15. Lyubishchev, A.A. (1991) *V zashchitu nauki: Stat'i i pis'ma* [In Defense of Science: Articles and letters]. Leningrad: Nauka.
16. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 45.
17. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 24. File 574.
18. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 17.
19. Egorova, A.G. & Bogolyubova K.M. (eds) (1986) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i Plenumov TsK (1898–1988)* [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1988)]. Vol. 10. Moscow: Politizdat.
20. *Sel'skoe khozyaystvo*. (1959) 1 December.
21. Nalivayko, G.A. (1962) *Propashnaya sistema zemledeliya* [The Tilled System of Agriculture]. Barnaul: Alt. knizh. izd-vo.
22. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 35. File 52. Pages 100–101.
23. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 556. List 22. File 263.
24. *Omskaya pravda*. (1936). 1 August.
25. Kulikov, V.I. (1978) *Istoricheskiy opyt osvoeniya novykh zemel'* [Historical Experience of the Development of New Lands]. Moscow: Mysl'.
26. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 24. File 538. Page 23.
27. Orlovskiy, N.V. (1999) *Stranitsy istorii agrarnoy nauki XX veka (vospominaniya uchenogo)* [Pages of the History of Agricultural Science of the Twentieth Century (Memoirs of a scientist)]. Novosibirsk: Russian Academy of Agricultural Sciences, Siberian Branch.
28. Kuz'min, M.A. (2004) Development of virgin lands and the present-day agrarian reforms in Kazakhstan. *Vestnik Moskovskogo universiteta: Geografiya, seriya 5 – Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*. 3. pp. 48–54. (In Russian).
29. USSR AS Dokuchaev Soil Science Institute. (1956) *Osvoenie tselinnykh i zaleznykh zemel' v 1954 godu. Materialy soveshchaniya pri Akademii nauk SSSR po itogam i perspektivam nauchno-issledovatel'skikh rabot v oblasti osvoeniya tselinnykh zemel' (21–26 fevralya 1955 g.)* [Development of virgin and fallow lands in 1954. Materials of the meeting at the Academy of Sciences of the USSR on the results and prospects of scientific research in the field of development of virgin lands (21–26 February 1955)]. Moscow: USSR AS.
30. Anon. (1998) *Sbornik nauchnykh rabot, posvyashchennykh 170-letiyu Sibirskoy agrarnoy nauki* [Collection of scientific papers dedicated to the 170th anniversary of Siberian agricultural science]. Vol. 2. Omsk: Fraktal.

Received: 03 April 2021

А.С. Столетова

ТЕНЕВЫЕ СТОРОНЫ ОРГАНИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ В ОЦЕНКАХ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ 1960–1980-х гг. (ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПИСЕМ В ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства», проект № 19-18-00269.

На основе впервые вводимых в научный оборот архивных источников (писем граждан, предназначавшихся редакциям газет и органам власти) освещается проблематика организации советской торговли в зеркале общественного мнения 1960–1980-х гг. Определены волновавшие население злободневные вопросы. Сделан вывод о том, что диапазон территорий, откуда приходили письма со свидетельствами хищений и перепродаж изделий потребления, отличается масштабностью и всеохватностью.

Ключевые слова: советская торговля; общественное сознание; спекуляция; дефицитные товары; социальная жизнь; экономика

В 1960-е гг. СССР являлся крупнейшим производителем, развивались экономика, промышленность, строительство. Как известно, в 1965 г. была восстановлена традиционная для советской экономики централизованная отраслевая система управления. 30 сентября 1965 г. вышло Постановление «Об улучшении управления промышленностью», а 4 октября 1965 г. – Постановление «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». Однако общественное развитие в 1970-е гг. проходило под знаком усиления централизованного управления, свертывания реформ и падения темпов роста основных социально-экономических показателей.

Как отмечал Р.Г. Кирсанов, на протяжении 1970-х гг. торговля в СССР развивалась по остаточному принципу, ввиду этого во многих районах страны наблюдался недостаток продовольствия. Повышение народного благосостояния руководство страны видело в возрастании денежных доходов, развитии жилищного строительства, увеличении производства. Роль товаров народного потребления в удовлетворении платежеспособного спроса населения долгое время игнорировалась. В потребительской сфере возникала дефицитность. Несмотря на принятые во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. повышение розничных цен и принятое в 1981 г. Постановление Совмина СССР и ЦК КПСС «О мерах по увеличению производства товаров первой необходимости в 1981–1985 гг. и более полному удовлетворению спроса населения на эти товары», круг дефицитных товаров расширился. Более того в 1970–1980-е гг. продолжался выпуск не пользовавшегося спросом ассортимента, оседавшего на складах, население не было обеспечено торговыми площадями, приобретала размах проблема качества товарных изделий, а во многих населенных пунктах обозначился товарный голод [1. С. 36–39].

Безусловно, технологическое отставание и дефицит товаров широкого потребления не могли не волновать население. Исследователи экономики и социальной жизни XX в. также обращали внимание на вопросы состояния потребительского рынка. В 1960–1980-е гг. появились издания по изучению явления спекуляции. Это работы Г.И. Вольфмана [2], М.П. Михайлова [3]

Ю.Т. Гладких [4], В.И. Колосовой [5] и др. В 1990–2000-е гг. были опубликованы разноплановые труды. Специфику теневой экономики изучали О.В. Осипенко [6], Г.Р. Семина [7], Ю.В. Латов, С.Н. Ковалев [8] и др. Вопросы фарцовки затрагивали в своих исследованиях Д. Васильев [9], О. Гурова [10], систему функционирования торговли на иностранную валюту описала А.С. Иванова [11], деятельность Государственной торговой инспекции по надзору в сфере советской торговли и проблему защиты потребителей от основных видов торгового обмана охарактеризовала Е.Д. Твердюкова [12]. Историографический анализ современных исследований о существовании криминальной продажи дефицитных товаров в СССР представлен в статье М.А. Клиновой [13]. Отметим, что интерес к заявленной проблематике обоснован. Объем теневой экономики за исследуемый период 1960–1980-х гг. возрос в 18 раз. В особенности страдала сфера материального производства (таблица).

Масштабы теневой экономики в СССР, млрд руб. / год

Показатель	Начало 1960-х гг.	Конец 1980-х гг.
Объем теневой экономики в народном хозяйстве СССР, в том числе:	5	90
<i>Сфера материального производства</i>	2,5	73
Промышленность	0,3	10
Сельское хозяйство (включая колхозы)	0,6	23
Транспорт и связь	0,2	8
Строительство	0,2	12
Торговля и общественное питание	–	17
Материально-техническое снабжение, сбыт и заготовки	1,2	2
<i>Непроизводственная сфера</i>	2,5	17
Жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание населения	1,6	6,7
Здравоохранение, физкультура, социальное обеспечение	0,5	6,2
Народное образование	0,3	1,5
Культура и искусство	–	0,3
Наука и научное обслуживание	–	0,3
Кредитование и государственное страхование	–	0,1
Аппарат органов государственного и хозяйственного управления, органов управления кооперативных и общественных организаций	0,1	1,6

Составлено по: [14 С. 40].

Безусловно, социально-экономические трансформации, вызвавшие эволюцию общественных ценностей, весьма остро отразились в сфере товарооборота. Процессы внедрения спекулятивных и коммерческих схем, обогащения руководящей верхушки и соседствующих с указанными процессами, явлений нарушений трудовой дисциплины, тунеядства, низкой культуры обслуживания, грубости в магазинах, фактов, связанных с перебоями в снабжении, низким качеством продуктов, бедностью ассортимента, а также нарушений в бытовой обустроенности работников торговой сферы нашли отражение в большом числе источников личного происхождения. В настоящей статье эпистолярный комплекс рассматривается как блок документов для изучения картины мира, мировоззрения и ментальности советских граждан периода 1960–1980-х гг.

Одной из первостепенных проблем социальности для населения в рассматриваемый период являлся вопрос укоренения теневых сторон в организации торговли. С целью поддержания социальной стабильности советского общества, информация об уровне и образе жизни номенклатуры и чиновничества держалась в тайне от остальных граждан СССР. Однако факты личной наживы и незаконного дохода в области торговых операций получили широкое освещение в письмах во власть и СМИ. В ряду обоснований написания жалоб нельзя не назвать недостаток внимания со стороны власти к руководству торговлей, нехватку или отсутствие государственного контроля за ходом торговых операций, преступную деятельность руководителей торгового дела [15. С. 386]. Не добившись решения беспокоящих вопросов на местах, трудящиеся, как правило, обращались с письмами в районные, городские, областные комитеты партии, центральные партийные органы или в газеты. «В городе Туле есть небольшая база “Росглавко-опромторга”. Сколько же существует в ней беззаконий. Директор Е.И. Павлов пришел на базу в 1972 г. и сразу занялся подбором своих людей, критику он не любит. Если сотрудники говорят ему правду в глаза, то он всячески решает от них избавиться. Просим, помогите нам, чтобы мы работали на государство, а не у хозяина и не ждали, что завтра нас уберут с работы», – писали работники торгового дела в Тульский обком КПСС в 1974 г. [16. Л. 9–10].

Сообщения о злоупотреблениях должностных лиц зачастую поступали непосредственно в комитет партийного контроля при ЦК КПСС. Характерный пример – сообщение председателя районного комитета народного контроля г. Кирова В.В. Носакова о деятельности первого секретаря Кировского обкома КПСС Б.Ф. Петухова, датированное 1968 г. В. Носаков информировал: «В городе появились странные личности на руководящей торгово-снабженческой работе – судимые либо снятые за злоупотребления. Вскоре они были разоблачены как мошенники, но как выяснилось позже они были приглашены Петуховым» [17. Л. 6]. Председатель ревизионной комиссии областной партийной организации, заведующий областным финансовым отделом А.С. Милков, указывал: «Петухов любил поддерживать пронырливых и жуликоватых лю-

дей. В 1962 г. он назначил директором горплодо-вошторга М.Г. Чумак, под руководством которого за один сезон заготовок было расхищено овощей и фруктов на сумму свыше 200 тыс. руб.» [17. Л. 6].

Более распространенным способом призыва к действию являлось направление писем в СМИ. Одной из ведущих проблем, с которой столкнулась общественность, являлся вопрос ненадлежащего руководства торговой сетью. Так, в октябре 1970 г. в газету «Советская торговля» поступили сведения о так называемой засоренности кадров в торговых организациях. Приведем характерные примеры. «В наше сельпо назначили нового председателя, который развалил три колхоза. С первого дня работы М.В. Семибаламут сказал так: торговли из под прилавка не будет... Зато весь дефицитный товар стал продавать со склада, а в магазины поступают лишь деньги. Такие товары, как холодильники, шерстяные кофты, аккумуляторы для мотоциклов, крышки для консервирования продает сам лично. Если прежде в магазине можно было заказать и купить пальто, плащ или костюм, то теперь эти товары продаются только по указанию Семибаламута», – писала не указавшая имени продавец из Полтавской области [18. Л. 177]. «В Сылвенском райпотребсоюзе Пермской области с марта 1969 г. работает председателем Р.А. Арасланов. С первых дней он проявил себя, как человек, идущий только за своей личной выгодой. Сначала он закупил никому не нужные сети. После этого занялся торговать райкооповскими лошадьми, стал продавать их частным лицам по балансовой стоимости. Дефицитные товары: ковры, холодильники получает сам и сбывает их неизвестно где. Арасланову все сходит с рук, т.к. он пользуется поддержкой заместителя председателя правления облпотребсоюза товарища Кибисева», – информировала оргинструктор Сылвенского райкооп Н. Бурова [18. Л. 178–179]. «Директор универмага Куньинского района Псковской области В.Д. Коретов по сообщению А. Григорьевой брал взятки. «Все товары, поступающие в отделы универмага, продавались с разрешения директора. Кроме этого колбаса и творог продавались по завышенным ценам. Дело на Коретова находится в Куньинской милиции. Но почему-то оно там застряло. Коретов работает и продолжает безобразничать», – писала гражданка А. Григорьева в редакцию «Советской торговли» в 1970 г. [18. Л. 179].

В 1980-е гг. в средства массовой информации продолжали приходить сведения о злоупотреблении служебным положением в сфере торговли. К примеру, в письме за 1980 г. в «Правду» от А.П. Германюк из Краснодарского края сообщалось: «Первый секретарь райкома партии Крючков велел отвезти всех коров на мясокомбинат. Некоторые коровы телились прямо в машинах, но их тоже отправили на убой. Когда это крестьянин позволял резать дойную или стельную корову? Да никогда! А здесь ради рапорта не пощадили ни животных, ни людей. Люди остались без продуктов. Крючков на это ноль внимания. У него в общепите есть специальная комната, где начальство ест-пьет за государственный счет без ограничений» [19. Л. 30–31]. В другом письме от того же года из г. Го-

рячий Ключ Краснодарского края от рабочей группы Суздальского совхоза читаем: «С самого начала своей деятельности второй секретарь горкома партии В. Михайлов стал курировать торговлю и вместе со своим другом Н. Беляковым, заведующим торговделом, обделывал всякие делишки. Например, распределял легковые автомобили по выгодным людям. Таким способом было продано более 30 машин. Когда была образована контора “Курортторга”, то Белякова по рекомендации Михайлова сделали управляющим. Он стал собирать дань с завмагов, директоров и щедро делиться со своим патроном» [19. Л. 31]. По указанным фактам, как правило, проводились проверки. Отметим, что в сообщении Краснодарского краевого комитета в ЦК КПСС находим запись: «Бывший управляющий конторой курортторга Н.М. Беляков привлекается к уголовной ответственности за грубые нарушения финансовой дисциплины при продаже легковых автомобилей и взяточничество» [19. Л. 36]. Отсюда следует, что жалобы граждан проверялись, в ряде случаев описанные факты приводили не только к снятию с ответственных постов, но и к уголовной ответственности. Однако в большей части случаев соответствующие комиссии оправдывали обвиняемых.

Товарный дефицит в СССР – явление, присущее советской плановой экономике, когда, несмотря на рост благосостояния, покупатели не могли приобрести товары и услуги ввиду их постоянного недостатка. Продажа и удержание дефицитного товара – одна из самых значимых тем сообщений граждан, параллельно которой описывалась проблема низкого качества продуктов питания (по вине торгующих). Так, в 1967 г. в ЦК КПСС было направлено 6 566 писем о работе организаций и учреждений торговли, общественного питания и бытового обслуживания. В значительном количестве сообщений содержались сведения о недостатках в торговле обувью и товарами широкого потребления. Вносились предложения о расширении борьбы со спекуляцией, особенно в плодово-овощной сфере [17. Л. 32–33]. Письма в «Советскую торговлю» за 1970 г. свидетельствуют о нехватке продовольственных товаров в ряде регионов государства. Приведем выдержки из них. «Живем мы в г. Гагарин Смоленской области, но совестно Вам сообщить, что жители города, носящего имя первого в мире космонавта, едут за 170 км в Москву за товарами повседневного спроса: мылом, солью, спичками, хлебом и булочными изделиями» [18. Л. 102]. Или: «Город Узловая – без овощей. У нас в городе много овощных магазинов и особенно овощных палаток, но они пустуют. Зато на колхозном рынке идет бойкая торговля овощами. Спекулянты из Грузии, Армении, Молдавии, Украины продают втридорога овощи, помидоры по 4–5 руб. за килограмм, огурцы 2–3 руб., редиску – 1–2 руб.», – сообщал житель г. Узловая Тульской области И. Абрамов [18. Л. 102]. Пайщики Ново-Чернеевского сельпо Шацкого района Рязанской области в 1970 г. отмечали: «У нас имеется большая механизированная пекарня. Но от нее нет толку. Хлеб поступает редко, да и то недоброкачественный, а о белом хлебе и говорить нечего: то муки нет, то дрожжей. Кроме того, в магазине сельпо нет

соли. Вот и приходится ездить или пешком ходить за солью по другим селам или в райцентр ездить» [18. Л. 157]. В октябре 1970 г. в редакцию «Советской торговли» поступило много нареканий на отсутствие промышленных товаров. Среди них: посуда, клеенка, обувь, оконное стекло, запасные части для мотоциклов, шапки-ушанки и др. «Лет пять тому назад можно было свободно купить в магазине кастрюлю, кружку, тарелку, электроутюг, мясорубку, т.е. товары, нужные каждой семье. А где это все сейчас? Просто обидно. Пустые прилавки. Обувь одна никудышная. Купишь – на третий день отстает подошва. Я считаю, в первую очередь надо обеспечить свой народ. И бывший солдат, который перемерзал под Сталинградом и на Курской дуге, сейчас должен ходить в хороших ботинках. Вот какие недостатки надо вскрывать в газетах, на пленумах, на заседаниях», – возмущался П. Левицкий из г. Дубны [18. Л. 172–173]. «Не только шапки, но и многие другие вещи не имеет в продаже советская торговля. Спортивные костюмы, резиновые сапоги, клеенки, а если еще и перечислить чего нет из продовольственных товаров, то станет видно, как расходятся слова и дела нашего правительства», – констатировал Б. Швакуляк из г. Ровеньки Ворошиловградской области [18. Л. 173]. «У нас нет затруднений только в отношении спиртных напитков. Водка и вино продаются везде и всюду. Другой раз захочешь напиться газированной воды или выпить какой-нибудь сок и невозможно подойти с ребенком к отделу из-за пьяниц», – сообщала группа жителей г. Новокуйбышевская Куйбышевской области в октябре 1970 г. [18. Л. 175].

Подобные письма о недостатках в организации торговли поступали из г. Абакана Красноярского края, Узбекской ССР, Донбасса, г. Иваново, Ашхабада, Новокузнецка, Переяславля-Залесского Ярославской области, Ташкента и др. Все они направлялись редакцией в областные управления торговли [18. Л. 103, 157–158, 173, 175–176]. Об отсутствии мяса, чая, хлеба, уксуса, растительного масла, колбасы на полках магазинов писали в «Правду» из Казани, Кирова, Белгорода, Саратова, Барнаула, Горького, Рязани, Красноярска, Волгограда, Свердловской, Кемеровской, Кировоградской областей и т.д. [18. Л. 182–183, 184, 187–191]. Из Казани также сообщали: «Мощные рефрижераторы “Межавтотранс”, “Мостранс”, “Минводтранс” или многотонные автомобили прибывают с Кавказа, Молдавии, Украины и привозят в Казань фрукты, овощи и различные продукты. Это или частники, или сомнительные “кооперативы”, которые продают свой товар втридорога и увозят огромные деньги» [18. Л. 183]. Люди свидетельствовали, что привезенные товары нередко становились «проданными» до поступления в продажу [18. Л. 185]. Впечатление о дефиците еще более усиливается при ознакомлении с письмом из Саратова от анонимного лица за 1970 г. в «Правду»: «Саратов стал голодным городом. Здесь нет ни мяса, ни колбас и в магазине и на рынке» [18. Л. 186]. Об отсутствии мяса, колбасы, рыбы в торговых точках писали в 1973 г. в «Правду» граждане из Ленинграда, г. Михайловка Волгоградской области, из Молдавской ССР, Донбасса [20. Л. 159, 161].

Остротой и резкостью отличается письмо в «Правду» за 1973 г. из Ферганы: «Когда бываешь в Москве и Ленинграде, то видишь, что народ там живет хорошо. Но почему это не по всей стране? Сколько можно ждать хорошей жизни? Мы уже забыли, когда у нас в магазине было мясо, а если к великому празднику выбросят, как собакам, то очередь на два квартала. А вот обкомовским и облисполкомовским привозят и продают в закрытых магазинах все, что их душе желательно. А на базаре нашли себе кормушку спекулянтты, – сидят и держат на все цены. Яблоки гниют, да и другие фрукты, но они цену держат, и никому до этого дела нет. Все это правда и она наболела у простого народа. Вы послушайте в автобусах, да и вообще, народную массу» [20. Л. 155].

По всей видимости, проблемы со снабжением территорий усложнялись и ширились, что вызывало резкое негативное отношение граждан. Исходя из подборки писем в «Правду» за 1973 г. к этому времени наблюдались большие перебои с элементарными вещами для хозяйства: утюгами, мясорубками. Об этом писали также «Известия» и «Крокодил» [20. Л. 157]. В контексте размышлений любопытно наблюдение гражданина А.А. Полякова из Сызрани, полученное в 1973 г. политическим обозревателем газеты «Правда» Ю. Жуковым. Автор письма рассуждал: «Сейчас все реже слышишь слово “купил”, – оно не модно. Сейчас в моде слово “достал”. И, в самом деле, – холодильник “достал”, утюг и мясорубку “достал”, селедку к празднику “достал”, курицу или утку “достал”. А чтобы “достать”, нужно дать кому-то на бутылку» [20. Л. 157]. На наш взгляд, это весьма верное замечание, характеризующее реалии повседневности 1970-х гг.

Многие жители сел Липецкой, Волгоградской, Ростовской, Хмельницкой, Харьковской, Карагандинской, Гомельской, Запорожской, Курской областей, в середине 1970-х гг. рассказывали в письмах в «Советскую торговлю» о припрятывании и отсутствии в продаже определенных видов товаров в магазинах местных сельпо [21. Л. 61–69]. В городской среде формировались аналогичные проблемы. Е. Мишина из г. Усть-Лабинск Краснодарского края сообщала в 1975 г. в «Сельскую жизнь», что «в предыдущие годы мы имели в магазинах молоко, мясо, сметану, масло, творог. А теперь вот уже четвертый год у нас нет сливочного масла. До 1975 г. было молоко жирностью 3,2 процента, а в этом году вот уже несколько месяцев молоко продают жирностью 2,5. Сметана и творог у нас – редкие гости, а масла мы уже начинаем забывать вкус» [21. Л. 139]. В. Блохин из г. Вязники Владимирской области высказывался об отсутствии в продаже сахара и задавался вопросом об отключении города от снабжения [21. Л. 144]. «У нас в Карелии, в частности в городе Сегеже, нет ни лука, ни чеснока. Неужели это такой дефицитный продукт питания, что отделы снабжения определенных ведомств не могут обеспечить им северные районы страны?», – возмущался читатель «Сельской жизни» В. Карпов [21. Л. 145–146]. Инвалид Великой Отечественной войны из г. Ужур Красноярского края А. Зайцев спрашивал: «Прошу дать мне разъяснение, почему нет в продаже в магазинах полушубков? Я не понимаю, в чем дело.

Будто бы у нас в Советском Союзе это все есть, а вот что-то мешает. Под Сталинградом был ранен, в госпиталь увезли в полушубке, с тех пор я больше полушубка не носил» [21. Л. 146].

Жители деревень массово сигнализировали о случаях отсутствия товаров, закрытия магазинов и связанных с этим жизненных трудностях и реалиях времени. «Я проживаю в поселке Агинском Бурятского национального округа. Население питается одними макаронами и крупой. Картофеля в продаже не бывает. Овощные консервы на прилавках отсутствуют, есть повидло и джем выпуска 1967 г.», – писал в 1970 г. читатель «Советской торговли» А. Огурцов [18. Л. 27]. Колхозники села Мальчовец Барского района Винницкой области в письме за 1975 г. искали поддержки у редакции «Сельской жизни». «Подскажите, как нам быть? Уже более трех месяцев промышленный магазин Мытковского сельпо на замке. Приходится бросать нужную работу и ехать иногда просто по мелочам в райцентр, потому что у нас нет возможности на месте приобрести товары повседневного спроса. Обидно: пай мы платили, а на 60 тыс. руб. материальных ценностей в магазине гниет. И в продмаге дела не лучше. Там продавец есть, но в магазине ничего нет. Нет холодильной камеры. По большим праздникам привозят крупу и то дают с нагрузкой порченных продуктов (старый маргарин, гнилую селедку). К бутылке уксуса обязательно вручат лотерейный билет. К магазину подойти нельзя, особенно зимой в дождливую погоду» [21. Л. 140].

К. Смирнова из села Летешовка Тутаевского района Ярославской области в 1975 г. информировала газету: «У нас в селе нет магазина и за продуктами приходится ходить в соседний район. Со своей просьбой наладить к нам доставку товаров первой необходимости мы дошли до Центросоюза. Правда, после этого приехал на «Волге» председатель облпотребсоюза товарищ Нешитой. Обещал – будет ходить автолавка. Поверили. Прошел уже не один месяц, а мы все смотрим на дорогу, идущую из райцентра, не покажется ли там автолавка» [21. Л. 142]. З. Петрова из Вышневолоцкого района Калининской области в 1975 г. оповещала газету об отсутствии в деревне продавца и закрытии магазина в течение года. После того как продавца так и не нашли, «приехали из райпо, сломали магазин и увезли. Выходит, что магазин в другом месте нужен, а здесь нет. Просим, помогите нам!» [21. Л. 141]. И. Тютюшин, Н. Петрова, Е. Егорова и др. из деревни Званка Островского района Псковской области извещали, что в 1975 г. в их деревне не было ни магазина, ни ларька. «Совершенно негде купить ни хлеба, ни соли, ни спичек, ни сахара, не говоря уж ни о чем другом. За хлебом приходится ходить на центральную усадьбу совхоза «Гривский» за 6–7 километров и тащить его на себе. А сколько хлеба мы, престарелые можем донести? Когда приходишь в этот магазин, то слышишь: вы не наши и на вас хлеба нам не выделяют. Убедительно просим помочь нам, чтобы в нашу деревню хотя бы раз в неделю приезжала автолавка с хлебом, солью, сахаром» [21. Л. 141–142]. П. Гатауллин – житель села Кидыш Уйского района Челябинской области телеграфировал в 1975 г. в газе-

ту: «Я живу в Челябинской области в совхозе Южный Урал. У нас очень плохо стало насчет хлеба. Его привозят мало и дают всего по две булки. Люди страдают. У кого есть личный транспорт, то ездят по соседним районам и селам. В магазине не стало и муки, а то можно было бы стряпать свой хлеб. Дорогая редакция, может, вы сможете помочь нам в нашем положении. Ведь не только моя семья мучается, а все село» [21. Л. 143]. В том же году Ф. Шипов, И. Вавилов, А. Кимов из села Куйтун Куйтунского района Иркутской области просили редакцию «Сельской жизни»: «Просим вас, посодействуйте через вашу газету на торговые организации, чтобы виноград и другие фрукты были не только в газете, но и на прилавке магазинов. Наши райсоюзы план торговли выполняют лишь водочными и спиртными напитками» [21. Л. 144]. Безрукова, Люшина и др. из села Подстепное Энгельского района Саратовской области осведомляли в 1975 г. редакцию: «В нашем совхозе в прошлом году открылся новый магазин. Мы ждали, что в нем прибавится и товаров, но оказалось все наоборот. Мы проживаем в своем совхозе более 20 лет, но ни разу не видели, чтобы кто-нибудь достал в своем магазине хороший ковер или какой-нибудь сервиз. Не видели мы также хороших модных платьев и обуви, ни мужской, ни женской, ни детской. Нет простых чулок, ни колготок для детей. Что характерно: у нас уже несколько месяцев нет совсем мыла, нет порошка. Неужели этих товаров и этих предметов обихода не выделялось в колхозы и совхозы? Ведь в совхозе работают также граждане Советского Союза» [21. Л. 145].

Таким образом, мы видим, что СМИ рассматривались читателями не только как трибуна огласки нелицеприятных фактов повседневной жизни, но также как действенные источники помощи в насущных неразрешимых местной властью вопросах социально-экономической жизни. Очень часто покупатели описывали факты выборочной продажи товаров, несанкционированного установления цен, работы магазинов по расписанию, установленному продавцом. Например, колхозники села Крутой Берег Никопольского района Днепропетровской области сообщали: «У нас в магазине работает продавец Г. Вишеренко. Хочет откроет, хочет дома будет целыми днями. А если привезет, то со своими родственниками отберет, что получше, а остальной товар выкладывает на прилавок, что никому не нужно. Привезет платки шерстяные, то своим родственникам, то кумам да сестрам раздаст, а мы все покупаем на базаре по 25 руб. один платок, когда в магазине можно взять по 5 руб. а частенько и такое бывает, что отдаст сестре в город, а та продаст там по 25 руб., и ей есть доход. Разные платья красивые, кофты, платки, покрывала – все хорошее идет на сторону. Делает наценки на продукты. Консервы и разные крупы у нас дороже, чем в других магазинах, сахар, конфеты – тоже. Хлеб возит один раз в день, колбасу и рыбу – раз в месяц. Отвратительно работает. Помогите нам, чтобы у нас была другая продавщица» [21. Л. 147]. Обсчет, обмер, обвешивание вошли в обычай у продавца магазина В.Н. Гнидкина, как сообщали работники колхоза «Ленинская Искра» Красногвардейского района Белго-

родской области: «Продавец без всякой совести заявлял: “Не мое к вам должно переходить, а ваше ко мне”. Хотел председатель колхоза И.И. Горбов призвать к порядку, но отказался. Видимо, ему одному это не под силу» [21. Л. 148].

Напряженность ситуации не снизилась и в 1980-е гг., даже после ноябрьского Пленума ЦК КПСС и речи Л.И. Брежнева о непростительности допуска перебоев в торговле жизненно необходимыми товарами. «До сих пор ни в одном магазине города свободно не купишь мясо, рыбу, мыло, электрические лампочки, полотенца, наволочки, обои», – осведомлял «Правду» в 1980 г. читатель К.А. Головин из г. Пермь [22. Л. 2]. Об очередях и плохом снабжении мясными продуктами, сливочным маслом, творогом, молоком, сметаной, рыбой, овощами, макаронами, крупами, хлебом в 1980 г. писали покупатели из Москвы, Перми, Брянска, Куйбышева, Владимира, Красноярска, Астрахани, Иваново, Владивостока, Рязанской, Псковской, Тюменской, Свердловской, Ворошиловградской областей, Краснодарского края и т.д. [22. Л. 3–8; 20–25]. О продаже из-под прилавка и распределении дефицитных хлопчатобумажных тканей, шапок, зубной пасты родственникам и знакомым приходили уведомления из Николаевской области, г. Нальчика, Донецка, Краснодара, Москвы, Запорожья [22. Л. 13–17]. В спектр наблюдений населения попало так называемое явление искусственного дефицита. Читатели отмечали, что в стране производилось достаточное количество товаров, базы и магазины получали необходимый ассортимент изделий, но в продажу они попадали не всегда. При этом на рынках появлялись товары с магазинными этикетками. В письмах ставился вопрос о необходимости введения более твердого контроля и привлечения к ответственности виновных [22. Л. 11]. «Швейные и стиральные машины прямо со складов завозятся по нужным адресам. На моих глазах заведующая магазином Редчич отобрала себе четыре пары импортных сапожек разных размеров. И так с каждым товаром. Контроля никакого, все слажено, и никто ничего не боится», – возмущалась жительница поселка Чернухино Перевальского района Ворошиловградской области Е.П. Севрюкова в письме в «Правду» в 1980 г. [22. Л. 12] «Дельцы от прилавка упорно не хотят расставаться с дефицитом – мыло в наших магазинах до сих пор не появилось. У жителей города создается впечатление, что авторитет советской власти специально подрывается», – констатировал в том же году В. Духовский из г. Новороссийска [22. Л. 12]. Работники универсама Октябрьского промторга г. Москвы писали о сложившейся к 1980 г. системе торговли: «Ее суть состоит в том, что большинство ходовых товаров на прилавки не поступает. Директор А.П. Зайцев все забирает и после перепродажи вносит деньги в кассу. Так было с партиями английского мохера, комплектами арабского белья, обувью, хлопчатобумажными тканями. “Свой товар” по спекулятивным ценам он отпускает знакомым и целой армии перекупщиков. Так поступают не только в нашем универсаме» [22. Л. 17–18]. Во многих письмах читатели газеты сетовали на растраты продуктов по программам международной помощи:

«Невольно задумываешься: надо ли нам так щедро делиться с другими, коли у самих такие продовольственные трудности? Помогаем Лаосу, Вьетнаму, Афганистану... Не обернется ли наша щедрость горькой пилюлей? Кормили уже Китай, Египет, Албанию, Алжир. Что из этого получилось – сами знаете», – отмечал Н.Ф. Кривошеев в письме в «Правду» в 1980 г. из г. Первомайска Ворошиловградской области [22. Л. 6].

Безусловно, сложившаяся обстановка не могла не волновать государственную власть. В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 30 декабря 1980 г. «О некоторых мерах по улучшению организации торговли», министерства и ведомства СССР, местные партийные, советские и хозяйственные органы осуществляли дополнительные меры по увеличению товарных ресурсов, более рациональному их использованию. Одновременно был подготовлен проект постановления Правительства по развитию производства товаров массового спроса в 1981–1985 гг. [22. Л. 26–27]. На проект «Основные направления развития народного хозяйства на 1981–1985 годы и на период 1990 года» в ЦК КПСС приходили письма-отклики. Инженер А.В. Дорожкин отметил, что «наблюдал парадоксальное явление: с одной стороны – очереди, с другой – массовое производство товаров, не находящихся сбыта. Предприятия работали вхолостую. Часто товары, пользующиеся повышенным спросом у населения, являлись “невыгодными” для предприятия. Обеспечивались не потребности населения, а выполнение плана. Предприятия оказываются оторванными от покупателя. Существующая система плановых показателей для этого не годится» [23. Л. 38–39]. Рассуждения покупателя сводились к тому, что подвижки в сложившейся ситуации будут видны, если производство будет заинтересовано в сбыте своей продукции. Из поселка Пески Коломенского района Московской области пришло следующее предложение: «Розничную торговлю повсеместно перевести с принципа весового на принцип стоимостный. По деревенскому принципу: “Свешай мне крупы на рубль”. Переход на стоимостный принцип высвобождает огромную армию торговых работников, существенно облегчит их труд и, что самое главное, – облегчит участь стоящих по очередям граждан, не говоря уже о перспективах для применения автоматизации» [23. Л. 26]. Таким образом, население относилось не безучастно к наболевшим проблемам, пыталось нащупать и изложить рекомендации к устранению сбоев в оснащении магазинов необходимыми продуктами и товарами пользования.

В Центральный комитет партии в 1968 г. поступали жалобы трудящихся на низкое качество товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода. Авторы отмечали, что новая экономическая реформа повысила заинтересованность предприятий в выпуске доброкачественных изделий, однако высказывали нарекания в связи с трудностями гарантийного ремонта купленных предметов бытовой техники, ставили вопросы повышения качества изделий. Покупатели из Одессы, Москвы, Таллина, Челябинска, Киева, Чебоксар, Ростова-на-Дону, Молдавской ССР, Криворожья, Днепропетровской, Крымской областей

жаловались на качество обуви на кожаной подошве, магнитофонов марки «Весна-2», телевизоров «Огонек», «Старт-4», «Темп-6м», «Восход», «Рубин-106», телеприемников «Электрон», радиол «Симфония», «Минск», холодильников «Ока-3», «Памир», «Ярна», автомобилей «Москвич-408», «Москвич-412», «Запорожец», часов «Весна» и т.д. [17. Л. 89–95]. Значительную часть редакционной почты газеты «Советская торговля» также составляли письма о качестве товаров народного потребления. К примеру, в мае 1970 г. трудящиеся Москвы, Донецкой, Архангельской, Смоленской областей сообщали о низком качестве таких промышленных товаров, как обувь, стиральные машины и холодильники. В корреспонденции акцентируется внимание на корыстном умысле продавцов. Так, в письме из Харьковской области за 1970 г. читаем: «Я купила в магазине № 25 стиральную машину. Продавец повела нас в подвал и сказала: “Берите вот эту”. Доставили домой, включили. Машина загудела, а активатор не вращался. Повезли ее обратно в магазин. Продавец ни в какую не хотела принимать. Говорила, что я машину продала и все, а работает она или нет – это не ее дело» [18. Л. 31].

В июне 1970 г. редакция «Советской торговли» получила читательские письма из г. Саратова, Костромы, Иваново, Челябинской, Пермской, областей, Туркменской ССР с жалобами на низкое качество холодильников, магнитофонов, транзисторных приемников, радиол, швейных машин, детских игрушек, часов, чулочно-носочных изделий и др. [18. Л. 103–105]. В письмах в «Правду» за 1973 г. граждане вновь сообщали о низком качестве обуви и одежды [20. Л. 154, 157–158]. В большинстве писем за 1975 г. из Чебоксар, Находки, Грозного, Запорожья, Донбасса, Алтайского, Красноярского краев, Ворошиловградской, Житомирской, Калужской, Тамбовской, Ивановской, Смоленской, Черниговской, Волгоградской, Крымской, Брянской областей, вновь говорилось о плохом качестве бытовых приборов, таких как холодильники, магнитофоны, телевизоры, радиотовары и др. изделия сложного ассортимента, а также обуви и одежды. По письмам готовились материалы для выпуска номеров газеты. Уведомления граждан также направлялись в соответствующие министерства и ведомства, предприятия бытового обслуживания [21. Л. 194–203].

Итак, зафиксированные в письмах свидетельства говорят о повсеместных перебоях в снабжении городских и сельских территорий товарами первостепенной важности, в том числе продуктами питания, хозяйственными товарами и изделиями культурно-бытового назначения [21. Л. 187–192]. Особенно сильно страдала деревня. Работники магазинов нарушали трудовую дисциплину, устанавливали свои порядки, отпускали товар так, как было выгодно. Дефицитные товары практически не доходили до рядовых граждан, колхозников, пенсионеров и членов их семей. Читатели искали поддержки у газеты. В ряде случаев она им помогала. ЦК КПСС информировался, а сельскохозяйственный отдел, как правило, непосредственно знакомился с обзором писем [21. Л. 185]. Правлением Роспотребсоюза проводились проверки с

выездом на места ответственных работников потребительских и кооперативных организаций. Как сообщалось в справке от 16 декабря 1975 г., подписанной заместителем председателя Правления В.Т. Богомазова, направленной в отдел торговли и бытового обслуживания ЦК КПСС, были приняты меры к открытию магазинов, устранению случаев нарушений правил и допущенных перебоев. Виновные лица были строго наказаны [21. Л. 150–152, 153–164].

В начале 1970-х гг. производился переход на прогрессивный метод торговли – самообслуживание. Об успешном его применении в «Советскую торговлю» в 1970 г. приходили письма из Украины, Белоруссии, Казахстана. Но наряду с положительными материалами направлялось немало и критических замечаний как от покупателей, так и от самих торговых работников. Например, в письме продавцов Очаковского кооперативного универмага Одесской области значилось: «В феврале наш отдел галантереи и парфюмерии перевели на самообслуживание. Через два месяца у нас оказалась недостача 1 590 руб. 270 руб. списали на забывчивость покупателя, а остальную сумму отнесли на нас. В июне снова недостача – 609 руб. Теперь подбирают новую бригаду» [18. Л. 100]. Подобных писем множество, что свидетельствует о непродуманности мероприятий, плохой предварительной подготовке ряда торговых точек к внедрению самообслуживания, а также отсутствия механизма учета материальных ценностей [18. Л. 171–172].

Серьезной проблемой 1960–1980-х гг. являлись вопросы отсутствия кадров, ненадлежащей работы продавцов. К примеру, в справке бюро ЦК КПСС по РСФСР «О партийно-политической работе на предприятиях торговли и общественного питания Пензенской области» за 1960 г. отмечалось, что культура обслуживания населения в торговых предприятиях очень низкая, а в большинстве торговых предприятий нарушались правила торговли, были выявлены злоупотребления, в том числе: 770 случаев обсчета, обвеса и обмера покупателей; 432 случая завышения цен и продажи дефицитных товаров из под прилавка. В документе отмечалось, что большой материальный ущерб торговым предприятиям наносили преступные элементы. Так, за 4 года ими было расхищено имущества на сумму 9,2 млн руб. (из них 6,5 млн – растраты работников и 2,8 млн – кражи) [24. Л. 25–26].

Вопрос о грубости и хамстве торговых работников также остро ставился на повестку дня. Так, в коллективном письме работников ОРСа треста «Щекингазстрой» в Тульский обком КПСС от 1974 г. указано, что «В.И. Лазарев за время своей работы не нашел никакого контакта ни с работниками торговой сети, ни с работниками автотранспорта, ни с аппаратом... Откровенно груб со своими подчиненными» [16. Л. 8]. В редакционной почте газеты «Советская торговля» за 1975 г. имелись письма с жалобами на недостойное поведение продавцов и недостатки в организации торговли: грязь в магазинах, несоблюдение формы одежды, обвес, обсчет покупателей. Так, гражданка Хуторецкая рассказывала о конфликте в магазине № 44 Одесхозторга, предоставлении ей книги жалоб без печати. Жительница г. Никольского (Ка-

захская ССР), отдыхая в Белоруссии в г. Калинковичи, осталась недовольной работой магазина № 5, в котором, по ее сведениям, работники шли на аферы: «Продавец вынула черпак из кастрюли со сметаной, ушла в подсобку и принесла сметану. Выходит на прилавке стоит разбавленная сметана» [21. Л. 111–112]. «2-го августа в магазине № 55 стояла очередь за картофелем. Картофель был очень мелкий, а со служебного хода какие-то люди несли крупные, отборные клубни. Мы спросили продавца, почему со двора выносят картофель отборный. Продавец ответила, что это не наше дело. Тогда несколько человек пошли посмотреть, что творится во дворе магазина и увидели, как из кучи картофеля какие-то люди отбирают себе лучший. Мы были возмущены. Но работники магазина бросили в ответ: “У себя на работе вы еще не так воруете”. Потом нам разъяснили, что это продавцы торга и, что они имеют право брать товар вне очереди», – писали жители г. Стрый Львовской области В. Олейник, Г. Шибка, Б. Новаловская [21. Л. 112–113]. Экипаж Горьковского ОАО самолета ТУ-134 – командир корабля В. Горбачев, пилот В. Ярмошук, бортпроводницы Васильева и Жукова с возмущением писали о грубости продавцов магазина № 33 Симферопольского горплодоовощкомбината. «Стояли в очереди, но продавец отпускала товар своим знакомым. Когда ей сделали замечание, она повела себя бестактно, заявив: “Кого хочу, того и обслуживаю”. Второй продавец грубо выталкивала летчиков из магазина и замахнулась веником на бортпроводницу. Книгу жалоб, конечно, не дали. Дорогая редакция, таким продавцам не место в советской торговле!», – заключал пилот В. Ярмошук [21. Л. 114]. Покупательница Ларинкова из Липецка также свидетельствовала, что в магазине № 100 «Прогресс» царили грубость, обвес, обсчет. «Молоко, сметану, творог никогда не купишь неразведенными. За сметаной ходят в подсобку с ведерком. Молоко всегда синее, творог жидкий. На замечания о товаре отвечают: “Не нравится, не берите”» [21. Л. 114]. Немало писем, направленных в «Советскую торговлю», содержали сведения о плохом обслуживании в местах отдыха, на железнодорожных вокзалах, в вагонах-ресторанах [21. Л. 113].

Таким образом, грубость обыкновенно была распространена там, где нарушались правила советской торговли. Недостатки в организации торговли, ее техническом оснащении признавались руководством страны и в первую очередь ввиду слабого развития торговой сети на селе. Газеты ежегодно фиксировали число писем, затрагивающих тему злоупотреблений, растрат и хищений. Так, в декабре 1974 г. по данной проблеме в «Советскую торговлю» поступило 43 письма [21. Л. 16], в январе 1975 г. – 70 [21. Л. 23], в апреле 1975 г. – 62 [21. Л. 60], в ноябре 1975 г. – 55 [21. Л. 193].

Продавцы сельской торговли также не уступали в грубости, как уже отмечалось, закрывали и открывали магазины по собственному желанию (нарушали нормы рабочего времени), обслуживали покупателей по выбору. «У нас в магазине деревни Братское нет никакого порядка: грязно, ругань. Это ругается продавец Анна Петрова. Водку пьяницам она отпускала в лю-

бое время. Не случайно наш колхоз занял последнее место по уборке урожая. Некогда механизаторам работать. Анна дает им водку в долг. Жаловались в сельсовет, в райисполком. Все остается по-старому», – писали рабочие колхоза «Восход» Краснохолмского района Калининской области [21. Л. 115]. В следующем письме говорится о фактах, схожих с вышеуказанными: «Живем мы в селе Пятихатки Великоалександровского района Херсонской области. Есть у нас магазин смешанных товаров, которым заведует грубиянка А. Букач. Неудобным ей покупателям она может совсем не дать товара. Например, доярке Лавренюк дала 1 кг сахара, а Коваленко, Метейчук, Тимошенко купили по целому мешку. В магазин пускает по 2 человека, остальные стоят во дворе. А насчет обчетов, обвешивания – тут она тоже мастер» [21. Л. 115].

Присылаемые в редакцию «Советской торговли» письма направлялись в областные управления торговли, облпотребсоюзы. Данная мера не всегда давала положительные результаты. Отдельные письма становились источниками написания разоблачительных статей. Так, о низкой культуре обслуживания в Москве газета писала в статье «За грубость – к ответу» (17 июня 1975 г.). В частности, был приведен факт хамства в магазине № 40 Куйбышевского райпищеторга столицы. Впоследствии директор торгова М. Байгельман сообщал редакции, что статья обсуждалась в партийно-хозяйственном активе организации, были объявлены соответствующие выговоры. Однако не успела редакция получить ответ руководителя, как пришло письмо от москвички Р. Агафоновой, которую оскорбили в магазине № 45 этого же торгова. Газета выступила еще раз (26 августа 1975 г.), чтобы подчеркнуть, что принятые меры оказались неэффективны. Тем не менее в последующий период пришло еще несколько писем о грубости работников столичной торговли и среди них значились новые жалобы на работников магазинов № 9, 37, 45 Куйбышевского торгова [21. Л. 116–117].

Примечательны письма читателей «Сельской жизни», в которых обобщались вопросы низкой культуры обслуживания, перебои в снабжении, развивающиеся спекулятивные операции. Читатель В. Пябус из поселка Колхозабад Таджикской ССР свидетельствовал о производящихся махинациях в продаже продуктов на местном рынке в 1975 г.: «К примеру, привез колхозник мешок картошки (60 кг) и просит за них 12 руб. Ему предлагают 10 руб., заметив недовольный вид хозяина мешка, по-базарному бьют по рукам, добавляют 2–3 руб. и забирают все, тут же начинают продавать по 50–80 коп. за килограмм. В результате такой “операции” первоначальный хозяин доволен, быстро продает, а перекупщик с трудового населения кладет в собственный карман 17–35 руб. о таких махинациях пробовали говорить базарному, на что он отвечал: “Он же не ворует, а покупает, а лишнее продает”. Полной свободой установления цен на базарах и рынках пользовались всякие дельцы-перекупщики и прочие заправилы базаров. А сколько испорченных овощей и фруктов из-за этого ежедневно вывозится с территории базаров и рынков на свалку? И почему бы

местной власти не установить нормальные цены, доступные всем, и эти же продукты, пока не испортились, продать населению? Получается какая-то капиталистическая политика в этом отношении. Пусть сгниет, лучше выбросить, но цены не снижать. Знаю о том, что цены на базарах и рынках законом не устанавливаются, т.к. колхозник продает излишки продуктов, плюс к тому установление цен якобы мешает завозу продуктов на базар и рынок. Это же просто спекулянтская агитация. Поэтому надо подумать о базарно-рыночном положении и вынести какое-то решение об установлении цен на рынках и базарах. Простой народ скажет на такое решение большое спасибо. Плюс к тому такое решение ударит по всевозможным перекупщикам и снизит возрастание спекуляции. При общих больших достижениях не надо закрывать глаза на такие «мелочи» и освободить базарного и рыночного покупателя от спекулянтов» [21. Л. 138–139].

Различного рода перепродажи товаров порождали вопросы имущественного характера. Велико количество писем, в которых говорилось о не порядках в сохранности товарно-материальных ценностей [15. С. 385–386], что указывает на недостаточное внимание многих торговых предприятий к столь важному вопросу. В свою очередь данный факт создавал благоприятные условия для злоупотреблений и трудовых конфликтов. Нарушались условия работы в особенности для молодых специалистов. Ввиду малоопытности многие молодые сотрудники подвергались увольнению, административному и уголовному наказанию. Приведем пример письма, поступившего в «Советскую торговлю» в 1975 г. «Я работала младшим продавцом в магазине № 24 “Гастроном” Павловского смешторга. Мне 17 лет, окончила Воронежское торговое училище. В магазине меня поставили в хлебный отдел на подотчет. Получала изделия по накладной, выручку давала в кассу, а кассир выбивала мне денежный чек. С денежным чеком и накладной я ежедневно отчитывалась перед завмагом А.И. Бобраковой. Я проработала в магазине два с половиной месяца. Потом прошла ревизия во всем магазине и оказалась недостача в 3 тысячи 900 рублей. Недостачу разделили на всех. Мне сказали, что я должна заплатить 88 рублей 71 копейку. Я отказалась. Старший бухгалтер и директор торгова сказали: “Вы расписались в коллективном договоре и будете платить”. При такой большой недостаче А.И. Бобракову перевели работать в 10-й магазин. Имеет она право работать в торговле после этого? Меня направили в магазин № 17. Коллектив встретил меня хорошо, но я совсем разочаровалась в торговле», – писала Т. Болгова из Воронежской области [21. Л. 54–55].

В этом и многих других подобных письмах отмечались эпизоды принуждения продавцов в погашении недостач, сокрытия причин их возникновения либо сбора так называемых залоговых денег для погашения последующего возможного дефицита бюджета организации. В ряде писем за 1975 г. в «Советскую торговлю» сообщалось, что руководители предприятий, отделов не только подавали плохой пример в обслуживании покупателей, но и злоупотребляли своим

положением, например приписывали не поступающий в продажу товар, а затем высчитывали деньги из заработной платы. Продавцы извещали СМИ, что никто из руководящих лиц не желал проводить контроль, вникать в причины складывающегося положения. Наконец, много поступало жалоб на нарушение принципов подбора кадров. В частности, прием на работу часто совершался на основе приятельских отношений, специалисты оставались не у дел [21. Л. 54–59, 87–96].

Озабоченность населения вызывала организация рыночной торговли, где процветала деятельность перекупщиков. Еще одной важной проблемой считалось установление наценок на продукты в сельских магазинах, обсчет, обмер, обвешивание, отпуск товаров в долг. Данная проблематика с особой злободневностью актуализирована в неопубликованных письмах в газету «Сельская жизнь» за 1975 г. [21. Л. 136–139, 147–148].

Весьма остро поднимались в письмах вопросы заработной платы и рабочих условий для работников торговли. Приведем примеры типичных писем в «Правду». «План мне доводили до 4–5 тыс. в месяц и платили 1 руб. 60 коп. за 100 руб. выручки. В 1971 г. мне стали платить 1 руб. за 100 руб. Я обратился в райпотребсоюз с вопросом – почему снизились расценки. Мне ответили, что вам положен второй продавец. Проработал второй продавец два месяца, его сократили и сказали, что не положено. У меня расценки остались прежними. По-прежнему работаю по 8 часов и больше, без выходных, а зарабатываю всего по 60 руб. в месяц», – писал продавец из Березниковского района Минской области в 1973 г. [20. Л. 26–27]. В том же году продавцы магазина № 105 Черкасского райпо Черкасской области сообщали, что работая по 11 часов в день, разгружая и погружая машины, перенося ящики по 20–30 кг по кладовой и мешки весом в 50 кг, при этом имели отпуск в 15 дней [20. Л. 27]. В 1973 г. информировали о тяжелых условиях труда продавцы магазина поселка Чапаевка Чимкентской области: «На протяжении трех лет нам обещают создать условия, при которых мы могли бы культурно обслуживать покупателей и не мучать себя. В помещении протекает крыша. Рушатся стены, вода течет по электрическим проводам. Зимой помещения не отапливаются. Мы всей бригадой подали заявление на увольнение» [20. Л. 27–28]. Отметим, что в отдельных письмах вскрывались недостатки во взаимоотношениях между руководителями и специалистами, нарушения трудового законодательства, в том числе и отмена общих выходных дней. О подобных фактах писали в редакцию «Правды» в 1973 г. из Москвы, Куйбышева, Свердловска, Житомира, Алма-Аты, Донецка, Киева и др. [20. Л. 28–29].

Примечателен блок писем от работников торговли, в которых демонстрируется назревшая проблема распределения жилого фонда. Так, в редакцию газеты «Советская торговля» в сентябре 1970 г. пришли письма, впоследствии переданные в ЦК КПСС, содержащие анализ организации бытовых условий специалистов. Как правило, торговые организации, не имея своего жилого фонда, не могли обеспечить жильем всех нуждающихся сотрудников. Особенно

страдали молодые кадры. «Четвертый год я и 10-летняя дочка живем в одной комнате с моим бывшим мужем. У него новая семья, годовалый ребенок. Бывший муж все время пьет, устраивает скандалы и драки. Я работаю в магазине Шевченковского плодоовощторга, но в торге квартир нет. А уйти нам некуда», – писала Н. Зубченко из Киева [18. Л. 158–159]. «Окончив техникум советской торговли в 1958 г., я поступила в универмаг, жили мы у родителей мужа в старом ветхом доме. В 1965 г. муж умер. Я осталась с 3-летней дочкой. Сейчас мы по-прежнему живем у свекрови. Дом построен в 1945 г. и это не дом, а мазанка. Стены тонкие, продувает. Одна стена вот-вот обвалится. В полу щели. Печка развалилась, тепло не держится», – сообщала А. Жилвачик из Могилева [18. Л. 159]. «С 1960 г., согласно распределению института, я работаю технологом в Эчмиадзинском общепите и до сегодняшнего дня квартиры не имею. Женат, двое детей, жена работает в горкоопе. Обращался в горисполком. Говорят, обеспечить жильем должна организация, в которой я работаю, а горкооп не имеет своего жилого фонда», – информировал Т. Амбарцумян [18. Л. 160]. Продавец А.Г. Коростелева из Свердловска в 1975 г. уведомляла редакцию газеты «Советская торговля», что директор магазина № 12 Свердловского текстильшвейнообувторга Н.М. Казьменных пропускала дефицитный товар через свой кабинет. Впоследствии она купила машину «Жигули» через райисполком, построила гараж рядом с заводом «Уралмаш». Однокомнатную квартиру через райисполком поменяла на двухкомнатную, а теперь ей пообещали трехкомнатную. Ничего нет удивительного, ведь кое-кто в райисполкоме принимает живейшее участие в благополучии Казьменных. К примеру, товарищ Кузьмичев – самый частый гость в кабинете директора. Писать куда-то на месте бесполезно» [18. Л. 94–95].

Тем не менее вопрос реакции государственной власти на письма граждан в органы печати все же обращает на себя внимание. Как было описано выше, источники содержат информацию об обратной связи с руководящими органами. Отдельные сообщения граждан пристально прорабатывались социально-экономическим отделом ЦК КПСС и ложились в основу предложений и проектов, рассматриваемых на съездах. Информация о поступающих в партийные органы письмах трудящихся по вопросам экономии и бережливости в народном хозяйстве была использована при подготовке проекта ЦК КПСС «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 гг.» [16. Л. 48]. Любопытно письмо от читателя А.М. Бакланова из г. Александровск (Пермская область), доставленное в журнал «Известия ЦК КПСС» в 1989 г. В нем говорится о больших вопросах жизни, проработка которых, как указано в документе, стала косвенной подготовкой к XXVIII съезду КПСС. В частности, автор рассуждал о ценообразовании и деятельности так называемых дельцов, извлекающих личную выгоду, связанную с обогащением. «Выросло в огороде, в поле, но не все доходит до потребителя. Колхозник не может продать по кооперативной цене, а горожанин со средней зарплатой едва ли захочет

купить. И у госпредприятий и у дельцов огурцы продаются по бешеной цене. Пусть гниет, но людям не достанется. Государство должно заинтересоваться деятельностью дельцов от торговли местными продуктами» [25. Л. 12].

Таким образом, в СМИ поступали большие блоки писем, в которых поднимались всеобъемлющие проблемы организации торговли в городе и, в особенности, в деревне. Авторы писем обращали внимание на то, что ряд выдвинутых на ответственные должности работников нарушали финансовую дисциплину, использовали служебное положение в корыстных целях. Злободневными вопросами являлись темы ненадлежащего руководства товарооборотом, о явлении дефицита, а также длительных перебоях в торговле разного рода товарами, в первую очередь продовольственными. Покупатели и читатели газет делились мнениями о причинах дефицита, высказывали в связи с этим разнообразные суждения и предложения. Охват корреспонденции позволяет сказать о масштабности спектра спекулятивной деятельности и широкой распространенности растрат, хищений. Особенно явно перепродажа товаров процветала на рын-

ках и базарах, откуда и брала свое начало. Постепенно данный обычай распространился на торговые точки, лавки, магазины. Параллельно в торговой сфере развивалась традиция продажи недостающих в обращении товаров родственникам, либо руководящим лицам, а также людям, занимающим высокие должности, словом всем тем, связи с кем могли пригодиться в жизни. Происходил поворот от коллективистских идеалов к частнособственнической морали, индивидуализму, коммерциализации деятельности. Кроме того, во многих читательских письмах, адресуемых редакциям газет «Сельская жизнь», «Советская торговля», «Правда», присутствовали размышления о недостатках в организации и оплаты труда в области торгового дела. В большинстве жалоб отмечались нарушения кадровой политики, режима рабочего времени. Следовательно, письма трудящихся свидетельствуют о том, что советские люди не безоговорочно поддерживали социально-экономическую политику руководящей партии и правящей элиты. Массовое недовольство вызывали вскрываемые факты процветающих теневых сторон торговой деятельности, все более вхожих в повседневную жизнь общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирсанов Р.Г. Состояние потребительского рынка в СССР (конец 1970-х – начало 1990-х гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 36–41.
2. Вольфман Г.И. Борьба со спекуляцией по советскому законодательству / Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР. Саратов. юрид. ин-т им. Д.И. Курского. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1964. 134 с.
3. Михайлов М.П. Уголовная ответственность за нарушение правил о валютных операциях и спекуляцию валютными ценностями по советскому уголовному праву. М. : Юрид. лит., 1964. 43 с.
4. Гладких Ю.Т. Расследование спекуляции : учеб. пособие / под ред. М.П. Хилобока. М. : МВШМ МВД СССР, 1987. 68 с.
5. Колосова В.И. Ответственность за контрабанду. Борьба аппаратов БХСС со спекуляцией контрабандными товарами : учеб. пособие. Горький : ГВШ МВД СССР, 1987. 81 с.
6. Осипенко О.В. Лукавый бизнес: [О теневой экономике]. М. : Знание, 1991. 62 с.
7. Семин Г.Р. Теневая экономика: [монография]; Акад. наук Респ. Башкортостан, Отд-ние соц. наук, Башк. акад. гос. службы и упр. при Президенте Респ. Башкортостан. Уфа : Гилем, 2005. 187 с.
8. Латов Ю.В., Ковалев С.Н. Теневая экономика: учеб. пособие для вузов / под ред. В.Я. Кикотя, Г.М. Казиахмедова. М. : Норма, 2006. 335 с.
9. Васильев Д. Фарцовщики: как делались состояния: исповедь людей «из тени». СПб. : Невский проспект : Вектор, 2007. 188 с.
10. Гурова О. Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 287 с.
11. Иванова А.С. Магазины Внешпосылторга: валютная торговля в СССР (1960–1980-е годы) // Вестник Пермского университета. 2011. № 3 (17). С. 86–93.
12. Твердюкова Е.Д. Деятельность государственной торговой инспекции по борьбе с обманом потребителя // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2015. № 3 (7). С. 56–67.
13. Клинова М.А. Спекуляция и фарцовка в СССР 1960-х – 1980-х гг.: векторы современного историографического осмысления // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. : XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина. Материалы. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г. : в 2 т. Екатеринбург : [УрФУ], 2014. Т. 1. С. 78–83.
14. Теневая экономика: [сборник / сост. Б.А. Дружинин]. М. : Экономика, 1991. 158 с.
15. Столетова А.С. Особенности хищений государственной собственности в РСФСР 1960–1980-х годов // Научный диалог. 2019. № 12. С. 379–391. doi: 10.24224/2227-1295-2019-12-379-391.
16. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 68. Д. 2178.
17. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 562.
18. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 266.
19. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 68.
20. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 144.
21. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 1030.
22. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 418.
23. РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 918.
24. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 74.
25. РГАНИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 176.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 октября 2020 г.

Shadow Aspects of the Organization of Soviet Trade in the Assessments of Collective Consciousness in the 1960s–1980s: Interpretation of Letters to the Central Authorities and the Media

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 153–163.

DOI: 10.17223/15617793/472/19

Anna S. Stoletova, Vologda State University (Vologda, Russian Federation); Vologda State Dairy-Farming Academy named after N. V. Vereshchagin (Vologda, Russian Federation). E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru

Keywords: Soviet trade; public consciousness; speculation; scarce goods; social life; economy.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00269.

The article raises the question of the specifics of the socioeconomic development of the Soviet society in the 1960s–1980s in terms of the specifics of the organization of trade activities. The aim of this study is to identify the shadow aspects in the implementation of trade and economic practices in the Soviet state during the deep social transformations of the second half of the 20th century. Special attention is paid to the reaction of people to situations related to the growing deterioration of the population's supply of food, basic necessities, and household appliances. Observing the actions of the authorities, abuse of office, supply disruptions, production of low quality products, violations in the household arrangement of shopkeepers, lack of premises for organizing trade (especially in rural areas), Soviet citizens, hoping for justice, wrote to the newspapers *Sovetskaya Torgovlya* [Soviet Trade], *Sel'skaya zhizn'* [Rural Life], *Pravda* [Truth], and directly to the governing authorities. Based on the analysis of the database of materials of the Russian State Archive of Contemporary History, the author comes to the conclusion that the all-encompassing trend of the time was the formation of procedures for a speculative resale of goods. Their approval took place in the environment of bazaars and markets, gradually spreading to other trading enterprises. The most important problem of the time was commodity shortage and related criminal schemes, non-compliance with labor discipline, and so on. Soviet citizens showed a keen desire to make the egregious facts of reality public. Changes in people's behavioral patterns and moral appearance, the presence of special privileges for heads of the trade business, their families, and governing elites caused a persistent rejection by many. However, the attitude to things gradually changed, the desire for a comfortable life in society increased, which often led to joining the shadow models of the development of trade activities. The novelty of the study is seen in the fact that the author demonstrates the modernization of worldview characteristics, traits of consciousness, both among the corporate management, trade organizers, and among urban and rural residents. During the analyzed period, the commercialization of life manifestations gained momentum, and the formation of entrepreneurial initiatives and private-property psychology took place. The source basis of the study is archival materials from the funds of the Russian State Archive of Contemporary History. Within the framework of the problem, the application of sociocultural and systemic approaches that determine the formation of a holistic, comprehensive view of the construction of transformational, modernizing, and evolutionary processes in Soviet trade in the second half of the 20th century is convincing.

REFERENCES

1. Kirsanov, R.G. (2014) State of the consumer market in the USSR (late 1970s – early 1990s). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of BSU*. 7. pp. 36–41. (In Russian).
2. Vol'fman, G.I. (1964) *Bor'ba so spekulatsiei po sovetskomu zakonodatel'stvu* [The fight against speculation under Soviet legislation]. Saratov: Saratov State University.
3. Mikhaylov, M.P. (1964) *Ugolovnaya otvetstvennost' za narushenie pravil o valyutnykh operatsiyakh i spekulatsiyu valyutnymi tsennostyami po sovetskomu ugolovnomu pravu* [Criminal Liability for Violation of the Rules on Currency Transactions and Speculation in Currency Values under Soviet Criminal Law]. Moscow: Yurid. lit.
4. Gladkikh, Yu.T. (1987) *Rassledovanie spekulatsii* [Investigation of Speculation]. Moscow: Higher Police School of the Ministry of State Security of the USSR.
5. Kolosova, V.I. (1987) *Otvetstvennost' za kontrabandu. Bor'ba apparatov BKhSS so spekulatsiei kontrabandnymi tovarami* [Responsibility for Smuggling. The struggle of BKhSS apparatuses with the speculation of contraband goods]. Gorky: Gorky Higher School of the Ministry of State Security of the USSR.
6. Osipenko, O.V. (1991) *Lukavyy biznes: (O tenevoy ekonomike)* [Crafty Business: (About the shadow economy)]. Moscow: Znanie.
7. Semina, G.R. (2005) *Tenevaya ekonomika* [Shadow Economy]. Ufa: Gilem.
8. Latov, Yu.V. & Kovalev, S.N. (2006) *Tenevaya ekonomika* [Shadow Economy]. Moscow: Norma.
9. Vasil'ev, D. (2007) *Fartsovshchiki: kak delalis' sostoyaniya: ispoved' lyudey "iz teni"* [Fartsovshchiks: How fortunes were made: confessions of people "from the shadows"]. Saint Petersburg: Nevskiy prospekt: Vektor.
10. Gurova, O. (2008) *Sovetskoe nizhnee bel'e: mezhdru ideologiy i povsednevnost'yu* [Soviet Underwear: Between ideology and everyday life]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
11. Ivanova, A.S. (2011) Vneshposyltorg shops: hard currency trade in the USSR (1960–1980s). *Vestnik Permskogo universiteta – Perm University Herald. History*. 3 (17). pp. 86–93. (In Russian).
12. Tverdyukova, E.D. (2015) Activity of state commercial inspection in the fight with the fraud of user in the soviet trade (middle 1930s – beginning 1990s). *Petersburgskiy istoricheskiy zhurnal – Petersburg Historical Journal*. 3 (7). pp. 56–67. (In Russian). DOI: 10.51255/2311-603X-2015-00042
13. Klinova, M.A. (2014) [Speculation and farce in the USSR of the 1960s–1980s: vectors of modern historiographical understanding]. *Ural industrial'nyy. Bakuninskie chteniya: Industrial'naya modernizatsiya Urala v XVIII–XXI vv.* [Industrial Ural. Bakunin Readings: Industrial Modernization of the Urals in the 18th–21st centuries]. Proceedings of the 12th All-Russian Conference. Vol. 1. Yekaterinburg. 4–5 December 2014. Yekaterinburg: Ural Federal State University. pp. 78–83. (In Russian).
14. Druzhinin, B.A. (ed.) (1991) *Tenevaya ekonomika* [Shadow Economy]. Moscow: Ekonomika.
15. Stoletova, A.S. (2019) Specifics of theft of state property in the RSFSR of 1960s–1980s. *Nauchnyy dialog*. 12. pp. 379–391. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-379-391
16. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 68. File 2178.
17. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 60. File 562.
18. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 62. File 266.
19. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 77. File 68.
20. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 66. File 144.
21. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 68. File 1030.
22. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 77. File 418.
23. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 100. List 5. File 918.
24. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 34. File 74.
25. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 95. List 1. File 176.

Received: 09 October 2020

ПЕДАГОГИКА

УДК 81'33

Н.В. Головки, Д.В. Шейко

ОБЗОР ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕТАФОРЫ МЕТОДАМИ КОГНИТИВНОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Представлен сопоставительный, описательно-оценочный и критический обзор актуальных англоязычных и русскоязычных публикаций, в которых метафора как когнитивное и языковое явление изучается в связи с преподаванием иностранных языков и с привлечением методологии когнитивной и прикладной лингвистики. Проведён анализ содержащихся в обзорных публикациях идей и практических разработок. Выделены направления отечественных и зарубежных исследований, представляющие авторам наиболее перспективными.

Ключевые слова: лингводидактика; метафора; прикладная лингвистика; когнитивная лингвистика; обзор; неродной язык; иностранный язык

Введение

Кафедра русского языка как иностранного ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» ведёт исследовательский проект по оценке роли и значимости метафорической компетенции (способности успешно порождать и воспринимать письменные и устные высказывания, основанные на метафорическом переносе значений) при изучении русского языка как иностранного (РКИ). Для нужд этого проекта нами был подготовлен обзор зарубежных и отечественных исследований по схожей тематике, а именно посвящённых тому, как в последние годы методология прикладной и когнитивной лингвистики применяется для изучения метафоры в контексте обучения языкам.

В связи с большим объёмом материала, подлежащим обзору, и ограниченным размером статьи мы позволим себе не обосновывать развитость и актуальность темы, лишь тезисно заявив, что в соответствующей области накопилось значительное количество публикаций, требующих осмысления и систематизации и в то же время обладающих достаточной степенью новизны для того, чтобы не дублировались существующие обзорные работы. Заметим также, что в исследованиях последних лет регулярно подчёркивается востребованность научного обоснования новых лингводидактических подходов и методов.

В то же время мы полагаем, что следует сделать несколько замечаний о терминологии. В первую очередь комментария такого рода требует понятие метафоры. Это связано с тем, что когнитивная лингвистика (преимущественно зарубежная), на наш взгляд, имеет особое представление о нём. Традиционно цитируемая почти в любом исследовании по когнитивной метафоре теория Дж. Лакоффа и М. Джонсона, изложенная в книге «Метафоры, которыми мы живём», выдвинула на передний план идею о том, что метафора (или, возможно, точнее было бы сказать «метафорический перенос») является феноменом мышления, основополагающим когнитивным процессом, который может получать различные физические воплощения, в частности в виде общеиз-

вестного тропа. Одним из последствий такого широкого подхода стало, например, возникновение понятия «грамматическая метафора», под которым предлагается понимать перенос грамматического значения. При этом, как отмечал в других своих работах (см.: Golovko N. Is a metonymy always a metonymy? A speculation on taxonomical aspects of propositional metonymy and situational metonymy // SHS Web of Conferences. 2019. Vol. 69) один из авторов настоящего обзора, при знакомстве с рядом современных публикаций по теме складывается впечатление, что многим зарубежным исследователям в целом не близко стремление отечественных учёных к кристальной терминологической ясности и они вписывают в общие теоретические категории те явления, которые на наш (русский) взгляд стоило бы выделять особо. Соответственно, если исходить из предположения, что для многих последователей теории Лакоффа – Джонсона метафора – это почти любой случай когнитивного переноса из одной тематической области (домена) в другую (мы видели значительное количество работ, начинающихся с цитаты «the essence of metaphor is understanding and experiencing one kind of thing in terms of another» [1. Р. 5]), то упомянутая выше грамматическая метафора не обязательно подразумевает перенос именно по сходству. Например, для В. Сюй и И. Чжан [2] случаем грамматической метафоризации является выражение вопроса изъявительным предложением. В итоге часто оказывается, что понятие метафоры у зарубежных авторов приобретает крупный, возможно, избыточный масштаб и объём. Мы склонны придерживаться привычного нам (как представителям российской филологической традиции) понимания метафоры как переноса значения по сходству, выраженного лексически. В тех случаях, когда позиция конкретного исследователя или коллектива будет отличаться от этого базового понимания, мы оставим соответствующие пояснения.

Добавим также, что о метафорической компетенции, по нашему мнению, можно говорить применительно как к носителям языка, так и к изучающим язык в качестве неродного/иностранного; однако по-

сколькo исследовательский проект, в рамках которого был подготовлен этот обзор, нацелен на работу с метафорической компетенцией лиц, осваивающих РКИ, мы выводим носителей языка за скобки и рассматриваем только те научные работы, где говорится об изучении метафор применительно к организованному и сознательному процессу освоения языков, не являющихся родными. Именно этот смысл следует связывать со словами «лингводидактические исследования» в заголовке.

Говоря об изучении языков, теоретики и практики обычно разводят понятия «неродной язык» и «иностранный язык». В зарубежных работах на английском языке, как правило, фигурируют термины «second language» и «foreign language». Концепция второго (неродного) языка в этом контексте ассоциируется с билингвизмом: например, гражданин политического государства осваивает язык своего этноса в качестве родного и государственный язык в качестве неродного, а затем может изучить язык зарубежной нации как иностранный. Мы не видим причин спорить с этим подходом, но в силу близости лингводидактических процессов и процедур, сопряжённых с изучением неродного и иностранного языков, не используем его в качестве критерия при отборе, т.е. рассматриваем статьи, в которых говорится о любом из этих двух вариантов.

В качестве заключительного замечания мы хотим отметить, что не являемся строгими последователями концептуальной теории метафор (Conceptual Metaphor Theory) и когнитивной лингвистики в целом. Мы решаем практическую задачу по совершенствованию преподавания русского языка как иностранного студентам, прибывающим из-за рубежа для получения высшего образования в России, и наша цель – составить арсенал наиболее эффективных и полезных лингводидактических методов и приёмов. Мы, таким образом, не стремимся доказать исключительную действенность какого-либо конкретного теоретического подхода в ущерб остальным; этот обзор призван иметь сопоставительный и описательно-оценочный, а также критический характер.

Материалы и методы

В качестве материала для исследования были отобраны англоязычные и русскоязычные публикации, соответствующие теме настоящей обзорной статьи, с полнотекстовым свободным доступом за последние 10 лет преимущественно в рецензируемых (Web of Science, Scopus, перечень ВАК России) научных изданиях, общим количеством 40 шт (20 + 20). Использовались общенаучные методы анализа, синтеза и сравнения.

Работая в соавторстве, мы параллельно рассматриваем англоязычные и русскоязычные источники по отдельности, впоследствии подводя общий итог. В связи с тем, что отобранные публикации представляются нам имеющими неодинаковую теоретическую и практическую ценность, мы считаем нужным расположить материал по схеме, которую можно было бы условно назвать «гнездовой»: подробная и развёрну-

тая характеристика работы, особо выделяющейся своим содержанием и идейным наполнением, сопровождается краткими описаниями нескольких сопутствующих статей, близких к ней по тематике, после чего осуществляется переход к следующему узловому исследованию и аналогичному его окружению.

Англоязычные публикации

Ассоциативные исследования по поиску базовых концептуальных метафор

Исследовательский коллектив из Падерборнского университета (Германия) в 2019 г. опубликовал статью «Plunging into a world? A novel approach to undergraduates' metaphors of reading» [3]. Эта работа имеет психолингвистический уклон и по сути является ассоциативным исследованием: метафора выступает здесь в качестве инструмента, посредством которого авторы пытаются составить представление о восприятии студентами процесса чтения на иностранном языке и об их (студентов) отношении к этому процессу.

Сама идея и цель проведённого авторами исследования вполне обычны. Их почти можно назвать типовыми: в общей выборке встретилось относительно много работ, где испытуемых просили выразить своё восприятие чего-либо через метафору и затем анализировали полученные образцы в поисках не столько даже лингводидактических, сколько педагогических выводов. Таковы, например, статьи индонезийских учёных Э. Вахьюнингсих и М. Адама «Examining English Language Learners' Conception Through Conceptual Metaphor Production» [4], а также их соотечественников Х. Мудры и Н. Айни «“English learning is like...”: metaphorical perceptions of prospective English teachers about language learning process» [5]. Сущностно они вполне идентичны: испытуемым предлагалась неоконченная фраза сравнительного характера, которую требовалось завершить первой приходящей на ум ассоциацией. Пример частично виден в заголовке второй статьи авторов из Индонезии: «Изучать английский язык – это как..., потому что...». Различались главным образом аудитории: в первом случае учёные исследовали студентов, во втором – преподавателей. Обе категории испытуемых, похоже, пользуются примерно одинаковой популярностью: так, статья немецких авторов тоже посвящена работе со студентами, равно как и методологически близкая публикация польской исследовательницы Д. Габрыш-Баркер «Developing language awareness through students' conceptualizations: metaphoric approach in content courses» [6], где после изучения авторского курса по введению в многоязычие студентов попросили написать эссе на темы «Многоязычие – это как...»/«Быть многоязычным – это как...» или «Многоязычный ментальный лексикон – это как...», а канадский специалист Т. Фаррелл или малайзийцы Н.Х. Ахмад и А.А. Самад (статьи «The teacher is a facilitator: reflecting on ESL teacher beliefs through metaphor analysis» [7] и «Metaphors as proxies for identity: a case study of a Teaching English to Young Learners (TEYL) teacher» [8] соответственно) занимались вербализацией преподавательских концептов. Примечательно

здесь в основном то, что педагогические работники как респонденты или испытуемые находятся в заметном меньшинстве численно: Т. Фаррелл изучил метафоры, порождённые тремя преподавателями, а Н.Х. Ахмад и А.А. Самад – одним (поэтому в заглавии их статьи используется словосочетание «case study»). Несмотря на мелкие методологические различия – в частности, канадский исследователь собирал метафоры в ходе устных собеседований и дискуссий со своими респондентами, – все эти работы построены по одному принципу: получить от испытуемых метафорический языковой материал и использовать его для проникновения в содержание и принципы их мышления. Статья авторов из Германии здесь не является исключением: 143 немецких студента бакалавриата, обучавшиеся по педагогическим и гуманитарным направлениям подготовки и изучавшие английский язык как иностранный, должны были закончить фразу «Reading is like...» («Чтение – это как...») первыми образами, аналогиями или метафорами, пришедшими им на ум (при желании – несколькими), а затем дать пояснения в виде нескольких предложений. Отличием, выделяющим эту публикацию на фоне вышеперечисленных, является увеличенная глубина теоретической проработки, являющаяся результатом намерения авторов улучшить и расширить методы и приёмы проведения исследований такого рода. Сами авторы называют это «особым методологическим подходом» (specific methodological approach), претендуя тем самым на долю теоретико-методологической новизны в дополнение к обычным выводам психолого-педагогического характера.

Представляется, что «особость» методологии немецкого коллектива выражается в первую очередь двумя чертами. Во-первых, исследователи решили дополнить традиционный «лексический» подход к концептуальной метафоре по Лакоффу – Джонсону долей грамматики, добавив транзитивный анализ по П.Дж. Хопперу и С.А. Томпсону (Hopper P.J., Thompson S.A. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. 1980. № 56. P. 251–299). Это позволило им, например, прочертить границы внутри некоторых концептуальных метафор, которые в противном случае оказались бы неделимыми – например, развести идеи намеренного движения и пассивного перемещения; по мнению авторов, относясь к одному и тому же смысловому домену-источнику, эти метафоры всё же выражают значимо содержательно разные идеи. Во-вторых, немецкие специалисты не стали выделять некие «суперметафоры» максимально универсального характера, вокруг которых группировались бы прочие; вместо этого они дали группам метафор «удобные описательные наименования» (convenient descriptions).

В итоге исследователи выделили 66 концептуальных метафор. Основными тематическими группами стали «обращение с предметами» (handling things), «движение внутрь или наружу» (moving in or out), «движение вокруг или рядом» (moving around), «видение и открывание» (seeing and opening), «объектность» (being acted upon). Также выделены группы метафор, связанных с эмоциями и мышлением (emotion-centered

metaphors/cognitive metaphors), и группа прочих выражений, не подошедших под все эти основания для классификации. На странице 40 рассматриваемой публикации имеется полный перечень всех концептуальных метафор с разбиением по группам и с данными о частоте встречаемости каждой метафоры. Весьма объёмный дискуссионный раздел посвящён сопоставлению полученной картины с принятыми на данный момент психологическими и педагогическими теориями о чтении (говорится о «поразительном контрасте» (см.: [3. P. 41–42]), а также некоторым попыткам прокомментировать упомянутый в скобках контраст. Ключевые выводы авторов выражены в виде трёх тезисов: восприятие учебного чтения – как явления и процесса – студентами очень разнородно и разнообразно, студенты в целом не склонны связывать чтение с высоким уровнем активности действующего лица или с воздействием (activity of high agency or impact), метафорическое представление студентов о чтении плохо соотносится с когнитивными и социокультурными подходами к чтению [3. P. 45].

Первый из этих трёх тезисов представляется вполне очевидным и ожидаемым, но, как бы парадоксально это ни выглядело, именно ему мы хотим посвятить небольшой сопутствующий комментарий.

В нашей выборке есть работа исследовательского коллектива из университета Барселоны «Using metaphor to explore the organizational patterns of expository writing» [9]. В этой статье, которая посвящена проблеме структурирования текстов на иностранном языке, создаваемых студентами, подробно (на 16 страницах) разбирается идея о применении метафоры «текст – путешествие» для того, чтобы облегчить процесс вышеупомянутого структурирования. Насколько мы понимаем мысль авторов, они хотят сказать (ссылаясь при этом и на мнения других исследователей), что при порождении текстов на иностранном языке учащийся забывает о логичном расположении мыслей: работа с организацией написанного, с выстраиванием текста по нужной схеме оттесняется на второй план, поскольку в первую очередь приходится преодолевать сугубо языковые затруднения, сопряжённые с недостаточным уровнем владения лексикой и грамматикой; следовательно, метафора неязыкового характера (восприятие текста как странствия) могла бы помочь студенту правильно выстроить текстовую структуру, находясь словно бы «над» его борьбой с лингвистическими (некоммуникативными) трудностями. И хотя авторы путём рассуждений показывают потенциальную эффективность этой конкретной метафоры и демонстрируют на конкретных примерах студенческих текстов, что именно её можно было бы широко и активно применять для заявленных целей, описанная нами выше статья немецких исследователей де-факто подвергает этот подход сомнению. Действительно, если 143 студента, выражая своё восприятие одного из видов речевой деятельности, породили 66 концептуальных метафор, то насколько высока вероятность того, что единственная метафора (которая, по-видимому, интроспективно близка коллективу из Барселоны) окажется универ-

сальной? Вполне возможно, что она будет полезна лишь единичным студентам в аудитории.

Соответствующие вопросы, впрочем, более глобальны, чем неоднозначности одной конкретной статьи. Авторы ассоциативных лингводидактических исследований рассчитывают на полезность их данных для преподавания языков; однако безусловного доминирования каких-либо конкретных ассоциаций (метафор) их статистика обычно не показывает. У немецких специалистов самая частотная метафора – «погружение» (plunging) – встретилась в 44 случаях из 143. Соответственно, адаптировать и оптимизировать учебный материал таким образом на уровне учебника или пособия в принципе невозможно (слишком много разных людей будут по нему учиться), на уровне студенческой группы – малоэффективно (даже самая распространённая метафора охватит лишь 20–30% учащихся), и лишь по мере движения к индивидуализации этот подход обретёт осязаемые черты – но не в любых условиях преподаватель сможет, например, разработать несколько разных комплексов схем или упражнений на основе метафор, каждый из которых будет предназначен для двоих-троих студентов.

Исследование применения семантических полей в лингводидактических целях

Ещё одна работа, которая кажется нам заслуживающей внимания, – исследование тайваньского коллектива учёных из двух университетов, озаглавленное «Teaching English polysemy through semantic fields» [10]. Ключевая черта этой публикации отражена в названии: авторы выдвинули идею о том, что обучение лексике может быть более эффективным, если положиться на лексико-семантический подход взамен привычного лексико-тематического. Метафора в этой работе рассматривается постольку, поскольку авторы считают переносные значения слов метафорическими. По их собственному утверждению, «главная цель – увидеть, насколько хорошо студенты смогут освоить полисемию и как семантические поля могут помочь им усвоить метафорические значения полисемии» [10. Р. 5]. Для этих нужд они провели экспериментальное исследование, построенное часто встречающимся в нашей выборке образом: формирование экспериментальной и контрольной групп добровольцев, предварительное тестирование (предтест), педагогическая работа с экспериментальной группой при помощи новых специально разработанных дидактических материалов, отражающих инновационное видение авторов, и последующее заключительное тестирование (посттест) с сопоставлением результатов обеих групп.

Аудиторией тайваньских специалистов были студенты Азиатского университета с уровнем владения английским языком «low intermediate». Их направления подготовки не были связаны с изучением английского. В качестве инструмента использовалось авторское упражнение на перевод предложений; 12 из них содержали многозначные слова с метафорическим значением, относившиеся к семантическим полям «части тела», «внутренние органы», «отрицательные слова», «животные», а ещё три не имели метафориче-

ских значений. Упражнение давалось в качестве предтеста и посттеста; в этих двух вариантах полисемичные выражения были одинаковыми, но использовались в разных контекстах. Сначала студентов просили выполнить упражнение-предтест, не сообщая им о целях исследования, затем через 2 месяца проводилось специальное занятие, где экспериментальной группе преподавали лексику через метафоры и семантические поля, а контрольной напрямую объясняли исходные и «расширенные» (переносные) значения. Ещё через месяц проводился посттест.

В экспериментальной группе авторы ввели понятие проекции. Относительно метафор, связанных с частями тела, например, объяснялось, что тело человека может проецироваться на окружающий мир: нога человека – ножка стола. Пример обращения к семантическим полям – работа со словами, имеющими негативное значение. В английском языке такие лексемы склонны имплицировать семантику «уровня» и приобретают её в явном виде с помощью наречного суффикса -ly: terrible → terribly sorry. «В классе производные значения слов с негативными коннотациями преподавались через семантические поля. Объяснялась связь между семантическим полем и значением» [10. Р. 7]. Далее в тексте статьи приведена диаграмма, где выстроенные в вертикальный ряд и соединённые друг с другом слова «awful», «terrible» и «fearful» (репрезентация семантического поля в представлении исследователей) объединяются с суффиксом -ly и приобретают вышеупомянутое значение «very».

В целом понимание семантического поля в этой статье несколько отличается от привычного (по крайней мере, привычного нам), хотя нельзя исключать, что его сознательно упростили для большей доступности. Тем не менее сама идея о более активном и широком применении семантических полей в преподавании иностранных языков выглядит заслуживающей внимания и дальнейшей разработки.

Исследования, посвящённые значимости лингвокультурологического аспекта метафоризации

С интересного наблюдения, выводящего на заслуживающие осмысления проблемы, началось исследование А. Музолфа, которое описано в его статье «Creativity in metaphor interpretation» [11]. В 2011 г. автор преподавал курс по образной речи (figurative language) в британском университете и дал студентам небольшое контрольное задание с целью убедиться, что они правильно поняли прозвучавшую на занятии фразу *body politic*. Половина студентов была китайцами, остальные – британцы, американцы, европейцы, курды и арабы. Задание состояло в том, чтобы объяснить значение фразы применительно к их родным странам. При обработке результатов неожиданно обнаружилось чёткое разделение на «китайские» и «некитайские» ответы: китайцы описывали географию (Пекин – сердце/мозг страны, Шанхай/Гонконг – лицо и т.п.), а «некитайцы» – общественную структуру (королева – глава страны, разведка – ее глаза и уши и так далее). Столкнувшись с этим интересным различием,

автор составил опросник на тему осмысления страны через призму человеческого тела и с помощью коллег собрал примерно 1 200 анкет от респондентов «31 различного культурного и языкового происхождения». Анализируя собранный материал, исследователь заключает, что практические проявления концептуальных метафор весьма различны и творчество говорящего/пишущего при порождении или восприятии метафорических высказываний играет здесь заметную роль: он может по своему выбору либо прибегать к традиционным и устоявшимся способам осуществить метафорический перенос, либо в той или иной степени отклоняться от этих способов ради достижения дополнительного коммуникативного эффекта. Впрочем, для нас здесь основной интерес представляет идея лингвокультурологических различий, которую мы хотели бы развить далее. Сам А. Музолф отмечает, что «часть этой (концептуальной и прагматической. – *Прим. авт.*) вариативности, похоже, связана с культурно специфическими концептуальными и дискурсивными традициями, т.е. выглядит как дистрибуционные предпочтения конкретных концептуальных паттернов» [11. Р. 35].

Большой и масштабной лингвокультурологической проблеме посвящена глава «Is comfort purple or green? Word-colour associations in the first and second language» в книге «Metaphor in Foreign Language Instruction» [12], написанная известным исследователем метафоры Дж. Литлмор в соавторстве с тремя её коллегами. В этом материале описывается сравнение цветовых метафорических ассоциаций наподобие той, с которой начинается заглавие («является ли комфорт фиолетовым или зелёным»), в котором участвовали три группы испытуемых: носители английского языка, англо-китайские билингвы и носители китайского языка, изучающие английский язык в качестве иностранного. Авторы стремились выявить сходства и различия между английской и китайской языковыми картинами мира в той их конкретной части, которая связана с интерпретацией чувств и эмоций через цвета. С этой целью проводилось онлайн-анкетирование из двух этапов. На первом из них респонденты трёх названных выше групп, общим количеством 420, получали заблаговременно подготовленный авторами перечень слов и должны были перечислить цвета, которые ассоциируют с каждым из них. На втором этапе 51 носитель английского языка и 41 носитель китайского языка, не участвовавшие в первой стадии, получали перечень наиболее частотных пар (примером служит соотнесение «гнев» – «красный») и должны были оценить по шкале от 0 до 100, в какой степени каждая ассоциация кажется им «имеющей физическое происхождение» (having a physical origin). Результаты обрабатывались статистически и изображались в виде соотнесительных диаграмм.

Согласно выводам авторов, телесные (bodily-based) ассоциации более устойчивы при освоении иностранного языка, чем культурно обусловленные, и поэтому вероятность того, что говорящий/пишущий перенесёт их в изучаемый язык, выше (об этом феномене также говорится в работах [13, 14] из нашей выборки: по М. Данези, одна из основных причин недо-

статочно качественного владения языком – это использование глубинных концептуально-метафорических конструкций родного языка при общении на иностранном, которому эти когнитивные паттерны несвойственны). В то же время полученные коллективом Дж. Литлмор данные не дают однозначного ответа на вопрос о том, что представляют собой цветовые метафорические ассоциации на иностранном языке: заимствованы ли они целиком из родного, представляют ли собой результат знакомства с концептуально-метафорическим фундаментом изучаемого языка, или же являются смешением того и другого.

Здесь следует обратить внимание на то, что объектами многих исследований и экспериментов с привлечением концептуальных метафор становятся именно те случаи метафорического переноса, которые основаны на «телесных» в терминологии Дж. Литлмор ассоциациях (т.е. имеющих в том или ином виде сенсорный характер: основанных на зрительном, осязательном или каком-либо ещё восприятии). Таковы, например, работа Х. Чжан и В. Чжоу «A CLEC-based study on the spatial metaphor of HIGH collocations» [15] или исследование А.Х. Сильвестре-Лопеса и В. Бельтран-Паланкеса о преподавании профессионального английского студентам-психологам [16]. В том же контексте можно упомянуть публикацию коллектива учёных из ОАЭ «Using pictures in teaching metaphorical expressions to Arabic-speaking EFL learners» [17], где говорится о классификации метафорических выражений по степени сложности усвоения и интерпретации: арабоязычные студенты испытали максимальные затруднения при взаимодействии с англоязычными выражениями, имеющими принципиально иную концептуальную основу и языковое строение, а также дополнительно осложнёнными культурно специфическими ассоциациями, причём эти затруднения были свойственны всем участникам – в том числе тем, кто входил в состав экспериментальной группы и получал особое обучение на когнитивной основе. Заметим к слову, что «когнитивному обучению» у ряда авторов свойственно полагаться на ту же сенсорную (главным образом визуальную) опору: это касается и работы арабских специалистов, и, например, статьи коллектива вьетнамских исследователей под руководством Б.Ф. Хюнга «Applying cognitive linguistics to teaching English prepositions: a quasi-experimental study» [18], где для осознанного восприятия метафор студентами применялись условные схемы, концептуализирующие метафорический перенос. Мы видим здесь проблему, которую можно выразить так: концепты сенсорного/физического характера в целом универсальны для всего человечества, и поэтому вероятно, что основанные на них метафоры могут быть без труда восприняты и усвоены интуитивно – и в то же время именно на таких концептуальных метафорах экспериментальные исследования с применением педагогических приёмов на основе идей когнитивной лингвистики и показывают положительные результаты, в то время как более сложные культурно обусловленные метафорические переносы вызывают в целом схожие затруднения и при использовании когнитивного подхода, и без него.

*Публикации об эксплицитном изучении
метафорического переноса
как когнитивного механизма*

В целом складывается впечатление, что создатели и испыталы когнитивно-лингвистических приёмов изучения иностранного языка во многом полагаются на идею о полезности и эффективности осознанного ознакомления учащихся с «изнанкой» функционирования языковых явлений, основанных на концептуально-метафорическом переносе. Предполагается, что человек будет лучше запоминать и увереннее употреблять языковые единицы, если поймёт стоящие за их особенностями причины и когнитивные механизмы. Эта идея прослеживается в статье И. Лам «The acquisition of prepositional meanings in L2 Spanish» [19], к которой мы обратимся далее. Теоретической основой этого исследования служит когнитивно-лингвистическая идея о том, что усвоение иноязычных предлогов происходит не отрывочно (от контекста к контексту), а систематически. Действительно, кажется логичным предположить, что носители языка выражали разные взаимоотношения между предметами и событиями через один и тот же предлог потому, что чувствовали некую концептуальную связь между ними. Автор статьи приводит пример возможного развития значений испанского предлога «а»: изначальный пространственный смысл («движение к цели») постепенно эволюционирует в значение места (собственно цели, по направлению к которой осуществлялось движение), а затем эта идея точки в пространстве расширяется на концепцию времени и приобретает значение конкретного момента: *a las siete* – в семь часов. Отсюда, в свою очередь, можно вывести идею о том, что усвоение подобных предлогов и их значений при изучении иностранного языка тоже должно идти не произвольно-случайным, а подобным же систематическим образом: сначала учащийся знакомится с конкретными значениями физического характера (например, пространственными), а далее учится расширять их на другие, более абстрактные понятия и процессы при помощи так называемых естественных когнитивных механизмов: метафорического переноса, аналогии или образно-схематической трансформации. В то же время, как отмечает И. Лам, «к этому моменту мало эмпирических подтверждений для этой гипотезы» [19. Р. 2], причём не столько из-за небольшого количества подобных исследований, сколько по причине отсутствия у них убедительных результатов. Соответственно, целью работы была попытка проверить вышеописанные предположения – на примере владения значениями испанского предлога «а».

В роли участников исследования выступали студенты канадского университета, изучающие испанский язык как иностранный, общим количеством 24 человека. Для контроля и сравнения использовалась группа из пяти носителей языка. То, каким образом участники ранее усвоили различные способы использования предлога, не учитывалось, но при этом отмечено, что обучение испанскому в этом университете организовано некогнитивно – с акцентом на

грамматике и словарном запасе. Процедура заключалась в том, что участникам предъявляли один из двух вариантов размещённого на одном листе бумаги набора из 15 чёрно-белых изображений, логически связанных между собой последовательностью событий, и просили описать происходящее (рассказать историю на их основе). Совокупности изображений были подобраны так, чтобы располагать к многократному употреблению предлога «а» в разных значениях и несколькими возможными способами. Сущность исследования не сообщалась – участникам говорили только то, что собираются речевые образцы и что правильность их речи значения не имеет. Ассистент записывал все высказывания на диктофон с последующей расшифровкой и обработкой. Все случаи использования «а» были далее разделены на четыре группы: пространственные, временные, лексические (идиоматика) и грамматические (присоединение дополнения к глаголу), а затем помечены как правильные или неправильные (в сомнительных случаях употребление носителями языка проверялось через корпус). Результаты обработаны при помощи аппарата математической статистики.

Данные показывают, что обладающие большей «концептуальной базовостью» (conceptual basicness) пространственные и временные значения действительно имеют более высокий уровень точности употребления, а лексические варианты превосходят по точности грамматические, хотя и немного. В то же время вопреки изначальной гипотезе «естественные когнитивные механизмы» не проявили себя как главная движущая сила: более внимательное изучение словоупотреблений показало, что в процесс усвоения значений предлогов могут быть вовлечены неконцептуальные факторы, такие как коллокационные паттерны, межязыковой перенос и психолингвистические явления вроде частотности и заметности/отличности (salience) форм. Все перечисленное названо автором в качестве предполагаемых других возможных объяснений, т.е. не изучалось непосредственно и везде изложено в условной модальности – «may also have played a role» и т.п. Также исследование не смогло учесть роль предыдущего обучения в силу специфики контингента участников. Выводы гласят, что, похоже, систематичности в усвоении значений предлогов всё же нет и вместо этого оно (усвоение) обусловлено одновременным влиянием множества разнородных процессов. «Естественные когнитивные механизмы» – лишь один из компонентов, помогающих учащимся понять, какой предлог использовать в том или ином контексте.

Хотя сама идея как таковая теоретически красива, она явно рассматривает процесс порождения речи как умение, а не как навык. Иными словами, предполагается, что говорящий или пишущий задумывается над каждым конкретным случаем выбора предлога, а затем делает логический вывод о правильном словоупотреблении. Очевидная, на наш взгляд, проблема здесь заключается в том, что речь является умением лишь на начальных этапах обучения языку, а далее весь лингводидактический процесс фокусируется на том, чтобы автоматизировать это умение и трансформиро-

вать его в навык. На эту проблему откликается, в частности, саудовский исследователь Гсун Реда, опубликовавший обзорно-теоретическую статью «A review of the cognitive linguistics approach to teaching the EFL/EIL vocabulary» [20]. Эта работа в целом отличается критичным подходом к лингводидактической методологии на основе идей когнитивной лингвистики; автор пишет, например, что «вдохновлённый когнитивной лингвистикой подход неадекватен в том смысле, что произрастает из концептуальной теории метафор и в силу этого склонен сужать фокус до преподавания устойчивых выражений и базовой лексической многозначности» [20. С. 190]. Со ссылкой на В. Эванса исследователь впоследствии поясняет, что итоговое значение слова или выражения – это результат одновременного взаимодействия множества факторов: не только когнитивных, но и социальных, культурных, языковых и т.п., в то время как когнитивно-лингвистический подход к преподаванию лексики английского как иностранного избрал «очень упрощённый» (very simplistic) взгляд на значение: базовые смыслы, основанные на фундаментальных концептах вроде упоминавшегося выше восприятия пространства, и их расширение на различного рода абстракции. «Такая стратегия может быть полезна для начинающих, – пишет Г. Реда. – Однако работа с учащимися более высоких уровней должна быть нацелена на выяснение того, чем контекстуальные значения отличаются от базовых или конвенциональных (будь они буквальными или образными)» [20. С. 198]. По этому поводу автор отмечает, что Ф. Бёрс, например, ещё в 1999 г. подчёркивал сугубо вспомогательный характер когнитивных приёмов изучения лексики иностранного языка.

Таким образом, подводя промежуточный итог, можно сказать, что идея осознанного знакомства изучающих иностранный язык с когнитивными механизмами вроде метафорического переноса, стоящими за особенностями функционирования языковых единиц, способна давать положительный лингводидактический эффект, однако начинать этот процесс необходимо ещё на ранних этапах освоения языка. Зарубежные специалисты, пытающиеся воспользоваться преимуществами когнитивного подхода, в основном работают с максимально простыми и базовыми метафорами сенсорного характера, которые, как представляется, могут быть успешно восприняты и интуитивно, в то время как когнитивная работа с более сложными культурно обусловленными образными значениями встречается весьма редко и при этом, похоже, не показывает значимых преимуществ. Метафора (главным образом концептуальная) в англоязычных лингводидактических исследованиях в основном выступает либо как научный инструмент, позволяющий оценить восприятие различных форм речевой деятельности учащимися или преподавателями, либо как педагогическое средство, призванное облегчить усвоение лексики и фразеологии, реже – грамматики, в отдельных случаях – принципов и способов порождения текстов.

Русскоязычные публикации

Исследования дидактического и методического потенциала метафоры

Одним из крупных центров по изучению метафоры выступает так называемая пермская школа метафоры, возникшая «как самостоятельное лингвистическое направление в рамках известного в 1970-е гг. лингвистического направления – дериватологии» [21. С. 122]. Для данного обзора были выбраны четыре работы вышеуказанной школы. С нашей точки зрения, методически верным будет их расположение следующим образом: сначала работа теоретического характера, в которой задаются идейные векторы, за ней – практико-ориентированная работа, в которой используются озвученные установки и выводы.

В исследовании С.Л. Мишлановой, Н.П. Ивинских, Т.В. Пеньковой «Концептуальная метафора в методическом дискурсе» [22], написанном в рамках когнитивно-семантической теории, основной задачей становится рассмотрение метафорических моделей, способов их языковой репрезентации в русском и английском языках, а также выявление универсальных стратегий метафоризации в изучаемых языках. Так, авторы приходят к выводу, что сферы отождествления можно расположить в порядке частотности их употребления следующим образом: самая распространенная модель – *человек как социальный субъект*, затем следуют модели *неживая природа*, *человек как биологическое существо* и *живая природа*.

В дальнейшем выводы, сделанные в статье, будут использованы в работе Т.М. Пермяковой и Т.И. Уткиной «Изучение степени профессионализации академического дискурса посредством анализа моделей когнитивных метафор» [23]. Основная цель, стоящая перед авторами исследования, – выявление базовых метафорических моделей, которые наиболее активно используются студентами в профессиональном и непрофессиональном дискурсах, для чего изучались эссе, написанные на английском языке учащимися 2-го и 3-го курса экономического факультета. Т.М. Пермякова и Т.И. Уткина пришли к выводам, что ключевым доменом для непрофессионального дискурса является домен *Природа* (модель *неживая природа*), для профессионального – домен *Человек* (модели *человек как социальное существо* и *человек как биологический объект*). Эти особенности, по мнению авторов, необходимо учитывать, например, при подборе материала для обучающихся экономического профиля, так как существуют «интердискурсивные связи» и на первых порах стоит рассматривать экономику в ряду естественно-научных дисциплин, а затем необходимо учитывать предметные связи с социальной сферой. При том, что данное наблюдение кажется нам достаточно важным, необходимо упомянуть, что вопрос о доменной области остается открытым: действительно ли обучающимся на уровне непрофессионального дискурса более понятна и тем самым востребована модель *неживая природа* или ее усвоение связано с тем, что в академической практике на этом уровне *традиционно* преобладают материалы, содержащие данную репрезентативную сферу образного отождествления. Добавим, что личный ассоциатив-

ный опыт участников коммуникации также сказывается на выборе моделей.

В статье Л.М. Алексеевой и С.Л. Мишлановой «Формирование метафорической компетенции» [24] авторы рассматривают ключевое понятие, вынесенное в название работы, необычайно широко. Для них формирование метафорической компетенции – это некий инструмент, который позволяет учащемуся быстро работать с информацией, проектировать, моделировать, создавать условия для научных открытий. Данные мысли лежат в парадигме общеевропейской ценностной системы, но позволим себе два дискуссионных момента: 1) как нам кажется, применение модели на практике затруднено (и авторы упоминают об этом), так как истоки проблемы лежат в специфике школьной системы, во многом стандартизированной и направленной не на креативную деятельность, а на процесс запоминания некоторого набора сведений о мире, и, соответственно, такое представление (другими словами – метафорическая модель), формируемое и закрепляемое в течение длительного времени, переносится и на университетскую практику; 2) насколько такая интегративная система работает в многоязычной и тем самым мультикультурной аудитории, когда базовые схемы, полученные в процессе воспитания в домашней среде/школе, сталкиваются с русской культурной средой и ее ментальными программами. Предполагаем, что здесь было бы целесообразно провести экспериментальную работу, которая позволила бы выявить личные ассоциативные реакции на такую фразу-стимул, как *Для меня процесс обучения – это...* При достаточном количестве репрезентативного материала достаточно было бы сделать какие-то промежуточные обобщения. Применительно к лингводидактической области авторы видят метафорическую компетенцию как трехчастную структуру, состоящую из языкового, когнитивного и коммуникативного уровней, что предполагает сложную методическую работу по ее формированию и усвоению, а также необходимость уточнения дескрипторов, которые могли бы описывать данную компетенцию на каждом уровне владения языком.

Частично эти идеи получают реализацию в статье Т.И. Уткиной и С.Л. Мишлановой «Исследование метафорической компетенции студентов-экономистов в процессе профессионально-ориентированного обучения английскому языку» [25], которая опирается на работу Littlemore J., Krennmayr T., Turner J. and Turner S. «Investigating figurative proficiency at different levels of second language writing», цитируемую в тексте. С методологической точки зрения она похожа на работу Т.М. Пермяковой и Т.И. Уткиной 2014 г. Также анализируются англоязычные эссе студентов экономического факультета, выявляется соотношение количества слов и метафор в текстах учащихся 2-го и 3-го курсов. Исследование дополняется данными о функциональных разновидностях метафор и частотности их употребления в письменной коммуникации, а также делаются выводы о количестве и типах ошибок в использовании профессиональных и дискурсивных метафор на уровне В2 в письменноречевой практике учащихся-экономистов. Эта работа видится крайне значимой в том числе и для формирования корпуса студенческих

работ, обращение к которому позволило бы проводить целый ряд лингвистических исследований на достаточно обширном языковом материале.

Идеи школы развиваются в исследованиях ее молодых учеников (см., напр.: Е.В. Морозова «О метафорической компетенции студентов, изучающих английский язык» [26]).

Вопрос интегративного обучения и широкий подход к термину «метафорическая компетенция» демонстрируют работы исследователя из РУДН Т.В. Андрюхиной. В статье «Обучение метафоре как прием реализации когнитивного компонента модели предметно-языкового интегрированного обучения» [27] находим следующее: «Широкое распространение в ней (международной образовательной среде. – *Прим. авт.*) в последнее время получил метод предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL)» [27. С. 11], одним из методологических приемов которого является формирование метафорической компетенции. Так как метафора обнаруживается на разных языковых уровнях, то все они должны быть проработаны в разных видах речевой деятельности: на уровне слова, на уровне текста, в медиативной деятельности, направленной на понимание межкультурных различий в концептуализации экономических реалий (подробнее см., напр.: Т.В. Андрюхина «Развитие метафорической компетенции в курсе английского для специальных целей» [28]). Важными выводами являются и мысли о разной природе метафорического концепта (универсальный или культурозависимый) и, как следствие, необходимости применять разные подходы при работе с ними, а также об интерференции, неизбежно возникающей при освоении чужого языка.

В статье 2018 г. «Концептуальная метафора и развитие когнитивной компетенции студентов-международников» [29] Т.В. Андрюхина делает ряд интересных теоретических заключений, которые можно рассматривать в качестве промежуточных выводов проводимой ею работы. Метафора как педагогическое средство, с точки зрения автора, способствует формированию и развитию научной картины мира студента, так как в основе многих исследований лежат метафорические модели, имеющие большую образную силу (см. напр., планетарную модель атомов, генетическую классификацию языков в виде языкового древа и пр.). Для его реализации будущему специалисту, в данном случае студенту-международнику, необходимо получить представление о механизмах порождения и восприятия метафоры, ее типологических и функциональных разновидностях. Внимание исследователя, занимающегося практикой преподавания иностранных языков, с точки зрения Т.В. Андрюхиной, помимо всего прочего должно быть сосредоточено на идентификации метафорических моделей. И если в экономике/политике, медицине (см. работы пермской метафорической школы) базовые модели классифицированы и описаны достаточно подробно, то во многих других сферах такая деятельность не осуществлялась или была осуществлена не в должном объеме. Кроме того, добавим, что такую работу следует проводить и в области изучения непрофессионального дискурса.

Несомненным достоинством можно считать ориентированность Т.В. Андриюхиной на выход студентов в реальную коммуникативную практику, для чего в учебных материалах используются профессиональные аутентичные тексты по предмету и задания, моделирующие деловые ситуации.

Необходимость задействования актуального языкового материала озвучена и в статье И.И. Воронцовой «Метафоризация как моделирование современного коммуникативного пространства профессиональных языков» [30], в которой исследователь предлагает активно использовать материалы конференции TED Talks в академической практике при обучении англоязычному экономическому дискурсу. С ее точки зрения, задания по формированию метафорической компетенции служат элементом «геймификации» в процессе обучения. Остается не вполне понятным, предлагает ли автор «осознанно» обучать владению метафорой или больше склонен к ее интуитивному освоению в форме игры, но видится, что «геймификация» на основе метафоры может выступать как вполне продуктивный методический элемент ведения обучающей деятельности, актуальный в том числе и при дистанционных форматах учебного процесса. Сходная идея высказана и в работе В.В. Давыдовой «Метафора в экономическом дискурсе: некоторые аспекты преподавания в неязыковом вузе» [31].

Последняя работа, которую мы упомянем в связи с профессиональным дискурсом в экономической сфере, – статья С.М. Глисовой и Г.И. Аубековой «Антропоморфная метафора как инструмент категоризации в преподавании английского языка для специалистов в сфере экономики и финансов» [32]. Идеи, изложенные в ней, вполне обычны, поэтому позволим себе небольшой комментарий, касающийся вопроса о выборке материала исследования из медийных источников: была ли она сплошной/частичной и какие критерии определяли отбор языкового иллюстративного материала. Отметим, что выборка материала – это один из основополагающих вопросов для исследователя, но анализ публикаций для данного обзора показал, что озвученная проблема достаточно часто решается субъективно и авторы работ опираются скорее на интроспективные техники, при том что привлечение ресурсов корпусной лингвистики позволило бы устранить данную проблему, так как с их помощью можно определить и описать узловые смысловые зоны, актуальные для носителей языка в данный момент. В частности, последний комментарий в качестве критического замечания может быть упомянут в связи с исследованием А.Е. Головащенко и Т.И. Зуевой «Использование когнитивного потенциала концептуальной метафоры в обучении лексике английского языка в высшей школе» [33].

Формирование метафорической компетенции – это сложный процесс, требующий комплексного подхода, который демонстрирует З.С. Тюрина в научном докладе «Обучение метафоричности речи с позиции лингвокультурологического подхода (итальянский язык, языковой вуз)» [34]. Эта работа видится нам чрезвычайно масштабной, так как ставит перед собой целью разработать методику обучения студентов ме-

тафоричности речи на итальянском языке [34. С. 7]. Подход автора к проблеме вызывает восхищение, так как предполагается решить множество задач: произвести отбор метафорического материала, его типологизировать и классифицировать, провести экспериментальную работу с аудиторией по выявлению уровня сформированности компетенции, подготовить соответствующие упражнения, апробировать их, уточнить дескрипторы МК для каждого уровня, а также уточнить набор средств, создающих метафоричность в контексте [34. С. 18–19].

Подводя некоторые промежуточные итоги, мы бы хотели отметить, что в русскоязычном сегменте проблема метафорической компетенции исследуется активно. Значительная часть работ выполняется на материале профессионального англоязычного дискурса, в частности в экономической сфере. Вырабатываются приемы и методы работы, уточняется терминологический аппарат, собирается материал для статистической и лингвистической обработки. При этом необходимо высказать и ряд критических комментариев. Как замечает Т.В. Андриюхина, русскому научному сознанию свойственна созерцательность, которая находит отражение в излишне теоретизированном характере публикаций, когда в текст работы не включаются результаты практического опыта преподавателя. Кроме того, ряд работ содержит методологические неточности, например, не указывается языковой уровень учащихся при описании экспериментальной деятельности или не объясняются принципы отбора материала. Иногда исследовательские задачи автора неочевидны и возникают вопросы о целесообразности проведенной им работы. Полагаем, что ситуация по изучению метафорической компетенции также осложняется отсутствием какой-либо общей базы для осуществления исследований, что создает ощущение некоторой локальности проводимой работы.

Публикации о применении метафоры в преподавании русского языка как иностранного

Как уже отмечалось в начале данной статьи, работы по формированию метафорической компетенции в РКИ на данный момент немногочисленны, но тема привлекает внимание исследователей. Об этом можно судить и по активному использованию ее в учебной практике (см., напр., магистерские диссертации, выполняемые в Томском государственном университете: Акмалова А.Р. «Метафора в художественном тексте и способы ее интерпретации на уроках РКИ» (2018) [35]; Томишева А.Д. «Модель учебного лингвокультурологического словаря метафор как средства обучения русскому языку как иностранному» (2019) [36]; Шлотгауз Е.А. «Дидактический потенциал словаря метафор в методике РКИ» (2020) [37]).

Из практико-ориентированных работ прежде всего выделим исследования Р.Э. Брусковой. В 2019 г. ею были опубликованы две статьи – «О необходимости формирования метафорической компетенции у иностранных курсантов (обзор результатов опытно-экспериментального обучения)» [38] и «К вопросу о

роли иллюстраций в обучении инофонов образной речемыслительной деятельности на русском языке» [39].

Первая статья – это классический обзор экспериментальной деятельности (опытно-экспериментального обучения в терминологии автора), направленной на формирование метафорической компетенции в сфере медицинского дискурса. Среди реципиентов (курсантов-инофонов ближнего зарубежья) были отобраны путем *констатирующего среза* две группы – экспериментальная и контрольная (языковой уровень В1–В1.2). Первая целенаправленно обучалась распознавать метафорические модели в контекстах (внимание исследователя фокусировалось на чтении как виде речевой деятельности). Результаты итогового среза позволяют автору констатировать успешность методики, так как «данные экспериментальной группы опережают контрольную группу на 20 %» [38. С. 4]. Вторая работа заключалась в использовании иллюстративного метода в медицинском дискурсе в ходе обучающего процесса. В целом последовательность первого и второго эксперимента сходна, за исключением того, что во втором участвовали студенты дальнего зарубежья с языковым уровнем В1–В1.2.

Положительным моментом данной публикации выступает то, что автор подробно останавливается на видах заданий, которые им применяются в ходе формирования метафорической компетенции. Так, например, с лингводидактической точки зрения интересной можно считать работу ассоциативного характера, когда студентам предлагаются карточки с разными предметами (*грецкий орех, гроздь винограда, половина помидора*) и учащимся необходимо соотносить увиденное с тем или иным органом, закрепляя на языковом и коммуникативном уровне грамматические модели *А как Б, А похожа на Б* и пр. Данная работа поднимает еще одну важную проблему: рассмотрение иллюстративного метода в контексте клипового мышления. Автор не останавливается подробно на этом вопросе, который можно было бы сформулировать так: *должен ли иллюстративный материал нового формата отличаться от традиционного?*, но полагаем, что в методологическом плане его решение представляло бы значительный интерес.

К сожалению, при знакомстве со статьями остается непонятным, как связаны между собой опыты: являются ли они частью единого эксперимента или проводятся параллельно. Вызывает вопрос отбор участников (первый опыт – студенты ближнего зарубежья, второй – дальнего), неочевидно для нас и следующее утверждение: «Исследование и работа в экспериментальных группах (ЭГ) проводились с сентября по ноябрь 2018 г. на базе кафедры русского языка Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова. Общее количество испытуемых составило **113 человек**, из них **32 человека** вошли в состав ЭГ и контрольных групп (КГ). В данной статье мы представляем результаты работы в **одной из ЭГ**» (выделено нами. – *Прим. авт.*) (с. 3)). Возникает вопрос, какие результаты были в других экспериментальных группах, апробировалась ли на них иллюстративная методика.

Развитие навыков чтения – это важная задача обучающего процесса. Аксиоматично утверждение о том, что только студент с автоматизированными навыками чтения способен эффективно осваивать языковую программу. В статье Е.К. Столетовой и Е.П. Пахомовой «Метафора экономического дискурса сквозь призму преподавания РКИ: чтение новостных текстов экономической тематики в иноязычной аудитории» [40] обращается внимание на проблему разграничения метафоры-термина и авторской метафоры в процессе чтения профессионально ориентированного текста. На примере словосочетания *спекулятивный пузырь* они показывают расхождения в восприятии на бытовом и профессиональном уровне (в первом случае интерпретация через ассоциацию «обман», «что-то ненадежное», во втором – понимание в терминологическом ключе – «резкое отклонение рыночной стоимости актива от его базовой стоимости» [40. С. 93]. В разработанном ими алгоритме работы с текстом данное разграничение находит место. Позволим себе кратко озвучить методику Е.К. Столетовой и Е.П. Пахомовой при работе с метафорой: 1) нахождение всех метафорических выражений в тексте; 2) проведение словарной работы с целью идентификации метафоры как терминологического сочетания/авторской метафоры; 3) для термина – поиск значения и перевод на родной язык; 4) для авторской – выявление частотности/регулярности; 5) для регулярных узуальных словосочетаний авторы предлагают подбирать синонимы; 6) для креативных – интерпретировать, выявлять ассоциативные связи между областью-источником и областью-целью; 7) замена метафорических контекстов на синонимичные без метафоры [40. С. 96–97]. Не совсем понятно, как соотносятся п. 5 и 7, так как в обоих случаях инофону предлагается подбирать синонимы. Предполагаем, что первоначально необходимо подобрать односложный синоним/словосочетание, а в последующем включить их в широкий контекст. Также вызывает вопрос методика идентификации частотности и регулярности. Возможно, здесь подразумевается проведение корпусных исследований. В целом данный алгоритм интересен для верификации.

Подводя краткие итоги в этой части обзора, можно сказать, что такой объект исследования, как метафорическая компетенция в области преподавания РКИ, не имеет в настоящий момент какой-либо фундаментальной базы. Хотя общие направления уже обозначены: создание лингвокультурологического словаря метафор и учебного пособия нового типа, попытка применения «классических» наработок семантики в прикладной сфере РКИ, проведение экспериментов с целью накопления материалов для последующего анализа.

Выводы

Представленное выше обозрение публикаций, посвященных лингводидактическим исследованиям метафоры методами когнитивной и прикладной лингвистики, приводит нас к следующим выводам:

1. Отечественные и зарубежные исследователи, как представляется, оптимистичны в отношении перспективности и потенциальной эффективности когнитивно-лингвистического подхода к изучению иностранных языков, одним из основных инструментов которого выступает работа с метафорами. В то же время нельзя не отметить, что полученные результаты не всегда соответствуют этому оптимизму, и к тому же многим исследованиям, на наш взгляд, недостаёт горизонта целеполагания: складывается впечатление, будто их авторы удовлетворяются «малыми делами» и предпринимают обособленные спорадические усилия по решению изолированных задач. Многие работы являются типовыми, вызывая сложности при поиске методологических отличий между ними; это проявляется, например, в повсеместности малочисленных экспериментальных и контрольных групп, которая не всегда препятствует исследователям в выведении масштабных обобщений и уверенных умозаключений. К сожалению, приходится сталкиваться с

методическими и методологическими изъянами, когда лингводидактические инструменты, призванные воплотить достоинства когнитивно-лингвистического подхода к преподаванию языков, недоступны читателю статьи или рассогласованы с теоретической идеей, развиваемой автором (т.е. де-факто построены так, что не позволяют добиться искомого эффекта).

2. Наиболее перспективными представляются исследования, направленные на поиск, выявление и изучение базовых ассоциативных метафор в области преподавания и изучения РКИ; применение семантических полей при изучении лексики иностранных языков; составление корпусов ученических/студенческих текстов на иностранных языках; формирование семантических схем и карт для лингводидактических нужд (например, для изучения неполнозначных слов); установление культурно обусловленных закономерностей метафоризации, включая различение национальных и индивидуальных ассоциативных переносов по сходству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. University of Chicago Press, 1980. 256 p.
2. Xu W., Zhang Y. Comprehensibility of interrogative mood metaphor in English academic discourse // *International Journal of Arts and Commerce*. 2019. № 8 (7). P. 17–30.
3. Scharlau I., Körber M., Karsten A. Plunging into a world? A novel approach to undergraduates' metaphors of reading // *Frontline Learning Research*. 2019. Vol. 7, № 4. P. 25–57.
4. Wahyuningsih E., Adam M. Examining English language learners' conception through conceptual metaphor production // *Prosiding Seminar Nasional Linguistik dan Sastra (SEMANTIKS)*. 2019. P. 204–215.
5. Mudra H., Aini N. "English learning is like...": Metaphorical perceptions of prospective English teachers about language learning process // *Journal of English Education and Linguistics Studies*. 2020. № 7 (1). P. 69–90.
6. Gabrys-Barker D. Developing language awareness through students' conceptualizations: metaphoric approach in content courses // *The Challenges of Foreign Language Instruction in the University Context*. University of Silesia Press, 2020. P. 107–126.
7. Farrell T. The teacher is a facilitator: reflecting on ESL teacher beliefs through metaphor analysis // *Iranian Journal of Language Teaching Research*. 2016. № 4 (1). P. 1–10.
8. Ahmad N.K., Samad A.A. Metaphors as proxies for identity: a case study of a Teaching English to Young Learners (TEYL) teacher // *3L: Language, Linguistics, Literature*. 2018. Vol. 24, № 4. P. 143–157.
9. Castaño E., Verdaguer I., Hilferty J. Using metaphor to explore the organizational patterns of expository writing // *Cuadernos de Investigación Filológica*. 2019. № 46. P. 3–26.
10. Liu H.-Y. et al. Teaching English polysemy through semantic fields // *Parole: Journal of Linguistics and Education*. 2019. № 9 (1). P. 1–14.
11. Musolff A. Creativity in metaphor interpretation // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. № 23 (1). P. 23–39.
12. Littlemore J., Perez Sobrino P., Julich N., Leung D. Is comfort purple or green? Word-colour associations in the first and second language // *Metaphor in Foreign Language Instruction*. John Benjamin, 2020. P. 101–128.
13. Sabet M.K., Tavakoli M. Metaphorical competence: a neglected component of communicative competence // *International Journal of Education & Literacy Studies*. 2016. Vol. 4, № 1. P. 32–39.
14. Schoos M., Suñer F. Understanding humorous metaphors in the foreign language: a state-of-the-art review // *Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht*. 2020. № 25 (1). P. 1431–1446.
15. Zhang H., Zhou W. A CLEC-based study on the spatial metaphor of HIGH collocations // *Journal of Language Teaching and Research*. 2019. Vol. 10, № 6. P. 1237–1244.
16. Silvestre-López A.H., Beltrán-Palanques V. Conceptual metaphors and emotion expressions in the English for Specific Purposes classroom // *Cultura, Lenguaje y Representación*. 2019. Vol. XXII. P. 135–152.
17. Altakhaine A.R.M., Shahzad N.M. Using pictures in teaching metaphorical expressions to Arabic-speaking EFL learners // *The Asian Journal of Applied Linguistics*. 2020. Vol. 7, № 1. P. 32–44.
18. Hung B.P., Vien T., Vu N.N. Applying cognitive linguistics to teaching English prepositions: a quasi-experimental study // *International Journal of Instruction*. 2018. № 11 (3). P. 327–346.
19. Lam Y. The acquisition of prepositional meanings in L2 Spanish // *Canadian Journal of Applied Linguistics / Revue canadienne de linguistique appliquée*. 2018. № 21 (1). P. 1–22.
20. Reda G. A review of the cognitive linguistics approach to teaching the EFL/EIL vocabulary // *Arab World English Journal*. 2015. № 8 (1). P. 189–200.
21. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Пермская школа метафоры // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2016. Вып. 3 (35). С. 122–133.
22. Мишланова С.Л., Ивинских Н.П., Пенькова Т.В. Концептуальная метафора в методическом дискурсе // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2010. Т. 1, № 3. С. 161–170.
23. Пермякова Т.М., Уткина Т.И. Изучение степени профессионализации академического дискурса посредством анализа моделей когнитивных метафор // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2014. Т. 1, № 3. С. 152–161.
24. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Формирование метафорической компетенции // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2016. Вып. 4 (36). С. 98–107.
25. Уткина Т.И., Мишланова С.Л. Исследование метафорической компетенции студентов-экономистов в процессе профессионально-ориентированного обучения английскому языку // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т. 8, № 6 (1). С. 244–254.

26. Морозова Е.В. О метафорической компетенции студентов, изучающих английский язык // Опыт образовательной организации в сфере формирования цифровых навыков: материалы Всерос. науч.-методической конф. с международным участием (Чебоксары, 31 дек. 2019 г.) / редкол.: Н.М. Гурьева [и др.]. Чебоксары : Среда, 2019. С. 73–80.
27. Андрияшина Т.В. Обучение метафоре как прием реализации когнитивного компонента модели предметно-языкового интегрированного обучения // 25 лет внешней политике России: сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.) : в 5 т. Т. 5: Социально-гуманитарные аспекты международных отношений : в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. А.В. Мальгина. М. : МГИМО-Университет, 2017. С. 9–29.
28. Андрияшина Т.В. Развитие метафорической компетенции в курсе английского для специальных целей // Коммуникация в современном поликультурном мире: этнопсихолингвистический анализ : сб. науч.-практ. тр. / отв. ред. Т.А. Барановская. М. : Pearson ELT, 2013. С. 327–336.
29. Андрияшина Т.В. Концептуальная метафора и развитие когнитивной компетенции студентов-международников // Филологические науки в МГИМО. 2018. № 2 (2014). С. 101–111.
30. Воронцова И.И. Метафоризация как моделирование современного коммуникативного пространства профессиональных языков // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2019. № 3. С. 22–31.
31. Давыдова В.В. Метафора в экономическом дискурсе: некоторые аспекты преподавания в неязыковом вузе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 5 (138). С. 68–73.
32. Тлисова С.М., Аубекова Г.И. Антропоморфная метафора как инструмент категоризации в преподавании английского языка для специалистов в сфере экономики и финансов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. Т. 3, № 11. С. 226–231.
33. Головащенко А.Е., Зуева Т.И. Использование когнитивного потенциала концептуальной метафоры в обучении лексике английского языка в высшей школе // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 6. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=27256> (дата обращения: 27.09.2020).
34. Тюрина З.С. Обучение метафоричности речи с позиции лингвокультурологического подхода (итальянский язык, языковой вуз) : науч. доклад об основных результатах научно-квалификационной работы (диссертации). М., 2019. 20 с.
35. Акмалова А.Р. Метафора в художественном тексте и способы ее интерпретации на уроке РКИ : дис. магистра филол. наук. Томск, 2018. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:8080> (дата обращения: 27.09.2020).
36. Томышева А.Д. Модель учебного лингвокультурологического словаря метафор как средства обучения русскому языку как иностранному : дис. магистра филол. наук. Томск, 2019. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:10037> (дата обращения: 27.09.2020).
37. Шлотгауэр Е.А. Дидактический потенциал словаря метафор в методике РКИ : дис. магистра филол. наук. Томск, 2020. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:12488> (дата обращения: 27.09.2020).
38. Брускова Р.Э. О необходимости формирования метафорической компетенции у иностранных курсантов (обзор результатов опытно-экспериментального обучения) // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/60PDMN119.pdf> (дата обращения: 27.09.2020).
39. Брускова Р.Э. К вопросу о роли иллюстраций в обучении иноязычных образной речемыслительной деятельности на русском языке // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/13PDMN519.pdf> (дата обращения: 27.09.2020).
40. Столетова Е.К., Пахомова Е.П. Метафора экономического дискурса сквозь призму преподавания РКИ: чтение новостных текстов экономической тематики в иноязычной аудитории // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2019. № 3. С. 91–101.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 14 ноября 2021 г.

Literature Review: Metaphor Research in Language Learning via Methods of Cognitive and Applied Linguistics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 164–177.

DOI: 10.17223/15617793/472/20

Nikolay V. Golovko, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: nvgolovko@inbox.ru

Darya V. Sheiko, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: dashejko@yandex.ru

Keywords: language teaching and learning (linguistic didactics); metaphor; applied linguistics; cognitive linguistics; review; second language; foreign language.

Metaphor is a traditional research object in linguistics. Works on the analysis of this phenomenon using methods of cognitive and applied linguistics in texts of various kinds are numerous and continue to accumulate. Peculiarities of the formation of metaphorical competence in language learners and native speakers can also be considered as an urgent area of research. In this regard, compilation of a review of studies on metaphors in the context of teaching and learning foreign languages using methods of cognitive and applied linguistics seems relevant and significant. This direction, on the one hand, is sufficiently developed and multifaceted for the accumulation of a significant number of publications that require comprehension and systematization (up to existence of graduation projects on it), and, on the other hand, it has a sufficient degree of novelty in order not to duplicate existing review materials, since, in particular, in Russian-language studies, problems of the metaphorical competence of students of foreign languages were posed and began to be considered relatively recently. Research materials were English-language and Russian-language research articles with full-text free access, published mainly in peer-reviewed scientific editions over the past 10 years, a total of 40. As a result of processing the material using general scientific methods of analysis, comparison and synthesis, a critical assessment was given in regards to the current state of affairs in the corresponding areas of research. The examination of English-language publications showed that foreign authors pay attention to simple and intuitive cases of metaphorical transfer, and also use conceptual metaphors mainly as a research tool that allows assessing the perception of various aspects of the pedagogical process or the language studied. The review of Russian-language publications revealed that domestic authors actively explore the metaphorical competence of students, develop new methods and techniques, clarify terminology, collect materials for further processing, but they often publish overly theorized works and are not always methodologically accurate. Also, the study of the collected works demonstrates the lack of a common basis for carrying out research of this kind. The results of the study led to the conclusion that application of the cognitive-linguistic approach to studies of foreign languages, largely based on working with metaphors, is considered by foreign and domestic researchers as a promising direction; however, de facto, the results obtained often do not correspond to this optimism: many works are narrow and typical, and at the same time end with bold generalizations; studies in this area as a whole lack a research perspective. The directions of further research, regarded as the most interesting, potentially fruitful and promising by the authors of this article, are also highlighted.

REFERENCES

1. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980) *Metaphors we live by*. University of Chicago Press.
2. Xu, W. & Zhang, Y. (2019) Comprehensibility of interrogative mood metaphor in English academic discourse. *International Journal of Arts and Commerce*. 8 (7). pp. 17–30.
3. Scharlau, I., Körber, M. & Karsten, A. (2019) Plunging into a world? A novel approach to undergraduates' metaphors of reading. *Frontline Learning Research*. 7 (4). pp. 25–57.
4. Wahyuningsih, E. & Adam, M. (2019) Examining English language learners' conception through conceptual metaphor production. *Prosiding Seminar Nasional Linguistik dan Sastra (SEMANTIKS)*. pp. 204–215.
5. Mudra, H. & Aini, N. (2020) "English learning is like ...": Metaphorical perceptions of prospective English teachers about language learning process. *Journal of English Education and Linguistics Studies*. 7 (1). P. 69–90.
6. Gabryś-Barker, D. (2020) Developing language awareness through students' conceptualizations: metaphoric approach in content courses. In: *The Challenges of Foreign Language Instruction in the University Context*. University of Silesia Press. pp. 107–126.
7. Farrell, T. (2016) The teacher is a facilitator: reflecting on ESL teacher beliefs through metaphor analysis. *Iranian Journal of Language Teaching Research*. 4 (1). pp. 1–10.
8. Ahmad, N.K. & Samad, A.A. (2018) Metaphors as proxies for identity: a case study of a Teaching English to Young Learners (TEYL) teacher. *3L: Language, Linguistics, Literature*. 24 (4). pp. 143–157.
9. Castaño, E., Verdager, I. & Hilferty, J. (2019) Using metaphor to explore the organizational patterns of expository writing. *Cuadernos de Investigación Filológica*. 46. pp. 3–26.
10. Liu, H.-Y. et al. (2019) Teaching English polysemy through semantic fields. *Parole: Journal of Linguistics and Education*. 9 (1). pp. 1–14.
11. Musolff, A. (2019) Creativity in metaphor interpretation. *Russian Journal of Linguistics*. 23 (1). pp. 23–39.
12. Littlemore, J. et al. (2020) Is comfort purple or green? Word-colour associations in the first and second language. In: *Metaphor in Foreign Language Instruction*. John Benjamins. pp. 101–128.
13. Sabet, M.K. & Tavakoli, M. (2016) Metaphorical competence: a neglected component of communicative competence. *International Journal of Education & Literacy Studies*. 4 (1). pp. 32–39.
14. Schoos, M. & Suñer, F. (2020) Understanding humorous metaphors in the foreign language: a state-of-the-art review. *Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht*. 25 (1). pp. 1431–1446.
15. Zhang, H. & Zhou, W. (2019) A CLEC-based study on the spatial metaphor of HIGH collocations. *Journal of Language Teaching and Research*. 10 (6). pp. 1237–1244.
16. Silvestre-López, A.H. & Beltrán-Palanques, V. (2019) Conceptual metaphors and emotion expressions in the English for Specific Purposes classroom. *Cultura, Lenguaje y Representación*. XXII. pp. 135–152.
17. Altakhaineh, A.R.M. & Shahzad, N.M. (2020) Using pictures in teaching metaphorical expressions to Arabic-speaking EFL learners. *The Asian Journal of Applied Linguistics*. 7 (1). pp. 32–44.
18. Hung, B.P., Vien, T. & Vu, N.N. (2018) Applying cognitive linguistics to teaching English prepositions: a quasi-experimental study. *International Journal of Instruction*. 11 (3). pp. 327–346.
19. Lam, Y. (2018) The acquisition of prepositional meanings in L2 Spanish. *Canadian Journal of Applied Linguistics / Revue canadienne de linguistique appliquée*. 21 (1). pp. 1–22.
20. Reda, G. (2015) A review of the cognitive linguistics approach to teaching the EFL/EIL vocabulary. *Arab World English Journal*. 8 (1). pp. 189–200.
21. Alekseeva, L.M. & Mishlanova, S.L. (2016) Perm school of metaphor. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 3 (35). pp. 122–133. (In Russian).
22. Mishlanova, S.L., Ivinskikh, N.P. & Pen'kova, T.V. (2010) Kontseptual'naya metafora v metodicheskom diskurse [Conceptual metaphor in methodological discourse]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. 1 (3). pp. 161–170.
23. Permyakova, T.M. & Utkina, T.I. (2014) Izuchenie stepeni professionalizatsii akademicheskogo diskursa posredstvom analiza modeley kognitivnykh metafor [Study of the degree of academic discourse professionalization through the analysis of cognitive metaphors' models]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. 1 (3). pp. 152–161.
24. Alekseeva, L.M. & Mishlanova, S.L. (2016) Formirovanie metaforicheskoy kompetentsii [Formation of the metaphorical competence]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 4 (36). pp. 98–107.
25. Utkina, T.I. & Mishlanova, S.L. (2016) Issledovanie metaforicheskoy kompetentsii studentov-ekonomistov v protsesse professional'no-orientirovannogo obucheniya angliyskomu yazyku [The study of the metaphorical competence of economics students in the professionally oriented teaching of English]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 8:6 (1). pp. 244–254.
26. Morozova, E.V. (2019) [On the metaphorical competence of student learners of English]. *Opyt obrazovatel'noy organizatsii v sfere formirovaniya tsifrovyykh navykov* [Experience of an educational organization in the field of digital skills formation]. Conference Proceedingss. Cheboksary. 31 December 2019. Cheboksary: Sreda. pp. 73–80. (In Russian).
27. Andryukhina, T.V. (2017) [Teaching metaphor as a technique for implementing the cognitive component of the model of subject-language integrated learning]. *25 let vneshney politike Rossii* [25 years of Russia's foreign policy]. Proceedings of the Convention of the Russian Association for International Studies. Moscow. 8–9 December 2016. In 5 vols. Vol. 5 (1). Moscow: MGIMO-University. pp. 9–29. (In Russian).
28. Andryukhina, T.V. (2013) Razvitie metaforicheskoy kompetentsii v kurse angliyskogo dlya spetsial'nykh tseley [Development of Metaphorical Competence in the Course of English for Special Purposes]. In: Baranovskaya, T.A. (ed.) *Kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire: etnopsikholingvisticheskiy analiz* [Communication in the Modern Multicultural World: Ethnopsycholinguistic Analysis]. Moscow: Pearson ELT. pp. 327–336.
29. Andryukhina, T.V. (2018) Conceptual Metaphor and Improving Students' Cognitive Competence. *Filologicheskie nauki v MGIMO – Linguistics & Polyglot Studies*. 2 (2014). pp. 101–111. (In Russian).
30. Vorontsova, I.I. (2019) Metaphorization as modeling modern communicative professional language space. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie – RSUH/RGGU BULLETIN "Psychology. Pedagogics. Education" Series*. 3. pp. 22–31. (In Russian). DOI: 10.24833/2410-2423-2018-2-14-101-111
31. Davydova, V.V. (2019) Metaphor in the economic discourse: some aspects of teaching in a non-linguistic university. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 5 (138). pp. 68–73. (In Russian).
32. Tlisova, S.M. & Aubekova, G.I. (2015) Antropomorfnyaya metafora kak instrument kategorizatsii v prepodavanii angliyskogo yazyka dlya spetsialistov v sfere ekonomiki i finansov [Anthropomorphic metaphor as a categorization tool in teaching English for specialists in the field of economics and finance]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 3 (11). pp. 226–231.
33. Golovashchenko, A.E. & Zueva, T.I. (2017) The Use of Cognitive Potential of Conceptual Metaphor in Teaching English Vocabulary in High School. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 6. [Online] Available from: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=27256> (Accessed: 27.09.2020). (In Russian).
34. Tyurina, Z.S. (2019) Obuchenie metaforichnosti rechi s pozitsii lingvokul'turologicheskogo podkhoda (ital'yanskiy yazyk, yazykovoy vuz): nauch. doklad ob osnovnykh rezul'tatakh nauchno-kvalifikatsionnoy raboty (dissertatsii) [Teaching metaphorical speech from the standpoint of a

linguoculturological approach (Italian language, language university): scholarly report on the main results of a research qualification work (dissertation)]. Moscow.

35. Akmalova, A.R. (2018) *Metafora v khudozhestvennom tekste i sposoby ee interpretatsii na uroke RKI* [Metaphor in a literary text and ways of its interpretation at the lesson of Russian as a foreign language]. Philology Master's Degree Diss. Tomsk. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:8080> (Accessed: 27.09.2020).
36. Tomysheva, A.D. (2019) *Model' uchebnogo lingvokul'turologicheskogo slovary metafor kak sredstva obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu* [Model of educational linguoculturological dictionary of metaphors as a means of teaching Russian as a foreign language]. Philology Master's Degree Diss. Tomsk. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:10037> (Accessed: 27.09.2020).
37. Shlotgauer, E.A. (2020) *Didakticheskiy potentsial slovary metafor v metodike RKI* [Didactic potential of the dictionary of metaphors in the methodology of Russian as a foreign language]. Philology Master's Degree Diss. Tomsk. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:12488> (Accessed: 27.09.2020).
38. Bruskova, R.E. (2019) Relevance of the formation of metaphorical competence among foreign cadets (experimental training review). *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya – World of Science. Pedagogy and Psychology*. 1. [Online] Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/60PDMN119.pdf> (Accessed: 27.09.2020). (In Russian).
39. Bruskova, R.E. (2019) The role of illustrations in teaching mind-speaking activity in Russian to foreigners. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya – World of Science. Pedagogy and Psychology*. 5. [Online] Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/13PDMN519.pdf> (Accessed: 27.09.2020). (In Russian).
40. Stoletova, E.K. & Pakhomova, E.P. (2019) Metaphor of the Economic Discourse in the Light of Teaching Russian for Foreigners: Reading the Economic News Texts With Foreign Learners. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika – Bulletin of the Moscow State Region University. Series: Pedagogics*. 3. pp. 91–101. (In Russian).

Received: 14 November 2021

А.А. Колесников

ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ИНСТАГРАМ» КАК ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ОРИЕНТИР

Обоснована лингводидактическая классификация инстаграм-жанров на базе немецкоязычного инстаграм-дискурса (немецкий язык как иностранный). Определены следующие жанровые группы: информационные, специализированные, лайфстайл-блоги, юмористические посты. Каждая из них включает в себя несколько типов инстаграм-постов. Обучение созданию инстаграм-постов опирается на систему упражнений, которая описана в статье в общем плане и включает в себя три типа упражнений: аналитические, продуктивные, интерактивные.

Ключевые слова: инстаграм-жанр; инстаграм-дискурс; лингводидактическая типология; иностранный язык; немецкий язык

Введение

Социальная сеть «Инстаграм», изначально имевшая развлекательно-досуговые функции, довольно быстро освоила все функциональное многообразие виртуального коммуникативного пространства, чему способствовала универсальная технология 2.0 – как, впрочем, и в большинстве других социальных сетей. В настоящее время можно говорить о «классическом» сетевом формате, который использует все виды мультимедийных и интерактивных виртуальных технологий, предлагает большой спектр возможностей для виртуальной самореализации и предназначен для относительно длительного времяпрепровождения (ВКонтакте, Facebook и пр.), а также о формате «быстрых» или «аспектных» соцсетей, где предпочтение отдается какому-либо конкретному аспекту виртуальной коммуникации и более лаконичному формату подачи информации (Instagram, TikTok, Twitter и пр.). «Инстаграм» интересен тем, что аспектность (ориентация преимущественно на фотоматериалы) и лаконичность (не более 10 кадров фото, 60 секунд видео и 2 200 текстовых знаков для одного поста) сочетаются в нём с широким потенциалом практически всех возможностей Веб 2.0 и ориентированностью на самые разные категории пользователей. Очевидно, что подобный потенциал обеспечивает многочисленные образовательные возможности, опираясь, с одной стороны, на коммуникативную мотивацию современного молодого человека, стремящегося к социальному взаимодействию в пространстве 2.0 [1–3 и др.], а с другой стороны – на необходимость корректной интернет-самопрезентации современного специалиста в области языков и культур.

Использование данной сети при обучении иностранным языкам должно способствовать, на наш взгляд, решению задачи, которая пока не получила должного освещения в лингводидактике. Она заключается в обучении созданию *публичного интерактивного речевого продукта*, соответствующего жанровым закономерностям данной социальной сети и обеспечивающего самопрезентацию студента в виртуальном межкультурном пространстве. Актуальность формирования соответствующих умений особенно очевидна для студентов именно языкового вуза, которым необходимо владеть методикой создания современных

типов текста, носящего в том числе нелинейный и креолизованный характер, обладающего интерактивными свойствами. Задачу данной статьи мы видим в обосновании жанров текстуальных инстаграм-продуктов, обучение которым представляется важным в рамках языковых направлений подготовки в вузе. В качестве материала исследования выступает немецкоязычный сектор «Инстаграма».

Методы

В работе используется теоретический анализ лингвистических и социолингвистических исследований дискурса 2.0 применительно как к родному, так и к иностранным языкам. На основе данных исследований удалось представить обобщение существующих на сегодняшний день в лингвистической науке характеристик и типологий инстаграм-жанров. Этот анализ дополняется нашим авторским эмпирическим анализом выборки инстаграм-блогов и постов, осуществлённой в русле лингводидактических задач обучения иностранному (немецкому) языку студентов языкового вуза. Такие задачи обусловили особый подход к отбору материала для анализа. В нашем случае представляется нецелесообразным прибегать к методу сплошной выборки, так как целью является не получение исключительно лингвистических данных, а составление типологии, релевантной для учебного процесса. В этой связи отбор материала опирался как на социально значимые, так и методически ориентированные критерии. К таковым были отнесены критерий известности / популярности среди немецкоязычных пользователей¹, критерий лингвистической и коммуникативной ценности с точки зрения актуализации основных функциональных типов текста, используемых при обучении иностранному языку (в частности письменному высказыванию с учетом признаков жанрового и креативного письма), критерий содержательной ценности с точки зрения соответствия тематике, изучаемой на иностранном языке в языковом вузе. Выводы о необходимости выделения той или иной жанровой группы, а также ряда типов или подгрупп постов в рамках данной группы были сделаны на основе анализа более 100 инстаграм-блогов и сопоставления результатов нашего анализа с существующими типологиями интернет-жанров.

Обзор литературы

Актуальные исследования в области дискурса социальных сетей ввели в обиход понятия «виртуальное жанроведение» и «жанр 2.0»/«гипержанр» [4, 5 и др.]. Иногда в качестве «гипержанров» рассматриваются чат, форум, даже социальная сеть [4]. Однако в этом случае речь идет скорее не о жанрах, а об интернет-платформах, технические возможности которых определяют форму коммуникации. Под жанром, следуя традиционному определению, следует понимать типическую форму высказывания [6] в рамках данных платформ, имеющую структурно-содержательные и стилистические особенности. Многие авторы, определяя типологию жанров русскоязычных и иноязычных соцсетей, выделяют лишь несколько базовых типов, близких к известным классификациям публицистических жанров (см., например, [7, 8]). Так, в большинстве исследований выделяются *информационные* жанры с разными вариациями (*массово-информационные, информационно-образовательные* и др.), отдельно от них выступают *рекламные* жанры (подающие информацию особым образом с целью популяризации товара или услуги), *развлекательные* жанры, в которые можно включить и особый тип *персональных* жанров (персональных блогов), появившихся именно в рамках соцсетей и представляющих собой высказывания личного (в том числе дневникового) характера по темам, интересующим данного блогера, но ориентированных на широкую аудиторию и поэтому использующих популярный стиль подачи информации (ср.: [5, 9, 10]).

Жанровый «продукт» блогосферы представляет собой креолизованный текст (т.е. текст, включающий в себя вербальные и невербальные элементы) и обладает рядом параметров, образующих в совокупности «модель» интернет-жанра. Л.Ю. Щипицина предложила отнести к ним медийный, прагматический, структурно-семантический и языковой параметры [5. С. 304]. Нетрудно заметить, что только первый из перечисленных отражает специфику именно блогосферного продукта, остальные свойственны любым текстам. Более ярко особенности жанра 2.0 передают характеристики, выделенные в работе О.В. Дониной. Помимо креолизованности автор указывает на такие отличительные черты, как гипертекстуальность, интерактивность и оперативность «продукта». Кроме того, ссылаясь на Л.Ф. Компанцеву, автор отмечает, пожалуй, одну из основных особенностей блогосферного материала: глобальное интерактивное развитие продукта [11. С. 26–27], что определяет динамичность и гибкость интернет-жанра, возможность его видоизменения (в том числе в процессе интерактивного взаимодействия с различными пользователями) и интеграции с другими онлайн-материалами в темпоральной перспективе.

Обратимся к характеристике инстаграм-продукта, получившего название «инстаграм-пост». Ю.В. Щурин определяет его как «комплексный (комбинированный) жанр, гипержанр, включающий совокупность речевых жанров, организованных нелинейно» [11. С. 27]. Особенность инстаграм-поста заключается в том, что ведущую роль в нем играет личность самого

автора – в частности, его речевая культура, взгляды, художественные вкусы. В связи с этим инстаграм-посты характеризуются стилистической разнородностью [12]. Основным признаком и отличительной чертой инстаграм-поста – прочная взаимозависимость вербальной и визуальной семиотических систем [13]. В этой связи структура поста определяется следующим образом: 1) *изображение* как центральный элемент; 2) *сопровождающий текст*, в том числе гипертекст; 3) *комментарии других пользователей*, связанные с тематикой и проблематикой основного текста; 4) *хэштеги*, которые рассматриваются как отдельный компонент структуры и представляют собой «металексемы» (состоящие иногда из нескольких слов, сведенных в одно) – межгипертекстовый элемент для мгновенного поиска постов по данной тематике (ср.: [14]).

В ряде исследований [5, 11] обоснованы жанрообразующие параметры инстаграм-дискурса. К ним относят следующие: структурное оформление домашней страницы пользователя (аватар, имя/никнейм, краткая информация о пользователе, ссылка на личную интернет-страницу при наличии), коммуникативно-прагматические цели блога, концепция самопрезентации автора, концепция адресата / целевой группы блога, тематика, сочетание синхронного (онлайн-интеракция посредством встроенного мессенджера) и асинхронного (комментарии к постам) взаимодействия автора блога и других пользователей, сочетание языковых и неязыковых средств оформления поста, где основную роль играет визуализация (со следующим распределением: 78% фото, 22% видео), а текст выполняет поддерживающую функцию, причем в тексте активно используются эмодзи как важное средство выразительности и передачи дополнительных оттенков значения.

Как можно заметить, исследователи инстаграм-дискурса ориентируются, в целом, на общую типологию интернет-жанров, рассмотренную выше, однако отмечают специфику структуры инстаграм-поста и жанрообразующих признаков дискурса инстаграм-страницы. Также отмечается распространенность блогов информационного характера и блогов-рецензий в области кино, музыки и литературы; подобные инстаграм-посты предназначены преимущественно для визуального информирования, сопровождаются кратким текстовым пояснением и содержат ссылку на другую социальную сеть (Facebook, YouTube) с более подробной информацией, т.е. выполняют вспомогательную информационную функцию [15].

Обратимся теперь к анализу исследований, посвященных проблеме языкового образования с использованием описанных особенностей «Инстаграма».

Наш анализ показывает, что в современной методике обучения иностранным языкам «Инстаграм» выполняет преимущественно две задачи: а) образовательной платформы и б) обучающего инструмента. Первый случай не связан с актуализацией особенностей «Инстаграма» как жанра 2.0. Социальная сеть служит лишь опорной технологией. В литературе дано описание использования «Инстаграма» для организации профессионально-образовательного сообщества переводчиков [16], на примере которого возможно

создание различных инстаграм-сообществ для специалистов в области языков и культур. Кроме того, имеются рекомендации по применению «Инстаграма» как технического инструмента при обучении различным жанрам письменной речи, например эссе. В этом случае блог учителя используется как учебный ориентир, где размещены памятки, примеры и прочее, функция комментирования реализует академическую онлайн-коммуникацию, а сама технология обучения включает в себя аудиторную работу и онлайн-фазу [17]. Нетрудно заметить, что приведенные примеры могут быть реализованы на базе практически любой социальной сети.

Специфика жанровых особенностей «Инстаграма» может быть использована в случае реализации второй вышеуказанной задачи. Именно второй случай открывает возможности для обучения студентов анализу и созданию публичного жанрового онлайн-продукта в инстаграм-формате. Однако, как показывает наше исследование, существующие методические разработки в большинстве случаев не учитывают данную жанровую специфику. Предлагаемые в большинстве работ задания, которые сами по себе могут быть методически интересными и носить активизирующий коммуникативный характер, все же не принимают во внимание описанные выше особенности медиадискурса 2.0 и в частности структурно-стилистические признаки инстаграм-постов. Нередко проектируемые задания являются универсальными для разных типов социальных сетей [1, 3] либо могут быть выполнены и вовсе без поддержки технологии Веб 2.0 (описание картинки из учительского инстаграм-блога; комментирование картинки с использованием новой лексики; просмотр короткого инстаграм-видео с последующим обсуждением; чтение и комментарий фотографий/мема; см. [18]). В ходе анализа не были обнаружены задания или методические рекомендации, ориентированные на развитие умения самопрезентации учащегося или студента в инстаграм-блоге. Решение этой задачи представляется важным, поскольку, как отмечают исследователи, вербальная и невербальная стилистика инстаграм-блога зависит от доминирующих целей самопрезентации его автора [19].

Таким образом, анализ литературы позволил обнаружить противоречие, связанное с имеющимся в (социо)лингвистических исследованиях описанием лингвостилистических и структурно-жанровых особенностей инстаграм-дискурса, с одной стороны, и отсутствием их конкретизации с точки зрения лингводидактической задачи развития умений личностной и профессиональной коммуникативной самопрезентации студентов в современном интернет-пространстве посредством создания авторского публичного интерактивного речевого продукта (инстаграм-поста) – с другой. Данное противоречие определяет необходимость уточнить жанровые особенности инстаграм-дискурса в свете названной лингводидактической задачи.

Исследование

Жанровое и креативное письмо как речевая основа инстаграм-дискурса

Характеризуя письменный дискурс (в том числе креолизованный текст в рамках социальных се-

тей) с лингводидактической точки зрения, следует обратиться к классификации видов письменного высказывания по целевому основанию. Анализ исследований [20–22] показывает, что можно выделить два основных вида письменной речи. Первый – так называемое письмо для себя (“personal writing”: например, личные заметки, напоминания, рецепты, письменная фиксация / конспектирование во время прослушивания и пр.). В данном случае письмо выполняет преимущественно роль средства для эффективной реализации других видов деятельности, включая речевую. Второй вид – «письмо для других», в том числе используемое в интернете интерактивное онлайн-письмо. В рамках этого вида выделяют два основных подвида: *жанровое* и *креативное* письмо (“genre writing”, “creative writing”) [20, 21, 23]. Жанровое письмо опирается на стилистические, структурные и содержательные закономерности определенного жанра, например эпистолярные, публицистические жанры и др. Креативное письмо не предусматривает жесткой модели текста; оно предполагает творческий подход, незаурядные решения в плане содержания и оформления, которые способны максимально раскрыть потенциал автора и вызвать интерес у целевой аудитории. Вместе с тем не существует четкой границы между жанровыми и креативными текстами: большинство жанровых «продуктов» предполагают ту или иную степень креативности (например, блог), а многие виды креативного высказывания обладают рядом жанровых признаков (например, описание картинки, рассказ, шутка/пародия и пр.) [21]. Учитывая описанное ранее характеристики инстаграм-дискурса, полагаем, именно сочетание креативного и жанрового письма будет определять специфику учебной работы с инстаграм-блогами при обучении иностранному языку студентов, в частности самопрезентации в иноязычном интернет-пространстве.

Лингводидактическая типология инстаграм-жанров

Анализ немецкоязычного сектора блогосферы «Инстаграма», проведенный через призму описанного выше лингводидактического основания (сочетание креативного и жанрового письма) и с учетом представленной ранее типологии интернет-жанров, позволяет заключить, что для обучающихся задач целесообразно выделить четыре группы жанров, которые будут делиться на типы в зависимости от преобладания жанрового или креативного письма. К таким группам мы относим *информационные блоги* (Informationsblog), *специализированные блоги* (Fachblog), *лайфстайл-блоги* (Lifestyle-Blog), *юмористические / шуточные блоги* (Scherz). В свою очередь, информационные инстаграм-блоги можно разделить на информационно-аналитический (Qualitative Information) и информационно-развлекательный (Infotainment) контент. Первые из них сближаются с информационными и аналитическими жанрами публицистики (сообщение, новостная заметка, комментарий, аннотация и др.; см. [7, 8]), имеют достаточно четкую структуру и соответствуют жанровому письму. Преимуществен-

но такой инстаграм-жанр используется в официальных блогах информационных изданий (Die Welt, Der Spiegel) или телеканалов (DW, Das Erste и пр.). Вместе с тем и в этих постах также учитываются характерные признаки инстаграм-дискурса. Основным элементом является изображение, где представлена одна из ключевых (или наиболее выразительных) сцен описываемого события, коллаж этих сцен, обложка издания или же текст-цитата из актуальной статьи, опубликованной в данном издании и способной вызвать наибольший общественный интерес (передовицы, комментарии, колонки знаменитого журналиста и пр.); при этом текст иногда дается на фоне изображения, размещенного в оригинальной статье. Сопровождающий иллюстрацию текст выдержан, в целом, в жанре сообщения с характерными признаками (первое предложение передает суть сообщения, далее следуют факты, детали), однако одновременно апеллирует и к картинке (*„Es ist ein historisches Foto: In Halberstadt in Sachsen-Anhalt haben einen Tag vor dem offiziellen Start die Impfungen gegen das Coronavirus begonnen“*²). В ряде случаев сопровождающий текст представляет собой цельное высказывание в форме короткого сообщения, но нередко предлагает лишь аннотацию статьи или всего выпуска с ссылкой на полную версию (*„Link zum ganzen Interview/Kommentar in der Story & Bio“*) или советует подробнее познакомиться с заявленной темой, купив газету/журнал (*„Alles zum neuen Umgang der Deutschen Bahn mit Maskenverweigerern: Heute in der WELT AM SONNTAG – jetzt am Kiosk!“*³). Аннотированное представление контента особенно типично для инстаграм-страниц телеканалов и YouTube-каналов, где в конце сообщения дается информация о времени (для телеканалов) передачи / фильма и ссылка на трансляцию / запись в интернете (*„...um 23:35 Uhr im Ersten und danach in der ARD Mediathek: daserste.de/filme (Link über die Bio)“*⁴). Нередко в информационных жанрах используется типичный для инстаграм-дискурса прием: обращение к читателю (например, через вопрос) для стимулирования активности в комментариях и повышения статистики просмотров (*„Habt ihr Hamburg bereits besucht?“*⁵). Любой текст заканчивается хэштегами, в которых заложена ключевая тематика и проблематика сообщения.

В обучающих целях информационно-аналитический инстаграм-контент можно использовать для обучения созданию коротких креолизированных сообщений об актуальных событиях своего региона (интересных для студента и представляющих интерес для иноязычного читателя), а также аннотаций иноязычных фильмов и книг, с которыми студент знакомится в рамках самостоятельной работы и которые он хотел бы порекомендовать широкой публике.

Обратимся к информационно-развлекательной жанровой подгруппе (Infotainment). Такие блоги характеризуются сообщением эмоционально окрашенной увлекательной информации и/или особым развлекательным стилем подачи серьезных фактов. К данной подгруппе мы считаем возможным отнести *инстаграм-рецензии* (жанровое письмо), *развлекательные новости* (здесь наблюдается «размытие» класси-

ческого новостного жанра и появление элементов креативного письма), *презентации занимательных фактов* (креативное письмо). В настоящее время большое количество инстаграм-блогов посвящено рецензиям в области кино и литературы. Анализ позволяет проследить жанровую структуру подобных постов. Как правило, текст начинается с общей информации о произведении: название, выходные данные, где и по какой цене возможна покупка. Далее (обычно после отступа) следует аннотация или краткое изложение сюжета с соответствующим указанием (*„Handlung...“*). Затем идет оценочный блок, который вводится указанием на субъективное мнение (*„Meine Meinung...“*) и содержит оценочные характеристики элементов книги или фильма, где с помощью лексических средств подчеркивается авторское субъективное восприятие (*„Eine tolle Komödie, die bis zum Schluß nicht langweilig wird“*, *„Anfangs hatte ich so meine Schwierigkeiten mit Emilia und dem Buch im Allgemeinen, da für mich einige Sachen nicht nachvollziehbar waren“*, *„Irgendwie hatte ich den Film immer auf meiner Liste stehen“*⁶), а в конце подводится итог (*„Fazit...“*) и даётся оценка по пяти- или десятибалльной шкале. Завершается пост благодарностью человеку или организации, которые предоставили экземпляр для рецензии, а также вопросом к читателям поста (*„Habt ihr das Buch schon gelesen oder habt ihr es vielleicht noch vor?“*⁶), что является приемом стимулирования интеракции в онлайн-дискурсе для быстрого выхода в «тренды». После основного текста, как обычно, следуют хэштеги. Текст является сопровождением к иллюстрации, которая представляет обложку книги, постер фильма, а также (в «карусели») короткие фрагменты из зрелищных сцен фильма.

Стиль и структура «развлекательных новостей» в значительной степени напоминают соответствующие иллюстрированные тексты бульварных изданий. Как правило, это и есть официальные инстаграм-блоги желтой прессы, к которой, прежде всего, относится издание „Bild“. Главный элемент – изображение – наряду с фотографией (ключевым кадром) содержит крупно набранный текст-заголовок с выделенными в нем ключевыми словами. Как правило, это короткая фраза или часть цитаты, бросающаяся в глаза и рассчитанная на мгновенный интерес благодаря сенсационности, усиленной эмоциональностью, игре слов или вульгаризированному стилю. Стиль заголовка на картинке сохраняется в первом абзаце основного текста, который также характеризуется эмоциональностью, наличием восклицательных предложений, а также простой лексикой и несложными конструкциями, рассчитанными на понимание читателем со средним уровнем образования. Например, заголовок на фотографии *„Merkel tötet unsere Branche. Wirt Thomas Förster fürchtet einen neuen Lockdown“* словно «продолжается» в основном тексте: *„Weiter sagt er Ich habe 100 Prozent Angst! (...) Ich werde nicht schließen, aber ich musste bereits zehn Mitarbeiter entlassen“* (апеллирование к гневу и страху из-за неверных, по мнению интервьюируемого, действий правительства А. Меркель в период коронавируса). Другой пример связан уже с заявлением самой А. Меркель, из кото-

рого для заголовка выбрана необходимая для создания эмоционального фона цитата. Заголовок выдержан в стиле сводки с фронта: „*Die Lage ist bedrohlich. Es zählt jeder Tag*“ (при этом „*bedrohlich*“, „*jeder Tag*“ выделены цветом). Начало основного текста продолжает «фронтной» стиль, причем первое предложение наполнено эллиптическими конструкциями, напоминающими фронтовые телеграммы или рекламный трейлер фильма-боевика: „*Immer mehr Corona-Hotspots, fast täglich steigende Infektionszahlen, die Angst vor dem Lockdown!*“⁷ (апеллирование к ужасу). Второй абзац подобных заметок обычно выдерживается в информационном стиле (сообщаются факты по существу), а далее вновь следуют эмоционально окрашенные оценочные суждения авторов поста.

Обратимся к особому типу информационно-развлекательных постов, который возник именно в рамках инстаграм-дискурса: презентация интересных фактов через изображение и текст. Подобные посты можно условно разделить на два типа: сообщение занимательной информации общего значения и сообщение актуальных интересных фактов в конкретном регионе. В первом случае нередко применяется стилистический прием «обманутого ожидания» или необычной/парадоксальной концовки, что особенно характерно для немецкоязычного дискурса в связи с «рамочными конструкциями» немецких предложений. Так, начало следующего примера довольно обыденно и создает (в том числе благодаря соответствующей фотографии) у читателя ожидание очередного факта об ограничении ядерных вооружений США и России. И только ближе к концу предложения мы с удивлением обнаруживаем, что обязательства не применять ядерное оружие касаются территории Луны: „*1967 unterzeichneten die USA und Russland einen Vertrag, in dem sie sich verpflichteten, den Mond nicht mit Atomwaffen zu beschießen*“⁸. В качестве изображения в таких постах используется картинка или фотография, соотносимая с тематикой поста, а текст (1–2 предложения) часто пишется поверх изображения. В постах второго типа используется документальная фотография описываемого события/факта, которая также сопровождается коротким текстом в 1–2 предложения. При этом сама необычность факта может использоваться как особое средство выразительности и воздействия, например: „*Caleb Anderson, ein 12-jähriger Junge aus den USA, wird weltweit der jüngste Student sein, der Luft- und Raumfahrttechnik an einer Universität studiert*“⁹. Таким образом, в постах данного типа используется преимущественно креативное письмо, где благодаря сочетанию изображения и стилистических приемов выразительности в тексте презентуется интересный для читателя факт.

Полагаем, для учебного процесса особый интерес представляют инстаграм-рецензии и презентации занимательных фактов. В первом случае осуществляется обучение жанровому письму при создании литературной критики (например, в рамках индивидуально-го чтения студентов) или кинокритики (индивидуальный кинопросмотр). У студента развивается важное умение (не только речевого, но и личностного характера) публичного самовыражения через оценочное

суждение, при этом он учится принимать на себя существенную ответственность в публичном пространстве за стиль и содержание своего высказывания. Второй случай хорошо сочетается с активизирующим методом «фото дня/недели»: студент каждые несколько дней размещает инстаграм-пост с фотографией наиболее интересного события или явления, очевидцем которого он оказался, и сопровождает его кратким креативным комментарием. Инстаграм-посты в жанре Infotainment представляют интерес для рецептивной аналитической деятельности в стилистическом и социокультурном аспектах.

Обратимся к типологии *специализированных блогов* (Fachblog). Анализ показывает, что их можно разделить на два типа: а) информирование о фактах, событиях, продуктах и услугах в определенной специализированной области (Fachbereich); б) творческое представление собственной профессиональной деятельности (Fachleben kreativ gestaltet). В первом случае используется жанровое письмо; структурно-стилистические особенности постов во многом соотносятся с описанными ранее информационно-аналитическими блогами, за тем лишь исключением, что содержание текста и изображений связано с узкоспециализированной сферой. Содержание поста информирует пользователя о том или ином предстоящем событии, об определенной услуге либо направлено на продвижение продукта или идеи – в зависимости от специализации блога. Особенно показательны в этом плане официальные инстаграм-блоги органов государственной власти (см., например, блог „*bundestkanzlerin*“. URL: <https://www.instagram.com/bundeskanzlerin/>). Однако особым случаем следует считать блоги, имеющие целью *воздействие* на пользователя в определенной сфере деятельности с целью сформировать у него конкретное мнение/отношение и/или побудить к определенным действиям. В этом случае стиль и структура постов приближается к рассмотренным выше блогам «развлекательных новостей», а текст основывается в большей степени на креативном письме. Наиболее яркими являются посты политических партий и движений, в которых прослеживаются многие признаки постов издания „Bild“ (яркая, бросающаяся в глаза фотография или картинка по теме поста, крупный текст, размещенный на фото, наличие восклицательных предложений, эмодзи в основном тексте, апеллирование к эмоциям и пр.). В таких постах используются не только коммуникативные стратегии «за», но и «против», т.е. диффамация конкурентов или противников в рамках своей сферы деятельности. Например, с использованием «фирменных» цветов какой-либо политической партии, а также свойственного ей стиля политические соперники данной партии размещают лозунги, эмоционально отталкивающие избирателей (см., в частности, блог „*gegen.die.afd*“. URL: <https://www.instagram.com/gegen.die.afd/>).

Во втором случае (творческое представление собственной профессиональной деятельности) используется креативное письмо, средствами которого блогер рассказывает в интересной форме о своей профессиональной деятельности. В верхнем поле блога, где размещается информация о пользователе, приводятся краткие сведения о деятельности автора, часто с ис-

пользованием вербальных (лингвостилистических) и невербальных средств выразительности. К невербальным следует отнести художественное оформление текста, включая особые шрифты и эмодиконы. Информационный текст часто выдержан в разговорном стиле, в том числе с использованием юмора, например: „Begeisterter Ersteller von kreativem + kommunikativem Material und Fan von Sketchnotes und tollen Tafelbildern“¹⁰. Каждый пост посвящается какому-либо результату, достижению или авторскому продукту, представляющему интерес либо для широкой публики, либо для группы специалистов. Текст, как правило, сопровождается выразительной и/или необычной фотографией (на которой часто присутствует сам автор) или картинкой, привлекающей внимание пользователя к описываемому достижению. Презентация профессионального результата сопровождается выражением собственного отношения. Авторский комментарий всегда эмоционально окрашен („Ich kann es immer noch kaum glauben, dass ich jetzt ein eigenes Buch habe“¹¹), чаще всего имеет прямую обращенность к читателям (в том числе с использованием лексических модификаций с целью повышения эмоционального и/или юмористического окраса высказывания) и заканчивается вопросом, побуждающим к ответной реакции (например: „Wenn mein Tag mehr als 24h hätte dann gäbe es auch noch deuuuuutlich mehr habt ihr aktuell noch besondere Wünsche/Ideen/Anregungen!??“¹²).

Himmel aus? 😊¹³, после чего автор словно невзначай („Übrigens...“) сообщает, где именно была куплена ветровка и как получить скидку в магазине, в котором можно приобрести многие другие вещи, которые «так нравятся» автору („Übrigens ist das Outfit komplett von @sheingermany & mit meinem Code BIBI spart ihr 25% auf Alles! 😊 Ihr findet im Shop auch noch einige andere meiner Lieblingsteile, vielleicht ist ja was dabei, das euch auch gefällt 🤗¹⁴). Дружеское обращение к нам как к давнишним знакомым автора, а также использование соответствующих эмодзи позволяет придать этой части комментария вид дружеского совета, который даётся словно бы между делом (хотя рекламная часть всё же отмечается как „– anzeige“).

Последняя выделенная нами жанровая группа «юмористические/шуточные блоги» (Scherz) представляет собой шуточные фотографии с короткими комментариями (как правило, размещенными на самих фото), в которых используются привычные средства выражения юмора и сатиры: двойной смысл, игра слов, контаминация (*familionär*), силлепс (*Niemand darf Sie gegen Ihren Willen impfen, wohl aber gegen Covid-19*) и т.п. При этом юмор может опираться не только на языковые, но и на страноведческие факты. В этой связи данные посты могут быть использованы для стилистического и социокультурного анализа, а также в качестве лексических разминок.

Организация продуктивной деятельности студентов в рамках инстаграм-дискурса предполагает систему упражнений, обеспечивающих управление пошаговым обучением созданию постов описанных жанров. В рамках данной статьи остановимся на общих рекомендациях по проектированию указанной системы.

циями элементов инстаграм-страницы: „Das Instagram-Profil“ (*Persönliches Profil, Unternehmenskonto, Instagram-Follower, Profiltext, Instagram-Bio, Namensfeld etc.*), „Instagram-Beitrag“ (*Instagram-Post, Influencer-Beiträge, Fotos, Videos, Stories, Reels, IGTV, Instagram-Filter, Hashtags, Bildunterschrift etc.*), „Kommentar“ и др. Каждый элемент поля преобразуется в словосочетания (например, через добавление необходимых глаголов, служебных слов и пр.: *ein Instagram-Profil erstellen / anlegen, mehr Instagram-Follower gewinnen, vom persönlichen Profil zum Instagram Unternehmenskonto umstellen / wechseln, Beiträge teilen, etc.*), а далее – в индивидуальные примеры предложений и микротекстов.

Следующий шаг – общий анализ функциональных возможностей «Инстаграма» и выявление отличий (в том числе дискурсивных) от других социальных сетей. Пример задания: *Analysieren und beschreiben Sie die funktionalen Möglichkeiten Instagrams, beachten Sie die Rolle von a) Text, b) Bild, c) Video, d) Interaktion. Was unterscheidet das Instagram von anderen sozialen Netzwerken?* Студенты обращают внимание на то, что перечисленные элементы (текст, изображение, видео, интерактивность) по-разному сочетаются в различных блогах, что определяет разные эффекты воздействия и различную обратную связь / ответную реакцию. Данное задание логично подводит нас к вычленению и анализу жанровых групп. Обучающиеся в микрогруппах (при поддержке преподавателя) предлагают свои версии жанровой классификации, предложения обсуждаются в пленуме, составляется и обосновывается единая классификация, в каждой группе по определенным признакам (описанным нами выше) выделяются конкретные жанры. Рекомендуется провести сопоставление с аналогичными жанрами в русскоязычном и англоязычном секторах «Инстаграма», выявить сходства и отличия.

Следующий этап – работа с конкретными постами разных жанров. Данный вид работы включает в себя выполнение трех типов упражнений: *аналитических (подготовительных), продуктивных, интерактивных*. Необходимо отметить, что студенты уже должны быть знакомы с особенностями жанрового и креативного письма. Подготовительные упражнения ориентированы на анализ инстаграм-постов рассматриваемого жанра. Отбор постов осуществляется преподавателем или самими студентами (с помощью преподавателя при необходимости). Отбираемые посты должны обладать ярко выраженными жанровыми признаками (быть репрезентативными в плане использования вербальных и невербальных средств в рамках данной жанровой группы), соотноситься с интересующими темами, которые определяются совместно преподавателем и студентами, служить образцами для создания авторских инстаграм-продуктов.

Аналитические упражнения могут иметь унифицированную структуру (подходящую для всех жанров) или же быть ориентированными на посты конкретного жанра. В первом случае работа включает в себя три универсальных вида анализа: содержательных особенностей постов, используемых языковых / лингвостилистических средств, мультимедийных (фо-

то/видео) особенностей. На основе такого анализа студенты проводят самостоятельную классификацию предложенных примеров постов, обосновывают свое решение, выявляют признаки жанрового и креативного письма (*Analysieren Sie die angebotenen Beiträge, gehen Sie bei Ihrer Analyse auf Folgendes ein: a) Thema, b) Sprache (lexikalische und grammatische Mittel), c) Stil und Textstruktur, d) Rolle der Medien (wie sind die Fotos / Videos mit dem Text verknüpft?)*). *Ordnen Sie die Beiträge anhand Ihrer Analyse den folgenden Gruppen zu: a) Nachricht, b) Rezension, c) Infotainment, d) Lifestyle. Welche sind tatsachenbetont und welche sind meinungsbetont? Wo ist eine deutliche Genrestruktur vorhanden und wo fehlt diese? Erläutern Sie die linguostilistischen und medialen Mittel, die dem Autor zur Selbstpräsentation verhelfen*). В результате должны быть сделаны выводы: а) какие типические жанровые признаки проявились в конкретных постах; б) за счет чего реализуется самопрезентация авторов данных постов. Анализ рекомендуется осуществлять в режиме групповой работы (с распределением учебных обязанностей) с дальнейшей презентацией результатов.

Во втором случае мы опираемся на специфику определенного жанра и исходя из этого формулируем задание. Приведем примеры организации аналитической работы с некоторыми из описанных выше жанров.

Информационные жанры. Работа с этой группой включает в себя две части: а) анализ традиционных признаков функционального типа текста «сообщение» (в том числе «новость»); б) выявление особенностей инстаграм-сообщения. Задания могут быть следующие: *a) Suchen Sie im folgenden Beitrag die Merkmale eines Berichtes und ordnen Sie diese richtig an: Quelle der Nachricht, Vorgeschichte, Ergebnis, Details, Nähere Umstände. Enthält der Beitrag die Antworten auf „6W“-Fragen? b) Charakterisieren Sie das begleitende Foto und die Verknüpfungen mit dem Text. Welche Rolle spielen die Hashtags? Suchen Sie die Formen des Leser-Appells.*

Развлекательно-информационные жанры (Infotainment). Изучение данных постов можно начинать с анализа признаков информационных жанров (см. выше), а затем переходить к выявлению отличий. Например: *Analysieren Sie die Schlagzeilen (Titel) der „Bild“-Beiträge. Erläutern Sie ihre sprachlichen und stilistischen Mittel. Analysieren Sie auch die Fotos: Wie ist die Schrift des Textes auf den Fotos? Welche Rolle spielt das? Welche Rolle spielt die Farbe? Charakterisieren Sie die behandelnden Themen, Stil und Struktur des Textes. Welche Unterschiede gibt es zwischen Informationsblogs und Infotainment-Blogs?* Работа заканчивается заполнением сопоставительной аналитической таблицы признаков информационных и информационно-развлекательных жанров: *Vergleichen Sie in Form einer Tabelle: a) behandelnde Themen, b) Präsentation und Layout, c) Funktionen der analysierten Beiträge.*

Рецензия. Анализ постов-рецензий следует начинать с изучения структуры текста рецензии; на основе понимания структуры студентам предлагается определить, в каких частях инстаграм-рецензии передаются объективные факты (данные о фильме / книге, краткое содержание), а где автор выражает субъективное мнение. Способы передачи объективности и

субъективности анализируются на языковом и стилистическом уровнях. Наконец, студенты обосновывают выбор иллюстративного материала для рецензии, соотносят этот выбор с позицией и интенцией автора. Примеры заданий: *a) Lesen Sie die angebotenen Instagram-Rezensionen und gliedern Sie die Texte. Aus welchen Teilen besteht eine Rezension? (1. Allgemeine Information über den Film; 2. Eine kurze...; 3. ...; 4. ...)* *b) Welche Teile sind objektiv und welche sind subjektiv? Markieren Sie die sprachlichen Ausdrucksmittel, die zur Objektivität / Subjektivität beitragen: auf der lexikalischen Ebene; auf der grammatischen und syntaktischen Ebene; auf der Ebene der stilistischen Mittel. Sagen Sie anschließend, welche Intentionen der Autor damit realisiert.* *c) Welche Rolle spielen die Bilder bei der Realisierung dieser Intention? Wodurch ist die Auswahl der Bilder bedingt? Was meinen Sie, ist diese Auswahl gelungen (warum)?*

Лайфстайл. Как отмечалось, анализ подобных блогов наиболее уместен при изучении тем повседневного общения (хобби, путешествие, еда и т.п.). Полагаем, работу следует начинать с описания фотографии, социокультурной интерпретации снимка, сопоставления с реалиями родной культуры. Учитывая «скрытый» рекламный характер многих лайфстайл-постов, мы предлагаем далее исследовать интегрированный способ воздействия на реципиента, выраженный через сочетание художественно-эстетического (посредством снимка) и вербального (в комментарии-обращении к читателю) элементов. Возможные задания: *Sehen Sie sich das Bild an: Was macht einen positiven Eindruck auf Sie? Was weckt Ihr Interesse? Lesen Sie den Kommentar unter dem Bild und finden Sie Merkmale einer Werbung. Erörtern Sie die Zusammenhänge von Bild- und Textteilen. Welche lexikalischen, syntaktischen und stilistischen Mittel benutzt der Autor? Wie wirkt diese Werbung (Bild+Text) auf Sie? Worauf ist die Wirkung zurückzuführen?*

Следующий этап работы, включающий в себя продуктивные упражнения, ориентирует студентов на осуществление самопрезентации через создание собственного инстаграм-поста определенного жанра. Такие упражнения могут быть либо открытого типа (студент сам определяет все параметры и конкретное содержание своего поста, что обеспечивает максимальную степень свободы в представлении своего взгляда на факты/явления/проблемы), либо предусматривать определённые требования и ограничения (касающиеся фото и/или видео, длины поста, используемых языковых средств, тематики и пр.). На ближайшем занятии после публикации постов следует организовать этап активной рефлексии, включающий обсуждение публикаций, взаимные вопросы, оценочные комментарии. Взаимооценивание может осуществляться микрогруппами (каждая группа анализирует посты участников другой группы и готовит оценочные комментарии и рекомендации). С учетом того что инстаграм-дискурс носит интерактивный характер, после продуктивных упражнений следует предусмотреть интерактивные. Они заключаются в том, что каждый студент, помимо публикации собственного поста, должен ознакомиться с постами своих одноклассников и прокомментировать минимум три из

них. В том случае, если комментарий носит критический или полемический характер, должна соблюдаться этика оценочного высказывания и текст комментария должен строиться по так называемой сэндвич-модели: выделение позитивного – критика, замечания – позитивное заключение. Кроме того, комментарии могут содержать вопросы к автору, благодарность за интересный материал, а также советы, рекомендации, ссылки в развитие темы, затрагиваемой в посте. Помимо подготовки собственных комментариев студент также должен дать ответную реакцию на поступившие комментарии к его посту.

Выше мы представили систему упражнений лишь в первом приближении; в дальнейшем необходимо детализировать типы и последовательность упражнений применительно к каждой из жанровых групп, а также провести апробацию в реальном учебном процессе.

Заключение

Проведённое исследование, посвященное анализу жанрового разнообразия социальной сети «Инстаграм» с точки зрения лингводидактической ценности в условиях обучения современным форматам иноязычной коммуникации студентов языкового вуза, позволяет сделать следующие выводы.

1. «Инстаграм» с лингвопрагматической точки зрения представляет собой отдельное дискурсивное пространство креолизованного типа, обладающее специфическими параметрами: особым оформлением домашней страницы, обусловленным целями блога, тематикой, концепцией самопрезентации автора и концепцией адресата; сочетанием синхронного и асинхронного взаимодействия пользователей в рамках блога; сочетанием языковых и неязыковых средств оформления поста с доминирующей ролью визуализации. В качестве контента выступает совокупность постов блога, обладающих следующей структурой: 1) центральная часть – изображение; 2) сопровождающий текст/гипертекст; 3) комментарии к посту; 4) хэштеги как межгипертекстовый элемент. Была выявлена проблема, связанная с тем, что имеющиеся на данный момент исследования лингвопрагматических особенностей инстаграм-дискурса пока не нашли должного отражения в лингводидактической плоскости. Это позволило бы использовать жанровое разнообразие «Инстаграма» в обучении иностранным языкам студентов языковых вузов с целью развития умений коммуникативной самопрезентации в современном интернет-пространстве посредством создания публичного интерактивного инстаграм-поста.

2. При обосновании лингводидактической классификации инстаграм-жанров мы опирались как на существующие в лингвистике и социолингвистике типологии, так и на собственный анализ немецкоязычного инстаграм-пространства, отбирая блоги с учетом критериев их известности среди немецкоязычных пользователей, их лингвистической ценности с точки зрения использования основных функциональных типов текста и их содержательной учебной ценности с

точки зрения соответствия тематике, изучаемой на иностранном языке в языковом вузе. Наша авторская классификация ориентируется на лингводидактические исследования видов письменного высказывания и опирается на предположение, что одним из ведущих оснований для вычленения жанровых групп и подгрупп следует считать сочетание креативного и жанрового письма, что также в дальнейшем будет определять специфику учебной работы с инстаграм-блогами. В результате были определены следующие жанровые группы, включающие в себя ряд типов инстаграм-постов: информационные (типы: информационно-аналитические и информационно-развлекательные, включающие инстаграм-рецензии, развлекательные новости, презентации занимательных фактов), специализированные (информирование о фактах и событиях в определенной области; творческое представление собственной профессиональной деятельности), лайфстайл-блоги (либо вариативная тематика повседневной жизни автора-блогера, либо избранный

аспект его жизни), юмористические посты. Для обучения рецептивной и продуктивной деятельности особую ценность представляют информационные блоги (обучение созданию коротких креолизованных сообщений и аннотаций, инстаграм-рецензий и постов о занимательных фактах/событиях), а также в рамках специализированных блогов тип «творческое представление собственной профессиональной деятельности», который можно использовать для обучения творческой презентации собственной учебной и профессиональной деятельности. Остальные жанровые группы и типы могут быть использованы преимущественно для рецептивной/аналитической деятельности.

3. Пошаговое обучение созданию инстаграм-постов (от анализа к продукции и интеракции) опирается на особую систему упражнений, которая была описана нами в общем плане. Данная система включает в себя три типа упражнений: аналитические (подготовительные), продуктивные, интерактивные.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Для анализа были использованы ресурсы „Influencer Wiki: Deutsche Instagram Rangliste“ (<https://www.influencerwiki.de/ranking/instagram/>), „Statista: Ranking der zehn größten deutschen Influencer auf Instagram nach der Anzahl der Follower“ (<https://de.statista.com/statistik/daten/studie/696861/umfrage/deutsche-influencer-auf-instagram-nach-anzahl-der-follower/>).
- ² Der Spiegel. URL: https://www.instagram.com/p/CJRG_3lhRV8/?utm_source=ig_web_copy_link
- ³ Welt am Sonntag. URL: https://www.instagram.com/p/CJTA0ITKLIG/?utm_source=ig_web_copy_link
- ⁴ Das Erste. URL: https://www.instagram.com/p/CGxP9wPKHKV/?utm_source=ig_web_copy_link
- ⁵ Примеры взяты из блогов: <https://www.instagram.com/buecherkakao/>; <https://www.instagram.com/the.prime.time.nerd/>
- ⁶ URL: https://www.instagram.com/p/CJWVpN_nnbF/
- ⁷ Цитаты взяты из <https://www.instagram.com/bild/>
- ⁸ URL: <https://www.instagram.com/p/CGkj4sJoQDU/>
- ⁹ URL: <https://www.instagram.com/p/CGc1kgKKdCU/>
- ¹⁰ Шрифт и пиктограммы в тексте сохранены. URL: <https://www.instagram.com/doodleteacher/>
- ¹¹ URL: https://www.instagram.com/p/CFHr_wtDRHz/
- ¹² URL: <https://www.instagram.com/p/CJrEqWjMUrC/>
- ¹³ URL: <https://www.instagram.com/p/CGwxapj2G7/>
- ¹⁴ URL: <https://www.instagram.com/p/CGwxapj2G7/>

ЛИТЕРАТУРА

1. Борщева О.В. Инстаграм на занятиях по иностранному языку // Вопросы педагогики. 2020. № 4-2. С. 66–71.
2. Гайдичар А.П., Кулакова Т.А. Инстаграм-публикация как малоформатный поликодовый текст в роли мотивационного инструмента на уроке английского языка // Педагогическое образование на Алтае. 2020. № 1. С. 142–147.
3. Наволочная Ю.В. Инстаграм на занятиях по английскому языку (неязыковые факультеты) // Современное языковое образование: инновации, проблемы, решения : материалы X междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.А. Богатырёва. М. : МПГУ, 2019. С. 183–188.
4. Угро А.В. Воспоминание как гипержанр: на материале записей в социальной сети Инстаграм // Человек в языковом пространстве : сб. ст. Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2020. С. 91–96.
5. Горошко Е.И., Полякова Т.Л. Инстаграм как жанр 2.0 (на примере политической коммуникации) // Жанры речи. 2019. № 4 (24). С. 300–313.
6. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений в семи томах. М. : Русские словари, 1997. Т. 5. С. 159–206.
7. Риторические основы журналистики. Работа над жанрами газеты / З.С. Смелкова [и др.]. М. : Флинта; Наука, 2004. 320 с.
8. Fischer Lexikon. Publizistik, Massenkommunikation / E. Noelle-Neumann, W. Schulz, J. Wilke (Hrsg.). Frankfurt/Main : Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1995. 676 s.
9. Мамонтова Н.В. Классификация постов в англоязычной социальной сети Инстаграм (лингвосинергетический аспект) // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 4 (426). С. 137–143.
10. Юхмина Е.А., Обвинцева Н.В. Англоязычные информационные и рекламные инстаграм-посты в современной PR-коммуникации // Медиасреда. 2020. № 17. С. 108–113.
11. Донина О.В. Исследование лексики текстов жанра 2.0 методами количественной и корпусной лингвистики (на примере текстов Инстаграм) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 25–33.
12. Витковская Н.Г., Исакова Т.Б. Некоторые особенности блога как жанра журналистики (на примере социальной сети «Инстаграм») // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 2, № 2 (32). С. 119–127.
13. Белкина Е.С. Персональный блог в сети Инстаграм: семиологический подход // Вестник Международного института рынка. 2020. № 2. С. 54–58.
14. Мингажева Е.А., Юхмина Е.А. Функциональные особенности англоязычных хэштегов сети Инстаграм // Актуальные проблемы науки и образования в современном вузе : сб. тр. IV Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.Л. Галиев. Уфа : Башкир. гос. ун-т, 2019. С. 276–283.
15. Спутницкая Н.Ю. Актуальные модели блогов о кино в социальных сетях Ютуб, Фейсбук и Инстаграм // Телекинет. 2018. № 1. С. 35–39.
16. Крейн О.А., Стефановская Е.И. Образовательный потенциал социальной сети Инстаграм при обучении студентов-переводчиков // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы XII Междунар. науч. конф., посвящ. 97-летию образования Белорус. гос. ун-та. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2018. С. 206–207.
17. Astiti D.H., Bambang Y.C., Utami W. The Use of Instagram in the Teaching of EFL Writing: Effect on Writing Ability and Students' Perceptions // Studies in English Language Teaching. 2018. Vol. 6, № 2. P. 112–126.

18. Zayats T., Astafyeva Yu. Instagram as a teaching tool in the EFL classroom // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 5-8 (61). С. 51–54.
19. Ковалева А.В. Специфика самопрезентации студентов в социальной сети «Инстаграм» в зависимости от типа карьерной ориентации // Молодёжь Сибири – науке России : материалы междунар. науч.-практ. конф. Красноярск : Сибирский ин-т бизнеса, управления и психологии, 2020. С. 134–137.
20. Hass F. Fachdidaktik Englisch: Tradition, Innovation, Praxis. Stuttgart : Klett, 2016. 420 p.
21. Matz F. Schreiben // Englisch Methodik. Berlin : Cornelsen, 2018. P. 33–50.
22. Deutsch lehren lernen. Bd. 4: Aufgaben, Übungen, Interaktion / H. Funk [et al.]. München : Klett-Langenscheidt, 2014. 184 s.
23. Wolfrum J. Kreativ schreiben: Gezielte Schreibförderung für jugendliche und erwachsene Deutschlerner (DaF / DaZ). Ismaning : Hueber, 2010. 183 s.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 25 января 2021 г.

Genre Diversity of the Instagram Social Network in a Linguodidactic Perspective

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 178–188.

DOI: 10.17223/15617793/472/21

Andrei A. Kolesnikov, Ryazan State University (Ryazan, Russian Federation); Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kolesnikow@list.ru

Key words: Instagram genre; Instagram discourse; linguodidactic typology; foreign language; German.

Linguopragmatically, the Instagram social network is a creolized discourse space consisting of a set of blogs with a specific structure. The genre characteristics of these blogs are described in a number of linguistic studies of Instagram discourse. However, the results of these studies have not yet been reflected in the linguodidactic sphere. This makes it difficult to use the genres of Instagram in teaching foreign languages to students of language universities. A good and methodologically correct solution to this problem would make it possible to develop students' skills of communicative self-presentation in the modern multilingual Internet space by creating a public interactive Instagram post. This article attempts to propose a linguodidactic classification of Instagram genres on the basis of the German-language Instagram discourse (German as a foreign language). The proposed classification is based on the assumption that the predominance of creative or genre writing should be considered one of the main criteria for identifying and systematizing the types of written utterances (including creolized ones). As a result, the following genre groups were identified, each of them includes several types of Instagram posts: informational (types: informational analytical; informational entertaining, the latter include Instagram reviews, entertainment news, presentations of entertaining facts), specialized (types: information about facts and events in a certain specialized field; creative presentation of one's own professional activity), lifestyle blogs (types: variable topics of one's daily life; a selected aspect of the author's life), and humorous. Teaching of receptive (analytical reading) and productive (creolized writing) activities should be based on informational blogs (training in creating short creolized messages and annotations, Instagram reviews and posts about entertaining facts/events), as well as specialized blogs, namely "creative presentation of professional activities". This type can be used for teaching students to represent creatively their own educational and professional activities. The rest of the genre groups and types can be used mainly for receptive (analytical) activities. The step-by-step training in creating Instagram posts (from analysis to production and interaction) is based on a special system of tasks, which is described in the article in general terms. This system includes three types of tasks: analytical, productive, interactive.

REFERENCES

1. Borshcheva, O.V. (2020) Instagram na zanyatiyakh po inostrannomu yazyku [Instagram in foreign language classes]. *Voprosy pedagogiki*. 4-2. pp. 66–71.
2. Gaydichar, A.P. & Kulakova, T.A. (2020) Instagram post as a small format polycode text as a motivational tool in an English lesson. *Pedagogicheskoe obrazovanie na Altai*. 1. pp. 142–147. (In Russian).
3. Navolochnaya, Yu.V. (2019) [Instagram in the classroom for English (non-linguistic faculties)]. *Sovremennoe yazykovoe obrazovanie: innovatsii, problemy, resheniya* [Modern Language Education: Innovations, challenges and solutions]. Proceedings of the 10th International Conference. Moscow. 15 March 2019. Moscow: Moscow State Pedagogical University. pp. 183–188. (In Russian).
4. Ugro, A.V. (2020) Vospominanie kak giperzhanr: na materiale zapisey v sotsial'noy seti Instagram [Remembrance as a hypergenre: based on the material of entries in the social network Instagram]. In: *Chelovek v yazykovom prostranstve* [Man in the Linguistic Space]. Vladivostok: Far Eastern Federal University. pp. 91–96.
5. Goroshko, E.I. & Polyakova, T.L. (2019) Instagram as genre 2.0 (political communication case). *Zhanyri rechi – Speech Genres*. 4 (24). pp. 300–313. (In Russian). DOI: 10.18500/2311-0740-2019-4-24-300-313
6. Bakhtin, M.M. (1997) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari. pp. 159–206.
7. Smelkova, Z.S. et al. (2004) *Ritoricheskie osnovy zhurnalistiki. Rabota nad zhanrami gazety* [Rhetorical Foundations of Journalism. Work on newspaper genres]. Moscow: Flinta; Nauka.
8. Noelle-Neumann, E., Schulz, W. & Wilke, J. (eds) (1995) *Fischer Lexikon. Publizistik, Massenkommunikation*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH.
9. Mamontova, N.V. (2019) Classification of the English Instagram posts (linguosynergetic aspect). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 4 (426). pp. 137–143. (In Russian). DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10418
10. Yuhmina, E.A. & Obvintseva, N.V. (2020) Angloyazychnye informatsionnye i reklamnye instagram-posty v sovremennoy PR-kommunikatsii [English-language informational and advertising Instagram posts in modern PR communication]. *Mediasreda*. 17. pp. 108–113. DOI: 10.24411/2070-0717-2020-10124
11. Donina, O.V. (2020) Using the corpus linguistics' and quantitative linguistics' methods in the study of the genre 2.0 lexicon (on the example of instaram texts). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics And Intercultural Communication*. 3. pp. 25–33. (In Russian). DOI: 10.17308/lic.2020.3/2928
12. Vitkovskaya, N.G. & Isakova, T.B. (2020) Some blog features as a genre of journalism (on the example of social network "Instagram"). *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva – Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*. 2-2 (32). pp. 119–127. (In Russian).
13. Belkina, E.S. (2020) Personal blog in Instagram network: semiological approach. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta rynka*. 2. pp. 54–58. (In Russian).
14. Mingazheva, E.A. & Yuhmina, E.A. (2019) [Functional features of English-language hashtags of the Instagram network]. *Aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya v sovremennoy vuzе* [Actual problems of science and education in a modern university]. Proceedings of the 4th International Conference. Sterlitamak. 23–25 May 2019. Ufa: Bashkir State University. pp. 276–283. (In Russian).

15. Sputnitskaya, N.Yu. (2018) Relevant models of blogs about movies in social networks Youtube, Facebook and Instagram. *Telekinet.* 1. pp. 35–39. (In Russian).
16. Kren', O.A. & Stefanovskaya, E.I. (2018) [Educational potential of the Instagram social network in teaching translation students]. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i professional'no orientirovannoe obuchenie inostrannym yazykam* [Intercultural Communication and Professionally Oriented Teaching of Foreign Languages]. Proceedings of the 12th International Conference. Minsk. 26 October 2018. Minsk: Bellarussian State University. pp. 206–207. (In Russian).
17. Astiti, D.H., Bambang, Y.C. & Utami, W. (2018) The Use of Instagram in the Teaching of EFL Writing: Effect on Writing Ability and Students' Perceptions. *Studies in English Language Teaching.* 2 (6). pp. 112–126.
18. Zayats, T. & Astafyeva, Yu. (2020) Instagram as a teaching tool in the EFL classroom. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire.* 5-8 (61). pp. 51–54. (In Russian).
19. Kovaleva, A.V. (2020) [Specifics of students' self-presentation in the social network "Instagram" depending on the type of career orientation] *Molodezh' Sibiri – nauke Rossii* [Youth of Siberia to the Science of Russia]. Proceedings of the International Conference. Krasnoyarsk. 24 April 2020. Krasnoyarsk: Sibirskiy in-t biznesa, upravleniya i psikhologii. pp. 134–137. (In Russian).
20. Hass, F. (2016) *Fachdidaktik Englisch: Tradition, Innovation, Praxis.* Stuttgart: Klett.
21. Matz, F. (2018) *Englisch Methodik.* Berlin: Cornelsen. pp. 33–50.
22. Funk, H. et al. (2014) *Deutsch lehren lernen.* Vol. 4. München: Klett-Langenscheidt.
23. Wolfrum, J. (2010) *Kreativ schreiben: Gezielte Schreibförderung für jugendliche und erwachsene Deutschlernende (DaF / DaZ).* Ismaning: Hueber.

Received: 25 January 2021

Д.А. Мозгова, О.М. Замятина, Н.А. Семенова, Л.В. Куровская

ДИАГНОСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕФИЦИТОВ И КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕДАГОГОВ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства просвещения РФ в рамках государственного задания на 2021 год по теме № 25 «Технология оценки профессионализма и уровня компетенций педагогов общего и профессионального образования» (дополнительное соглашение № 073-03-2021-014/2 от 21.07.2021 г. к соглашению № 073-03-2021-014 от 18.01.2021 г.).

Описан процесс реализации технологии оценки профессионализма и уровня компетенций педагогов общего образования на основе применения методов машинного обучения. Образовательные организации Томской области были поделены на кластеры на основе применения двух алгоритмов кластеризации данных: метода иерархической кластеризации и метода кластеризации k-средних на основании результатов национального единого государственного экзамена. Выявлены «проблемные» задания внутри кластеров, что позволило определить дефицитные компетенции у педагогов для работы над ними.

Ключевые слова: кластеризация данных; компетенции педагога; k-средние (k-means); профессиональные дефициты; оценка уровня компетенции; результаты учеников

Введение

Ежедневно в системе образования формируются огромные потоки информационных данных, касающихся образовательного процесса: успеваемость/неуспеваемость, посещаемость и вовлеченность обучающихся. Часть информации связана с работой педагогов: квалификация и аттестация, результаты внутришкольных, региональных, федеральных мониторингов. Большие данные (Big Data) – большие массивы данных. Они позволяют учесть объем, разнообразие, скорость, вариативность поступающей информации. Такой подход требует использования технологии масштабирования для эффективного хранения, обработки, управления и анализа [1].

Технологический прогресс предоставляет новые возможности для анализа больших данных и применения результатов этого анализа для решения актуального круга задач: от управления системой образования до автоматического составления расписания. Ресурсы использования больших данных (Big Data) в сфере образования перспективны, но данная тенденция только начинает формироваться. В научно-педагогическом сообществе поднимаются вопросы о применении результатов анализа больших данных в сфере образования. Ученые Е.В. Бабенина и О.М. Елкин рассматривают возможность применения технологии нейросети в части управления образовательным процессом [2], В.В. Утёмов и П.М. Горев описывают технологию больших данных как средство развития образовательных систем [3], Б.А. Кондратенко, А.Б. Кондратенко в статье «Перспективы использования больших данных в современном образовании» конкретизируют перспективы использования анализа больших данных среди которых: определение способностей, формирование индивидуальных маршрутов для обучающихся [4].

Для анализа, сегментации и моделирования больших данных применяются алгоритмы машинного обучения. Именно они позволяют интерпретировать массивы данных для составления прогнозов (задачи регрессии), получения категориального ответа (задачи

классификации), распределения данных на группы по заданному количеству признаков (задачи кластеризации), уменьшения размерности данных и определения аномалий. Авторы статьи используют алгоритмы машинного обучения на больших данных для диагностики профессиональных дефицитов педагогов.

Наше исследование рассматривает новую перспективу применения технологий обработки больших данных, которая связана с возможностью оценки профессиональных компетенций педагога через результаты его учеников и созданием предпосылок для устранения профессиональных дефицитов педагогов путем внедрения образовательных программ.

Основная задача Национального проекта «Образование» – обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования и вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования [5]. По результатам исследований PISA, PIRLS и TIMSS Российская Федерация занимает 14-е место в мировом рейтинге [6].

В отчете Федерального института оценки качества образования (ФИОКО), посвященном интерпретации данных исследования «Оценка по модели PISA-2020», акцентируется внимание на учителе как на определяющем факторе достижения качественных результатов обучающимися: «...качество работы учителя обуславливает качество образовательных результатов школьников. <...> Создание условий для развития компетенций педагогов и качественного преподавания – важнейшая управленческая задача системы образования» [7].

Результаты исследований компетенций и контекста работы российских учителей указывают на слабое знание, владение и применение учителями современных педагогических технологий, приемов работы с учащимися с рисками образовательной неуспешности и преобладание традиционных урочных форм, а также на слабо развитые предметные компетенции [8]. В работе [9] повышение предметной и методической компетентности педагогов выделяется как основное направление для дальнейшей деятельности по повышению качества общего образования. Основываясь на

анализе возможностей различных мониторингов качества образования и взаимосвязи их результатов с уровнем профессионализма педагогов, исследователи сделали вывод о том, что существует потребность в создании технологии оценки уровня сформированности профессиональных компетенций педагогов для выявления и дальнейшего устранения их профессиональных дефицитов.

На данный момент существуют различные подходы к диагностике профессионализма педагога. Виды диагностики можно разделить по способу взаимодействия:

- аттестация педагогических работников образовательных организаций (ОО) [10], национальная система профессионального роста педагогических работников РФ, включая национальную систему учительского роста [11];

- внешняя экспертная диагностика. Инструменты: карта комплексной диагностики, алгоритм проведения процедуры диагностики, ключевой этап анализ результатов, обеспечение объективности интерпретации результатов диагностики;

- внутришкольная оценка. Оценка производится на диагностической основе, цель: конструктивный поиск причин недостатков и путей их исправления;

- самоанализ деятельности и компетенций педагога.

Вышеперечисленные методы имеют ряд достоинств. Они позволяют произвести экспертную оценку и выявление предметных и методических дефицитов, признание результатов оценки профессиональным сообществом и работодателем. Тем не менее существует противоречие между потребностью оценки профессионализма педагога во взаимосвязи с результатами его учеников и отсутствием технологии, позволяющей это реализовать. Исследование направлено на решение проблемы определения результативности деятельности учителя по итогам оценочных процедур его учеников.

Целью исследования является разработка и апробация технологии, позволяющей выполнить анализ результатов оценочных процедур школьников и установить связи с уровнем профессионализма педагогов для планирования дальнейшей работы по устранению профессиональных дефицитов и развитию компетенций.

В основу технологии оценки профессионализма и уровня компетенций педагога был положен кластерный подход. Анализ имеющихся научных трудов показал, что кластерный подход в образовании реализуется с целью разделения образовательных организаций по характерным и/или основным направлениям деятельности с целью повышения эффективности каждого одиночного элемента и административного управления [12–14].

Методы кластеризации, благодаря их возможностям классификации и стандартизации данных, широко применяются зарубежными специалистами в оценке качества образования. В частности, через кластерный подход можно проанализировать взаимосвязь между полом обучающихся и их мотивацией работы в групповом проекте [15] или оценить уровень сформированности у обучающихся той или иной компетенции [16].

Эффективность процесса обучения во многом зависит от уровня компетенций педагогов. Кластерный

подход позволяет автоматизировать и сделать более объективной экспертную систему оценки компетентности педагогов [17, 18].

В процессе разработки и реализации технологии был применен кластерный анализ данных для создания групп Томских общеобразовательных организаций на основе анализа результатов учеников с применением методов машинного обучения (machine learning): алгоритм кластеризации *k*-средних (*k*-means) и иерархическая кластеризация. В основу исследования было положено предположение о том, что применение кластерного анализа позволит выявить дефициты и наметить содержательные линии по улучшению образовательных результатов школьников через работу с педагогическими коллективами образовательных организаций Томской области.

Алгоритм реализации исследования

Для работы с большими данными используются алгоритмы машинного обучения, если же говорить об обобщенных типах задач машинного обучения, то можно выделить следующие, самые распространенные: регрессия; классификация; кластеризация [19]. Рассмотрим постановку этих задач:

Задача регрессии – приближение неизвестной целевой зависимости на некотором множестве данных [19]. Предполагается, что существует зависимость объясняемой переменной от другой или других переменных, алгоритмы регрессии могут прогнозировать вероятность наступления определенного события или предсказывать значения зависимой переменной по значениям независимой или независимых переменных.

Задача классификации – распределение объектов по заданному множеству групп (классов) [19]. Исходя из классов объектов подмножества (конечное множество объектов), алгоритм присваивает классовую принадлежность любому объекту из этого множества.

Задача кластеризации – разбиение некоторого множества исследуемых объектов и признаков на однородные и непересекающиеся группы, или кластеры [20].

Учитывая цель данного исследования для реализации алгоритма технологии оценки профессионализма и уровня компетенций педагогов на основе анализа результатов учеников были выбраны методы кластерного анализа. Методы кластеризации можно разделить на две большие группы: иерархические и неиерархические. Неиерархические алгоритмы позволяют получить фиксированное разбиение данных, а иерархические – систему вложенных разбиений, соответствующих различным уровням иерархии [21].

Методы иерархической кластеризации основываются на двух идеях: агломерации (AGNES, Agglomerative Nesting), т.е. последовательного объединения индивидуальных объектов или их групп во все более крупные подмножества, или обратном по смыслу процессе разбиения (DIANA, Divise Analysis), который начинается с корня и на каждом шаге делит образующие группы по степени их гетерогенности. В обоих случаях результат работы алгоритма представляет собой древовидную структуру, или дендрограмму [22].

Метод кластеризации *k*-средних (*k*-means) относится к *неиерархическим алгоритмам*. Основной иде-

ей неиерархических алгоритмов кластеризации данных является минимизация расстояний между объектами в кластерах. Это происходит до тех пор, пока минимизирование расстояния между объектами становится невозможным [23].

Алгоритм реализации технологии оценки профессионализма и уровня компетенций педагогов на основе анализа результатов учеников представлен на рис. 1.

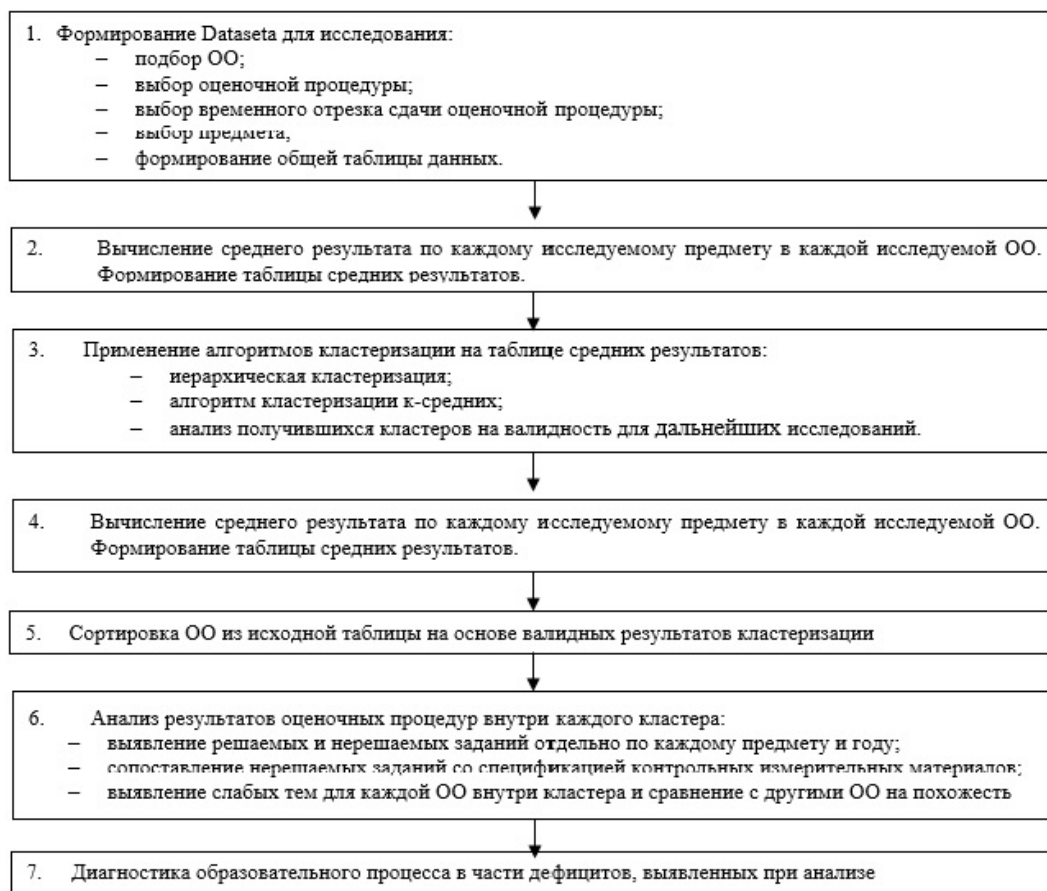

Рис. 1. Алгоритм реализации технологии оценки профессионализма и уровня компетенций педагогов на основе анализа результатов учеников

Данные для исследования

В исследовании для первичной кластеризации были взяты образовательные результаты национального единого государственного экзамена (ЕГЭ) учеников Томской области по предметам: русский язык, профильная математика, физика и обществознание (с 2015 по 2019 г.) (табл. 1). Результаты ЕГЭ рассматриваются с 2015 г. по причине разделения экзамена по математике на базовый и профильный уровни. Базовый уровень сдается выпускниками, которые не планируют продолжать обучение в высших учебных заведениях или для поступления им не требуется предмет «математика». Сдача экзамена по профильной математике необходим выпускникам, которые планируют продолжать обучение в высшем учебном заведении по специальностям, для поступления на которые требуется сдача экзамена по математике.

Обезличенные результаты одиннадцатиклассников с разбиением по школам были занесены в таблицу, выведено среднее значение по каждому из предметов для каждой школы, далее к этим данным были применены два алгоритма кластеризации: k-средних и алгоритм иерархической кластеризации (табл. 2).

Таблица 1
Количество образовательных организаций, участвующих в ЕГЭ с 2015–2019 гг. по предметам

Год	Русский язык	Профильная математика	Физика	Обществознание
2015	223	215	163	197
2016	220	212	170	190
2017	220	204	161	197
2018	222	214	173	201
2019	226	198	150	197

Таблица 2
Вид таблицы для реализации алгоритмов кластеризации

Закодированный номер ОО	Год, предмет				
	2015 ru	2015 math	2015 fi		2019 ob
n ₁	mean_score _{ru}	mean_score _{math}	mean_score _{fi}	-----	mean_score _{ob}
-----	-----	-----	-----	-----	-----
n _m	mean_score _{ru}	mean_score _{math}	mean_score _{fi}	-----	mean_score _{ob}

Результаты исследования

Алгоритмы кластеризации были реализованы с помощью языка программирования Python. Количество кластеров было выбрано методом подбора, n = 15.

Задача применения алгоритмов кластеризации в нашем исследовании направлена не столько на деление образовательных организаций на сильные и слабые, сколько на выявление связей между образовательными организациями на основе результатов учеников за пять лет по нескольким предметам. Результаты работы по кластеризации представлены в табл. 3, 4.

Таблица 3
Результаты работы алгоритма «Иерархическая кластеризация»

№ кластера	Количество ОО
1	4
2	2
3	1
4	11
5	3
6	168
7	8
8	1
9	12
10	3
11	13
12	1
13	2
14	6
15	1

Таблица 4
Результаты работы алгоритма «Метод к-средних (k-means)»

№ кластера	Количество ОО
1	83
2	5
3	6
4	15
5	12
6	10
7	10
8	7
9	10
10	14
11	4
12	3
13	23
14	5
15	29

По результатам применения кластеризации были сделаны промежуточные выводы:

Результаты реализации алгоритма иерархической кластеризации в дальнейшей работе не рассматриваются, так как кластеры, сформировавшиеся после первой итерации, неравномерны (количество образовательных организаций варьируется от 1 до 168) и не валидны для дальнейшего исследования.

Результаты, полученные после применения метода к-средних, являются валидными и применимы для дальнейшего исследования.

Количество образовательных организаций в кластерах варьируется от 3 до 29, а также сформировался большой кластер 83 образовательные организации (табл. 4).

На следующем этапе исследования рассматривались результаты учеников внутри каждого кластера. Эта работа позволила выявить группы «сложных» заданий по предметам «русский язык» и «профильная математика».

В данной работе под «сложными» заданиями понимаются задания, которые не смогли решить 30% и более обучающихся. «Сложные» задания были сопоставлены со спецификацией контрольных измерительных материалов ЕГЭ и представлены в табл. 5. Спецификации контрольных измерительных материалов для проведения в 2015–2019 гг. единого государственного экзамена по русскому языку и математике (профильный уровень) подготовлены и утверждены Федеральным государственным бюджетным учреждением «Федеральный институт педагогических измерений».

Выводы

Работа по сопоставлению внутри кластеров позволила выделить темы, вызывающие наибольшее затруднение у обучающихся по предметам «Русский язык», «Профильная математика» и, следовательно, определить дефициты в знаниях и умениях учеников. Произвести оценку «сложных» заданий по предметам «Физика» и «Обществознание» в рамках данного исследования не представляется возможным из-за малого количества учеников, выбравших эти предметы для сдачи.

Таблица 5

Темы проверяемых элементов содержания, вызвавших наибольшие затруднения у обучающихся по русскому языку и профильной математике*

№ кластера	Русский язык	Профильная математика
1	Текст как речевое произведение. Смысловая и композиционная целостность текста	Уметь использовать приобретенные знания и умения в практической деятельности и повседневной жизни (базовый уровень). Уметь строить и исследовать простейшие математические модели (базовый уровень). Уметь выполнять действия с функциями. Уметь решать уравнения и неравенства (повышенный уровень)
2	Правописание корней. Правописание НЕ и НИ. Правописание -Н- и -НН- в различных частях речи. Знаки препинания в предложениях с обособленными членами. Знаки препинания в сложноподчиненном предложении. Знаки препинания в сложном предложении с разными видами связи	Низкое качество результатов по всем темам, кроме: уметь использовать приобретенные знания и умения в практической деятельности и повседневной жизни (базовый уровень)
3	Текст как речевое произведение. Смысловая и композиционная целостность текста	Низкое качество результатов по всем темам, кроме: уметь использовать приобретенные знания и умения в практической деятельности и повседневной жизни (базовый уровень), уметь выполнять действия с геометрическими фигурами, координатами и векторами (базовый уровень), уметь строить и исследовать простейшие математические модели (базовый уровень)

№ кла-стера	Русский язык	Профильная математика
4	Морфологические нормы. Синтаксические нормы. Нормы согласования. Нормы управления. Знаки препинания в простом осложненном предложении (с однородными членами). Пунктуация в сложносочиненном предложении и простом предложении с однородными членами. Знаки препинания в сложном предложении с разными видами связи. Текст как речевое произведение. Смысловая и композиционная целостность текста	Низкое качество результатов по всем темам, кроме: уметь использовать приобретенные знания и умения в практической деятельности и повседневной жизни (базовый уровень), уметь строить и исследовать простейшие математические модели (базовый уровень)
5	Средства связи предложений в тексте. Орфографические нормы (постановка ударения). Синтаксические нормы. Нормы согласования. Нормы управления. Слитное, дефисное, раздельное написание слов. Знаки препинания в простом осложненном предложении (с однородными членами). Знаки препинания в сложном предложении с разными видами связи. Текст как речевое произведение. Смысловая и композиционная целостность текста. Функционально-смысловые типы речи. Лексическое значение слова. Синонимы. Антонимы. Омонимы. Фразеологические обороты. Группы слов по происхождению и употреблению	Низкое качество результатов по всем темам, кроме: уметь использовать приобретенные знания и умения в практической деятельности и повседневной жизни (базовый уровень), уметь строить и исследовать простейшие математические модели (базовый уровень)
6	Слитное, дефисное, раздельное написание слов. Знаки препинания в предложениях с обособленными членами (определениями, обстоятельствами, приложениями, дополнениями). Текст как речевое произведение. Смысловая и композиционная целостность текста. Текст как речевое произведение. Смысловая и композиционная целостность текста. Лексическое значение слова. Синонимы. Антонимы. Омонимы. Фразеологические обороты. Группы слов по происхождению и употреблению	Низкое качество результатов по всем темам, кроме: уметь использовать приобретенные знания и умения в практической деятельности и повседневной жизни (базовый уровень), уметь строить и исследовать простейшие математические модели (базовый уровень), уметь выполнять действия с геометрическими фигурами, координатами и векторами (продвинутый уровень)
7	Правописание суффиксов различных частей речи (кроме Н и НН). Знаки препинания в предложениях с обособленными членами (определениями, обстоятельствами, приложениями, дополнениями). Знаки препинания в сложноподчиненном предложении. Текст как речевое произведение. Смысловая и композиционная целостность текста. Лексическое значение слова. Синонимы. Антонимы. Омонимы. Фразеологические обороты. Речь. Языковые средства выразительности	Уметь выполнять действия с геометрическими фигурами, координатами и векторами (базовый уровень). Уметь выполнять действия с функциями (базовый уровень). Уметь выполнять вычисления и преобразования (повышенный уровень). Уметь использовать приобретенные знания и умения в практической деятельности и повседневной жизни (повышенный уровень)
8	Знаки препинания в сложноподчиненном предложении. Знаки препинания в предложениях с обособленными членами (определениями, обстоятельствами, приложениями, дополнениями). Текст как речевое произведение. Смысловая и композиционная целостность текста. Средства связи предложений в тексте	Низкое качество результатов по всем темам, кроме: уметь использовать приобретенные знания и умения в практической деятельности и повседневной жизни (базовый уровень), уметь строить и исследовать простейшие математические модели (базовый уровень). Уметь выполнять действия с функциями (базовый уровень)
9	Правописание личных окончаний глаголов и суффиксов причастий	Низкое качество результатов по всем темам, кроме: уметь использовать приобретенные знания и умения в практической деятельности и повседневной жизни (базовый уровень), уметь строить и исследовать простейшие математические модели (базовый уровень), уметь выполнять действия с геометрическими фигурами, координатами и векторами (продвинутый уровень), уметь выполнять действия с функциями (базовый уровень), уметь строить и исследовать простейшие математические модели (базовый уровень)
10	Орфографические нормы (постановка ударения). Синтаксические нормы. Нормы согласования. Нормы управления. Слитное, дефисное, раздельное написание слов. Знаки препинания в сложноподчиненном предложении. Знаки препинания в предложениях с обособленными членами (определениями, обстоятельствами, приложениями, дополнениями). Речь. Языковые средства выразительности	Уметь выполнять вычисления и преобразования (повышенный уровень), уметь выполнять действия с функциями (повышенный уровень), уметь решать уравнения и неравенства (повышенный уровень)
11	Слитное, дефисное, раздельное написание слов. Знаки препинания в предложениях со словами и конструкциями, грамматически не связанными членами предложения. Текст как речевое произведение. Смысловая и композиционная целостность текста. Лексическое значение слова. Синонимы. Антонимы. Омонимы. Фразеологические обороты. Группы слов по происхождению и употреблению	Низкое качество результатов по всем темам, кроме: уметь использовать приобретенные знания и умения в практической деятельности и повседневной жизни (базовый уровень), уметь строить и исследовать простейшие математические модели (базовый уровень), уметь строить и исследовать простейшие математические модели (базовый уровень)
12	Правописание личных окончаний глаголов и суффиксов причастий. Знаки препинания в простом осложненном предложении (с однородными членами). Пунктуация в сложносочиненном предложении и простом предложении с однородными членами	Уметь выполнять действия с геометрическими фигурами, координатами и векторами (базовый уровень), уметь решать уравнения и неравенства (базовый уровень), уметь выполнять действия с геометрическими фигурами, координатами и векторами (повышенный уровень)
13	Средства связи предложений в тексте. Морфологические нормы (образование форм слова). Средства связи предложений в тексте. Знаки препинания в предложениях с обособленными членами (определениями, обстоятельствами, приложениями, дополнениями)	Уметь использовать приобретенные знания и умения в практической деятельности и повседневной жизни (повышенный уровень). Уметь решать уравнения и неравенства (высокий уровень). Уметь строить и исследовать простейшие математические модели (высокий уровень)
14	Знаки препинания в сложном предложении с разными видами связи. Текст как речевое произведение. Смысловая и композиционная целостность текста	Низкое качество результатов по всем темам, кроме: уметь использовать приобретенные знания и умения в практической деятельности и повседневной жизни (базовый уровень), уметь строить и исследовать простейшие математические модели (базовый уровень)

№ кла-стера	Русский язык	Профильная математика
15	Текст как речевое произведение. Смысловая и композиционная целостность текста.	Уметь строить и исследовать простейшие математические модели (профильный уровень), уметь решать уравнения и неравенства (высокий уровень).

* Спецификации контрольных измерительных материалов для проведения в 2015–2019 гг. единого государственного экзамена по русскому языку и математике (профильный уровень) размещены в открытом доступе на сайте <https://fipi.ru/egge/demoversii-specifikacii-kodifikatory>

Анализ показал, что внутри одного кластера учебники имеют схожие затруднения при решении одинаковых заданий, что позволяет акцентировать внимание на соответствующих компетенциях педагога и на его предметных и методических дефицитах и вести дальнейшую работу по оценке его профессиональной деятельности уже узконаправленно. Кроме того, проведенная работа позволяет наметить и пути решения по преодолению дефицитов педагогов. При формиро-

вании содержания курсов повышения квалификации по темам и траекториям можно за основу брать группы школ, входящих в один кластер.

Перспективами исследования является изучение возможностей учета дополнительных сведений при оценке уровня профессионализма: уровня квалификации педагогов, результатов анализа дополнительных оценочных процедур для составления более объективной картины об уровне образовательных результатов.

ЛИТЕРАТУРА

- ГОСТ Р ИСО/МЭК 20546-2021. Информационные технологии – Большие данные – Обзор и словарь: национальный стандарт Российской Федерации: издание официальное: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 13 июля 2021 г. № 632-ст: введен впервые: дата введения 13-07-2021 / подготовлен Федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (МГУ имени М.В. Ломоносова) в лице Научно-образовательного центра компетенций в области цифровой экономики МГУ и Автономной некоммерческой организацией «Институт развития информационного общества» (ИРИО) на основе собственного перевода на русский язык англоязычной версии стандарта, указанного в пункте 4. М. : Стандартинформ, 2017. 16 с.
- Бегенина Е.В., Елкин О.М. Повышение качества управления образованием с использованием технологии обработки больших данных // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1, № 6 (72). С. 22–29.
- Утёмов В.В., Горев П.М. Развитие образовательных систем на основе технологии Big Data // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 6 (июнь). С. 449–461. URL: <http://e-koncept.ru/2018/181039.htm> (дата обращения: 30.09.2021).
- Кондратенко Б.А., Кондратенко А.Б. Перспективы использования больших данных в современном образовании // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2018. № 1. С. 117–126.
- Российская Федерация. Паспорт национального проекта «Образование»: протокол от 24.12.2018 г. № 16: [утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам].
- Россия опережает намеченный график вхождения в десятку лучших стран мира по качеству общего образования // Федеральная служба по надзору в сфере образования : официальный сайт Рособразования. URL: <http://obrnadzor.gov.ru/news/rossiya-operezhaet-namechennyj-grafik-vhozheniya-v-desyatku-luchshih-stran-mira-po-kachestvu-obshhego-obrazovaniya/> (дата обращения: 30.08.2021).
- Резильентность. Оценка по модели PISA-2020 // Федеральный институт оценки качества образования : официальный сайт. URL: <https://fioco.ru/Media/Default/Documents/Резильентность%202020.pdf> (дата обращения: 30.08.2021).
- Федеральная служба по надзору в сфере образования (Рособразование). Приказ № 847. Об утверждении методики выявления общеобразовательных организаций, имеющих низкие образовательные результаты обучающихся, на основе комплексного анализа данных об образовательных организациях, в том числе данных о качестве образования: [принят 19.08.2020 г.].
- Mozgova D., Zamyatina O. Identification of Learning Outcome Deterioration Factors Among Children, Review of Potential Mitigators. The Case of Tomsk Region // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 29.11.2020. doi: 10.2991/assehr.k.201128.116
- Приказ Министерства образования и науки РФ от 7 апреля 2014 г. № 276 «Об утверждении Порядка проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность» (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовой портал система Гарант. URL: <http://base.garant.ru/70662982/#ixzz77iFtaAZx> (дата обращения: 02.09.2021).
- Распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2019 г. № 3273-р «Об утверждении основных принципов национальной системы профессионального роста педагогических работников РФ, включая национальную систему учительского роста» // Информационно-правовой портал система Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73284005/> (дата обращения: 02.09.2021).
- Семькина Е.Н. Кластерный подход как управленческий в образовании и воспитании // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 2 (82). С. 141–144.
- Воронин Ф.И. Кластерный подход в организации развития муниципального образования // Экономика. Информатика. 2009. № 9 (64). С. 24–29.
- Боровская М.А., Масыч М.А., Паничкина М.В. Совершенствование системы непрерывного образования: кластерный и экосистемный подход // Гуманитарные Юга России. 2020. Т. 9, № 45. doi: 10.18522/2227-8656.2020.5.1
- Miller E., Bailey R. Basic Psychological Need Fulfillment by Gender in Team Environments // Proceedings - Frontiers in Education Conference, FIE. 2018. Art. № 8659027. doi: 10.1109/FIE.2018.8659027
- Bossolasco M.L., Chiecher A.C., Dos Santos D.A. Profiles of access and appropriation of ICT in freshmen students. Comparative study in two Argentine public universities // Pixel-Bit, Revista de Medios y Educacion. 2020. Vol. 57. P. 151–172. doi: 10.12795/pixelbit.2020.i57.06
- Regueras L.M., Verdu M.J., De Castro J.-P. Clustering Analysis for Automatic Certification of LMS Strategies in a University Virtual Campus // IEEE Access. 2019. Vol. 7. P. 137680–137690. Art. № 8846693. doi: 10.1109/ACCESS.2019.2943212
- Longobardi S., Falzetti P., Pagliuca M.M. Quis custodiet ipsos custodes? How to detect and correct teacher cheating in Italian student data // Statistical Methods and Applications. 2018. Vol. 27, Is. 3. P. 515–543. doi: 10.1007/s10260-018-0426-2
- Воронина В.В., Михеев А.В., Ярушнина Н.Г., Святков К.В. Теория и практика машинного обучения : учеб. пособие. Ульяновск : УлГТУ, 2017. 290 с.
- Ким Дж.-О. Факторный, дискриминантный и кластерный анализ / пер. с англ. А.М. Хотинского и С.Б. Королева ; науч. ред. И.С. Енюкова. М. : Финансы и статистика, 1989. 215 с.
- Пестунов И.А., Рылов С.А., Бериков В.Б. Иерархические алгоритмы кластеризации для сегментации мультиспектральных изображений // Автоматика. 2015. Т. 51, № 4. С. 12–22.
- Шитиков В.К., Мастицкий С.Э. Классификация, регрессия, алгоритмы Data Mining с использованием R. Электронная книга. 2017. URL: <https://github.com/ranalytics/data-mining>
- Кокорева Я.В., Макаров А.А. Поэтапный процесс кластерного анализа данных на основе алгоритма кластеризации k-means // Молодой ученый. 2015. № 13 (93). С. 126–128. URL: <https://moluch.ru/archive/93/20759/> (дата обращения: 06.09.2021).

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 1 октября 2021 г.

Diagnostics of Professional Deficits and Competencies of General Education Teachers: Cluster Analysis

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 189–196.

DOI: 10.17223/15617793/472/22

Darya A. Mozgova, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Regional Teachers Professional Re-training Institute (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mozgovadarya@bk.ru

Oksana M. Zamyatina, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation), Tomsk Regional Teachers Professional Re-training Institute (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zamyatina@tpu.ru

Nataliya A. Semenova, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: natalem@rambler.ru

Larisa V. Kurovskaya, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: l_kurovskaya@mail.ru

The work was supported by the Ministry of Education of Russian Federation, Theme 25 “Technology for Assessing the Professionalism and Level of Competence of Teachers of General and Vocational Education” of state assignment (Additional Agreement No. 073-03-2021-014/2 dated July 21, 2021, to Agreement No. 073-03-2021-014 dated January 18, 2021).

The study examines a new perspective for the use of big data processing technologies that is associated with the possibility of assessing professional competencies of a teacher by means of assessing the learning results of students and contributes to the creation of prerequisites for eliminating professional deficiencies of teachers with the help of new specially designed educational programs. The aim of the study is to develop and test such a technology that makes it possible to analyze the results of assessing procedures of the quality of schoolchildren's education and establish the connection between these results and the level of teachers' professionalism in order to plan further activity to eliminate professional deficiencies and develop teachers' competencies. To implement such a technology, an algorithm has been developed for assessing professionalism and level of teachers' competencies, making possible to assess educational results of students. The technology is based on a cluster approach to data analysis, the methods of clustering k-means and hierarchical clustering have been chosen. In the study, for primary clustering, the learning results of students (Tomsk Oblast) in the national Unified State Exam within the period from 2015 to 2019 were analyzed (subjects: Russian, Mathematics (profile level), Physics, Social Studies). The number of clusters was selected by the selection method, $n = 15$. The next stage of the study analyzed the results of students within each cluster. The stage made possible to identify groups of “difficult” assignments that 30% or more of schoolchildren could not cope with (subjects: Russian and Mathematics (profile level)). As a result, the assignments that caused the greatest difficulty for schoolchildren were fixed, and thus deficiencies in their knowledge and skills were identified. It was not possible to assess “difficult” assignments in Physics and Social Studies in the framework of the study, since a small number of students had chosen these subjects to pass in the exam. The comparative analysis demonstrated that, within the same cluster, schoolchildren had similar difficulties in doing the same assignments, which that allows us to focus on appropriate teachers' competencies and on subject and methodology deficiencies, and to conduct further activity on assessing the professional competence of teachers focused narrowly. In addition, the study allows us to outline ways of solving the problem of overcoming professional deficits of teachers. Thus, it becomes possible to specifically develop additional professional training programs (advanced/refresher training) for teachers of the same cluster, the curricula of the programs containing topics and learning paths that will improve the educational results of their students, and thereby improve the quality of secondary education in Tomsk Oblast.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2017) *GOST R ISO/MEK 20546-2021. Informatsionnye tekhnologii – Bol'shie dannye – Obzor i slovar': natsional'nyy standart Rossiyskoy Federatsii: izdanie ofitsial'noe* [GOST R ISO/IEC 20546-2021. Information Technologies – Big Data – Overview and Dictionary: National Standard of the Russian Federation: official edition]. Moscow: Standartinform.
2. Bebenina, E.V. & Elkin, O.M. (2020) Improving the quality of education management with big data processing technology. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 6-1 (72). pp. 22–29. (In Russian).
3. Utemov, V.V. & Gorev, P.M. (2018) Razvitiye obrazovatel'nykh sistem na osnove tekhnologii Big Data [Development of educational systems based on Big Data technology]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal Kontsept*. 6. pp. 449–461. [Online] Available from: <http://e-koncept.ru/2018/181039.htm>. (Accessed: 30.09.2021). DOI: 10.24422/MCITO.2018.6.14501
4. Kondratenko, B.A. & Kondratenko, A.B. (2018) Big data in modern education. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologiya, pedagogika, psikhologiya – Vestnik Ikbfu. Philology, Pedagogy, And Psychology*. 1. pp. 117–126. (In Russian).
5. Rossiyskaya Federatsiya. (2018) *Pasport natsional'nogo proekta “Obrazovanie”*: protokol ot 24.12.2018 g. № 16: utverzhden prezidiumom Soveta pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po strategicheskoy razvitiyu i natsional'nyy proektam [Passport of the national project “Education”: Protocol No. 16 of December 24, 2018 approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects]. [Online] Available from: <https://edu.gov.ru/national-project/>.
6. Federal Service for Supervision in Education and Science. (2020) *Rossiya operezhaet namechennyy grafik vkhodzheniya v desyatku luchshikh stran mira po kachestvu obshchego obrazovaniya* [Russia is ahead of the planned schedule of entering the top ten countries in the world in terms of the quality of general education]. [Online] Available from: <http://obrnadzor.gov.ru/news/rossiya-operezhaet-namechennyy-grafik-vkhodzheniya-v-desyatku-luchshikh-stran-mira-po-kachestvu-obshchego-obrazovaniya/>. (Accessed: 30.08.2021).
7. Federal'nyy institut otsenki kachestva obrazovaniya: ofitsial'nyy sayt [Federal Institute for Education Quality Assessment: official website]. (2020) *Rezil'entnost'. Otsenka po modeli PISA-2020* [Resistance. Assessment according to the PISA-2020 model]. [Online] Available from: <https://fioco.ru/Media/Default/Documents/Rezil'entnost'202020.pdf>. (Accessed: 30.08.2021).
8. Federal Service for Supervision in Education and Science. (2020) *Prikaz № 847. Ob utverzhdenii metodiki vyyavleniya obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy, imeyushchikh nizkie obrazovatel'nye rezul'taty obuchayushchikhsya, na osnove kompleksnogo analiza dannykh ob obrazovatel'nykh organizatsiyakh, v tom chisle dannykh o kachestve obrazovaniya: prinyat 19.08.2020 g.* [Order No. 847 of August 19, 2020. On the approval of the methodology for identifying general education organizations with low educational results of students, based on a comprehensive analysis of data on educational organizations, including data on the quality of education].
9. Mozgova, D. & Zamyatina, O. (2020) Identification of learning outcome deterioration factors among children, review of potential mitigators. the case of Tomsk region. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. DOI: 10.2991/assehr.k.201128.116
10. Garant. (2014) *Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 276 of April 7, 2014 “On Approval of the Procedure for Certification of Teaching Staff of Organizations Engaged in Educational Activities” (with amendments and additions)*. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/70662982/#ixzz77iFtaAZx>. (Accessed: 02.09.2021). (In Russian).
11. Garant. (2019) *Decree of the Government of the Russian Federation No. 3273-r of December 31, 2019 “On Approval of the Basic Principles of the National System of Professional Growth of Teachers of the Russian Federation, Including the National System of Teacher Growth”*. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73284005/>. (Accessed: 02.09.2021). (In Russian).

12. Semykina, E.N. (2010) Cluster approach as the administrative resource in education and up-bringing. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review: Series Humanities*. 2 (82). pp. 141–144. (In Russian).
13. Voronin, F.I. (2009) Klasternyy podkhod v organizatsii razvitiya munitsipal'nogo obrazovaniya [Cluster approach in the organization of municipal education development]. *Ekonomika. Informatika – Economics. Information Technologies*. 9 (64). pp. 24–29. (In Russian).
14. Borovskaya, M.A., Masych, M.A. & Panichkina, M.V. (2020) Improving lifelong learning: cluster and ecosystem approaches. *Gumanitarii Yuga Rossii – Humanities of the South of Russia*. 5 (9). (In Russian). DOI: 10.18522/2227-8656.2020.5.1
15. Miller, E. & Bailey, R. (2018) [Basic Psychological Need Fulfillment by Gender in Team Environments]. *Proceedings of 2018 IEEE Frontiers in Education Conference (FIE)*. San Jose. 03–06 October 2018. New Jersey: IEEE. DOI: 10.1109/FIE.2018.8659027
16. Bossolasco, M.L., Chiecher, A.C. & Dos Santos, D.A. (2020) Profiles of access and appropriation of ICT in freshmen students. Comparative study in two Argentine public universities. *Pixel-Bit, Revista de Medios y Educacion*. 57. pp. 151–172. DOI: 10.12795/pixelbit.2020.i57.06
17. Regueras, L.M., Verdu, M.J. & De Castro, J.-P. (2019) Clustering Analysis for Automatic Certification of LMS Strategies in a University Virtual Campus. *IEEE Access*. 7. pp. 137680–137690. DOI: 10.1109/ACCESS.2019.2943212
18. Longobardi, S., Falzetti, P. & Pagliuca, M.M. (2018) Quis custodiet ipsos custodes? How to detect and correct teacher cheating in Italian student data. *Statistical Methods and Applications*. 3 (27). pp. 515–543. DOI: 10.1007/s10260-018-0426-2
19. Voronina, V.V. et al. (2017) *Teoriya i praktika mashinnogo obucheniya* [Theory and Practice of Machine Learning]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University.
20. Kim, J.-O. et al. (1989) *Faktornyy, diskriminantnyy i klasternyy analiz* [Factorial, discriminant and cluster analysis]. Translated from English by A.M. Khotinskiy & S.B. Korolev. Moscow: Finansy i statistika.
21. Pestunov, I.A., Rylov, S.A. & Berikov, V.B. (2015) Hierarchical clustering algorithms for segmentation of multispectral images. *Avtometriya – Optoelectronics, Instrumentation and Data Processing*. 4 (51). pp. 12–22. (In Russian). DOI: 10.3103/S8756699015040020
22. Shitikov, V.K. & Mastitskiy, S.E. (2017) *Klassifikatsiya, regressiya, algoritmy Data Mining s ispol'zovaniem R* [Classification, regression, Data Mining Algorithms Using R]. [Online] Available from: <https://github.com/ranalytics/data-mining>.
23. Kokoreva, Ya.V. & Makarov, A.A. (2015) Poetapnyy protsess klasternogo analiza dannykh na osnove algoritma klasterizatsii k-means [A step-by-step process of clustering data analysis based on the k-means clustering algorithm]. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*. 13 (93). pp. 126–128. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/93/20759/> (Accessed: 06.09.2021).

Received: 01 October 2021

ПРАВО

УДК 343.36

В.Н. Борков, Б.Б. Булатов

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО И ОСУЖДЕННОГО

Выявлены угрозы свободе личности в сфере уголовного судопроизводства и исполнения наказаний. На основе анализа судебной практики и позиций ученых делаются выводы о целесообразности распространения запрета, содержащегося в ст. 301 УК РФ, не только на незаконное задержание подозреваемого и заключение под стражу при производстве предварительного расследования, но и на заведомо незаконное задержание и заключение под стражу осужденного.

Ключевые слова: свобода и неприкосновенность личности; незаконное задержание; незаконное заключение под стражу; незаконное задержание осужденного; незаконное заключение под стражу осужденного; злоупотребление должностными полномочиями

Актуальной научной проблемой является повышение эффективности охраны свободы и неприкосновенности личности (ст. 22 Конституции РФ), попавшей в сферу уголовной репрессии. Применяемые в таких случаях меры процессуального принуждения, а также ограничение свободы, имеющее иную правовую природу, должны быть обоснованными, а с их умышленным незаконным применением нужно бороться, в том числе и уголовно-правовыми средствами. Достаточно сложной и неоднозначно оцениваемой учеными является степень соответствия этих средств, и в частности ст. 301 УК РФ, задаче предупреждения общественно опасных посягательств на неприкосновенность личности. «К внешним объективным детерминантам заведомо незаконного задержания, — отмечают А.В. Куликов и Г.А. Чобанов, — необходимо отнести недоработки и пробелы уголовно-процессуального и уголовного законодательства, упущения ведомственного контроля и недостатки прокурорского надзора за соблюдением законности задержания, а также факторы экономического характера» [1. С. 28].

Статья 301 УК РФ предусматривает ответственность за заведомо незаконное задержание (ч. 1 ст. 301 УК РФ), а также за заведомо незаконное заключение под стражу или содержание под стражей (ч. 2 ст. 301 УК РФ). Применительно к заведомо незаконному задержанию в юридической литературе традиционно отмечается, что, «совершая данное преступление, начальник органа дознания, дознаватель или следователь принимают решения в рамках своих процессуальных полномочий (ст. 91 УПК РФ), но при этом злоупотребляют ими» [2. С. 641]. «Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению, поэтому совершить данное преступление может только судья. Именно судья выносит постановление об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 108 УПК РФ)» [2. С. 642]. Получается, что сферой охраны специальной нормы (ст. 301 УК РФ) обычно признают только общественные отношения, возникающие в досудебном производстве в связи задержанием лица, подозреваемого в совершении преступления, и применением такой меры пресечения, как заключение под стражу. Примечательно, что в ст. 187 «Незаконное задержание или заключение под стражу»

УК Киргизской Республики ч. 4 предусматривает ответственность за «неуведомление родственников *подозреваемого* (курсив наш. — В.Б., Б.Б.) о факте его задержания». Такая же норма, свидетельствующая именно о запрещении незаконного уголовно-процессуального задержания, имеется и в Казахстане, в которой в числе прочего установлена ответственность за «фальсификацию времени составления протокола задержания или времени фактического задержания» (ч. 4 ст. 414 УК РК).

Именно с досудебным производством, как правило, связываются проблемы обеспечения неприкосновенности личности и в уголовно-процессуальной науке. «Руководствуясь международными принципами и конституционными положениями, — отмечает Е.В. Авдеева, — УПК РФ в ст. 10 закрепляет неприкосновенность личности как один из основополагающих принципов, обеспечивающих права и свободы человека. Исходя из содержания ч. 1, 2 ст. 10 УПК РФ, положения, регламентированные ст. 91 и 97 УПК РФ, строго определяют законные основания для задержания и заключения под стражу» [3. С. 16].

Применение ч. 1 ст. 301 УК традиционно распространяется на действия, связанные с явным необоснованным задержанием лица, подозреваемого в совершении преступления. Вместе с тем гражданин, в связи с осуществляемым в отношении него уголовным преследованием, может быть незаконно лишен свободы в досудебном производстве и в других случаях:

1. Часть 3 ст. 210 УПК РФ предусматривает, что в случае обнаружения обвиняемого, находящегося в розыске, он может быть задержан в порядке, установленном главой 12 УПК РФ. Представляется, что данная ситуация также должна полностью охватываться объективной стороной незаконного задержания.

2. В соответствии с п. 3 ч. 7 ст. 108 УК РФ судья при рассмотрении ходатайства о заключении лица под стражу может продлить его задержание на срок не более 72 часов «...по ходатайству одной из сторон для представления ею дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу». Такое продление срока задержания допускается при условии признания судом «первичного» задержания законным и обоснованным, в противном случае, когда судья

продлевает срок заведомо для него незаконного задержания, уместен вопрос о возможности квалификации действий судьи по ч. 1 ст. 301 УК РФ.

В таком же порядке задержание может быть продлено исходя из п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [4]. Если участие защитника является обязательным (ст. 51 УПК РФ), а приглашенный подозреваемым или обвиняемым, его законным представителем либо другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого защитник, надлежащим образом извещенный о времени и месте судебного заседания, в суд не явился, то дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника (ч. 3 ст. 16, ч. 4 ст. 50 УПК РФ). Судья в этих целях выносит постановление о продлении срока задержания.

3. В отношении задержанного подозреваемого или обвиняемого срок задержания, если оно будет признано законным и обоснованным, может быть продлен судом до внесения залога, но не более 72 часов с момента вынесения судебного решения (ч. 7 ст. 106 УПК РФ).

Учитывая наличие необходимого правового регулирования, реальной потребности в правоприменительной деятельности продления судом задержания [5. С. 67–70], интенсивность принуждения, состоящего в лишении свободы подозреваемого, обвиняемого до 72 часов, возникает вопрос о том, охватывает ли существующая редакция ч. 1 ст. 301 УК РФ, предусматривающая ответственность за заведомо незаконное задержание, принятие судьей заведомо незаконного решения о его продлении. Распространение ч. 1 ст. 301 УК РФ и на заведомо незаконное «продление задержания» подозреваемого или обвиняемого до 72 часов, с учетом предъявляемого к уголовно-правовой норме требования ее формальной определенности, вряд ли будет согласовываться с принципом недопустимости применения уголовного закона по аналогии. Поэтому считаем возможным дополнить ч. 1 ст. 301 УК РФ запретом на заведомо незаконное продление задержания.

Отдельные исследователи предлагают «сделать диспозицию статьи описательной, указав признаки содержащихся в ней деяний, а также определить виды заведомо незаконного задержания, влекущего уголовную ответственность» [6. С. 87], «дополнить диспозицию ч. 1 ст. 301 УК РФ ответственностью за незаконное административное задержание» [7. С. 142; 8. С. 147]. Заметим, что срок административного задержания может быть не только кратковременным, составляя три часа (ч. 1 ст. 27.5. КоАП РФ), а в отдельных случаях длиться и 48 часов (ч. 3 и 4 ст. 27.5. КоАП РФ), что соизмеримо с уголовно-процессуальным задержанием. Между тем важно учитывать место ст. 301 УК РФ в группе норм, охраняющих общественные отношения, развивающиеся исключительно в сфере уголовного судопроизводства: привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или заведомо незаконное возбуждение уголовного дела (ст. 299 УК РФ), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ), принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ). Исключение

составляет ч. 1 ст. 303 УК РФ, но и она подтверждает общее правило, так как в ней законодатель прямо указал на «изъятия» в виде доказательств по гражданскому, административному делу и делу об административном правонарушении. Все другие части ст. 303 УК РФ охраняют «чистоту» доказывания по уголовным делам и документирования результатов оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой в связи с совершением преступлений.

Повышенная степень опасности заведомо незаконного задержания подозреваемого, в сравнении с задержанием административным, обуславливается особым «контекстом» нарушения права личности на свободу и неприкосновенность в сфере уголовного судопроизводства. Задержание подозреваемого в совершении преступления проводится в ходе осуществляемой стороной обвинения деятельности, направленной на его изобличение и привлечение к уголовной ответственности. Потенциал нарушения законных прав и интересов личности незаконным уголовным преследованием, а возможно, и осуждением, несравнимо больший, чем в случае незаконного административного задержания. Показательна и оценка судами вреда, причиняемого потерпевшему от незаконного административного задержания. В апелляционном определении Московского городского суда по гражданскому иску лица, незаконно задержанного в связи с совершением мелкого хулиганства (ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ), как выяснилось впоследствии, тоже недоказанным, указывается: «...судебная коллегия находит заявленный истцом ко взысканию размер компенсации морального вреда в размере 1 000 000 руб., завышенным, необоснованным и несоразмерным последствиям происшествия и тем моральным страданиям, которые он переживал».

Учитывая фактические обстоятельства дела, характер нарушенных прав истца в результате возбуждения должностным лицом без достаточных оснований дела об административном правонарушении, применения мер обеспечения административного производства в виде доставления и задержания, их продолжительность, негативные последствия, конкретные обстоятельства дела, судебная коллегия приходит к выводу о том, что с Российской Федерации в лице МВД РФ за счет средств казны РФ в пользу истца подлежит взысканию компенсация морального вреда в размере 3 000 руб.» [9].

Отметим, что при оценке данной суммы следует учитывать не только факт незаконного задержания, но и необоснованного привлечения к административной ответственности. Безусловно, что государство должно реагировать на подобные незаконные действия посредством мер административного, гражданско-правового и дисциплинарного воздействия. Рецидив может предполагать и уголовную ответственность, используя институт административной преюдиции.

Повышение эффективности уголовно-правовой охраны конституционного права на свободу и личную неприкосновенность возможно при условии обращения не только к УПК РФ, но и к иным нормативным основаниям его допустимого ограничения, а также механизму возможных посягательств со стороны должностных лиц правоохранительных органов и судей.

Так, Уголовно-исполнительный кодекс РФ предусматривает возможность задержания осужденных,

злостно уклоняющихся от исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, на срок до 48 часов. Данный срок может быть продлен судом до 30 суток. Подобная мера принуждения применяется к осужденным, злостно уклоняющимся от отбывания обязательных работ (ч. 2 ст. 30 УИК РФ), от оплаты штрафа (ч. 4 ст. 32 УИК РФ), скрывшимся с места жительства осужденным к исправительным работам (ч. 4 ст. 46 УИК РФ), к ограничению свободы (ч. 6 ст. 58 УИК РФ), уклонившимся от получения предписания или не прибывшим к месту отбывания принудительных работ в установленный срок (ч. 4 ст. 60.2 УИК РФ) или уклоняющимся от отбывания принудительных работ (ч. 2 ст. 60.17 УИК РФ).

До 48 часов, а в случае продления судом до 30 суток может быть задержан осужденный, уклоняющийся от получения предписания для следования в колонию-поселение или не прибывший к месту отбывания наказания в установленный срок (ч. 6 ст. 75.1 УИК РФ), а также не прибывший в двухнедельный срок со дня его освобождения из исправительного учреждения в уголовно-исполнительную инспекцию или скрывшийся от контроля после постановки его на учет (ч. 9 ст. 178.1 УИК РФ). Порядок задержания осужденного, уклоняющегося от возвращения в установленный срок в исправительное учреждение, отличается от остальных видов задержания, предусмотренных в УИК РФ. При уклонении осужденного он подлежит задержанию органом внутренних дел по месту его пребывания с санкции прокурора на срок не более 30 суток (ч. 11 ст. 97 УИК РФ). Обращает на себя внимание срок задержания, который продлевается не судом, а прокурором.

В современной юридической литературе проблемы задержания осужденных активно обсуждаются [10. С. 89–91; 11. С. 61–67; 12. С. 113–117; 13. С. 15–22], но они не касаются вопроса о целесообразности установления в ч. 1 ст. 301 УК РФ ответственности за заведомо незаконное задержание осужденного и его продление.

При поиске резервов повышения эффективности уголовно-правовой охраны свободы личности в сфере осуществляемой государством правоохранительной функции следует учитывать устоявшуюся правовую позицию Конституционного Суда РФ, в соответствии с которой «...принадлежащее каждому от рождения право на свободу и личную неприкосновенность, воплощая наиболее значимое социальное благо, предопределяет – исходя из признания государством достоинства личности – недопустимость произвольного вмешательства в сферу ее автономии и включает, в частности, право не подвергаться ограничениям, которые связаны с применением задержания, ареста, заключения под стражу или с лишением свободы во всех иных формах, без предусмотренных законом оснований и вне надлежащей процедуры, а также сверх установленных либо контролируемых сроков» [14].

Потенциальные угрозы неприкосновенности личности возможны при задержании осужденных и его продлении. Более того, правовое регулирование данного института осуществляется и в уголовно-процессуальном законе, в частности в ч. 4.1 ст. 396, п. 3 ч. 1 ст. 399 УПК РФ. Это свидетельствует о возникновении не только уголовно-исполнительных, но и уго-

ловно-процессуальных правоотношениях, которые и охраняются главой 31 УК РФ «Преступления против правосудия». На тесную связь уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права обращает внимание М.К. Свиридов [15. С. 83–85] и В.А. Уткин [16. С. 40].

Вопросы охраны свободы личности, вовлеченной в сферу уголовной репрессии, возникают и в связи с заключением под стражу осужденного. Пункт 18 ст. 397 УПК РФ предусматривает заключение под стражу осужденного, который скрывается в целях уклонения от отбывания наказания (штрафа, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы), либо осужденного к принудительным работам, уклонившегося от получения предписания, предусмотренного ч. 2 ст. 60.2 УИК РФ, или не прибывшего к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок, до рассмотрения вопроса, указанного в п. 2 или 2.1 ст. 397 УПК РФ, но не более чем на 30 суток.

В процессе производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, также может быть заключен под стражу (п. 18.1 ст. 397 УПК РФ) осужденный к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении, уклонившийся от получения предписания, предусмотренного ч. 1 ст. 75.1 УИК РФ, или не прибывший к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок, но не более чем на 30 суток, а также о направлении его в колонию-поселение под конвоем (ст. 75 и 76 УИК) либо о рассмотрении вопроса, указанного в п. 3 ст. 397 УПК РФ.

Доктринальные исследования, посвященные заключению под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания, интенсивно продолжаются [17. С. 135–193; 18. С. 124–160]. В 2018 г. на данные вопросы, обобщив практику применения, обратил внимание Верховный Суд РФ [19; 20. С. 44–49]. Не вдаваясь в научную полемику по поводу специфики нормативного регулирования заключения под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания, его целей, оснований, конкуренции и взаимодействия норм УПК и УИК, отметим, что в последние годы отмечается тенденция увеличения поступающих в суд материалов о заключении осужденных под стражу [20. С. 48–49]. Согласно данным судебной статистики в первой половине 2020 г. суды рассмотрели 3 767 материалов в соответствии с п. 18, 18.1 ст. 397 УПК РФ. Из них 3 494 осужденных взято под стражу, 171 осужденный оставлен на свободе, 102 материала прекращено, отозвано, возвращено, передано по подсудности [21].

Безусловно, нормальное развитие правоотношений, складывающееся в связи с исполнением приговора, должно быть обеспечено возможностью применения в необходимых случаях мер государственного принуждения. Так, «судом первой инстанции было установлено, что в период отбывания наказания Б. было выдано предписание для трудоустройства... ***. В данную организацию он был трудоустроен 23 января 2018 г., где отработав 1 день, не вышел на работу, совершив прогул, после чего был уволен... В дальнейшем Бирюков неоднократно предупреждался о замене назна-

ченного судом наказания на более строгий вид наказания в связи со злостным уклонением от отбывания наказания в виде исправительных работ.

Однако осужденный Бирюков продолжил уклоняться от отбывания наказания, в дальнейшем скрылся от УИИ, в связи с чем 6 марта 2020 г. были начаты розыскные мероприятия. 23 апреля 2020 г. Бирюков объявлен в розыск. 27 мая 2020 г. Бирюков задержан сотрудниками ОМВД России по Савеловскому району г. Москвы.

Учитывая, что в представленных материалах имеются достаточные данные о том, что осужденный Бирюков скрылся в целях уклонения от отбывания наказания в виде исправительных работ, по указанному им адресу не проживал, объявлен в розыск, суд первой инстанции пришел к выводу об удовлетворении представления.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции считает, что вывод суда о необходимости заключения под стражу Бирюкова на 30 суток до рассмотрения вопроса о замене ему наказания, ввиду злостного уклонения последнего от отбывания наказания в виде исправительных работ, является правильным» [22].

Практике известны и случаи необоснованных решений о заключении под стражу осужденных к наказанию, не связанным с лишением свободы. Костромским областным судом было установлено, что «в представленных материалах отсутствовали документы, свидетельствующие о том, что осужденная П. получила предписание о трудоустройстве в МКУ г. Костромы “СМЗ по ЖКХ”».

Суд также не принял во внимание, что по предписанию, выданному П. для трудоустройства в МУП “Городская управляющая компания”, ей в трудоустройстве было отказано. По второму предписанию на трудоустройство от 24 сентября 2019 г. ей также было отказано в трудоустройстве в МКУ “СМЗ по ЖКХ”.

При этом в материалах имеются два предупреждения, вынесенные 16 и 20 сентября 2019 г., о возможной замене наказания в виде исправительных работ более строгим видом наказания, свидетельствующие, что она не скрывалась. Таким образом, обоснованность объявления розыска осужденной не была подтверждена представленными материалами.

Кроме того, при рассмотрении представления судом первой инстанции не были учтены данные о личности осужденной, которая 29 апреля 2020 г. родила ребенка и на момент задержания находилась с ним в ОГБУЗ “Костромская областная детская больница»» [23]. Особенности отношений, развивающихся в сфере применения комментируемой меры принуждения, актуализирует задачу уточнения содержания уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за заведомо незаконное заключение под стражу и содержание под стражей (ч. 2 ст. 301 УК РФ).

В исследуемом аспекте важно дать юридическую оценку ситуации, когда судья не осознает незаконности заключения осужденного под стражу на срок до 30 суток, а представленные в суд материалы, якобы свидетельствующие о злостном уклонении от отбывания наказания, сфальсифицированы сотрудником ФСИН. В таком случае действия последнего содержат признаки служебного подлога (ст. 292 УК РФ), который выражается в подделке документа, удостоверяющего

«...факты, влекущие юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения или освобождения от обязанностей, изменения объема прав и обязанностей» [24]. Если судья на основании сфальсифицированных материалов о якобы имевшем место злостном уклонении осужденного от отбывания наказания заключил его под стражу, действия виновного сотрудника ФСИН следует квалифицировать как служебный подлог, повлекший существенное нарушение прав гражданина (ч. 2 ст. 292 УК РФ).

Еще один пример из судебной практики, свидетельствующий о нарушениях права осужденного на свободу при исполнении наказания: «М. обратился в суд с административным иском заявлением, в котором просил признать незаконными решение (ответ на заявление) от 29.12.2015 г. № М-24 начальника ФКУ СИЗО № 1 ГУФСИН России по Нижегородской области И., бездействие данного должностного лица, выразившееся в неосвобождении его после 29.12.2015 г. из СИЗО № 1 ГУФСИН России по Нижегородской области».

Свои требования М. мотивировал тем, что 27.06.2012 г. приговором Дзержинского городского суда Нижегородской области он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 264 УК РФ, ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком три года с отбыванием наказания в колонии-поселении с лишением права управлять транспортным средством на срок 3 года.

По мнению М., он не был в установленном законом порядке направлен сотрудниками ГУ ФСИН России по Нижегородской области к месту для отбытия наказания...

29 декабря 2015 г. начальник СИЗО № 1 ГУ ФСИН РОССИИ по Нижегородской области И, бездействуя, не освободил М., у которого в указанный день окончился срок ареста, установленный судом в постановлении от 30.11.2015 г.

В ответе на письменное обращение М. от 29.12.2015 г. № М-24, начальник СИЗО № 1 ГУ ФСИН РОССИИ по Нижегородской области И. сообщил, что М. в настоящее время не содержится под стражей, а отбывает наказание.

Данное решение от 29.12.2015 г. № М-24 и бездействие начальника СИЗО № 1 ГУ ФСИН РОССИИ по Нижегородской области И., выразившиеся в неосвобождении М. из СИЗО № 1, по мнению М., не соответствуют закону и нарушают его конституционное право на свободу, поскольку после 29.12.2015 г. он содержался под стражей незаконно...» [25].

Сложно согласиться с И.А. Гааг, которая пишет, что «существующее законодательное определение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 301 УК РФ, позволяет сделать вывод об отсутствии описания в диспозиции указанной статьи всех необходимых и достаточных признаков деяния, за которое виновное лицо может быть привлечено к уголовной ответственности» [26. С. 71]. Формулирование запрета на заведомо незаконное заключение под стражу или содержание под стражей с использованием общих, но достаточно определенных, исключающих двусмысленное толкование признаков позволяют распространять его действие и на посягательства, совершаемые и

при исполнении наказания. Считаем, что в случае заведомо незаконного заключения под стражу или содержания под стражей осужденного действия виновного должны быть квалифицированы по ч. 2 ст. 301 УК РФ. Если незаконное помещение осужденного под стражу было совершено по неосторожности, то деяние должностного лица при наличии существенного нарушения прав потерпевшего, выразившегося в продолжительном лишении свободы, а также при бесспорном отсутствии оснований для заключения под стражу, следует квалифицировать как халатность.

В завершение нельзя не остановиться еще на одной проблеме. В соответствии с ч. 3.4 ст. 72 УК РФ время нахождения лица под домашним арестом засчитывается в срок содержания его под стражей до судебного разбирательства из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день содержания под стражей. Кроме того, в срок содержания под стражей засчитывается запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором подозреваемый, обвиняемый проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях (п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ) из расчета два дня его применения за один день содержания под стражей. Признание законодателем единой природы содержания под стражей, домашнего ареста и запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, свидетельствует об однородном ограничивающем свободу человека характере данных мер пресечения. На то, что «меры пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста имеют схожую правовую природу», обратил внимание Костромской районный суд Костромской области, предлагая Конституционному Суду РФ проверить на предмет соответствия Конституции РФ «часть пятую статьи 72 УК Российской Федерации, как не предусматривающую, в нарушение конституционного положения о равенстве граждан перед законом и судом, возможность учета времени нахождения лица под домашним арестом до вынесения приговора при назначении ему основного наказания в виде штрафа» [27].

Между тем различная степень посягательства на свободу личности при незаконном заключении под стражу и домашнем аресте, а также прямое запрещение в ч. 2 ст. 301 УК РФ именно заведомо незаконного заключения под стражу не позволяют сделать категоричный вывод о применении данной нормы к судье, заведомо незаконно применившему к обвиняемому запрет, предусмотренный п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК, или домашний арест. Злободневности проблеме добавляет актуализируемая В.А. Уткиным перспектива применения «домашнего ареста как меры пресечения, при исполнении обязательных работ как административного нака-

зания и т.п.» [16. С. 39]. Применительно к перечисленным ситуациям вопрос о достижении возможными соотвествующими посягательствами на свободу личности криминальной степени общественной опасности ранее в юридической науке не ставился. А между тем его разрешение является актуальным и в случае положительного ответа может служить основанием для внесения изменений в ч. 2 ст. 301 УК РФ.

Несколько иначе видится проблема о принудительном нахождении лица в медицинских организациях, оказывающих медицинскую или психиатрическую помощь в стационарных условиях, в которые помещаются подозреваемый или обвиняемый, содержащейся под стражей, для производства судебной экспертизы (ст. 203 УПК РФ) или для решения вопроса о переводе лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ч. 1 ст. 435 УПК РФ). Фактически имеются предпосылки к тому, что незаконные действия органов расследования и суда в этой части должны охватываться ч. 2 ст. 301 УК РФ. Помещение для производства судебной экспертизы происходит в процессе исполнения меры пресечения – содержания под стражей. Решение о переводе лица, содержащегося под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, осуществляется судом в порядке, предусмотренном ст. 108 УПК РФ.

Те же действия, не связанные с содержанием под стражей подозреваемого, обвиняемого и лица, которое переводится в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, производятся на основании решения суда в соответствии со ст. 165 УПК РФ. Необходимость применения уголовно-правового запрета в отношении должностных лиц органов предварительного расследования и суда нуждаются в доктринальном изучении и обсуждении.

В Определении Конституционного Суда РФ от 29.10.2020 № 2592-О «По жалобе гражданина Ремизова Константина Валентиновича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 39, частями шестой и седьмой статьи 109, частью четвертой статьи 217 и частью первой статьи 219 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» отмечается, что, «будучи госпитализированным в психиатрический стационар в недобровольном порядке, лицо принудительно пребывает в ограниченном пространстве, изолировано от общества и семьи, не может выполнять свои служебные обязанности и не в состоянии свободно передвигаться и общаться с неограниченным кругом лиц» [28], это означает лишение личной свободы лица не в результате осуждения за совершение преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куликов А.В., Чобанов Г.А. Причины и условия, способствующие совершению заведомо незаконного задержания // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 5А. С. 26–35.
2. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учеб. для вузов / под ред. проф. М.В. Бавсуна. Омск : Омск. академия МВД России, 2020. 768 с.
3. Авдеева Е.В. Неприкосновенность личности в уголовном судопроизводстве // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (3). С. 14–19.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // СПС КонсультантПлюс.
5. Булатов Б.Б., Дежнев А.С. Проблемы регулирования и применения органами расследования мер уголовно-процессуального принуждения. Ч. 1 // Законодательство и практика. 2020. № 1. С. 67–70.

6. Баисалуева Э.Ф. Незаконность задержания как основание привлечения к ответственности по части 1 статьи 301 УК РФ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4. С. 83–87.
7. Махнева А.Д. Незаконное задержание, заключение под стражу, содержание под стражей // Союз криминалистов и кримиологов. 2019. № 4. С. 136–144.
8. Чобанов Г.А. Совершенствование мер предупреждения незаконного задержания // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1. С. 147–151.
9. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.09.2020 по делу № 2-4286/2020, 33-34637/2020 // СПС КонсультантПлюс.
10. Николок В.В. Задержание осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания // Уголовный процесс. 2020. № 10. С. 63–70.
11. Трухин С.А. Задержание осужденного, который уклоняется от наказания: кому и как оформлять // Уголовный процесс. 2020. № 6. С. 61–67.
12. Антонов Т. Проблемы правового регулирования задержания осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания // Уголовно-исполнительное право. 2020. № 1. С. 113–117.
13. Булатов Б.Б. Законодательная конструкция задержания осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания, и его правовая природа // Проблемы предварительного следствия и дознания : сб. науч. трудов № 29 : по материалам междунар. науч.-практ. конф. «Принуждение в уголовном процессе: современные проблемы и тенденции» (г. Москва, 5–6 декабря 2019 г.). М. : ФГКУ «ВНИИ МВД РОССИИ», 2020. С. 15–22.
14. Определение Конституционного Суда РФ от 29.10.2020 № 2592-О // СПС КонсультантПлюс.
15. Свиридов М.К. Отраслевая принадлежность норм, регулирующих судебную деятельность по исполнению приговора // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 83–91.
16. Уткин В.А. Уголовно-исполнительная деятельность и предмет уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2. С. 39–43.
17. Николок В.В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения. Орел : ЮрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015. 235 с.
18. Заключение и под стражу и его альтернативы в уголовном судопроизводстве / кол. авт. ; науч. ред. О.В. Качалова. М. : РУСАЙНС, 2019. 171 с.
19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», дополненных Постановлением Пленума ВС РФ от 18 декабря 2018 г. № 43 «О внесении изменений в постановление Пленума от 22 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» и от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (пп. 21.1–24.4).
20. Николок В.В. Заключение под стражу осужденного, скрывавшегося в целях уклонения от отбывания наказания: новые правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации // Проблемы предварительного следствия и дознания : сб. науч. трудов № 29 : по материалам междунар. науч.-практ. конф. «Принуждение в уголовном процессе: современные проблемы и тенденции» (г. Москва, 5–6 декабря 2019 г.). М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2020. С. 44–49.
21. Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за первое полугодие 2020 г. Форма № 1. Раздел 4 // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: www.cdep.ru (дата обращения: 21.03.2021).
22. Апелляционное постановление Московского городского суда от 22.06.2020 по делу № 10-11298/2020 // СПС КонсультантПлюс.
23. Справка Костромского областного суда от 29.07.2020 «О результатах обобщения апелляционной практики рассмотрения судами Костромской области уголовных дел за первое полугодие 2020 года» // СПС КонсультантПлюс.
24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // СПС КонсультантПлюс.
25. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 20.09.2017 по делу № 33а-10836/2017 // СПС КонсультантПлюс.
26. Гаг И.А. Критерии незаконности заключения под стражу (ч. 2 ст. 301 УК РФ) // Социогуманитарный вестник. 2016. № 1. С. 71–76.
27. Определение Конституционного Суда РФ от 12.03.2021 № 377-О // СПС КонсультантПлюс.
28. Определение Конституционного Суда РФ от 29.10.2020 № 2592-О // СПС КонсультантПлюс.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 мая 2021 г.

Criminal Law Protection of the Personal Freedom of the Suspect, the Accused, and the Convicted
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 197–203.
 DOI: 10.17223/15617793/472/23

Victor N. Borkov, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Omsk, Russian Federation), E-mail: borkovv@mail.ru

Boris B. Bulatov, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Omsk, Russian Federation), E-mail: bulatov_oma@mail.ru

Keywords: freedom and inviolability of person; illegal detention; illegal remand; illegal detention of convicted person; illegal remand of convicted person; abuse of office.

The criminal-legal influence exerted on a person must be legal and justified, and the constitutional right of a person to inviolability must be reliably protected. Law enforcement practice shows that the rights of a person involved in criminal repression are especially vulnerable. Violations of personal freedom can be committed not only during the preliminary investigation, but also at the stages of proceedings in court and the execution of a sentence. Increasing the effectiveness of criminal law protection of the constitutional right to liberty and security of a person is possible provided that one refers not only to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, but also to other normative grounds for its permissible restriction, as well as to the mechanism of possible encroachments on the part of law enforcement officials and judges. The aim of the study was to identify threats to personal freedom in the sphere of criminal proceedings and the execution of sentences, which had not previously been an object of a study. Drawing attention to the existing gaps, the authors formulate a consistent and scientifically grounded proposal to improve the criminal law protection of the inviolability of the suspect, the accused, and the convicted. The methodological basis of the research was formed by dialectics as a doctrine of the development and interconnection of social phenomena. To achieve the aim, a normative approach was used in conjunction with general (analysis, synthesis, induction, deduction, formal-logical, structural) and specific (formal-legal, comparative) research methods. The authors show that the Penal Code of the Russian Federation allows the detention of convicts who maliciously evade the execution of punishment for up to 48 hours. This period can be extended by the court up to 30 days. In accordance with Paragraphs 18 and 18.1, Art. 397, of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, a convicted person hiding in order to evade serving a sentence and on other grounds specified in the law may be detained, but for not more than 30 days.

Based on the analysis of judicial practice and scientists' positions, the authors of the article come to the conclusion that it is advisable to extend the prohibition contained in Art. 301 of the Criminal Code of the Russian Federation not only for the unlawful detention of a suspect and its extension, remand during the preliminary investigation, but also for the deliberately unlawful detention, its extension, and remand of a convicted person. Interpretation of Art. 301 of the Criminal Code of the Russian Federation as providing for responsibility and for knowingly illegal detention and its extension or remand of a convicted person is socially conditioned, and also complies with both the text of this norm and its place in the structure of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation and in the chapter on encroachments on the interests of justice.

REFERENCES

1. Kulikov, A.V. & Chobanov, G.A. (2019) Causes and conditions conducive to knowingly illegal detention. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava – Matters of Russian and International Law*. 5-1 (9). pp. 26–35. (In Russian).
2. Bavsun, M.V. (ed.) (2020) *Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Osobennaya chast'* [Criminal Law of the Russian Federation. Special part]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs.
3. Avdeeva, E.V. (2019) Privacy of personality in criminal proceedings. *Nauchnyy daydzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. 3 (3). pp. 14–19. (In Russian).
4. Consultant Plus. (2013) *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 41 of December 19, 2013 (edition of June 11, 2020) "On the Practice of Application by Courts of Legislation on Preventive Measures in the Form of Detention, House Arrest, Bail and Prohibition of Certain Actions"*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
5. Bulatov, B.B. & Dezhnev, A.S. (2020) Problems of regulating and usage of criminal procedural coercive measures by investigative bodies (part 1). *Zakonodatel'stvo i praktika*. 1. pp. 67–70. (In Russian).
6. Baisalueva, E.F. (2018) Unlawfulness of detention as a reason for bringing to justice under part 1 of article 301 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*. 4. pp. 83–87. (In Russian). DOI: 10.51980/2542-1735_2018_4_83
7. Makhneva, A.D. (2019) False arrest, imprisonment or detention. *Soyuz kriminalistov i kriminologov*. 4. pp. 136–144. (In Russian). DOI: 10.31085/2310-8681-2019-4-220-136-144
8. Chobanov, G.A. (2019) Improving measures to prevent illegal detention. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Interior Affairs of Russia*. 1. pp. 147–151. (In Russian).
9. Consultant Plus. (2020) *Appeal ruling of the Moscow City Court of September 16, 2020 on the case No. 2-4286/2020, 33-34637/2020*. Moscow: Consultant Plus.
10. Nikol'yuk, V.V. (2020) Detention of a convicted person who has absconded in order to avoid serving a sentence. Controversial issue. *Ugolovnyy protsess – Criminal Procedure*. 10. pp. 63–70. (In Russian).
11. Trukhin, S.A. (2020) Detention of a convicted person who evades punishment: who and how to register. *Ugolovnyy protsess – Criminal Procedure*. 6. pp. 61–67. (In Russian).
12. Antonov, T.G. (2020) The problems of legal regulation of detention of convicts evading service of a sentence. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 1. pp. 113–117. (In Russian).
13. Bulatov, B.B. (2020) [The legislative structure of the detention of a convicted person who maliciously evades serving a sentence and its legal nature]. *Problemy predvaritel'nogo sledstviya i doznaniya* [Problems of Preliminary Investigation and Inquiry]. Proceedings of the International Conference "Prinuzhdenie v ugolovnom protsesse: sovremennye problemy i tendentsii" [Coercion in Criminal Proceedings: Modern problems and trends]. 29. Moscow. 5–6 December 2019. Moscow: FGKU "VNII MVD ROSSII". pp. 15–22. (In Russian).
14. Consultant Plus. (2020) *Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2592-O of October 29, 2020*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
15. Sviridov, M.K. (2020) Branch affiliation of the rules governing judicial activity on the execution of sentences. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 36. pp. 83–91. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/36/8
16. Utkin, V.A. (2016) Penal activity and subject of the penal law. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 2. pp. 39–43. (In Russian).
17. Nikol'yuk, V.V. (2015) *Zaklyuchenie pod strazhu osuzhdennogo, skryvshegosya v tselyakh uklo-neniya ot otybyvaniya nakazaniya: doktrina, zakonodatel'naya konstruktsiya, tolkovanie i problemy prakticheskogo primeneniya* [Detention of a convicted person who has absconded in order to evade serving a sentence: doctrine, legislative construction, interpretation and problems of practical application]. Orel: YurYul MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova.
18. Kachalova, O.V. (ed.) (2019) *Zaklyuchenie i pod strazhu i ego al'ternativy v ugolovnom sudoproizvodstve* [Detention and Its Alternatives in Criminal Proceedings]. Moscow: RUSAYNS.
19. The Supreme Court of the Russian Federation. (2015) *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 21 of December 20, 2011 "On the practice of Application by courts of Legislation on execution of sentence", supplemented by Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 43 of December 18, 2018 "On Amendments to the Resolution of the Plenum No. 21 of December 22, 2011 "On the practice of application by courts of legislation on execution of sentence" and No. 58 of December 22, 2015 "On the practice of assigning criminal punishment by Courts of the Russian Federation" (paragraphs 21.1–24.4)*. (In Russian).
20. Nikol'yuk, V.V. (2020) [Detention of a convicted person who was hiding in order to evade serving a sentence: new legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation]. *Problemy predvaritel'nogo sledstviya i doznaniya* [Problems of preliminary investigation and inquiry]. Proceedings of the International Conference "Prinuzhdenie v ugolovnom protsesse: sovremennye problemy i tendentsii" ["Coercion in criminal proceedings: modern problems and trends"]. 29. Moscow. 5–6 December 2019. Moscow: FGKU "VNII MVD Rossii". pp. 44–49. (In Russian).
21. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2020) *Otchet o rabote sudov pervoy instantsii po rassmotreniyu ugolovnykh del za pervoe polugodie 2020 g. Forma № 1. Razdel 4* [Report on the work of the courts of first instance on the consideration of criminal cases for the first half of 2020. Form No. 1. Section 4]. [Online] Available from: www.cdep.ru. (Accessed: 21.03.2021).
22. Consultant Plus. (2020) *Appeal Judgement of the Moscow City Court of June 22, 2020 in case No. 10-11298/2020*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
23. Consultant Plus. (2020) *Reference of the Kostroma Regional Court of July 29, 2020 "On the results of generalization of the appellate practice of consideration by the courts of the Kostroma region of criminal cases for the first half of 2020"*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
24. Consultant Plus. (2019) *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 of July 07, 2013 (edition of December 24, 2019) "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes"*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
25. Consultant Plus. (2017) *Appeal Judgement of the Nizhny Novgorod Regional Court of September 20, 2017 in case No. 33a-10836/2017*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
26. Gaag, I.A. (2016) Kriterii nezakonnosti zaklyucheniya pod strazhu (ch. 2 st. 301 UK RF) [Criteria for the illegality of detention (Part 2 of Article 301 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Sotsiologicheskyy vestnik*. 1. pp. 71–76.
27. Consultant Plus. (2021) *Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 377-O of March 12, 2021*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
28. Consultant Plus. (2020) *Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2592-O of October 29, 2020*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

Received: 17 May 2021

Д.К. Брагер, Р.Л. Ахмедшин

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ЛИЦА ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Раскрывается комплекс проблем, связанных с реализацией в практике расследования преступлений тактических приемов предъявления лица для опознания. Дифференциация тактических приемов в зависимости от процессуального статуса опознающего лица является основным вектором развития тактического потенциала рассматриваемого следственного действия. Проанализированы традиционные формулировки уголовно-процессуальных норм, регламентирующих свободу выбора действий опознаваемого в процессе следственного действия.

Ключевые слова: предъявление лица для опознания; тактика; криминалистическая теория; безопасность опознающего; принудительное проведение предъявления для опознания.

Предъявление для опознания на сегодняшний момент является сложившимся традиционным следственным действием с выраженной экспериментальной тактико-криминалистической природой. При этом уголовно-процессуальное регламентирование предъявления для опознания не может изменить содержательную часть, саму криминалистическую сущность исследуемого объекта, так как правовая нормативная фиксация выступает в качестве формирующегося в силу субъективных причин фактора, существующего на определенном историческом отрезке времени. Предъявление для опознания, таким образом, рассматривается нами с позиции тактико-криминалистической природы следственного действия. Одновременно констатируем, что в настоящий период времени криминалистическое понимание предъявления для опознания в качестве следственного действия, несмотря на наличие в ныне действующем УПК РФ специальных норм [1. С. 457–458], сталкивается с недостаточным тактическим обеспечением предъявления для опознания.

Предъявление для опознания в качестве самостоятельного следственного действия получило нормативное закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г. в котором были определены как субъекты следственного действия, так и объекты опознания (ст. 164 УПК РСФСР – следователь может предъявить для опознания лицо или предмет свидетелю, потерпевшему, подозреваемому или обвиняемому) [2]. В период становления российской государственности в 2001 г. был принят Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, нормы которого стали вступать в законную силу с 1 июля 2002 г. [3]. Настоящий уголовно-процессуальный нормативный акт включает в себя правовые положения общего и специального характера, закрепляющие нормативную процедуру производства следственных действий. Так, правовые нормы, регламентирующие порядок предъявления для опознания, содержатся в ст. 193 УПК РФ. Здесь же закреплены нормы, устанавливающие отдельные элементы тактической процедуры предъявления лица (человека) для опознания. Одновременно можно согласиться с тем, что действующий УПК РФ только несколько изменил формулировку, ничего не внося принципиально инновационного в тактическом плане. В настоящий период преобладают исследования криминалистической приро-

ды предъявления лица для опознания, направленные на разработку тактических практик проведения новых видов опознания (по запаху, голосу и т.п.).

В современной научной дискуссии отсутствует единство мнений в оценке тактического потенциала предъявления лица для опознания. Существенная часть авторов научных исследований считает, что от предъявления лица для опознания «зачастую зависит успех расследования по многим уголовным делам» [4. С. 100]. Например, обстоятельства хищения наркотических веществ достаточно результативно доказываются посредством проведения предъявления лица для опознания – в 43,1% случаев, обстоятельства организации и содержания притонов с целью потребления наркотических веществ – 39,2% случаев [5. С. 8].

Другие исследователи утверждают, что «появление высокоточных методов идентификации человека, например, ДНК-анализа, показало низкую достоверность традиционно использовавшихся форм предъявления для опознания» [6. С. 76] и полагают, что предъявления лица для опознания выступает в качестве следственного действия с сомнительным в тактическом отношении результатом [7. С. 78].

По нашему представлению, справедливые доводы излагают обе стороны, в связи с чем в рамках криминалистического подхода к предъявлению лица для опознания необходимо изложить следующее:

- сложившаяся практика реализации предложенных рекомендаций в 80% [8. С. 171] случаев идет в разрез с теоретическими и процессуальными правилами;

- отдельные теоретические точки зрения по вопросу природы предъявления лица для опознания «представляют собой если не полностью белое, то практически почти не заполненное теоретической мыслью пятно» [9. С. 179];

- достигнутый теоретический уровень развития тактических приемов и способов предъявления лица для опознания отстает от достижений современной науки. И это можно увидеть как в монографических работах, так и практически во всех учебниках по криминалистике разных лет издания и под редакцией различных авторов.

Вместе с этим остается неразрешенной проблема соответствия нормативных положений ст. 193 УПК РФ теоретическим положениям тактики предъявления для опознания.

Так, в криминалистической теории был разработан и до настоящего времени считается наиболее рациональным недифференцированный порядок организации процедуры проведения предъявления лица для опознавания (независимый от процессуального положения опознающего). Рассматриваемый порядок проведения опознавания включает два этапа: подготовительный и рабочий.

В процессе подготовительного этапа осуществляется комплекс мероприятий, позволяющий подготовить место, объекты, подобрать средства и организовать требуемую обстановку с целью создания оптимальных условий для качественного проведения следственного действия, основанного на принципе несомненности полученных результатов. Согласно нормам УПК РФ, рассматриваемому следственному действию в обязательном порядке должен предшествовать допрос опознающего. В протоколе допроса должно быть зафиксировано, что допрашиваемое лицо может опознать ранее увиденный объект, обстоятельства, при которых опознающий видел опознаваемого, приметы и особенности предъявляемого для опознавания лица.

Параллельно проводится непосредственная подготовка к предъявлению для опознавания, в ходе которого определяются время, место, участвующие лица, технические средства и т.д. При этом помещением, предназначенным для производства предъявления лица для опознавания, может выступать кабинет следователя либо другое место, исключающее визуальное наблюдение со стороны опознаваемого лица опознающего. Как правило, таким местом является расположенное в здании правоохранительного органа, состоящее из двух смежных комнат с отдельными входами, специальным образом оборудованное помещение. Это комнаты специального помещения разделены стеной с проемом, который закрыт стеклом с нанесенным односторонним зеркальным покрытием, не позволяющим опознающему лицу видеть расположенных в соседней комнате участников предъявления для опознавания. Некоторые из таких помещений оборудуются двусторонней связью [10. С. 122–123].

Наравне с описанным оборудованием специальных мест, предназначенных для опознавания человека, могут использоваться помещения, оборудованные системами телетрансляции, позволяющими передавать изображение на любые расстояния. Такие телесистемы позволяют проводить предъявление для опознавания между участниками, находящимися в разных зданиях одного или различных населенных пунктов. Использование подобных систем трансляции изображения не противоречит нормам п. 8 ст. 193 УПК РФ, определяющим только условия как исключающие наблюдение со стороны опознаваемого лица. Таким образом, законодатель не определяет исчерпывающий круг мест (помещений) и технических средств, при помощи которых будет достигнута одна из основных целей следственного действия – обеспечение безопасности опознающего лица в процессе предъявления опознаваемого для опознавания. В свою очередь, проведение предъявления лица для опознавания посредством использования оборудованных средствами телетранс-

ляции помещений требует теоретического осмысления и выработки доктринальных криминалистических рекомендаций по оптимальному порядку проведения следственного действия.

Содержание рабочего этапа предъявления лица для опознавания включают в себя следующую последовательность:

1. В начале следственного действия в кабинет с целью проведения предъявления лица для опознавания следователь приглашает понятых и «лиц, предъявляемым вместе с опознающим лицом» (статистов). Как понятых, так и статистов должно быть не менее двух.

2. Следователь удостоверяется в личности участников, разъясняет понятым и статистам их права, порядок проведения следственного действия и обязанности.

3. Понятые дополнительно предупреждаются о своем праве делать заявления и замечания в случае обнаружения ошибки при подборе требуемого числа объектов, в числе которых будет предъявляться опознаваемый.

4. Приглашается опознаваемое лицо и проверяется его личность. Опознаваемому разъясняются сущность, права, порядок проведения предъявления для опознавания и обязанности. Лицо, подлежащее предъявлению для опознавания, предъявляется опознающему вместе с другими лицами (не менее двух), по возможности сходными по признакам, которые сходны с внешностью опознаваемого лица. При этом криминалистические рекомендации говорят о необходимости осуществления подбора статистов таким образом, чтобы любая совокупность предъявляемых для опознавания лиц не имела существенных отличительных черт по телосложению, возрасту, росту, цвету волос и т.д. [11. С. 73]. Одежда также не должна существенным образом отличаться. Следовательно необходимо концентрировать внимание понятых на степени сходства внешнего облика предъявляемых лиц (статистов) с опознаваемым. После предлагается всем предъявляемым лицам поочередно назвать себя понятым.

5. Опознаваемому лицу предлагается, согласно криминалистической доктрине предъявления лица для опознавания, занять любое на свое усмотрение место из выделенных для целей опознавания мест. Это связано с желанием исключить возможность фальсификации результатов данного следственного действия, когда опознающий по подсказке может узнать нужного человека по месту, на которое его поставили [12. С. 214]. Местами для размещения предъявляемых лиц (в общем количестве не менее трех) зачастую выступают обозначенные номерами стулья или обозначенные табличками места для расположения предъявляемых лиц в положении стоя. В то же время в соответствии с ч. 4 ст. 193 УПК РФ опознаваемому перед началом опознавания следователь предлагает «занять любое место среди предъявляемых лиц» [3] (статистов). В данной ситуации рекомендации американских криминалистов сводятся к разъяснению права опознаваемого на выбор любого места в линии статистов после выхода следователя из помещения [13. С. 276]. Более подробно рассматриваемый тактический аспект будет нами исследован ниже.

6. В помещение, где проводится предъявление лица для опознавания, приглашается опознающий. При этом недопустимо после размещения опознаваемых лиц покидать место следственного действия любыми участниками, чтобы никто не мог гипотетически разгласить место расположение опознаваемого между предъявляемыми лицами и тем самым поставить полученные результаты под сомнение. Помощник следователя с целью приглашения опознающего лица может покинуть место проведения следственного действия только до момента расположения опознаваемого в числе предъявляемых лиц. На обратном пути помощник следователя должен постучаться в дверь помещения и только после разрешения следователя зайти в помещение опознающего. Наиболее приемлемым считается тактический прием, когда следователь включает на телефонном аппарате «громкую связь» и произносит для всех участников следственного действия примерную фразу «Гражданин Петров, зайдите в комнату № 69 для участия в следственном действии» [14].

7. В помещении производства опознавания, следователь удостоверяется в личности опознающего лица, разъясняет процедуру проведения человека для опознавания, его прав и обязанности. Если опознающий является свидетелем или потерпевшим, он предупреждается об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний (ст. 306 УК РФ) и за дачу заведомо ложных показаний (ст. 307 УК РФ). При этом может быть использован тактический прием, когда с целью недопущения преждевременного опознавания (под воздействием эмоций опознающий может «с порога» указать на опознаваемого), следователь около входных дверей встречает опознающее лицо, отворачивает его от предъявляемых лиц и проводит все необходимые процедурные мероприятия, связанные предупреждением об уголовной ответственности и т.д.

8. С тактической точки зрения считается правильным поставить вопрос перед опознающим, помнит ли он ранее изложенные в процессе предварительного допроса показания, и при необходимости предоставить протокол данного следственного действия.

9. Будет целесообразным действием предложить некоторым участникам (например, понятым) ознакомиться с протоколом предварительного допроса опознающего, в котором изложена готовность участия опознающего в предъявлении лица для опознавания, обстоятельства при которых наблюдался опознаваемый и признаки, характеризующие внешний облик опознаваемого лица.

10. Тактически целесообразно будет выяснить психологическое и физиологическое состояние опознающего и убедиться в его готовности к проведению предъявления лица для опознавания.

11. После того как следователь убедится в готовности опознающего к участию в предъявлении для опознавания, ему предлагается с особой тщательностью изучить представленных для опознавания лиц. Одновременно рекомендуется разъяснить, что можно просить предъявляемых лиц поочередно встать, пройти по помещению, расположиться под определенным ракурсом и т.п. Последовательность перемещения

участников следственного действия определяется заблаговременно следователем и определяется слева направо.

12. Далее перед опознающим лицом ставятся вопросы, из которых центральным будет в форме предложения указать, узнаёт ли опознающий кого-либо из представленных для опознавания лиц.

13. Тактически правильным является предложение указать рукой на опознанное лицо и произнести в слух его порядковый номер.

14. Если опознающим на поставленный вопрос будет заявлено, что он не может опознать ни одного из представленных для опознавания лиц, тактически важно обязательно выяснить причины (мотивы) отрицательного результата (отсутствие в числе предъявленных лиц, того которого ранее наблюдал опознающий, страх перед опознаваемым за себя или жизнь и здоровье близких и не близких родственников и т.п.).

15. Как логическое продолжение предыдущего шага, является фиксация в протоколе предъявления лица для опознавания мотивов, наличие которых, несмотря на надлежащее опознание, воспрепятствовало опознающему лицу указать на опознаваемого, который находился среди предъявленных лиц. Последующая более детальная фиксация причин отказа производится в протоколе дополнительного допроса.

16. Если опознающим будет заявлено, что он опознал одного из представленных лиц, следователь уточняет с одновременной фиксацией в протоколе кого именно и по каким основным чертам, а также необходимо опознающему лицу пояснить, при каких обстоятельствах ранее воспринимал внешний облик опознанного человека.

17. После того как опознающий указал на опознанное лицо, обосновал свой выбор, ответил на дополнительные и уточняющие вопросы, следователь предлагает опознанному встать (сделать шаг в перед) и назвать себя с указанием фамилии, имени, отчества, даты рождения. В случае отказа со стороны опознанного лица, следователю рекомендуется обратить на это обстоятельство внимание понятых, самому озвучить фамилию, имя, отчество, дату рождения, номер места расположения и отразить данную информацию в протоколе предъявления лица для опознавания.

18. Рекомендуется выяснить у опознающего, какие тот заметил собственные или сопутствующие изменения во внешнем облике опознанного лица. В случае, если опознающее лицо указывает на обнаруженные изменения, то их следует отразить в протоколе предъявления лица для опознавания в обязательном порядке.

19. Если опознающий произвел опознание по признакам, которые отсутствовали в протоколе первоначального допроса, следователь публично выясняет причины, приведшие оставить без внимания эти признаки, обращает на них внимание понятых и предлагает им лично убедиться в их наличии.

20. При заявлении опознающим лицом, что не в состоянии сформулировать категорический положительный или отрицательный ответ на вопрос следователя, сообщая, что он выделяет опознаваемого как внешне сходный объект, который наблюдал ранее, следователь не вправе оказывать воздействие и требовать оглашения

выводов в категорической форме [15. С. 154]. Представляется, что действенным приемом будет предложить опознающему лицу огласить в слух свои умозаключения и доводы в пользу сделанного выбора.

Как уже отмечалось, по нашему мнению, изложенное в ч. 4 ст. 193 УПК РФ правило, что перед началом опознавания опознаваемому предлагается занять любое место среди предъявляемых лиц, содержит логическое противоречие и фактически ограничивает право опознающего к выбору любого места. Так, следуя требованиям указанной нормы,следователь должен выполнить определенную последовательность действий. Следовательно предлагает статистам перейти и расположиться в отведенном для предъявления опознавания месте. Как правило, отведенное для демонстрации опознаваемых лиц место представляет собой расположенные в ряд три стула или свободный участок пространства вдоль одной из стен кабинета следователя с прикрепленными на стене номерами. Статисты, по распоряжению следователя, занимают по своему усмотрению два из трех отведенных для предъявления лиц места. После чего остается свободным только одно отведенное место. Вслед за тем «опознаваемому предлагается занять любое место среди предъявляемых лиц» [3].

По мнению С.И. Ожегова, предлог «среди» может употребляться в следующих значениях:

1) внутри, в центре какого-нибудь пространства или между концом и началом какого-нибудь периода времени, в середине;

2) в числе других предметов, лиц, явлений;

3) в среде каких-нибудь людей [16. С. 746].

В Большом толковом словаре русского языка содержатся следующие значения дефиниции «среди»:

1) в промежутке между краями какого-нибудь пространства, преимущественно в равном расстоянии от них, в центре, в середине, то же, что посреди;

2) в промежутке между концом и началом какого-нибудь периода времени, преимущественно в равном расстоянии от них, посередине;

3) между другими предметами, в числе других вещей, лиц, явлений;

4) в какой-нибудь среде [17. С. 1051].

Согласно словарю синонимов русского языка, предлог «среди» имеет такие синонимы, как «меж», «между», «посреди» [18. С. 390].

В свою очередь предлог «между» в Толковом словаре русского языка:

1) трактуется как обозначение положения предмета, лица посередине, среди кого-нибудь чего-нибудь или проявление действия в промежутке времени;

2) служит с целью указания на совершение, нахождение, утверждение чего-нибудь в среде либо группе (людей) [19. С. 348].

Поэтому мы полагаем, что сама формулировка, содержащаяся в ч. 4 ст. 193 УПК РФ, «опознаваемому предлагается занять любое место среди предъявляемых лиц», предполагает первоочередное расположение статистов, а затем между ними – опознаваемого лица. Тем самым сокращается количество возможных вариантов при выборе опознаваемым для себя места, зачастую до одного. Например, если местами распо-

ложения предъявляемых лиц являются три стула, на двух из которых располагаются статисты, а опознаваемый оказывается перед выбором: расположиться на одном свободном месте (что является предложением «занять любое место “среди” предъявляемых лиц») либо предложить статистику уступить свое место (в этом случае опознающий займет место «вместо» предъявляемого лица, что вступает в противоречие с формулировкой нормативно-правового акта). Подобная тактика проведения предъявления для опознавания существенно ограничивает право опознаваемого на выбор любого места по своему усмотрению и в то же время в целом не противоречит требованиям закона.

Таким образом, нам представляется, что перед непосредственным опознаванием опознающему необходимо предлагать занять любое удобное для него место, не противоречащее требованиям проведения процедуры, и только после этого располагать статистов. В связи с этим формулировка «Перед началом опознавания опознаваемому предлагается занять любое место среди предъявляемых лиц, о чем в протоколе опознавания делается соответствующая запись», содержащаяся в ч. 4 ст. 193 УПК РФ, на наш взгляд, нуждается в изменении таким образом, что лицу, подлежащему опознанию (опознаваемому), перед началом следственного действия предлагается выбрать и занять, по своему усмотрению, любое из мест, подготовленных для расположения и демонстрации участвующих в опознании лиц. И только после данной процедуры предъявляемые вместе с опознаваемым лица (статисты) подлежат расположению на оставшихся свободных местах. Об этом в протоколе опознавания человека производится соответствующая запись.

Центральным вопросом предъявления для опознавания остается проблема обеспечения безопасности опознающего лица как добросовестного участника следственного действия. Наиболее «бесправными» участниками уголовного процесса выступают потерпевший, и особенно свидетель, как законодательно ориентированная добросовестная фигура, обязанная давать правдивые показания, не считаясь с вопросами обеспечения личной безопасности, не заботясь ни о членах своей семьи, ни о близких. В связи с этим возникает вопрос о морально-этической стороне привлечения потерпевшего и свидетеля к участию в опознании человека вопреки их воле, а также возможности принудительного участия данных участников процесса в опознании и иных процессуальных действиях. Как мы полагаем, предъявление для опознавания может быть продуктивным только при условии способности следователя обеспечить безопасное участие добросовестного лица в рассматриваемом следственном действии. Поэтому наравне с предложением дополнить ст. 42 УПК РФ «Потерпевший» и ст. 56 УПК РФ «Свидетель» указанием о праве таких лиц перед следствием и судом возбуждать ходатайства о сохранении от подозреваемого (обвиняемого) и его адвоката своей анонимности или своих анкетных данных [8. С. 176], необходимо внести изменения в ст. 11 УПК РФ, согласно которой перечисленные должностные лица должны нести нормативную обязанность и персональную ответственность за надлежащую реализацию

мер безопасности. В этой парадигме требует доработки ч. 8 ст. 193 УПК РФ, где следует закрепить обязанность следователя (вместо «...по решению следователя может быть проведено...») проводить предъявление для опознания человека в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего лица, когда от опознающего поступило соответствующее ходатайство и в целях обеспечения безопасности последнего. Наравне с процессуальными изменениями действующего законодательства, по нашему убеждению, требуется проводить работу по тактическому совершенствованию процедуры производства предъявления лица для опознания в сфере обеспечения безопасности свидетеля и потерпевшего в качестве опознающего. Сама процедура предъявления человека для опознания и применяемые тактические приемы должны обеспечить сохранение в тайне персональных данных и информации о внешнем облике личности, выступающей в качестве опознающего лица (свидетеля или потерпевшего), от понятых, адвокатов, защитников, переводчиков и прочих участников уголовного процесса, которые могут раскрыть

обвиняемому (подозреваемому) личность свидетеля и потерпевшего.

Отечественный законодатель исключает нормативную возможность проведения опознания по тем же признакам одним и тем же лицом. Природа предъявления лица для опознания предвещает весьма нетерпимое отношение к возможности повторного предъявления для опознания, имеющему место в практике расследования (20 из 325 случаев [8. С. 172]). В достаточно большом количестве случаев посредством применения допроса следователь устраняет потребность проведения повторного предъявления для опознания. Нам представляются следующие наиболее рациональные случаи повторного предъявления для опознания:

– «если предъявление для опознания проводилось в условиях, худших для восприятия, чем те, при которых опознающий наблюдал объект первоначально; в том числе и случаи частичной потери слуха, зрения и т.д.» [20. С. 160];

– если были определены новые признаки объекта опознания, по которым сохраняется реальная возможность провести предъявление для опознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Манаников А.С. Современные вопросы предъявления для опознания в судебном следствии // Педагогическое образование на Алтае. 2014. № 2. С. 457–458.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 (Утратил силу) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/3975252/> (дата обращения: 12.09.2021)
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 12.09.2021).
4. Волочай С.Н., Шепелева Ю.Л. Предъявление для опознания: пути совершенствования процесса производства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 2 (57). С. 100–102.
5. Аленин А.П. Тактика предъявления для опознания по делам о незаконном обороте наркотических средств // Наркоконтроль. 2005. № 1. С. 8–16.
6. Казинская С.Н. Предъявление лица для опознания при расследовании мошенничества // Гуманитарные и общественные науки: опыт, проблемы перспективы. 2015. № 1. С. 76–81.
7. Бартенев Е.А. Тактические особенности предъявления для опознания с точки зрения риска и защиты доказательственной информации // Юридическая наука и практика. 2014. Т. 10, № 1. С. 78–83.
8. Комиссаров В.И. Предъявление для опознания и допрос опознающих в уголовном судопроизводстве: состояние и перспективы развития // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 4 (237). С. 170–176.
9. Степаненко Д.А. Современное состояние и тенденции развития системы принципов предъявления для опознания // Вестник ЮУрГУ. № 5. 2006. Серия: Право. Вып. 7. С. 179–183.
10. Лозовский Д.Н., Лозовская Н.Н., Санкин А.И. Особенности производства предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 12. С. 121–123.
11. Вологина Е.В. Организационно-тактические особенности предъявления лица для опознания // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. 2016. № 1 (7). С. 72–75.
12. Эксперт. Руководство для экспертов органов внутренних дел / под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. М. : КНОРУС, Право и закон, 2003. 591 с.
13. O'Hara Ch.E., O'Hara G.L. Fundamentals of criminal investigation. 7th ed. Springfield, Illinois : CHARLES C THOMAS, 2003. 907 p.
14. Гонтарь С.Н. Тактика предъявления для опознания: лекция по теме № 5 // Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД Российской Федерации. URL: https://xn--80ae7bem.xn--d1alsn.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site122/document_file/5_Lek_Taktika_proedyavleniya_dlya_opoznaniya.pdf/ (дата обращения: 16.09.2021).
15. Чуприна Е.П. Особенности предъявления для опознания живых лиц // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2014. № 7. С. 150–158.
16. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. М. : ОНИКС 21 век : Мир и Образование, 2003. 1200 с.
17. Большой толковый словарь русского языка: Ок. 60 000 слов / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : АСТ : Астрель, 2004. 1268 с.
18. Шведов С.М. Словарь синонимов русского языка. Минск : Современное слово, 2003. 480 с.
19. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.
20. Михайлова Ю. Н. Информационная сущность предъявления для опознания и его тактические основы : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 216 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 28 октября 2021 г.

Particular Problems of the Practice of Presenting a Person for Identification: Forensic and Criminal Procedural Aspects
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 204–209.
 DOI: 10.17223/15617793/472/24

Dmitriy K. Brager, Sakhalin Institute of Railway Transport, Branch of the Far Eastern State Transport University (Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation). E-mail: brager-4@mail.ru

Ramil L. Akhmedshin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Keywords: presentation of person for identification; tactics; forensic theory; safety of identifier; compulsory presentation for identification.

The article reveals a complex of problems associated with the implementation of tactics of presenting a person for identification in crime investigations. The range of problems affects methodological, forensic, and criminal procedural aspects. The object of the study was the effectiveness of the practice of implementing the tactical potential of the investigative action of presenting a person for identification. In the study, the following general scientific methods were used: analysis, synthesis, systemic and structural. The following specific scientific methods were also used: modeling, statistical analysis, comparative historical, expert assessment. The article contains the following conclusions. Differentiation of tactical techniques depending on the procedural status of the identifying person is the main vector for the development of the tactical potential of the investigative action under consideration. At the same time, one can agree that the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation only slightly changed the wording, without introducing anything fundamentally innovative in tactical terms. In the present period, research into the forensic nature of presenting a person for identification is dominant, aimed at developing tactical practices for conducting new types of identification (by smell, voice, etc.). A significant part of the authors of scientific studies believe that the presentation of a person for identification often depends on the success of an investigation in many criminal cases. Other researchers believe that the presentation of a person for identification is an investigative action with a tactically dubious result. In our opinion, both sides present fair arguments. Therefore, in order to neutralize the position of the second group of authors, it is necessary to develop new types of presentation for identification. In the forensic theory, an undifferentiated procedure for organizing the procedure for presenting a person for identification (independent of the procedural position of the identifier) was developed and is still considered the most rational. The most “disenfranchised” participants in the criminal process are the victim and, especially, the witness as a legally oriented, conscientious figure obliged to give truthful testimony, disregarding the issues of ensuring personal safety, not caring either about their family members or those close to them. The traditional formulations of criminal procedural norms regulating the freedom of choice of actions of an identifiable person in an investigative action, in fact, do not carry freedom of choice. In some cases, there is an undeniable expediency of re-presentation for identification. The article describes both of these cases.

REFERENCES

1. Manannikov, A.S. (2014) Sovremennye voprosy pred'yavleniya dlya opoznaniya v sudebnom sledstvii [Modern issues of identity parade in a judicial investigation] *Pedagogicheskoe obrazovanie na Altai*. 2. pp. 457–458.
2. Garant. (1960) *The Criminal Procedure Code of the RSFSR of 27.10.1960 (Expired)* [Online] Available from: <https://base.garant.ru/3975252/>. (Accessed: 12.09.2021). (In Russian).
3. Consultant Plus. (2001) *The Criminal Procedure Code No. 174-FZ of the Russian Federation of December 18, 2001*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481. (Accessed: 12.09.2021).
4. Volochay, S.N. & Shepeleva, Yu.L. (2015) Pred'yavlenie dlya opoznaniya: puti sovershenstvovaniya protsessy proizvodstva [Identity parade: ways to improve the production process]. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 2(57). pp. 100–102.
5. Alenin, A.P. (2005) Taktika pred'yavleniya dlya opoznaniya po delam o nezakonnom oborote narkoticheskikh sredstv [Tactics of presentation for identification in cases of illegal drug trafficking]. *Narkokontrol'*. 1. pp. 8–16.
6. Kazinskaya, S.N. (2015) Pred'yavlenie litsa dlya opoznaniya pri rassledovanii moshennichestva [Presentation of a person for identity parade in the investigation of fraud]. *Gumanitarnye i obshchestvennye nauki: opyt, problemy perspektivy*. 1. pp. 76–81.
7. Bartenev, E.A. (2014) Tactical features presented for identification in terms of risk and protection evidentiary information. *Yuridicheskaya nauka i praktika*. 1 (10). pp. 78–83. (In Russian).
8. Komissarov, V.I. (2001) Identification lineup and interrogation of identifying persons in a criminal trial. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 4 (237). pp. 170–176. (In Russian).
9. Stepanenko, D.A. (2006) Sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya sistemy printsipov pred'yavleniya dlya opoznaniya [The current state and trends in the development of the system of principles of presentation for identification]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Pravo – Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 7 (5). pp. 179–183. (In Russian).
10. Lozovskiy, D.N., Lozovskaya, N.N. & Sankin, A.I. (2018) Features of production of presentation for identification in the conditions excluding visual supervision of the identifying. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki – Humanities, Social-economic and Social Sciences*. 12. pp. 121–123. (In Russian). DOI: 10.23672/SAE.2018.12.23698
11. Vologina, E.V. (2016) Organizatsionno-takticheskie osobennosti pred'yavleniya litsa dlya opoznaniya [Organizational and tactical features of presenting a person for identification]. *Forum. Seriya: Gumanitarnye i ekonomicheskie nauki*. 1 (7). pp. 72–75.
12. Aver'yanova, T.V. & Statkus, V.F. (eds) (2003) *Ekspert. Rukovodstvo dlya ekspertov organov vnutrennikh del* [Expert. Manual for experts of internal affairs bodies]. Moscow: KNORUS, Pravo i zakon.
13. O'Hara, Ch.E. & O'Hara, G.L. (2003) *Fundamentals Of Criminal Investigation*. 7th ed. Springfield, Illinois: Charles C Thomas.
14. Gontar', S.N. (2021) Taktika pred'yavleniya dlya opoznaniya: leksiya po teme 5 [Tactics of presentation for identification: lecture on topic No. 5]. *Stavropol'skiy filial Krasnodarskogo universiteta MVD Rossiyskoy Federatsii* [Stavropol branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. [Online] Available from: https://xn--80ae7bem.xn--d1alsn.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site122/document_file/5_Lek_Taktika_proedyavleniya_dlya_opoznaniya.pdf. (Accessed: 16.09.2021).
15. Chuprina, E.P. (2014) Osobennosti pred'yavleniya dlya opoznaniya zhivykh lits [Features of presentation for identification of living persons]. *Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendentsii*. 7. pp. 150–158.
16. Ozhegov, S.I. (2003) *Slovar' russkogo yazyka: Ok. 53 000 slov* [Dictionary of the Russian Language: Approx. 53000 words]. Moscow: ONIKS 21 vek: Mir i Obrazovanie.
17. Ushakov, D.N. (ed.). (2004) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: Ok. 60 000 slov* [A Large Explanatory Dictionary of the Russian Language: Approx. 60000 words]. Moscow: AST: Astrel'.
18. Shvedov, S.M. (2003) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Minsk: Sovremennoe slovo.
19. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80000 words and phraseological expressions]. Moscow: Azbukovnik.
20. Mikhaylova, Yu.N. (2000) *Informatsionnaya sushchnost' pred'yavleniya dlya opoznaniya i ego takticheskie osnovy* [The informational essence of the identity parade and its tactical bases]. Law Cand. Diss. Saratov.

Received: 28 October 2021

Н.Т. Ведерников, В.Л. Юань, Т.А. Алексеева

БИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Рассматриваются уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты изучения такого сквозного понятия, как личность обвиняемого, свидетеля и потерпевшего. Акцентируется внимание на необходимости анализа биографической информации как одного из способов обеспечения мер безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства. Предлагается формализованная система биографических сведений. Кроме того, сформулирована и обоснована новая формулировка статьи 11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: личность свидетеля; личность потерпевшего; биографические сведения; меры безопасности

Многоаспектность исследования личности. Исследование личности является сквозным вопросом, который интересует как ученых в сфере уголовного процесса, так и ученых-криминалистов [1]. Уголовно-процессуальный аспект изучения биографии личности тесно связан с процессуальным статусом участника судопроизводства: подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и так далее, тогда как криминалистику в большей степени интересует биографический анализ сведений о личности в тактических целях.

Вопрос изучения личности обвиняемого в контексте расследования преступлений относится к числу достаточно исследованных, о чем свидетельствуют работы, связанные с эффективностью решения тактико-криминалистических и уголовно-процессуальных задач [2, 3].

Убежденность некоторых исследователей середины второй половины XX в. в том, что «изучение личности обвиняемого имеет “выход” не только в следственную тактику, но и в другой раздел криминалистики, в методику расследования отдельных видов преступлений» [4. С. 74], базировалась на уверенности, что в тактико-криминалистическом аспекте исследования личности «обречены» на распространенность и успешность. Конечно, результаты изучения личности обвиняемого в тактико-криминалистическом аспекте за последние полвека заметны, однако говорить об их достаточной успешности не приходится. Криминалистам-исследователям ближе все-таки теоретически-нейтральное «копание» (безопасное в плане критики) в природе основных тактико-криминалистических понятий, чем прикладные исследования личности участника расследования. Криминалистическое пространство изучения личности обвиняемого до сих пор является достаточно неопределенным (в основном из-за страхов исследователей перешагнуть «красную нить» границы между криминалистикой и иными науками о человеке), в отличие от уголовно-процессуального изучения рассматриваемой фигуры.

Среди основных аспектов в рамках изучения личности обвиняемого чаще всего выделяются:

1) охрана прав и свобод обвиняемого в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ);

2) обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения (ст. 99 УПК РФ);

3) меры попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению сохранности его имущества (ст. 160 УПК РФ);

4) следственные действия (ст. 174 УПК РФ);

5) назначение наказания (ст. 73, 304, 349 УПК РФ);

6) меры безопасности, применяемые в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (ст. 317.9 УПК РФ).

Безусловно, обвиняемый – центральная фигура в уголовном процессе, в отношении которого проводится расследование, производятся процессуальные действия и в конечном итоге выносятся и исполняются приговор. Вместе с тем обвиняемый не единственный участник уголовного судопроизводства, от работы с которым зависит эффективность расследования уголовных дел на территории Российской Федерации. Немаловажными фигурами также являются потерпевший и свидетель, ценность которых по некоторым категориям уголовных дел и вовсе трудно переоценить. В связи с указанным обстоятельством, закономерным является то, что законодатель ввел ст. 11 УПК РФ, которая среди прочих участников уголовного судопроизводства в первую очередь упоминает именно потерпевшего и свидетеля, их близких родственников, родственников или близких лиц в качестве лиц, в отношении которых суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель принимают меры безопасности.

В ст. 6 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ содержится открытый перечень мер безопасности, которые могут применяться уполномоченными органами и соответствующими должностными лицами в отношении потерпевших, свидетелей и иных лиц, многие из которых существенным образом изменяют их образ жизни. Так, например, п. 4 и 7 ч. 1 ст. 6 указанного Федерального закона в качестве мер безопасности указывают смену места жительства, место работы, учебы и др. Однако все эти меры не могут быть надлежащим образом применены без должной осведомленности о жизни потерпевших и свидетелей, что подводит уголовно-процессуальную

науку к необходимости законодательного закрепления перечня необходимых сведений о личности потерпевших и свидетелей на уровне УПК РФ.

Разумеется, обеспечение мер безопасности потерпевших и свидетелей – это не единственная причина закрепления перечня сведений о личности потерпевших и свидетелей. В той же ст. 11 УПК РФ приводится множество ссылок на другие положения, так или иначе связанные с различными стадиями уголовного судопроизводства: контроль и запись переговоров, допрос на стадии предварительного расследования, гласность на стадии рассмотрения уголовного дела в суде, что позволяет сделать вывод о целесообразности введения перечня сведений о личности потерпевших и свидетелей в положения УПК РФ.

Сегодня, в силу явной невыраженности идеологической заданности в исследованиях человеческой личности, следует смелее исходить из того, что носителем качеств и человека, и личности выступает один и тот же субъект. Говоря образно, социальные свойства, характеризующие конкретную личность, могут быть «нанизаны» лишь на человеческую составляющую. Конечно, базовым фактором формирования личности выступают общественные отношения и ее микросреда, что предопределяет появление определенного типа личности. Одновременно со сказанным личность, как конкретный индивид, представляет собой субъект, социальные свойства которого выражаются в относительно уникальном объеме и поразному проявляются вовне.

С позиций современной науки системный подход при исследованиях природы личности весьма перспективен и для целей нашего исследования. Социальная роль определяется обычно как функция, нормативно одобренный образ поведения, ожидаемый от каждого занимающего данную позицию.

Категория социальных ролей и ролевых ожиданий может служить методологическим ключом к пониманию личности. Личность в социальном аспекте изучается как элемент конкретной общественной системы, следовательно, понимание законов развития общества является необходимым условием правильного понимания самой личности. Традиционна установка на то, что деятельность личности определяется в первую очередь ее местом в системе общественных отношений.

Место же личности в системе общественных отношений определяется вхождением ее в различные социальные общности, структурные подразделения общества (класс, нация, социальная группа и т.п.). Факт вхождения личности в ту или иную социальную общность создает определенную позицию (положение, статус) личности, которая требует определенного поведения, предписываемого данной позицией. Это и есть социальная роль личности. Объективно, таким образом, положение личности в обществе можно представить в виде совокупности позиций и вытекающих из них ролей, как «ожидаемого» поведения по реализации той или иной позиции. Криминалистически значимо понимание того, что социальные роли и статусы, в свою очередь, также предопределяют совокупность типовых признаков личности, имеющих вы-

раженную психологическую природу и обладающих яркими поисковыми свойствами. О принципиальной же возможности вычисления определенных биографических фактов из жизни человека на основе знания о ее социальной роли, принадлежности к социальной группе и образа жизни упоминалось в криминологической литературе еще сорок лет назад [5. С. 80].

О месте в исследованиях личности биографического метода. Напомним, что биографический метод основан на идеографическом подходе, поскольку во всех науках, в которых он применяется: истории, литературоведении, психологии и криминалистике, он направлен на познание конкретной личности, однако разница состоит в том, какую деятельность и с какой позиции принято изучать в той или иной науке. Для криминалистической научной традиции характерно изучение личности обвиняемого с акцентом на две составляющие: образ действия (*modus operandi*) и образ жизни (*modus vivendi*).

Сбор сведений о личности в рамках использования биографического метода широко применяется в криминалистической науке, ведь очевидно, что биография личности обвиняемого – это наиболее богатый источник криминалистически значимых данных о его личности [6. С. 127]. По этой причине биографический метод и должен являться основным, поскольку именно в рамках его применения возможно получение большого объема криминалистически значимой информации о личности. Преимущество указанного метода связано с возможностью систематизации данных о лице в хронологическом порядке с выходом на выявление неочевидной информации об этом лице. Сказанное существенным образом повышает актуальность собирания значимых с точки зрения уголовно-процессуальной и криминалистической наук информации о лице – участнике уголовного судопроизводства.

Важность собирания биографических сведений об участниках уголовного судопроизводства заключается в существовании устойчивой взаимосвязи биографии того или иного лица с его психологическими, социальными и биологическими особенностями, которые напрямую влияют на его поведение и определяют характер взаимодействия с ним в рамках расследования уголовных дел. Утверждение о том, что его поведение в рамках уголовного процесса на всех стадиях будет соответствовать тому, которое проявлялось на протяжении всей его жизни, в известной степени отраженной в его биографии, основывается на психологическом гомеостазе личности, которое подчиняет как образ действия (*modus operandi*), так и образ жизни (*modus vivendi*) этой личности и выбор, который он делает на решающих этапах своей жизни формирует в конечном итоге того человека, который вовлекается в орбиту уголовного судопроизводства.

За каждым выбором лица стоит определенный смысл, имеется определенная логика, которую на первый взгляд нелегко разглядеть, однако при наличии достаточной совокупности собранных сведений и при проведении их надлежащего анализа определенная логика начинает прослеживаться и становится понятно, что выбор сделать или не сделать, совер-

шить тот или иной поступок или воздержаться от его совершения, принять или не принять совет от близких о том, куда и на кого пойти учиться, работать, а если принять – довести дело до конца или бросить учебу или работу через какое-то время – является способом организации своей жизни в наиболее удобной для себя форме.

Характерный для изучаемого лица выбор проявит себя в процессе его участия в уголовном судопроизводстве, причем чем больший стресс представляет для такого лица факт его вовлечения в расследование уголовного дела, тем наиболее типичными для него будут выбор и принимаемые им решения, поскольку он будет тяготеть к заранее известным и ранее отработанным схемам поведения. Это является ярким и одновременно типовым выражением гомеостаза в поведенческой природе большинства людей, которые в условиях неизвестности будут использовать то, что умеют и знают лучше всего, избегая риск с высокой вероятностью ведущий к стрессовому состоянию.

Вся собираемая информация о личности не может быть названа излишней, а дискуссии о существовании некоторых пределов допустимого изучения личности оставляют за скобками многочисленные прикладные проблемы, возникающие в правоприменительной практике при расследовании уголовных дел, когда даже самая незначительная на первый взгляд деталь оказывается ключевой, поскольку на этапе предварительного расследования еще пока не очевидно, какие данные об изучаемом лице могут сыграть свою роль.

Можно утверждать, что на первоначальном этапе расследования на первый план не выдвигается вопрос о предварительной оценке значимости и информативности тех или иных фактов об изучаемом лице, который бы заранее предreshал нужность собираемых в единую картину сведений. Следует отметить, что при этом актуальной является задача собрать достаточно большой объем сведений, а их ценность будет анализироваться уже позже на последующих этапах расследования.

В УПК РФ встречаются различные по объему перечни биографических сведений об участниках уголовного судопроизводства (в основном об обвиняемом), которые следует указывать в тех или иных процессуальных актах (ст. 174, 204, 265, 304 и др.). Вместе с тем для целей сбора наиболее полного систематизированного и точного объема сведений о личности потерпевшего и свидетеля авторы статьи предлагают формализованную систему биографических сведений, включающую в себя три основных блока сведений о личности потерпевшего и свидетеля:

1. Группа биологических параметров: 1) дата и место рождения; 2) состояние здоровья и наличие (отсутствие) инвалидности; 3) особые приметы.

2. Группа социальных характеристик: 1) семейное положение, состав семьи; 2) место проживания; 3) место работы или учебы, род занятий или должность; 4) источники и уровень дохода.

3. Группа психологических данных: 1) религиозные взгляды; 2) политические взгляды; 3) спортивный досуг и хобби [7].

Наглядно взаимосвязь биографических сведений о личности потерпевших и свидетелей с решением задач уголовного судопроизводства представлена в таблице.

Связь биографических сведений о личности потерпевших и свидетелей с решением задач уголовного судопроизводства

Биографический факт	Факторы, определяющие необходимые меры безопасности в отношении свидетелей и потерпевших	Следственные действия, в тактике которых биографический факт системообразующий
1. Дата и место рождения	Степень психологической зрелости	Все следственные действия
2. Состояние здоровья и наличие (отсутствия) инвалидности	Мобильность	Все следственные действия
3. Особые приметы	Степень скрытности и узнаваемости, изменение внешности	Освидетельствование, следственный эксперимент
4. Семейное положение, состав семьи	Жизнь и здоровье близких родственников и близких лиц, мобильность	Обыск, выемка, допрос, очная ставка
5. Место проживания	Мобильность, степень скрытности и узнаваемости, личная охрана и охрана имущества, необходимость и длительность временного помещения в безопасное место	Обыск, выемка
6. Место работы или учебы, род занятий или должность	Изменение места работы (службы) или учебы, степень скрытности и узнаваемости	Обыск, выемка, допрос, очная ставка
7. Источники и уровень дохода	Минимальный уровень привычного комфорта (материальный аспект)	Допрос
8. Религиозные взгляды	Степень скрытности и узнаваемости	Допрос
9. Социально-политические и социально-экономические взгляды	Степень скрытности и узнаваемости	Допрос
10. Спортивный досуг и хобби	Степень скрытности и узнаваемости	Допрос

Таким образом, примерная формулировка поправки, которая может быть внесена в ст. 11 УПК РФ в виде ч. 5 указанной статьи, будет выглядеть следующим образом: «5. Компетентные лица, указанные в части третьей настоящей статьи, вправе получать сведения о дате и месте рождения, состоянии здоровья, особых приметах, семейном положении, составе семьи, месте проживания, месте работы или учебы, роде занятий или должности, источнике и уровне дохода, а также другие данные, касающиеся личности потерпевшего, свидетеля и иных участников уголовного судопроизводства».

Вместе с тем возможен вариант дополнения ч. 3 ст. 11 УПК РФ следующим предложением: «Указанные компетентные лица вправе получать сведения о дате и месте рождения, состоянии здоровья, особых приметах, семейном положении, составе семьи, месте проживания, месте работы или учебы, роде занятий или должности, источнике и уровне дохода, а также другие данные, касающиеся личности потерпевшего,

свидетеля и иных участников уголовного судопроизводства».

Далее рассмотрим криминалистический аспект изучения личности потерпевшего и свидетеля. Выделенные ранее три основных блока сведений о личности потерпевшего и свидетеля могут быть использованы в том числе и в тактико-криминалистических целях при производстве отдельных следственных действий.

Проанализируем указанную гипотезу на примере допроса. Одной из основных криминалистических задач в отношении свидетеля и потерпевшего при допросе является установление психологического контакта [8]. Осведомленность следователя о фактах биографии свидетеля и потерпевшего позволит следователю изучить личность свидетеля и потерпевшего до непосредственного проведения допроса, подготовить вопросы с учетом личностных особенностей, затронуть темы, интересующие допрашиваемого, обсуждение которых даст возможность установить доверительные отношения между следователем и свидетелем либо потерпевшим.

Например, следователь может использовать знание об уровне дохода свидетеля или потерпевшего как тактический прием установления психологического контакта. Для допрашиваемых с низким уровнем дохода актуальными являются темы, затрагивающие проблемы, которые стоят перед ними каждый день – цены на продукты, проживание, одежду, жилищно-коммунальные платежи. Для них свойственна критика действительности, причем виноваты в этом не они сами, а сторонние субъекты: начальник, политики, чиновники и т.д. Недовольство, между тем, не является призывом к действию и переменам, наоборот, служит фактором уверенности, что ничего изменить нельзя, поэтому и делать ничего не стоит.

Людей со средним уровнем дохода, как правило, интересуют две контрастирующие темы – работа и отдых. Однако тема работы должна быть затронута не с точки зрения критики, а с точки зрения развития и возможности перехода к более высокому уровню достатка. Наиболее благоприятная тема для установления психологического контакта в этой группе допрашиваемых – это хобби и путешествия.

Наибольшую проблему представляет допрос лиц с высоким уровнем дохода, так как велика вероятность их подготовки и консультации с адвокатом. В значительной степени для допрашиваемого следователь – это человек, который отнимает у него время. Важно затронуть тему значимости статуса лица, положения в обществе, его вклад в расследование, подчеркнуть значимость времени. Тема работы может быть затронута с точки зрения перспектив развития [9. С. 255–256].

Перспективные направления использования биографического метода анализа личности. Кроме того, одним из тактических приемов производства допроса является проведение следственного действия по месту жительства или месту работы свидетеля или

потерпевшего, что может быть более приемлемо для допрашиваемого и подчеркнет заинтересованность следователя.

Другой криминалистической задачей при производстве следственных действий является выявление недостоверной информации в показаниях лица, что может относиться как к обвиняемому, так и к свидетелю или потерпевшему. Ранее проведенные исследования позволили выявить признаки недостоверности в показаниях допрашиваемых лиц в зависимости от отклонения типовой речевой модели представителей отдельных психологических типов [10]. В настоящее время проведенные нами пилотные исследования позволяют сделать первоначальный вывод о том, что на типовую модель речи конкретного психологического типа могут оказывать влияние также и некоторые социальные роли. Наиболее ярко такую зависимость можно проследить на примере социальных характеристик личности и содержательных особенностей речи, выраженных в речевых символах [11]. Так, с высокой степенью вероятности, на речь человека могут оказать влияние такие параметры, как:

1. Профессиональная деятельность. Лица, работающие на руководящих должностях, занятые в административном аппарате в речи будут использовать символы, характерные для эпилептоида – символы доминирования, подчинения, контроля. Военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов отличают речевые символы, присущие застревающему психологическому типу, такие как дисциплина, порядок, правила. Лицам, занятым в сфере торговли (предприниматели, продавцы и др.), свойственно употребление речевых символов такого психологического типа, как истероид – избранность, исключительность, популярность.

2. Доход. Лица, имеющие источник дохода в бюджетной сфере (государственная или муниципальная служба), характеризуются употреблением слов-символов, присущих конформному психотипу – зависимость, нерешительность. Занятые на договорной основе (работа в частной организации или у индивидуального предпринимателя) используют речевые символы, свойственные для гипертима – активность, авантюризм, движение. Имеющие доход от предпринимательской деятельности, чаще употребляют речевые конструкции, характерные для эпилептоида и истероида.

Типовая речевая модель, дополненная социальными параметрами, на сегодняшний день может служить основой для создания программных алгоритмов по анализу сведений о личности участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, анализ биографической информации до сих пор является одним из основных способов изучения не только личности обвиняемого, но и личности других участников уголовного судопроизводства, раскрывая как уголовно-процессуальное, так и криминалистическое содержание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полстовалов О.В. Об уровнях изучения личности обвиняемого: процессуально-криминалистические аспекты // Российский следователь. 2008. № 3. С. 12–14.

2. Ведерников Н.Т. Избранные труды. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. Т. 3. 250 с.
3. Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Криминалистическое профилирование : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 2020. 514 с.
4. Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого. Томск : Изд-во ТГУ, 1978. 174 с.
5. Антонян Ю.М., Дагель П.С., Дубовик О.Л., Кудрявцев В.Н. Механизм преступного поведения. М. : Наука, 1981. 248 с.
6. Образцов В.А. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений. М. : ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. 397 с.
7. Юань В.Л. Криминалистическая формализация и классификация биографических сведений о личности // Криминалистика: теория и практика : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 374–380.
8. Ахмедшин Р.Л. О понятии и видах психологического контакта и тактике его достижения в ходе следственных действий // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 445. С. 192–196.
9. Алексеева Т.А., Юань В.Л. Отражение сведений об уровне доходов допрашиваемого в его речи и биографии // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2020. Ч. 1. С. 253–256.
10. Алексеева Т.А. Особенности речи представителей отдельных психологических типов, свидетельствующие о лжи при производстве допроса // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 1 (15). С. 21–28.
11. Алексеева Т.А. Криминалистическая характеристика содержательности как структурного элемента устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 159–161.

Статья представлена научной редакцией «Право» 14 ноября 2021 г.

Biographical Analysis of Personalities of Participants in Criminal Proceedings: Criminal Procedural and Forensic Aspects

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 210–214.

DOI: 10.17223/15617793/472/25

Nikolay T. Vedernikov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vedernikovcrim@yandex.ru

Vladimir L. Yuan, West Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: it-rigon@mail.ru

Tatyana A. Alekseeva, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: tanyaalek@yandex.ru

Keywords: personality of witness; personality of victim; biographical information; security measures.

The biographical method of analyzing information about the participants in criminal proceedings remains one of the most significant methods of studying personality both in criminal proceedings and in forensic science. The concept of personality is cross-cutting and is actively explored both in criminal procedure and in forensic science. The object of the research is the set of psychological characteristics that have value from the point of view of forensic science and criminal procedure. The following general scientific methods were used in the study: analysis, synthesis, system-structural. The following specific scientific methods were used in the study: modeling, statistical analysis, comparative historical, expert assessment. Undoubtedly, the accused is the central figure in the criminal process in respect of which the investigation and procedural actions are carried out, and in respect of whom the sentence is ultimately passed and executed. However, in the course of the study, the authors emphasize the need to ensure security measures for victims and witnesses on an equal basis with the accused and identify three main blocks of biographical information about the personality of the victim and the witness: a group of biological, social and psychological parameters. In addition, the authors substantiate the connection of biographical information about the personality of victims and witnesses with the solution of the tasks of criminal proceedings. As one of the conclusions, an amended wording of Article 11 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is proposed in terms of biographical information about the identity of the witness and the victim, which must be clarified during the investigation of the crime. The forensic aspect of studying the biographical information about the personality of the witness and the victim consists in the possibility of conducting individual tactical influence on the indicated participants in criminal proceedings. On the example of the investigative action of interrogation, the significance of biographical information for establishing psychological contact with the participants in investigative actions was analyzed. The authors analyzed a biographical fact, information about the level of income, and revealed patterns of behavior during the interrogation of a witness or a victim depending on this fact. In addition, tactics are proposed for establishing psychological contact with a person, depending on the level of their income.

REFERENCES

1. Polstovalov, O.V. (2008) Ob urovnyakh izucheniya lichnosti obvinyayemogo: protsessual'no-kriminalisticheskie aspekty [On the levels of studying the identity of the accused: procedural and criminalistic aspects]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian judge*. 3. pp. 12–14. (In Russian).
2. Vedernikov, N.T. (2019) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
3. Akhmedshin, R.L. & Akhmedshina, N.V. (2020) *Kriminalisticheskoe profilirovanie* [Criminal Profiling]. Moscow: Yurayt.
4. Vedernikov, N.T. (1978) *Lichnost' obvinyayemogo i podsudimogo* [The Identity of the Accused and the Defendant]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Antonyan, Yu.M. et al. (1981) *Mekhanizm prestupnogo povedeniya* [Mechanism of Criminal Behavior]. Moscow: Nauka.
6. Obratsov, V.A. (2004) *Kriminalistika: modeli sredstv i tekhnologiy raskrytiya prestupleniy* [Criminalistics: Models of means and technologies of crime detection]. Moscow: IMPE-PUBLISH.
7. Yuan, V.L. (2019) [Forensic formalization and classification of biographical information about the identity]. *Kriminalistika: teoriya i praktika* [Forensic Science: Theory and practice]. Proceedings of the 7th International Conference. Krasnodar. 31 May 2019. Krasnodar: [s.n.]. pp. 374–380. (In Russian).
8. Akhmedshin, R.L. (2019) On the concept and types of psychological contact and the tactics of its establishment in the course of investigative actions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 445. pp. 192–196. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/445/29
9. Alekseeva, T.A. & Yuan, V.L. (2020) [Reflection of information about the income level of the interrogated in his speech and biography]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki* [Actual Problems of Combating Crime: Questions of theory and practice]. Proceedings of the 23d International Conference. Pt. 1. Krasnoyarsk. 2–3 April 2020. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the RF Ministry of Internal Affairs. pp. 253–256. (In Russian).
10. Alekseeva, T.A. (2015) The peculiarities of speech of the representatives of separate psychological types that indicate falsehood during interrogation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 1(15). pp. 21–28. (In Russian).
11. Alekseeva, T.A. (2014) The criminalistic description of richness of content as a structural element of speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 378. pp. 159–161. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/378/27

Received: 14 November 2021

О.В. Воронин

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО НАДЗОРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ

Исследуется организация пенитенциарного надзора прокуратуры с позиции его устройства: организационные принципы; направления реализации; структурные подразделения, осуществляющие надзор. Автор приходит к выводу, что его совершенствование заключается в максимальном охвате направлений надзора за законностью исполнения мер пенитенциарной изоляции, оптимизации их содержания и реорганизации деятельности специализированной прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях.

Ключевые слова: организация пенитенциарного надзора; принудительная изоляция; специализированные органы прокуратуры; пенитенциарная прокуратура

Под пенитенциарным надзором прокуратуры понимается отдельный вид прокурорской деятельности, реализуемый в рамках различных отраслей и направлений деятельности отечественной прокуратуры, направленный на обеспечение законности исполнения мер пенитенциарной изоляции и соблюдения правового положения лиц, в отношении которых эти меры реализуются [1; 2. С. 89–97].

В литературе не существует единых подходов к определению понятия и содержания организации прокурорского надзора. Одни авторы ограничивают его общими основами и принципами, формами и методами организации прокурорской деятельности [3. С. 126–155], другие включают структуру, формы и методы деятельности, кадровый состав [4. С. 13]. Третьи раскрывают детальное содержание организации применительно к конкретным направлениям прокурорской деятельности, уточняя все или отдельные элементы (стороны) организации прокурорского надзора [5]. Четвертые предпочитают вести речь не столько об организации надзора, сколько об организации работы прокурора (прокуратуры) по реализации возложенных на него обязанностей (компетенции) [6. С. 108–148]. Наконец, пятые – ведут речь об организации работы и управления в органах прокуратуры [7. С. 120–136]. В этой связи справедливым представляется суждение о том, что сложность и многообразие элементов, свойств и сторон организации работы прокуратуры не позволяют создать полное и исчерпывающее представление об организации работы прокуратуры любого звена [8. С. 38].

В контексте приведенных подходов термин «организация», как правило, используется для обозначения устройства, создания условий и процесса осуществления прокурорского надзора (деятельности) с целью оптимизации функционирования прокурорской системы по реализации поставленных перед ней целей и задач. В этой связи организацию пенитенциарного надзора в общем виде можно определить как устройство, создание условий и процесс осуществления пенитенциарного надзора с целью обеспечения законности в местах принудительной изоляции.

В науке достаточно детально раскрыты вопросы организации прокурорского надзора в целом и применительно к принудительной изоляции в частности. В этой связи в рамках данного исследования основное

внимание будет сосредоточено на проблеме устройства пенитенциарного надзора прокуратуры.

Организация пенитенциарного надзора как его устройство включает в себя: организационные принципы пенитенциарного надзора; установление направлений реализации пенитенциарного надзора; определение подразделений прокуратуры и должностных лиц прокуратуры (прокуроров), на которые возлагается осуществление пенитенциарного надзора и распределение компетенции и обязанностей между ними.

Поскольку пенитенциарный надзор прокуратуры представляет собой отдельный вид прокурорского надзора, осуществляемого в рамках существующих отраслей прокурорского надзора, его организация строится на основных принципах организации прокурорского надзора с учетом специфики поднадзорной среды: единстве прокурорской системы, централизации, независимости, законности и гласности ее деятельности, а также организационных началах – зональном и предметном разграничении компетенции (объема ее работы). Согласно п. 1 Приказа Генпрокуратуры России от 07.05.2008 г. № 84 (в ред. Приказа Генпрокуратуры России от 21.08.2019 № 583) «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур», основные обязанности по организации прокурорского надзора за исполнением законов в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, при исполнении уголовных наказаний и применении судом принудительных мер медицинского характера возлагаются на прокуроров субъектов Российской Федерации. Пункт 2.2 Приказа № 84 устанавливает компетенцию специализированных прокуратур по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях, действующих на правах районных (межрайонных) с подчинением соответствующим прокурорам субъектов Федерации. В соответствии с п. 2.5 данного Приказа при отсутствии на территории субъекта РФ специализированной прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях соответствующие полномочия по осуществлению надзора возлагаются на территориальных прокуроров – прокуроров городов и районов. Таким образом, ключевые вопросы устройства пенитенциарного надзора разрешаются на уровне региональных прокуратур по зо-

нально-предметному принципу с учетом приоритета территориального начала организации прокурорского надзора. Такой подход является определяющим во всех прокуратурах субъектах Российской Федерации, где указанные начала введены в действие актами региональных прокуроров, и не вызывает серьезных нареканий.

Направления реализации пенитенциарного надзора определяются с учетом предмета и пределов пенитенциарного надзора и основываются на предметно-объектном подходе. В литературе в пенитенциарный надзор, как правило, включают следующие направления: надзор за исполнением законов администрациями СИЗО; надзор за соблюдением прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в СИЗО; надзор за исполнением требований закона об обеспечении в СИЗО режима, изоляции, охраны; надзор за исполнением требований закона при применении к лицам, содержащимся в СИЗО, мер поощрительного характера и дисциплинарного воздействия; надзор за законностью рассмотрения и разрешения предложений, заявлений и жалоб лиц, содержащихся в СИЗО; надзор за исполнением законов в помещениях, функционирующих в режиме СИЗО, а также в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию СИЗО; надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы; надзор за соблюдением исполнением законов при исполнении принудительных мер, назначаемых по решению суда и предполагающих принудительную изоляцию от общества; надзор за соблюдением прав лиц, отбывающих принудительные меры, назначенные по решению суда и предполагающие принудительную изоляцию от общества; надзор за законностью содержанию осужденных в исправительных учреждениях; надзор за соблюдением требований закона об условно-досрочном освобождении, замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания; надзор за законностью деятельности администрации исправительных учреждений по организации исполнения режимных требований; надзор за исполнением законов администрацией исправительных учреждений об обязательном образовании осужденных, материально-бытовом, медико-санитарном обеспечении осужденных; надзор за законностью применения взысканий к осужденным; надзор за соблюдением прав осужденных на обращения; надзор за законностью и своевременностью освобождения осужденных от отбывания наказания; надзор за исполнением законов при исполнении наказания в виде принудительных работ; надзор за исполнением законов администрациями учреждений, исполняющих назначенные судом меры принудительного характера и др. [9. С. 107–155].

Различный правовой характер и содержание принудительной изоляции значительно усложняют попытки предложить универсальную структуру организации пенитенциарного надзора. В этой связи в науке определение направлений его реализации, как правило, идет путем уточнения пределов надзора по субъектам и видам деятельности поднадзорных лиц (охва-

та складывающихся в ходе деятельности поднадзорных лиц правоотношений). В результате организация (устройство) пенитенциарного надзора структурно распадается на многие направления, и их количество в каждом конкретном случае обуславливается глубиной прокурорского надзора применительно к конкретной мере принудительной изоляции и виду учреждения, ее реализующего. Таким образом, основополагающее значение при определении устройства пенитенциарного надзора имеет содержание конкретных мер принудительной изоляции и характер органов и учреждений (мест), их исполняющих. Поэтому в любом случае в устройстве пенитенциарного надзора структурно должны быть выделены направления, охватывающие надзор за законностью реализации всех существующих мер принудительной изоляции и деятельностью органов и учреждений (мест), их реализующих.

Напомним, что к мерам пенитенциарной изоляции относятся: уголовно-процессуальное задержание подозреваемых и лиц по запросам иностранных государств для их последующей экстрадиции; предварительное заключение под стражу; задержание осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания; арест осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания; пожизненное и срочное лишение свободы; арест как мера уголовного наказания; содержание в дисциплинарной воинской части; содержание на гауптвахте в качестве исполнения уголовно-процессуального задержания и (или) предварительного заключения под стражу; принудительное содержание в психиатрическом стационаре специального типа и психиатрическом стационаре специального типа с интенсивным наблюдением; пребывание в контрольно-пересыльных пунктах при исправительных учреждениях и следственных изоляторах; конвой и транспортировка осужденных и иных лиц, отбывающих меры принудительной изоляции; исполнение наказания в виде принудительных работ [10. С. 68–71].

Соответственно, организационно для реализации надзора за законностью исполнения каждой из указанных мер должно быть выделено и разработано отдельное направление в устройстве пенитенциарного надзора. К сожалению, на сегодняшний день не для всех из указанных направлений разрешены эти вопросы. Так, неохваченными (или охваченными не в полной мере) остаются вопросы организации (осуществления) прокурорского надзора за законностью исполнения: задержания подозреваемых; задержания осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания; задержания лиц по запросу иностранных государств с целью их последующей экстрадиции; ареста осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания; содержания на гауптвахте в качестве исполнения уголовно-процессуального задержания и (или) предварительного заключения под стражу; содержания в дисциплинарной воинской части в качестве уголовного наказания; пребывания в контрольно-пересыльных пунктах при исправительных учреждениях и следственных изоляторах; конвоя и транспортировки осужденных и иных лиц, отбывающих меры принудительной изоляции; оперативно-розыскной и уголовно-

процес-суальной деятельности в местах принудительной изоляции [11. С. 256–258].

Другая проблема заключается в разработке оптимальной структуры организации (содержания) пенитенциарного надзора для данных направлений. Высокий уровень организации прокурорского надзора за законностью предварительного заключения и лишения свободы [9. С. 84–111] позволяет использовать отдельные элементы его устройства в качестве моделей.

С учетом требований профильных директив Генерального прокурора РФ [12], в общем виде структура организации прокурорского надзора за законностью принудительной изоляции охватывает вопросы: законности нахождения (водворения) в места принудительной изоляции; соблюдения сроков пребывания (нахождения); соблюдения порядка, режима и условий содержания в местах принудительной изоляции; законности дисциплинарной практики, включая применения мер поощрения; соблюдения порядка рассмотрения и разрешения обращений; соблюдения общих и специальных прав, свобод и законных интересов лиц, отбывающих принудительную изоляцию; законности актов администраций органов и учреждений, исполняющих принудительную изоляцию, их соответствия действующему законодательству; законности освобождения, в том числе досрочного из мест принудительной изоляции; законности проведения оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. В литературе эти направления прокурорского надзора, с учетом положений ст. 32 Закона о прокуратуре, сводят в двум основным: законности нахождения в местах принудительной изоляции, охватывающей в том числе законность водворения (помещения), перемещения и освобождения из мест принудительной изоляции; а также обеспечению соблюдения установленного законодательством правового положения лиц, отбывающих принудительную изоляцию, включающую в себя также порядок и условия ее отбывания [13. С. 14–15]. Кроме того, в рамках каждого направления, как правило, отдельно выделяются вопросы, связанные с проведением проверок в соответствующих органах и учреждениях. Отмеченные элементы вполне могут составить универсальное содержание устройства пенитенциарного надзора и использоваться для разработки соответствующих методик осуществления прокурорского надзора за законностью исполнения принудительной изоляции как в целом, так и для отдельных ее мер.

Как отмечалось выше, ключевые вопросы устройства пенитенциарного надзора разрешаются на уровне региональных прокуратур по зонально-предметному принципу с учетом приоритета территориального начала организации прокурорского надзора. Вместе с тем национальная специфика предполагает активное участие в процессе реализации надзора за законностью исполнения принудительной изоляции специализированной прокуратуры – прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях.

В науке встречается мнение об отсутствии необходимости в современных условиях в существовании специализированных прокуратур, поскольку их нали-

чие в настоящий момент представляет собой рудимент советской системы и не отвечает современным потребностям организации прокурорского надзора.

Действительно образование и существование отдельных специализированных прокуратур во многом обуславливались прежней организацией прокурорского надзора, направленного на охват всех сфер государственной, общественной и хозяйственной жизни общества и государства. С учетом того, что существовала необходимость надзора в сферах деятельности (правовых отношениях), не зависящих от административно-территориального деления страны, возникала необходимость в создании специализированных органов и учреждений прокуратуры, призванных осуществлять надзор за хозяйственными и государственно-правовыми структурами, функционирующими вне зависимости от административно-территориального устройства. Такие специализированные прокуратуры организовывались и осуществляли свою деятельность с учетом принципов функционирования соответствующих поднадзорных структур: транспортные прокуратуры – по линейному началу организации деятельности основного вида транспорта – железнодорожному; военные – по принципу дислокации вооруженных сил. Их функционирование служило одной из оптимальных форм реализации зонально-предметного принципа организации работы органов прокуратуры в специфических сферах государственной, общественной и хозяйственной жизни общества и государства. С их помощью наилучшим образом достигался необходимый уровень правомерного состояния поднадзорной среды, которого территориальные прокуратуры не могли должным образом обеспечить.

Существование таких специализированных прокуратур в настоящий момент (действующих по «производственному принципу» [14. С. 84–85]) полностью обусловлено организацией современного прокурорского надзора. С учетом сохранения за ним определяющего положения в системе функций отечественной прокуратуры, охвата деятельности подавляющего большинства органов, учреждений и должностных лиц, осуществляющих публичное управление, представляется неоправданной полная ликвидация специализированных прокуратур такого типа. Их упразднение или реорганизация возможны лишь в случае существенного изменения организации прокурорского надзора в целом либо упразднения (изменения) характера или содержания деятельности поднадзорных структур, как это произошло, например, с прокуратурами войсковых частей в 1990-х гг., фактически утратившими статус спецпрокуратур и превратившимися в прокуратуры ЗАТО, приравненные к соответствующим территориальным прокуратурам, в связи с изменением роли военно-промышленного комплекса в экономике страны.

Сложнее обстоит вопрос со специализированными прокуратурами, образуемыми и действующими наряду с территориальными в тех регионах, где последние в не состоянии обеспечить надлежащее состояние законности в определенных сферах в силу специфики поднадзорного объекта, большой значимости его дея-

тельности для соответствующего региона или, в исключительных случаях, широкого распространения нарушения законов в определенной области общественных отношений. В свое время по такому принципу была организована работа прокурора по трудовым делам (в 1920-х гг. в двадцати наиболее экономически развитых губерниях РСФСР), прокуратуры на Северном Кавказе (во второй половине 1990-х гг.), Кемеровской межрайонной прокуратуры по надзору за исполнением законов в угледобывающей отрасли (так называемой угольной прокуратуры, образованной в 2010 г.). Деятельность таких специализированных прокуратур может быть ограничена определенным периодом или достижением поставленных перед ними задач, и в этом смысле возможна постановка вопроса о целесообразности их существования в конкретных социально-экономических условиях.

К последнему типу специализированных прокуратур как раз и относятся прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях. Основная их масса осуществляет свою деятельность на правах межрайонных прокуратур с подчинением соответствующим прокурорам субъектов Российской Федерации и фактически представляет собой специализированное звено первичного территориального органа прокуратуры.

В литературе учреждение и функционирование специализированных органов прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях, как правило, обуславливают необходимостью усиления влияния на состояние законности при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы и иных мер принудительного характера, назначаемых судом [15. С. 50], а также разгрузки работы территориальных органов прокуратуры [13. С. 36]. Представляется, что их деятельность в большей степени обусловлена спецификой организации и деятельности отечественной уголовно-исполнительной системы и мест принудительной изоляции, предполагающей большую организационную, хозяйственную и правовую автономию, высокий уровень концентрации исправительных учреждений и мест принудительной изоляции в некоторых регионах и административно-территориальных единицах, особенностями их дислокации, а также отдельными историческими традициями организации прокурорского надзора. С учетом изложенных особенностей вести речь об упразднении специализированных прокуратур по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях в отсутствие кардинального изменения организации и деятельности уголовно-исполнительной системы и мест принудительной изоляции не представляется возможным.

Существование специализированных прокуратур по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях в действующем формате действительно может вызвать ряд обоснованных упреков. Так, организация их деятельности существенно не менялась практически с момента их учреждения в начале 1980-х гг. Фактическое ограничение их компетенции надзором за деятельностью исправительных учреждений, включающей надзор за законностью пребывания в иных

местах принудительной изоляции, способствует формированию неадекватного представления о рудиментарном характере отечественной уголовно-исполнительной системы, ее несоответствии реальному состоянию развития гражданского общества и провозглашенных в Конституции РФ приоритетов построения правового государства, и как следствие необоснованной постановке вопроса о необходимости существования специализированных прокуратур по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях в современных условиях вообще.

В этой связи для повышения эффективности деятельности спецпрокуратур по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях необходимо:

Во-первых, расширить компетенцию таких прокуратур, возложив на них дополнительно обязанности по осуществлению надзора не только за законностью содержания в исправительных и лечебно-профилактических учреждениях уголовно-исполнительной системы, но также во всех прочих местах лишения свободы и принудительной изоляции от общества (пениitenciарной изоляции) за исключением гауптвахт и воинских дисциплинарных частей.

Во-вторых, при сохранении общих принципов организации их работы в целом определить регионы, где их деятельность в силу невысокого уровня концентрации исправительных учреждений и мест принудительной изоляции представляется излишней, упразднить такие спецпрокуратуры и передать отдельные полномочия по надзору за законностью исполнения принудительной изоляции территориальным органам прокуратуры.

В-третьих, реорганизованные специализированные прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях переименовать в пениitenciарные прокуратуры в связи с изменением предмета их надзора; несоответствием содержания термина «исправительные учреждения», используемого в профильных директивах Генпрокуратуры России, уголовно-исполнительному законодательству; а также неоднозначному пониманию в науке понятия «соблюдения законов».

В-четвертых, в директивах Генпрокуратуры России более рельефно выделить направления надзора, связанные с обеспечением правового положения лиц, отбывающих принудительную изоляцию от общества. Таким образом, отвечая на вопрос о необходимости существования специализированных прокуратур по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях, можно заключить следующее: упразднение таких спецпрокуратур в современных условиях представляется необоснованным, они должны продолжить свою деятельность, но в реорганизованном с учетом высказанных предложений виде.

Таким образом, совершенствование устройства пениitenciарного надзора заключается в максимальном охвате направлений осуществления прокурорского надзора за законностью исполнения мер пениitenciарной изоляции, оптимизации структуры их организации (содержания) и реорганизации деятельности специализированной прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин О.В. Становление пенитенциарного надзора в России: исторические аспекты. Томск : Изд-во НТЛ, 2010. 144 с.
2. Воронин О.В. Предмет и пределы пенитенциарного надзора прокуратуры // Уголовная юстиция. 2020. № 16. С. 89–97.
3. Крюков В.Ф. Прокурорский надзор : учеб. для вузов. М. : НОРМА, 2006. 784 с.
4. Кливер И.Я. Организационно-правовые основы управления прокурорским надзором в СССР. М., 1991. 138 с.
5. Организация работы городской (районной) прокуратуры: методическое пособие / под общ. ред. С.И. Герасимова. М. : НИИ Проблем укрепления законности и правопорядка, 2001. 297 с.
6. Бессарабов Г.Г. Прокурорский надзор за соблюдением права на свободу совести в учреждениях пенитенциарной системы Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 237 с.
7. Рябцев В.П. Прокурорский надзор: Курс лекций. М. : Норма, 2006. 288 с.
8. Основы организации и управления в органах прокуратуры Российской Федерации : учебник. М. : Ин-т повышения квалификации руковод. кадров Генпрокуратуры РФ, 2005. 336 с.
9. Настольная книга прокурора : в 2 ч. Ч. 2 : практ. пособие / под общ. ред. О.С. Капинус, С.Г. Кехлерова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2020. 434 с.
10. Воронин О.В. О некоторых видах принудительной изоляции от общества, известных российскому законодательству // Уголовная юстиция. 2013. № 2 (2). С. 68–71.
11. Крымов А.А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 637 с.
12. Приказ Генерального прокурора РФ от 16.01.2014 № 6 (в ред. Приказа Генпрокуратуры России от 21.08.2019 № 584) «Об организации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СПС «Консультант Плюс».
13. Сопнева Е.В. Актуальные проблемы прокурорского надзора и расследования преступлений в местах лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 186 с.
14. Российский прокурорский надзор : учебник / под ред. проф. А.Я. Сухарева. М. : Норма (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2001. 384 с.
15. Комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации». С приложением ведомственных нормативных актов / под общ. ред. и с предисл. Генерального прокурора Российской Федерации, Действительного государственного советника юстиции, профессора Ю.И. Скуратова. М. : Норма, 1996. 736 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 20 октября 2021 г.

Selected Issues of Organizing the Domestic Prosecutor's Office Penitentiary Supervision

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 215–220.

DOI: 10.17223/15617793/472/26

Oleg V. Voronin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: organization of penitentiary supervision; compulsory isolation; specialized prosecutor's office; penitentiary prosecutor's office.

The organization of penitentiary supervision in general terms can be defined as creating conditions for penitentiary supervision and implementing it in order to ensure the rule of law in places of forced isolation. The directions of penitentiary supervision are determined taking into account the subject and limits of supervision; they are based on a subject-object approach. Of primary importance in determining the design of penitentiary supervision is the content of specific measures of compulsory isolation and the nature of the bodies and institutions (places) that implement these measures. Therefore, structural directions should be distinguished in the design of penitentiary supervision that cover the supervision over the legality of implementing all existing measures of compulsory isolation and the activities of the bodies and institutions (places) that implement them. To date, the following issues of organization (implementation) of prosecutor's supervision over the legality of implementing penitentiary supervision remain uncovered (or insufficiently covered): detention of suspects; confinement in the guardhouse as the execution of criminal procedural detention and/or preliminary detention; convoy and transportation of convicts and other persons serving compulsory isolation; operational-search and criminal-procedural activities in places of forced isolation, etc. The structure of the organization of supervision over the legality of penitentiary isolation includes: the legality of being in places of compulsory isolation (this covers, inter alia, the legality of placement, relocation, and release) and the ensuring of compliance with the legal status of persons serving compulsory isolation (this also includes the procedure and conditions for serving it). In addition, within each of these areas, issues related to the conduct of prosecutor's inspections are separately identified. The improvement of the design of penitentiary supervision consists in the maximum coverage of the directions of prosecutor's supervision over the legality of the implementation of penitentiary isolation measures, in the optimization of the structure of their organization (content), and in the reorganization of the activities of the specialized prosecutor's office on supervising the observance of laws in correctional institutions.

REFERENCES

1. Voronin, O.V. (2010) *Stanovlenie penitentsiarnogo nadzora v Rossii: istoricheskie aspekty* [The Formation of Penitentiary Supervision in Russia: Historical aspects]. Tomsk: Izd-vo NTL.
2. Voronin, O.V. (2020) The subject and limits of penitentiary supervision of the prosecutor's office. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 16. pp. 89–97. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/16/19
3. Kryukov, V.F. (2006) *Prokurorskiy nadzor* [Prosecutor's Supervision]. Moscow: NORMA.
4. Kliver, I.Ya. (1991) *Organizatsionno-pravovye osnovy upravleniya prokurorskim nadzorem v SSSR* [Organizational and Legal Foundations of the Management of Prosecutorial Supervision in the USSR]. Moscow: [s.n.].
5. Gerasimov, S.I. (ed.). (2001) *Organizatsiya raboty gorodskoy (rayonnoy) prokuratury* [Organization of the Work of the City (District) Prosecutor's Office: Methodical manual]. Moscow: NII Problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka.
6. Bessarabov, G.G. (2010) *Prokurorskiy nadzor za soblyudeniem prava na svobodu sovesti v uchrezhdeniyakh penitentsiarnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii* [Prosecutor's supervision over the observance of the right to freedom of conscience in the penitentiary system of the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Moscow.
7. Ryabtsev, V.P. (2006) *Prokurorskiy nadzor* [Prosecutor's supervision]. Moscow: Norma.

8. Smirnov, A.F. (2005) *Osnovy organizatsii i upravleniya v organakh prokuratury Rossiyskoy Federatsii* [Fundamentals of organization and management in the Prosecutor's Office of the Russian Federation]. Moscow: In-t povysheniya kvalifikatsii rukovod. kadrov Genprokuratury RF.
9. Kapinus, O.S & Kekhlerova, S.G. (eds). (2020) *Nastol'naya kniga prokurora* [The Prosecutor's Handbook]. Pt. 2. 5th ed. Moscow: Yurayt.
10. Voronin, O.V. (2013) On some types of compulsory isolation from society in Russian legislation. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2(2). pp. 68–71. (In Russian).
11. Krymov, A.A. (2015) *Ugolovno-protsessual'naya deyatel'nost' organov i uchrezhdeniy ugolovno-ispolnitel'noy sistemy* [Criminal procedural activity of bodies and institutions of the penal enforcement system]. Law Dr. Diss. Moscow.
12. Consultant Plus. (2019) *Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 6 of January 01, 2014 (as amended by Order of the Prosecutor General's Office of Russia No. 584 of August 21, 2019) "On the organization of supervision over the execution of laws by the administrations of institutions and bodies Executing criminal penalties, pre-trial detention facilities when detaining suspects and accused of committing crimes"*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
13. Sopneva, E.V. (2000) *Aktual'nye problemy prokurorskogo nadzora i rassledovaniya prestupleniy v mestakh lisheniya svobody* [Actual problems of prosecutorial supervision and investigation of crimes in places of deprivation of liberty]. Law Cand. Diss. Moscow.
14. Sukharev, A.Ya. (ed.) (2001) *Rossiyskiy prokurorskiy nadzor* [Russian Prosecutor's Supervision]. Moscow: Norma.
15. Skuratov, Yu.I. (ed.) (1996) *Kommentariy k Federal'nomu zakonu "O prokurature Rossiyskoy Federatsii". S prilozheniem vedomstvennykh normativnykh aktov* [Commentary to the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation". With the supplement of departmental regulations]. Moscow: Norma.

Received: 20 October 2021

АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ В ПОРЯДКЕ УПРОЩЕННОГО (ПИСЬМЕННОГО) ПРОИЗВОДСТВА (ГЛ. 33 КАС РФ)

Проведено сравнение оснований для применения упрощенного производства по нормам АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ. Анализируются изменения, внесенные Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ с учетом разъяснений, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 42. В соответствии с волевым критерием все основания разделены на две группы с указанием подробных условий для установления возможности перехода к упрощенному порядку рассмотрения административного дела. Выявлен ряд проблем по их соблюдению.

Ключевые слова: административное судопроизводство; упрощенное производство; реформа процессуального законодательства; производство по делам, возникающим из публичных правоотношений; Кодекс административного судопроизводства РФ

Введение

Современное состояние процессуального законодательства предлагает достаточно разнообразный выбор процедур по рассмотрению юридических дел. Очевидно, что в последнее время отчетливо прослеживается тенденция повышения доступности правосудия, оптимизации, ускорения и упрощения судопроизводства, поэтому среди имеющихся юридических процедур значимое место занимает упрощенное производство. На протяжении нескольких десятков лет данному виду производства стабильно уделяется пристальное внимание как со стороны законодателя, так и со стороны научного сообщества¹.

Так, впервые введенный в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (АПК РФ) 2002 г. порядок упрощенного производства был воспринят многими учеными и практиками как позитивный шаг к совершенствованию процессуального законодательства и своевременному расширению видов производства. Глава 29 АПК РФ «Рассмотрение дел в порядке упрощенного производства» впоследствии подвергалась существенным изменениям и дополнениям², которые повлияли на ее востребованность и большую эффективность³.

Стоит отметить, что изначально АПК РФ 2002 г. не предусматривал возможности применения упрощенного производства для рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений. Шаг в сторону закрепления такой возможности был сделан за счет принятия Федерального закона «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием упрощенного производства» от 25.06.2012 № 86-ФЗ. С этого момента появилась законодательно обеспеченная возможность применения упрощенной процедуры рассмотрения арбитражными судами не только дел искового производства, но и дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений.

В целях унификации процедур и правил, применяемых арбитражными судами и судами общей юрисдикции, полагаясь на успешный опыт и эффективность упрощенной процедуры рассмотрения арбитражными судами дел⁴, Федеральным законом от

02.03.2016 № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ) был дополнен гл. 21.1 «Упрощенное производство». Подобный законодательный шаг вполне можно оценить как перекрестную рецепцию на пути конвергенции норм ГПК РФ и АПК РФ [1].

Для обеспечения правильного и единообразного применения судами общей юрисдикции и арбитражными судами положений гл. 21.1 ГПК РФ и гл. 29 АПК РФ, для достижения межотраслевой унификации упрощенного производства в гражданском и арбитражном процессах Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.04.2017 № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 10) были даны разъяснения, которые включают в себя 57 пунктов⁵.

Что касается возможности рассмотрения административных дел судами общей юрисдикции в порядке упрощенного производства, то она появилась с момента принятия в 2015 г. Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ) и регламентирована положениями гл. 33 (ст. 291–294.1)⁶. Пленум Верховного Суда Российской Федерации относительно недавно разъяснил правила КАС РФ об упрощенном рассмотрении дел путем принятия Постановления № 42 от 17.12.2020 «О применении норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации при рассмотрении административных дел в порядке упрощенного (письменного) производства» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 42).

Таким образом, институт упрощенного производства нашел законодательное закрепление во всех действующих процессуальных цивилистических кодексах, что, в свою очередь, отражает стремление законодателя оптимизировать порядок рассмотрения юридических дел арбитражными судами и судами общей юрисдикции.

В условиях продолжающегося поиска путей совершенствования судопроизводства, несмотря на постоянное расширение сферы применения упрощенного производства (как на все виды гражданского процесса, так и внутри каждого вида судопроизводства), регулярную работу по совершенствованию процессуального законодательства, должное внимание со стороны научного сообщества к идеям упрощения порядка рассмотрения гражданских и административных дел, тем не менее, стоит констатировать наличие многих проблем, возникающих при применении положений гл. 29 АПК РФ, гл. 22.1 ГПК РФ и гл. 33 КАС РФ.

Применительно к административному судопроизводству одним из важнейших вопросов, требующих детального анализа, является вопрос об определении оснований (возможности) для рассмотрения административных дел в порядке гл. 33 КАС РФ. В статье 291 и положениях ч. 2–5 ст. 292 содержатся нормы, определяющие такие основания. В Постановлении Пленума ВС РФ № 42 п. 2–7, 9 и 11 также содержат разъяснения относительно оснований для рассмотрения административных дел в порядке упрощенного (письменного) производства. Анализ указанных положений и судебной практики позволил обратить внимание на некоторые особенности и проблемы правового регулирования.

Отличный подход законодателя к определению возможности рассмотрения административных дел в порядке упрощенного производства по КАС РФ

Начать анализ оснований для рассмотрения административных дел в порядке упрощенного (письменного) производства в порядке гл. 33 КАС РФ хотелось бы с акцента на том, что законодатель выбрал принципиально иной подход к определению возможности использования правил упрощенного производства в сфере административного судопроизводства, нежели в сфере арбитражного и гражданского судопроизводства.

Исходя из буквального смысла ч. 1 ст. 291 КАС РФ, административное дело может быть рассмотрено в порядке упрощенного производства в случае, если: 1) всеми лицами, участвующими в деле, заявлены ходатайства о рассмотрении административного дела в их отсутствие и их участие при рассмотрении данной категории административных дел не является обязательным; 2) ходатайство о рассмотрении административного дела в порядке упрощенного производства заявлено административным истцом и административный ответчик не возражает против применения такого порядка рассмотрения административного дела; 3) указанная в административном исковом заявлении общая сумма задолженности по обязательным платежам и санкциям не превышает 20 тыс. рублей; 4) в иных случаях, предусмотренных настоящим Кодексом.

В первую очередь обращает на себя внимание формулировка законодателя: административное дело «может быть рассмотрено» в порядке упрощенного (письменного) производства. Представляется, что

здесь речь идет о праве суда, во всех четырех обозначенных случаях, по своему усмотрению выбирать порядок рассмотрения административного дела: либо рассматривать его по правилам гл. 14 КАС РФ в общем (ординарном) порядке, либо по правилам гл. 33 КАС РФ в упрощенном порядке. В пункте 2 Постановления Пленума ВС РФ № 42 также указано право, а не обязанность суда первой инстанции рассмотреть административное дело в порядке упрощенного (письменного) производства.

В то же время в ст. 227 АПК РФ (ч. 1 и 2), а также в ст. 232.2 ГПК РФ (ч. 1), которые устанавливают основания для рассмотрения дел арбитражными судами и судами общей юрисдикции в порядке упрощенного производства, законодатель использует совсем иной подход, перечисляя, какие дела «подлежат рассмотрению» в порядке упрощенной процедуры. Тем самым, в гражданском и арбитражном судопроизводстве законодателем определены условия, при наличии которых происходит автоматический выбор формы. Если спор по формальным признакам относится к перечню дел, установленному в ч. 1 и 2 ст. 227 АПК РФ, ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ, то согласия сторон на его рассмотрение в упрощенном порядке не требуется. Стороны не могут отказаться от рассмотрения дела в данном порядке независимо от того, идет ли речь об истце или об ответчике, лишь потому, что он им по каким-либо причинам кажется непривлекательным. Более того, возможность выбора хода процесса, упрощенного или ординарного, не принадлежит не только сторонам, но и суду [2].

В свою очередь, в сфере административного судопроизводства отмечается [3] большая диспозитивность при отнесении требований к подлежащим рассмотрению в порядке упрощенного производства, чем в гражданском и арбитражном судопроизводстве. По нормам КАС РФ не предусматривается обязательной (императивной) упрощенной процедуры, при этом сама возможность упрощенного производства связана определяющим образом с волеизъявлением сторон либо в некоторых случаях с усмотрением суда. Возможно, именно этим объясняется разница в количестве рассмотренных административных дел в порядке упрощенного производства по нормам КАС РФ (с 2016 г.) по сравнению с количеством административных дел, рассмотренных в порядке упрощенного производства по нормам АПК РФ. Например, в 2020 г. в порядке упрощенного производства по нормам КАС РФ было рассмотрено – 70 044 административных дела, по нормам АПК РФ – 80 442 административных дела⁷.

Кроме того, на количество дел, рассмотренных в порядке упрощенного производства, влияет закрепленная в нормах АПК РФ определенная последовательность («иерархия», «цепочка») производств (процедур). Так, если требование подлежит рассмотрению в порядке приказного производства, оно не принимается для рассмотрения по правилам обычного (в данном контексте, публичного) производства, а заявление возвращается заявителю на основании п. 2.1 ч. 1 ст. 129 АПК РФ. В свою очередь, дела, перечисленные в п. 2–5 ч. 1 ст. 227 АПК РФ, а при согласии сторон – и иные административные дела рассматриваются арбитражными судами в

порядке упрощенного производства. Но в то же время как указано в Постановлении Пленума ВС РФ № 10, заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства только в случаях: 1) если указанное требование не подлежит рассмотрению в порядке приказного производства; 2) если по указанным требованиям может быть выдан судебный приказ, но в принятии заявления о вынесении (выдаче) судебного приказа по данным требованиям мировым судьей, арбитражным судом было отказано или судебный приказ был отменен. Выходит, что правила ординарной процедуры (публичного производства) по нормам АПК РФ применяются, только если заявленные требования не подпадают под правила гл. 29.1 «Приказное производство» и гл. 29 «Рассмотрение дел в порядке упрощенного производства».

В отличие от норм АПК РФ, в нормах КАС РФ иерархия процедур так отчетливо не прослеживается. Исключение составляют лишь дела приказного производства. Так, исходя из системного толкования ч. 3.1 ст. 1, ч. 1 ст. 123.1, п. 6 ч. 1 ст. 287 КАС РФ, п. 48 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2020) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 36), можно прийти к выводу, что требования о взыскании обязательных платежей и санкций рассматриваются в порядке приказного производства, и только в случае отмены судебного приказа по соответствующему заявлению должника может быть предъявлен административный иск о взыскании обязательных платежей и санкций в порядке гл. 32 КАС РФ. Что же касается всех остальных категорий административных дел, то они подлежат рассмотрению либо по правилам искового производства, либо по правилам упрощенного производства (по сути, факультативного), если подпадают под основания, предусмотренные гл. 33 КАС РФ.

Самостоятельность и независимость друг от друга оснований для рассмотрения административных дел в порядке упрощенного производства по КАС РФ

Анализируя положения ч. 1 ст. 291 КАС РФ, следует обозначить, что перечисленные случаи, при наличии которых административное дело может быть рассмотрено в порядке упрощенного производства, применяются самостоятельно, независимо друг от друга. Данный вывод подтверждается также разъяснениями, содержащимися в п. 2 Постановления Пленума ВС РФ № 42. Таким образом, ст. 291 КАС РФ предоставляет суду несколько альтернативных оснований для возможного, но не обязательного перехода к рассмотрению административного дела по правилам упрощенного судопроизводства.

Отсутствие четкого перечня категорий административных дел, которые могут быть рассмотрены в порядке главы 33 КАС РФ

Сравнительный анализ положений гл. 29 АПК РФ, гл. 22.1 ГПК РФ и гл. 33 КАС РФ позволяет сформу-

лировать вывод об отсутствии в КАС РФ конкретного перечня категорий административных дел, которые могут быть рассмотрены в порядке упрощенного производства. Следовательно, потенциально любая категория административных дел (за исключением перечисленных в ч. 2 ст. 291 КАС РФ), при наличии одного из условий, указанных в п. 1, 2 ч. 1 ст. 291, ч. 7 ст. 150 КАС РФ, может стать предметом упрощенного производства. Тем самым, законодатель избрал путь по определению возможности рассмотрения административных дел в порядке гл. 33 КАС РФ без привязки к существу спора, но в то же время полагаясь на волеизъявление заинтересованных в исходе дела лиц или усмотрение суда.

Разделение административных дел на группы для определения возможности перехода к упрощенной процедуре

Исходя из того, что по нормам КАС РФ предусмотрены исключительно случаи факультативного упрощенного производства, сама возможность перехода к рассмотрению дела по правилам гл. 33 обусловлена либо волеизъявлением заинтересованных в исходе дела лиц, либо усмотрением суда. На основании указанного волевого критерия, разделим все основания для рассмотрения административных дел в порядке упрощенного производства на 2 группы. К первой группе отнесем административные дела, которые могут быть рассмотрены в порядке упрощенного производства по инициативе или с согласия заинтересованных в исходе дела лиц. Ко второй группе отнесем те административные дела, по которым применение упрощенного порядка не зависит от воли лиц, участвующих в деле, но в случаях, прямо указанных в законе, зависит от усмотрения суда.

К первой группе оснований для рассмотрения административных дел в порядке упрощенного производства относятся случаи, перечисленные в п. 2 ч. 1 ст. 291 и в ч. 5 ст. 216 КАС РФ.

Во-первых, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 291 КАС РФ, административное дело может быть рассмотрено в порядке упрощенного (письменного) производства в случае, если ходатайство о рассмотрении административного дела в порядке упрощенного (письменного) производства заявлено административным истцом и административный ответчик не возражает против применения такого порядка рассмотрения административного дела.

Перечислим совокупность условий, которые должны быть соблюдены при применении данного основания.

1. Наличие ходатайства административного истца о рассмотрении административного дела в порядке упрощенного производства.

Ходатайство административного истца может быть заявлено как в административном исковом заявлении, так и в самостоятельном документе, прилагаемом к нему. Также такое ходатайство может быть подано административным истцом на стадии подготовки дела к судебному разбирательству или заявлено в предварительном судебном заседании и занесено в протокол.

Отсутствие в материалах административного дела ходатайства административного истца о рассмотрении его в порядке упрощенного производства лишает суд возможности применять правила гл. 33 КАС РФ и по своей инициативе предлагать административному ответчику представить возражения против применения такого порядка рассмотрения административного дела. Таким образом, инициатором выбора порядка рассмотрения дела в порядке гл. 33 КАС РФ является исключительно административный истец. У административного ответчика при этом есть исключительное право вето, однако у него нет права самому обратиться с ходатайством к суду о рассмотрении административного дела в порядке упрощенного производства. В то же время в судебной практике встречались случаи, когда суд после принятия административного искового заявления к своему производству выносил определение о подготовке дела к судебному разбирательству, указывая в нем по собственной инициативе (в отсутствие ходатайства административного истца) на возможность рассмотрения дела в упрощенном порядке и устанавливая административному ответчику срок для представления возражений относительно применения такого порядка⁸.

Если административным истцом ходатайство на основании ч. 2 ст. 291 КАС РФ не заявляется, то у административного ответчика отсутствует возможность с ним ознакомиться и, как следствие, выразить согласие либо возражение относительно применения такого порядка рассмотрения административного дела. Поэтому, как показывает судебная практика, в тех случаях, когда суд в отсутствие ходатайства административного истца переходит к рассмотрению дела в порядке упрощенного производства (в том числе при отсутствии возражений со стороны административного ответчика), в случае обжалования решения суда, вынесенного по правилам гл. 33 КАС РФ, оно отменяется судом вышестоящей инстанции⁹. При таких обстоятельствах суд вышестоящей инстанции приходит к выводу, что у суда первой инстанции отсутствовали правовые основания для рассмотрения дела в порядке упрощенного (письменного) производства.

2. Отсутствие препятствий для рассмотрения дела в порядке упрощенного производства.

После получения ходатайства административного истца суд должен определить возможность рассмотрения дела в порядке упрощенного производства. Во-первых, суд должен убедиться в том, что данная категория дел не входит в перечень тех дел, которые, согласно ч. 2 ст. 291 КАС РФ, не могут рассматриваться по правилам упрощенного производства (речь идет об административных делах, предусмотренных главами 24, 28–31.1 Кодекса). Во-вторых, с учетом положений, закрепленных в КАС РФ, о невозможности рассмотрения административного дела в отсутствие лиц, участвующих в деле, их представителей, если их участие в силу прямого указания в законе или признании этого судом является обязательным, применение упрощенного (письменного) порядка рассмотрения административного дела в таких случаях исключается. Например, суд может признать обязательной явку в судебное заседание представителей органа, органи-

зации, лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, принявших оспариваемое решение либо совершивших оспариваемое действие (бездействие) (ч. 7 ст. 226 КАС РФ), тогда, вне зависимости от желания сторон, дело будет рассмотрено в общем порядке.

3. Вынесение судом определения с указанием на возможность применения правил упрощенного (письменного) производства и установление административному ответчику десятидневного срока для представления в суд возражений относительно применения этого порядка.

В соответствии с ч. 2 ст. 292 КАС РФ, п. 4 Постановления Пленума ВС РФ № 42 судья выносит подлежащее направлению лицам, участвующим в деле, определение (определение о принятии административного искового заявления к производству, о подготовке административного дела к судебному разбирательству, о принятии административного искового заявления к производству и подготовке административного дела к судебному разбирательству), которое должно содержать: 1) сведения о наличии оснований, дающих возможность применения правил упрощенного (письменного) производства по рассматриваемому административному делу; 2) разъяснение того, что возражения относительно применения порядка упрощенного (письменного) производства представляются в суд в десятидневный срок со дня получения копии определения.

Переход к рассмотрению дела в порядке упрощенного производства возможен лишь после вынесения указанного выше определения и направления его лицам, участвующим в деле. Неполучение административным ответчиком направленной ему копии названного определения по обстоятельствам, зависящим от него, в том числе в связи с отказом от его получения, само по себе не служит препятствием для рассмотрения административного дела в порядке упрощенного производства. Риск последствий неполучения юридически значимых сообщений, доставленных по надлежащему адресу, по смыслу положений ч. 1 ст. 165.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, несет сам адресат. В этом случае суд вправе перейти к рассмотрению административного дела в порядке упрощенного производства после получения доказательств отказа административного ответчика от получения соответствующего почтового отправления либо доказательств возвращения данного почтового отправления ввиду истечения срока его хранения (ст. 100 КАС РФ). Следует согласиться с позицией, что при аналогичных обстоятельствах рассмотрение дела в порядке упрощенного производства также допускается, если из материалов дела следует, что административный ответчик знает о начавшемся процессе, о чем свидетельствуют документы о вручении ему административным истцом копии искового заявления, иные доказательства, подтверждающие уведомление ответчика о судебном разбирательстве [4]. Вместе с тем неполучение копии данного определения по независящим от административного ответчика обстоятельствам судами обоснованно расценивается как препятствие для рассмотрения административного дела в порядке упрощенного производства¹⁰.

С целью информирования участников административного дела о наличии спора, а также для обеспечения реализации ими прав, предусмотренных ст. 45 КАС РФ, в том числе права административного ответчика на представление доказательств, имеющих существенное значение для разрешения спора, на суд возложена обязанность направления копии определения лицам, участвующим в деле. Нормы гл. 33 КАС РФ, регулирующие процедуру рассмотрения административных дел в порядке упрощенного производства, не содержат исключения из вышеприведенного общего правила извещения участников судебного разбирательства о принятии иска к производству и возбуждения дела в суде.

Стоит отметить, что обязанность суда по направлению вышеуказанного определения по своей правовой природе тождественна обязанности суда извести административного ответчика о принятом административном иске, праве административного ответчика представить возражения на него, а также извести о времени и месте судебного заседания¹¹.

При принятии административного иска в порядке упрощенного производства суд должен обеспечить административному ответчику возможность защиты против административного иска. При этом процессуальный закон предусматривает фактически обязанность суда вынести решение только после получения достоверных сведений о том, что административный ответчик осведомлен о наличии дела в суде, имел достаточное время (не менее десяти дней с момента получения определения) для представления возражений на административный иск и документов в их обоснование.

Отсутствие в материалах дела доказательств, подтверждающих вынесение определения и (или) отправку копии вышеуказанного определения в адрес административного ответчика и получение им такой копии, расценивается судом вышестоящей инстанции как неисполнение судом первой инстанции обязанности по извещению административного ответчика о наличии спора в суде, равно как и несоздание условий для реализации возможности представления возражений на административный иск¹². Это, в свою очередь, является безусловным основанием для отмены решения суда в апелляционном порядке (п. 2 ч. 1 ст. 310 КАС РФ) и направления административного дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции (п. 3 ст. 309 КАС РФ)¹³.

Отмену судебного решения влечет также неисполнение судом обязанности по установлению в вышеуказанном определении срока для представления административным ответчиком возражений относительно рассмотрения дела по правилам гл. 33 КАС РФ¹⁴. Также не подлежит применению упрощенный порядок рассмотрения дела при непоступлении от ответчика возражений в установленные сроки при отсутствии у суда информации о получении им копии определения о подготовке дела к судебному разбирательству либо при наличии информации о несвоевременном получении копии определения, лишаящем ответчика возможности подать возражения в установленные сроки.

Если суд переходит к рассмотрению дела в порядке упрощенного производства в отсутствие данных о

надлежащем извещении административного ответчика о времени и месте рассмотрения дела и без учета положений, предусмотренных ч. 2 ст. 292 КАС РФ, это свидетельствует о нарушении судом норм процессуального права, которое лишает административного ответчика возможности участвовать в рассмотрении дела, давать объяснения, представлять возражения относительно существа заявленных требований и доказательств в их обоснование, принимать участие в их исследовании, т.е. ограничивает права, предусмотренные положениями ст. 14, 45 КАС РФ¹⁵.

4. В соответствии с ч. 4 ст. 292 КАС РФ, а также исходя из разъяснений, изложенных в п. 4 Постановления Пленума ВС РФ № 42, еще одним из условий для перехода к рассмотрению дела в порядке упрощенного (письменного) производства является истечение срока, установленного судом, административному ответчику для представления возражений относительно применения порядка упрощенного (письменного) производства.

Совершенно справедливо отмечается в литературе [4], что в законе не определено, с какого дня необходимо исчислять десятидневный срок, устанавливаемый судом для предоставления возражений административным ответчиком: со дня вынесения определения о подготовке, в котором устанавливается данный процессуальный срок, либо со дня получения копии определения административным ответчиком¹⁶. При анализе двух этих вариантов исчисления срока можно отметить как положительные, так и отрицательные моменты.

Если начало течения срока связывать с датой получения административным ответчиком копии определения о подготовке дела к судебному разбирательству, то это позволит гарантировать права административного ответчика. Логично, что, исходя из принципов состязательности и процессуального равноправия сторон, в целях защиты интересов административного ответчика, для исчисления указанного срока нужно отталкиваться от даты получения административным ответчиком копии определения о подготовке дела к судебному разбирательству, в котором данный срок был установлен. Данная позиция поддержана и Верховным Судом РФ в Постановлении Пленума № 42 (п. 4).

В соответствии со ст. 96 КАС РФ лица, участвующие в деле, извещаются судом или вызываются в суд заказным письмом с уведомлением о вручении, судебной повесткой с уведомлением о вручении, телефонограммой или телеграммой, посредством факсимильной связи или с использованием иных средств связи и доставки, позволяющих суду убедиться в получении адресатом судебного извещения или вызова. В соответствии с ч. 3 ст. 96 КАС РФ лицам, участвующим в деле, судебные извещения и вызовы должны быть вручены с таким расчетом, чтобы указанные лица имели достаточный срок для подготовки к административному делу и для своевременной явки в суд.

Нарушение указанных правил объективно не дает возможности административному ответчику реализовать свое право на подачу возражений как относительно применения упрощенного порядка производства по административному делу, так и относительно

сути заявленного административного иска, а также на представление доказательств в обоснование возражений¹⁷. Поэтому неслучайно процессуальный закон предусматривает фактически обязанность суда вынести решение только после получения достоверных сведений о том, что административный ответчик осведомлен о наличии дела в суде, имел достаточное время для представления возражений на административный иск и документов в их обоснование.

Так, отменяя решение суда первой инстанции, вынесенное в порядке гл. 33 КАС РФ, суд апелляционной инстанции установил, что, согласно имеющемуся в материалах дела списку корреспонденции, направленное в адрес административного ответчика определение от 28 апреля 2018 г. прибыло в место вручения 16 мая 2018 г. и только 24 мая 2018 г. выслано обратно отправителю в связи с истечением срока хранения, в связи с чем, по мнению судебной коллегии, суд нижестоящей инстанции необоснованно 18 мая 2018 г. вынес определение о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства¹⁸.

Другой пример отмены решения суда первой инстанции, вынесенного по правилам гл. 33 КАС РФ, связан с тем, что копия определения суда от 19 июля 2019 г. о принятии административного искового заявления и проведении подготовки к судебному разбирательству, которое содержало указание о возможности рассмотрения дела в порядке упрощенного производства и которым срок представления административным ответчиком письменных возражений по существу спора и доказательств установлен до 12 августа 2019 г., было направлено в адрес ответчика лишь 7 августа 2019 г., т.е. за три рабочих дня до истечения установленного судом срока¹⁹.

Еще по одному из административных дел, рассмотренных судом первой инстанции в порядке упрощенного производства, суд апелляционной инстанции установил, что копия определения судьи о подготовке административного дела к судебному разбирательству получена административным ответчиком 27 ноября 2017 г., что подтверждается почтовым уведомлением и штампом на нем почтовой службы России. Соответственно, срок для представления возражений о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства в силу ч. 2 ст. 292 КАС РФ истекал 7 декабря 2017 г. Вместе с тем дело было рассмотрено судом 4 декабря 2017 г., т.е. до окончания срока для представления возражений²⁰.

Указанные в качестве примеров случаи из судебной практики показывают, что суды апелляционной инстанции единодушны в том, что допущенные нарушения норм процессуального права являются существенными, влекут нарушение конституционного и процессуального права административного ответчика на участие в судебном разбирательстве, на представление возражений и доказательств, обосновывающих возражения.

Второй способ исчисления десятидневного срока, установленного судом, административному ответчику для представления возражений относительно применения порядка упрощенного производства, предполагает возможность отталкиваться не от момента полу-

чения копии определения административным ответчиком, а от момента вынесения этого определения судом. В таком случае административное дело может быть рассмотрено более оперативно. Кроме того, установление такого момента для определения начала течения срока не позволит ответчику злоупотреблять своими правами, например, бездействовать, не получая в отделении почтовой связи судебную корреспонденцию. Учитывая, что законодатель предусмотрел в ч. 5 ст. 292 КАС РФ основание для перехода к рассмотрению дела по общим правилам административного судопроизводства – поступление в суд возражений относительно применения упрощенного порядка производства с нарушением установленных сроков, но до принятия решения, следует предположить, что это может свидетельствовать о попытке нивелировать негативные последствия установления достаточно коротких сроков для представления таких возражений. Короткими же их можно назвать только в том случае, если исчисляться они будут с момента вынесения определения о подготовке дела к судебному разбирательству. Также исчисление срока на представление ответчиком возражений с момента вынесения определения позволит соблюсти баланс между интересами административных истцов и ответчиков [4].

5. Не менее важным условием, позволяющим перейти к рассмотрению административного дела по правилам упрощенного производства, является разъяснение административному ответчику последствий непоступления от него возражений относительно применения упрощенного порядка рассмотрения дела.

Так, Свердловский областной суд, отменяя решение Дзержинского районного суда города Нижний Тагил Свердловской области, в апелляционном определении указал, что суду необходимо также разъяснять и существо упрощенного производства, чтобы ответчик осознавал значение представления возражений, если для этого есть основания²¹. При этом наличие письменных возражений по существу заявленных требований, при отсутствии возражений административного ответчика относительно упрощенного порядка рассмотрения дела, не является безусловным основанием для перехода к общему порядку рассмотрения административного дела и не противоречит положениям ст. 291, 292 КАС РФ.

6. В ч. 3 ст. 292 КАС РФ устанавливается, что упрощенный (письменный) порядок производства по административному делу может быть применен, если административный ответчик не возражает против рассмотрения административного дела в таком порядке. Следовательно, еще одним условием для перехода к рассмотрению дела по правилам гл. 33 КАС РФ является отсутствие возражений со стороны административного ответчика или же его согласие на упрощенное производство.

В пункте 4 Постановления Пленума ВС РФ № 42 разъяснено, что возражения административного ответчика относительно рассмотрения административного дела в данном порядке являются безусловным препятствием для такого рассмотрения. Другими словами, волеизъявление стороны в силу диспозитивности процесса в такой ситуации определяющее для выбора формы производства.

Необходимость выяснения мнения административного ответчика относительно перехода к упрощенному порядку является гарантией реализации его прав. Негативный потенциал упрощенного производства, связанный с возможностью нарушения центральных принципов судопроизводства, препятствующий полноценной защите своих прав, должен быть нивелирован предоставлением возможности административному ответчику влиять на выбор процедуры рассмотрения дела с его участием.

Вместе с тем законодатель не раскрывает значения фразы «административный ответчик не возражает», поэтому можно предположить, что форма выражения согласия или же, наоборот, возражений относительно упрощенного порядка рассмотрения административного дела может быть разной: активной или пассивной.

Во-первых, административный ответчик может явно согласиться с предложенным порядком. Это может быть выражено, например, в возражениях на административное исковое заявление или же оформлено документально, т.е. выражено административным ответчиком в письменном заявлении, направляемом суду.

Во-вторых, исходя из анализа положений п. 3 и 4 ст. 292 КАС РФ, административный ответчик может молча согласиться на упрощенное производство, не представляя каких-либо возражений. Молчание ответчика в пределах установленного срока рассматривается судом как согласие на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства [5]. Другими словами, в данном случае законодатель во главу угла ставит принцип, отраженный в поговорке: «Молчание — знак согласия».

В рамках гражданского и арбитражного судопроизводства избран иной подход к форме выражения согласия на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства. В частности, в п. 15 Постановления Пленума ВС РФ от 18.04.2017 № 10 говорится о необходимости получения согласия другой стороны либо представления в суд согласия сторон на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства, предложенное по инициативе суда (п. 5.1 ч. 1 ст. 150, ст. 152, ч. 2 ст. 232.2 ГПК РФ, ч. 3 ст. 135, ч. 3 ст. 227 АПК РФ). При этом согласие сторон на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства должно быть очевидным, например, следовать из письменного либо зафиксированного в протоколе заявления сторон. Более того, отсутствие возражений сторон в отношении предложения суда о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства само по себе не является согласием на рассмотрение дела в таком порядке. К сожалению, в гл. 33 КАС РФ не использован подобный опыт регулирования упрощенного производства, хотя это позволило бы сделать его применение более эффективным.

Форма возражений против использования упрощенной процедуры рассмотрения административного дела, в отличие от согласия, предполагает единственный вариант поведения со стороны административного ответчика — активный. Возражения должны быть выражены последним с представлением их в письменной форме в установленный судом десятидневный срок. Хотя в судебной практике встречались ситуа-

ции, когда во исполнение определения суда административный ответчик направлял в суд возражения по заявленным требованиям и при этом ходатайствовал об отложении рассмотрения дела по существу и назначении даты судебного заседания на более поздний срок, тем самым изъявляя желание участвовать в судебном заседании. Однако, несмотря на это, суд рассматривал дело в порядке упрощенного производства²². Получается, суд необоснованно оценил ситуацию, посчитав возможным применить нормы гл. 33 КАС РФ ввиду отсутствия от административного ответчика явно выраженных возражений относительно упрощенного порядка.

Бывают случаи, когда суд при решении вопроса о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства входит в противоречие с собственной же позицией, изложенной в определении о подготовке дела к разбирательству, заключающейся в том, что, предложив административному ответчику определить свое отношение по отношению к форме рассмотрения дела (письменной либо устной), суд игнорирует запрошенное им же мнение стороны. Это касается случаев, когда при наличии со стороны административного ответчика явно выраженных возражений против упрощенного порядка рассмотрения административного дела, судом выносится определение о рассмотрении дела в упрощенном порядке и принимается решение об удовлетворении иска²³.

Важно отметить, что законодатель не требует обоснования возражений административного ответчика, поэтому суду достаточно просто наличия возражений, чтобы перейти к рассмотрению дела по общим правилам административного судопроизводства. Следовательно, обязанности по оценке обстоятельств, по которым административный ответчик возражает относительно рассмотрения дела в упрощенном производстве, при решении вопроса о вынесении определения о рассмотрении дела по общим правилам административного судопроизводства, суд не имеет.

Поскольку в определении суда о подготовке к рассмотрению административного дела суд должен также указать на обязанность административного ответчика представить возражения относительно предъявленных требований (по существу), то их наличие (в отсутствие возражений относительно упрощенного производства) не влечет невозможность рассмотрения дела в порядке упрощенного производства²⁴.

Впрочем, в случае, если возражения относительно применения упрощенного (письменного) порядка производства по административному делу все-таки поступили в суд с нарушением установленного срока, но до принятия судом решения в порядке упрощенного производства, суд выносит определение о рассмотрении дела по общим правилам административного судопроизводства, что следует из ч. 5 ст. 292 КАС РФ. Это можно рассматривать в качестве дополнительной гарантии защиты интересов административного ответчика в случае просрочки ответа с возражениями против упрощенного производства.

Более того, в соответствии со ст. 294.1 КАС РФ, введенной Федеральным законом № 451-ФЗ²⁵, суд по ходатайству заинтересованного лица выносит опреде-

ление об отмене решения суда, принятого им в порядке упрощенного (письменного) производства, и о возобновлении рассмотрения административного дела по общим правилам административного судопроизводства, если уже после принятия решения поступят возражения относительно применения порядка упрощенного (письменного) производства лица, имеющего право на заявление таких возражений, направленные в установленный законом срок.

Некоторые авторы воспринимают данную новеллу положительно, указывая на то, что сама возможность отмены решения вынесшим его судом по делу, рассмотренному в упрощенной процедуре, и продолжение рассмотрения дела в ординарной процедуре соотносятся с задачами и принципами судопроизводства [6]. Это способствует снижению организационных и процессуальных издержек как судебной системы, так и лиц, участвующих в деле, а также сокращению сроков осуществления правосудия и реализации принципа процессуальной экономии [7]. Другие авторы находят в ст. 294.1 КАС РФ проявление черт заочного производства [8].

В то же время справедливо отмечается, что указанная норма ст. 294.1 КАС РФ является чрезвычайно сырой [6]. В первую очередь обращает на себя внимание отсутствие указания на срок, в течение которого заинтересованное лицо вправе заявить ходатайство об отмене решения. В то время как для лиц, не привлеченных к участию в деле, законодателем был установлен двухмесячный срок для подачи заявления об отмене решения суда с момента его принятия. Абсолютно верно замечает Н.А. Громошина, что отсутствие общего срока делает возможной ситуацию, когда такое ходатайство может быть подано после вступления решения в законную силу и его исполнения [6].

Следует разделить мнение по решению указанной проблемы, озвученное А.И. Артизановым, путем соотношения срока на подачу ходатайства об отмене решения со сроком апелляционного обжалования, установленным в упрощенном производстве. Так, если решение, принятое в упрощенном производстве, может быть обжаловано в апелляционном порядке до истечения пятнадцати дней со дня его принятия, то срок на подачу заявления об отмене решения по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, должен соответствовать сроку апелляционного обжалования и составлять пятнадцать дней. С учетом этого не возникнет ситуация, когда сторона спора, пропустив срок апелляционного обжалования, сохранит право на подачу ходатайства об отмене решения. При этом поданное за пределами установленного срока апелляционного обжалования ходатайство об отмене решения подлежит возвращению. Такой порядок исключит конкуренцию способов обжалования решения, принятого в порядке упрощенного производства [7].

7. Неизменность исковых требований является еще одним условием для рассмотрения административного дела по правилам упрощенного производства.

Административный истец сохраняет право на совершение распорядительных действий, перечисленных в ст. 47 КАС РФ, при рассмотрении дела в порядке упрощенного производства вплоть до принятия

судом судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу. Каких-либо ограничений по реализации административным истцом указанных прав в гл. 33 КАС РФ не предусмотрено. Следовательно, административный истец вправе изменить предмет или основание административного иска путем направления в суд соответствующего заявления до принятия решения по делу. В такой ситуации суд должен обеспечить административному ответчику возможность защиты против административного иска.

Как разъяснил Пленум ВС РФ в Постановлении № 42, принимая во внимание отсутствие устного судебного разбирательства при рассмотрении административного дела в порядке упрощенного (письменного) производства, а также необходимость обеспечения права административного ответчика на защиту от предъявленных требований в случаях изменения административным истцом при рассмотрении дела в порядке упрощенного (письменного) производства основания или предмета административного иска, увеличения им размера заявленных требований, суд вправе, руководствуясь ч. 5.1 ст. 292 КАС РФ, установить новые сроки для представления доказательств и возражений или вынести определение о рассмотрении административного дела по общим правилам административного судопроизводства (п. 12).

Если в материалах дела отсутствуют сведения, подтверждающие, что административному ответчику предлагалось направить в суд письменные возражения относительно рассмотрения дела в порядке упрощенного (письменного) производства по уточненным исковым требованиям, это расценивается как нарушение его прав, а также принципов процессуального равноправия и состязательности. При таких обстоятельствах считается не исполненной обязанность по извещению административного ответчика о наличии спора по уточненным требованиям в суде, равно и создание условий реализации возможности представления возражений на административный иск²⁶.

Во-вторых, рассмотрение административного дела в порядке гл. 33 КАС РФ зависит от усмотрения (согласия) заинтересованных в исходе дела лиц в случае, указанном в ч. 5 ст. 216 КАС РФ.

В соответствии с данной статьей требования об оспаривании нормативных правовых актов, имеющих меньшую юридическую силу и воспроизводящих содержание нормативного правового акта, признанного не действующим полностью или в части, либо основанных на нем и из него вытекающих, могут рассматриваться судом в порядке упрощенного (письменного) производства без проверки законности повторного нормативного правового акта, принятого после признания такого же нормативного правового акта не действующим полностью или в части, если на момент принятия повторного нормативного правового акта отсутствовали изменения в законодательстве, которому противоречил признанный не действующим полностью или в части нормативный правовой акт.

В пункте 41 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законо-

дательства и обладающих нормативными свойствами» дополнительно установлено, что в порядке упрощенного (письменного) производства могут быть рассмотрены требования об оспаривании нормативного правового акта, повторно принятого в целях преодоления решения суда о признании нормативного правового акта не действующим полностью или в части, либо требования об оспаривании положений нормативного правового акта, содержащих правовое регулирование, тождественное по смыслу ранее признанному недействующим.

К особенностям применения ч. 5 ст. 216 КАС РФ относится то, что в отличие от первого основания применения упрощенного производства, в данном случае для рассмотрения административного дела в упрощенном порядке, не требуется ходатайства или согласия административного истца на применение такого порядка. Инициатором использования упрощенной процедуры выступает сам суд.

В свою очередь, указанные основания объединяет то, что применительно к рассматриваемой в данном пункте ситуации законодателем установлено ограничение применения упрощенного порядка рассмотрения в виде наличия возражений административного ответчика против проведения процедуры упрощенного производства. Именно это позволяет отнести данное основание к первой группе, когда применение рассматриваемого порядка зависит от волеизъявления лица, участвующего в деле. Для выявления наличия (отсутствия) возражений административного ответчика также применяются правила ч. 2–5 ст. 292 КАС РФ, проанализированные выше.

Ко второй группе оснований для рассмотрения административных дел в порядке упрощенного производства относятся те, по которым применение правил гл. 33 КАС РФ не зависит от воли лиц, участвующих в деле, но в случаях, прямо указанных в законе, зависит от усмотрения суда. К ним относятся случаи, о которых речь идет в п. 1 ч. 1 ст. 291, в ч. 7 ст. 150, п. 3 ч. 1 ст. 291, а также в ст. 120 КАС РФ.

Во-первых, на основании п. 1 ч. 1 ст. 291 КАС РФ административное дело может быть рассмотрено в порядке упрощенного (письменного) производства в случае, если всеми лицами, участвующими в деле (перечень которых содержится в ст. 37 КАС РФ), заявлены ходатайства о рассмотрении административного дела в их отсутствие и их участие при рассмотрении данной категории административных дел не является обязательным.

Для применения данного основания необходима совокупность нескольких условий.

1. Всеми лицами, участвующими в деле, должно быть заявлено ходатайство о рассмотрении дела в их отсутствие. Если материалы дела не подтверждают заявление такого ходатайства всеми лицами, участвующими в деле, в том числе когда одно из лиц, участвующих в деле, не заявляло соответствующего ходатайства, то у суда отсутствуют основания для рассмотрения административного дела в порядке упрощенного производства. Такое дело следует рассматривать в общем порядке, т.е. с проведением судебного заседания и с извещением всех лиц, участвующих

в деле, о месте и времени проведения этого судебного заседания²⁷.

Стоит отметить, что на стадии подготовки дела к судебному разбирательству судья не выясняет согласия лиц, участвующих в деле, на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства. При этом возражения лица, участвующего в деле, относительно рассмотрения административного дела в данном порядке не являются безусловным препятствием для такого рассмотрения (п. 5 Постановления Пленума ВС РФ № 42).

Заявляя ходатайство о рассмотрении административного дела в их отсутствие, лица, участвующие в деле, реализуют свое право на участие в рассмотрении дела. С учетом того что у них имелась возможность дачи объяснений, представления в судебное заседание письменных доказательств, вывод суда о рассмотрении дела в порядке упрощенного (письменного) производства представляется полностью обоснованным.

2. Участие лиц, участвующих в деле, в рассмотрении дела судом, не является в силу прямого указания в законе обязательным, и судья в соответствии с п. 12 ч. 3 ст. 135 КАС РФ на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, разрешая вопрос о необходимости обязательного личного участия в судебном заседании данных лиц, не признал их явку обязательной.

3. Следующее условие заключается в отсутствии ходатайства со стороны лиц, участвующих в деле, об отложении судебного разбирательства, подтвержденного доказательствами, свидетельствующими о наличии уважительных причин неявки в судебное заседание.

4. Суд должен проверить, не подпадает ли данная категория административных дел под ограничения и запреты, установленные кодексом (ч. 2 ст. 291 КАС РФ).

5. Наконец, судом должно быть вынесено определение о рассмотрении административного дела в порядке упрощенного (письменного) производства. Сама возможность рассмотрения дела в порядке упрощенного производства не освобождает суд от обязанности извещать стороны о месте и времени рассмотрения дела²⁸.

В пункте 5 Постановления Пленума ВС РФ № 42 разъяснено, что в таком определении должен быть установлен срок для представления сторонами, прокурором в суд и направления ими друг другу доказательств и возражений относительно предъявленных требований, заключения по делу, а также срок, в течение которого стороны, прокурор вправе представить в суд и направить друг другу дополнительно документы, содержащие объяснения по существу заявленных требований и возражений в обоснование своей позиции (ч. 1, 5.1 ст. 292 КАС РФ).

Как показывает судебная практика, нарушение данного условия влечет отмену судебного решения, вынесенного по итогам упрощенного производства. Принятая решение о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства, суд должен информировать лиц, участвующих в деле, о таком порядке производства, чтобы они не были лишены возможности представить дополнительные доказательства по делу²⁹.

Во-вторых, основание для рассмотрения административных дел в порядке упрощенного производства

предусмотрено ч. 7 ст. 150 КАС РФ. В соответствии с указанной нормой, если в судебное заседание не явились все лица, участвующие в деле, надлежащим образом извещенные о времени и месте его рассмотрения, явка которых необязательна или не признана судом обязательной, или представители этих лиц, суд рассматривает административное дело в порядке упрощенного (письменного) производства, предусмотренного гл. 33 КАС РФ. Стоит разделить мнение Е.А. Царегородцевой, что такая ситуация напоминает некий неполный аналог заочного производства в гражданском процессе, поскольку до КАС РФ ни один процессуальный кодекс не рассматривал упрощенное производство как следствие неявки в процесс [8].

Исходя из анализа положений ч. 7 ст. 150, гл. 33 КАС РФ, а также п. 6 и 7 Постановления Пленума ВС РФ № 42, при определении возможности применения данного основания для рассмотрения дела в порядке упрощенного производства суду следует установить соблюдение следующих условий.

1. В определении, направленном лицам, участвующим в деле, и их представителям вместе с извещением о времени и месте судебного заседания, предварительно разъяснена возможность рассмотрения административного дела в порядке упрощенного производства в случае неявки названных лиц в судебное заседание по административному делу (ч. 2 ст. 14 КАС РФ).

2. Все лица, участвующие в деле, и их представители не явились в судебное заседание.

3. Имеются доказательства надлежащего извещения лиц, участвующих в деле, и их представителей о времени и месте судебного заседания. В данном случае следует исходить из того, что лица, участвующие в деле, были надлежащим образом извещены о времени и месте судебного заседания и у них имелась возможность дачи объяснений, представления в судебное заседание письменных доказательств.

4. Явка не явившихся в судебное заседание лиц не является обязательной в силу закона (не признана судом обязательной).

5. Отсутствуют ходатайства со стороны лиц, участвующих в деле, об отложении судебного разбирательства, подтвержденные доказательствами, свидетельствующими о наличии уважительных причин неявки в судебное заседание, либо ходатайства об отложении судебного разбирательства не подлежат удовлетворению ввиду отсутствия доказательств уважительности причин неявки. В любом случае суд должен разрешить имеющиеся ходатайства, дать оценку уважительности причин неявки лиц, участвующих в деле, в судебное заседание³⁰.

В пункте 7 Постановления Пленума ВС РФ № 42 обращено внимание судов на то, что обстоятельства, свидетельствующие о необходимости отложения судебного разбирательства административного дела, могут указываться в поступивших в суд письменных возражениях лиц, участвующих в деле, их представителей относительно рассмотрения административного дела в порядке упрощенного (письменного) производства по административным делам, в которых эти воз-

ражения не являются безусловным препятствием для рассмотрения дела в таком порядке.

При этом в случае, если сведения об указанных обстоятельствах поступят в суд после перехода к рассмотрению административного дела в порядке упрощенного производства, но до принятия решения, они могут выступать основанием для вынесения определения о рассмотрении административного дела по общим правилам административного судопроизводства с назначением нового судебного заседания по делу. В целях предоставления другой стороне права направить возражения относительно наличия соответствующих оснований для рассмотрения дела по общим правилам административного судопроизводства суд вправе продлить ранее установленный им срок представления документов (ст. 94.2, ч. 5.1 ст. 292 КАС РФ).

6. Рассматриваемое административное дело не относится к категориям дел, не подлежащих рассмотрению в порядке упрощенного производства (ч. 2 ст. 291 КАС РФ).

7. Судом вынесено определение о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства, которое заносится в протокол судебного заседания и влечет за собой завершение судебного заседания. Протокол такого судебного заседания должен содержать сведения, указанные в ч. 4 ст. 205 КАС РФ, в том числе сведения о разрешении судом вопроса о рассмотрении административного дела в порядке упрощенного производства.

При соблюдении всех вышеперечисленных условий суд принимает решение о переходе к рассмотрению дела в порядке упрощенного производства. Представляется, что дело в порядке упрощенного производства в таком случае должно быть рассмотрено в тот же день, когда вынесено определение, поскольку здесь возможность применения упрощенного порядка рассмотрения выступает в качестве последствия неявки в судебное заседание лиц, участвующих в деле, их представителей и является способом упрощения процедуры его рассмотрения.

В-третьих, возможность применения процедуры упрощенного производства, когда это прямо предусмотрено законом и зависит от усмотрения суда, предусмотрена в п. 3 ч. 1 ст. 291 КАС РФ. Согласно указанной норме административное дело может быть рассмотрено в порядке упрощенного (письменного) производства в случае, если указанная в административном исковом заявлении общая сумма задолженности по обязательным платежам и санкциям не превышает 20 тыс. рублей. В то же время императивно-установленной обязанности для рассмотрения указанной категории административного дела в порядке упрощенного производства у суда первой инстанции не имеется.

При определении возможности применения данного основания для рассмотрения дела в порядке упрощенного производства требуется соблюдение следующих условий.

1. Соблюдение ограничения, относящегося к существу спора: по делам о взыскании задолженности по обязательным платежам и санкциям максимальная сумма, допускающая применение упрощенного судопроизводства, составляет 20 тыс. рублей.

Представляется, что в данном случае общую сумму задолженности следует определять с учетом не только недоимки по обязательному платежу, но также пеней и штрафов, если таковые требования заявлены.

В том случае, если цена иска превышает 20 тыс. рублей, то на основании п. 3 ч. 1 ст. 291 КАС РФ у суда отсутствуют правовые основания для рассмотрения дела в порядке гл. 33 кодекса³¹.

2. С целью информирования участников административного дела о самом факте возникновения спора, а также для обеспечения реализации ими прав, предусмотренных ст. 45 КАС РФ, в том числе права административного ответчика на представление доказательств, имеющих существенное значение для разрешения спора, ч. 3 ст. 127 КАС РФ на суд возложена обязанность не позднее следующего рабочего дня после дня вынесения определения о принятии административного искового заявления к производству суда направить копию такого определения лицам, участвующим в деле, их представителям.

Правовые нормы гл. 33 КАС РФ, регулирующие процедуру рассмотрения административных дел в порядке упрощенного производства, не содержат исключения из вышеприведенного общего правила информирования участников судебного разбирательства о возбуждении административного дела и не освобождают суд первой инстанции от обязанности направить административному ответчику копию определения о принятии административного иска к производству суда.

Представляется, что неким ориентиром для установления требований к содержанию указанного выше определения могут служить положения п. 71 Постановления Пленума ВС РФ № 36 (который в связи с принятием Постановления Пленума ВС РФ № 42 утратил силу), а также п. 5 Постановления Пленума ВС РФ № 42. Определение должно содержать: 1) сведения об основаниях, дающих возможность применения правил упрощенного (письменного) производства по рассматриваемому административному делу; 2) срок для представления сторонами, прокурором в суд и направления ими друг другу доказательств и возражений относительно предъявленных требований, заключения по делу; 3) срок, в течение которого стороны, прокурор вправе представить в суд и направить друг другу дополнительно документы, содержащие объяснения по существу заявленных требований и возражений в обоснование своей позиции (ч. 1, 5.1 ст. 292 КАС РФ).

Возможность вынести решение в порядке упрощенного производства появляется у суда только после получения достоверных сведений о том, что, во-первых, лица, участвующие в деле (в частности административный ответчик), осведомлены о наличии дела в суде; во-вторых, имели достаточное время для представления возражений и доказательств в их обоснование; в-третьих, истек срок для представления возражений относительно предъявленных требований и дополнительных документов.

Тем самым гарантируется возможность для лиц, участвующих в деле, представить суду имеющие значение для дела доказательства³².

В этом смысле обязанность суда по направлению копии определения о принятии административного искового заявления, определения о рассмотрении дела в порядке упрощенного (письменного) производства тождественна по своей правовой природе обязанности известить о времени и месте судебного заседания. В силу п. 2 ч. 1 ст. 310 КАС РФ решение суда первой инстанции подлежит безусловной отмене в случае рассмотрения административного дела в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания. Правовые последствия неизвещения о наличии спора тождественны отсутствию извещения о времени и месте судебного заседания, поэтому не реализация судом обязанности по обеспечению прав административного ответчика на защиту против предъявленных требований влечет отмену решения с применением по аналогии ст. 309 КАС РФ³³.

Стоит отметить, что в этом случае согласие сторон на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства не требуется. В пункте 3 ч. 1 ст. 291 КАС РФ сама возможность рассмотрения дела о взыскании обязательных платежей и санкций при цене иска до 20 тыс. рублей установлена законом и не зависит от волеизъявления лиц, участвующих в деле. Следовательно, правило о необходимости выяснить мнение административного ответчика (ч. 2 ст. 292 КАС РФ) относительно применения упрощенного порядка в данном случае не применяется, как и правило о том, что в определении о подготовке к рассмотрению административного дела суд указывает на возможность применения правил упрощенного производства и устанавливает десятидневный срок для представления в суд возражений относительно применения этого порядка³⁴.

Это подтвердил и Верховный Суд в новом Постановлении Пленума № 42, указав в п. 5, что возражения лица, участвующего в деле, относительно рассмотрения административного дела в данном порядке не являются безусловным препятствием для такого рассмотрения. Поэтому в определении о рассмотрении административного дела в порядке упрощенного (письменного) производства срок для представления таких возражений не указывается.

Дополнительно стоит отметить, что если общая сумма задолженности превышает 20 тыс. рублей, то это не исключает возможности рассмотрения административного дела в упрощенном порядке. Но для этого необходимо, чтобы стороны просили рассмотреть дело в их отсутствие (п. 1 ч. 1 ст. 291 КАС РФ) либо при надлежащем извещении лица, участвующие в деле, не явились в судебное заседание, не сообщив о причинах неявки и не попросив об отложении судебного разбирательства (ч. 7 ст. 150 КАС РФ). Кроме того, суд также вправе рассмотреть данную категорию административных дел в порядке упрощенного производства, если ходатайство о рассмотрении дела в таком порядке заявлено административным истцом, а административный ответчик не представил возражений против этого (п. 2 ч. 1 ст. 291 КАС РФ). В последнем случае, предварительное выяснение мнения административного ответчика в силу ч. 2 ст. 292 КАС РФ является обязательным.

В-четвертых, требование территориального органа федерального органа исполнительной власти по обеспечению установленного порядка деятельности судов и исполнению судебных актов и актов других органов о взыскании расходов на привод может быть рассмотрено в порядке гл. 33 КАС РФ (ч. 1 ст. 120 КАС РФ).

В указанном случае взыскание расходов на привод производится на основании соответствующего заявления территориального органа федерального органа исполнительной власти по обеспечению установленного порядка деятельности судов и исполнению судебных актов и актов других органов. Административное исковое заявление указанного органа о взыскании расходов на привод рассматривается и разрешается в порядке упрощенного производства независимо от суммы расходов, а также возражений административного ответчика против рассмотрения дела в таком порядке³⁵.

Следует отметить, что при решении вопроса о рассмотрении указанной категории дел в порядке упрощенного производства судом должны быть соблюдены аналогичные условия, что и при применении основания, указанного в ч. 7 ст. 150 КАС РФ. Исключение касается только отсутствия ограничений по сумме расходов на привод, взыскиваемых с административного ответчика.

Подытоживая детальный анализ оснований для рассмотрения административных дел в порядке упрощенного (письменного) производства, необходимо констатировать, что законодатель избрал весьма отличный подход к их определению, нежели в гражданском и арбитражном процессах. Поэтому о полной унификации положений гл. 33 КАС РФ, гл. 29 АПК РФ и гл. 21.1 ГПК РФ говорить не приходится. При решении вопроса о рассмотрении административного дела в порядке упрощенного производства суду каждый раз следует учитывать множество условий, необходимых для соблюдения установленных законом процессуальных гарантий прав и интересов лиц, участвующих в деле. Нельзя забывать о том, что даже при использовании процедуры упрощенного производства каждой из сторон административного судопроизводства должна быть дана возможность обосновать свою позицию пусть даже в строго формализованных условиях. Упрощенное производство предполагает наличие спора о праве, в связи с чем сохраняется и должна быть обеспечена состязательность в процессе доказывания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В рамках своих исследований вопросы упрощенных форм осуществления правосудия рассматривали Е.А. Борисова, Н.А. Бортникова, Л.В. Войтович, Ю.Ю. Грибанов, Н.Г. Галковская, О.П. Гурьев, А.Б. Зеленцов, С.И. Князькин, Ю.А. Кондюрина, Ю.А. Кузьменко, А.В. Малышкин, П.В. Михеев, Ю.Б. Носова, З.А. Папулова, И.А. Приходько, И.Р. Решетникова, Н.В. Сивак, М.Л. Скуратовский, Е.С. Смагина, Е.А. Соломеина, А.В. Сорокопуд, А.С. Федина, Е.А. Царегородцева, М.А. Черемин, И.И. Черных, Ю.В. Ширвис, А.В. Юдин и многие другие.

² Федеральный закон от 25.06.2012 № 86-ФЗ (ред. от 02.03.2016) «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием упрощенного производства», Федеральный закон от 02.03.2016 № 47-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации», Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

³ Востребованность упрощенного производства в арбитражном процессе подтверждается официальными статистическими данными, которые наглядно показывают очевидный рост количества рассмотренных в порядке гл. 29 АПК РФ гражданских и административных дел за последние годы. Так, если в 2009 г. арбитражными судами в порядке упрощенного производства в среднем было рассмотрено 2% дел, в 2010 г. – 0,7%, то после проведенной в 2012 г. реформы упрощенного производства ситуация изменилась. В 2014 г. в упрощенном порядке рассмотрено 40% арбитражных дел, в 2016 г. – 41,4%, в 2017 г. – 42,2%, в 2018 г. – 33,2%, в 2019 г. – 35,7%, а в 2020 г. – 37,0%. Официальные статистические данные взяты с сайта <http://cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 24.06.2021).

⁴ Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Согласно п. 58 указанного Постановления признано не подлежащим применению Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 октября 2012 г. № 62 «О некоторых вопросах рассмотрения арбитражными судами дел в порядке упрощенного производства».

⁶ До принятия Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в 2015 г., в нормах Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, имеющего в своей структуре подраздел III «Производство по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений», института упрощенного производства закреплено не было.

⁷ Официальные статистические данные взяты с сайта <http://cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 24.06.2021).

⁸ См., например: Апелляционное определение Свердловского областного суда от 01.11.2018 по делу № 33а-18648/2018; Апелляционное определение Свердловского областного суда от 23.11.2016 по делу № 33а-20751/2016.

⁹ См., например: Апелляционные определения Свердловского областного суда от 08.06.2017 по делу № 33а-9370/2017, Ленинградского областного суда от 15.08.2019 № 33а-4953/2019.

¹⁰ См.: Справка по результатам обобщения судебной практики по главе 33 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (упрощенное (письменное) производство по административным делам) (подготовлена Самарским областным судом от 20.11.2020).

¹¹ См., например: Апелляционное определение Иркутского областного суда от 13.02.2018 по делу № 33а-561/2018.

¹² См., например: Апелляционные определения Иркутского областного суда от 13.02.2018 по делу № 33а-561/2018, Ленинградского областного суда от 13.06.2019 по делу № 33а-3208/2019, Нижегородского областного суда от 25.01.2017 по делу № 33-805/2017.

¹³ См., например: Апелляционные определения Нижегородского областного суда от 25.01.2017 по делу № 33-805/2017, Московского областного суда от 23.03.2016 по делу № 33-7560/2016.

¹⁴ См., например: Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 05.12.2016 № 33а-24994/2016 по делу № 2а-2037/2016.

¹⁵ См., например: Апелляционное определение Свердловского областного суда от 17.04.2019 по делу № 33а-5838/2019.

¹⁶ См., например: Апелляционные определения Свердловского областного суда от 17.04.2019 по делу № 33а-5838/2019, Воронежского областного суда от 13.03.2018 по делу № 33А-1500/2018.

¹⁷ См., например: Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 13.06.2017 № 33а-10561/2017 по делу № 2а-10933/2016.

¹⁸ См., например: Апелляционное определение Московского городского суда от 20.03.2019 по делу № 33а-1620/2019.

- ¹⁹ См., например: Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 18.02.2020 № 33а-4903/2020 по делу № 2а-3336/2019.
- ²⁰ См., например: Апелляционное определение Воронежского областного суда от 20.02.2018 по делу № 33А-1208/2018.
- ²¹ См., например: Апелляционное определение Свердловского областного суда от 19.10.2016 по делу № 33а-17959/2016.
- ²² См., например: Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 28.09.2016 по делу № 33а-13248/2016.
- ²³ См., например: Апелляционное определение Свердловского областного суда от 01.11.2018 по делу № 33а-18648/2018.
- ²⁴ См., например: Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 07.10.2020 по делу № 88а-25197/2020; Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 26.02.2020 по делу № 66а-263/2020.
- ²⁵ Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
- ²⁶ См., например: Апелляционное определение Приморского краевого суда от 06.04.2017 по делу № 33а-2857/2017.
- ²⁷ См., например: Апелляционное определение Свердловского областного суда от 21.02.2019 по делу № 33а-2640/2019; Апелляционное определение Свердловского областного суда от 01.02.2019 по делу № 33а-1290/2019 (33а-23857/2018).
- ²⁸ См., например: Апелляционное определение Суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 26.04.2016 по делу № 33-3298/2016.
- ²⁹ См.: Справка Саратовского областного суда от 27.07.2016 «Справка по результатам анализа ошибок, допущенных районными (городскими) судами при рассмотрении во втором квартале 2016 г. дел, вытекающих из публичных правоотношений, и дел об административных правонарушениях» (подготовлена Саратовским областным судом).
- ³⁰ См., например: Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 28.04.2021 по делу № 66а-445/2021.
- ³¹ См., например: Апелляционное определение Свердловского областного суда от 22.03.2017 по делу № 33а-4344/2017; Апелляционное определение Свердловского областного суда от 08.06.2017 по делу № 33а-9370/2017.
- ³² См., например: Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 22.09.2020 № 33а-14438/2020 по делу № 2а-449/2020.
- ³³ См., например: Апелляционные определения Санкт-Петербургского городского суда от 05.12.2016 по делу № 33а-24994/2016, Свердловского областного суда от 17.08.2016 по делу № 33а-13465/2016, Курганского областного суда от 13.07.2016 по делу № 33а-2647/2016.
- ³⁴ См., например: Апелляционное определение Московского городского суда от 10.12.2020 по делу № 33а-5938/2020; Апелляционное определение Курганского областного суда от 06.07.2016 по делу № 33А-2551/2016.
- ³⁵ Пункт 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.06.2017 № 21 «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ралетняя А.А. Унификация упрощенного производства в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве // Юстиция. 2019. № 4. С. 26–30.
2. Галковская Н.Г. Результаты реформы упрощенного производства в арбитражном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 144–151.
3. Моисеев С.В. Ограничение свободы выбора процедуры и порядка рассмотрения требования как тренд развития процессуального законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 20–28.
4. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (постатейный, научно-практический) / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, С.Л. Дегтярев и др. ; под ред. В.В. Яркова. М. : Статут, 2016. 1295 с.
5. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (поглавный) / О.В. Аксенова, С.А. Алешукина, Н.А. Антонова и др. ; под ред. А.А. Муравьева. М. : Проспект, 2015. 408 с.
6. Громошина Н.А. Очередной шаг в упрощении цивилистического процесса: оценки и перспективы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 10. С. 17–21.
7. Артизанов А.И. Совершенствование порядка упрощенного производства в гражданском процессе России в целях реализации принципов процессуальной экономии // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 2. С. 28–30.
8. Царегородцева Е.А. Реформирование упрощенного производства: цели и результаты // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 11. С. 29–31.

Статья представлена научной редакцией «Право» 30 сентября 2021 г.

Analysis of the Grounds for Considering Administrative Cases via Simplified (Written) Proceedings (Chapter 33 of the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 221–234.

DOI: 10.17223/15617793/472/27

Natalya G. Galkovskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ni13012003@mail.ru

Keywords: administrative proceedings; simplified proceedings; reform of procedural law; proceedings in cases arising from public law relations; Code of Administrative Proceedings.

The author aims to conduct a detailed analysis of the grounds for considering administrative cases in the manner of simplified proceedings, identifying their features and problems of legal regulation. To achieve this aim, the author considers the changes in Chapter 33 of the RF Code of Administrative Proceedings by Federal Law No. 451 of 28 November 2018 and the clarifications contained in Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 42 of 17 December 2020; uses official statistics to track the effectiveness of the use of simplified proceedings; with the help of a rich empirical material, reveals judicial errors made during the transition to simplified proceedings for considering administrative cases. The methodological basis of the research is general and specific methods of scientific research (historical, comparative-legal, dialectical cognition, formal-logical, interpretation of law, and systems analysis). The author draws attention to the independence of the foundations of simplified proceedings from each other. Potentially, any category of administrative cases (with the exception of those listed in Part 2 of Art. 291), if one of the conditions specified in Paragraphs 1 and 2 of Part 1, Art. 291, and Part 7, Art. 150, may be subject to simplified proceedings. Consequently, the legislator has chosen the way to determine the possibility of considering administrative cases without being tied to the merits of the dispute. The author proposes to divide administrative cases into two groups: cases, in which the possibility of considering them according to the rules of Chapter 33 is due to (1) the expression of the will of persons interested in the outcome of the case (Paragraph 2 of Part 1, Art. 291; Part 5, Art. 216) and (2) the discretion of the court (Paragraphs 1, 3 of Part 1, Art. 291; Part 7, Art. 150; Part 1 of Art. 120). The author identifies a number of problems regarding the observance of the conditions for the transition to simplified

fied proceedings for considering administrative cases. Thus, the law does not specify from what day it is necessary to calculate the 10-day period established by the court for the submission of objections by the administrative defendant; does not establish the form of expression of such objections. The disadvantages of the possibility (introduced in Art. 294.1 of the RF Code of Administrative Proceedings) of canceling the decision by the court that issued it in a case considered in a simplified proceeding are given. The problems of legal regulation identified in the course of the study may well serve as a vector for a further improvement of the mechanism for the court's consideration of the use of simplified proceedings for hearing administrative cases in order to comply with the procedural guarantees of the rights and interests of persons participating in the case that are established by law.

REFERENCES

1. Raletnyaya, A.A. (2019) Unifikatsiya uproshchennogo proizvodstva v grazhdanskom i arbitrazhnom protsessual'nom zakonodatel'stve [Unification of simplified proceedings in civil and arbitration procedural legislation]. *Yustitsiya*. 4. pp. 26–30.
2. Galkovskaya, N.G. (2014) Results of the reform of simplified proceedings in arbitration. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 382. pp. 144–151. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/382/24
3. Moiseev, S.V. (2016) Limiting right to freely choose procedure and rules of deciding a case as a procedural legislation evolution trend. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 9. pp. 20–28. (In Russian).
4. Abushenko, D.B. et al. (2016) *Kommentariy k Kodeksu administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii (postateynyy, nauchno-prakticheskiy)* [Commentary on the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation (article-by-article, scientific and practical)]. Moscow: Statut.
5. Aksenova, O.V. et al. (2015) *Kommentariy k Kodeksu administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii (poglavnyy)* [Commentary on the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation (chapter-by-chapter)]. Moscow: Prospekt.
6. Gromoshina, N.A. (2019) Another step in simplifying the civil process: assessments and prospects. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 10. pp. 17–21. (In Russian).
7. Artizanov, A.I. (2021) The improvement of the summary jurisdiction procedure in the Russian civil proceedings for the implementation of the principles of procedural economy. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess – Arbitrazh and Civil Procedure*. 2. pp. 28–30. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-383X-2021-2-28-30
8. Tsaregorodtseva, E.A. (2020) Reformation of summary proceedings: aims and results. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess – Arbitrazh and Civil Procedure*. 11. pp. 29–31. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-29-31

Received: 30 September 2021

Т.А. Григорьева, С.П. Казакова, А.В. Кружалова, Р.В. Фомичева, Л.Г. Щербакова

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Проведен анализ нормативной базы, актов судов, регулирующих вопросы осуществления правосудия в условиях самоизоляции, пандемии. Выявлены особенности влияния пандемии на судебную деятельность в России, Республике Казахстан, Европейском Союзе, а также Великобритании. Поставлены задачи электронного правосудия, которые необходимо решить России в условиях чрезвычайной ситуации. Раскрыты перспективы отсутствия законодательного закрепления понятия онлайн-заседания.

Ключевые слова: электронное правосудие; пандемия; цивилистика; онлайн-заседание, видеоконференцсвязь; веб-конференция, Казахстан; Россия; Великобритания, Европейский Союз

Актуальность настоящей работы обусловлена отсутствием законодательного регулирования электронного судопроизводства в России, которое содержит в основном технические регламенты применения информационных технологий в арбитражных судах и судах общей юрисдикции. Возможность проведения судебного заседания в онлайн-формате, появившаяся благодаря пандемии COVID-19, была зафиксирована в Постановлении Верховного Суда РФ и Совета судей, но не нашла отражения в кодифицированных нормативных актах. Имеющееся техническое описание проведения онлайн-заседания, регламентация способа и формы подачи ходатайства заинтересованного лица о его проведении способствуют возникновению коллизий и нарушению процессуальных прав участников процесса. Для проведения сравнительного анализа влияния пандемии на судебную систему других государств были выбраны Великобритания как представитель общей правовой системы, а также Республика Казахстан, принадлежащая к романо-германской правовой семье. На наш взгляд, эти страны являются наиболее прогрессивными в том, что касается развития электронного судопроизводства в странах Европейского Союза и СНГ соответственно. Сравнительная характеристика оказанного воздействия внешних факторов чрезвычайного характера необходима для корректной постановки задач по улучшению функционирования судебной системы России в названных обстоятельствах.

Электронное правосудие в Российской Федерации в условиях пандемии

Covid-19, который распространился по всему миру, повсеместно внес коррективы в работу судебной системы. В условиях самоизоляции электронное правосудие могло бы стать панацеей при решении вопроса о продолжении рассмотрения судебных дел в штатном режиме. Однако сегодня процесс внедрения такого правосудия в работу судебной системы находится лишь на начальной стадии.

Верховный Суд Российской Федерации (ВС РФ) принял с 18 марта по 18 мая 2020 г. несколько постановлений, касающихся изменений работы судебной системы в период пандемии [1–4]. На первоначальном этапе, до издания Постановления ВС РФ от 29 апреля 2020 г. [3], российская судебная система ограничила

прием граждан, проведение судебных заседаний было отложено до снятия карантинных мер, за исключением дел, не терпящих отлагательства, а также тех, которые рассматриваются без вызова лиц, участвующих в деле. Судам была дана рекомендация использовать для разрешения спора видео-конференц-связь (ВКС) при наличии такой возможности. В указанный период арбитражные суды России не рассматривали дела, а откладывали судебные разбирательства по рассматриваемым делам [5] (ст. 163 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [6] (АПК РФ)) либо переносили судебные заседания на более поздний срок (ст. 137 АПК РФ) [7]. Проведение судебных заседаний с использованием технологии ВКС также стало невозможно [8]. Дело в том, что участие заинтересованных лиц удаленно в цивилистическом процессе на момент объявления режима самоизоляции только между арбитражными судами и судами общей юрисдикции внутри страны, без использования оборудования частных лиц, организаций, в том числе государственных. Отлаженная система ВКС не смогла функционировать в условиях пандемии по причине необходимости проведения ВКС в специально созданных помещениях здания суда.

Суды общей юрисдикции России ограничили личный прием граждан, рассмотрение гражданских дел было приостановлено (ст. 216 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) [9]) до опубликования Письма Судебного департамента при ВС РФ от 7 мая 2020 года № СД-АГ/667 «О деятельности судов и органов Судебного департамента в полном объеме с 12 мая 2020 года» [10], согласно которому рассмотрение дел должно было возобновиться с 12 мая 2020 г. в обычном режиме, но лица, участвующие в деле, должны соблюдать масочный режим, а также социальную дистанцию. Рассмотрение гражданских дел с помощью средств ВКС не было реализовано в судах общей юрисдикции во время режима изоляции, удаленный доступ в названных судах осуществлялся лишь в уголовном судопроизводстве [11]. Административные дела, относящиеся к компетенции судов общей юрисдикции, мировых судов, были отложены согласно ст. 152 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [12], за исключением дел о назначении административного наказа-

ния (например [13]) за нарушение режима самоизоляции (ст. 20.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [14]).

В арбитражных судах России электронное правосудие начали внедрять постепенно с 2009 г. Система «Мой арбитр» [15], функционирующая в названных судах, позволила наладить электронный документооборот. Для судов общей юрисдикции, мировых судов, число которых намного превышает количество арбитражных судов, электронный документооборот был реализован с 1 января 2017 г. после принятия Федерального закона от 23 июня 2016 года № 220-ФЗ [16] и Приказа Судебного департамента при ВС РФ от 27 декабря 2016 года № 251 [17], путем внедрения системы ГАС «Правосудие» [18]. На практике система электронного документооборота судов общей юрисдикции имела существенные недостатки, проблемы при реализации норм ГПК РФ [19. Р. 407–409]. Доступ к электронным ресурсам судов в России осуществляется через портал «Госуслуги» (ЕСИА) [20]. В условиях пандемии, когда были закрыты удостоверяющие центры «МФЦ», почтовая связь, объявлен режим повсеместной изоляции, единственным способом получения новой учетной записи с подтверждением личности была регистрация на вышеуказанном портале через сервисы банков, если заинтересованное лицо являлось их клиентом (на май 2020 г. таких банков было три) [21]. Таким образом, осуществление электронного документооборота между участниками судебного процесса через системы «Мой арбитр» и ГАС «Правосудие» было осложнено необходимостью получения доступа к ним заинтересованных лиц, у которых ранее не было авторизованного аккаунта на портале «Госуслуги».

Пандемия показала необходимость внедрения в судебную систему России возможности дистанционного участия в судебном заседании с помощью веб-конференции. ВС РФ с 2019 г. в своей деятельности использует соответствующие программно-технические средства. Однако после того как 21 апреля 2020 г. ВС РФ провел веб-конференцию, в которой были использованы личные средства связи заинтересованных в рассмотрении дела лиц, а не только технические возможности суда [22], данный факт был закреплен в Постановлении Президиума ВС РФ и Президиума Совета судей РФ от 29 апреля 2020 г. № 822 [3]. Таким образом, хотя изменения в АПК РФ и в ГПК РФ и не были приняты, арбитражные суды и суды общей юрисдикции смогли использовать возможности веб-конференции, не опасаясь процессуальных последствий в виде отмены судебного постановления по рассматриваемому делу. Итогом стала разработка Минюстом России 19 октября 2020 г. проекта Федерального закона о внесении изменений в кодифицированные и иные законодательные акты [23], в соответствии с которым будет законодательно закреплена такая дистанционная форма участия в судебном заседании, как веб-конференция.

В системе арбитражных судов России веб-конференция впервые была проведена в арбитражном суде Ямало-Ненецкого автономного округа 28 апреля 2020 г. по делу № А81-172/2020 [24, 25]. Заинтересо-

ванными лицами для дистанционного участия в судебном заседании были использованы личные технические средства видеотрансляции с предварительной авторизацией на сайте арбитражного суда с помощью портала «Госуслуги» (ЕСИА). Такая система получила название «онлайн-заседание» и является ограниченной версией веб-конференции, так как исключает возможность участия, например, через такие приложения-мессенджеры, как Viber, WhatsApp и аналогичные им. На 1 марта 2021 г. доступ к онлайн-заседанию в арбитражных судах России имеют 99 из 116 арбитражных судов России [26]. Для получения доступа необходимо представить электронное ходатайство через систему «Мой арбитр», приложив документ, удостоверяющий личность, доверенность представителя, документ об образовании. Наиболее полно разъяснения по настройке веб-конференции представлены в системе «Мой арбитр», где предоставляются пошаговые инструкции по получению доступа, а также технические характеристики связи, настройки системы подключения ВКС, приводится Инструкция по открытию доступа к портам и IP-адресу [27].

Таким образом, в России пандемия стала своеобразным стимулом для внедрения в цивилистический процесс новой формы проведения судебного заседания с помощью веб-конференции. Заинтересованные лица стали более активно использовать электронные сервисы судов для обмена информацией, в том числе доказательствами по рассматриваемому делу, предпочитая в названных санитарно-эпидемиологических условиях освоить новые для себя технологии, при этом сохранив здоровье участников процесса. Внешенный Минюстом России проект об изменении законодательства в части урегулирования процедуры использования веб-конференции подтверждает тот факт, что такая форма судебного заседания – не временное явление, вызванное распространением Covid-19, а постоянный инструмент, призванный обеспечить физическую безопасность (в случае, требующем режима самоизоляции для граждан) и экономическую выгоду для лиц, участвующих в деле.

Электронное правосудие в Республике Казахстан в условиях пандемии

Проблема идентификации лица, имевшая место в связи с закрытыми в России из-за пандемии многофункциональными центрами, которые могли подтвердить личность для использования сервиса Госуслуги (ЕСИА), в разных странах решалась по-разному. Интересным представляется опыт Республики Казахстан по организации удаленного доступа к судебному заседанию.

Электронное правосудие в Республике Казахстан в части подачи документов в электронной форме стало возможно с 2018 г., после принятия Приказа Руководителя Департамента по обеспечению деятельности судов при Верховном суде Республики Казахстан [28], а также Постановления Правительства Республики Казахстан от 31 октября 2018 г. № 703 [29], с последующим закреплением Законом Республики

Казахстан от 2 апреля 2019 г. № 241-VI [30] изменений, внесенных в Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан [31].

В Казахстане с 2019 г. реализуется программа мобильной ВКС, проект E-Cot, его также называют «Виртуальный суд» [32]. Система функционирует через приложение TrueConf или программу «Мобильный судебный кабинет», которые доступны для установки на любое мобильное или портативное устройство заинтересованного в рассмотрении дела лица. На момент начала пандемии и объявления ЧП в стране уже были приняты «Правила технического применения средств видео-конференц-связи» 2018 г. [33] и «Правила применения технических средств связи, обеспечивающих участие в судебном заседании, и требования к ним» 2019 г. [34]. Таким образом, рекомендация Верховного суда республики Казахстан о рассмотрении дел посредством ВКС и мобильного ВКС [35] на время распространения COVID-19 основывалась на принятых страной Правилах, а также на нормах ГПК Республики Казахстан.

Согласно информации, размещенной на официальном веб-сайте Верховного суда Казахстана [36], рассмотрение дел посредством мобильного ВКС увеличилось в 30 раз, что составляет 4 500 судебных заседаний ежедневно. Снятие режима ЧП с 10 мая 2020 г. не изменило рекомендации Верховного суда Республики о рассмотрении дел в режиме онлайн [37] на основании положительного опыта реализации судебного заседания в форме ВКС и мобильной ВКС. ГПК Республики Казахстан в п. 4 ст. 202 прямо указывает, что «объяснения лиц, участвующих в деле, могут быть получены, а доказательства исследованы судом с помощью технических средств связи», без уточнения, какие средства связи могут быть использованы, и без привязки к зданию суда, рассматривающего дело. Вид технических средств не указывается и в ст. 133-3 ГПК Республики Казахстан, лишь уточняется, что они «должны обеспечивать возможность установления председательствующим личности лица, участвующего в деле, а также проверки полномочий представителя».

Не исключаются сложности с электронным документооборотом при обращении в суд через сервис «Судебный кабинет» [38], используя электронную цифровую подпись (ЭЦП), по причине отсутствия опыта работы с техническими средствами. Однако в Республике Казахстан в условиях пандемии возможно получить ЭЦП удаленно для реализации права на подачу иска и на рассмотрение дела в суде, не откладывая его на время распространения коронавируса, без посещения офиса удостоверяющего центра, используя персональный компьютер со встроенной камерой [39].

Таким образом, законодательство Республики Казахстан, в частности ГПК, устанавливает возможность применения технических средств без указания на их вид, закрепляя, что правила их применения должны быть приняты «органом, осуществляющим организационное и материально-техническое обеспечение деятельности судов» (п. 4 ст. 133-3 ГПК). В отличие от России, где на сегодняшний день акцент делается на

онлайн-заседании как на одном из видов веб-конференций, требующем, исходя из перечисленных требований к настройке оборудования для удаленного доступа к судебному процессу, наличия стационарного либо персонального компьютера [27], в Республике Казахстан апробируется мобильная ВКС. Разработано специальное приложение TrueConf, даны инструкции по его настройке и использованию [40]. Различный опыт удаленной идентификации лиц в названных странах, на наш взгляд, основан на статистических данных относительно нагрузки на судебную систему, учитывая при этом разную численность населения рассматриваемых государств.

Электронное правосудие в Европейском Союзе в условиях пандемии

Европейское правосудие в связи с кризисом, вызванным пандемией, было вынуждено соответствовать принципам защиты жизни и здоровья лиц, задействованных в рассмотрении судебных споров. Чрезвычайные меры национальных судебных органов в связи с COVID-19 в государствах – членах Совета Европы собраны в отчете [41] Европейской комиссии по эффективности правосудия (далее – Европейская комиссия), в том числе проанализированы положения функционирования судов стран – участников Европейского союза (ЕС) [42].

Положения, принятые странами – участниками ЕС в гражданском и коммерческом правосудии в условиях санитарно-эпидемиологических ограничений, были сведены Европейской комиссией в таблицу [43] по состоянию на 10 июня 2020 г. Информация представляется по следующим вопросам: процессуальные сроки; организация судебного процесса; судебное сотрудничество. Так, в странах ЕС в электронный вид переведена коммуникация между сотрудниками суда, в том числе с другими государственными организациями, куда могут быть направлены запросы, ответы на которые необходимы для правильного и своевременного рассмотрения дела. Также скорректированы процессуальные сроки приостановления и отложения судебных заседаний, если невозможно его проведение, согласно требованиям, предъявляемым местными органами здравоохранения. Отдельно странами – членами ЕС выделяются меры, принятые в отношении платежеспособности, несостоятельности физических и юридических лиц, в том числе устанавливается мораторий на предъявление заявления о получении статуса банкрота [44].

Одной из составляющих электронного правосудия в ЕС является ведение веб-сайта e-justice.europa.eu в условиях изменений правового и технического характера судебного делопроизводства. Данный ресурс охватывает информацию по всем странам – участникам ЕС, в том числе как нормы права трансграничных разбирательств, так и ссылки на законодательство членов Союза.

Европейский портал электронного правосудия (далее – Портал) в рамках ответственности Европейской комиссии регулируется Регламентом 2018/1725 Европейского парламента и Совета от 23 октября

2018 г. «О защите естественных прав человека в отношении обработки персональных данных учреждениями, органами, офисами и агентствами Европейского Союза и о свободном перемещении таких данных, а также отмены Регламента № 45/2001 и Решения № 1247/2002/ЕС» [45], и Решением Комиссии 2014/333 /ЕУ «О защите личных данных на Европейском портале электронного правосудия» (п. 2.2 Правовой информации по вопросу функционирования Портала [46]). Бета-версия Портала [47] в том числе содержит данные о рассмотрении гражданских споров с помощью электронных средств коммуникации [48]. Такая информация предоставляется по каждому участнику ЕС в виде ответов на 17 вопросов по заданной тематике, например, таких как возможность инициировать судебное разбирательство через информационно-коммуникационную сеть Интернет; способы и порядок подачи документов в суд в электронном виде и др.

Регламент Совета (ЕС) № 1206/2001 от 28 мая 2001 г. «О сотрудничестве между судами государств-членов при получении доказательств по гражданским или коммерческим делам» [49] содержит положения о сотрудничестве между судами в разных странах ЕС по сбору доказательств по гражданским и коммерческим делам, обеспечивает общую правовую основу для получения доказательств в другой стране, а не в суде. Однако каждый участник ЕС имеет свои собственные процессуальные нормы в этой области, поэтому детали процесса варьируются в зависимости от законодательства страны, получающей запрос о сотрудничестве. Чтобы упростить совместную работу судебных органов в разных странах ЕС и в полной мере использовать ВКС для сбора доказательств, информационные бюллетени, содержащиеся на Портале, предоставляют практическую информацию о правилах, процедурах и технических возможностях [50] в разных странах ЕС [51]. Данные предоставляются в виде ответов на 14 вопросов, связанных с процедурой трансграничного использования ВКС, например, таких как получение доказательств посредством ВКС; ограничения в отношении типа лиц, которые могут быть опрошены с помощью ВКС; тип доказательств, которые могут быть получены с помощью ВКС и др.

Таким образом, электронное правосудие в части вопроса наличия электронных сервисов по доступу к судебному разбирательству в странах – членах ЕС, а также оснащённости залов судебного заседания имеет место у всех участников Союза. Согласно научному исследованию Высшей школы экономики в 2020 г., дистанционные технологии участия заинтересованных лиц в рассмотрении судебных споров в зарубежных правовых порядках регламентированы «менее строго, чем в России», в том числе применяются технологии Skype и Zoom [52. С. 20]. На Портале содержится информация по имеющемуся оборудованию в странах – участниках ЕС для проведения ВКС в трансграничных спорах [51], но нет сведений по использованию иных платформ, которые могут осуществлять названный вид связи. Подключение идет по каналам связи через IP, ISDN (например, в Германии, Эстонии, Австрии), в Словении также используется документ-

камера, являющееся составной частью оборудования ВКС [53]. Такие электронные сервисы, как Webex, Zoom, Teams или Skype, в качестве альтернативы ВКС используются лишь в одной стране – участнике ЕС, согласно данным Портала, а именно в Португалии [54].

Ряд государств – членов ЕС предприняли шаги по более активному использованию цифровых инструментов судебной системой в связи с кризисом, вызванным коронавирусом [55]. Данные сформированы на 28 апреля 2020 г. и не изменялись позднее.

1. Болгария: Высший судебный совет издал Распоряжение о подаче документов в суды по электронной почте или в цифровом виде.

2. Хорватия: связь со сторонами и всеми участниками судебного процесса, как правило, осуществляется в электронном виде. Дистанционная связь между участниками судебного процесса и административным персоналом суда осуществляется с помощью электронной почты, ВКС и других цифровых средств связи. Содержание судебных документов может быть изучено на сервисе «eKomunikacija», если оно доступно в системе управления делами. Электронная коммуникация используется во всех коммерческих, муниципальных и окружных судах, а также в Высоком торговом суде Республики Хорватия. Сервис «ePredmet» предоставляет заинтересованным лицам информацию о ходе и динамике разрешения дел, но не дает представление о содержании судебных документов.

3. Эстония: суды обеспечены необходимым оборудованием для удаленной работы. Каждый, у кого есть эстонское удостоверение личности (ID), имеет цифровой доступ к государственным услугам, документы могут быть подписаны и переданы в цифровом виде безопасным способом. Суды остались открытыми в период санитарно-эпидемиологических ограничений, но часы работы были ограничены. Судьи и другие сотрудники суда могут вести большую часть судебных разбирательств в письменной форме из дома благодаря информационной системе и электронному приложению к судебным файлам. Для увеличения возможностей проведения ВКС созданы виртуальные переговорные комнаты для министерств, судов, прокуратуры и тюрем.

4. Франция: согласно Распоряжению от 25 марта 2020 г. «О корректировке процессуальных мер во время кризиса» предусматривается возможность передачи полномочий одного суда, не способного функционировать в названных обстоятельствах пандемии, другому или проведение судебных заседаний в режиме ВКС.

5. Нидерланды: введение возможности проведения судебного заседания в режиме ВКС и судебного разбирательства в письменной форме.

6. Швеция: увеличилось использование цифровых средств связи, видео- и телефонных конференций в судебных заседаниях.

Таким образом, пандемия, начавшаяся в 2020 г., стала стимулом для внедрения информационных технологий для стран – участников ЕС. ВКС, телефонные конференции хоть и были введены гораздо ранее, но

получили больший приоритет при взаимоотношении сторон судебного разбирательства. Применение иных платформ дистанционного взаимодействия лиц, участвующих в деле, с судом, таких как Webex, Zoom, Teams или Skype, нашло свое подтверждение только в Португалии, что доказывает приоритет защиты личных данных участников процесса, а также наличие нерешенных вопросов идентификации и аутентификации при использовании названных технических приложений. Кроме того, Великобритания, хоть официально и вышла из состава ЕС с 1 января 2021 г. [56], но взаимодействие между ее судами и ЕС имеется, что доказывает наличие информации на Портале ЕС (разделы: «Получение доказательств с помощью средств ВКС» [51] и «Электронное дело и взаимодействие с судами онлайн» [48]).

Электронное правосудие в Великобритании в условиях пандемии

Страной, подошедшей к решению проблемы функционирования судебной системы в условиях пандемии без ущерба правосудию, является Великобритания. Поправки, внесенные в законодательство этой страны, – это не временные меры в сложившейся конкретной ситуации, а комплексный подход к судебному процессу, в котором учитываются и ситуации чрезвычайного характера.

Во время пандемии Covid-19 Верховный суд Великобритании временно закрыл здание суда, перевел сотрудников на работу в онлайн-режиме [57]. Судебные заседания Верховного суда Великобритании и Судебного комитета Тайного совета проходят с использованием средств ВКС. Названные судебные органы транслируют судебные слушания через веб-сайт судов в прямом эфире с доступом к записям в течение 48 часов [58]. Расписание слушаний находится в открытом доступе с активными ссылками на видеозапись судебного процесса [59]. Электронный документооборот в Верховном суде Великобритании основывается на Практическом руководстве 14 [60], а в Судебном комитете Тайного совета – на Практическом руководстве 9 [61]. В условиях пандемии был закрыт доступ к письменным материалам дела, которые находятся в здании суда. Таким образом, работники суда полностью перешли на электронное правосудие без ссылки на социальную изоляцию и необходимость посещения здания суда [62].

В Правила гражданского процесса Великобритании [63] с начала введения ограничительных мер, связанных с пандемией, были внесены изменения, которые имеют силу закона [64–68]. Были также опубликованы Практические руководства, регулирующие: временный порядок процессуальных действий во время пандемии [69]; порядок аудиозаписи и видеозаписи при нецелесообразности трансляции судебного заседания [70]; изменения в институте приостановления производства по делу [71]; продление сроков рассмотрения дела [72]. Так, например, Поправки № 123, 124, 127 к Правилам гражданского процесса Великобритании [73–75] вносят изменения в Практическое руководство 55С «Коронавирус: временный порядок процессуальных действий» [69], предусматривающее

приостановление делопроизводства в зависимости от ситуации и сути претензии максимально до 30 июля 2021 г., если стороны по делу не заявят ходатайство о возобновлении процесса. Согласно ст. 51.2 Правил гражданского процесса Великобритании [63] и Практического руководства 51ZA [72] ранее принятый 28-дневный срок, на который стороны по соглашению сторон без уведомления суда могли приостановить рассмотрение судебного дела, был увеличен до 56 дней.

Как говорится в п. 9.1 Практического руководства 9 [61], суды используют все технические возможности, которые осуществимы на данном этапе развития общества, в том числе активно переводят весь судебный процесс в электронный вид. Если электронное правосудие в России понимается как «способы и формы осуществления участниками судопроизводства процессуальных действий с использованием информационных технологий» [76. С. 12], то в Великобритании это не только перевод доказательств из письменного вида в электронный образ документа [77], но и возможность доступа к материалам дела аппарата суда независимо от того, возможно ли физически получить доступ в здание суда.

Таким образом, изменения в законодательство Великобритании, касающиеся судебной процедуры, вносятся практически сразу, если это необходимо в связи с чрезвычайными ситуациями. Судебные разбирательства в этой стране можно было проводить в онлайн-режиме сразу после введения мер самоизоляции, так как у судей имелся доступ к электронным материалам дела, была технически реализована возможность удаленной коммуникации между всеми участниками процесса. Работа судов строится не только на нормативных правовых актах, но и на большом количестве практических руководств, которые разъясняют и уточняют нормы права в заданных внутренних и внешних обстоятельствах. Пандемия в Великобритании оказала влияние на лиц, участвующих в деле, так как в случае их болезни изменялись сроки рассмотрения дела, а также по их желанию производство по делу могло быть приостановлено. Негативные факторы, повлиявшие на судебное делопроизводство в рассматриваемом государстве, выявлены не были.

Задачи электронного правосудия в России в режиме чрезвычайной ситуации

В Российской Федерации пандемия способствовала внедрению системы онлайн-заседания для реализации прав лиц, находящихся на самоизоляции и не имеющих возможности присутствовать в зале судебного заседания, в том числе в конференц-зале арбитражного суда или суда общей юрисдикции, которые осуществляют ВКС с судом, рассматривающим гражданское дело. В своем выступлении 9 февраля 2021 г. на совещании судей судов Президент России отметил, что «эксперты Еврокомиссии единодушно сочли российскую судебную систему наиболее оперативной, технологически развитой и наименее финансово затратной для граждан» [78]. Председатель ВС РФ анонсировал для граждан России введение в судебный процесс возможности использования веб-

конференции, которая применяется на сегодняшний день для проведения заседаний Пленума ВС РФ, Научно-консультативного совета при ВС РФ и органов судейского сообщества [79]. То, что в условиях пандемии (на основе данных вышеназванных докладов Президента России и Председателя ВС РФ) судьями было рассмотрено большее количество дел по сравнению с прошлым периодом, означает, что карантинные меры не повлияли на доступность правосудия в России. В то же время при введении ограничительных санитарно-эпидемиологических мер были выявлены следующие задачи электронного правосудия:

1. Отсутствие у граждан подтвержденной записи на портале «Госуслуги» (ЕСИА), невозможность получить доступ к ЕСИА в условиях карантина (исключением стала лишь возможность подтвердить свою личность, если у лица был договор банковского обслуживания с пятью российскими банками (на начало 2021 г. таких банков девять) [21]), в связи с чем произошло нарушение принципа доступности правосудия.

2. Неготовность судебной системы России к электронному делопроизводству по причине повсеместного требования предоставления документов в письменном виде на материальном носителе информации, в то время как электронный документ – это электронный образ представленного документа, требующий предоставления его оригинала непосредственно в зале судебного разбирательства.

3. Стихийное начало применения веб-конференции, отсутствие гарантий защищенности передачи данных может привести к тому, что доступ к личной информации, к информации конфиденциального характера может быть получен неограниченным кругом лиц.

4. Сервис онлайн-трансляций судебных заседаний арбитражных судов России [80] находится в разработке, что говорит о недостаточной открытости судебного процесса, особенно в условиях самоизоляции, при условии невозможности очного присутствия в зале судебного заседания.

5. Представленный Минюстом России проект изменений в кодифицированные и иные законодательные акты [23] по вопросу законодательного урегулирования применения веб-конференции в арбитражных судах и судах общей юрисдикции на сегодняшний день не реализован, а лишь рассматривается в качестве варианта изменений нормативного правового акта. Предложенные в нем нормы исключают возможность использования таких приложений-мессенджеров, как Viber, WhatsApp и аналогичных им, по сути, закрепляя вариант онлайн-заседания, апробированный арбитражными судами России, с внедрением дополнительно единой биометрической системы персональных данных. При таком подходе не будет сомнений в идентификации лица, но возникнет сложность доступа к электронному правосудию для обычных граждан. В случае принятия поправок в представленном виде цивилистический процесс станет платформой для представителей-юристов, имеющих профессиональные знания и обладающих техническими навыками работы с программным обеспечением для удаленного доступа к необходимым ресурсам и обмена данными.

6. Законодательство России закрепило возможность проведения судебного заседания в формате ВКС (ст. 153.1 АПК РФ, 155.1 ГПК РФ). На практике же возникает ситуация, когда разные участники процесса выбирают свой вариант участия в рассматриваемом деле: ВКС, онлайн-заседание, непосредственное нахождение в зале суда (офлайн). Учитывая минимальную ответственность за нераскрытие доказательств участником процесса, а также сложности в изучении представленных доказательств во время разбирательства дела через технические средства связи (удаленно), права заинтересованных лиц могут быть нарушены. К тому же нет ни прямого запрета, ни каких-либо указаний на невозможность или ограничение одновременного использования названных форм участия в судебном заседании.

7. При проведении онлайн-заседания выбранный представитель не может быть в случае необходимости заменен на другого. Онлайн-заседание в связи с идентификацией лица через Госуслуги (ЕСИА) не предусматривает смену поверенного лица, а лишь предоставляет возможность подачи ходатайства об участии в названном заседании нового поверенного. Использование же ВКС предоставляет заинтересованным лицам возможность участвовать в судебном заседании самостоятельно или через поверенного, в том числе с заменой последнего без дополнительного уведомления суда.

8. Участие свидетелей, экспертов технически возможно через средства онлайн-заседания. В то же время возникают процессуальные вопросы такого участия, а именно: кто будет брать подписку о даче заведомо ложных показаний; не будет ли осуществляться давление на указанных лиц теми, кто присутствует при таком онлайн-допросе, поскольку, например, свидетели должны быть удалены из зала судебного заседания до их допроса (п. 6 ч. 2 ст. 153 АПК РФ).

Заключение

Таким образом, пандемия оказала влияние на внедрение новых информационных технологий в цивилистический процесс (см. таблицу). Техническая составляющая важна, но обеспечить ее реализацию невозможно без закрепления процессуальных норм в соответствующих кодифицированных источниках. Заблаговременный обмен электронными документами, а также законодательное установление ответственности лиц, которые препятствуют раскрытию доказательств, – необходимые элементы процесса реализации электронного правосудия в России. Возможность участия в судебном заседании одновременно в форме ВКС, онлайн-заседания и офлайн (в зале суда) должна быть проанализирована с точки зрения принципов судопроизводства, а также прав и обязанностей всех участвующих в деле лиц в их взаимоотношениях. В рассмотренных нами странах проведение веб-конференций возможно в разных ее формах.

В цивилистическом законодательстве Великобритании или практических руководствах нами не было обнаружено того факта, что в судебном разбирательстве могут быть использованы средства мобильной ВКС.

Название страны	РФ	ЕС	Казахстан	Великобритания
Название системы	Мой арбитр ГАС «Правосудие»	Европейский портал электронного правосудия	Судебный кабинет	Онлайн-суд Ее Величества Интернет-портал рассмотрения требований, возникающих из денежных обязательств на сумму не свыше 100 тыс. фунтов Налоговый трибунал первой инстанции

В России, согласно Постановлению Президиума ВС РФ от 29 апреля 2020 г. [3], а также Проекту о внесении изменений в кодифицированные акты и другие нормативные правовые акты от 19 октября 2020 г. [23], рассматривается вариант веб-конференции с обязательной идентификацией с помощью сервиса «Госуслуги» (ЕСИА), с внедрением дополнительно единой биометрической системы персональных данных.

На наш взгляд, кроме выбранного способа удаленного доступа к судебному заседанию с использованием личных технических средств необходимо обратиться к опыту Республики Казахстан, где было разработано специальное мобильное приложение TrueConf, не требующее стационарного оборудования и более доступное для граждан без обращения к специалистам. Что касается Великобритании, то, по нашему мнению, стоит обратить внимание на быстроту реагирования законодательной власти в отношении тех вопросов, которые необходимо урегулировать для нормализации работы судебной системы в чрезвычайных обстоятельствах, во время пандемии. Тем не менее работа арбитражных судов и судов общей юрисдикции России, исходя из статистических данных, представленных Председателем ВС РФ [79], была оперативно переведена в электронный формат. Участники процесса более часто, по сравнению с аналогичным периодом 2019 г., когда не было карантинных мер, заявляли ходатайство о проведении судебного заседания в удаленном виде в форме ВКС или онлайн-заседания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Совета судей Российской Федерации от 18 марта 2020 г. № 808 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <http://www.supcourt.ru/files/28814/> (дата обращения: 01.03.2021).
2. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 8 апреля 2020 г. № 821 «О приостановлении личного приема граждан в судах» // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/files/28837/> (дата обращения: 01.03.2021).
3. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 29 апреля 2020 г. № 822 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/files/28876/> (дата обращения: 01.03.2021).
4. Распоряжение Верховного Суда Российской Федерации от 8 мая 2020 г. № 3КД-12 «Об использовании средств индивидуальной защиты при посещениях зданий Верховного Суда Российской Федерации» // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/files/28890/> (дата обращения: 01.03.2021).
5. Определение Арбитражного суда Саратовской области от 19 марта 2020 г. по делу № А57-25353/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/dd2a293c-c6b9-4509-b638-111cf265053d/33b00b48-cb2b-4255-a559-fd438251dddf/A57-25353-2019_20200319_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.03.2021).
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012; 14.12.2020. № 50 (часть III). Ст. 8073. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 18.05.2020).
7. Определение Арбитражного суда Саратовской области от 27 марта 2020 г. по делу № А57-1416/2020 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b6b6901a-34f8-489e-b5ea-c56edfeb0d1b/e3cef02-67c9-44c4-8c73-5378544ee2a8/A57-1416-2020_20200327_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.03.2021).
8. Определение Арбитражного суда республики Крым от 8 апреля 2020 г. по делу № А83-5986/2018 // Решения арбитражных судов. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/23b6bc4d-4cc7-4e42-8f34-495cb9d53e14/27ea4854-b8f7-4939-9353-5eebb9988bcb/%D0%9083-5985-2018_20200409.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.03.2021).
9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532; 14.12.2020. № 50 (часть III). Ст. 8073. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 01.03.2021).
10. Письмо Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 07 мая 2020 г. № СД-АГ/667 «О деятельности судов и органов Судебного департамента в полном объеме с 12 мая 2020 года» [Официально опубликован не был]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352096/ (дата обращения: 01.03.2021).
11. Список дел, назначенных к слушанию на 07 апреля 2020 года // Саратовский областной суд. URL: https://obsud-sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&H_date=07.04.2020 (дата обращения: 01.03.2021).
12. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1391; Российская газета. 11.12.2020. № 280. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 01.03.2021).
13. Постановление Ленинского районного суда города Саратова от 15 апреля 2020 г. по делу № 5-138/2020 // Ленинский районный суд г. Саратова. URL: https://leninsky-sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=50467951&delo_id=1500001&new=&text_number=1 (дата обращения: 01.03.2021).
14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. 07.01.2002. № 1 (часть I). Ст. 1; Российская газета. 26.02.2021. № 41. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 01.03.2021).
15. Мой арбитр. URL: <https://my.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.03.2021).
16. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // СЗ РФ. 27.06.2016. № 26 (Часть I). Ст. 3889. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200008/ (дата обращения: 18.05.2020).
17. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» (ред. от 05.11.2019). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1354609935033356785544215717&cacheid=CD0BC8A383ADBB5BAD63DA115935AE08&mode=splus&base=LAW&n=350971&rnd=2A64CD2EFABB36F02ECF77EAB637744F#1oidvfifuez> (дата обращения: 01.03.2021).

18. ГАС «Правосудие». URL: <https://ej.sudrf.ru/> (дата обращения: 01.03.2021).
19. Borisova V.F., Afanasiev S.F. Realia and Prospects of Civil E-Justice Legal Regulation // Popkova E. (ed.) Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT. Studies in Computational Intelligence. 2019. vol 826. Springer, Cham. P. 403–410. doi: 10.1007/978-3-030-13397-9_47
20. Госуслуги. Единая система идентификации и аутентификации. URL: <https://esia.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 01.03.2021).
21. Госуслуги. Вход и регистрация. URL: <https://www.gosuslugi.ru/help/faq/c-1/1> (дата обращения: 01.03.2021).
22. Веб-конференция в Верховном Суде Российской Федерации // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/press_center/news/28867/ (дата обращения: 01.03.2021).
23. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» (подготовлен Минюстом России 19.10.2020). URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/56852231/> (дата обращения: 01.03.2021)
24. Арбитражный суд Ямало-Ненецкого автономного округа. Дело № А81-172/2020 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/050303cb-f983-4803-9b60-4c2c981d7316> (дата обращения: 01.03.2021).
25. Арбитражный суд Ямало-Ненецкого автономного округа. Дело № А81-172/2020. Судебное заседание от 28 апреля 2020 года. Видеозапись // Арбитражный суд Ямало-Ненецкого АО. URL: <https://yamal.arbitr.ru/node/14094> (дата обращения: 01.03.2021).
26. Перечень судов, для которых доступна возможность проведения онлайн-заседаний // МойАрбитр. URL: <https://my.arbitr.ru/#help/4/56> (дата обращения: 01.03.2021).
27. Как получить доступ к судебному онлайн-заседанию? // МойАрбитр. URL: <https://my.arbitr.ru/#help/4/55> (дата обращения: 01.03.2021).
28. Приказ Руководителя Департамента по обеспечению деятельности судов при Верховном Суде Республики Казахстан от 9 июня 2018 г. № 6001-18-7-6/188 «Об утверждении Правил технического применения средств подачи документов в суды в форме электронного документа, их регистрации, обработки, ознакомления с ними» // Верховный Суд Республики Казахстан. URL: https://sud.gov.kz/sites/default/files/pagefiles/pravila_rus_.pdf (дата обращения: 01.03.2021).
29. Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 октября 2018 г. № 703 «Об утверждении Правил документирования, управления документацией и использования систем электронного документооборота в государственных и негосударственных организациях» // Законы, Постановления, Приказы, Кодексы в РК. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=39928491#pos=3;-142 (дата обращения: 01.03.2021).
30. Закон Республики Казахстан от 2 апреля 2019 г. № 241-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам развития бизнес-среды и регулирования торговой деятельности» // Законы, Постановления, Приказы, Кодексы в РК. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38597658#pos=1;-90&sdoc_params=text%3D%25D1%258D%25D0%25BB%25D0%25B5%25D0%25BA%25D1%2582%25D1%2580%25D0%25BE%25D0%25BD%25D0%25BD%25D1%258B%25D0%25B9%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D38597658%26spos%3D1%26tSynonym%3D1%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdos_pos=4 (дата обращения: 01.03.2021).
31. Кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V «Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.01.2021 г.) // Законы, Постановления, Приказы, Кодексы в РК. URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=34329053 (дата обращения: 01.03.2021).
32. Современные возможности ИТ // Павлодарский областной суд. URL: <http://pvl.sud.kz/rus/news/sovremennye-vozmozhnosti-it> (дата обращения: 01.03.2021).
33. Приказ Руководителя Департамента по обеспечению деятельности судов при Верховном Суде Республики Казахстан от 7 июня 2018 г. № 600-18-7-6/185 «Об утверждении Правил технического применения средств видеоконференц-связи» // Верховный Суд Республики Казахстан. URL: https://sud.gov.kz/system/files_force/pagefiles/ob_utverzhdenii_pravil_tekhnicheskogo_primeneniya_sredstv_videokonferencsvyazi.pdf?download=1 (дата обращения: 01.03.2021).
34. Приказ Руководителя Департамента по обеспечению деятельности судов при Верховном Суде Республики Казахстан от 15 октября 2019 г. № 7 «Об утверждении Правил применения технических средств связи, обеспечивающих участие в судебном заседании, и требования к ним» // Верховный Суд Республики Казахстан. URL: https://sud.gov.kz/sites/default/files/pagefiles/pravil_primeneniya_tekhnicheskikh_sredstv_svyazi_obespechivayushchih_uchastie_v_sudebnom_zasedanii_i_trebovaniya_k_nim.pdf (дата обращения: 01.03.2021).
35. О режиме работы судов республики в рамках ЧП // Верховный Суд Республики Казахстан. URL: <https://sud.gov.kz/rus/news/o-rezhime-raboty-sudov-respubliki-v-ramkah-chp> (дата обращения: 01.03.2021).
36. Суды работают в условиях жесткого тайм-менеджмента // Верховный Суд Республики Казахстан. URL: <https://sud.gov.kz/rus/news/sudy-rabotayut-v-usloviyah-zhestkogo-taym-menedzhmenta> (дата обращения: 01.03.2021).
37. Как работают суды после снятия режима ЧП? // Верховный Суд Республики Казахстан. URL: <https://sud.gov.kz/rus/news/kak-rabotayut-sudy-posle-snyatiya-rezhima-chp> (дата обращения: 01.03.2021).
38. Судебный кабинет // Верховный Суд Республики Казахстан. URL: <http://office.sud.kz/> (дата обращения: 01.03.2021).
39. Получение ЭЦП удаленно // Электронное правительство Республики Казахстан. URL: https://egov.kz/cms/ru/services/pass_onlineecp (дата обращения: 18.05.2020).
40. Инструкция по настройке и использованию мобильного приложения видеоконференцсвязи «TrueConf» // Верховный Суд Республики Казахстан. URL: <https://sud.gov.kz/sites/default/files/newfiles/instrukciya.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).
41. National judiciaries' Covid-19 emergency measures of COE member States. The functioning of judicial systems in general // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/covid-19-measures-taken-by-the-governement-as-of-15-april-2020-pdf/16809e2929> (дата обращения: 19.03.2021).
42. National judiciaries' Covid-19 emergency measures of COE member States. The functioning of the courts // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/courts-covid-19-measures-as-of-15-april-2020/16809e2927> (дата обращения: 19.03.2021).
43. Comparative table – Covid-19 Impact on civil judicial cooperation // European e-Justice Portal. URL: <https://e-justice.europa.eu/fileDownload.do?id=f74aa89f-e4c7-4946-8e6e-985b6b250473> (дата обращения: 19.03.2021).
44. Comparative table on Insolvency related measures in MS after COVID-19 // European e-Justice Portal. URL: <https://e-justice.europa.eu/fileDownload.do?id=38384e99-f04c-4bd5-a637-336ad6fddca0> (дата обращения: 19.03.2021).
45. Regulation (EU) 2018/1725 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2018 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data by the Union institutions, bodies, offices and agencies and on the free movement of such data, and repealing Regulation (EC) № 45/2001 and Decision № 1247/2002/EC // EUR-Lex – Access to European Union Law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32018R1725> (дата обращения: 19.03.2021).
46. Legal notice // European e-Justice Portal. URL: https://e-justice.europa.eu/content_legal_notice-365-en.do?init=true (дата обращения: 19.03.2021).
47. BETA version of the European e-Justice Portal. URL: <https://beta.e-justice.europa.eu/> (дата обращения: 19.03.2021).
48. Civil cases. Online processing of cases and e-communication with courts // BETA version of the European e-Justice Portal. URL: https://beta.e-justice.europa.eu/280/EN/online_processing_of_cases_and_ecommunication_with_courts (дата обращения: 19.03.2021).
49. Concil Regulation (EC) № 1206/2001 of 28 May 2001 on cooperation between the courts of the Member States in the taking of evidence in civil or commercial matters (в ред. от 22.10.2008) // EUR-Lex – Access to European Union Law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02001R1206-20081204> (дата обращения: 19.03.2021).

50. Videoconferencing. Facilities in EU countries // BETA version of the European e-Justice Portal. URL: https://beta.e-justice.europa.eu/319/EN/facilities_in_eu_countries (дата обращения: 19.03.2021).
51. Court procedures. Taking evidence by videoconference // BETA version of the European e-Justice Portal. URL: https://beta.e-justice.europa.eu/405/EN/taking_evidence_by_videoconference (дата обращения: 19.03.2021).
52. Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир. Аналитический доклад // Центр развития современного права. URL: <http://црп.рф/wp-content/uploads/2020/07/w-informacionnie-tehnologii-v-pravosudii.pdf> (дата обращения: 19.03.2021).
53. Videoconferencing. Facilities in EU countries. Slovenia // BETA version of the European e-Justice Portal. URL: <https://beta.e-justice.europa.eu/fileDownload.do?id=38e359fe-63f4-4ce2-aeb2-305457493df5> (дата обращения: 19.03.2021).
54. Tools for courts and practitioners. Taking evidence by videoconferencing – Portugal // European e-Justice Portal. URL: https://e-justice.europa.eu/content_taking_evidence_by_videoconferencing-405-pt-en.do?member=1 (дата обращения: 19.03.2021).
55. Impact of Covid-19 on the justice field. Digital tools used by the judiciary // European e-Justice Portal. URL: <https://e-justice.europa.eu/fileDownload.do?id=ebb02e1b-61f7-4872-8d2e-29745606ea13> (дата обращения: 19.03.2021).
56. Великобритания завершила процесс Brexit и покинула Евросоюз // Интерфакс: новости. URL: <https://www.interfax.ru/world/743826> (дата обращения: 19.03.2021).
57. Building and Registry Opening Times // The Supreme Court. URL: <https://www.supremecourt.uk/news/building-and-registry-opening-times.html> (дата обращения: 01.03.2021).
58. Supreme Court Live // The Supreme Court. URL: <https://www.supremecourt.uk/live/court-01.html> (дата обращения: 01.03.2021).
59. Court sittings // The Supreme Court. URL: <https://www.supremecourt.uk/visiting/court-sittings.html> (дата обращения: 01.03.2021).
60. Practice Direction 14 // The Supreme Court. URL: <https://www.supremecourt.uk/docs/practice-direction-14.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).
61. Practice Direction 9 // Judicial Committee of the Privy Council. URL: <https://www.jcpc.uk/procedures/practice-direction-09.html> (дата обращения: 01.03.2021).
62. Arrangements during the Coronavirus (COVID-19) Pandemic // The Supreme Court. URL: <https://www.supremecourt.uk/news/arrangements-during-the-coronavirus-pandemic.html> (дата обращения: 01.03.2021).
63. Civil Procedure Rules // Justice. URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil> (дата обращения: 01.03.2021).
64. 116th Update – practice direction amendments // Justice. URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/pdf/update/116th-civil-pd-making-doc.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).
65. 117th Update – practice direction amendments // Justice. URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/pdf/update/cpr-117th-pd-making-doc.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).
66. 118th Practice Direction Update to the Civil Procedure Rules – Coronavirus Pandemic related // Justice. URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/pdf/update/civil-proc-rules-118-update.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).
67. 119th Practice Direction Update to the Civil Procedure Rules – Online Civil Money Claims in support of the Covid-19 effort // Justice. URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/pdf/update/119-cpr-update.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).
68. 120th Practice Direction Update to the Civil Procedure Rules – Coronavirus Pandemic related // Justice. URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/pdf/update/civil-120-pd-making.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).
69. Practice Direction 55C – Coronavirus: Temporary Provision in Relation to Possession Proceedings (в ред. от 29.01.2021) // Justice. URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/practice-direction-55c-coronavirus-temporary-provision-in-relation-to-possession-proceedings> (дата обращения: 01.03.2021).
70. Practice direction 51Y – Video or Audio hearings during coronavirus pandemic // Justice. URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/part51/practice-direction-51y-video-or-audio-hearings-during-coronavirus-pandemic> (дата обращения: 01.03.2021).
71. Practice direction 51Z: Stay of possession proceedings, coronavirus // Justice. URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/part51/practice-direction-51z-stay-of-possession-proceedings-coronavirus> (дата обращения: 01.03.2021).
72. Practice direction 51ZA – Extension of time limits and clarification of practice direction 51Y – coronavirus // Justice. URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/practice-direction-51za-extension-of-time-limits-and-clarification-of-practice-direction-51y-coronavirus> (дата обращения: 01.03.2021).
73. 123th Update – practice direction amendments // Justice. URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/pdf/update/cpr-123-pd-update.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).
74. 124th Update – practice direction amendments // Justice. URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/cpr-124-pd-update.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).
75. 127th Update – practice direction amendments // Justice. URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/127-cpr-update.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).
76. Аносов А.В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 26 с.
77. Electronic bundle guidelines // Judicial Committee of the Privy Council. URL: <https://www.jcpc.uk/procedures/electronic-bundle-guidelines.html> (дата обращения: 01.03.2021).
78. Стенограмма выступления Владимира Путина на совещании судей судов // Сайт о Президенте России. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-vladimira-putina-na-soveschanijsudei-sudov-09-02-2021.html> (дата обращения: 01.03.2021).
79. Доклад Председателя Верховного суда Российской Федерации на совещании судей судов от 09.02.2021 года // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/29637/ (дата обращения: 01.03.2021).
80. On-line трансляции судебных заседаний арбитражных судов России // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://schedule.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.03.2021).

Статья представлена научной редакцией «Право» 20 июля 2021 г.

Pandemic-Driven E-Justice in a Civil Process: Comparative Legal Analysis

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 235–247.

DOI: 10.17223/15617793/472/28

Tamara A. Grigorieva, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: tgrigorieva17@mail.ru

Svetlana P. Kazakova, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: c005er@mail.ru

Alena V. Kruzhalova, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: a.kruzhalova@mail.ru

Regina V. Fomicheva, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: rv302009@mail.ru

Liliya G. Scherbakova, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: lilia2107@mail.ru

Keywords: e-justice; pandemic; civil law; online meeting, video conferencing; web conference, Kazakhstan; Russia; UK; European Union.

The aim of the work is to identify gaps in the regulatory framework containing the rules and procedures for the actions of persons participating in the civil law process, in the presence of external factors, namely, during a pandemic, in order to improve procedural legislation based on the relevant experience of different countries. When conducting a study of legislation, judicial acts regulating the possibility of administering justice under quarantine conditions, general scientific methods of analysis, synthesis, generalization, forecasting, as well as specific scientific methods – comparative legal, formal logical, forecasting, were used. The regulatory framework, acts of courts regulating the issues of administering justice in conditions of self-isolation were analyzed. The features of the impact of the pandemic on judicial activities in Russia, in the Republic of Kazakhstan, in the European Union, as well as in the UK were revealed. Remote means of communication with the court were investigated, as well as consideration of a court case in a civil law process using the means of online interaction. In Russia, the pandemic, along with the use of electronic justice through the systems Moy Arbitr and Pravosudie, became an incentive for the introduction of online meetings in arbitration courts, various types of web conferences. In the Republic of Kazakhstan, quarantine measures became the reason for the greater use of the TrueConf service, the mobile courtroom. The European Union increased the interaction of courts in a distance format with the help of the European e-Justice portal. The UK is distinguished by its progressive approach to the legislative settlement of the circumstances associated with remote proceedings. The tasks of electronic justice are set, which must be solved by Russia in an emergency situation. In conclusion, the authors infer that the pandemic had an impact on the introduction of new information technologies in the civil process. The technical component of e-justice is important, but it is impossible to ensure its implementation without fixing the procedural rules in the relevant codified sources. Despite the fact that the legal proceedings in Russia are at a high level and an example in this issue for other countries, it is necessary to refer to the experience of the Republic of Kazakhstan, where a special mobile application TrueConf was developed, which does not require stationary equipment and is more accessible to citizens without contacting specialists. As for the UK, in the authors' opinion, it is worth paying attention to the responsiveness of the legislature regarding the issues that need to be resolved in order to normalize the work of the judicial system in emergency situations during the pandemic.

REFERENCES

1. Supreme Court of the Russian Federation. (2020) *Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii, Prezidiuma Soveta sudey Rossiyskoy Federatsii ot 18 marta 2020 g. № 808* [Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation of March 18, 2020, No. 808]. [Online] Available from: <http://www.supcourt.ru/files/28814/> (Accessed: 01.03.2021).
2. Supreme Court of the Russian Federation. (2020) *Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Suda RF, Prezidiuma Soveta sudey RF ot 8 aprelya 2020 g. № 821 "O priostanovlenii lichnogo priema grazhdan v sudakh"* [Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation of April 8, 2020, No. 821 "On the suspension of personal reception of citizens in courts"]. [Online] Available from: <https://vsrf.ru/files/28837/> (Accessed: 01.03.2021).
3. Supreme Court of the Russian Federation. (2020) *Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii i Prezidiuma Soveta sudey Rossiyskoy Federatsii ot 29 aprelya 2020 g. № 822* [Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation and the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation of April 29, 2020, No. 822]. [Online] Available from: <https://vsrf.ru/files/28876/> (Accessed: 01.03.2021).
4. Supreme Court of the Russian Federation. (2020) *Rasporyazhenie Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 8 maya 2020 g. № 3KD-12 "Ob ispol'zovanii sredstv individual'noy zashchity pri poseshchenii zdaniy Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii"* [Order of the Supreme Court of the Russian Federation of May 8, 2020, No. 3KD-12 "On the use of personal protective equipment when visiting the buildings of the Supreme Court of the Russian Federation"]. [Online] Available from: <https://vsrf.ru/files/28890/> (Accessed: 01.03.2021).
5. Kad.arbitr.ru. (2019) *Opreделение Arbitrazhnogo suda Saratovskoy oblasti ot 19 marta 2020 g. po delu № A57-25353/2019* [Determination of the Arbitration Court of Saratov Oblast of March 19, 2020, in case No. A57-25353/2019]. [Online] Available from: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/dd2a293c-c6b9-4509-b638-111cf265053d/33b00b48-cb2b-4255-a559-fd438251dddf/A57-25353-2019_20200319_Opreделение.pdf?isAddStamp=True (Accessed: 01.03.2021).
6. Consultant.ru. (2020) *Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 24 iyulya 2002 g. № 95-FZ (red. ot 08.12.2020)* [Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended on December 8, 2020)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (Accessed: 18.05.2020).
7. Kad.arbitr.ru. (2020) *Opreделение Arbitrazhnogo suda Saratovskoy oblasti ot 27 marta 2020 g. po delu № A57-1416/2020* [Determination of the Arbitration Court of Saratov Oblast of March 27, 2020, in case No. A57-1416/2020]. [Online] Available from: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b6b6901a-34f8-489e-b5ea-c56edfeb0d1b/e3c4ef02-67c9-44c4-8c73-5378544ee2a8/A57-1416-2020_20200327_Opreделение.pdf?isAddStamp=True (Accessed: 01.03.2021).
8. Ras.arbitr.ru. (2020) *Opreделение Arbitrazhnogo suda respubliki Krym ot 8 aprelya 2020 g. po delu № A83-5986/2018* [Determination of the Arbitration Court of the Republic of Crimea of April 8, 2020, in case No. A83-5986/2018]. [Online] Available from: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/23b6bc4d-4cc7-4e42-8f34-495cb9d53e14/27ea4854-b8f7-4939-9353-5eebb9988bcb/%D0%9083-5985-2018_20200409.pdf?isAddStamp=True (Accessed: 01.03.2021).
9. Consultant.ru. (2020) *Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14 noyabrya 2002 g. № 138-FZ (red. ot 08.12.2020)* [Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002, No. 138-FZ (as amended on December 8, 2020)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (Accessed: 01.03.2021).
10. Consultant.ru. (2020) *Pis'mo Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude RF ot 07 maya 2020 g. № SD-AG/667 "O deyatel'nosti sudov i organov Sudebnogo departamenta v polnom ob'eme s 12 maya 2020 goda"* [Letter of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation of May 07, 2020 No. SD-AG/667 "On the activities of the courts and bodies of the Judicial Department in full volume since May 12, 2020"]. Not published officially. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352096/ (Accessed: 01.03.2021).
11. Saratov Regional Court. (2020) *Spisok del, naznachennykh k slushaniyu na 07 aprelya 2020 goda* [List of cases scheduled for hearing on April 07, 2020]. [Online] Available from: https://oblsud--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&H_date=07.04.2020 (Accessed: 01.03.2021).
12. Consultant.ru. (2020) *Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii ot 08 marta 2015 g. № 21-FZ (red. ot 08.12.2020)* [Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of March 08, 2015, No. 21-FZ (as amended on December 8, 2020)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (Accessed: 01.03.2021).
13. Leninsky District Court of Saratov. (2020) *Postanovlenie Leninskogo rayonnogo suda goroda Saratova ot 15 aprelya 2020 g. po delu № 5-138/2020* [Resolution of the Leninsky District Court of Saratov of April 15, 2020, in case No. 5-138/2020]. [Online] Available from: https://leninsky--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=50467951&delo_id=1500001&new=&text_number=1 (Accessed: 01.03.2021).
14. Consultant.ru. (2021) *Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ (red. ot 24.02.2021)* [RF Code of Administrative Offenses of December 30, 2001, No. 195-FZ (as amended on February 24, 2021)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (Accessed: 01.03.2021).

15. *Moy arbitr* [My arbitrator]. [Online] Available from: <https://my.arbitr.ru/> (Accessed: 01.03.2021).
16. Consultant.ru. (2016) *Federal'nyy zakon ot 23 iyunya 2016 g. № 220-FZ "O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti primeneniya elektronnykh dokumentov v deyatel'nosti organov sudebnoy vlasti"* [Federal Law of June 23, 2016, No. 220-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Application of Electronic Documents in the Activities of Judicial Authorities"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200008/ (Accessed: 18.05.2020).
17. Consultant.ru. (2019) *Prikaz Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude RF ot 27 dekabrya 2016 g. № 251 "Ob utverzhdenii Poryadka podachi v federal'nye sudy obshchey yurisdiktsii dokumentov v elektronnom vide, v tom chisle v forme elektronnoho dokumenta"* (red. ot 05.11.2019) [Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2016, No. 251 "On approval of the procedure for filing documents in electronic form with federal courts of general jurisdiction, including in the form of an electronic document" (as amended on November 5, 2019)]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1354609935033356785544215717&cacheid=CD0BC8A383ADB5BAD63DA115935AE08&mode=splus&base=LAW&n=350971&rnd=2A64CD2EFABB36F02ECF77EAB637744F#loidvfifuez> (Accessed: 01.03.2021).
18. *GAS "Pravosudie"* [Justice State Information System]. [Online] Available from: <https://ej.sudrf.ru/> (Accessed: 01.03.2021).
19. Borisova, V.F. & Afanasiev, S.F. (2019) Realia and Prospects of Civil E-Justice Legal Regulation. In: Popkova E. (ed.) *Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT*. Studies in Computational Intelligence. Vol 826. Springer, Cham. pp. 403–410. DOI: 10.1007/978-3-030-13397-9_47
20. Gosuslugi. (2021) *Edinaya sistema identifikatsii i autentifikatsii* [Unified system of identification and authentication]. [Online] Available from: <https://esia.gosuslugi.ru/> (Accessed: 01.03.2021).
21. Gosuslugi. (2021) *Vkhod i registratsiya* [Login and registration]. [Online] Available from: <https://www.gosuslugi.ru/help/faq/c-1/1> (Accessed: 01.03.2021).
22. Supreme Court of the Russian Federation. (2021) *Veb-konferentsiya v Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii* [Web conference in the Supreme Court of the Russian Federation]. [Online] Available from: https://vsrf.ru/press_center/news/28867/ (Accessed: 01.03.2021).
23. Ivo.garant.ru. (2020) *Proekt Federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy v Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii, Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii, Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii i inye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii"* (podgotovlen Minyustom Rossii 19.10.2020) [Draft Federal Law "On Amending the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and other legislative acts of the Russian Federation" (prepared by the Ministry of Justice of Russia on September 19, 2020)]. [Online] Available from: <http://ivo.garant.ru/#/document/56852231/> (Accessed: 01.03.2021)
24. Kad.arbitr.ru. (2020) *Arbitrazhnyy sud Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga. Delo № A81-172/2020* [Arbitration Court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. Case No. A81-172/2020]. [Online] Available from: <https://kad.arbitr.ru/Card/050303cb-f983-4803-9b60-4c2c981d7316> (Accessed: 01.03.2021).
25. Arbitration Court of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. (2020) *Arbitrazhnyy sud Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga. Delo № A81-172/2020. Sudebnoe zasedanie ot 28 aprelya 2020 goda. Videozapis* [Arbitration Court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. Case No. A81-172/2020. Judgment of April 28, 2020. Video recording]. [Online] Available from: <https://yamal.arbitr.ru/node/14094> (Accessed: 01.03.2021).
26. MoyArbitr. (2021) *Perechen' sudov, dlya kotorykh dostupna vozmozhnost' provedeniya onlayn-zasedaniy* [List of courts for which the possibility of holding online meetings is available]. [Online] Available from: <https://my.arbitr.ru/#help/4/56> (Accessed: 01.03.2021).
27. MoyArbitr. (2021) *Kak poluchit' dostup k sudebnomu onlayn-zasedaniyu?* [How to get access to the online court session?]. [Online] Available from: <https://my.arbitr.ru/#help/4/55> (Accessed: 01.03.2021).
28. Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. (2018) *Prikaz Rukovoditelya Departamenta po obespecheniyu deyatel'nosti sudov pri Verkhovnom Sude Respubliki Kazakhstan ot 9 iyunya 2018 g. № 6001-18-7-6/188 "Ob utverzhdenii Pravil tekhnicheskogo primeneniya sredstv podachi dokumentov v sudy v forme elektronnoho dokumenta, ikh registratsii, obrabotki, oznakomleniya s nimi"* [Order of the Head of the Department for ensuring the activities of courts under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan of June 9, 2018, No. 6001-18-7-6/188 "On approval of the rules for the technical application of the means of filing documents with the courts in the form of an electronic document, their registration, processing, familiarization with them"]. [Online] Available from: https://sud.gov.kz/sites/default/files/pagefiles/pravila.rus_.pdf (Accessed: 01.03.2021).
29. Online.zakon.kz. (2018) *Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 31 oktyabrya 2018 g. № 703 "Ob utverzhdenii Pravil dokumentirovaniya, upravleniya dokumentatsiyey i ispol'zovaniya sistem elektronnoho dokumentooborota v gosudarstvennykh i negosudarstvennykh organizatsiyakh"* [Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan of October 31, 2018, No. 703 "On approval of the rules for documenting, managing documents and using electronic document management systems in state and non-state organizations"]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=39928491#pos=3;-142 (Accessed: 01.03.2021).
30. Online.zakon.kz. (2019) *Zakon Respubliki Kazakhstan ot 2 aprelya 2019 g. № 241-VI "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazakhstan po voprosam razvitiya biznes-sredy i regulirovaniya trgovoy deyatel'nosti"* [Law of the Republic of Kazakhstan of April 2, 2019, No. 241-VI "On amendments and additions to certain legislative acts of the Republic of Kazakhstan on the development of the business environment and regulation of trading activities"]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38597658#pos=1;-90&sdsc_params=text%3D%25D1%258D%25D0%25BB%25D0%25B5%25D0%25BA%25D1%2582%25D1%2580%25D0%25BE%25D0%25BD%25D0%25BD%25D1%258B%25D0%25B9%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D38597658%26spos%3D1%26tSynonym%3D1%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdsc_pos=4 (Accessed: 01.03.2021).
31. Online.zakon.kz. (2021) *Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 31 oktyabrya 2015 goda № 377-V "Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Respubliki Kazakhstan" (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 02.01.2021 g.)* [Code of the Republic of Kazakhstan of October 31, 2015, No. 377-V "Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan" (as amended and supplemented as of January 02, 2021)]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=34329053 (Accessed: 01.03.2021).
32. Pavlodar Regional Court. (2021) *Sovremennye vozmozhnosti IT* [Modern possibilities of IT]. [Online] Available from: <http://pvl.sud.kz/rus/news/sovremennye-vozmozhnosti-it> (Accessed: 01.03.2021).
33. Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. (2018) *Prikaz Rukovoditelya Departamenta po obespecheniyu deyatel'nosti sudov pri Verkhovnom Sude Respubliki Kazakhstan ot 7 iyunya 2018 g. № 600-18-7-6/185 "Ob utverzhdenii Pravil tekhnicheskogo primeneniya sredstv videokonferents-svyazi"* [Order of the Head of the Department for ensuring the activities of courts under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan of June 7, 2018, No. 600-18-7-6/185 "On approval of the rules for the technical use of videoconferencing facilities"]. [Online] Available from: https://sud.gov.kz/system/files_force/pagefiles/ob_utverzhdenii_pravil_tekhnicheskogo_primeneniya_sredstv_videokonferentsvyazi.pdf?download=1 (Accessed: 01.03.2021).
34. Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. (2019) *Prikaz Rukovoditelya Departamenta po obespecheniyu deyatel'nosti sudov pri Verkhovnom Sude Respubliki Kazakhstan ot 15 oktyabrya 2019 g. № 7 "Ob utverzhdenii Pravil primeneniya tekhnicheskikh sredstv svyazi, obespechivayushchikh uchastie v sudebnom zasedanii, i trebovaniya k nim"* [Order of the Head of the Department for ensuring the activities of courts under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan of October 15, 2019, No. 7 "On approval of the rules for the use of technical means of communication that ensure participation in the court session, and requirements for them"]. [Online] Available from:

- https://sud.gov.kz/sites/default/files/pagefiles/pravil_primeneniya_tekhnicheskikh_sredstv_svyazi_obespechivayushchih_uchastie_v_sudebnom_zasedanii_i_trebovaniya_k_nim.pdf (Accessed: 01.03.2021).
35. Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. (2021) *O rezhime raboty sudov respubliki v ramkakh ChP* [On the mode of operation of the courts of the republic in the framework of the state of emergency]. [Online] Available from: <https://sud.gov.kz/rus/news/o-rezhime-raboty-sudov-respubliki-v-ramkah-chp> (Accessed: 01.03.2021).
 36. Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. (2021) *Sudy rabotayut v usloviyakh zhestkogo taym-menedzhmenta* [Courts work in conditions of strict time management]. [Online] Available from: <https://sud.gov.kz/rus/news/sudy-rabotayut-v-usloviyakh-zhestkogo-taym-menedzhmenta> (Accessed: 01.03.2021).
 37. Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. (2021) *Kak rabotayut sudy posle snyatiya rezhima ChP?* [How do the courts work after the lifting of the state of emergency?]. [Online] Available from: <https://sud.gov.kz/rus/news/kak-rabotayut-sudy-posle-snyatiya-rezhima-chp> (Accessed: 01.03.2021).
 38. Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. (2021) *Sudebnyy kabinet* [Judicial office]. [Online] Available from: <http://office.sud.kz/> (Accessed: 01.03.2021).
 39. Electronic Government of the Republic of Kazakhstan. (2020) *Poluchenie ETsP udalennno* [Obtaining an e-signature remotely]. [Online] Available from: https://egov.kz/cms/ru/services/pass_onlineecp (Accessed: 18.05.2020).
 40. Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. (2021) *Instruktsiya po nastroyke i ispol'zovaniyu mobil'nogo prilozheniya videokonferentssvyazi "TrueConf"* [Instructions for setting up and using the TrueConf mobile video conferencing application]. [Online] Available from: <https://sud.gov.kz/sites/default/files/newfiles/instruktsiya.pdf> (Accessed: 01.03.2021).
 41. Council of Europe. (2020) *National judiciaries' Covid-19 emergency measures of COE member States. The functioning of judicial systems in general*. [Online] Available from: <https://rm.coe.int/covid-19-measures-taken-by-the-governement-as-of-15-april-2020-pdf/16809e2929> (Accessed: 19.03.2021).
 42. Council of Europe. (2020) *National judiciaries' Covid-19 emergency measures of COE member States. The functioning of the courts*. [Online] Available from: <https://rm.coe.int/courts-covid-19-measures-as-of-15-april-2020/16809e2927> (Accessed: 19.03.2021).
 43. European e-Justice Portal. (2021) *Comparative table – Covid-19 Impact on civil judicial cooperation* [Online] Available from: <https://e-justice.europa.eu/fileDownload.do?id=f74aa89f-e4c7-4946-8e6e-985b6b250473> (Accessed: 19.03.2021).
 44. European e-Justice Portal. (2021) *Comparative table on Insolvency related measures in MS after COVID-19*. [Online] Available from: <https://e-justice.europa.eu/fileDownload.do?id=38384e99-f04c-4bd5-a637-336ad6fddca0> (Accessed: 19.03.2021).
 45. EUR-Lex. (2018). *Regulation (EU) 2018/1725 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2018 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data by the Union institutions, bodies, offices and agencies and on the free movement of such data, and repealing Regulation (EC) № 45/2001 and Decision № 1247/2002/EC*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32018R1725> (Accessed: 19.03.2021).
 46. European e-Justice Portal. (2021) *Legal notice*. [Online] Available from: https://e-justice.europa.eu/content_legal_notice-365-en.do?init=true (Accessed: 19.03.2021).
 47. *BETA version of the European e-Justice Portal*. [Online] Available from: <https://beta.e-justice.europa.eu/> (Accessed: 19.03.2021).
 48. *BETA version of the European e-Justice Portal. (2021) Civil cases. Online processing of cases and e-communication with courts*. [Online] Available from: https://beta.e-justice.europa.eu/280/EN/online_processing_of_cases_and_ecommunication_with_courts (Accessed: 19.03.2021).
 49. EUR-Lex. (2008) *Concil Regulation (EC) № 1206/2001 of 28 May 2001 on cooperation between the courts of the Member States in the taking of evidence in civil or commercial matters*. 22 October 2008 edition. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02001R1206-20081204> (Accessed: 19.03.2021).
 50. *BETA version of the European e-Justice Portal. (2021) Videoconferencing. Facilities in EU countries*. [Online] Available from: https://beta.e-justice.europa.eu/319/EN/facilities_in_eu_countries (Accessed: 19.03.2021).
 51. *BETA version of the European e-Justice Portal. (2021) Court procedures. Taking evidence by videoconference*. [Online] Available from: https://beta.e-justice.europa.eu/405/EN/taking_evidence_by_videoconference (Accessed: 19.03.2021).
 52. Center for the Development of Modern Law. (2020) *Informatsionnye tekhnologii v pravosudii: sostoyanie i perspektivy. Rossiya i mir. Analiticheskiy doklad* [Information technology in justice: state and prospects. Russia and the world. Analytical report]. [Online] Available from: <http://tsrsp.rf/wp-content/uploads/2020/07/w-informacionnye-tehnologii-v-pravosudii.pdf> (Accessed: 19.03.2021).
 53. *BETA version of the European e-Justice Portal. (2021) Videoconferencing. Facilities in EU countries. Slovenia*. [Online] Available from: <https://beta.e-justice.europa.eu/fileDownload.do?id=38e359fe-63f4-4ce2-aeb2-305457493df5> (Accessed: 19.03.2021).
 54. European e-Justice Portal. (2021) *Tools for courts and practitioners. Taking evidence by videoconferencing – Portugal*. [Online] Available from: https://e-justice.europa.eu/content_taking_evidence_by_videoconferencing-405-pt-en.do?member=1 (Accessed: 19.03.2021).
 55. European e-Justice Portal. (2021) *Impact of Covid-19 on the justice field. Digital tools used by the judiciary*. [Online] Available from: <https://e-justice.europa.eu/fileDownload.do?id=ebb02e1b-61f7-4872-8d2e-29745606ea13> (Accessed: 19.03.2021).
 56. Interfax. (2021) *Velikobritaniya zavershila protsess Brexit i pokinula Evrosoyuz* [UK completes Brexit and leaves EU]. [Online] Available from: <https://www.interfax.ru/world/743826> (Accessed: 19.03.2021).
 57. The Supreme Court. (2021) *Building and Registry Opening Times*. [Online] Available from: <https://www.supremecourt.uk/news/building-and-registry-opening-times.html> (Accessed: 01.03.2021).
 58. The Supreme Court. (2021) *Supreme Court Live*. [Online] Available from: <https://www.supremecourt.uk/live/court-01.html> (Accessed: 01.03.2021).
 59. The Supreme Court. (2021) *Court sittings*. [Online] Available from: <https://www.supremecourt.uk/visiting/court-sittings.html> (Accessed: 01.03.2021).
 60. The Supreme Court. (2021) *Practice Direction 14*. [Online] Available from: <https://www.supremecourt.uk/docs/practice-direction-14.pdf> (Accessed: 01.03.2021).
 61. Judicial Committee of the Privy Council. (2021) *Practice Direction 9*. [Online] Available from: <https://www.jcpc.uk/procedures/practice-direction-09.html> (Accessed: 01.03.2021).
 62. The Supreme Court. (2021) *Arrangements during the Coronavirus (COVID-19) Pandemic*. [Online] Available from: <https://www.supremecourt.uk/news/arrangements-during-the-Coronavirus-Pandemic.html> (Accessed: 01.03.2021).
 63. Justice. (2021) *Civil Procedure Rules*. [Online] Available from: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil> (Accessed: 01.03.2021).
 64. Justice. (2021) *116th Update – practice direction amendments*. [Online] Available from: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/pdf/update/116th-civil-pd-making-doc.pdf> (Accessed: 01.03.2021).
 65. Justice. (2021) *117th Update – practice direction amendments*. [Online] Available from: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/pdf/update/cpr-117th-pd-making-doc.pdf> (Accessed: 01.03.2021).
 66. Justice. (2021) *118th Practice Direction Update to the Civil Procedure Rules – Coronavirus Pandemic related*. [Online] Available from: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/pdf/update/civil-proc-rules-118-update.pdf> (Accessed: 01.03.2021).
 67. Justice. (2021) *119th Practice Direction Update to the Civil Procedure Rules – Online Civil Money Claims in support of the Covid-19 effort*. [Online] Available from: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/pdf/update/119-cpr-update.pdf> (Accessed: 01.03.2021).
 68. Justice. (2021) *120th Practice Direction Update to the Civil Procedure Rules – Coronavirus Pandemic related*. [Online] Available from: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/pdf/update/civil-120-pd-making.pdf> (Accessed: 01.03.2021).

69. Justice. (2021) *Practice Direction 55C – Coronavirus: Temporary Provision in Relation to Possession Proceedings*. 29 January 2021 edition. [Online] Available from: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/practice-direction-55c-coronavirus-temporary-provision-in-relation-to-possession-proceedings> (Accessed: 01.03.2021).
70. Justice. (2021) *Practice direction 51Y – Video or Audio hearings during coronavirus pandemic*. [Online] Available from: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/part51/practice-direction-51y-video-or-audio-hearings-during-coronavirus-pandemic> (Accessed: 01.03.2021).
71. Justice. (2021) *Practice direction 51Z: Stay of possession proceedings, coronavirus*. [Online] Available from: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/part51/practice-direction-51z-stay-of-possession-proceedings-coronavirus> (Accessed: 01.03.2021).
72. Justice. (2021) *Practice direction 51ZA – Extension of time limits and clarification of practice direction 51Y – coronavirus*. [Online] Available from: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/practice-direction-51za-extension-of-time-limits-and-clarification-of-practice-direction-51y-coronavirus> (Accessed: 01.03.2021).
73. Justice. (2021) *123th Update – practice direction amendments*. [Online] Available from: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/pdf/update/cpr-123-pd-update.pdf> (Accessed: 01.03.2021).
74. Justice. (2021) *124th Update – practice direction amendments*. [Online] Available from: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/cpr-124-pd-update.pdf> (Accessed: 01.03.2021).
75. Justice. (2021) *127th Update – practice direction amendments*. [Online] Available from: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/127-cpr-update.pdf> (Accessed: 01.03.2021).
76. Anosov, A.V. (2017) *Informatsionno-pravovye voprosy formirovaniya elektronnoy pravosudiya v Rossiyskoy Federatsii* [Information and legal issues of the formation of e-justice in the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
77. Judicial Committee of the Privy Council. (2021) *Electronic bundle guidelines*. [Online] Available from: <https://www.jcpc.uk/procedures/electronic-bundle-guidelines.html> (Accessed: 01.03.2021).
78. Prezident.org. (2021) *Stenogramma vystupleniya Vladimira Putina na soveshchanii sudey sudov* [Transcript of Vladimir Putin's speech at a meeting of court judges]. [Online] Available from: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystupleniya-vladimira-putina-na-soveshchanii-sudei-sudov-09-02-2021.html> (Accessed: 01.03.2021).
79. Supreme Court of the Russian Federation. (2021) *Doklad Predsedatelya Verkhovnogo suda Rossiyskoy Federatsii na soveshchanii sudey sudov ot 09.02.2021 goda* [Report of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation at the meeting of court judges on February 9, 2021]. [Online] Available from: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/29637/ (Accessed: 01.03.2021).
80. Federal Arbitration Courts. (2021) *On-line translyatsii sudebnykh zasedaniy arbitrazhnykh sudov Rossii* [On-line broadcasts of court hearings of arbitration courts of Russia]. [Online] Available from: <http://schedule.arbitr.ru/> (Accessed: 01.03.2021).

Received: 20 July 2021

И.А. Ефремова, А.Б. Смушкин, А.Г. Донченко, П.А. Матушкин

КИБЕРПРОСТРАНСТВО КАК НОВАЯ СРЕДА ПРЕСТУПНОСТИ

Комплексно исследуется кибернетическое пространство как новая среда преступности. Представлено иное видение дефиниции термина «кибернетическое пространство», выявлены особенности кибернетического пространства. Осуществлен анализ материального, информационного, социального, психологического аспектов кибернетического пространства, а также концепции киберпространства в криминалистике. Сформулировано авторское определение киберпреступности.

Ключевые слова: киберпреступность; киберпространство; киберсфера; кибербезопасность; защита информации

В последнее время активно ворвалась в правовое, информационное и социальное поле новая категория – киберпространство (виртуальное пространство, инцидентное компьютерное пространство и т.д.), которое стало новой средой для возникновения, существования и развития преступности (киберпреступности). С развитием информационно-телекоммуникационных технологий преступность в киберпространстве в последнее десятилетие стала одной из острейших проблем не только для Российского государства, но и для всего мирового сообщества. Все чаще и чаще преступные посяательства совершаются в новой среде – киберпространстве (например, хищения денежных средств с электронных счетов – фишинг). Можно отметить, что киберпреступность стала новой генерацией преступников, имеющей существенные отличия от «классических» преступников, вызванные именно спецификой киберпространства. Преступников, действующих в киберпространстве, в большинстве своем характеризует высокий интеллектуальный и образовательный уровень. Они раньше других (и уж точно раньше правоохранительных органов) берут на заметку новые концепции, связанные с постоянной трансформацией и изменением киберпространства: блокчейн, распределенное хранение информации, удаленная работа на ином устройстве с использованием своего только как «печатной машинки», даркнет с его специфическими характеристиками (туннельной маршрутизацией, «луковичным» принципом шифрования, анонимизацией пользователей и т.д.). Они используют новые методы совершения преступлений: фишинг, торговля «карженными» товарами, взлом аккаунтов и подмена личности владельца, DDOS-атаки и т.д. Преступность в сети также характеризуется специфическими особенностями, непосредственно связанными с киберпространством: трансграничность, возможность формирования преступных групп анонимно или из малознакомых лиц, геймификация совершения преступлений (многие рассматривают свою деятельность как игру, взлом защищенного сайта – как вызов)», дистанционность совершения «классических» преступлений (например, дистанционная торговля наркотиками), возможность автоматизации целых этапов совершения преступлений, возможность перехвата управления и использования в преступных целях частных и государственных устройств (что особо опасно становится с учетом расширения круга применения беспилотных и иных автоматизированных устройств), использование игро-

вой среды (сетевых компьютерных игр) для преступной коммуникации, а также перемещения или легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем.

Преступления в киберпространстве оставляют специфическую следовую картину, о чем будет сказано дальше в нашем исследовании.

Специфичность киберпреступности связана в первую очередь с особенностями киберпространства как нового пространства совершения преступлений.

Однако, несмотря на то что преступность активным образом развивается в новой среде – в киберпространстве, среди научного сообщества нет единства во мнении относительно не только содержания новой среды преступности, но и самого ее наименования. Так, некоторые авторы используют оборот «виртуальное пространство» [1], другие – «киберпространство» [2–6], третьи – «информационная сфера» («среда») [7]. Имеются также компромиссные мнения, рассматривающие киберпространство и виртуальное пространство как тождественные понятия [8]. Однако, несмотря на схожесть данных терминов, они существенным образом разнятся. Виртуальная реальность представляет собой искусственную среду, совокупность ощущений человека, созданных посредством использования им различных технических, электронных устройств [9], в то время как кибернетическое пространство представляет собой обобщенное наименование упорядоченной в соответствии с определенными протоколами автоматизированной обработки информации системы программных средств и документальных файлов, расположенных в памяти электронных цифровых устройств или электронной цифровой информации, находящейся в процессе передачи любым доступным способом, либо информации, распределенной в компьютерной системе или сети.

Философы, социологи, криминалисты, специалисты в IT-технологиях, ученые и практики предлагают свои подходы применительно к своим целям и своим дисциплинам. Между тем данный феномен (киберпространство) продуцирует появление новой сетевой культуры, правосознания, а также новых видов правонарушений. С учетом специфики этого нового пространства в науке высказывались предложения о формировании новой комплексной дисциплины «киберология». «Киберология» должна быть именно комплексной дисциплиной, включающей знания психологии, философии, социологии, права, математики, физики и техники, связанных непосредственно с кибер-

нетическим пространством, а именно с его историей возникновения и развития, функционирования, обеспечением кибернетической безопасности [10. С. 85].

Некоторые авторы вообще считают киберпространство абстракцией. Подобное суждение высказывает Г.А. Атаманов [11]. Однако каким образом форма бытия реальных предметов может быть условной, абстрактной?

Впервые упомянул симбиоз кибернетики и пространства Уильям Гибсон в новелле «Сожжение Хром» (1982 г). Именно данный ученый впервые осмелился сделать предположение о взаимодействии (взаимовлиянии) компьютера и нервной системы его пользователя. Позднее Дж. Барлоу рассматривал два уровня киберпространства: первый уровень – уровень обмена информацией, которая происходит в форме программных кодов, порожденных непосредственно киберпространством; второй уровень – уровень виртуальной жизни, которая порождена в процессе обмена между аватарами (объекты, представляющие в виртуальном мире пользователей) информацией [12. С. 28].

Отсутствует единый подход среди правоприменителей не только отечественных, но и зарубежных. Так, Верховный Суд США в одном из решений указывал, что киберпространство представляет собой некий уникальный носитель, уникальность которого заключается в том, что он, не находясь на какой-либо определенной территории, доступен через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» каждому в любой точке мира [13]. Такой подход не добавляет легкости пониманию содержания данного феномена.

В документах Пентагона, по данным И.М. Попова, киберпространство представляет собой находящийся внутри информационной среды глобальный домен, который состоит из сети информационно-технологических инфраструктур, включая информационно-телекоммуникационные сети, в частности информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, компьютерные системы, встроенные процессоры и контроллеры [14]. Недостатком подобного подхода нам видится увеличение неопределенности при его использовании. Оборот «глобальный домен внутри информационной среды» подразумевает наличие в ней иных сущностей и объектов (доменов?) кроме киберпространства. «Контроллеры и процессоры» в контексте данного определения не имеют жесткой «привязки» к аппаратной или программной части компьютеров. Соответственно, не понятно, включается ли в данное определение аппаратная сторона – составные части компьютерного устройства. Неясно, что вообще понимается под информационной средой, частью которой является киберпространство (ноосфера? Совокупность любых информационных объектов?). Между тем классический принцип логики – принцип Оккама – требует не умножать сущности без необходимости.

В.А. Крайванова определяет киберпространство как «событийно-предметное пространство Интернета» [15]. Однако о каких предметах идет речь, она не уточняет. Подчеркивают значение сети Интернет и некоторые другие авторы. Так, А.В. Нестеров предлагает рассматривать термин «кибернетическое про-

странство», тождественный термину «интернет-пространство», который, как правило, используется для обозначения на определенной территории наличествующей национальной юрисдикции [16. С. 14].

Как сферу социальной деятельности, связанной с оборотом информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, определяет киберпространство И.М. Рассолов [17. С. 33]. Д.В. Грибанов, напротив, предлагает понимать под кибернетическим пространством не некую сферу социальной деятельности, а непосредственно совокупность общественных отношений, связанных с информацией, которая обрабатывается посредством ЭВМ [18].

И.М. Дзялошинский выделяет три концепции, три подхода к пониманию кибернетического пространства: во-первых, кибернетическое пространство – обычное пространство, имеющее место расположение и границы. Во-вторых, кибернетическое пространство представляет собой пространство информационных взаимодействий (в данном случае анализируемый термин тождествен терминам «информационное поле», «информационное пространство»). В-третьих, под кибернетическим пространством понимается совокупность социальных структур, которые между собой соединены информационными отношениями (отношениями, связанными с информацией (сбор, обработка и т.д.) посредством глобальных компьютерных сетей) [19].

Нам киберпространство представляется многоаспектной категорией, имеющей философское, социальное, психологическое, криминалистическое, уголовно-правовое, криминологическое и иные измерения. Между тем, как указывают большинство ученых, кибернетическое пространство необходимо рассматривать посредством комплексного подхода, где кибернетическое пространство представляет собой сложное явление, состоящее из системы элементов [2–4].

К особенностям киберпространства можно отнести дигитализацию, виртуализацию реальности, интерактивность, гиперссылку и функцию распространения [20. Р. 45]. Дигитализация, или цифровизация всех сфер человеческой жизни, выражается в активной оцифровке всей аналоговой информации. Виртуализация реальности выражается в продуцировании новой реальности существования со своим этикетом, культурой, отсутствием границ, воспроизводством в кибермире отдельных социокультурных процессов реальности, а также проявлением своих собственных. Интерактивность приводит к тому, что пользователь становится активным участником построения киберпространства, внося в него новые знания и тексты, меняя старые и т.д. Это расширяет простор обмена знаниями и достижениями. Гиперссылки позволяют скреплять различные текстуальные и медиа-положения вместо краткой отсылки к ним, формируя квазиединный продукт, потенциально имеющий все возможности для раскрытия именно того смысла, который хочет в него вложить автор, и включающий все необходимое для понимания всех смысловых слоев. Кроме того, в глобальном плане гиперссылки обеспечивают единство и взаимосвязь элементов интернета.

Функция распространения при этом означает, что при доступе поисковых систем к новой информации она становится доступной неограниченному кругу пользователей.

В криминалистическом аспекте категорию «киберпространство» можно рассматривать как инцидентное пространство электронных устройств. Спецификой этого пространства является информационное взаимодействие находящихся в нем объектов и действий пользователя, оставляющее в результате электронного следового контакта специфическую группу следов, именуемую виртуальными или электронно-цифровыми. Как отметил Е.П. Ищенко, особенностью данных следов является их многокомпонентный характер [21. С. 186].

В криминалистике концепция «киберпространство» прозвучала впервые в диссертации В.А. Мещерякова, в которую он включает не только системы автоматизированной обработки информации программных средств, но и объекты реального мира, помещения, в которых располагаются ЭВМ и их системы, непосредственно сами ЭВМ и т.д. [5. С. 44]. Похожего подхода придерживались и некоторые другие авторы [6].

Нам представляется, что в данном случае В.А. Мещеряков и другие производят смешение кибернетического и реального пространства. Неужели комната, пока в ней стоит компьютер, будет являться элементом киберпространства, а как только компьютер вынесли за порог – перестает? А во время прохождения дверного проема будет переходное состояние? То же самое можно сказать про технические комплексы обеспечения ее деятельности (системы связи, электропитания, заземления и т.п.). Неужели пока в электропитание, заземление, системы связи подключены к компьютеру, он – элемент киберпространства, а когда то же самое подключение произведено к факсимильному аппарату – нет. Важным вопросом в указанном контексте является также то, что современные смартфоны и планшетные устройства представляют собой те же компьютеры в миниатюре, с чуть другой основной направленностью специализации функций. Пользователь смартфона за день может находиться во множестве помещений.

Можно отметить, что В.А. Мещеряков, на наш взгляд, ошибочно при определении киберпространства, имеющего по определению, информационную структуру, во главу угла ставит именно материальные элементы.

Под кибернетическим пространством мы понимаем обобщенное наименование упорядоченной в соответствии с определенными протоколами автоматизированной обработки информации системы программных средств и документальных файлов, расположенных в памяти электронных цифровых устройств или электронной цифровой информации, находящейся в процессе передачи любым доступным способом, либо информации, распределенной в компьютерной системе или сети. При этом аппаратные средства, обеспечивающие существование киберпространства, нам представляются внешними по отношению к данной системе объектов. Однако и киберпространство, без

расположенной в нем хотя бы базовой указывающей на определенные протоколы, используемые в данном объекте, тип файловой системы и т.д., нам представляется невозможным. Данная базовая информация может нести на себе следы входа в киберпространство, уничтожения элементов в нем. Материальный аспект киберпространства подчеркивается различными авторами, однако мы остаемся на позиции того, что компьютерные, электронные, мультимедийные устройства являются не частью киберпространства, а лишь «ключами» к нему «порталами» входа. Социальный аспект киберпространства выражается в том, что это пространство социального коммуникационного взаимодействия индивидов, организации определенных целевых сообществ, сетевых взаимодействий, построения новых идентичностей.

Информационный аспект киберпространства наиболее показателен – киберпространство выражается в бесчисленных потоках цифровой информации. При этом информация в киберпространстве, с одной стороны, динамична и легкоизменяема, например, изъятие или изменение определенной информации в киберпространстве открытых источников при необходимости, для имеющих соответствующие возможности (властные, финансовые или технические) не представляет большой сложности, как и активная информационная атака, измененной информацией. Это не сложно заметить по активному вмешательству в историю. Однако и скопировать, сохранить определенные информационные «артефакты», обнародовать их может любой, даже не самый опытный пользователь. Кроме того, любое вмешательство в информационный массив оставляет в материальных «ключках» к нему (компьютерных и иных устройствах) соответствующие электронные цифровые следы.

Информационную составляющую киберпространства выделяет и Е.С. Шевченко (несмотря на подчеркивание аппаратной стороны), указывая на то, что кибернетическое пространство представляет собой область взаимодействия различного уровня систем [12. С. 37].

Кроме того, как мы уже отмечали ранее, кибернетическому пространству присущи виртуальные (электронно-цифровые) следы, которые отражают любые действия в кибернетическом пространстве [22. С. 43]. Данные следы авторами именуются по-разному – и цифровые, и электронные, и бинарные и электронно-цифровые [23–28]. Их исследование требует специфических рекомендаций, отраженных ранее в трудах многих авторов [29–32]. Казалось бы, выявление виртуальных следов в киберпространстве говорит о его сущности как специфического, но все же пространства, имеющего определенную протяженность. Это дает некоторым авторам возможность говорить о кибергеографии. При этом мерилем расстояния в кибергеографии будет либо время соединения между компьютерными устройствами, либо количество переходов по гиперссылкам [33, 34]. Однако прогресс в компьютерных технологиях неминуемо сокращает время соединений. Количество же переходов по ссылкам также вряд ли может быть мерилем киберрасстояния, поскольку переход на практически любой сайт боль-

шого интернета возможен через поисковую систему. Что же касается глубокого и теневого интернета, то их специфика требует специализированных программ или хаббов – шлюзов, прямой же переход по ссылкам из большого интернета в них невозможен. Представляется, что киберпространство имеет объем, но не имеет расстояний. Любой объект киберпространства занимает определенный информационный объем, но этот объем не снижает скорости перехода к другим объектам и значит, не может быть мерилом расстояния. Связь географии киберпространства с реальным миром может прослеживаться на уровне доменных имен первого уровня и IP-адресов. Однако это связь достаточно условна: российские пользователи могут создавать свои объекты в киберпространстве в доменах иных стран и наоборот; домен, выделенный СССР («.su»), заморожен, но уже созданные и не перенесенные в домен РФ («.ru» или «.rf») страницы продолжают функционировать, в отличие от СССР; существуют международные доменные зоны – .com, .net, .org, .edu и другие IP-адреса также могут носить динамический характер и не соответствовать конкретной точке земной поверхности.

Существование киберпространства обуславливается возможностью размещения в нем информации в определенной форме. Для этого необходимы программные средства («вспомогательная» информация), уже находившиеся на данном устройстве или «прошитые» в аппаратной части (CMOS, BIOS, средства, делящие пространство записи информации на кластеры, и т.д.). В криминалистических целях определение данной вспомогательной информации относится, скорее, к осмотру определенного материального носителя электронной информации и вряд ли может рассматриваться как осмотр киберпространства. Термин «осмотр киберпространства», по логике, должен иметь целью определение законов функционирования данного киберпространства (используемых протоколов и т.д.) и осмотр объектов в этом киберпространстве. При этом первый элемент существенного значения для следствия практически никогда не имеет, не устанавливается и не исследуется. Поэтому можно отметить, что как таковой осмотр киберпространства не производится, а имеет место осмотр электронного цифрового объекта в киберпространстве.

Задачами криминалистики на современном этапе формирования и освоения киберпространства нам представляются: дальнейшее криминалистическое исследование электронной цифровой информации, включая такие специфические формы ее хранения, как облачное и распределенное, разработка тактических аспектов производства следственных действий, направленных на обнаружение и изъятие доказательств в электронно-цифровом инцидентном пространстве, а также иного использования киберпространства в правоохранительных целях.

Относительно структуры киберпространства интересным представляется мнение М. Кастельса, выделяющего четыре материальных слоя пространства потоков [35. С. 386].

С точки зрения доступности киберпространство может быть разделено на большой интернет (основной интернет), глубокий интернет (часть интернета,

не индексируемая поисковыми системами) и теневой интернет – даркнет (часть интернета, хоть и подключенная к общей сети, но не видимая без специальных программных средств). Кроме того, имеются корпоративные, государственные и региональные сети, а также сети, существующие параллельно Интернету: Fidonet, Usenet, Bitnet. Интернет можно рассматривать как связующее звено между ними.

Содержательно мы дифференцируем киберпространство на взаимопроникающие кластеры: развлекательный (включающий игровую, коммуникационную, текстовую, медийную и комбинированные части и др.); экономический; информационный; научно-образовательный; военный; криминальный.

Обязательным субъектом киберпространства является человек-пользователь. По крайней мере, пока не существуют саморазвивающиеся программы и искусственный интеллект, достигшие уровня самостоятельного, а не запрограммированного целеполагания. Любые аналитические, вредоносные или иные программы запускает человек, и итоговая цель их функционирования входит в орбиту его целей.

С психологической точки зрения специфика киберпространства выражается в изменении психологического содержания взаимосвязей: преступник – предмет преступления (потерпевший), которые превращаются во взаимосвязь: преступник – электронное устройство (сети) – потерпевший (предмет преступления) [12. С. 82]. Существенную роль играет и мнимая сетевая анонимность (когда общение происходит под вымышленными никнеймами), отстраненность, дистанцированность, возможность в любой момент прервать общение и добавить собеседника в черный список либо вообще заблокировать его, что приводит к «эффекту онлайн-дезингибиции» [36].

Следует отметить, что с социально-психологической точки зрения происходит активное взаимопроникновение киберпространства и реальности. Так, активно развиваются игры, имитирующие обычную жизнь (например, Second Life, Sims и другие многопользовательские ролевые игры). Социальные институты открывают свои филиалы в кибернетических мирах. Так, в виртуальном мире Second Life присутствуют Гарвард, Стэнфорд, университеты Хьюстона, Огайо, Нью-Йорка, вузы Ирландии, Нидерландов и Израиля [37–39]. Швеция, Эстония и ряд других стран открыли свои посольства в Second Life. В этой связи верно отмечает Р.М. Узденов, что информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, компьютерные технологии стали неотъемлемой частью современного общества, создав новый его вид – виртуальное сообщество. Данное обстоятельство породило как позитивные, так и негативные процессы и явления [40]. Причиной или предметом преступлений в реальном мире становятся виртуальные взаимоотношения. В виртуальных играх и чатах для общения и в связи с ними совершается множество реальных преступлений: мошенничество при продажах виртуальных предметов, оскорбления, экстремистские высказывания. И мы перечислили только проблемы, касающиеся развлекательного сегмента киберпространства. Социальная сфера киберпространства также не является

прямым отражением реальности. Многими отмечается, что Сеть стимулирует появление новой ментальности, характерной для нарождающихся коммуникационных сообществ (интернет-сообществ) и опирающейся на объективные процессы расширения выбора во всех областях – от политики до стиля жизни, вытеснения иерархических организаций сетевыми, вытеснения представительной демократии демократией непосредственного участия, прямого гражданского действия или даже «облачной демократией» [41]. Киберпространство Сети становится местом появления и развития саморегулирующихся и самопреобразующихся социальных сообществ.

Отдельный вопрос – правовое регулирование киберпространства (виртуального пространства, сетевого пространства и т.д.). Недостаточное правовое регулирование, в том числе уголовно-правовое, влечет появление новых форм преступного поведения, выходящего за рамки уголовного законодательства, которые позволяют виновным, действующим в виртуальном пространстве, извлекать преступную прибыль, причиняя вред гражданам, организациям и целым государствам. Отсутствие целенаправленного уголовно-правового воздействия приводит к появлению новых видов преступности. Использование информационного пространства в преступных целях способствует совершению преступлений посягающих на различные объекты уголовно-правовой охраны. Уголовно-правовая охрана киберпространства зачастую затрагивает разные сферы уголовно-правового противодействия.

В настоящее время международное сообщество выработало ряд международных документов, которые тем или иным образом затрагивают правовое регулирование киберпространства, киберпреступности, ее предупреждение и борьбу с ней [42].

В Бангкокской декларации «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия», принятой на 11-м Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Бангкок, Таиланд, 18–25 апреля 2005 г.), указывается на необходимость создания системы национальных мер и развития международного сотрудничества по противодействию киберпреступности. Европейская конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) справедливо обязывает государства совершенствовать законодательство в области криминализации неправомерного доступа к компьютерной системе; неправомерный перехват с использованием технических средств, не предназначенных для общего пользования компьютерных данных; умышленное неправомерное повреждение, удаление, ухудшение качества, изменение или блокирование компьютерных данных с причинением ущерба; умышленное создание неправомерно серьезных помех функционированию компьютерной системы путем ввода, передачи, повреждения, удаления, ухудшения качества, изменения или блокирования компьютерных данных; подлог с использованием компьютерных технологий; мошенничество с использованием компьютерных технологий; деяния, связан-

ные с порнографией несовершеннолетних, и другие деяния, связанные с незаконным использованием устройств.

Вопросами киберпреступности на международном и национальном уровне занимались различные ученые [43–53].

Термин «кибер» означает то, что относится к виртуальной реальности, к информационным, информационно-коммуникационным технологиям.

Анализ уголовно-правовой доктрины в рассматриваемой части позволяет констатировать, что в настоящее время в теории уголовного права принято использовать различные термины: «киберпреступность», «компьютерная преступность», «преступность в сфере компьютерной информации», «интернет-преступность», «преступность в сети Интернет», «информационная преступность», что является, несомненно, негативным явлением, ибо создает путаницу в терминологическом аппарате. По мнению некоторых авторов, термин «киберпреступность» шире терминологии «компьютерная преступность», поскольку связана с использованием компьютеров и информационных технологий и глобальных сетей [54]; большинство ученых эти понятия используют как синонимы. Термины «компьютерная преступность», «преступность в сфере компьютерной информации» несколько уже по своей смысловой нагрузке, чем термин «киберпреступность», суть которых сводится к преступлениям, совершенным с помощью компьютера, компьютерных систем, а также иных средств доступа к киберпространству. Подобные суждения высказывают и зарубежные исследователи [55].

Киберпреступность представляет собой совокупность преступлений, которые совершаются не только с помощью компьютера или иных средств доступа к киберпространству (с помощью компьютера и иных средств доступа к киберпространству могут быть совершены и такие преступления, в которых компьютер был применен не по основному своему назначению, в частности, нанесение человеку удара компьютером), а непосредственно в киберпространстве. Компьютерные, электронные, мультимедийные устройства являются не частью киберпространства, а лишь «ключами» к нему, «порталами» входа.

Компьютерная преступность, преступность в сфере компьютерной информации, является лишь составной частью киберпреступности. Киберпреступность включает в себя не только преступления, посягающие на отношения, складывающиеся в сфере нормального оборота компьютерной информации, но и на иные охраняемые уголовным законом общественные отношения, непосредственно совершаемые в кибернетическом пространстве [56. С. 106]. Исходя из этого следует констатировать, что особенностью киберпреступности как самостоятельного вида преступности выступает место их совершения – кибернетическое пространство. Киберпреступность охватывает значительный круг преступлений, совершаемых в киберпространстве. Она может посягать на жизнь и здоровье человека и гражданина, его собственность, общественную безопасность и т.д. Ее появление связано с глобализацией информационных процессов и инте-

грацией преступности и кибернетического пространства, в связи с чем киберпреступность по своей сути является составной частью киберпространства и ее существование немислимо без него (вне кибернетического пространства не может существовать кибернетическая преступность).

Термины «киберпреступность» и «интернет-преступность», «преступность в сети Интернет» также нельзя признать тождественными, ибо киберпространство составляют и иные информационно-телекоммуникационные сети (например, «FidoNet» либо частные локальные сети). В связи с этим интернет-преступность и преступность в сети Интернет, преступления, совершаемые с помощью информационно-коммуникационных технологий также являются частью киберпреступности. Таким образом, следует констатировать, что термин «киберпреступность» выступает наиболее общим термином по отношению к вышерассмотренным терминам.

Киберпреступность не стоит на месте, она постоянно развивается, изобретаются более изощренные способы совершения киберпреступлений, наносящие значительный ущерб государству, обществу и кон-

кретной личности, который, по мнению ученых, в 2021 г. может составить 6 трлн долл. [57. С. 555], в связи с чем необходимо совершенствовать меры предупреждения и борьбы с киберпреступностью.

На основании вышеизложенного следует констатировать, что кибернетическое пространство представляет собой обобщенное наименование упорядоченной в соответствии с определенными протоколами автоматизированной обработки информации системы программных средств и документальных файлов, расположенных в памяти электронных цифровых устройств или электронной цифровой информации, находящейся в процессе передачи любым доступным способом, либо информации, распределенной в компьютерной системе или сети. Недостаточность правового регулирования кибернетического пространства влечет совершение преступлений, посягающих на различные общественные отношения, охраняемые действующим уголовным законодательством Российской Федерации, совершаемые в кибернетическом пространстве посредством компьютерных, электронных, мультимедийных устройств входа, именуемых киберпреступностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ищенко Е.П. О некоторых подходах к выявлению и расследованию преступлений, совершаемых в виртуальном пространстве // Использование современных информационных технологий в правоохранительной деятельности и региональные проблемы информационной безопасности : сб. материалов науч.-практ. конф. Калининград, 2006. Вып. VII. С. 214–226.
2. Степанов-Егизянц В.Г. Преступления в сфере безопасности обращения компьютерной информации: сравнительный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 168 с.
3. Дзялошинский И.М. Права человека в киберпространстве // Право знать: история, теория, практика. 2003. № 11–12. С. 5–8.
4. Головин С.Н., Андреев, А.Г. Безопасность в киберпространстве, или России необходим информационный кодекс // Закон и право. 2003. № 11. С. 7–10.
5. Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. 386 с.
6. Шевченко Е.С., Михайлюченко Н.Н. Киберпространство как элемент обстановки совершения преступлений // Академический юридический журнал. 2015. № 2. С. 52–59.
7. Яковец Е.Н. Правовые основы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации : учеб. пособие. М. : Юрлитинформ, 2014. 406 с.
8. Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. 2-е изд., доп. М. : Норма, 2009. 384 с.
9. Добринская Д.Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24, № 1. С. 52–70.
10. Тонконогов А.В., Стельмах А.П. «Киберология» как научная дисциплина // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 1. С. 85–96.
11. Атаманов Г.А. Комментарий к проекту Концепции Стратегии кибербезопасности Российской Федерации, размещенному на сайте Совета Федерации. URL: <http://council.gov.ru/press-center/discussions/38324/>
12. Шевченко Е.С. Тактика производства следственных действий при расследовании киберпреступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 22 с.
13. Darrel C. Menthe. Jurisdiction in Cyberspace: A Theory of International Spaces // Michigan Telecommunications & Technology Law Review. 1998. Vol. 4, is. 1. P. 69–103.
14. Попов И.М. Взгляд на действия в киберпространстве под военным углом зрения // Digital Russia. URL: <http://d-russia.ru/vojna-v-kiberprostranstve-uroki-i-vyvody-dlya-rossii.html>
15. Крайванова В.А. Киберпространство : курс лекций. Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2011. 110 с.
16. Нестеров А.В. Интернет-поле VS киберпространства // Вопросы безопасности. 2015. № 4. С. 13–27.
17. Рассолов И.М. Киберпространство и позитивное право // Политика и общество. 2009. № 2. С. 33–37.
18. Грибанов Д.В. Правовое регулирование кибернетического пространства как совокупности информационных отношений : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 227 с.
19. Дзялошинский И.М. Особенности коммуникативного поведения в киберпространстве // Проблемы воздействия языка и мышления. М. : Интеллект-центр, 2010. С. 16–41.
20. Lister M. New media: a critical introduction. London : Routledge, 2003.
21. Ищенко Е.П. Киберпреступность: криминалистический аспект проблемы // Библиотека криминалиста. 2013. № 5 (10). С. 181–192.
22. Смушкин А.Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. 2012. № 8. С. 43–45.
23. Ищенко Е.П. Криминалистика: главные направления развития // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2012. № 1. С. 201–209.
24. Иванов В.Ю. К вопросу о классификации электронно-цифровых следов // Национальная безопасность / nota bene. 2020. № 3. С. 64–71.
25. Абрамова А.А. Значение виртуальных следов в расследовании финансирования терроризма // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 4. С. 85–87.
26. Мещеряков В.А. «Виртуальные следы» под «Скальпелем Оккама» // Информационная безопасность регионов. 2009. № 1. С. 28–33.
27. Агибалов В.Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе. М. : Юрлитинформ, 2012. 152 с.
28. Милашев В.А. Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 21 с.

29. Неупокоева И.А., Шеховцова Л.С., Кочерова Л.А. Осмотр места происшествия как информационная основа расследования преступления // Закон и право. 2018. № 6. С. 136–139.
30. Семенов А.Ю. «Некоторые аспекты выявления, изъятия и исследования следов, возникающих при совершении преступлений в сфере компьютерной информации» // Сибирский юридический вестник. 2004. № 1. С. 53–55.
31. Земцова С.И., Суков О.А., Галушин П.В. Организационно-тактические аспекты производства осмотра компьютера при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом «дизайнерских» наркотиков, совершаемых с использованием Интернет-магазинов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2016. № 3 (24). С. 18–25.
32. Поляков В.В., Слободян С.М. Анализ высокотехнологичных способов неправомерного удаленного доступа к компьютерной информации // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2007. № 1. С. 212–216.
33. Романенко М.А. Следственный осмотр по делам о преступных нарушениях авторских прав в сфере программного обеспечения // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2008. № 1. С. 171–175.
34. Хуторной С.Н. Киберпространство и реальный мир // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2011. № 2. С. 67–71.
35. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Гос. ун-т Высшая школа экономики, 2000. 606 с.
36. Suler J. The Psychology of Cyberspace. Rider University, 2000.
37. Войскунский А.Е. Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. 2016. № 1. С. 36–49.
38. Lagorio Ch. The Ultimate Distance Learning // The New York Times. 2007.
39. Lamont I. Harvard's Virtual Education Experiment in Second Life // Computerworld. 2007.
40. Texas A&M Chemist Experiments with Potential of Online Learning. Texas A&M University College of Science, 2013.
41. Узденов Р.М. Новые границы киберпреступности // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 4. С. 649–655.
42. Якимова Е.М., Нарутто С.В. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 2. С. 369–376.
43. Руденко В.Н. Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты / отв. ред. А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин. Екатеринбург: УРО РАН, 2003. 476 с.
44. Суходолов А.П., Колпакова Л.А., Спасенников Б.А. Проблемы противодействия преступности в сфере цифровой экономики // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 2. С. 258–267.
45. Denning D.E. Activism, Hacktivism, and Cyberterrorism: The Internet as a Tool for Influencing Foreign Policy // Nautilus Institute for Security and Sustainable Development. URL: <https://nautilus.org/global-problem-solving/activism-hacktivism-and-cyberterrorism-the-internet-as-a-tool-for-influencing-foreign-policy-2/>
46. Pollitt M. Cyberterrorism. Fact or Fancy? // Proceedings of the 20th National Information Systems Security Conference. Washington, 1997.
47. Williams P. Organized Crime and Cybercrime: Synergies, Trends and Responses // The Computer Crime Research Center. URL: <http://www.crime-research.org/library/Cybercrime.htm>
48. Shelley L. Organized Crime, Terrorism and Cybercrime // Security Sector Reform: Institutions, Society and Good Governance. Baden-Baden, 2003.
49. Weimann G. Special Report 116: www.terror.net How Modern Terrorism Uses the Internet. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/39096/2004_march_sr116.pdf
50. Winterfeld S., Andress J. The Basics of Cyber Warfare: Understanding the Fundamentals of Cyber Warfare in Theory and Practice. Syngress, 2012. 170 p.
51. Мирошников Б.Н. Борьба с киберпреступлениями – одна из составляющих информационной безопасности Российской Федерации // The Computer Crime Research Center. URL: <http://www.crime-research.ru/articles/Mirosh1>
52. Ушаков С.И. Преступления в сфере обращения компьютерной информации (Теория, законодательство, практика) : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2000. 176 с.
53. Пучков Д.С. Особенности уголовно-правового регулирования применения кибертехнологий в зарубежных странах // Вестник краснодарского университета МВД России. 2018. № 4 (42). С. 21–25.
54. Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1 (24). С. 45–55.
55. Brenner S.W., Goodman M.D. The emerging consensus on criminal conduct in cyberspace // International Journal of Law and Information Technology. 2002. Vol. 10, is. 2. P. 139–223.
56. Простосердов М.А. Проблемы квалификации компьютерных преступлений // Российское правосудие. 2012. № 6 (74). С. 106–110.
57. Суходолов А.П., Антонян Е.А., Рукинов М.В., Шамрин М.Ю., Спасенникова М.Г. Блокчейн в цифровой криминологии: постановка проблемы // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 4. С. 555–563.

Статья представлена научной редакцией «Право» 30 августа 2021 г.

Cyberspace as a New Crime Environment

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 248–256.

DOI: 10.17223/15617793/472/29

Irina A. Efremova, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: efremova005@yandex.ru

Aleksandr B. Smuskin, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: skif32@ya.ru

Aleksandr G. Donchenko, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: donchenko.a.g@yandex.ru

Pavel A. Matushkin, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: foxbox003@gmail.com

Keywords: cybercrime; crime in Internet; cyberspace; cybersphere; cybersecurity; information protection.

The aim of the study is to analyze the cybernetic space as a new environment of crime and to develop a definition apparatus based on it. The material of the study was: international acts, the current legislation of the Russian Federation, scientific literature. The methodology is based on the dialectical method of cognition. In addition, the authors used general (analysis and synthesis, logical, system-structural methods) and specific (formal-legal) scientific methods of cognition. The authors note that, in the Russian legal literature, there is no single position regarding the definition of the cybernetic space and the unambiguity of its interpretation. Various approaches to the definition of the term “cybernetic space” are considered. Another vision of the term is presented. The authors state that the “virtual reality” and the cybernetic space are distanced; the cybernetic space is a multidimensional category that has philosophical, social, psychological, criminalistic, criminal-legal, criminological, and other dimensions. The features of the cybernetic space (digitalization, virtualization of reality, interactivity, hyperlink and distribution function) are revealed. The authors analyze the material, informational, social, and psychological aspects of the cybernetic space, as well as the concept of cyberspace in criminalistics; identify the tasks of criminalistics at the present stage of the cybernetic space’s formation and development; formulate the definition of the cybercrime; determine the correlation of cyberspace with other related categories. The authors conclude that the

cybernetic space is a generalized name for a system of software tools and documentary files arranged in accordance with certain protocols of automated information processing, located in the memory of electronic digital devices or electronic digital information in the process of transmission in any available way, or information distributed in a computer system or network. The lack of a legal regulation of the cybernetic space entails cybercrimes – crimes, infringing on various social relations protected by the current criminal legislation of the Russian Federation, committed in the cybernetic space through computer, electronic, multimedia input devices.

REFERENCES

1. Ishchenko, E.P. (2006) O nekotorykh podkhodakh k vyyavleniyu i rassledovaniyu prestupleniy, sovershaemykh v virtual'nom prostranstve [On some approaches to the identification and investigation of crimes committed in the virtual space]. In: *Ispol'zovanie sovremennykh informatsionnykh tekhnologiy v pravookhranitel'noy deyatel'nosti i regional'nye problemy informatsionnoy bezopasnosti* [The Use of Modern Information Technologies in Law Enforcement and Regional Problems of Information Security]. Vol. 7. Kaliningrad: [s.n.]. pp. 214–226.
2. Stepanov-Egiyants, V.G. (2005) *Prestupleniya v sfere bezopasnosti obrashcheniya komp'yuternoy informatsii: sravnitel'nyy analiz* [Crimes in the sphere of security of computer information circulation: comparative analysis]. Law Cand. Diss. Moscow.
3. Dzyaloshinskiy, I.M. (2003) Prava cheloveka v kiberprostranstve [Human rights in cyberspace]. *Pravo znat': istoriya, teoriya, praktika*. 11–12. pp. 5–8.
4. Golovin, S.N. & Andreev, A.G. (2003) Bezopasnost' v kiberprostranstve, ili Rossii neobkhodim informatsionnyy kodeks [Security in cyberspace, or Russia needs an information code]. *Zakon i pravo*. 11. pp. 7–10.
5. Meshcheryakov, V.A. (2001) *Osnovy metodiki rassledovaniya prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii* [Fundamentals of methods of investigation of crimes in the field of computer information]. Law Dr. Diss. Voronezh.
6. Shevchenko, E.S. & Mikhaylyuchenko, N.N. (2015) Kiberprostranstvo kak element obstanovki soversheniya prestupleniy [Cyberspace as an element of the crime scene]. *Akademicheskyy yuridicheskiy zhurnal*. 2. pp. 52–59.
7. Yakovets, E.N. (2014) *Pravovye osnovy obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii* [Legal Bases of Ensuring Information Security of the Russian Federation]. Moscow: Yurlitinform.
8. Rassolov, I.M. (2009) *Pravo i Internet. Teoreticheskie problemy* [Law and the Internet. Theoretical problems]. 2nd ed. Moscow: Norma.
9. Dobrinskaya, D.E. (2018) Cyberspace: territory of contemporary life. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya – Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 1(24). pp. 52–70. (In Russian).
10. Tonkonogov, A.V. & Stel'makh, A.P. (2013) "Cyberologia" as a scientific discipline. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 1. pp. 85–96. (In Russian).
11. Atamanov, G.A. (2014) *Kommentariy k projektu Kontseptsii Strategii kiberbezopasnosti Rossiyskoy Federatsii, razmeshchennomu na sayte Soveta Federatsii* [Commentary on the draft Concept of the Cybersecurity Strategy of the Russian Federation, posted on the website of the Federation Council]. [Online] Available from: <http://council.gov.ru/press-center/discussions/38324>.
12. Shevchenko, E.S. (2016) *Taktika proizvodstva sledstvennykh deystviy pri rassledovanii kiberprestupleniy* [Tactics of investigative actions in the investigation of cybercrimes]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
13. Darrel, S. (1998) Menthe. Jurisdiction in Cyberspace: A Theory of International Spaces. *Michigan Telecommunications & Technology Law Review*. 1(4). pp. 69–103.
14. Popov, I.M. (2013) Vzgl'yad na deystviya v kiberprostranstve pod voennym uglom zreniya [A look at actions in cyberspace from a military point of view]. *Digital Russia*. [Online] Available from: <http://d-russia.ru/voyna-v-kiberprostranstve-uroki-i-vyvody-dlya-rossii.html>.
15. Krayvanova, V.A. (2011) *Kiberprostranstvo* [Cyberspace]. Barnaul: Altai State Technical University.
16. Nesterov, A.V. (2015) Internet-pole VS kiberprostranstva [Internet field VS cyberspace]. *Voprosy bezopasnosti – Security Issues*. 4. pp. 13–27. (In Russian). DOI: 10.7256/2409-7543.2015.4.16743
17. Rassolov, I.M. (2009) Kiberprostranstvo i pozitivnoe pravo [Cyberspace and positive law]. *Politika i obshchestvo*. 2. pp. 33–37.
18. Gribanov, D.V. (2003) *Pravovoe regulirovanie kiberneticheskogo prostranstva kak sovokupnosti informatsionnykh otnosheniy* [Legal regulation of cybernetic space as a set of information relations]. Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
19. Dzyaloshinskiy, I.M. (2010) Osobennosti kommunikativnogo povedeniya v kiberprostranstve [Features of communicative behavior in cyberspace]. In: *Problemy vozdeystviya yazyka i myshleniya* [Problems of the Impact of Language and Thinking]. Moscow: Intellect-tsentr. pp. 16–41.
20. Lister, M. (2003) *New Media: A critical introduction*. London: Routledge.
21. Ishchenko, E.P. (2013) Cybercrime: a forensic aspect of the problem. *Biblioteka kriminalista*. 5 (10). pp. 181–192. (In Russian).
22. Smushkin, A.B. (2012) Virtual traces in criminalistics. *Zakonost'*. 8. pp. 43–45. (In Russian).
23. Ishchenko, E.P. (2012) Kriminalistika: glavnye napravleniya razvitiya. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya – Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*. 1. pp. 201–209. (In Russian).
24. Ivanov, V.Yu. (2020) To the question on classification of digital footprint. *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene – National Security / Nota Bene*. 3. pp. 64–71. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0668.2020.3.33308
25. Abramova, A.A. (2017) The value of virtual traces in the investigation of the terrorism financing. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: Politics, Economics, Law*. 4. pp. 85–87. (In Russian). DOI: 10.24158/pep.2017.4.21
26. Meshcheryakov, V.A. (2009) "Virtual'nye sledy" pod "Skal'pelem Okkama" ["Virtual traces" under "Occam's Razor"]. *Informatsionnaya bezopasnost' regionov*. 1. pp. 28–33.
27. Agibalov, V.Yu. (2012) *Virtual'nye sledy v kriminalistike i ugovolnom protsesse* [Virtual Traces in Criminalistics and Criminal Procedure]. Moscow: Yurlitinform.
28. Milashev, V.A. (2004) *Problemy taktiki poiska, fiksatsii i iz'yatiya sledov pri nepravomernom dostupe k komp'yuternoy informatsii v setyakh EIM* [Problems of tactics of search, fixation and removal of traces in case of unauthorized access to computer information in computer networks]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
29. Neupokoeva, I.A., Shekhovtsova, L.S. & Kocherova, L.A. (2018) Inspection of the scene as an information basis investigation of crimes. *Zakon i pravo*. 6. pp. 136–139. (In Russian). DOI: 10.24411/2073-3313-2018-10036
30. Semenov, A.Yu. (2004) Nekotorye aspekty vyyavleniya, iz'yatiya i issledovaniya sledov, vznikayushchikh pri sovershenii prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii [Some aspects of identification, seizure and investigation of traces arising from the commission of crimes in the field of computer information]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik – Siberian Law Herald*. 1. pp. 53–55.
31. Zemtsova, S.I., Surov, O.A. & Galushin, P.V. (2016) Organizational and tactical aspects of computer examination procedure in investigation of crimes involving illegal trafficking in designer drugs and committed by using on-line stores. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*. 3 (24). pp. 18–25. (In Russian).
32. Polyakov, V.V. & Slobodyan, S.M. (2007) Analysis of high-tech methods of illegal remote computer data access. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring georesursov – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Geo Assets Engineering*. 1. pp. 212–216. (In Russian).
33. Romanenko, M.A. (2008) Sledstvennyy osmotr po delam o prestupnykh narusheniyakh avtorskikh prav v sfere programmnoy obespecheniya [Investigative examination in cases of criminal copyright violations in the field of software]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo – Herald of Omsk University. Series Law*. 1. pp. 171–175.

34. Khutornoy, S.N. (2011) Cyberspace and virtual reality. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki – Bulletin MSRU. Series: Philosophy*. 2. pp. 67–71. (In Russian).
35. Castells, M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, society and culture]. Translated from English by O.I. Sharatan. Moscow: Higher School of Economics.
36. Suler, J. (2000) *The Psychology of Cyberspace*. Rider University.
37. Voyskunskiy, A.E. (2016) Behavior in a cyberspace: some psychological principles. *Chelovek – Human Being*. 1. pp. 36–49. (In Russian).
38. Lagorio, Ch. (2007) The Ultimate Distance Learning. *The New York Times*. 7 January.
39. Lamont, I. (2007) Harvard's Virtual Education Experiment in Second Life. *Computerworld*. 21 May.
40. Texas A&M Chemist Experiments with Potential of Online Learning. Texas A&M University College of Science, 2013.
41. Uzdenov, R.M. (2016) New frontiers of cybercrime. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 4 (10). pp. 649–655. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).649-655
42. Yakimova, E.M. & Narutto, S.V. (2016) International cooperation in cybercrime counteraction. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 2 (10). pp. 369–376. (In Russian). DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(2).369-378
43. Rudenko, V.N. (2003) *Pryamaya demokratiya: modeli pravleniya, konstitutsionno-pravovye instituty* [Direct Democracy: Models of government, constitutional and legal institutions]. Yekaterinburg: UB RAS.
44. Sukhodolov, A.P., Kolpakova, L.A. & Spasennikov, B.A. (2017) Issues of counteracting crimes in the sphere of digital economy. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 2 (11). pp. 258–267. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).258-267
45. Denning, D.E. (1999) Activism, Hacktivism, and Cyberterrorism: The Internet as a Tool for Influencing Foreign Policy. *Nautilus Institute for Security and Sustainable Development*. [Online] Available from: <https://nautilus.org/global-problem-solving/activism-hacktivism-and-cyberterrorism-the-internet-as-a-tool-for-influencing-foreign-policy-2>.
46. Pollitt, M. (1997) [Cyberterrorism. Fact or Fancy?] *Proceedings of the 20th National Information Systems Security Conference*. Baltimore. 7–10 October 1997. Washington: [s.n.].
47. Williams, P. (n.d.) Organized Crime and Cybercrime: Synergies, Trends and Responses. *The Computer Crime Research Center*. [Online] Available from: <http://www.crime-research.org/library/Cybercrime.htm>.
48. Shelley, L. (2003) Organized Crime, Terrorism and Cybercrime. In: Bryden, A. & Fluri, P. (eds) *Security Sector Reform: Institutions, Society and Good Governance*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft.
49. Weimann, G. (2004) www.terror.net. How Modern Terrorism Uses the Internet. *Special Report 116*. [Online] Available from: https://www.files.ethz.ch/isn/39096/2004_march_sr116.pdf.
50. Winterfeld, S. & Andress, J. (2012) *The Basics of Cyber Warfare: Understanding the Fundamentals of Cyber Warfare in Theory and Practice*. Syngress.
51. Miroshnikov, B.N. (2003) Bor'ba s kiberprestupleniyami – odna iz sostavlyayushchikh informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [The fight against cybercrime is one of the components of information security of the Russian Federation]. *The Computer Crime Research Center*. [Online] Available from: <http://www.crime-research.ru/articles/Mirosh1>.
52. Ushakov, S.I. (2000) *Prestupleniya v sfere obrashcheniya komp'yuternoy informatsii (Teoriya, zakonodatel'stvo, praktika)* [Crimes in the sphere of circulation of computer information (Theory, legislation, practice)]. Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
53. Puchkov, D.S. (2018) Features of the criminal law regulation of the implementation of cyber technologies in the countries of the world. *Vestnik krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. 4 (42). pp. 21–25. (In Russian).
54. Nomokonov, V.A. & Tropina, T.L. (2012) Kiberprestupnost' kak novaya kriminal'naya ugroza [Cybercrime as a new criminal threat]. *Kriminologiya vchera, segodnya, zavtra*. 1 (24). pp. 45–55.
55. Brenner, S.W. & Goodman, M.D. (2002) The emerging consensus on criminal conduct in cyberspace. *International Journal of Law and Information Technology*. 2 (10). pp. 139–223.
56. Prostoserdiv, M.A. (2012) Problems of classification of computer crimes. *Rossiyskoe pravosudie*. 6 (74). pp. 106–110. (In Russian).
57. Sukhodolov, A.P. et al. (2019) Blockchain in digital criminology: problem statement *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 4. pp. 555–563. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).555-563

Received: 30 August 2021

М.П. Имекова

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБОРОТА БИОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ И ГЕНЕТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 18-29-14071.

Проведен анализ гражданско-правового регулирования оборота биоматериалов и генетических данных по законодательству Российской Федерации. Сделан вывод о том, что биоматериал является ограниченным в обороте объектом гражданских прав, использование которого должно осуществляться с учетом предварительного информационного согласия его донора. Генетическую информацию, извлекаемую из биоматериала, предложено подразделять на два вида: генетические сведения и генетические данные. Установлено, что каждый из представленных видов информации обладает отличным друг от друга правовым режимом.

Ключевые слова: биологические материалы; генетические данные; гражданский оборот; тайна частной жизни; персональные данные; предварительное информационное согласие; донор.

Последние достижения в области технологий значительно повысили точность генетического тестирования и существенно снизили его стоимость, что привело к резкому увеличению объема генетических данных, генерируемых, анализируемых, совместно используемых и хранимых различными субъектами. Учитывая разнообразие таких субъектов, права и законные интересы доноров (субъектов, у которых генетические данные были получены), особую актуальность с точки зрения развития российского законодательства приобретает вопрос гражданско-правового регулирования оборота генетических данных.

Категория «гражданский оборот» является одной из наиболее общих и весьма распространенных в гражданском праве. В частности, данная категория неоднократно применяется в ГК РФ (ст. 5, 129, п. 3 ст. 129, ст. 357, п. 1 ст. 401 и др.), а также достаточно широко используется цивилистической наукой. Вместе с тем в условиях отсутствия легальной дефиниции спектр мнений исследователей относительно понятия и содержания рассматриваемой категории чрезвычайно разнообразен. Интерес представляют две основные концепции: сторонники первой концепции [1. С. 110; 2. С. 71] предлагают рассматривать гражданский оборот как «совокупность юридических фактов», сторонники второй [3. С. 17–20; 4. С. 35] – как «совокупность правоотношений».

Не имея возможности в рамках настоящей статьи провести детальный анализ перечисленных концепций, отметим следующее. С одной стороны, определять гражданский оборот через категорию правоотношений не вполне точно, потому что прежде чем возникнут правовые связи, им предшествует активная деятельность субъектов права. Соответственно, рассуждать о гражданском обороте без акцента на его волевом и целенаправленном характере видится бессмысленным. С другой стороны, неверно исключать из гражданского оборота правоотношения, поскольку результат оборота зависит и от самого обязательства. Учитывая сказанное, представляется логичным в качестве базового подхода придерживаться подхода Е.А. Суханова, в соответствии с которым гражданский оборот представляет собой совокупность сделок всех его участников и возникающих на этой основе обяза-

тельственных отношений, юридически оформляющих экономические отношения товарообмена [5. С. 48].

При этом следует отметить, что гражданский оборот не исчерпывается гражданско-правовыми сделками. В юридической литературе не нашлось существенных причин для «узкого» понимания гражданского оборота. В связи с чем гражданский оборот составляют не только гражданско-правовые сделки, но и иные юридические факты, например, такие как административные акты и судебные решения. Кроме этого, гражданский оборот не ограничивается отношениями по переходу права собственности, он также включает в себя переход иных прав.

Прежде чем начать исследование гражданско-правового регулирования оборота генетических данных, представляется необходимым изучить оборот биологических материалов (далее – биоматериалов): генетические данные находятся в тесной взаимосвязи с ними. Согласно п. 9 ст. 2 ФЗ от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах», биологический материал определяется как биологические жидкости, ткани, клетки, секреты и продукты жизнедеятельности человека, физиологические и патологические выделения, мазки, соскобы, смывы, биопсийный материал. Донором биологического материала является человек, который при жизни предоставил биологический материал, или человек, у которого биологический материал получен после его смерти, констатированной в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Анализ норм российского гражданского законодательства позволяет сделать вывод о том, что биоматериалы (безусловно, после отделения их от организма человека) относятся к таким объектам прав, как вещи. При этом такое отнесение в отечественной юридической литературе в целом никем не оспаривается [6. С. 13–20; 7. С. 35–40; 8. С. 29–31; 9. С. 115]. Кроме этого, биоматериалы признаются российским законодателем свободными в обороте вещами. Ограничения в обороте очевидны для биоматериалов в сфере трансплантологии (п. 1 Закона РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»), а также биоматериалов, используемых в целях, установленных ФЗ от 23.06.2016 № 180-ФЗ

«О биомедицинских клеточных продуктах» (п. 3 ст. 3), в то время как для других органов, костей, тканей человека и продуктов жизнедеятельности таких ограничений нет.

Как представляется, сложившийся в отечественном законодательстве поход к гражданско-правовому регулированию оборота биоматериалов не отвечает правам и законным интересам их доноров, поскольку он не учитывает сущностную особенность биоматериалов. Дело в том, что биоматериалы используются медицинскими организациями и научными лабораториями не по прямому значению как вещи, а как источники (средство передачи) информации [10. С. 54–65]. Так, исследование образца крови из вены позволяет получить достаточно подробную и точную информацию о состоянии организма и дает возможность диагностировать многие заболевания. На основе биохимического анализа крови можно выделить ее основные биологические показатели и выявить патологические процессы в печени, сердце, почках, сосудах, онкологические заболевания.

Учитывая сказанное, биоматериал представляется необходимым рассматривать в двух аспектах: как вещь и источник (средство передачи) информации. Взаимосвязь между данными аспектами можно определить через такие философские категории, как содержание и форма. Как принято считать в философии, «содержание, будучи определяющей стороной целого, есть единство всех составляющих элементов объекта <...>, а форма есть способ существования и выражения содержания» [11. С. 595]. Биоматериал как вещь отражает внутреннее состояние здоровья человека (как текущее, так и возможное будущее), а информация, получаемая из биоматериала, делает его доступным для восприятия субъектов. При этом специфика данной информации заключается в том, что она всегда является результатом деятельности специального субъекта по ее получению, обработке и анализу (например, научно-исследовательского института, медицинского учреждения). Иными словами, такая информация подвергается определенной обработке, в том числе с помощью средств вычислительной техники. Если информация является генетической, то она довольно часто подлежит анонимизации (обезличиванию). Анонимизация информации осуществляется, как правило, с целью обеспечения возможности доступа к ней третьим лицам, например для проведения научных исследований. В то же время не исключается возможность реидентификации соответствующей информации, т.е. обратное установление связи с конкретным лицом. И тогда эта информация может быть использована для идентификации субъекта, из биологических материалов которого она была получена.

Для того чтобы отграничить анализируемые виды информации друг от друга, предлагается генетическую информацию, извлекаемую из биоматериалов, подразделять на два вида: генетические сведения и генетические данные. Генетические сведения представляют собой персонифицированную генетическую (геномную) информацию (сведения), поскольку имеют индивидуальный, персональный характер как относящиеся прямо или косвенно к определенному или

определяемому лицу. Генетические данные – это персонифицированные (анонимизированные) генетические данные, которые характеризуются формализованным видом, часто содержатся в информационной системе и в связи с этим – систематизированы. Обладателем таких данных выступает специальный субъект – как правило, создатель данных [12. С. 110–122; 13. С. 39–42].

Стоит отметить, что представленная классификация генетической информации имеет весьма условный характер, поскольку в зависимости от воли таких субъектов, как доноры и создатели генетических данных, генетическая информация может переходить из статуса «генетические сведения» в статус «генетические данные» и наоборот.

Правовое значение приведенной классификации заключается в том, что поскольку генетические сведения содержат сведения личного характера, то на них должны распространяться правовые режимы тайны частной жизни и персональных данных. Кроме этого, соответствующие правовые режимы тайн должны также распространяться на биоматериалы, поскольку они являются источниками таких сведений [10. С. 54–65].

Принимая во внимание выделенную сущностную особенность биоматериалов, в законодательстве ЕС получил распространение такой механизм обеспечения неприкосновенности частной жизни и соблюдения режима конфиденциальности персональных данных, как предварительное информационное согласие донора на использование его биоматериалов и содержащейся в них информации. Данное согласие, как справедливо отмечает В.А. Трубина, в настоящее время является универсальным и зачастую основным инструментом регулирования различных по своей природе отношений, возникающих в сфере биомедицины при оказании медицинской помощи, проведении научных исследований, применении репродуктивных технологий, проведении генетических тестов, донорстве, трансплантации, использовании биоматериалов и обработке содержащихся в них генетических и иных данных в медицинских, научных, производственных и иных целях [9. С. 5].

Учитывая изложенное, становится очевидным то обстоятельство, что биоматериалы являются ограниченными в обороте объектами гражданских прав, а оставление российским законодателем без внимания их информационной составляющей неминуемо ставит под угрозу нарушения права и охраняемые законом интересы их доноров. Для того чтобы не допустить этого, представляется необходимым распространить правовой режим тайны частной жизни и персональных данных и на биоматериалы.

Говоря о генетических данных, следует указать на то, что такие данные, по причине их анонимизированности, не считаются персональными и на них не должно распространяться требования законодательства о персональных данных. Как справедливо отмечает М.А. Рожкова, «когда персональные данные множества субъектов обезличиваются, – такие данные, отрываясь от субъектов информации, “очищаются” и от субъективных прав на них» [14]. С тем, что

на анонимизированные данные не распространяется законодательство о персональных данных, соглашается и законодатель ЕС (см. Регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС и Конвенции № 108» и Конвенцию о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (заключена в г. Страсбурге 28.01.1981)).

Таким образом, генетические данные могут использоваться субъектами, прежде всего создателями таких данных, без каких-либо ограничений. В свою очередь, данный вывод порождает другие вопросы: «Являются ли генетические данные объектами гражданских прав? Если ответ на этот вопрос положительный, то являются ли генетические данные свободными или ограниченными в обороте объектами гражданских прав?».

В юридической литературе ведется дискуссия относительно того, может ли в принципе информация, прежде всего, данные (массивы данных), признаваться объектом гражданских прав [15. С. 60–92]. Не вдаваясь в глубокую полемику по данному вопросу, стоит согласиться с мнением М.А. Рожковой о том, что «данные по причине их экономической ценности могут рассматриваться в качестве объекта гражданских прав, однако в силу своих естественных свойств – свойства нематериальности – они не могут становиться объектами гражданского оборота. Как и в случае с результатами интеллектуальной деятельности и маркетинговыми обозначениями, свойством оборотоспособности будут обладать лишь права на них» [14]. При этом, говоря о правах, ученый полагает, что следует выделять новый вид абсолютного имущественного права на данные наряду с уже известными гражданско-правовой науке абсолютными правами: вещными правами и исключительным правом. Как пишет М.А. Рожкова, «имущественные права на такие объекты не втискиваются ни в одну из разработанных в доктрине разновидностей правоотношений. Имея абсолютную природу, права на рассматриваемые (нематериальные) объекты не могут быть отнесены ни к категории вещных прав, ни к категории интеллектуальной собственности. Искусственное же причисление отношений по поводу исследуемых объектов к числу относительных правоотношений представляется довольно проблематичным и вполне способно привести к созданию неадекватного и неэффективного правового регулирования» (см. подробнее: [16]). Содержание выделяемого нового абсолютного имущественного права составляют три правомочия: 1) обладание абсолютным правом на данные; 2) использование данных; 3) распоряжение абсолютным правом на данные (см. подробнее: [16]).

Исходя из сказанного, следует признать, что генетические данные являются объектом гражданских прав: они обладают экономической ценностью и могут быть использованы не только в научных, медицинских, но и в производственных целях, например для производства какого-либо лекарства. Однако поскольку такие данные лишены материальной природы (они существуют в цифровой (электронной) форме), поэтому они не могут стать объектами гражданского оборота. Объектами такого оборота являются абсолютные имущественные права на них.

В свою очередь, проведенное в рамках настоящей статьи исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. С позиции российского гражданского законодательства биоматериалы являются свободными в обороте объектами гражданского права (исключение составляют биоматериалы, используемые в сфере трансплантологии и в целях, установленных № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»). Однако такой подход не учитывает сущностную особенность биоматериалов. Биоматериалы являются источниками (средством передачи) генетической информации, имеющей личный, персональный характер. По этой причине на них должны распространяться правовые режимы тайны частной жизни и персональных данных, а на их использование должно даваться предварительное информационное согласие их доноров. Предложенное правовое регулирование общественных отношений, возникающих по поводу биоматериалов, позволит ограничить их оборот, а значит – защитить права и законные интересы их доноров.

2. Генетическую информацию, извлекаемую из биоматериалов, предлагается условно подразделять на два вида: генетические сведения и генетические данные. Правовое значение данной классификации заключается в том, что она позволит учесть особенности правового режима каждого из выделенного вида генетической информации, в том числе их оборотоспособность. Поскольку генетические сведения содержат сведения личного характера, то на них должны распространяться правовые режимы тайны частной жизни и персональных данных. В связи с чем какое-либо использование таких сведений должно осуществляться только с предварительного информационного согласия их донора. Генетические данные по причине обезличенности не подпадают под правовой режим тайны частной жизни и не считаются персональными. Генетические данные в силу своей нематериальной природы являются, как и результаты интеллектуальной деятельности, и маркетинговые обозначения, изъятыми из оборота объектами гражданского права, однако оборотоспособными являются абсолютные имущественные права на них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995.
2. Братусь С.Н. О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве. Доклад на заседании сектора гражданского права ВИАОН // Советское государство и право. 1949. № 11.
3. Красавчиков О.А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья) // Вопросы гражданского, трудового права и гражданско-го процесса // Ученые записки СЮИ. Т. 5. М.: Госюриздат, 1957.
4. Эбзеев Б.Б. Гражданский оборот: понятие и юридическая природа // Государство и право. 1999. № 2.

5. Гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 1998. Т. 1.
6. Малеева М.Н. Статус органов, тканей, тела человека как объектов права собственности и права на физическую неприкосновенность // Законодательство. 2003. № 11.
7. Мызров С.Н., Нагорный В.А. К вопросу о вещно-правовом статусе органов и тканей человека: дифференцированный подход к разрешению проблемы // Медицинское право. 2014. № 3.
8. Мохов А.А. Правовой режим биомедицинских клеточных продуктов как объектов гражданских прав // Гражданское право. 2017. № 3.
9. Трубина В.А. Ткани и органы человека как объекты гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
10. Иमेкова М.П. Биобанк как объект прав // Журнал российского права. 2020. № 12.
11. Философский энциклопедический словарь / под ред. С.С. Аверинцева, Э.А. Араб-оглы, Л.Ф. Ильевичева. М., 1989.
12. Болтанова Е.С., Имекова М.П. Генетическая информация в системе объектов гражданских прав // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 6.
13. Крюкова Е.С., Рузанова В.Д. Правовое регулирование деятельности биобанков в России // Гражданское право. 2020. № 6.
14. Рожкова М.А. Об имущественных правах на нематериальные объекты в системе абсолютных прав (часть третья – права на сведения и данные как разновидности информации) // Закон.ру. 2019. 14 января. URL: https://zakon.ru/blog/2019/1/14/ob_imuschestvennyh_pravah_na_nematerialnye_obekty_v_sisteme_absolyutnykh_prav_chast_tretya_prava_na_dana_obrasheniya.
15. Савельев А.И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // Вестник гражданского права. 2020. № 1.
16. Рожкова М.А. Информация как объект гражданских прав, или Что надо менять в гражданском праве // Закон.ру. 2018. 6 ноября. URL: https://zakon.ru/blog/2018/11/06/informaciya_kak_obekt_grazhdanskih_prav_ili_chnado_menyat_v_grazhdanskom_prave (дата обращения: 30.09.2021).

Статья представлена научной редакцией «Право» 4 октября 2021 г.

Biological Materials and Genetic Data Circulation: Civil Law Regulation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 257–261.

DOI: 10.17223/15617793/472/30

Maria P. Imekova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: imekova_maria@mail.ru

Keywords; biological materials; genetic data; civil circulation; privacy; personal data; prior informed consent; donor.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-29-14071.

The aim of the study is to determine the features of civil regulation of biological materials and genetic data under the legislation of the Russian Federation. To achieve this aim, regulatory legal acts of the Russian Federation and foreign countries, as well as scientific literature, were studied. The methodological basis of the study was general and specific scientific research methods. The formal legal and comparative legal methods were widely used to determine the turnover of biomaterials and associated genetic information, as well as the features of their legal regime. As a result of the study, it has been established that, from the standpoint of Russian civil legislation, biomaterials are free objects of civil law in circulation (with the exception of biomaterials used in the field of transplantation and for the purposes established by the Federal Law “On Biomedical Cell Products”). It has been inferred that this approach does not take into account the essential feature of biomaterials: they are sources (means of transmission) of genetic information of a personal nature. For this reason, they should be subject to legal regimes of privacy and personal data secrecy, and their use should be subject to the prior informed consent of their donors. The proposed legal regulation of public relations arising from biomaterials will not only allow restricting their circulation, but also protect the rights and legitimate interests of their donors. Genetic information extracted from biomaterials is proposed to be conditionally subdivided into two types: genetic information and genetic data. The legal significance of this classification lies in the fact that it will take into account the peculiarities of the legal regime of each of the selected type of genetic information, including their turnover capacity. Genetic information, since it contains personal information, should be subject to legal regimes of privacy and personal data. In this connection, any use of such information should be carried out only with the prior information consent of their donor. Due to its impersonal nature, genetic data do not fall under the legal regime of privacy and are not considered personal. Genetic data, by virtue of their intangible nature, are, like the results of intellectual activity and marketing designations, objects of civil law withdrawn from circulation; however, absolute property rights to them are transferable.

REFERENCES

1. Shershenevich, G.F. (1995) *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian civil law]. Moscow: Spark.
2. Bratus', S.N. (1949) O ponyatii grazhdanskogo oborota v sovetskom grazhdanskom prave. Doklad na zasedanii sektora grazhdanskogo prava VIYuN [On the concept of civil commerce in Soviet civil law. Report at the meeting of the sector of civil law All-Union Institute of Legal Sciences]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 11.
3. Krasavchikov, O.A. (1957) Sovetskiy grazhdanskiy oborot (ponyatie i osnovnye zven'ya) [Soviet civil circulation (concept and main links)]. *Uchenye zapiski SYuL*. 5.
4. Ebzeev, B.B. (1999) Grazhdanskiy oborot: ponyatie i yuridicheskaya priroda [Civil circulation: concept and legal nature]. *Gosudarstvo i pravo*. 2.
5. Sukhanov, E.A. (ed.) (1998) *Grazhdanskoe pravo : uchebnik: v 2 t.* [Civil law: textbook: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Statut.
6. Maleina, M.N. (2003) Status organov, tkaney, tela cheloveka kak ob"ektov prava sobstvennosti i prava na fizicheskuyu neprikosnovennost' [The status of organs, tissues, the human body as objects of property rights and the right to physical integrity]. *Zakonodatel'stvo*. 11.
7. Myzrov, S.N. & Nagornyy, V.A. (2014) Revisiting the Proprietary Status of Human's Organs and Tissues: Differential Approach to Solving This Problem. *Meditsinskoe pravo – Medical Law*. 3. (In Russian).
8. Mokhov, A.A. (2017) Legal Regime of Biomedical Cell Products as Civil Right Objects. *Grazhdanskoe pravo – Civil Law*. 3. (In Russian).
9. Trubina, V.A. (2020) *Tkani i organy cheloveka kak ob"ekty grazhdanskikh prav* [Human tissues and organs as objects of civil rights]. Law Cand. Diss. Moscow.
10. Imekova, M.P. (2020) Biobank as an object of rights. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 12. (In Russian). DOI: 10.12737/jrl.2020.147
11. Averintsev, S.S., Arab-ogly, E.A. & Il'evichev, L.F. (eds) (1989) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya.
12. Boltanova, E.S. & Imekova, M.P. (2019) Genetic information in the system of objects of civil rights. *Lex Russica*. 6. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.110-121

13. Kryukova, E.S. & Ruzanova, V.D. (2020) Legal Regulation of Biobanks Activity in Russia. *Grazhdanskoe pravo – Civil Law*. 6. (In Russian). DOI:10.18572/2070-2140-2020-6-39-42
14. Rozhkova, M.A. (2019) *Ob imushchestvennykh pravakh na nematerial'nye ob'ekty v sisteme absol'yutnykh prav (chast' tret'ya – prava na svedeniya i dannye kak raznovidnosti informatsii)* [On property rights to intangible objects in the system of absolute rights (Part Three: Rights to information and data as types of information)]. [Online] Available from: https://zakon.ru/blog/2019/1/14/ob_imushchestvennykh_pravakh_na_nematerialnye_obekty_v_sisteme_absolyutnykh_prav_chast_tret'ya_prava_na (Accessed: 30.09.2021).
15. Savel'ev, A.I. (2020) Data Commercialization Regulation in the Era of Shaping Digital Economy (Civil Law Aspects). *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review*. 1. (In Russian).
16. Rozhkova, M.A. (2018) *Informatsiya kak ob'ekt grazhdanskikh prav, ili Chto nado menyat' v grazhdanskom prave* [Information as an object of civil rights, or What needs to be changed in civil law]. [Online] Available from: https://zakon.ru/blog/2018/11/06/informatsiya_kak_obekt_grazhdanskikh_prav_ili_chto_nado_menyat_v_grazhdanskom_prave (Accessed: 30.09.2021).

Received: 04 October 2021

А.А. Петров

К ВОПРОСУ О СУПЕРПРЕЦЕДЕНТАХ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Исследуется вопрос о суперпрецедентах Верховного Суда США, под которыми понимаются такие решения, которые не будут пересмотрены в будущем, несмотря на то, что Верховный Суд принципиально вправе отменять свои прецеденты. Рассматривается история дискуссии по этой проблеме. Выявляются признаки и приводятся примеры суперпрецедентов, представлена их возможная классификация с точки зрения роли в правовой системе. Сделан вывод о возможности перенесения дискуссии о суперпрецедентах на российскую почву, прежде всего – в связи с деятельностью Конституционного Суда.

Ключевые слова: источники права; правовая система США; прецедентное право; *stare decisis*; Верховный Суд США; судебный прецедент; суперпрецедент; судебная система

Одной из фундаментальных черт правовой системы Соединенных Штатов Америки, традиционно относящейся к англо-саксонской правовой семье, является признание и широкое применение судебного прецедента в качестве источника права. У. Бернам в своей фундаментальной работе по основам права США пишет, что «в системе общего права нормоустанавливающие судебные решения по конкретным делам являются источником права и в совокупности составляют “прецедентное право” (*caselaw*)». Таким образом, судебные решения в США служат не только средством разрешения возникших в прошлом споров. Если судебное решение по конкретному делу создает “прецедент” (*precedent*), то это решение приобретает юридическую силу на будущее» [1. С. 105–106]. Е.А. Петрова верно отмечает, что появление качественно новых сфер правового регулирования существенно повышает роль статутного (писаного) права в американской правовой системе [2. С. 140], однако «проникновение» судебного прецедента также и в эти сферы – лишь вопрос времени.

Понимание судебного прецедента, сложившееся в США, не в полной мере совпадает с представлениями, которые сформировались об этом явлении в Великобритании – стране, которая является исторической родиной прецедентного права. В частности, американские суды в значительно меньшей степени связаны собственными решениями, чем британские, что обусловлено двумя принципиальными обстоятельствами: множественностью судебных юрисдикций в США, где федеральная судебная система существует наряду с самостоятельными судебными системами каждого штата, и наличием в США Конституции – кодифицированной и жесткой с точки зрения порядка изменения. Последнее обстоятельство обуславливает, с одной стороны, более частое обращение американских судов к рассмотрению конституционно-правовых по своему содержанию и значению вопросов, а с другой – их большую гибкость в обращении с собственными прецедентами [3. С. 37–39; 4. С. 317–318]. Если в Великобритании Палата лордов, которая до учреждения Верховного Суда Соединенного Королевства выполняла высшей судебной инстанции страны, только в 1966 г. объявила, что более не считает себя связанной своими прежними решениями и вправе отклоняться от них, «когда это представляется правиль-

ным» [5], то Верховный Суд США никогда не был абсолютно связан своими собственными прецедентами [6. С. 379, 385].

Вместе с тем основой признания судебного прецедента источником права в США – так же, как и в Великобритании – является принцип *stare decisis* (от латинского выражения «*stare decisis et non quieta movere*», т.е. «стоять на решенном и не нарушать спокойствие»). Этот принцип означает, что если суд ответил на поставленный перед ним вопрос, то на этот же вопрос в рамках других дел должен даваться такой же ответ от того же суда или нижестоящих судов той же судебной системы [7. С. 308]. В литературе отмечается, что иногда между понятиями «*stare decisis*» и «прецедент» проводится содержательное разграничение [8. С. 1016], однако для целей настоящей статьи достаточным является понимание принципа *stare decisis* как методологического основания для признания судебного прецедента источником права Соединенных Штатов.

Судебная система, действующая на основе принципа *stare decisis*, имеет ряд важных достоинств. Одним из них является стабильность и предсказуемость судебной практики. *Stare decisis* дает возможность людям принимать решения и планировать поведение с уверенностью в том, что юридические нормы, на которые они опираются, не будут изменены ретроактивно, что привело бы к признанию неправомерности их действий; следовательно, юристы могут давать советы своим клиентам с разумной степенью уверенности в том, что определенные действия приведут к определенным последствиям [9. С. 57]. В этом смысле заслуживает внимания следующая достаточно экстравагантная точка зрения Л. Брандейса (судья Верховного Суда США с 1916 по 1939 г.): «*Stare decisis* – мудрая политика, поскольку по большинству вопросов более важно, чтобы подлежащее применению правило было установлено, чем чтобы оно было установлено верно» [10]. Э. Кони Барретт также подчеркивает, что если суд разрешил дело и опубликовал свое решение по нему, стороны в последующих делах могут обсуждать вопрос о применимости состоявшегося ранее решения к их делам, но, как правило, не могут обсуждать его правильность [8. С. 1017].

Реализация доктрины *stare decisis* способствует сокращению масштабов судебного усмотрения. По

словам одного из отцов-основателей Конституции США А. Гамильтона, «чтобы избежать произвольного усмотрения в судах, необходимо, чтобы они были связаны строгими правилами и прецедентами, которые служат для определения и указания их обязанностей в каждом конкретном деле, рассматриваемом ими... Если мы признаем ценность стабильности и определенности, то выбор судьи должен быть ограничен тем, как разрешены предшествующие дела» [11]. С этим тесно связана другая ценность *stare decisis*, а именно способность данного принципа обеспечивать и укреплять независимость судебной власти, авторитет судов в глазах общества. Следование прецеденту свидетельствует о том, что суд не подвержен влиянию политической конъюнктуры или собственных пристрастий и, согласно распространенному в дискуссиях об американской судебной власти выражению, «не законодательствует со скамьи» [12. С. 370].

Судья Верховного Суда США Б. Кардозо обособленно подчеркивает значимость *stare decisis* для оптимизации судебного процесса; по его словам, юристы и судьи последующих поколений не перепроверяют то, что уже было решено, «так же, как большинство из нас не перепроверяют астрономические и физические истины» [13. С. 47].

Принцип *stare decisis* действует и исследуется в двух аспектах – вертикальном и горизонтальном [2. С. 149–150]. Вертикальное действие *stare decisis* означает обязанность нижестоящих судов следовать прецедентам, созданным вышестоящим судом по аналогичным делам. Соединенные Штаты Америки – федеративное государство, в котором одновременно действуют как общенациональная (федеральная) судебная система, так и судебные системы в каждом из 50 штатов, в округе Колумбия и на неинкорпорированных территориях (Американские Виргинские острова, Американское Самоа, Гуам и пр.). Соответственно, в силу вертикального *stare decisis* решения Верховного Суда США обязательны для всех федеральных судов, к которым относятся федеральные районные суды первой инстанции, апелляционные суды округов и некоторые другие федеральные судебные органы, учрежденные Конгрессом посредством принятия специальных законов. Решения апелляционного суда округа обязательны для нижестоящих федеральных судов, действующих в пределах территории соответствующего апелляционного округа (но не других апелляционных округов). Аналогично решения верховного суда штата обязательны для нижестоящих судов, входящих в судебную систему данного штата (но не других штатов), а решения апелляционных судов штатов обязательны для нижестоящих судов штатов, действующих на территории юрисдикции соответствующего апелляционного суда.

Согласно Конституции США, по всем делам, касающимся послов, других официальных представителей и консулов, а также по делам, в которых штат является стороной, Верховный Суд обладает первоначальной юрисдикцией (т.е. выступает в качестве суда первой инстанции); по всем другим делам, когда согласно Конституции, осуществляется судебная власть Соединенных Штатов, Верховный Суд обладает апел-

ляционной юрисдикцией по вопросам как права, так и факта с такими исключениями и в соответствии с теми правилами, которые установлены Конгрессом (ч. 2 раздела 2 ст. III Конституции США) [14]. В настоящее время Верховный Суд США рассматривает жалобы на решения федеральных апелляционных судов округов, Апелляционного суда США по делам вооруженных сил, Верховных судов Пуэрто-Рико и Виргинских островов, Апелляционного суда округа Колумбия, а также на окончательные судебные решения, вынесенные высшими судами штатов [15].

Таким образом, конституционный статус и компетенция Верховного Суда США предопределяют высшее место его решений в системе прецедентного права Соединенных Штатов. Решения Верховного Суда оказывают сквозное влияние на развитие не только собственно судебной практики, но и законодательства в США, поскольку Верховный Суд в рамках рассмотрения отнесенных к его компетенции дел вправе осуществлять судебный контроль конституционности федеральных законов [16] и законов штатов [17] и признавать их неконституционными в случае их несоответствия Конституции США. В ряде случаев решения Верховного Суда становились поводами для принятия поправок к Конституции США [18; 19. С. 28, 44]. Вполне естественно, что деятельность Верховного Суда и его судей постоянно находится в центре внимания не только юридических научных, но и общественно-политических кругов.

Однако, несмотря на высочайший авторитет, которым пользуется Верховный Суд США, на практике – в том числе и перед нижестоящими судами – нередко возникают вопросы о действии и применимости его решений, о возможности и необходимости отмены отдельных созданных им прецедентов. В связи с этим обращает на себя жесткость позиции, которую занимает Верховный Суд США по вопросу о праве нижестоящих судов отклоняться от прецедентов, им созданных. В частности, в решении по делу *Rodriguez de Quijas v. Shearson/American Express, Inc.* он указал следующее: «Если прецедентное решение [Верховного] Суда непосредственно применимо к делу, хотя и представляется основанным на доводах, отклоненных в других решениях, апелляционный суд должен следовать такому решению, оставляя [Верховному] Суду прерогативу отменять его собственные решения» [20]. Дополнительных развернутых аргументов в поддержку столь жесткого подхода Верховного Суда против права нижестоящих судов отклоняться от его прецедентов в указанном решении не приводится. Более того, даже судья Верховного Суда Стивенс, который выступил по делу с особым мнением (т.е. он не был согласен с решением по существу) подверг позицию нижестоящих судов критике, указав – также без развернутой аргументации – что она представляет собой пример «неоправданного судебного активизма». Следует заметить, что нижестоящий суд в этом деле не просто решил отклониться от прецедентного решения высшей судебной инстанции – он столкнулся с ситуацией наличия различных несогласующихся между собой решений Верховного Суда США и вынужден был, по существу, делать между ними выбор. Верхов-

ный Суд, однако, не стал делать скидку на это обстоятельство [9. С. 52–67].

Следует отметить, что в литературе предпринимаются заслуживающие пристального внимания попытки обосновать право нижестоящих судов отклоняться от решений Верховного Суда США [21]. Один из таких аргументов вытекает как раз из особенностей дела *Rodriguez de Quijas v. Shearson/American Express, Inc.* и состоит в том, что если Верховный Суд США принимает решение, в котором подвергает сомнению собственный более ранний прецедент, то у нижестоящего суда (который подчинен Верховному Суду США исходя из уникального конституционного статуса последнего) возникает проблема выбора – какому решению подчиниться? Высказывалось мнение, что в такой ситуации нижестоящий суд «вне сомнений» должен следовать более позднему решению Верховного Суда [9. С. 83]. Как бы то ни было, эти идеи не влияют на реальность, которая состоит в том, что в американской правовой системе решения Верховного Суда связывают нижестоящие суды при рассмотрении и разрешении аналогичных дел. Невозможно реалистично ожидать, что такое положение вещей изменится.

Что касается действия принципа *stare decisis* по горизонтали, то оно состоит в связанности суда собственными ранее вынесенными решениями по аналогичным делам. Горизонтальное действие *stare decisis* в США является существенно менее жестким, чем вертикальное, на что неоднократно обращал внимание Верховный Суд США. Например, в решении по делу *Planned Parenthood v. Casey* [22], в рамках которого ставился вопрос об отмене знаменитого решения Верховного Суда по делу *Roe v. Wade* [23], легализовавшего на всей территории США конституционное право женщин на аборт, указано, что «решение об отмене прецедента должно опираться на особые основания, стоящие выше убеждения, что решение по предыдущему делу было неверным», и пересмотр прецедента требует чего-то большего, чем «нынешняя склонность решить дело иначе». В деле *Smith v. Allwright* Верховный Суд отметил, что он не чувствует себя обязанным следовать прецеденту, если приходит к убеждению, что им была совершена ошибка [24]. В решении по делу *United States v. United Mine Workers* признается, что «даже данный суд может сказать свое последнее слово только на какое-то ограниченное время. Он не состоит из непогрешимых людей и может ошибаться... Суд могут просить о пересмотре его решения, и такие просьбы время от времени были успешными в течение всей его истории» [25].

Несмотря на то, что Верховный Суд США, как видно из приведенных высказываний, достаточно осторожно подходит к вопросу о возможности пересмотра или отмены им собственных решений, такие случаи имеют место достаточно регулярно, и их количество исчисляется сотнями [26]. В настоящее время нет сомнений, что Верховный Суд может отменять, отменяет и будет отменять ранее созданные прецеденты, когда сочтет это необходимым [27. С. 1460]. В публикациях, посвященных этой теме, отмечается, что горизонтальный принцип *stare decisis*

рассматривался американскими судами в большей степени как практическое правило, чем как жесткое веление [28. С. 1361]. При этом если в конце XVIII в., когда история Верховного Суда США только начиналась, накопленный массив его прецедентов был небольшим, а вероятность доктринальной несовместимости между ними была низкой, то теперь темпы развития общества и технологий резко возросли, что объективно повышает вероятность возникновения ситуаций, в которых Верховный Суд будет вынужден рассматривать вопросы о судьбе своих прецедентов.

В контексте горизонтального действия доктрины *stare decisis* в научной (а с определенного момента – и в политической) среде США обсуждается вопрос о пределах власти Верховного Суда над создаваемыми им прецедентами, а именно о возможности существования «суперпрецедентов», т.е. таких решений Верховного Суда, которые не могут быть пересмотрены.

Понятие суперпрецедента было впервые предложено профессорами Р. Познером и У. Ландесом в 1976 г. В их статье, которая касалась оценки значения прецедентов путем подсчета частотности их цитирования, отмечалось, что суперпрецедент настолько эффективен в определении требований закона, что сам по себе предотвращает возникновение юридических споров или, если они возникают, создает условия для их разрешения без судебного разбирательства. В конечном итоге такой «суперпрецедент» может никогда не быть процитирован в апелляционном судебном решении, но иметь при этом большее прецедентное значение, чем наиболее часто цитируемые судебные акты [29. С. 249, 251].

Термин «суперпрецедент» (точнее, его синоним – супер-*stare decisis*) был повторно введен в оборот в 2000 г. судьей Апелляционного суда Четвертого округа М. Люттигом, который в решении по делу *Richmond Med. Ctr. v. Gilmore* указал (имея в виду решение по делу *Roe v. Wade*) следующее: «В моем понимании Верховный Суд [США] намеревался придать своему решению по делу *Planned Parenthood v. Casey* статус супер-*stare decisis* в отношении фундаментального права женщины принимать решение о том, продолжать или нет свою беременность. И я также полагаю, что это понимание было не просто подтверждено, но усилено недавним решением Суда по делу *Stenberg v. Carhart*» [30]. Хотя судья Люттиг не предпринял попытки дать определение суперпрецеденту, он, как видно из приведенного фрагмента, выделил некоторые его признаки, по которым можно сформулировать общее представление о содержании рассматриваемого понятия (устойчивость судебного решения в течение длительного времени – 19 лет между решениями *Roe v. Wade* и *Planned Parenthood v. Casey*, а также прямо выраженное в решении по делу *Stenberg v. Carhart* [31] нежелание Верховного Суда США пересматривать сформулированные им правовые позиции по вопросам абортов).

Наибольший импульс обсуждению темы суперпрецедентов придало – и придает – обсуждение кандидатур на должности судей Верховного Суда в комитете Сената США по судебной власти. Учитывая замкнутость американских политических кругов на

деле *Roe v. Wade* и изложенных в нем конституционных подходов Верховного Суда к вопросу об абортах, неудивительно, что именно решение по этому делу особенно сильно интересует сенаторов с точки зрения возможного признания его суперпрецедентного значения. В пользу такого признания выдвигался ряд аргументов, а именно устойчивость этого решения, несмотря на многочисленные попытки добиться его отмены, сложившиеся и сохраняющиеся в течение длительного времени общественные представления и ожидания относительно права женщин на аборт. Дж. Робертс (ставший в 2005 г. председателем Верховного Суда США) и С. Аливо, несмотря на активные попытки сенаторов, так и не сформулировали четкого отношения к вопросу о суперпрецедентах, хотя Дж. Робертс отметил, что отдельные решения Верховного Суда Соединенных Штатов могут иметь повышенную прецедентную ценность, отметив в этой связи решения по делам *Marbury v. Madison* и *Brown v. Board of Education* [12. С. 403–410; 32].

Очередной раунд дискуссии о суперпрецедентах начался в связи с выдвижением на должность судьи Верховного Суда США Э. Кони Барретт, которая достаточно обстоятельно исследовала эту тему в своих научных работах еще до начала собственной судейской карьеры [33]. В частности, она определяет суперпрецеденты как решения, которые никакой судья не пересмотрит, даже будучи несогласным с его правотолковательными основаниями, в том числе из опасения вызвать хаос [34. С. 1734]. При этом Э. Кони Барретт особо подчеркивает, что свое значение суперпрецеденты приобретают не из самой по себе доктрины *stare decisis*, а из восприятия их как ценности независимо от того, что они возникли именно как продукт деятельности судебной системы; соответственно, действие суперпрецедентов не оспаривается в судах, а даже если такие попытки и предпринимаются, то ни один суд не воспримет их всерьез – во всяком случае, в отсутствие явных признаков того, что рушится общественный консенсус по поводу соответствующего суперпрецедента [34. С. 1735]. Близкое мнение в отечественной юридической науке высказано А. Гринько и К. Жариновым, которые полагают, что прецедентное право происходит не от конституционной либо законодательной воли, а от персонифицированной воли судейского сообщества, обязывающей каждого из своих участников, и от воли третьих лиц, не являющихся участниками данного судебного спора, но признающих обязательность прецедента как правила, которое будет применено к ним в случае возможного разбирательства [35. С. 113].

Хорошим примером в этом отношении выступает знаменитое решение Верховного Суда США по делу *Marbury v. Madison*, в котором Верховный Суд признал за собой функцию судебного конституционного контроля, т.е. право оценивать соответствие законов Конституции США и признавать такие законы неконституционными. Верховный Суд опирается на это решение всякий раз, когда рассматривает вопрос о конституционности закона, и в этом смысле сложно не согласиться с М. Синклером в том, что это решение имеет значение парадигмы, для отказа от которой

нужны столь значительные изменения в социально-правовой культуре, что это уже не будут Соединенные Штаты Америки [12. С. 400]. По образному выражению М. Герхардта, суперпрецедент отражает то, что можно считать святынями американского конституционного права [36. С. 1207]. Соответственно, если решение достигает статуса суперпрецедента, его судьба больше не находится в руках Верховного Суда [34. С. 1736; 37. С. 665]; это, в свою очередь, означает, что суд не может поднять то или иное решение до уровня суперпрецедента собственными заявлениями по этому поводу [38. С. 152–153]. Отмена доктрин, сформулированных в суперпрецедентных решениях, противоречит базовым ценностям конституционализма [39. С. 1180–1181].

Исследователи предпринимают попытки сформулировать признаки суперпрецедентов, которые выделяют их из общего массива судебных решений. По мнению Э. Кони Барретт и Дж. Нейгла, таковыми являются: 1) действие в течение длительного времени; 2) поддержка со стороны политических институтов; 3) влияние на конституционную доктрину; 4) широкомасштабная общественная поддержка и 5) широко распространенное в судебной системе представление о том, что соответствующие решения не нуждаются в дальнейшей перепроверке [40. С. 14]. При этом М. Герхардт, который, как будет показано ниже, классифицирует суперпрецеденты с точки зрения механизма их воздействия на развитие права, относит эти признаки только к части суперпрецедентов, а именно – к так называемым фундаментальным решениям [36. С. 1213].

Отдельные авторы указывают на некоторые особенности судебных решений, которые, несмотря на обладание этими решениями внешних признаков суперпрецедентности, не позволяют сделать вывод о том, что конкретное решение в действительности представляет собой именно суперпрецедент. В частности, К. Старджером высказано суждение, что судебное решение может обрести статус суперпрецедента, когда не только оно само пользуется соответствующим широким признанием, но и когда в отношении вторичных правил, касающихся его истолкования и применения, также достигнуто согласие, делающее немислимым отмену исходного решения [41. С. 77]. М. Герхардт отмечает, что решение не может считаться суперпрецедентом, если оно в ходе дальнейшего развития судебной практики начинает обрабатываться разного рода исключениями и оговорками, а также когда отсутствует четкость в определении границ его применимости к тем или иным ситуациям [36. С. 1218–1220].

Э. Кони Барретт приводит ряд конкретных решений Верховного Суда США, которые, по ее мнению, имеют значение суперпрецедентов, поскольку соответствуют одновременно всем предложенным критериям. К числу таковых она относит решения по делам *Marbury v. Madison* (об учреждении судебного конституционного контроля), *Martin v. Hunter's Lessee* [42] (о праве Верховного Суда США проверять решения судов штатов), *Helvering v. Davis* [43] (о конституционности Закона о социальном страховании),

Кнох v. Lee [44] (о конституционности выпуска бумажных денег), Мэпп v. Ohio [45] (о распространении действия Четвертой поправки к Конституции США о запрете необоснованных обысков и арестов не только на федеральное правительство США, но и на органы штатов), Браун v. Board of Education (о запрете штатам устанавливать расовую сегрегацию в публичных школах), а также группу решений Верховного Суда, известную как «дела о гражданских правах» (эти решения запретили Конгрессу США устанавливать особые гарантии защиты чернокожих американцев от действий частных лиц) [34. С. 1734–1735; 40. С. 14].

В то же время Э. Кони Барретт, отвечая на вопрос одного из сенаторов во время слушаний по ее кандидатуре на должность судьи Верховного Суда, прямо – в отличие от Дж. Робертса и С. Аливо – заявила, что не считает решение по делу Roe v. Wade суперпрецедентом, поскольку в отношении него отсутствует общенациональный общественный консенсус и оно регулярно подвергается попыткам пересмотра несмотря на то, что действие этого решения неоднократно подтверждалось Верховным Судом [46].

Существенное значение для понимания феномена суперпрецедентов Верховного Суда США имеет подход к их классификации, предложенный М. Герхардтом. Он выделяет три категории суперпрецедентов, исходя из их значения в правовой системе [36. С. 1207–1217]:

1. Суперпрецеденты, учреждающие фундаментальные институциональные практики (т.е. механизмы деятельности институтов публичной власти, незаменимые для ее функционирования). Такие практики со временем становятся настолько общественно признанными, настолько поддерживаются властными институтами и ложатся в основу таких массивов судебной практики, что отказ от них требует беспрецедентно радикальных проявлений политической и судебной воли. Наиболее очевидными примерами суперпрецедентов такого типа являются решения Верховного Суда США по делам Marbury v. Madison, обосновывающее право Верховного Суда оценивать законы с точки зрения их соответствия Конституции США, а также Martin v. Hunter's Lessee, в котором обоснованы полномочия Верховного Суда США проверять решения судов штатов, основанные на нормах федерального права (и тем самым – право Верховного Суда США признавать законы штатов противоречащими Конституции США). В отношении первого из них Р. Райт отмечает, что гипотетическая попытка пересмотра его Верховным Судом США создаст парадокс: отменяя действие тезиса о том, что к сфере ответственности судебной власти относится определение того, что есть закон, Верховный Суд только подчеркнет этот тезис [38. С. 156]. Что же касается решения по делу Martin v. Hunter's Lessee, то его значение столь велико, что знаменитый американский правовед Оливер У. Холмс (судья Верховного Суда США с 1902 по 1932 г.) в определенном смысле поставил его выше, чем даже решение по делу Marbury v. Madison: «Я не думаю, что Соединенные Штаты прекратят свое существование, если бы мы потеряли право объявлять законы Конгресса недействительны-

ми. Однако я считаю, что Союз оказался бы в опасности, если бы мы не могли делать это в отношении законов отдельных штатов» [47. С. 295–296];

2. Суперпрецеденты, устанавливающие основополагающие доктрины, т.е. закрепляющие существование и применимость определенных базовых категорий и видов конституционных споров, возникающих на протяжении длительного времени. Типичный пример такой основополагающей доктрины – так называемая доктрина инкорпорации, которая состоит в том, что гарантии конституционных прав, закрепленные в первых восьми поправках к Конституции США, т.е. в основном массиве норм Билля о правах, являются основой для судебного контроля за действиями штатов США (см., например, решение Верховного Суда США по делу Мэпп v. Ohio, в котором установлено, что Четвертая поправка, запрещающая необоснованные обыски и аресты, распространяется на действия властей штатов). Еще одна широко признанная основополагающая доктрина состоит в том, что политические по своему характеру вопросы не подлежат судебному рассмотрению; М. Герхардт приводит в качестве примера также многократно упомянутое решение по делу Marbury v. Madison, где проводится разграничение между правовыми вопросами, которые могут решаться судами, и политическими вопросами, которые должны решаться другими ветвями власти [36. С. 1211].

3. Суперпрецеденты – фундаментальные решения. Под таковыми понимаются решения Верховного Суда США по отдельным вопросам конституционного права, которые: а) действуют в течение длительного времени; б) признаются и поддерживаются политическими институтами; в) влияют на формирование правовой доктрины как минимум в одной области конституционного права; г) пользуются, в той или иной форме, широким общественным признанием; д) широко используются судами для обеспечения процессуальной экономии. Таковым, например, является решение по делу Кнох v. Lee, в котором Верховный Суд США признал конституционно допустимым печатание бумажных денег; очевидно, что любой гражданин США (и не только) знаком с последствиями этого решения, хотя может совершенно не знать юридические нюансы судебного дела, по которому оно было вынесено.

Как показывает анализ позиций, высказанных в американской юридической науке, понятие суперпрецедента – несмотря на достаточно активное его обсуждение – все еще носит в достаточной мере условный характер. Прежде всего, формально-технически любое решение Верховного Суда США может быть пересмотрено и отменено просто потому, что stare decisis (особенно в горизонтальном аспекте) – это доктрина, а не нормативно установленное правило. Не существует единообразного, а тем более формально закрепленного перечня критериев, по которым можно было бы классифицировать конкретное решение Верховного Суда США в этом качестве; поэтому хотя количество его решений, претендующих, исходя из предложенных критериев, на статус суперпрецедентов, очень невелико, даже в отношении этих не-

многих решений возникают разногласия по поводу их суперпрецедентного статуса. Те признаки суперпрецедента, которые предлагаются участниками дискуссии, лежат в разных плоскостях – не все из них являются сугубо правовыми (например, аргумент общественного консенсуса, который отстаивает судья Э. Кони Барретт, носит явно оценочный, социологический характер, что затрудняет его применение по отношению к конкретным решениям). Существует риск перевода понятия суперпрецедента из юридической в политическую плоскость – явным признаком этого являются попытки сенаторов США выяснять отношение кандидатов на должности судей Верховного Суда к конкретным прецедентам Верховного Суда с точки зрения перспектив их пересмотра в будущем (если соответствующий кандидат станет судьей); П. Коллинз и Л. Рингхенд даже определяют суперпрецедент как решение, без «правильной позиции» по которому кандидат на должность судьи Верховного Суда США не получит назначения [48. С. 17].

По мнению М. Синклера, все это создает почву для предположения, что если понятие суперпрецедента станет предметом широкого обихода (а пока нельзя сказать, что это так), то это произойдет по причине интуитивной привлекательности данного понятия, а не потому, что оно имеет формально-правовые последствия или аналитическую, классификационную ценность [12. С. 411]. Р.Дж. Райт высказывается еще

более категорично – по его мнению, на первый взгляд достаточно ясная идея суперпрецедента на самом деле удивительно неясна во многих аспектах, при этом за дискуссиями об этом понятии стоит нерешенность ряда важных проблем, подрывающих саму идею суперпрецедента; пока эти идеи не будут решены, идея суперпрецедента должна быть отодвинута на второй план (если не отвергнута вовсе) [38. С. 145–146]. Наконец, не лишено определенных оснований и беспокойство по поводу того, что признание каких-либо судебных решений в качестве суперпрецедентов означает «замораживает» затронутые в таких решениях вопросы конституционного права от дальнейшего переосмысления [49. С. 1232, 1238–1247].

Однако отмеченные сложности, как представляется, лишь подчеркивают глубину обсуждаемого вопроса и не обесценивают тему суперпрецедентов как юридического явления, которое заслуживает соответствующего внимания. Напротив, обсуждение этой темы представляется весьма плодотворным в плане глубокого доктринального исследования предназначения судебной власти, содержания судебной деятельности, пределов возможностей судебной системы. Более того, соответствующие рассуждения и выводы могут в тех или иных пределах иметь значительную ценность для судебной деятельности в рамках любой – не только англо-саксонской – правовой системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернам У. Правовая система США. М. : Новая юстиция, 2006. 1216 с.
2. Петрова. Е.А. Система источников современного американского права (теоретический и сравнительно-правовой аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 205 с.
3. Кросс Р. Прецедент в английском праве. М. : Юрид. лит., 1985. 239 с.
4. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право : учеб. пособие. М. : Проспект, 2017. 448 с.
5. Practice Statement [1966] 3 All ER 77 // United Kingdom Parliament. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld199697/ldinfo/ld08judg/redbook/redbk45.htm> (дата обращения: 20.06.2021).
6. Abraham H. The Judicial Process. An introductory Analysis of Courts of the United States, England and France. N.Y., 1996. 480 p.
7. West's encyclopedia of American law. Thomson-Gale, 2004. Vol. 9. 482 p.
8. Coney Barrett A. Stare Decisis and Due Process // University of Colorado Law Review. 2003. № 74. P. 1011–1074.
9. Bradford C. Following Dead Precedent: The Supreme Court's Ill-Advised Rejection of Anticipatory Overruling // Fordham Law Review. 1990. № 59. P. 39–90.
10. Burnet v. Coronado Oil & Gas Co., 285 U.S. 393, 405–411 (1932) // FindLaw. URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/285/393.html> (дата обращения: 20.06.2021).
11. The Federalist. № 78 // Library of Congress. URL: <https://guides.loc.gov/federalist-papers/text-71-80/s-lg-box-wrapper-25493470> (дата обращения: 20.06.2021).
12. Sinclair M. Precedent, Super-Precedent // George Mason Law Review. 2007. № 14. P. 363–411.
13. Cardozo B.N. The Nature of Judicial Process. New Haven, CT. ; London : Yale University Press, 1921. 188 p.
14. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты: Пер. с англ. / сост. В.И. Лафитский ; под ред. и со вступ. ст. О.А. Жидкова. М. : Прогресс, Универс, 1993. 768 с.
15. 28 U.S.C. § 1254, 1257–1260 // Office of the Law Revision Council. URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title28/part4/chapter81&edition=prelim> (дата обращения: 20.06.2021).
16. Marbury v. Madison, 5 U.S. (1 Cranch) 137 (1803) // FindLaw. URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/5/137.html> (дата обращения: 20.06.2021).
17. Fletcher v. Peck, 10 U.S. (6 Cranch) 87 (1810) // FindLaw. URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/10/87.html> (дата обращения: 20.06.2021).
18. Paulsen M. Can a Constitutional Amendment Overrule a Supreme Court Decision? Constitutional Commentary // University of St. Thomas Legal Studies Research Paper № 08-05. URL: <https://ssrn.com/abstract=1104529> (дата обращения: 20.06.2021).
19. Лафитский В.И. Основы конституционного строя США. М. : НОРМА, 1998. 272 с.
20. Rodriguez de Quijas v. Shearson/American Express Inc., 490 U.S. 477 (1989) // FindLaw. URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/490/477.html> (дата обращения: 20.06.2021).
21. Kniffen M. Overruling Supreme Court Precedents: Anticipatory Actions By United States Court of Appeals // Fordham Law Review. 1982. № 51. P. 53–89.
22. Planned Parenthood v. Casey, 505 U.S. 833 (1992) // FindLaw. URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/505/833.html> (дата обращения: 20.06.2021).
23. Roe v. Wade, 410 U.S. 113 (1973) // FindLaw. URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/410/113.html> (дата обращения: 20.06.2021).
24. Smith v. Allwright, 321 U.S. 649 (1944) // FindLaw. URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/321/649.html> (дата обращения: 20.06.2021).
25. United States v. United Mine Workers of America, 330 U.S. 258 (1947) // FindLaw. URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/330/258.html> (дата обращения: 20.06.2021).

26. Table of Supreme Court Decisions Overruled by Subsequent Decisions // Constitution Annotated. URL: <https://constitution.congress.gov/resources/decisions-overruled> (дата обращения: 20.06.2021).
27. Kozel R. Precedent and Reliance // Emory Law Journal. 2013. № 62. P. 1459–1507.
28. Eskridge W. Overruling Statutory Precedents // Georgetown Law Journal. 1988. № 76. P. 1361–1439.
29. Landes W., Posner R. Legal Precedent: A Theoretical and Empirical Analysis // The Journal of Law and Economics. 1976. № 19. P. 249–307.
30. Richmond Medical Ctr v. Gilmore, 98-1930 (4th Cir. 2000) // FindLaw. URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-4th-circuit/1210300.html> (дата обращения: 20.06.2021).
31. Stenberg v. Carhart, 530 U.S. 914 (2000) // FindLaw. URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/530/914.html> (дата обращения: 20.06.2021).
32. Brown v. Board of Education of Topeka, 347 U.S. 483 (1954) // FindLaw. URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/347/483.html> (дата обращения: 20.06.2021).
33. Amy Coney Barrett // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Amy_Coney_Barrett (дата обращения: 20.06.2021).
34. Coney Barrett A. Precedent and Jurisprudential Disagreement // Texas Law Review. 2012–2013. № 91. P. 1711–1737.
35. Гринько А., Жаринов К. Воля судейского сообщества как источник обязывающей силы прецедентного права США // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6. С. 113–140.
36. Gerhardt M. Super Precedent // Minnesota Law Review. 2006. № 26. P. 1204–1231.
37. Hall M. Bringing Down Brown: Super Precedents, Myths of Rediscovery, and the Retroactive Canonization of Brown v. Board of Education // Journal of Law and Policy. 2010. № 18. P. 655–700.
38. Wright R. Downgrading Superprecedents // West Virginia Law Review. 2019. № 122. P. 145–170.
39. Farber D. The Rule of Law and the Law of Precedents // Minnesota Law Review. 2006. № 90. P. 1173–1203.
40. Coney Barrett A., Nagle C. Congressional Originalism // University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law. 2016. № 19. P. 1–44.
41. Starger C. Expanding Stare Decisis: The Role of Precedent in the Unfolding Dialectic of Brady v. Maryland // Loyola of Los Angeles Law Review. 2012. № 46. P. 77–162.
42. Martin v. Hunter's Lessee, 14 U.S. (1 Wheat.) 304 (1816) // FindLaw. URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/14/304.html> (дата обращения: 20.06.2021).
43. Helvering v. Davis, 301 U.S. 619 (1937) // FindLaw. URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/301/619.html> (дата обращения: 20.06.2021).
44. Knox v. Lee, 79 U.S. (12 Wall.) 457 (1871) // FindLaw. URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/79/457.html> (дата обращения: 20.06.2021).
45. Mapp v. Ohio, 367 U.S. 643 (1961) // FindLaw. URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/367/643.html> (дата обращения: 20.06.2021).
46. Amy Coney Barrett Senate Confirmation Hearing Day 2 Transcript // Rev Speech-to-Text Services. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/amy-coney-barrett-senate-confirmation-hearing-day-2-transcript> (дата обращения: 20.06.2021).
47. Holmes O. Collected Legal Papers. N.Y. : Harcourt, Brace and Howe, 1920. 320 p.
48. Collins P., Ringhand L. Super-Precedents, Litmus Tests, and Supreme Court Confirmation Hearings. URL: <http://www.psci.unt.edu/~pmcollins/Collins%20Ringhand%20MPSA%202012.pdf> (дата обращения: 20.06.2021).
49. Barnett R. It's a Bird, It's a Plane, No, It's Super Precedent: A Response to Farber and Gerhardt // Minnesota Law Review. 2006. № 90. P. 1232–1251.

Статья представлена научной редакцией «Право» 28 октября 2021 г.

On Super Precedents of the US Supreme Court

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 262–269.

DOI: 10.17223/15617793/472/31

Alexei A. Petrov, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: petrov-a-irk@mail.ru.

Keywords: sources of law; US legal system; case law; stare decisis; US Supreme Court; judicial precedent; superprecedent; judicial system.

The modern Russian legal system functions and develops in conditions of active interaction with other national and international legal systems. This reflects the objective global trends of globalization, part of which are the processes of convergence and integration of legal systems. During these processes, an exchange of experience takes place between countries on legal development issues, which, in turn, often entails shifts in national legal systems, including changes in the role and significance of various sources of national law. In this regard, scientific research on the functioning of the judicial precedent is highly relevant for the Russian Federation, especially concerning countries of the Anglo-Saxon legal family, where the judicial precedent is considered to be the main source of law. At the same time, the use of general scientific methods of scientific knowledge (dialectical method, analysis, synthesis) in combination with specific legal methods (comparative legal method, historical legal method) makes it possible to comprehend legal phenomena that develop in various legal systems and to outline the directions of the corresponding discussion within the framework of Russian law. The topic of super precedents of the US Supreme Court, discussed in the American scientific community, is of particular interest here. One of the key elements of the US legal system is the stare decisis principle, which implies the obligation of courts to follow previously created precedents in resolving similar cases. The vertical aspect of stare decisis means that lower courts are bound by precedents created by higher courts, while horizontal stare decisis implies that courts are bound by their own decisions. The horizontal aspect of stare decisis includes the right of a court to deviate from its own precedent in the presence of appropriate circumstances and grounds. The US Supreme Court exercises this right quite regularly. At the same time, many American legal scholars point to the existence of such decisions of the Supreme Court that cannot be revised under any circumstances due to the fundamental importance of these decisions for American law and society. Such decisions are denoted by the concept “super precedent”. Scholars evaluate individual decisions of the Supreme Court on the subject of their possible superprecedent status. Signs of super precedence are highlighted, and attempts to classify super precedents are also suggested. Despite certain conventionality of the concept of a super precedent, the study of this issue seems to be relevant for Russian legal science. Such a study can be important to further deepen our understanding of the mechanisms of the judiciary.

REFERENCES

1. Burnham, W. (2006) *Pravovaya sistema SSHA* [Introduction to the Law and Legal System of the United States]. Translated from English. Moscow: Novaya yustitsiya.
2. Petrova, E.A. (2004) *Sistema istochnikov sovremennogo amerikanskogo prava (teoreticheskiy i sravnitel'no-pravovoy aspekt)* [The system of sources of modern American law (theoretical and comparative legal aspects)]. Law Cand. Diss. Saint Petersburg.

3. Cross, R. (1985) *Precedent v angliyskom prave* [Precedent in English law]. Translated from English. Moscow: Yurid. lit.
4. Marchenko, M.N. (2017) *Sudebnoe pravotvorchestvo i sudeyskoe pravo: ucheb. posobie* [Judicial law-making and judicial law: textbook]. Moscow: Prospekt.
5. United Kingdom Parliament. (1966) *Practice Statement [1966]* 3 All ER 77. [Online] Available from: <https://publications.parliament.uk/pa/ld199697/ldinfo/ld08judg/redbook/redbk45.htm> (Accessed: 20.06.2021).
6. Abraham, H. (1996) *The Judicial Process. An introductory Analysis of Courts of the United States, England and France*. N.Y.: OUP.
7. Lehman, J. & Phelps, S. (2004) *West's encyclopedia of American law*. Vol. 9. Thomson-Gale.
8. Coney Barrett, A. (2003) Stare Decisis and Due Process. *University of Colorado Law Review*. 74. pp. 1011–1074.
9. Bradford, C. (1990) Following Dead Precedent: The Supreme Court's Ill-Advised Rejection of Anticipatory Overruling. *Fordham Law Review*. 59. pp. 39–90.
10. FindLaw. (1932) *Burnet v. Coronado Oil & Gas Co.*, 285 U.S. 393, 405–411 (1932). [Online] Available from: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/285/393.html> (Accessed: 20.06.2021).
11. *The Federalist*. 78. [Online] Available from: <https://guides.loc.gov/federalist-papers/text-71-80#s-lg-box-wrapper-25493470> (Accessed: 20.06.2021).
12. Sinclair, M. (2007) Precedent, Super-Precedent. *George Mason Law Review*. 14. pp. 363–411.
13. Cardozo, B.N. (1921) *The Nature of Judicial Process*. New Haven, CT.; London: Yale University Press.
14. Zhidkov, O.A. (ed.) (1993) *Soedinennyye Shtaty Ameriki: Konstitutsiya i zakonodatel'nye akty* [United States of America: Constitution and laws]. Translated from English. Moscow: Progress; Univers.
15. Office of the Law Revision Council. (n.d.) 28 U.S.C. § 1254, 1257–1260. [Online] Available from: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title28/part4/chapter81&edition=prelim> (Accessed: 20.06.2021).
16. FindLaw. (1803) *Marbury v. Madison*, 5 U.S. (1 Cranch) 137 (1803). [Online] Available from: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/5/137.html> (Accessed: 20.06.2021).
17. FindLaw. (1810) *Fletcher v. Peck*, 10 U.S. (6 Cranch) 87 (1810). [Online] Available from: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/10/87.html> (Accessed: 20.06.2021).
18. Paulsen, M. (2008) Can a Constitutional Amendment Overrule a Supreme Court Decision? Constitutional Commentary. *University of St. Thomas Legal Studies Research Paper No. 08-05*. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=1104529> (Accessed: 20.06.2021).
19. Lafitskiy, V.I. (1998) *Osnovy konstitutsionnogo stroya SshA* [Fundamentals of the US Constitution]. Moscow: NORMA.
20. FindLaw. (1989) *Rodriguez de Quijas v. Shearson/American Express Inc.*, 490 U.S. 477 (1989). [Online] Available from: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/490/477.html> (Accessed: 20.06.2021).
21. Kniffen, M. (1982) Overruling Supreme Court Precedents: Anticipatory Actions By United States Court of Appeals. *Fordham Law Review*. 51. pp. 53–89.
22. FindLaw. (1992) *Planned Parenthood v. Casey*, 505 U.S. 833 (1992). [Online] Available from: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/505/833.html> (Accessed: 20.06.2021).
23. FindLaw. (1973) *Roe v. Wade*, 410 U.S. 113 (1973). [Online] Available from: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/410/113.html> (Accessed: 20.06.2021).
24. FindLaw. (1944) *Smith v. Allwright*, 321 U.S. 649 (1944). [Online] Available from: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/321/649.html> (Accessed: 20.06.2021).
25. FindLaw. (1947) *United States v. United Mine Workers of America*, 330 U.S. 258 (1947). [Online] Available from: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/330/258.html> (Accessed: 20.06.2021).
26. Constitution.congress.gov. (2021) *Table of Supreme Court Decisions Overruled by Subsequent Decisions*. [Online] Available from: <https://constitution.congress.gov/resources/decisions-overruled> (Accessed: 20.06.2021).
27. Kozel, R. (2013) Precedent and Reliance. *Emory Law Journal*. 62. pp. 1459–1507.
28. Eskridge, W. (1988) Overruling Statutory Precedents. *Georgetown Law Journal*. 76. pp. 1361–1439.
29. Landes, W. & Posner, R. (1976) Legal Precedent: A Theoretical and Empirical Analysis. *The Journal of Law and Economics*. 19. pp. 249–307.
30. FindLaw. (2000) *Richmond Medical Ctr v. Gilmore*, 98-1930 (4th Cir. 2000). [Online] Available from: <https://caselaw.findlaw.com/us-4th-circuit/1210300.html> (Accessed: 20.06.2021).
31. FindLaw. (2000) *Stenberg v. Carhart*, 530 U.S. 914 (2000). [Online] Available from: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/530/914.html> (Accessed: 20.06.2021).
32. FindLaw. (1954) *Brown v. Board of Education of Topeka*, 347 U.S. 483 (1954). [Online] Available from: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/347/483.html> (Accessed: 20.06.2021).
33. Wikipedia. (2021) *Amy Coney Barrett*. [Online] Available from: https://en.wikipedia.org/wiki/Amy_Coney_Barrett (Accessed: 20.06.2021).
34. Coney Barrett, A. (2012–2013) Precedent and Jurisprudential Disagreement. *Texas Law Review*. 91. pp. 1711–1737.
35. Grin'ko, A. & Zharinov, K. (2020) The American common law and the will of the judiciary as a source of its binding force. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 6. pp. 113–140. (In Russian). DOI: 10.21128/1812-7126-2020-6-51-78
36. Gerhardt, M. (2006) Super Precedent. *Minnesota Law Review*. 26. pp. 1204–1231.
37. Hall, M. (2010) Bringing Down Brown: Super Precedents, Myths of Rediscovery, and the Retroactive Canonization of Brown v. Board of Education. *Journal of Law and Policy*. 18. pp. 655–700.
38. Wright, R. (2019) Downgrading Superprecedents. *West Virginia Law Review*. 122. pp. 145–170.
39. Farber, D. (2006) The Rule of Law and the Law of Precedents. *Minnesota Law Review*. 90. pp. 1173–1203.
40. Coney Barrett, A. & Nagle, C. (2016) Congressional Originalism. *University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law*. 19. pp. 1–44.
41. Starger, C. (2012) Expanding Stare Decisis: The Role of Precedent in the Unfolding Dialectic of Brady v. Maryland. *Loyola of Los Angeles Law Review*. 46. pp. 77–162.
42. FindLaw. (1816) *Martin v. Hunter's Lessee*, 14 U.S. (1 Wheat.) 304 (1816). [Online] Available from: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/14/304.html> (Accessed: 20.06.2021).
43. FindLaw. (1937) *Helvering v. Davis*, 301 U.S. 619 (1937). [Online] Available from: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/301/619.html> (Accessed: 20.06.2021).
44. FindLaw. (1871) *Knox v. Lee*, 79 U.S. (12 Wall.) 457 (1871). [Online] Available from: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/79/457.html> (Accessed: 20.06.2021).
45. FindLaw. (1961) *Mapp v. Ohio*, 367 U.S. 643 (1961). [Online] Available from: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/367/643.html> (Accessed: 20.06.2021).
46. Coney Barrett, A. (2020) *Senate Confirmation Hearing Day 2 Transcript*. [Online] Available from: <https://www.rev.com/blog/transcripts/amy-coney-barrett-senate-confirmation-hearing-day-2-transcript> (Accessed: 20.06.2021).
47. Holmes, O. (1920) *Collected Legal Papers*. N.Y.: Harcourt, Brace and Howe.
48. Collins, P. & Ringhand, L. (2012) *Super-Precedents, Litmus Tests, and Supreme Court Confirmation Hearings*. [Online] Available from: <http://www.psci.unt.edu/~pmcollins/Collins%20Ringhand%20MPSA%202012.pdf> (Accessed: 20.06.2021).
49. Barnett, R. (2006) It's a Bird, It's a Plane, No, It's Super Precedent: A Response to Farber and Gerhardt. *Minnesota Law Review*. 90. pp. 1232–1251.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВАНЕСОВ Сергей Сергеевич – д-р филос. наук, зав. кафедрой теологии, директор НОЦ «Гуманитарная урбанистика» Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. E-mail: iskiteam@yandex.ru

АГАПОВА Елена Анатольевна – д-р филос. наук, зав. кафедрой социальной философии Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: eagarova@sfedu.ru

АЛЕКСЕЕВА Татьяна Александровна – старший преподаватель кафедры геоинформатики и кадастра Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: tanyaalek@yandex.ru

АЛЕШИНА Светлана Александровна – канд. пед. наук, ректор Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: aleshina_s_a@mail.ru

АХМЕДШИН Рамиль Линарович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: raist@sibmail.com

БЕРДАУС Светлана Владимировна – канд. филос. наук, младший научный сотрудник отдела философии Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: s.berdaus@yandex.ru

БОРКОВ Виктор Николаевич – д-р юрид. наук, начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России. E-mail: borkovv@mail.ru

БРАГЕР Дмитрий Константинович – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сахалинского института железнодорожного транспорта – филиала Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Южно-Сахалинск). E-mail: brager-4@mail.ru

БУЛАТОВ Борис Борисович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России. E-mail: bulatov_oma@mail.ru

ВЕДЕРНИКОВ Николай Трофимович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: vedernikovcrim@yandex.ru

ВОРОНИН Олег Викторович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: crim.just@mail.ru

ГАЛКОВСКАЯ Наталья Георгиевна – канд. юрид. наук, зав. кафедрой гражданского процесса Томского государственного университета. E-mail: ni13012003@mail.ru

ГЕРГИЛЕВ Денис Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: turilak@yandex.ru

ГЛУЩЕНКО Ольга Алексеевна – аспирант кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: olga.glushchenko.95@mail.ru

ГОЛЬБРАЙХ Владимир Беньяминович – научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологический институт Российской академии наук – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). E-mail: vgolbraih@mail.ru

ГОЛОВАШИНА Оксана Владимировна – д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: ovgolovashina@mail.ru

ГОЛОВКО Николай Вячеславович – канд. филол. наук, доцент кафедры культуры русской речи для технических специальностей Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь). E-mail: nvgolovko@inbox.ru

ГРИГОРЬЕВА Тамара Александровна – д-р юрид. наук, профессор кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии. E-mail: tgrigorieva17@mail.ru

ГРУЗДИНСКАЯ Виктория Сергеевна – аспирант кафедры отечественной истории и политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: vik11910314@yandex.ru

ДЕТОЧЕНКО Людмила Станиславовна – канд. филос. наук, зав. кафедрой социальных технологий Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: maksimus6488@yandex.ru

ДОНЧЕНКО Александр Григорьевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии. E-mail: donchenko.a.g@yandex.ru

ЕСИПОВА Валерия Анатольевна – д-р ист. наук, зав. сектором отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета. E-mail: esipova_val@mail.ru

ЕФРЕМОВА Ирина Алексеевна – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии. E-mail: efremova005@yandex.ru

ЗАМЯТИНА Оксана Михайловна – канд. техн. наук, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории педагогических измерений и качества образования Томского государственного педагогического университета; ректор Томского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования. E-mail: zamyatina@tpu.ru

ИЕРУСАЛИМСКИЙ Юрий Юрьевич – д-р ист. наук, зав. кафедрой отечественной средневековой и новой истории, научный руководитель лаборатории военной истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова; профессор кафедры истории, культуры и социального развития Московской области Московского государственного областного университета (г. Мытищи). E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

ИЗЛУЧЕНКО Татьяна Владимировна – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: izluchenko@mail.ru

ИМЕКОВА Мария Павловна – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права Томского государственного университета. E-mail: Imekova_Maria@mail.ru

КАЗАКОВА Светлана Петровна – канд. юрид. наук, доцент кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии. E-mail: c005er@mail.ru

КОЛЕСНИКОВ Андрей Александрович – д-р пед. наук, профессор кафедры второго иностранного языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина; профессор кафедры германистики и лингводидактики Московского городского педагогического университета. E-mail: kolesnikow@list.ru

КОРЗУН Валентина Павловна – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории и политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: korzunv@mail.ru

КРЕСТЬЯННИКОВ Евгений Адольфович – д-р ист. наук, зав. лабораторией исторической и экологической антропологии Тюменского государственного университета. E-mail: krest_e_a@mail.ru

КРУЖАЛОВА Алёна Валерьевна – преподаватель кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии. E-mail: a.kruzhalova@mail.ru

КУРОВСКАЯ Лариса Валерьевна – канд. биол. наук, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории педагогических измерений и качества образования Томского государственного педагогического университета. E-mail: l_kurovskaya@mail.ru

ЛЫДИН Николай Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: Intel80486@yandex.ru

ЛЮБИЧАНКОВСКИЙ Сергей Валентинович – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: svlubich@yandex.ru

МАТУШКИН Павел Анатольевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии. E-mail: foxbox003@gmail.com

МЕТЕЛЬ Ольга Вадимовна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского. E-mail: olgametel@yandex.ru

МОЗГОВА Дарья Андреевна – младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории педагогических измерений и качества образования Томского государственного педагогического университета; эксперт отдела информационно-аналитической работы Томского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования. E-mail: mozgovadarya@bk.ru

ПЕТРОВ Алексей Александрович – д-р юрид. наук, советник при ректорате Байкальского государственного университета (г. Иркутск). E-mail: petrov-a-irk@mail.ru

ПОПОВ Григорий Германович – канд. экон. наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории актуальной истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва). E-mail: ggporov2009@mail.ru

РЫЧКОВ Александр Васильевич – канд. ист. наук, доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета. E-mail: alex-rychkov@mail.ru

САВОЙСКИЙ Александр Геннадьевич – канд. полит. наук, директор Центра устойчивого развития Института экономических стратегий Российской академии наук (г. Москва). E-mail: asavoysky@gmail.com

СЕМЕНОВА Наталия Альбертовна – канд. пед. наук, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории педагогических измерений и качества образования Томского государственного педагогического университета. E-mail: natalsem@rambler.ru

СТОЛЕТОВА Анна Сергеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета; доцент кафедры философии и истории Вологодской государственной молочнохозяйственной академии имени Н.В. Верещагина. E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru

СМУШКИН Александр Борисович – канд. юрид. наук, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии. E-mail: skif32@ya.ru

ФОМИЧЕВА Регина Владимировна – канд. юрид. наук, доцент кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии. E-mail: rv302009@mail.ru

ЦАРЁВ Роман Юрьевич – канд. филос. наук, доцент кафедры культурологии Курганского государственного университета. E-mail: romanogromani@mail.ru

ЧЕРНИКОВА Дарья Васильевна – канд. филос. наук, зам. директора НОЦ урбанистики и регионального развития Томского государственного университета. E-mail: chdv@mail.tsu.ru

ЧЕРНИКОВА Ирина Васильевна – д-р филос. наук, профессор кафедры. английской филологии Томского государственного университета. E-mail: chernic@mail.tsu.ru

ШЕЙКО Дарья Владимировна – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры культуры русской речи для технических специальностей Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь). E-mail: dashejko@yandex.ru

ЩЕРБАКОВА Лилия Геннадиевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии. E-mail: lilia2107@mail.ru

ЮАНЬ Владимир Лишиньевич – старший преподаватель кафедры уголовного процессуального права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Томск). E-mail: it-rigon@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2021. № 472. Ноябрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 29.11.2021 г. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 34,2. Усл. печ. л. 31,8. Тираж 50 экз.
Заказ № 4944. Цена свободная.

Дата выхода в свет 25.03.2022 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru